

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 г.

2008 Том 14

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 2

апрель – июнь

Учредитель
Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

- 5 Акаев О.П., Озерова Т.И., Артеменко В.Г., Акаева Т.К., Ямчук А.В., Соловьева А.И.
Фосфатирующие концентраты на основе продукта азотнокислотного разложения апатита
- 10 Козырев С.Б.
О неформальных фракталах
- 15 Сиротина М.В.
Особенности дерматоглифического полиморфизма носогубного зеркала дочерей разных быков-производителей крупного рогатого скота костромской породы
- 20 Соколова Т.Л.
Влияние физико-химических свойств почв на биоразнообразие и численность дождевых червей

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

- 22 Баранова Ю.А.
Педагогические аспекты влияния семейного уклада на воспитание будущих родителей на примере учреждений начального профессионального образования г. Вологды
- 25 Звонарёва О.В.
Стратегическое планирование подготовки менеджеров системы образования в России и странах Центральной, Восточной и Южной Европы
- 29 Кириллова И.В.
Определение результативности заданий коммуникативной направленности как средства социализации учащихся УСПО
- 33 Колесникова И.А.
Опыт воспитания исследователя на Костромской областной станции юных натуралистов
- 36 Колодкина О.О.
Проблема возникновения и развития психических способностей у животных в трудах В.А. Вагнера
- 39 Конкина Т.Ю.
Рисование на темы как одно из условий творческого развития будущих учителей начальных классов

- 44 **Копнина О.О.**
Педагогическая культура родителей детей с нарушениями слуха и стратегии семейного воспитания
 - 47 **Мелехова В.Е.**
Формирование нового типа личности студента в русле гуманистической концепции развития человека
 - 51 **Мисан Л.Н.**
Гражданское воспитание подростков средствами туристско-краеведческой деятельности в учреждении дополнительного образования детей
 - 57 **Моногарова И.И.**
Гимназическое образование как предпосылка формирования ценностных ориентиров и целостного развертывания творческой личности учащегося
 - 61 **Муртазин И.А.**
Интеграция технологий в работе учителя технологии
 - 64 **Саморукова Л.М.**
Проблемы реализации идеи личностно-ориентированного обучения в российской школе
 - 68 **Самусева Г.В.**
Становление личностного опыта школьников в контексте технологии педагогического сопровождения
 - 72 **Якушева О.Р.**
К вопросу о специфике эстрадного пения
 - 74 **Чекмарёв Г.В.**
Музыкант-исполнитель и слушатели: формирование и репрезентация смыслов жизнедеятельности (статья третья из цикла «Мир коммуникаций и ценностей»)
- ФИЛОЛОГИЯ**
- 82 **Анохина С.П.**
Социо-культурные коннотации перцептивных метафор в немецкой прессе
 - 86 **Басова Н.В.**
Концепция искусства в повести Г. Иванова «Распад атома»
 - 89 **Воронина Е.Н.**
Лексическая сеть предлога *of*
 - 90 **Гнатюк Е.В.**
Реализация признака глухость-звонкость согласных австралийского варианта английского языка в спонтанной речи
 - 96 **Гордиенко Т.Н.**
Частотность использования идиом, вербализующих концепт «успех», в английских и русских пьесах XX века и окказионализмы как одна из моделей функционирования идиом в драматических произведениях
 - 100 **Гудаченко Н.В.**
Особенности вербализации базовых для жанра басни концептов посредством глагольных фразеологических единиц и авторских афоризмов
 - 103 **Золинова Е.В.**
Присоединительно-уступительные конструкции в русском и английском языках (на материале публицистического стиля)
 - 106 **Иванова Н.М.**
«Слово» Н.С. Гумилева: поэтические и библейские смыслы
 - 110 **Ковалёва Е.В.**
Функции метафор и сравнений в современной русской прозе о войне (на примере романа А. Проханова «Идущие в ночи»)
 - 114 **Колтышева Е.Ю.**
Манипулятивное воздействие в современном рекламном тексте
 - 117 **Кустова Л.С.**
Функционирование прагматического компонента фразеологического значения в диалогической речи драматического произведения (на материале пьес А.Н. Островского)
 - 119 **Куцевич Ю.А.**
К вопросу о классификации «факторных» глаголов современного английского языка
 - 123 **Межибо Т.Г.**
Концепт в ряду основных форм отражения мира в мышлении
 - 127 **Мингазова Р.А.**
Проблема женского счастья в раннем творчестве Г. Ибрагимова
 - 130 **Мосесова К.Ю.**
К проблеме формирования информационного потока в «желтой» прессе
 - 133 **Никулина Т.Е.**
Ряд слов во главе с лексемой *студент* в реке времени
 - 136 **Смирнов А.В.**
Имя прилагательное в языковой картине мира английской народной сказки

- 139 Султанова Л.Ю.
Категория времени в кумыкском и английском языке: сравнительно-сопоставительный аспект
- 142 Тиботкина Н.А.
«Маскарадность» в лирике Саши Черного (или мотив «одинаковости», «близкости»)
- 145 Хабарова М.С.
Роль фразеологии в построении сюжета исторического романа (на материале романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом»)
- 147 Хаймурзина А.З.
Структурно-семантические особенности парцеллированных конструкций
- 150 Яковлева А.В.
Словообразовательные особенности слов, называющих лиц по профессии, в современном русском языке

ИСТОРИЯ

- 155 Блейх Н.О.
Роль российской науки в культурном освоении Северокавказского региона (XVIII век) (историографический аспект)
- 159 Брежнева С.Н.
Культура Мавераннахра в XVII–XVIII вв.
- 162 Дубовиков А.М.
Рыболовство как важнейший элемент традиционной культуры уральского казачества

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- 168 Чекмарёв В.В.
Деньги в современном мире (акторно-сетевой подход)
- 180 Масюк Н.Н., Проворов А.В., Бушуева М.А.
Подсистема экономической безопасности в системе управления предприятием

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

- 182 Арсеньев И.К.
Психологические предпосылки и механизмы эстетического и художественного восприятия
- 187 Иванова К.В.
Вопрос как средство фиксации проблемной ситуации
- 191 Калинина С.О.
Национальная идентичность и самоидентификация верхневолжских (тверских) карел в постсоветский период
- 196 Полетаева Ю.Г.
Метод нелинейной динамики и история: поиск решения проблемы

- 200 Февралева Л.А.
Методологический анализ моделей государственной политики в сфере свободы совести в постсоветской России

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- 205 Доберштейн В.Ю.
«Золотое сечение» в поэзии
- 206 Касторская Т.М.
Портретная галерея семьи купца С.Я. Яковлева (в русском искусстве сер. и второй половине XVIII века)
- 214 Королёва Е.А.
Литературно-художественные источники формирования экфрасиса в прерафаэлизме
- 218 Никитина Т.Л.
Русские монументальные росписи 1670–1680-х годов: костромской вариант
- 223 Омеляненко М.В.
Образ художника Ренессанса в книгах йенских романтиков
- 227 Павлова Ю.Б.
Мир в миниатюре: голландские кукольные домики XVII века
- 232 Тихомирова Е.Л.
Деревянная скульптура «Преподобный Макарий Унженский и Желтоводский» – уникальный памятник русской церковной резьбы рубежа XVII–XVIII столетий
- 236 Фатеева И.М.
В.В. Стасов и А.Н. Бенуа – интерпретаторы изобразительного искусства XIX века (сопоставление эстетических позиций)

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

- 241 Алексеева М.А.
Влияние инженерной графики на развитие творческих способностей студентов художественно-графического факультета
- 243 Базарова Т.И.
Интерпретация научных текстов на немецком языке студентами-филологами педагогических вузов с дополнительной специальностью «Иностранный язык»
- 247 Балашова И.В.
Применение электронных средств обучения – фактор эффективного развития познавательного интереса студентов
- 249 Бочкова Л.М.
Проблемы и перспективы улучшения качества образовательной деятельности на факультете физической культуры КГУ им. Н.А. Некрасова

- 252 **Милованов М.А.**
Адаптивная физическая культура
на факультете физической культуры КГУ
им. Н.А. Некрасова
- 253 **Стёпина Т.Л.**
Домашнее контрольное задание как один из
путей усиления профессиональной направ-
ленности обучения математике студентов
экономических специальностей вузов
- 255 **Чекмарёва Л.Г.**
Об издательской вузовской деятельности
- ЧТО. ГДЕ. КОГДА.**
- 263 **Белов А.М., Пушкарева И.М.**
Международная конференция историков
в Костромском государственном универси-
тете

- 267 **Захаров А.И., Луданова Т.В.**
IX Открытый фестиваль преподавателей и
студентов музыкальных факультетов вузов
России (с международным участием)
- 269 **Третьякова И.Ю.**
Конференция «Фразеологизм и слово
в национально-культурном дискурсе
(лингвистический и лингвометодический
аспекты)», посвящённая юбилею доктора
филологических наук, профессора Алины
Михайловны Мелерович
- 271 **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**
- 274 **ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ**

«Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова» отражает основные результаты научной, педагогической, методической и воспитательной деятельности коллектива университета, а также публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Журнал включен в Перечень периодических научных и научно-технических изданий, рекомендуемых ВАК РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Редколлегия журнала приглашает авторов для публикации работ в **основном выпуске** (4 номера в год) и следующих сериях:

Экономические науки: «Проблемы новой политической экономики» (4 номера в год);

Культурология: «Энтелехия» (2 номера в год);

Исторические науки: «Волжский рубеж» (2 номера в год);

Технические

и естественные науки: «Системный анализ. Теория и практика» (2 номера в год);

«Квалиметрия образования и науки» (2 номера в год);

Гуманитарные науки: «Педагогика. Психология. Социальная работа.
Ювенология. Социокинетика» (2 номера в год);

Философские науки: «Вопросы системогенетики» (2 номера в год).

Редколлегия журнала «Экономика образования» приглашает авторов для публикации работ. Журнал включен в Перечень периодических научных и научно-технических изданий, рекомендуемых ВАК РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по экономике, педагогике и психологии. Периодичность выхода – 4 номера в год.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

О.П. Акаев, Т.И. Озерова, В.Г. Артеменко,
Т.К. Акаева, А.В. Ямчук, А.И. Соловьева

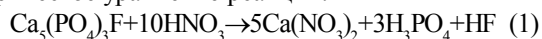
ФОСФАТИРУЮЩИЕ КОНЦЕНТРАТЫ НА ОСНОВЕ ПРОДУКТА АЗОТНОКИСЛОТНОГО РАЗЛОЖЕНИЯ АПАТИТА

Фосфатирующие концентраты предназначены для защиты изделий из черных и цветных металлов от коррозии. Фосфатирование представляет собой процесс обработки металлических изделий растворами фосфорнокислых солей с образованием на поверхности защитной солевой плёнки из нерастворимых фосфатов. Фосфатные плёнки химически связаны с металлом и состоят из сросшихся между собой мельчайших кристаллов, разделённых порами ультрамикроскопических размеров. Они образуют высокоразвитую шероховатую поверхность и обладают рядом ценных технических свойств. Специфические физико-химические, хемосорбционные и адгезионные свойства поверхности обуславливают высокую способность адсорбировать и впитывать наносимые на неё в жидком виде лаки, краски, масла, смазки и различные пропитывающие составы, которые проникают в межкристаллическое пространство, капилляры плёнки и закрепляются в них. Вследствие этого существенно повышаются защитные свойства как плёнки, так и наносимых на неё покрытий [1–4].

Производимые на заводе фосфатирующие концентраты имеют приблизительно следующий состав: 2,9–30% HNO_3 (100%); 8–42% H_3PO_4 (100%); 2,2–20,0% Zn^{2+} , 1,3–6,0% Ca^{2+} , плотности растворов находятся в пределах от 1,40 до 1,55 г/см³.

Актуальность работы заключается в разработке состава эффективного, экономически целесообразного фосфатирующего концентрата, используя для этого недорогое сырьё – вымороженную азотнокислотную вытяжку и сульфат цинка.

Разложение апатитового концентрата азотной кислотой является сложным процессом, в результате которого образуется азотнокислотная вытяжка (АКВ), содержащая фосфорную кислоту, нитрат кальция и азотную кислоту, которая вводится в реакцию с избытком [5]. Основное стехиометрическое уравнение реакции:

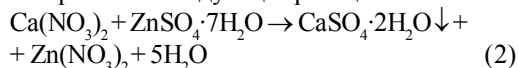

Для уменьшения содержания в конечном продукте нитрата кальция проводят вымораживание раствора. Цель данной работы состоит в изучении возможности получения фосфатирующих концентратов, используя в качестве основного сырья вымороженную азотнокислотную вытяжку (ВАКВ) и сульфат цинка. Основными этапами эксперимента являются:

- комплексный анализ вымороженной азотнокислотной вытяжки;
- модифицирование вымороженной азотнокислотной вытяжки солью $\text{ZnSO}_4 \cdot 7\text{H}_2\text{O}$, анализ химического состава полученных растворов;
- фосфатирование пластинок стали Ст. 3 в полученных растворах и испытание коррозионной стойкости полученных фосфатных плёнок.

Вымороженная азотнокислотная вытяжка плотностью 1,48 г/см³ имела следующий химический состав: 22,3% P_2O_5 , 11,55% HNO_3 и 3,09% CaO . Общее содержание фосфатов в растворе определяли дифференциальным фотометрическим методом [6], концентрацию азотной и фосфорной кислот – титрованием с двумя индикаторами (метилловым оранжевым и фенолфталеином) [6], содержание оксида кальция – перманганатометрическим методом [6], цинка – титрованием раствором трилона Б в уксуснокислой среде (pH=5) в присутствии индикатора ксиленолового оранжевого [6].

При внесении в исходный раствор сульфата цинка протекает следующая реакция:

К определённому объёму ВАКВ добавляли от 0,5 до 8% соли сульфата цинка, выпавший осадок сульфата кальция отделяли через фильтр «синяя лента», а фильтрат в дальнейшем использовали в качестве фосфатирующих концентратов, предварительно определив их состав на содержание кальция, цинка, азотной и фосфорной кислот.

Результаты анализа показывают, что концентрация ионов цинка незначительно отличается от

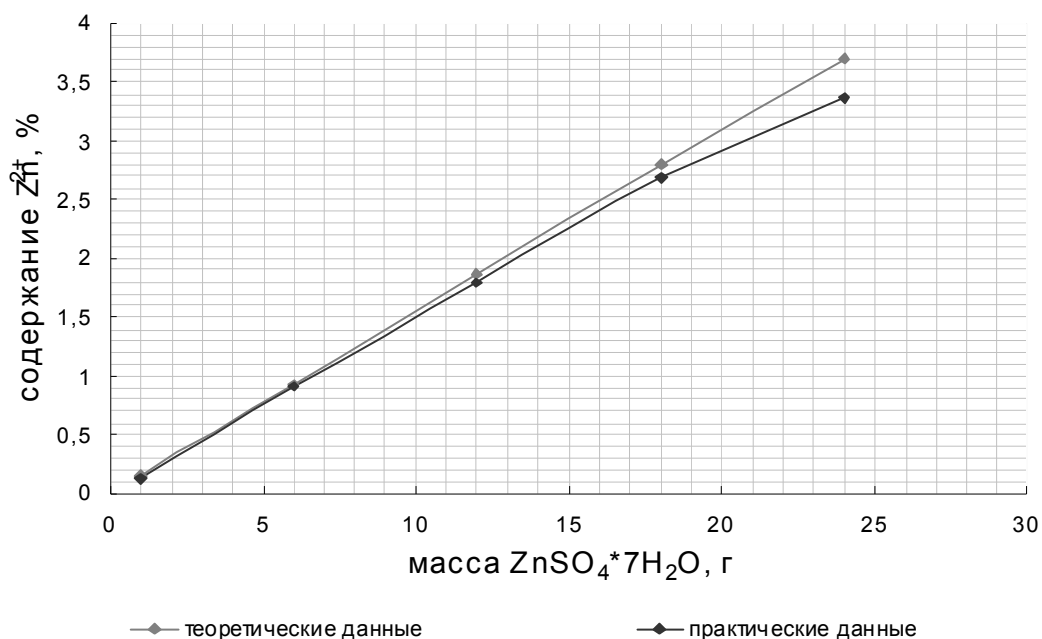

Рис. 1. Зависимость содержания ионов цинка в растворе от массы сульфата цинка

расчетной (рис. 1). Это можно объяснить тем, что на поверхности кристаллов сульфата цинка осажается образовавшийся в результате реакции нерастворимый сульфат кальция и препятствует его растворению.

Результаты исследований показали, что при увеличении концентрации сульфата цинка уменьшается содержание Ca^{2+} (в пересчете на CaO)

с 3,09 до 1,33%, что можно объяснить совместным выпадением сульфата и ортофосфата кальция (рис. 2). Об этом свидетельствует и резкое снижение концентрации H_3PO_4 (рис. 3).

Таким образом, в состав полученных концентратов входят фосфорная и азотная кислоты, соединения кальция и цинка (преимущественно нитраты и дигидрофосфаты) [7–8].

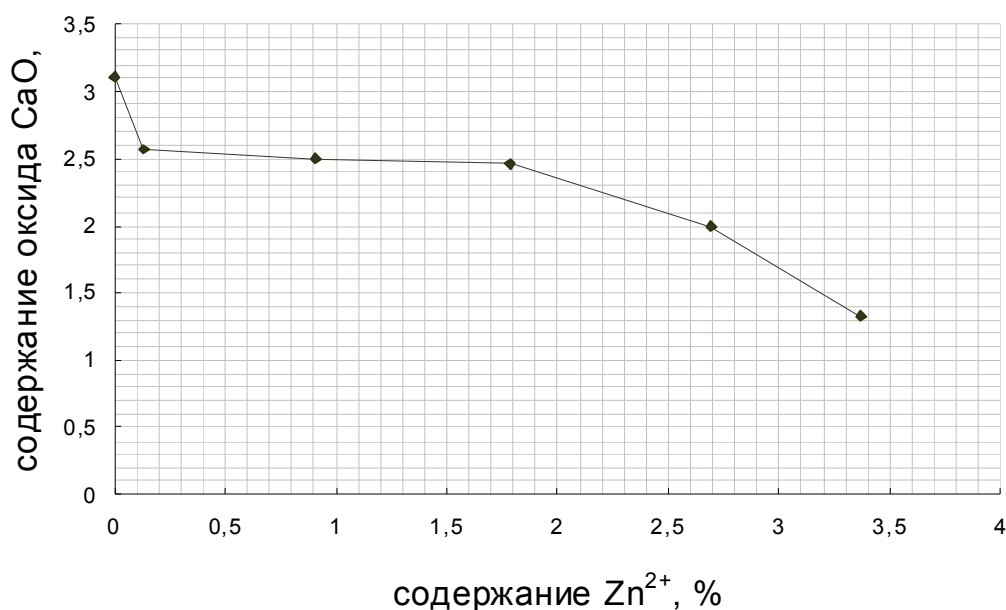

Рис. 2. Зависимость содержания оксида кальция от содержания цинка в концентрате

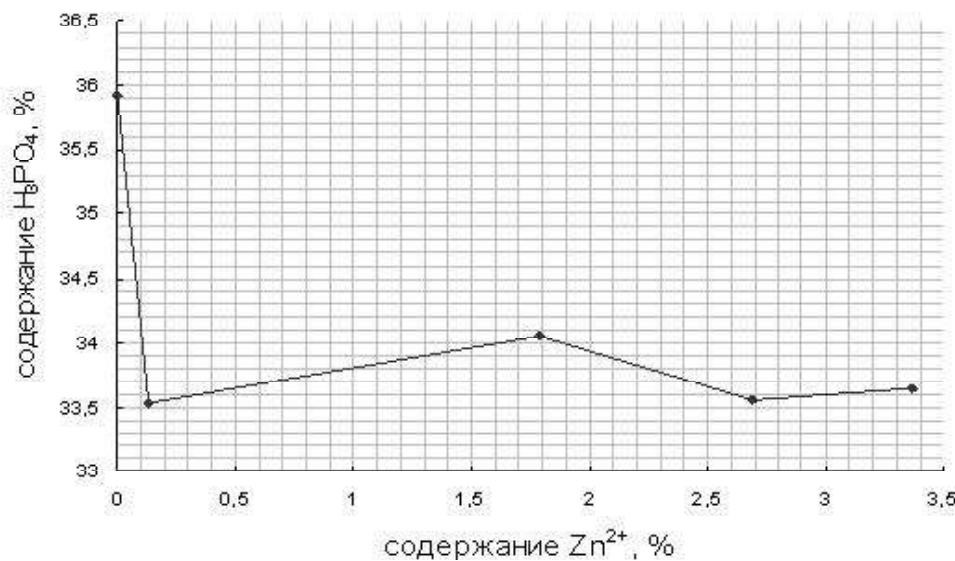

Рис. 3. Зависимость содержания фосфорной кислоты от содержания цинка в концентрате

Исследование процесса фосфатирования проводили на стальных пластинках Ст.3 в растворах следующих составов:

- №1: 1,79% Zn^{2+} , 2,46% CaO, 13,11% HNO_3 и 33,77% H_3PO_4 ;
- №2: 2,69% Zn^{2+} , 2,0% CaO, 12,77% HNO_3 и 33,14% H_3PO_4 ;

– №3: 3,37% Zn^{2+} , 1,33% CaO, 12,77% HNO_3 и 33,14% H_3PO_4 .

При фосфатировании пластин в растворах протекали следующие основные реакции:

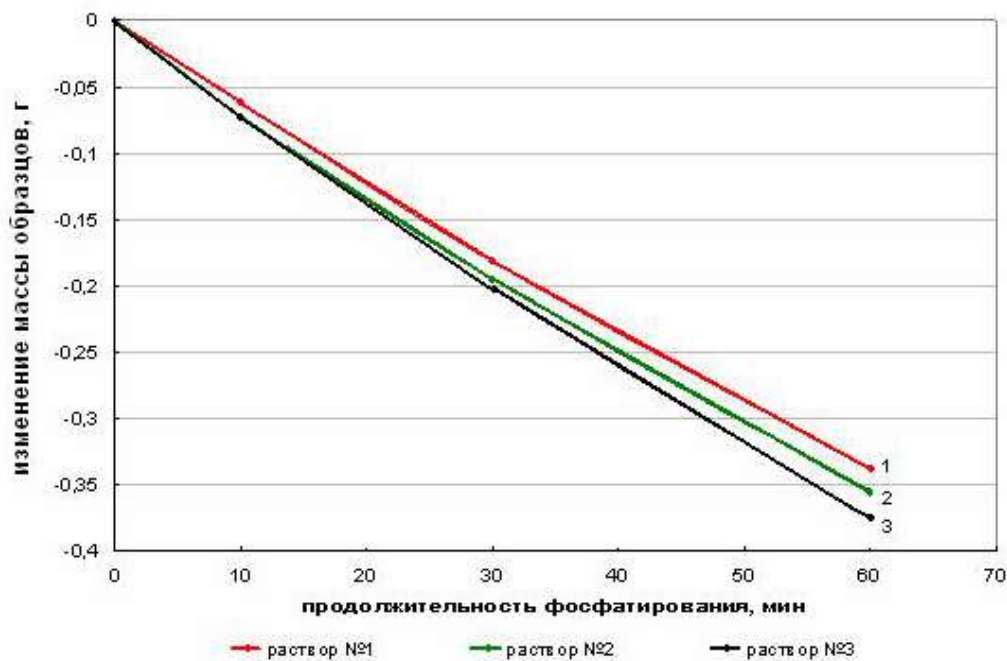
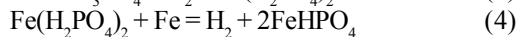
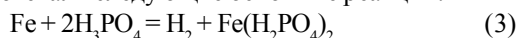

Рис. 4. Изменение массы пластинок стали Ст. 3 после фосфатирования

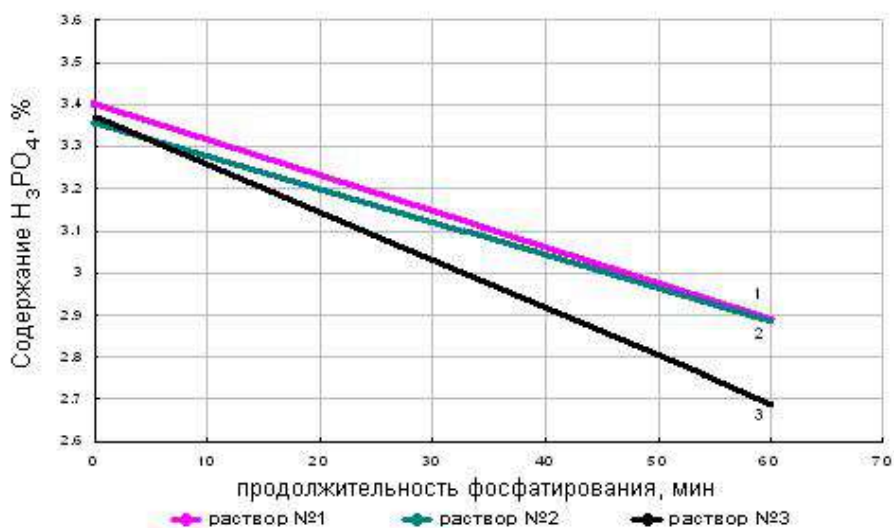
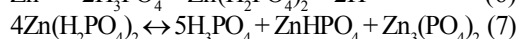
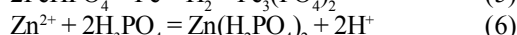
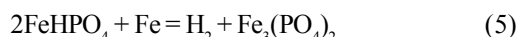

Рис. 5. Изменение содержания фосфорной кислоты в растворах в зависимости от продолжительности фосфатирования

По истечении часа пластины вынимали из растворов, промывали дистиллированной водой, сушили и взвешивали. Во всех случаях происходило снижение массы опытных пластин. Наибольшая потеря массы пластины стали Ст. 3 наблюдалась при фосфатировании в растворе №3, а наименьшая – в растворе №1 (рис. 4).

На рисунке 5 приведена зависимость концентрации фосфорной кислоты в оставшихся после

фосфатирования растворах от времени. Из рисунка 5 видно, что содержание фосфорной кислоты значительно уменьшилось: в растворе №1 с 3,40 до 2,89%, в растворе №2 – с 3,36 до 2,89%, в растворе №3 – с 3,37 до 2,69%, что ещё раз свидетельствует об образовании на поверхности пластинок стали Ст. 3 защитных фосфатных плёнок.

Определение массы полученных фосфатных плёнок провели погружением их на 10–20 минут в 5% раствор гидроксида натрия при 80–100° С с последующим взвешиванием. Масса плёнок на пластинках для растворов №1–3 имела значения

Таблица 1

**Классификация фосфатных плёнок по значению их массы
(по данным британского стандарта 3189-1959)**

Класс плёнок	Обозначение плёнок по массе	Масса плёнок, г/м ²		Катион фосфатов, составляющих плёнку	Назначение плёнок
		минимальная	максимальная		
A1	Тяжёлые	7,7	–	Mn ²⁺ и Fe ²⁺	Для максимальной защиты от коррозии и при окончательной обработке промасливанием.
A2	Тяжелые	7,7	–	Zn ²⁺	Когда требуется хорошая защита от коррозии путем ускоренного фосфатирования.
B	Средняя масса	4,3	–	Zn ²⁺ или др.	Под окраску и промасливание. Для менее жестких условий эксплуатации, чем плёнки классов A1 и A2.
C	Легкие	1,0	4,3	Zn ²⁺ или др.	Для изделий из тонкого стального листа перед окраской.
D	Очень лёгкие (аморфные)	0,32	1,0	Fe ²⁺	Под окраску изделий, эксплуатирующихся в легких условиях – мебель, игрушки, холодильники.

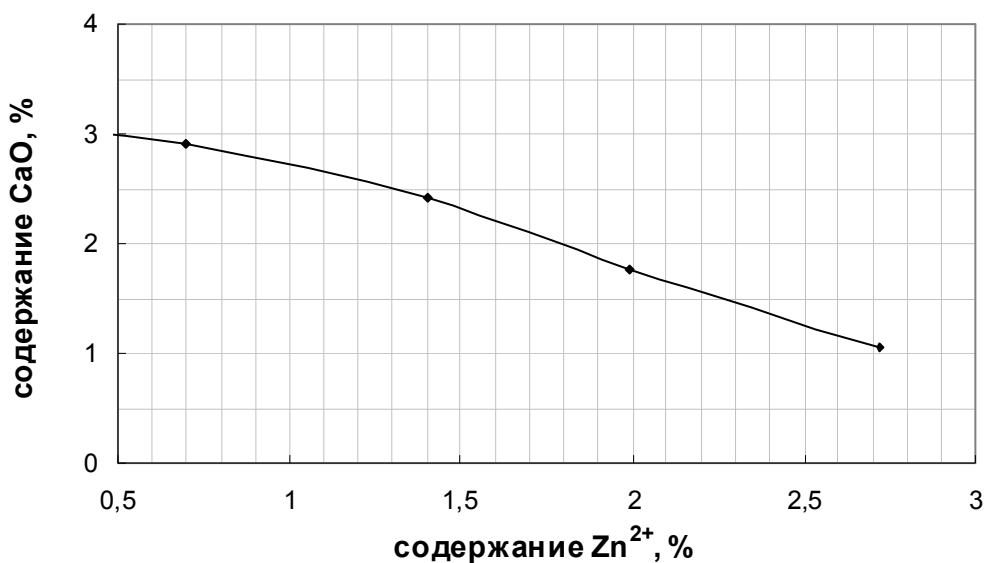

Рис. 6. Зависимость содержания оксида кальция от содержания цинка в концентрате

1,1; 1,0 и 0,9 г/м², следовательно, используя классификацию британского стандарта (табл. 1), фосфатную пленку можно отнести к классу С [10].

Проверку коррозионной стойкости пленки проводили действием на нее раствора следующего состава: 40 мл 0,8н раствора сульфата меди, 1,5 мл 0,1н раствора соляной кислоты и 20 мл 10% раствора хлорида натрия. По секундомеру отмечали время изменения цвета пластинки (покраснение вследствие выпадения меди) и стойкость фосфатных покрытий оценивали следующим образом: от 2 до 5 мин – средняя стойкость, 5 мин и более – высокая стойкость. В нашем эксперименте покраснение под каплей началось через 3 мин. 20 сек. Это свидетельствует о том, что полученная пленка, сформированная на пластинке стали Ст. 3 из раствора №1, имеет среднюю стойкость [10–11].

Исходя из экспериментальных данных, можно сделать вывод, что раствор для фосфатирования №1 может быть использован при получении фосфатных пленок средней коррозионной стойкости класса С на изделиях из тонкого стального листа перед окраской.

Параллельно провели аналогичные испытания, только сульфат цинка вводили в тех же концентрациях в виде насыщенного раствора, а не в виде сухой соли. Как и в первом случае с увеличением концентрации цинка в растворе наблюдалось уменьшение концентрации СаО. При введении в ВАКВ раствора сульфата цинка содержание кальция уменьшилось с 3,09 до 1,00% (рис. 6),

что значительно ниже, чем при использовании сухой соли (рис. 2).

Таким образом, результаты эксперимента позволяют утверждать, что для большего удаления нитрата кальция из раствора ВАКВ лучше использовать водный раствор сульфата цинка.

Подводя итоги данной работы, можно сделать следующие выводы:

- вымороженная азотнокислотная вытяжка содержит в своём составе фосфорную и азотную кислоты, кальций и др., т.е. основные компоненты, входящие в состав известных фосфоconцентратов;
- при модифицировании ВАКВ сульфатом цинка получили концентраты, оказывающие фосфатирующее действие на пластинки стали Ст. 3;
- наибольшую массу имеет защитная пленка, образованная на поверхности пластинки стали Ст. 3 после фосфатирования модифицированным сульфатом цинка раствором ВАКВ состава 1,79% Zn^{2+} , 2,46% СаО, 13,56% HNO_3 , 33,77% H_3PO_4 , разбавленным в 10 раз;
- испытание коррозионной стойкости фосфатной пленки при комнатной температуре показало, что она относится к классу С и обладает средней стойкостью;

Следовательно, полученные фосфатирующие концентраты из модифицированной сульфатом цинка вымороженной азотнокислотной вытяжки можно использовать для получения цинкофосфатных пленок на изделиях из тонкого стального листа перед окраской.

Библиографический список

1. Бойцова Т.К., Кузнецов Э.А. Универсальный раствор фосфатирования // Машиностроитель. – 1996. – №2. – С. 13–15.
2. Чумаевский В.А., Краснова Т.М. Активаторы в процессе фосфатирования металлов // Химическая промышленность. – 1990. – №6. – С. 18–19.
3. Шварценбах Г., Флашка Г. Комплексонометрическое титрование. – М.: Химия, 1970. – 316 с.
4. Ямпольский А.М. Технология оксидирования и фосфатирования металлов. – Л.: Лениздат, 1960. – 240 с.
5. Акаев О.П., Ненайденко Г.Н. Минеральные подкислители среды в интенсивном овощевод-

стве. – Кострома; Иваново, 2004. – 315 с.

6. Позин М.Е. и др. Руководство к практическим занятиям по технологии неорганических веществ. – Л.: Химия, 1979. – 194 с.
7. Лайнер В.И. Защитные покрытия металлов. – М., 1974. – 246 с.
8. Хаин И.И. Теория и практика фосфатирования металлов. – Л.: Химия, 1973. – 402 с.
9. Ямпольский А.М. Контроль качества защитных покрытий. – М.: Машиностроение, 1966. – 232 с.
10. Практикум по общей химической технологии / Под ред. И.П. Мухленова. – М., 1967. – 180 с.
11. Rausch W. Phosphatierung von Metallen. – BDR: Salgan, 1974.

С.Б. Козырев

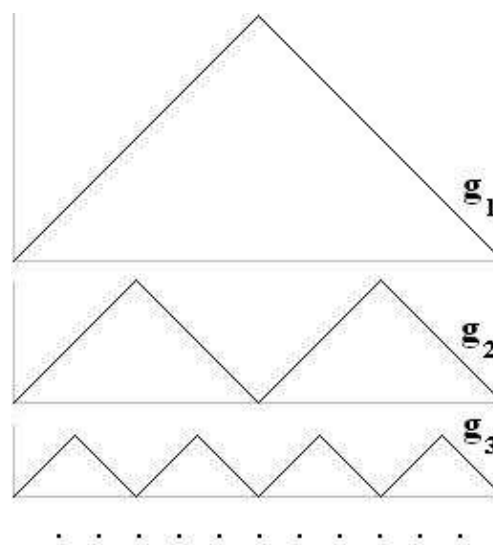
О НЕФОРМАЛЬНЫХ ФРАКТАЛАХ

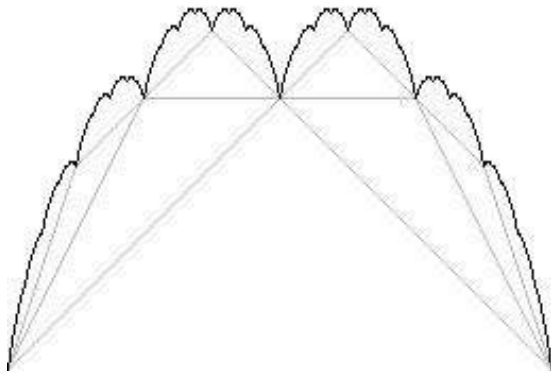
В данной статье рассматриваются две классические функции – функция Ван дер Вардена и канторова лестница. Показывается, что хотя их графики формально не являются фракталами в смысле определения Мандельброта, тем не менее имеются веские основания считать их таковыми.

В своем известном эссе [3] Б.Мандельброт ввел понятие и дал определение фрактальных множеств. Согласно ему фракталом считается любое множество, у которого его фрактальная размерность выше топологической. Это определение названо рабочим, то есть носящим предварительный, ориентировочный характер. Существуют множества, которые по своему устройству и свойствам фрактальны, но формально не считаются таковыми вследствие того, что не удовлетворяют определению Мандельброта. Одним из таких множеств является классическая нигде недифференцируемая функция Ван дер Вардена, точнее, ее график.

Пример Ван дер Вардена особенно интересен для студентов как один из самых простых способов построения непрерывной нигде недифференцируемой функции со сравнительно несложным доказательством ее недифференцируемости. В то же время доказательство того, что фрактальная размерность ее графика равна единице, найти трудно. Так, например, Фальконер [6] в отдельной главе рассматривает метод построения функций типа Ван дер Вардена, но усложняет его таким образом, чтобы графики получающихся

функций имели фрактальную размерность строго больше их топологической размерности. О самой же функции Ван дер Вардена не говорится ни слова. Причина этого, видимо, в том, что функция Ван дер Вардена формально не является фракталом. Поэтому в данной статье мы приве-

Рис. 1. Функции $g_n(x)$

Рис. 2. Функции $V(x)$ и $V_n(x)$

дем простое доказательство того, что фрактальная размерность графика функции Ван дер Вардена равна единице.

Построим теперь функцию Ван дер Вардена и докажем ряд ее свойств.

Определим на отрезке $[0, 1]$ функцию $g_1(x) = \frac{1}{2} - \left| x - \frac{1}{2} \right|$ и затем продолжим ее на всю числовую ось периодическим образом с периодом 1. Далее для $n > 1$ положим (см. рис. 1)

$$g_n(x) = \frac{g_{n-1}(2x)}{2}. \quad (*)$$

Функция Ван дер Вардена $V(x)$ задается на отрезке $[0, 1]$ суммой ряда $V(x) = \sum_{n=1}^{\infty} g_n(x)$. Частичные суммы ряда будем обозначать

$$V_n(x) = \sum_{k=1}^n g_k(x) \quad (\text{см. рис. 2}).$$

Предложение 1. Функция $V(x)$ удовлетворяет неравенству $0 \leq V(x) \leq 1$.

Доказательство. Так как $g_1(x) \leq 1/2$, то в силу (*) имеем

$$g_n(x) = 2^{-n+1} g_1(2^{n-1}x) \leq 2^{-n}.$$

Отсюда легко следует требуемое неравенство.

Предложение 2. Для любого натурального n справедливо неравенство

$$0 \leq V(x) - V_n(x) \leq 2^{-n}.$$

Доказательство. Из (*) и предложения 1 немедленно получаем

$$\begin{aligned} V(x) - V_n(x) &= \sum_{k=n+1}^{\infty} g_k(x) = \sum_{k=1}^{\infty} 2^{-n} g_k(2^n x) = \\ &= 2^{-n} V(2^n x) \leq 2^{-n}. \end{aligned}$$

Предложение 3. На каждом отрезке

$$J_m = \left[\frac{m}{2^n}, \frac{m+1}{2^n} \right] \quad \text{при } 0 \leq m \leq 2^n - 1$$

функция V_n линейна и ее производная $|V_n'| \leq n$ во внутренних точках J_m .

Доказательство. Утверждение предложения очевидно, так как все функции g_k при $1 \leq k \leq n$ линейны на J_m и их производные $|g_k'| = 1$ во внутренних точках J_m .

Среди различных видов фрактальной размерности основной является размерность Хаусдорфа как наиболее адекватно отражающая основное геометрическое свойство фракталов. Именно она используется в определении фракталов. Однако прямое вычисление размерности Хаусдорфа конкретного множества очень часто связано со значительными техническими трудностями. Поэтому хаусдорфову размерность графика функции V мы определим косвенным путем – с помощью размерности Минковского.

Напомним определение размерности Минковского. Пусть имеется некоторое метрическое ограниченное пространство X . Любой набор δ -шаров, объединение которых целиком покрывает некоторое множество $G \subseteq X$, назовем шаровым δ -покрытием множества G . Минимально необходимое число δ -шаров, которые смогли бы покрыть G , обозначим $n_\delta(G)$.

Определение 1. Размерностью множества G по Минковскому называется число $\dim_M G$, равное пределу отношения порядка роста числа $n_\delta(G)$ к порядку роста величины $1/\delta$ при убывании δ к нулю, то есть

$$\dim_M G = \lim_{\delta \rightarrow 0} \log_{1/\delta} n_\delta(G) = \lim_{\delta \rightarrow 0} \frac{\ln n_\delta(G)}{-\ln \delta}.$$

Определение размерности Хаусдорфа $\dim_H G$ мы здесь не приводим. Читатель может его найти, например, в [3–5]. Можно также порекомендовать статью [1], в которой приводятся определения размерности Минковского, Хаусдорфа, а также топологической размерности, рассматривается их геометрический смысл и взаимоотношение друг с другом на ряде конкретных примеров, доказывается ряд основополагающих фактов. Кроме того, статья содержит несложные упражнения по данной тематике.

Нам потребуются следующие два свойства размерности Хаусдорфа.

Свойство 1. Для любого множества G справедливо неравенство $\dim_H V \leq \dim_M V$, если только размерность $\dim_M G$ существует.

Свойство 2. Если G – подмножество евклидова пространства \mathbf{R}^n , а $pr(G)$ – его проекция на некоторое евклидово подпространство, то $\dim_H pr(G) \leq \dim_H G$.

Доказательства этих свойств несложны, их можно найти в [6]. Докажем теперь следующую теорему.

Теорема 1. Фрактальная размерность графика функции V равна единице, то есть $\dim_M V = \dim_H V = 1$.

Доказательство. В силу предложения 3 на каждом участке J_m график функции V_n можно покрыть n квадратами такими, что их стороны параллельны осям координат, длины сторон равны 2^{-n} , проекции на ось абсцисс совпадают с J_m , а объединение их проекций на ось ординат связано (см. рис. 3 при $n=5$). Добавим к этому покрытию из n квадратов еще один квадрат того же размера сверху (на рис. 3 такие квадраты выделены более темным цветом). Тогда все $n+1$ квадратиков покроют график функции V на участке J_m в силу предложения 2. Таким образом, достаточно $2^n(n+1)$ квадратиков с длиной сторон 2^{-n} , чтобы покрыть график функции V весь целиком. Так как каждый такой квадратик можно покрыть шаром радиуса 2^{-n} , то $n_\delta(V) \leq 2^n(n+1)$ при $\delta = 2^{-n}$. Устремляя n к бесконечности, получаем

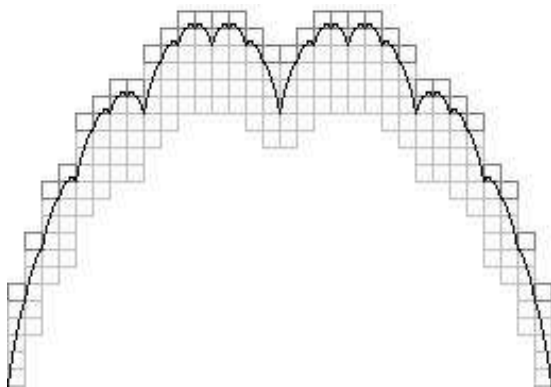

Рис. 3. Функция $V(x)$ и ее покрытие квадратами размера 2^{-5}

$$\begin{aligned} \dim_M V &= \lim_{\delta \rightarrow 0} \frac{\ln n_\delta(V)}{-\ln \delta} \leq \lim_{n \rightarrow \infty} \frac{\ln(2^n \cdot (n+1))}{\ln 2^n} = \\ &= \lim_{n \rightarrow \infty} \frac{n \ln 2 + \ln(n+1)}{n \ln 2} = 1 + \lim_{n \rightarrow \infty} \frac{\log_2(n+1)}{n} = 1. \end{aligned}$$

Итак, мы получили оценку размерности сверху $\dim_M V \leq 1$. Оценка снизу получается из свойств 1 и 2:

$$\dim_M V \geq \dim_H V \geq \dim_H [0,1] = 1.$$

Теорема доказана.

Итак, график кривой Ван дер Вардена имеет фрактальную размерность, равную топологической, то есть не удовлетворяет мандельбровскому определению фрактала. Однако Мандельброт особо подчеркивал [3], что понятие фрактала сложное и трудноформализуемое. И если было бы возможно, он предпочел вообще обойтись без конкретного определения. Но так как невозможно развивать математическую теорию фракталов без точного математического определения этого понятия, то в качестве такового он указал свойство преобладания хаусдорфовой размерности над топологической. Действительно это свойство для фракталов наиболее характерно и, как правило, выполняется. Однако выполняется оно не для всех фракталов. Поэтому его следует рассматривать лишь как ориентир, а не как критерий фрактальности. В качестве примера, не подчиняющегося общему правилу, Мандельброт привел график функции, называемой канторовой лестницей. Ниже мы рассмотрим эту функцию.

Сходную точку зрения на определение фракталов высказывает и Фалькoner [6]. По его мнению определение фрактала должно быть гибким, в виде набора признаков, как правило, присущих фракталам. Подобно тому, как у биологов понятие «жизнь» не имеет точного определения, а описывается набором признаков, как правило, присущих живым объектам: способность к размножению, к передвижению, способность существовать в некотором смысле независимо от окружающей среды и пр. В качестве такого набора Фалькoner предложил следующие пять признаков фрактальности объекта F :

- 1) F имеет тонкую структуру, то есть у него встречаются детали произвольно малых размеров;
- 2) F слишком иррегулярен, чтобы его можно было описать традиционными средствами геометрии как локально, так и глобально;

3) часто F обладает некоторой формой самоподобия хотя бы аппроксимативной или статистической;

4) обычно фрактальная размерность F (определенная каким-либо способом) выше его топологической размерности;

5) в большинстве случаев, представляющих интерес, F определяется простым, возможно, рекурсивным способом.

Заметим, что из перечисленных признаков только четвертый является количественным, остальные признаки носят описательный, качественный характер.

Какими же из признаков обладает график функции Ван дер Вардена? Очевидно, что он обладает признаками 1), 2) и 5). Чтобы убедиться в наличии признака 3), рассмотрим функцию V на отрезке $\left[\frac{1}{4}, \frac{1}{2}\right]$:

$$\begin{aligned} V(x) &= g_1(x) + g_2(x) + \sum_{n=3}^{\infty} g_n(x) = \frac{1}{2} + \sum_{n=3}^{\infty} g_n\left(x - \frac{1}{4}\right) = \\ &= \frac{1}{2} + \frac{1}{4} \sum_{n=1}^{\infty} g_n(4x-1) = \frac{1}{2} + \frac{V(4x-1)}{4}. \end{aligned}$$

То есть, фрагмент графика функции на этом отрезке можно получить с помощью уменьшения всего графика функции на отрезке $[0, 1]$ в 4 раза и параллельного переноса на вектор $\left(\frac{1}{4}, \frac{1}{2}\right)$.

Таким образом, график функции V не удовлетворяет лишь признаку 4).

Рассмотрим теперь пример неформального фрактала, упомянутый Мандельбротом. Канторова лестница $K(x)$ строится на отрезке $[0, 1]$ следующим образом (см. [2]). Сначала положим $K(0)=0$ и $K(1)=1$. Далее будем расширять область определения $K(x)$ по шагам. Назовем интервал $(0, 1)$ смежным интервалом нулевого ранга. На первом шаге разделим его на три равные части

и на средней части, то есть на отрезке $\left[\frac{1}{3}, \frac{2}{3}\right]$ по-

ложим $K(x)$ равной $\frac{1}{2}$. Интервалы $\left(0, \frac{1}{3}\right)$ и $\left(\frac{2}{3}, 1\right)$ назовем смежными интервалами первого ранга. На втором шаге возьмем оба смежных интервала первого ранга, разделим на три равные части и на средних третях определим K : положим $K(x)$

равной $\frac{1}{4}$ на отрезке $\left[\frac{1}{9}, \frac{2}{9}\right]$ и $\frac{3}{4}$ на отрезке

$\left[\frac{7}{9}, \frac{8}{9}\right]$. Оставшиеся интервалы $\left(0, \frac{1}{9}\right)$, $\left(\frac{2}{9}, \frac{1}{3}\right)$,

$\left(\frac{2}{3}, \frac{7}{9}\right)$ и $\left(\frac{8}{9}, 1\right)$ назовем смежными интервалами второго ранга.

Будем продолжать этот процесс дальше. То есть, на n -м шаге возьмем каждый смежный интервал $(n-1)$ -го ранга, разделим его на три равные части и на средней части, включая ее конечные точки, положим функцию $K(x)$ постоянной и равной среднему ее значений на концах этого интервала. Оставшиеся две части назовем смежными интервалами n -го ранга. Заметим, что после n -го шага $K(x)$ будет неубывающей ступенчатой функцией (см. рис. 4). Ее график будет включать в себя $2^n - 1$ ступеньку, на которых вместе с точками 0 и 1

функция последовательно принимает значения $\frac{k}{2^n}$

при $k = 0, 1, \dots, 2^n$. При этом смежных интервалов будет 2^n , каждый из них имеет длину 3^{-n} и разность значений $K(x)$ на его концах равна 2^{-n} .

Применив пошаговый процесс определения бесконечное число раз, мы определим $K(x)$ во всех точках, за исключением нигде неплотного на отрезке $[0, 1]$ множества. (Это так называемые точки второго рода канторовского множества.) На нем доопределим функцию по непрерывности. То есть, если в точке x^* функция K еще не определена и (a_n, b_n) — смежный интервал n -го

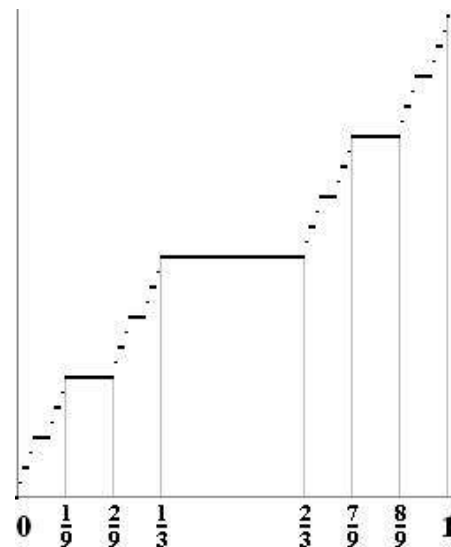

Рис. 4. Канторова лестница после n шагов определения

ранга, содержащий x^* , то положим $K(x^*) = \lim_{n \rightarrow \infty} K(a_n) = \lim_{n \rightarrow \infty} K(b_n)$. Это определение корректно, так как последовательность $K(a_n)$ не убывает, последовательность $K(b_n)$ не возрастает и $K(b_n) - K(a_n) = 2^{-n} \rightarrow 0$ при $n \rightarrow \infty$.

Итак, мы построили функцию канторова лестница. Она непрерывна и монотонна. Почти весь ее график состоит из ступенек. Поэтому канторова лестница почти всюду дифференцируема и ее производная равна нулю. Такие функции называются сингулярными. Более или менее очевидно, что канторова лестница обладает признаками фрактальности 1)–3) и 5), а признаком 4) – нет. Как видим, набор выполняющихся признаков тот же самый, что и у кривой Ван дер Вардена. Но есть и отличие. У кривой Ван дер Вардена признак 4) все же имеется в зародыше: отношение числа $n_\delta(V)$ к величине $1/\delta$, видимо, растет неограниченно, хотя скорость этого роста имеет тот же порядок, что и $1/\delta$. У канторовой лестницы отношение $n_\delta(K)$ к $1/\delta$ вообще ограничено, так как ее график спрямляем, то есть имеет конечную длину. Это едва ли не единственный классический фрактал с таким свойством. Но почему же тогда Мандельброт предлагает считать канторову лестницу фракталом? Сам он пишет [3], что склонен причислить ее график к фракталам на том основании, что в нем встречаются детали произвольно малых масштабов.

Рассмотрение исключительных фракталов подводит нас к основному выводу. Выполнение фрактального признака 4) влечет выполнение и всех остальных фрактальных признаков или, по крайней мере, их большинства. Поэтому его целесообразно рассматривать в качестве основного признака фрактальности. Однако основная суть фрактальности объекта заключается не в дробности его размерности и не в его размерности вообще, а в наличии у него частей в чем-то подобных друг другу с как угодно малыми коэффициентами подобия.

В заключение предлагаем ряд упражнений, которые можно предложить студентам для самостоятельной работы.

1. Покажите, что максимум функции V равен в точности $2/3$.

2. Докажите, что во всех точках вида $x_0 = \frac{k}{2^n}$ при $k = 1, \dots, 2^n - 1$ функция V не дифференцируема и, более того, ее односторонние дифференциальные пределы равны:

ма и, более того, ее односторонние дифференциальные пределы равны:

$$\lim_{x \rightarrow x_0 - 0} \frac{V(x) - V(x_0)}{x - x_0} = -\infty, \quad \lim_{x \rightarrow x_0 + 0} \frac{V(x) - V(x_0)}{x - x_0} = +\infty. (**)$$

3. Покажите, что канторова лестница дифференцируема почти всюду, то есть, что сумма длин интервалов, на которых она постоянна, равна длине отрезка $[0, 1]$. Выясните, чему равны для канторовой лестницы дифференциальные пределы, аналогичные (**), в тех точках, где она не дифференцируема.

4. Покажите, что хотя канторова лестница непрерывна и почти всюду дифференцируема, интегральная формула Ньютона–Лейбница для нее не выполняется.

5. Сожмем график канторовой лестницы по абсциссе в 3 раза, а по ординате – в 2 раза. Покажите, что получившееся множество точек совпадает с частью исходного графика.

6. Докажите, что размерность графика канторовой лестницы по Минковскому равна 1.

7. Покажите, что график канторовой лестницы является спрямляемой кривой. Найдите ее длину.

8. Придумайте пример, другой функции со спрямляемым и фрактальным графиком, которая при этом не была бы сингулярной, то есть не имела почти всюду нулевой производной.

9. Придумайте непрерывную на отрезке $[0, 1]$ фрактальную функцию такую, чтобы она была равна 0 и 1 в концах отрезка, а ее график имел бы длину меньшую, чем у графика канторовой лестницы. Какой могла бы быть эта длина?

Библиографический список

1. Козырев С.Б., Секованов В.С. Приложение 4 // Секованов В.С. Методическая система формирования креативности студента университета в процессе обучения фрактальной геометрии. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.
2. Колмогоров А.Н., Фомин С.В. Элементы теории функций функционального анализа. – М.: Наука, 1976.
3. Кроновер Р. Фракталы и хаос в динамических системах. – М.: Постмаркет, 2000.
4. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002.
5. Морозов А.Д. Введение в теорию фракталов. – М.: Ижевск, 2002.
6. Falconer K.J. Fractal Geometry: Mathematical Foundations and Applications, 2nd ed. – John Wiley & Sons Ltd, Chichester, 2003.

ОСОБЕННОСТИ ДЕРМАТОГЛИФИЧЕСКОГО ПОЛИМОРФИЗМА НОСОГУБНОГО ЗЕРКАЛА ДОЧЕРЕЙ РАЗНЫХ БЫКОВ-ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА КОСТРОМСКОЙ ПОРОДЫ

Исследование дерматофенов носогубного зеркала является перспективным направлением, которое можно широко использовать в селекции крупного рогатого скота. В связи с тем, что существуют литературные данные о ведущей роли быков-производителей в формировании дерматоглифической структуры популяций крупного рогатого скота [1; 2] целью наших исследований стал анализ особенностей дерматоглифического полиморфизма у дочерей разных быков-производителей костромской породы. Были проанализированы феноккомплексы дочерей 18 быков, всего 702 коровы ОПХ Минское Костромского района Костромской области.

В результате исследований выявлено, что существуют различия в дерматоглифической структуре носогубного зеркала у дочерей отдельных быков (табл. 1, 2, 3). Так для дочерей Льва 7645 КТКС 2090 характерно доминирование дерматофена колосок (70,59%) (табл. 2). Значительно меньше коров с типом дерматофена крона (17,65%). Нет животных с дерматофенами колосок-зернис-

тый, неупорядоченный, параллель. Борозды на носогубном зеркале чаще направлены «в равной степени», они в 67,65% случаев слабо извиты и в 64,70% асимметричны. По сравнению с дочерьми других быков невелико содержание лепестков и валиков с перетяжками. Индекс гребневого счёта 35,26 (табл. 1). Преобладает плотная структура дерматоглифов. В окраске носогубного зеркала доминирует розово-коричневое сочетание. Мало коров с бежевой окраской носогубного зеркала, не встречаются животные с коричневой окраской дерматоглифа.

Очевидно, что некоторые типы дерматоглифических узоров и особенности структуры дерматоглифа устойчиво передаются по наследству. Так многие из дочерей Льва 7645 имеют очень сходный визуально рисунок дерматоглифа типа колосок (Прелесть 6078, Мускатка 6209, Друза 6109, Формула 6373, Парадная 6344, Пуца 5914, Саяна 6382).

Среди дочерей Марса 289 КТКС 1889 преобладает дерматофен колосок, но его 41,18%. На

Таблица 1

Показатели дерматоглифической структуры дочерей разных быков
костромской породы крупного рогатого скота

Тип дерматофена	n	Индекс гребневого счёта (S)	Тип структуры, %	
			Плотная	Рыхлая
Лев 7645	34	35,26 ± 0,56	55,89	44,12
Марс 289	51	36,53 ± 0,43	70,58	29,42
Силуэт 3092	43	35,70 ± 0,51	33,33	66,67
Лазурит 8661	25	38,64 ± 0,74	52,00	48,00
Ментол 6273	26	35,52 ± 0,56	34,61	65,39
Крокус 6571	53	36,36 ± 0,44	41,51	58,49
Музей 3901	41	33,57 ± 0,49	14,63	85,37
Шедевр 7486	42	36,57 ± 0,56	40,48	59,52
Аукцион 5564	73	36,94 ± 0,37	28,76	71,23
Дягель 8884	52	35,91 ± 0,43	26,92	73,08
Джаз 6515	36	33,97 ± 0,34	11,11	88,89
Крик 9194	45	37,11 ± 0,44	46,67	53,33
Люттик 9078	24	36,17 ± 0,59	16,67	83,33
Ливер 4384	44	35,40 ± 0,45	34,09	65,67
Дозор 1988	39	37,59 ± 0,54	51,28	48,72
Пилот 2555	30	35,02 ± 0,59	10,00	90,00
Табак 732	29	35,22 ± 0,54	41,38	58,62
Бриг 5385	15	34,97 ± 0,83	13,33	86,67

Таблица 2

**Характеристики дерматоглифической структуры носогубного зеркала дочерей
разных быков-производителей костромской породы крупного рогатого скота**

Фенокомплексы	Линия Ладка 2537					Группа Меридиана 90827		Группа Концентрата 106157	
	Лев 7645	Марс 289	Си- луэт 3092	Лазу- рит 8661	Мен- тол 6273	Кро- кус 6571	Му- зей 3901	Ше- девр 7486	Аук- цион 5564
Количество дочерей	34	51	43	25	26	53	41	42	73
<i>Тип дерматоглифа (%)</i>									
Ветка	2,95	5,89	16,28	8,00	11,54	7,55	12,19	14,28	2,74
Зернистый	2,95	7,85	—	8,00	11,54	1,89	2,44	7,14	5,48
Колосок-зернистый	—	9,81	2,33	20,00	15,38	11,32	2,44	14,28	20,55
Колосок-крона	5,89	9,81	6,98	12,00	—	3,77	17,07	4,76	6,85
Колосок	70,59	41,18	41,86	20,00	46,15	45,28	19,51	45,24	32,88
Крона	17,65	17,65	18,60	16,00	11,54	20,75	41,46	4,76	21,92
Неупорядоченный	—	3,93	13,95	—	—	7,55	2,44	2,38	6,85
Параллель	—	3,93	—	16,00	3,85	1,89	2,44	7,14	1,37
<i>Направление борозд (%)</i>									
В равной степени	64,71	58,83	60,46	58,33	46,15	50,94	51,22	64,29	53,42
В большей степени вверх	17,65	27,45	6,98	25,00	19,23	3,77	24,39	11,90	13,70
К периферии	17,65	13,73	32,56	16,67	34,61	45,28	24,39	23,81	32,88
<i>Извитость борозд (%)</i>									
Сильно извитые	32,35	43,13	13,95	29,17	26,92	24,53	29,27	19,05	16,44
Слабо извитые	67,65	56,87	86,05	70,83	73,08	75,47	70,73	80,95	83,56
<i>Положение складок (%)</i>									
Асимметричное	64,70	78,44	74,42	75,00	69,23	83,02	80,49	54,76	71,23
Симметричное	35,30	21,56	25,58	25,00	30,77	16,98	19,51	45,23	28,77
<i>Форма валиков (%)</i>									
Длинные полосы	85,30	52,95	90,70	79,17	73,08	69,81	90,24	78,57	86,30
Короткие полосы	58,83	56,87	46,51	66,67	42,31	58,49	41,46	61,90	61,64
Эллипсы	47,06	39,22	23,26	54,17	50,00	32,08	9,76	33,33	39,73
Многоугольники	73,53	68,63	88,37	58,33	80,77	90,57	87,80	80,95	72,60
Лепестки	2,95	5,89	13,95	8,33	3,85	11,32	12,19	2,38	13,70
Сложные структуры	11,77	11,77	53,49	20,83	19,23	24,53	24,39	16,67	27,40
<i>Окраска носогубного зеркала (%)</i>									
Бежевая	2,95	27,45	13,95	25,00	38,46	18,87	2,44	21,43	31,51
Беж.-коричн.	5,89	21,57	20,93	20,83	3,83	7,55	7,32	9,52	8,22
Беж.-корич. с пятнами	—	1,96	2,32	—	—	1,89	7,32	7,14	6,85
Коричневая	—	1,96	2,32	25,00	3,85	7,55	—	9,52	30,14
Розовая	11,77	9,81	—	—	3,85	16,98	4,88	—	—
Розово-коричн.	23,53	29,42	48,84	20,83	30,77	30,19	21,95	26,19	9,59
Роз-коричн. с пятн.	26,47	7,85	11,63	8,33	19,23	16,98	56,10	26,19	13,70

втором месте по встречаемости – крона (17,65%). По сравнению с дочерьми других быков, у дочерей Марса 289 больше всего борозд на носогубном зеркале направлено «в большей степени вверх» (27,45%). Довольно много сильно извитых борозд (43,13%), мало длинных полосок и валиков с перетяжками. Индекс гребневого счёта 36,53. Преобладают животные с плотной структурой дерматоглифа (70,58%).

У дочерей Силуэта 3092 КТКС 1352 дерматофен колосок встречается в 41,86% случаев. На втором месте – дерматофен крона (18,60%). Отсутствуют коровы с дерматофенами зернистый и параллель. Не велик индекс гребневого счёта 35,70. Довольно много в структуре дерматоглифа валиков с перетяжками (53,49%). У многих животных розово-коричневая окраска носогубного зеркала. Не встречаются коровы с розовым носогубным зеркалом.

Таблица 3

**Характеристики дерматоглифической структуры носогубного зеркала дочерей
разных быков-производителей костромской породы крупного рогатого скота**

Фенокомплексы	Дя-гель 8884	Джаз 6515	Крик 9194	Лю-тик 9078	Ли-вер 4384	До-зор 1988	Пи-лот 2555	Табак 732	Бриг 5385
Количество дочерей	52	36	45	24	44	39	30	29	15
<i>Тип дерматоглифа (%)</i>									
Ветка	11,54	11,11	20,00	50,00	13,64	7,69	23,33	10,34	33,33
Зернистый	1,92	2,77	4,44	4,17	6,82	12,82	—	3,45	—
Колосок-зернистый	9,61	—	4,44	—	6,82	23,08	3,33	10,34	—
Колосок-крона	3,85	11,11	—	12,50	11,36	2,56	3,33	13,79	13,33
Колосок	38,46	19,44	60,00	29,17	40,91	35,90	43,33	37,93	26,67
Крона	25,00	25,00	11,11	—	6,82	12,82	10,00	13,79	20,00
Неупорядоченный	—	22,22	—	4,17	9,09	—	10,00	3,45	6,67
Параллель	9,61	8,33	—	—	4,54	5,13	6,67	6,90	—
<i>Направление борозд (%)</i>									
В равной степени	51,92	58,33	66,67	43,48	61,36	56,41	60,00	51,72	33,33
В большей степени вверх	15,38	13,89	8,89	—	6,82	7,69	13,33	17,24	13,33
К периферии	32,69	2,78	24,44	56,52	31,82	35,89	26,67	31,03	53,33
<i>Извитость борозд (%)</i>									
Сильно извитые	28,85	16,67	17,78	4,17	25,00	41,03	23,33	27,59	13,33
Слабо извитые	71,15	83,33	82,22	95,83	75,00	58,97	76,67	72,41	86,67
<i>Положение складок (%)</i>									
Асимметричное	65,38	75,00	53,33	37,5	68,18	74,36	50,00	82,76	46,67
Симметричное	34,61	25,00	46,67	62,50	31,82	25,64	50,00	17,24	53,33
<i>Форма валиков (%)</i>									
Длинные полосы	86,54	86,11	77,78	91,67	84,09	61,54	90,00	68,97	100,0
Короткие полосы	63,46	30,56	57,78	20,83	52,27	64,10	73,33	41,38	33,33
Эллипсы	40,38	11,11	48,89	12,50	36,36	61,54	33,33	34,48	13,33
Многоугольники	96,15	91,67	84,44	70,83	90,91	71,80	73,33	82,76	86,67
Лепестки	1,92	30,56	2,22	16,67	6,82	7,69	23,33	27,59	26,67
Сложные структуры	15,38	55,56	15,55	70,83	15,91	23,08	33,33	27,59	60,00
<i>Окраска носогубного зеркала (%)</i>									
Бежевая	5,77	41,67	17,78	12,50	13,64	43,59	16,67	10,34	13,33
Беж.-коричн.	17,31	5,55	20,00	25,00	2,27	5,13	10,00	31,03	13,33
Беж.-корич. с пятнами	7,69	8,33	11,11	—	4,55	2,56	6,67	—	13,33
Коричневая	—	11,11	8,89	20,83	4,55	5,13	6,67	6,90	26,67
Розовая	3,85	11,11	4,44	—	11,36	10,26	10,00	3,45	—
Розово-коричн.	51,92	8,33	11,11	37,50	18,18	12,82	13,33	13,79	20,00
Розово-коричн. с пятнами	13,46	13,89	26,67	4,17	45,45	20,51	36,67	34,48	13,33

В отличие от дочерей других быков, у дочерей Лазурита 8661 КТКС 2055 дерматофен колосок встречается только в 20,00% случаев. Зато сравнительно много животных с дерматофеном колосок-зернистый (20,00%) и больше, чем в других группах коров с дерматофеном параллель (16%). Не встречается неупорядоченный тип дерматоглифа. У дочерей Лазурита 8661 самый высокий индекс гребневого счёта – 38,64. Чаше, чем у дочерей других быков на носогубном зеркале встречаются валики в форме коротких полосок

(66,67%) и эллипсов (54,17%). Преобладают особи с плотной структурой дерматоглифа (52,00%). Не встречаются животные с розовой и бежево-коричневой с пятнами окраской носогубного зеркала.

У дочерей Ментола 6273 КТКС 1697 по сравнению с дочерьми других быков наблюдается высокая встречаемость дерматофена зернистый – 11,54%. Отсутствуют особи с дерматофенами колосок-крона и неупорядоченный. Индекс гребневого счёта – 35,52. Преобладают особи с рыхлой структурой дерматоглифа (65,39%). Нет

коров с бежево-коричневым с пятнами носогубным зеркалом.

У дочерей Крокуса 6571 КТКС 2013 частота встречаемости дерматофена колосок 45,28%. На втором месте по встречаемости – крона (20,75%). Индекс гребневого счёта 36,36. Преобладают особи с рыхлой структурой дерматоглифа. По сравнению с дочерьми других быков у дочерей Крокуса 6571 складки дерматоглифа расположены асимметрично наиболее часто (в 83,02% случаев).

У дочерей Музея 3901 КТКС 1994 в отличие от дочерей других быков на первом месте по встречаемости дерматофен крона (41,46%). Дерматофен колосок – на втором месте (19,51%). У дочерей Музея 3901 самый низкий индекс гребневого счёта 33,57. Рыхлая структура дерматоглифа встречается в 85,37% случаев. Отсутствуют особи с коричневой окраской носогубного зеркала.

У дочерей Шедевра 7486 КТКС 2042 на первом месте дерматофен колосок (45,24%), но второе место по встречаемости делят дерматофены колосок-зернистый и ветка (14,28% каждый). Довольно много коров с симметричным положением складок дерматоглифа (45,23%). Сравнительно мало валиков с перетяжками (16,67%). Индекс гребневого счёта 36,57. Нет особей с розовой окраской носогубного зеркала.

Для дочерей Аукциона 5564 КТКС 1999 характерна самая высокая по сравнению с другими группами встречаемость дерматофена колосок-зернистый (20,55%). Индекс гребневого счёта 36,94. Преобладают особи с рыхлой структурой дерматоглифа. Нет коров с розовой окраской носогубного зеркала.

У дочерей Дягеля 8884 КТКС 2084 на первом месте по встречаемости дерматофен колосок – 38,46% (табл. 3). На втором – крона (25,00%). Нет особей с неупорядоченным типом дерматоглифа и с коричневой окраской носогубного зеркала. Индекс гребневого счёта 35,91. Наиболее часто встречается розовая окраска носогубного зеркала.

У дочерей Джаза 6515 КТКС 2026 наиболее часто встречается дерматофен крона (25,00%). В отличие от дочерей других быков на втором месте по встречаемости находится дерматофен неупорядоченный (22,22%). По сравнению с другими группами довольно высока встречаемость дерматофена параллель (8,33%). Нет животных с типом дерматофена колосок-зернистый. Низок индекс гребневого счёта (33,97). В этой группе очень мало коров с плотной структурой дерматоглифа

(11,11%), с бороздами, направленными к периферии носогубного зеркала. Среди валиков относительно много лепестков и валиков с перетяжками.

Для дочерей Крика 9194 КТКС 2052 характерна высокая встречаемость дерматофена колосок (60,00%). На втором месте по встречаемости дерматофен ветка (20,00%). Нет животных с типами дерматоглифов колосок-крона, неупорядоченный, параллель. Высокий индекс гребневого счёта – 37,11. Довольно много животных с плотной структурой дерматоглифа (46,67%).

Чаше, чем в других группах борозды носогубного зеркала направлены «в равной степени».

Дочери Лютика 9078 КТКС 1887 характеризуются наиболее высокой по сравнению с дочерьми других быков встречаемостью дерматофена ветка (50,00%). На втором месте дерматофен колосок (29,17%). Нет животных с типами дерматоглифа колосок-зернистый, крона и параллель. Индекс гребневого счёта 36,17. Слабо извитые борозды в структуре дерматоглифа встречаются наиболее часто – в 95,83% случаев. Положение складок, в отличие от других групп, чаще симметричное (62,50%). Нет животных с бороздами на носогубном зеркале, направленными «в большей степени вверх». Валики с перетяжками встречаются в 70,83% случаев. Наиболее часто встречается розово-коричневая окраска носогубного зеркала. Нет особей с розовой и бежево-коричневой с пятнами окраской носогубного зеркала. У коров: Дорогая 7840, Маленькая 7816, Ледовая 1450 КТКС 15668, Пташка 2049 КТКС 16018, Речка 1225 КТКС 16020 наблюдается визуальное сходство дерматоглифов веточного типа. Все они обладают рыхлой структурой дерматоглифа носогубного зеркала, валиками с перетяжками, слабо извитыми бороздами, направленными «в равной степени».

У дочерей Ливера 4384 на первом месте по встречаемости дерматофен колосок (40,91%). На втором – ветка (13,64%). Индекс гребневого счёта 35,40. Чаше, чем в других группах встречается розово-коричневая с пятнами окраска носогубного зеркала (45,45%).

У дочерей Дозора 1988 КТКС 1959 в отличие от дочерей других быков на втором месте по встречаемости дерматофен колосок-зернистый 23,08%. Нет животных с неупорядоченным типом дерматоглифа. Высокий индекс гребневого счёта (37,59). Преобладают особи с плотной структурой дерматоглифа (51,28%). Довольно много ко-

ров с сильно извитыми бороздами носогубного зеркала (41,03%). Меньше, чем у дочерей других быков, длинных полосок в структуре дерматоглифа, зато больше всего эллипсов (61,54%). Наиболее часто встречается бежевая окраска носогубного зеркала (43,59%).

У дочерей Пилота 2555 КТКС 2036 наиболее часто встречается дерматофен колосок (43,33%). На втором месте дерматофен ветка (23,33%). Нет животных с зернистым типом дерматоглифа. Индекс гребневого счёта 35,02. По сравнению с дочерьми других быков реже всего встречаются особи с плотной структурой носогубного зеркала (10,00%). Животных с симметричным и асимметричным положением складок дерматоглифа встречается равное количество (по 50,00%). По сравнению с другими группами на носогубном зеркале наиболее часто встречаются валики в форме коротких полосок (73,33% случаев).

У дочерей быка Табак 732 КТКС 1913 чаще, чем у дочерей других быков встречается дерматофен колосок-крона (13,79%). Он делит второе место по встречаемости с дерматофеном крона (13,79%). Индекс гребневого счёта 35,22. Довольно много особей с плотной структурой дерматоглифа (41,38%). Сравнительно мало коров с симметричным положением складок дерматоглифа (17,24%). Нет особей с бежево-коричневой с пятнами окраской носогубного зеркала.

У дочерей быка Брига 5385 КТКС 2002 на первом месте по встречаемости находится дерматофен ветка (33,33%). Встречаемость дерматофена колосок – 26,67%. Нет животных с типами дерматоглифов зернистый, колосок-зернистый, параллель. Низок индекс гребневого счёта (34,97), всего 13,33% коров обладают плотной структурой носогубного зеркала. У дочерей Брига 5385 борозды дерматоглифа чаще направлены к периферии носогубного зеркала. Складки расположены в 53,33% случаев симметрично. У всех животных обнаружены валики в виде длинных полосок, чаще, чем у дочерей других быков встречаются лепестки (26,67%) и валики с перетяжками (60,00%). Больше, чем в других группах особей с коричневым носогубным зеркалом, нет коров с розовой окраской носогубного зеркала.

На основании проведённых исследований можно сделать вывод, что дочери разных быков-производителей имеют особенности дерматоглифической структуры носогубного зеркала. Это

выражается в преобладании тех или иных дерматофенов, разном сочетании и частотах показателей дерматоглифической структуры у дочерей разных быков.

Частоты встречаемости дерматофенов колеблются:

- ветка – от 2,74 до 50%;
- зернистый – от 0 до 12,82%;
- колосок-зернистый – от 0 до 23,08%;
- колосок-крона – от 0 до 17,07%;
- колосок – от 19,44 до 70,59%;
- крона от 0 до 41,46%;
- неупорядоченный от 0 до 22,22%;
- параллель от 0 до 16%.

Индекс гребневого счёта изменяется в пределах от 33,97 до 38,64.

Частоты показателей характеристик дерматоглифической структуры носогубного зеркала у дочерей разных быков-производителей колеблются в пределах:

- плотная структура – от 10,00 до 70,58%;
- рыхлая структура – от 29,42 до 90%;
- направление борозд «в равной степени» – от 33,33 до 66,67%;
- «в большей степени вверх» – от 0 до 27,45%;
- «к периферии» – от 2,78 до 53,33%;
- сильно извитые борозды – от 4,17 до 80,95%;
- слабо извитые – от 19,05 до 95,83%;
- асимметричное положение складок – от 37,5 до 83,02%;
- симметричное положение складок – от 16,98 до 62,50%;
- длинные полоски – от 52,00 до 100,00%;
- короткие полоски – от 20,83 до 73,33%;
- эллипсы – от 9,76 до 61,54%;
- многоугольники – от 58,33 до 96,15%;
- лепестки – от 1,92 до 30,56%;
- валики с перетяжками – от 11,77 до 70,83%.

Библиографический список

1. Винокуров А.Ю. Особенности генетико-популяционных процессов в голштинизированных стадах крупного рогатого скота в условиях Ульяновской области: Автореф. дис. ... канд. с/х наук. – 2002.
2. Трофименко А.Л. Селекция и маркерные признаки крупного рогатого скота // Сельское хозяйство. Обзор информ. УкрНИИТИ. Серия «Животноводство и ветеринария». Вып. 5. – Киев, 1989. – 29 с.

Т.Л. Соколова

ВЛИЯНИЕ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ПОЧВ НА БИОРАЗНООБРАЗИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ДОЖДЕВЫХ ЧЕРВЕЙ

Приводятся данные биоразнообразия и численности люмбрицид в различных типах биоценозов, а также физико-химические параметры почв.

Почвенные животные являются чувствительным индикатором изменения наземных экосистем под воздействие как природных, так и антропогенных факторов. Одними из наиболее важных индикаторов состояния окружающей среды являются представители почвенной мезофауны, так как они могут взаимодействовать со многими компонентами своей экосистемы и почва для них выступает как среда обитания в целом.

Почвенные беспозвоночные представляют собой природный ресурс, определяющий направление почвообразовательного процесса и уровень почвенного плодородия. Снижение биоразнообразия приводит к ослаблению уровня зоотических процессов и деградации почвенного покрова.

В процессах почвообразования огромную роль играют дождевые черви (Lumbricidae). В данной работе представлены результаты исследований численности, видового разнообразия люмбрицид Костромы и Костромского Заволжья. Также изучалась трофическая структура и закономерности сезонной динамики этой группы педобионтов в различных биоценозах. Исследования проводились с 2004 по 2007 год.

При изучении почвенной мезофауны применялись общепринятые в почвенно-зоологических исследованиях методы послойной выборки по-

чвенных проб размером 50×50 см в полевых условиях. Раскопки проводились три раза за сезон для изучения сезонных колебаний численности люмбрицид. Численность определялась методом прямого учета – количество учитываемых объектов на единицу площади поверхности почвы (экз/м²).

Для проведения почвенно-зоологических исследований были выбраны следующие типы биоценозов: березняк, смешанный лес и агроценоз в черте г. Костромы и в Макарьевском районе.

Одновременно с изучением почвенной мезофауны были отобраны образцы почв с типичных пробных участков для изучения их физико-химических свойств. Эти данные в дальнейшем были использованы для анализа влияния почвенных условий на распространение дождевых червей. При характеристике физико-химических свойств почвы пробных площадей исследованы следующие ее параметры, как содержание гумуса, pH и влажность. Исследования проводились по общепринятым методикам. Результаты исследований приведены в таблице 1.

Нами обнаружено 11 видов дождевых червей, которые относятся к различным морфо-экологическим группам и принадлежат к двум морфо-экологическим типам: из первого типа, питающегося на поверхности почвы, выделены подстилочные и почвенно-подстилочные, а из второго типа – собственно почвенных, которые питаются

Таблица 1

Физико-химические параметры почв пробных площадей ($X \pm m$)

Пробные площади	Массовая доля органического вещества (гумус), %	Кислотность, ед.рН	Влажность, %
1	5,48±0,55	4,9±0,21	26,76±2,68
2	3,52±0,53	5,6±0,22	13,03±1,30
3	3,53±0,53	6±0,21	10,2±1,02
4	3,06±0,46	5,9±0,24	14,66±1,47
5	7,09±0,71	6,3±0,20	25,42±2,54
6	6,59±0,99	4,16±0,23	25,78±2,78

Примечание. Проба 1 – смешанный лес Макарьевского района; проба 2 – березняк Макарьевского района; проба 3 – березняк вблизи завода «Силикатный» г. Кострома; проба 4 – агроценоз в 10-ти км от г. Костромы; проба 5 – агроценоз в черте г. Костромы; проба 6 – смешанный лес, парк «Берендеевка».

Таблица 2

Видовой состав и численность любрицид в почвах различных биогеоценозов (экз/м²)

Виды Lumbricidae	Номера пробных площадей					
	1	2	3	4	5	6
1. Eisenia rosea	0,72	+	1,64	1,02	1,96	0,26
2. Eisenia foetida	–	–	0,24	0,34	0,92	–
3. Eisenia tetraedra	–	0,04	–	–	–	–
4. Lumbricus rubellus	1,3	–	1,32	1,66	3,16	0,62
5. Lumbricus castaneus	0,42	–	0,52	0,16	1,3	0,44
6. Lumbricus terrestris	+	–	–	1,36	2,27	+
7. Octolasion lacteum	0,28	+	0,44	–	–	–
8. Bimastus tenius	–	0,26	1,28	0,64	+	0,8
9. Allolobophora caliginosa	+	–	–	0,52	1,62	–
10. Allolobophora longa	–	+	0,22	0,24	–	–
11. Dendrobaena octaedra	0,86	–	–	–	–	0,14
Всего (экз/м ²)	3,58	0,3	5,66	5,94	11,68	2,26

почвенным перегноем, норники и среднеярусные.

Хотя супердоминантами и в городских, и пригородных биоценозах являются любрициды, но их процент от общего числа найденных видов отличается. В фоновых и слабо нарушенных биоценозах дождевые черви составляют в среднем 64,6%, а в нарушенных отмечается 55,2% любрицид. Показатели численности и видовой состав этой группы педобионтов в почвах биогеоценозов Костромы и Костромского Заволжья представлены в таблице 2.

Массовая доля органического вещества в почвах фоновых биоценозов колеблется от 3,06 до 5,48%. При этом, любрициды преобладают в биоценозе смешанного леса Макарьевского района, встречаемость которых составляет до 80%. Содержание гумуса в почвах данного биогеоценоза составляет $5,48 \pm 0,55\%$ при влажности $26,76 \pm 2,68\%$, это самые высокие показатели среди исследованных нами фоновых биогеоценозов.

В нарушенных биоценозах дождевые черви остаются доминирующей группой, главным об-

разом, за счет высокого процента любрицид в пределах биотопа, где постоянно выращиваются различного рода кормовые культуры. При исследовании почв этих биоценозов отмечаются высокие показатели содержания гумуса и влажности.

В сезонной динамике численности любрицид наблюдались два пика активности – конец мая – начало июня, и в конце августа. Эти изменения сопряжены с сезонными колебаниями гидротермических условий и динамикой поступления и разложения органического опада в почвенных экосистемах.

Таким образом, нами выявлены различия в видовой структуре и численности дождевых червей в фоновых биоценозах и тех, которые подвержены в разной степени антропогенным нагрузкам, а также в разных типах биогеоценозов, что обусловлено физико-химическими параметрами почв.

Изменение условий окружающей среды сказываются не только на численности и биоразнообразии почвенной мезофауны, но и на сезонные колебания их биомасс.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Ю.А. Баранова

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ СЕМЕЙНОГО УКЛАДА НА ВОСПИТАНИЕ БУДУЩИХ РОДИТЕЛЕЙ НА ПРИМЕРЕ УЧРЕЖДЕНИЙ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Г. ВОЛОГДЫ

В статье раскрыты наиболее значимые в воспитании будущих родителей составляющие семейного уклада (родительские установки, ценностные ориентации, личный пример). Приведены экспериментальные данные о готовности стать будущими родителями учащихся учреждений начального профессионального образования г. Вологды.

Начальной структурной единицей общества, закладывающей основы личности, принято считать семью. Она связана кровными и родственными отношениями и объединяет супругов, детей и родителей. Брак двух людей еще не составляет полноценную семью, она становится такой и укрепляется с рождением детей.

В нашем современном обществе все заметнее становится кризис семьи, пути выхода из которого пока не ясны. Кризис выражается в том, что семья все хуже реализует свою главную функцию – воспитание детей.

Современные семьи переживают не лучшие времена. В России, например, наблюдается легкомысленное отношение к браку и семье, забвение традиций, отсутствие самодисциплины, высокий процент разводов самым пагубным образом отражаются на воспитании детей. Известно, что именно в семье и через семью формируются его первичные представления, ценностные ориентации и социальные установки [5].

Ведущим фактором в формировании личности ребенка является нравственная атмосфера жизни семьи, ее уклад.

По мнению Т.В. Лодкиной, семейный уклад – это установившийся порядок жизни конкретной семьи, ее установки, потребности, интересы, традиции, ценностные ориентации, стиль отношений, личный пример, уровень психолого-педагогической культуры родителей. Каждый из названных компонентов своеобразно воздействует на детей.

Важнейшей функцией семьи является воспитание гражданина, будущего семьянина. За многовековую историю человечества сложился идеал воспитания. Люди всегда мечтали о совершенном человеке, полноценном члене общества. У такого идеального человека много характерис-

тик, одна из важнейших, причем вневременная, – быть «добропорядочным отцом или матерью семейства» [1].

В последние годы проблема подготовки подрастающего поколения к семейно-родительской деятельности актуализировалась в связи с тем, что разрушилась «домашняя школа», где традиционно начиналось воспитание будущих родителей. В СССР пытались решить эту проблему дважды. Первый раз – путем введения «родительского всеобуча», второй раз – школьным курсом «Этика и психология семейной жизни». Обе попытки закончились неудачей, а проблема осталась нерешенной. Между тем от решения этой проблемы зависит социальное благополучие общества, счастье каждого его члена [1].

Возможность раннего воспитания будущих родителей доказана психологическими исследованиями, в которых установлено, что социальная ориентация детей начинается с постижения образа семьи (А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, В.А. Петровский, Н.Н. Подьяков) [3].

Семья, являясь для ребенка первым и наиболее значимым проводником социального влияния, «вводит» его во многообразие родственных отношений, домашнего уклада. Молодожены, создавая свою семью, формируя её уклад, воспитывая первенца, в качестве образца берут, как правило, свою кровную семью как источник социального и эмоционального опыта.

Наиболее значимыми в воспитании будущих родителей в историческом аспекте и на современном этапе являются родительские установки, ценностные ориентации и личный пример [8].

Ценностные ориентации – это система устойчивых отношений личности к окружающему миру и самому себе в форме фиксированных установок на те или иные ценности общества [7].

Совокупность устоявшихся ценностных ориентаций образует основу сознания, обеспечивающую устойчивость личности, преемственность определенного типа поведения и деятельности, выраженную в направленности потребностей и интересов. Основное содержание ценностных ориентаций – политические, философские, нравственные убеждения человека, глубокие и постоянные привязанности, нравственные принципы поведения [5].

Личный пример – действие, которому подражают, а также действие, как выдающийся образец чего-нибудь [7]. Развитие личности ребенка облегчается, если родители служат для него образцом поведения. Вначале дети подражают родителям, а затем отождествляют себя с одним из них и хотят быть на него похожим. Подражая, дети накапливают собственный опыт поведения и отношения к окружающему. Со временем образ жизни семьи становится и образцом для подражания взрослеющих детей. Если в семье нет личного образца соответствующего пола или наблюдается доминирование лиц противоположного пола, то такое положение может способствовать повторению типа поведения отца или матери по отношению к собственным детям [6]. Ребенок, воспитывающийся в семье, в которой личными образцами для него являются родители, получает подготовку к последующим социальным ролям: жены или мужа, отца или матери [2].

Установка – любое состояние, диспозиция или тенденция организма реагировать определенным образом [7]. На характер установок по отношению к ребенку влияет социально-экономический статус родителей. Матери, принадлежащие к низкому социально-экономическому классу, отличаются дисциплинарной строгостью, чувствуют себя менее ответственными за детские проблемы. Матери, принадлежащие к среднему классу, имеют более позитивные установки по отношению к независимости детей. Матери, принадлежащие к рабочему классу, поощряют у детей послушание, хорошие манеры и чаще используют принуждение по отношению к собственным детям. Более высокой профессиональный уровень матерей обуславливает другие ценности, такие, как саморегуляция, инициативность и креативность [6].

Исследовательской базой для нашего эксперимента стали «Профессиональное училище №11» и «Профессиональное училище №17» г. Вологды. На протяжении двух лет было опрошено

около 102 респондентов с помощью ряда методов (анкетирование, опрос, интервью, беседа, наблюдение), и был собран материал, который позволил нам сделать определенные выводы о готовности учащихся быть родителями.

В «Профессиональном училище №11» обучаются в основном девочки по специальностям: художник по костюму, парикмахер, парикмахер-визажист, прядильщик, ткач, в «Профессиональном училище №17» обучаются мальчики по строительным специальностям. Количество учащихся в обоих учебных заведениях составляет около 400 человек.

Сравнительный анализ социального положения показал преобладание малообеспеченных семей (ПУ №11 – 200, ПУ №17 – 250). Большинство родителей (80%) не заинтересованы учебной и жизнью своих детей в училище. Образование родителей преимущественно среднее специальное, что, безусловно, влияет на их ценностные ориентации, они воспитывают в детях хорошие манеры, послушание. В качестве метода воздействия используют материальное поощрение (32%), беседы (85%), уговоры (52%), иногда используют угрозы, крайне редко физические воздействия.

На основании проведенного анкетирования (тест PARI – Parental attitude research instrument) были получены следующие результаты – большинство родителей считают, что:

- ребенок, когда повзрослеет, будет благодарить родителей за строгое воспитание (43%);
- лучше, если ребенок не задумывается над тем, правильны ли взгляды его родителей (52%);
- если бы родители больше интересовались делами своих детей, дети были бы лучше и счастливее (35%);
- родители, которые разговаривают с ребенком о его проблемах, должны знать, что лучше ребенка оставить в покое и не вникать в его дела (40%);
- матери жертвуют всем ради блага собственных детей (53%).

В целом воспитанием детей в семье занимаются в основном матери, и личным примером для некоторых девочек (7%) служит мама. Для остальных образцом для подражания являются отец (5%); братья, сестры (15%). Большинство учащихся (70%) ответили, что в семье для них никто не служит примером.

Большое влияние на воспитание будущих родителей оказывает атмосфера, в которой воспи-

тывается ребенок. Согласно полученным данным большинство учащихся (85%) чувствуют себя комфортно в семье, родители проявляют к ним терпение и любовь, редко наказывают. Однако есть небольшая группа детей (около 15%), которые не довольны той атмосферой, которая сложилась в их семье.

Проведенное анкетирование среди учащихся показало, что большинство из них не готово стать родителями в ближайшие 5 лет. Основной причиной у девочек было названо желание получить образование (около 80%), у мальчиков – стремление найти высокооплачиваемую работу (около 70%). Позиция родителей по данному вопросу в основном совпадает с ответами их детей.

Учащиеся считают, что родительство довольно трудный и ответственный процесс, который требует затрат времени. Они полагают, что им нужны такие качества, как терпение (37%), понимание (44%), доверие и доброта (22%). В роли отца и матери учащиеся должны быть строгими, но справедливыми (37%), более авторитарными, альтруистичными и менее скептическими и подчиняющимися (40%).

Можно сделать вывод, что уравновешенным человеком и «удачным семьянином» становится тот, кто имел в детстве любящих друг друга родителей, был к ним сильно привязан, мог с ними откровенно говорить обо всем, к кому в семье относились благожелательно, уважительно, но требовательно. И наоборот, шансов на позитивное развитие очень мало у того, кто видел в семье конфликты, кого били и унижали.

Семья своими ценностными ориентациями,

особенностями межличностных отношений, всем укладом прямо или косвенно, готовит ребенка к его будущей семейной жизни. Но общими усилиями семьи и учебного заведения (внеклассные и внутриучилищные мероприятия, индивидуальные беседы и консультирование родителей, выходы в семью) можно повлиять на становление положительного образа семьи у учащихся. По возможности в содержании уроков особенно гуманитарного цикла эффективно было бы включать элементы подготовки молодежи к семейной жизни.

Важным на наш взгляд является создание модели работы с учащимися и их семьями по подготовке детей к будущему родительству.

Библиографический список

1. Бестужев-Лада И.В. История твоих родителей: Разговор с молодым поколением. – М., 1988. – С. 125.
2. Зверева О.Л. Семейная педагогика и домашнее воспитание. – М., 2000. – С. 58.
3. Петровский А.В. Популярные беседы о психологии. – М.: Педагогика, 1983. – С. 139.
4. Положение детей в Российской Федерации. Доклад. – М., 2006. – С. 200.
5. Савинова Е.А., Смирнова Е.О. Родители и дети. Психология взаимоотношений. – М., 2003. – С. 179.
6. Спиваковская А.С. Как быть родителями. – М.: Педагогика, 1986. – С. 138.
7. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. – 2003. – С. 1012.
8. Черствая О.Е. Семейный уклад и карьера. – М.; Вологда: Русь, 2005. – С. 160.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Басов Н.Ф. ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: ПРАКТИКУМ / Рец.: В.А. Фокин, С.К. Булдаков. – М.: Дашков и К, 2007. – 340 с. – Библиогр. в конце гл. - ISBN 978-5-91131-462-0.

В практикуме раскрываются важнейшие этапы развития социальной помощи с древнейших времен, анализируются ее основные формы. Включает в себя основные темы курса, в каждой из них имеются план и методические указания, подобраны документы и другие необходимые для изучения материалы. Даны списки литературы, вопросы для самоконтроля, примерные учебные и практические задания, темы докладов, рефератов, контрольных и курсовых работ, вопросы к зачетам и экзамену. Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Социальная работа».

О.В. Звонарёва

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ПОДГОТОВКИ МЕНЕДЖЕРОВ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ

В данной статье рассматривается научная проблема подготовки управленческих кадров системы образования России и стран Центральной, Восточной и Южной Европы. В статье представлено описание инновационно-исследовательского проекта: условия реализации проекта, общие стратегические цели проекта, целевые группы, стратегия реализации, задачи, этапы реализации проекта.

XXI век характеризуется как век информации и личностей, способных принимать эффективные управленческие решения, свободно ориентирующихся в насыщенном информационном потоке (А.А. Ангеловский, Л.М. Сухорукова и др.). Роль руководителей постоянно возрастает, что связано, прежде всего, с возрастанием роли самого управления и роли человека в управлении. Действуя в условиях рыночной экономики, образовательные учреждения требуют высокоэффективного менеджмента, основанного на современных концепциях, стратегиях и моделях управления, ориентированных на достижение конкретного образовательного результата.

Основной фигурой, динамической силой этого вариативного процесса становится компетентный менеджер образования, способный видеть будущее и принимать качественные управленческие решения. Необходимость подготовки управленческих кадров системы образования возросла и по ряду других причин: резко изменились и усложнились условия и характер деятельности управленческих кадров системы образования; обострилась конкурентная борьба между образовательными учреждениями за выживание на рынке образовательных услуг; резко возросли роль и значение руководителей системы образования [3].

За последнее десятилетие одним из наиболее успешно реализуемых международных проектов в Российской Федерации, является проект Delphi «Развитие образовательных связей и инициатив в области высшего и профессионального образования». Первая фаза проекта Delphi I – реализована с 1998 по 2001 гг. Вторая фаза проекта Delphi II (2003–2005 гг.), где в рамках программы сотрудничества Европейского союза и России EuroAid основным компонентом проекта является «Подготовка управленческих кадров» [1].

В соответствии с решением Болонской конференции, в 2003–2004 гг. принят ряд мер по мо-

дернизации образования. В рамках программы Темпус Тассис на 2004–2005 годы определен для России следующий приоритет, как «обучение на протяжении всей жизни».

Термин «стратегическое управление» был введен в обиход на стыке 1960–1970-х гг. для того, чтобы обозначить разницу между текущим управлением на уровне производства и управлением, осуществляемым на высшем уровне. Разработка идей стратегического управления нашла отражение в работах таких авторов, как Frankenhofs and Granger (1971), Ansoff (1972), Schendel and Hatten (1972), Irwin (1974) и др. Шендел и Хаттен рассматривали его как «процесс определения и (установления) связи организации с ее окружением, состоящий в реализации выбранных целей и в попытках достичь желаемого состояния взаимоотношений с окружением посредством распределения ресурсов, позволяющего эффективно и результативно действовать организации и ее подразделениям». По Хиггенсу, «стратегическое управление – это процесс управления с целью осуществления миссии организации посредством управления взаимодействием организации с ее окружением», Пирс и Робинсон определяют стратегическое управление «как набор решений и действий по формулированию и выполнению стратегий, разработанных для того, чтобы достичь цели организации». О.С. Виханский говорит о стратегическом управлении – «как управлении организацией, которое опирается на человеческий потенциал как основу организации, ориентирует производственную деятельность на запросы потребителей, гибко реагирует и проводит своевременные изменения в организации, отвечающие вызову со стороны окружения и позволяющие добиваться конкурентных преимуществ, что в совокупности дает возможность организации выживать в долгосрочной перспективе, достигая при этом своих целей».

Г.Я. Гольдштейн понимал под стратегическим управлением – «деятельность, направленную на достижение основных поставленных целей и задач организации, определенных на основе предвидения возможных изменений окружающей среды и организационного потенциала, путем координации и распределения ресурсов».

На основе анализа исследований под стратегическим управлением образования мы понимаем – «управление человеческим потенциалом, информационными, техническими и материальными ресурсами для достижения основных целей и задач образовательного учреждения, ориентированных на запросы общества, отвечающих вызову со стороны социума и позволяющие добиваться конкурентоспособных преимуществ для развития в долгосрочной перспективе».

В настоящее время в нашей стране идет становление системы образования в течении всей жизни, ориентированного на вхождение в мировое образовательное пространство и реализацию стратегии Болонского и Брюгге-Копенгагенского процессов, которые характеризуются существенными изменениями педагогической теории и практики. Важнейшие идеи lifelong learning отражены в документах Института ЮНЕСКО по образованию Гамбургская конференция по образованию взрослых (1997 г.), Образование для всех (Дакар, Сенегал, 2000 г.), Политика и стратегия образования взрослых (Квебек, 2000 г.), Международная конференция по образованию взрослых и непрерывному обучению (Копенгаген, 2001 г.), Взрослые непрерывное образование в Европе (Брюссель, 2001 г.), Софийская конференция по образованию взрослых (2002 г.), информационный ресурс Информационной компьютерной сети ЮНЕСКО ALADIN [3].

Участники Пятой Международной конференции по образованию взрослых (Гамбург, Германия, 1997 г.) подтверждают что только развитие, нацеленные на удовлетворение потребностей человека, и общество, основанное на широком участии населения и на полном уважении прав человека, позволят обеспечить устойчивое и справедливое развитие. Был сделан особый призыв с целью охвата образованием взрослых образованной влиятельной элиты общества. Такое новое видение образования взрослых требует создания общества всеобщего обучения, опирающегося на весь потенциал и все ресурсы людей и окружающей среды [2].

Посредством международного сотрудничества и опираясь на солидарность, не маловажным в укреплении национального и глобального сотрудничества в области подготовки управленческих кадров является создание благоприятных условий для международного сотрудничества: путем предоставления управленческим кадрам системы образования России более широких возможностей для встреч друг с другом в составе групп в духе диалога стран Центральной, Восточной и Южной Европы, а также посредством укрепления транснациональных сетей подготовки, которые играют роль механизмов для совершенствования подготовки управленческих кадров системы образования; за счет укрепления международных сетей, охватывающих различных участников и социальных партнеров, перед которыми стоит задача проводить оценку и обзор основных направлений политики в области подготовки управленческих кадров системы образования; посредством поддержки создания механизмов, с помощью которых можно было бы обеспечивать популяризацию и защиту индивидуальных и коллективных прав, касающихся подготовки управленческих кадров системы образования.

Разработанный нами на ФПК и ППРО Педагогического института Южного федерального университета инновационно-исследовательский проект предполагает адаптацию на Факультетах повышения квалификации в образовательном Европейском пространстве нового подхода подготовки управленческих кадров системы образования на основе изучения теории и практики подготовки управленческих кадров в странах Центральной, Восточной и Южной Европы, связанного с обучением менеджера образования в условиях изменяющейся социально-образовательной ситуации и увеличения роли образования в России.

Актуальность проблемы обуславливает:

а) стратегические изменения в приоритетах развития подготовки управленческих кадров системы образования России и стран Центральной, Восточной и Южной Европы, сформулированные на уровне «правительственных документов» модернизации образования: введение нового организационно-экономического механизма развития образования, требование эффективности менеджмента в образовании, формирование новых экономических и правовых моделей деятельности образовательных учреждений;

б) необходимость преодоления противоречия, сложившегося развитием гибкой вариативной многоуровневой системы образовательных учреждений в странах Центральной, Восточной и Южной Европы, крупных городах России и сохранением стереотипов организации и управлении образованием;

в) сопоставление стиля деятельности и уровня коммуникативно-деловой культуры ряда руководителей образования требованиям европейской практики и современных технологий менеджмента в образовании.

Вместе с тем имеющийся инновационный опыт подготовки управленческих кадров системы образования в странах Центральной, Восточной и Южной Европы накопленный и обобщенный за течение 2000–2007 гг., формирует предпосылки для проектирования новых подходов к подготовке управленческих кадров в системе образования, адаптированных к работе в изменяющейся социально-образовательной ситуации.

Обращение к зарубежному опыту обусловлено наличием в странах Центральной, Восточной и Южной Европы обширной практики подготовки управленческих кадров условиях ВУЗа, опытом работы, как ситуации децентрализации, так и при развитии тенденций централизации управления образовательными учреждениями.

Для современной российской системы управления образованием интересны модели подготовки управленческих кадров системы образования стран Центральной, Восточной и Южной Европы в ситуации осуществления реформ, в частности: обновление и обогащение интеллектуального потенциала общества. Это включает в себя постоянное формирование, стимулирование и удовлетворение потребностей в подготовке управленческих кадров; насыщение рынка труда специалистами с высоким уровнем общей культуры и профессиональной компетентности; приведение кадрового потенциала специалистов к мировому уровню. Инновационно-исследовательский проект будет учитывать опыт работы подготовки управленческих кадров системы образования, полученный в рамках сотрудничества России и стран Центральной, Восточной и Южной Европы, по проектам и программам.

Для реализации проекта определены следующие условия: использование гипермедиа-технологий и возможностей виртуального компьютерного пространства для профессионально-лично-

стного становления руководителя образования; перенесением критериев оценки эффективности подготовки управленческих кадров образования в европейский контекст; работа на основе инновационных образовательных программ, сформированных в результате интеграции педагогических достижений в области стратегического управления образованием в России и странах Центральной, Восточной и Южной Европы; обмен и внедрение оригинальных авторских технологий и методик активного обучения, созданных и прошедших апробацию в системе непрерывного педагогического образования.

В предлагаемом нами инновационно-исследовательском проекте предполагается достижение следующих *стратегических целей*: содействие обновлению корпуса администраторов и менеджеров образования в России и странах Центральной, Восточной и Южной Европы, в контексте международного опыта; расширение карьерных возможностей для молодых менеджеров образования: способных стать эффективными руководителями в системе образования городов современной России и стран Центральной, Восточной и Южной Европы.

Цель проекта мы ставим определение оптимальных управленческих условий для осуществления конкурентоспособного менеджмента в образовательной ситуации мегаполиса. Создание многоуровневой модели подготовки управленческих кадров системы образования на основе интеграции опыта России и стран Центральной, Восточной и Южной Европы.

Целевыми группами инновационно-исследовательского проекта выступают высшие образовательные учреждения системы подготовки управленческих кадров для сферы образования России и стран Центральной, Восточной и Южной Европы.

Стратегия реализации инновационно-исследовательского проекта заключается в ведущих идеях проекта: эффективность менеджмента в образовании; управление качеством подготовки управленческих кадров на всех этапах непрерывного профессионально-педагогического образования; интеграция отечественного и зарубежного опыта подготовки управленческих кадров образовательных учреждений и организатора образования.

Задачи инновационно-исследовательского проекта:

а) разработка структурно-функциональной модели подготовки управленческих кадров в изменяющейся социально-образовательной ситуации;

б) разработка и апробация многоуровневых образовательных программ для системы повышения квалификации и переподготовки кадров, ориентированных на подготовку управленческих кадров системы образования на основе современного опыта России и стран Центральной, Восточной и Южной Европы;

в) организация многоуровневого обучения управленческих кадров в системе повышения квалификации и переподготовки по следующим направлениям: экономические и правовые основы деятельности управленческих кадров системы образования в условиях государственной стратегии модернизации образования; инновационный менеджмент в образовании и педагогической науке (в отечественной и европейской практике); коммуникативно-деловая культура современного руководителя образовательного учреждения; индивидуальные и групповые стажировки у эффективных организаторов образования России и стран Центральной, Восточной и Южной Европы;

г) проектирование инновационных технологий компьютерного сопровождения профессионального роста руководителя образования всех уровней;

д) разработка и апробация модели проведения международной конференции управленческих кадров системы образования;

е) совершенствование системы стилей и карьерного продвижения управленческих кадров системы образования.

Этапы реализации проекта.

Предпроектный этап: проектная заявка; сформированные группы: участников обучения, консультантов, экспертов (российских и зарубежных); отчет о промежуточных итогах поисково-организационной работы.

1-й этап: аналитический обзор опыта подготовки управленческих кадров системы образования стран Центральной, Восточной и Южной Европы и России; теоретическая модель подготовки управленческих кадров системы образования в условиях крупного города.

2-й этап: инновационная модель обучения управленческих кадров системы образования, соответствующая приоритетам государственной политики модернизации России; учебно-методический комплекс многоуровневой подготовки управленческих кадров системы образования

(образовательные программы, диагностические и тестовые пакеты, компьютерный продукт и др.).

3-й этап: алгоритм управления карьерным ростом перспективных молодых организаторов (менеджеров) образования; положение и регламент проведения конференции управленческих кадров системы образования; рекомендации по отбору, подготовке, аттестации менеджера образования в условиях крупного города, университета, университетского комплекса, реализуемых программ надпрофессионального образования.

Послепроектный этап: учебно-консалтинговый центр подготовки управленческих кадров системы образования; база данных о резерве управленческих кадров системы образования, прошедших инновационную подготовку.

В наше время особая роль руководителей в системе современного управления обуславливает необходимость приобретения ими особых, профессиональных знаний и навыков. В свою очередь, необходимость глубокого овладения организационно-управленческими знаниями и навыками обуславливает появление профессионального руководителя – менеджера. Сложность современного производства, рост профессионального и культурного уровня населения требует профессионального управления трудовыми коллективами, в том числе научно-педагогическими.

Разработка и реализация нового подхода подготовки менеджеров системы образования на основе изучения теории и практики подготовки управленческих кадров в странах Центральной, Восточной и Южной Европы, на наш взгляд позволит в условиях рыночной конкуренции и правового государства управленцу любого уровня жизненно важно квалифицированно разбираться в экономической теории, знать принципы образовательного маркетинга, применять механизмы юридического регулирования деятельности образовательного учреждения, выстраивать собственную модель управления образовательным учреждением. Мы считаем, что международное сотрудничество и солидарность должны способствовать укреплению нового видения в подготовке управленческих кадров.

Библиографический список

1. Афонин А.Ю., Гибсон М. Роль обучения на рабочем месте в профессиональном развитии менеджеров // Организатор производства. – 2004. – №2.

2. Борисова Н.В. От традиционного через модульное к дистанционному. – М., 1999.

3. Ераносян В.П. Научно-теоретические осно-

вы организации управления функционированием и развитием образовательного учреждения. – М., 2006. – С. 4–5.

И.В. Кириллова

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ЗАДАНИЙ КОММУНИКАТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК СРЕДСТВА СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩИХСЯ УСПО

Социализация – это сложный процесс взаимодействия индивида и общества, в результате которого индивид, обогащаясь социально значимым опытом и интерпретируя полученную информацию, становится личностью.

При этом он реализует себя в трёх взаимосвязанных между собой сферах социализации – в деятельности, общении и самосознании [1]. Являясь членом общества, человек в течение всей жизни устанавливает контакты с другими людьми. Общаясь, он также осуществляет ту или иную деятельность, в процессе которой у него формируется (не без влияния социума) собственное мнение о своих знаниях, интересах, нравственном облике, мотивах поведения.

Ход социализации во многом предопределяется содержанием полученной и переосмысленной информации, наиболее значимой для индивида, что особенно характерно для периода отрочества, когда молодые люди оказываются перед выбором своего дальнейшего жизненного пути. В это время у них складывается мировоззрение, совершенствуются абстрактно-логическое и критическое мышление, подростки переосмысливают себя, своё место в этом мире и ищут наиболее адекватные способы самовыражения.

Однако далеко не всегда социализация молодёжи происходит гармонично: агрессивность, инфантильность, нежелание учиться, равнодушие к мнению старших, неприятие нравственных ценностей – далеко не полный перечень отрицательных качеств, всё чаще проявляющихся у молодых людей. Как показывает опыт работы в системе СПО, учащиеся УСПО нередко становятся «жертвами неблагоприятных условий социализации» [6, с. 23], что можно объяснить следующим:

1) адаптация подростков, покинувших стены школы, к новой для них среде, а на старших курсах – к своей будущей профессии, не всегда ус-

пешно проходит в силу их психологических и индивидуальных особенностей (повышенного юношеского максимализма; инфантильности; низкой самооценки, ещё более усугубляемой статусом учащегося УСПО; недостаточной сформированностью социально значимых качеств личности; слабой мотивацией к учению);

2) низкий образовательный уровень некоторых учащихся (во время обучения в школе составляющих так называемый контингент последних парт) во многом препятствует усвоению полифункционального материала, включающего элементы деятельности школьника и будущего специалиста одновременно [3].

В связи с вышеизложенным проблема разработки дидактических средств социализации учащихся УСПО представляется особенно актуальной. Известно, что, практически все младшие школьники проявляют любознательность и интерес к учению, которые у многих постепенно снижаются в подростковом возрасте вследствие монотонности и однообразия материала, репродуктивного способа его изложения, обилия информации и домашних заданий на некоторых предметах. Для того чтобы изменить безразличное, а порой негативное отношение к учебной деятельности и создать условия для повышения уровня социализации учащихся, необходимо учитывать их потребности. Ведущей потребностью в подростковом и юношеском возрасте является общение со сверстниками и социально значимыми взрослыми, успешность же социализации во многом предопределяется способностью к общению, которое служит главным каналом взаимодействия людей.

Именно поэтому мы разработали в качестве средства социализации учащихся задания коммуникативной направленности, т.е. направленности на общение. В настоящее время к пониманию понятия коммуникации выделяются два основных подхода.

Сторонники первого подхода (Л.С. Выготский, В.И. Курбатов, М.И. Лисина, А.А. Леонтьев, Т. Парсонс и др.) склонны считать понятия общения и коммуникации равноценными, взаимозаменяемыми [3].

Сторонники второго подхода (М.С. Каган, Г.М. Андреева, А.В. Соколов) считают их двумя различными понятиями. Так, М.С. Каган и Г.М. Андреева противопоставляют коммуникацию (как чисто информационный процесс) общению (как более многоплановому феномену), имеющему практический, материальный и духовный характер [5].

Признавая справедливость данной трактовки, мы, тем не менее, думаем, что коммуникация также может рассматриваться и как более широкое понятие, применяемое во многих научных областях и обозначающее различные виды взаимодействий. А потому для нашего исследования наиболее близка точка зрения А.В. Соколова, который, напротив, характеризует коммуникацию как более общее понятие, общение же – как более узкое. Согласно позиции учёного, общение – это одна из форм коммуникационной деятельности, в основе выделения которых лежат целевые установки партнёров по коммуникации. К ним относятся:

1) субъект-субъектное отношение как диалог равноправных партнёров или общение;

2) субъект-объектное отношение, присущее коммуникационной деятельности в форме управления (коммуникатор воспринимает реципиента как объект коммуникативного воздействия, средство достижения своих целей);

3) объект-субъектное отношение, свойственное коммуникационной деятельности в форме подражания (реципиент сознательно выбирает коммуникатора в качестве образца для подражания, при этом последний может даже не осознавать своего непосредственного участия в коммуникационном акте) [7].

Данными установками, на наш взгляд, может быть отчасти проиллюстрирован характер взаимодействия педагога и учащихся в процессе выполнения заданий коммуникативной направленности. Сначала преподаватель ставит цель – донести определённую информацию и проинструктировать учащегося, т.е. выступает в роли коммуникатора (информационный уровень общения). А после того, как учащийся усвоил необходимые сведения, преподаватель, реализуя субъект-субъектные отношения в большей мере (личностный уровень общения), воспринимает

его как равноправного партнёра, стимулирует проявление его индивидуальности.

Таким образом, по мере усложнения заданий учащиеся переходят на более высокий, личностный уровень общения, который «характеризует такое взаимодействие, при котором субъекты способны к глубокому самораскрытию и постижению сущности другого человека, самого себя и окружающего мира» [4, с. 14].

Переход на личностный уровень общения во многом способствует успешной социализации личности. Рассматривая социализацию как многоаспектный феномен, представляющий единство интеллектуального, нравственного, социального и творческого аспектов развития личности, мы разработали задания коммуникативной направленности, обеспечивающие актуализацию соответствующих качеств с учётом системного и личностно-деятельностного подходов. Коммуникативная направленность заданий в данном случае понимается нами как характеристика педагогического общения, ориентированного на развитие нравственных, социальных, творческих, интеллектуальных качеств личности с целью эффективной социализации учащихся.

Применение системного подхода при разработке заданий позволяет выделить такие их свойства, как структурированность, целостность, целенаправленность, иерархичность. Структура заданий представлена четырьмя разделами, каждый из которых подчинён развитию определённых качеств личности (нравственной культуры, коммуникативных умений, познавательной и творческой активности). Целостность обеспечивается взаимосвязанностью элементов, т.е. разделов заданий, а целенаправленность предполагает наличие единой цели, которая заключается в формировании успешной социализации учащихся. Поскольку различные элементы выполняют различные функции, то между ними устанавливается определённая соподчинённость или иерархичность, достигающаяся постепенным усложнением заданий. Ещё одна особенность системы, которой мы руководствовались при разработке заданий – это управляемость. Поэтому для реализации заданий коммуникативной направленности на практике мы разработали и теоретически обосновали педагогические условия, ориентированные на достижение результата – т.е. на повышение уровня социализации учащихся УСПО.

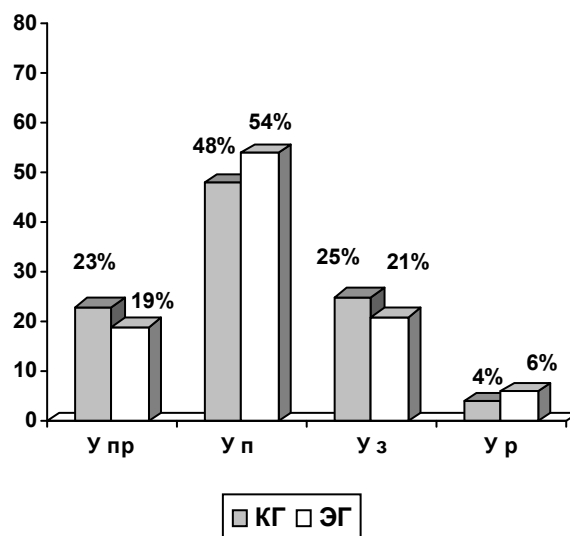

Рис. 1. Распределение по уровням социализации в контрольных и экспериментальных группах до начала опытно-экспериментальной работы

Педагогические условия, обеспечивающие результативность заданий коммуникативной направленности, были проверены нами в ходе опытно-экспериментальной работы, базой для которой является Медицинское училище №22 г. Москвы. Для этого мы разработали критерии, показатели и уровни социализации как многоаспектного феномена, включающего нравственный, социальный, интеллектуальный и творческий аспекты развития личности. Измерение данных аспектов осуществлялось на четырёх уровнях (уровень представлений, уровень понятий, уровень знаний, уровень реализации) посредством выделенных нами критериев (нравственная культура, коммуникативные умения, творческая активность, познавательная активность) и соответствующих им показателей (следование морально-этическим нормам, склонность к эмпатии, совестливость; общительность, конгруэнтность, открытость; целеустремлённость, творческий подход к решению задачи, работоспособность; развитое абстрактно-логическое мышление, интерес к знаниям, кругозор).

Сформировав на констатирующем этапе эксперимента контрольные и экспериментальные группы, мы провели диагностику с целью измерения исходного уровня социализации учащихся. Сходство данных групп обеспечивалось приблизительно одинаковым возрастом, одинаковыми условиями обучения, одинаковой профессиональной направленностью (медицинская сестра).

Проанализировав результаты диагностики, мы обобщили их, выявив исходный уровень социализации учащихся, руководствуясь данными, полученными по каждому из аспектов социализации. Результаты представлены на графике (рис. 1).

Как видно из графика, социализация большинства учащихся контрольных и экспериментальных групп развита на уровне понятий, следовательно, они не владеют необходимым набором качеств, востребованных современной жизнью. Данные отражают минимальные различия между контрольными и экспериментальными группами.

Для того чтобы убедиться в объективности полученных результатов и проверить правильность выбранной нами на начало опытно-экспериментальной работы гипотезы об одинаковом состоянии уровня социализации в контрольных и экспериментальных группах, следовало измерить уровень социализации посредством методов математической статистики. Для оценки результатов исследования мы рассчитали непараметрический критерий однородности хи-квадрат:

$$\chi_{\text{эм}}^2 = NM \sum_{i=1}^L \frac{\left(\frac{n_i}{N} - \frac{m_i}{M}\right)^2}{\frac{n_i}{N} + \frac{m_i}{M}},$$

где M – общее число единиц в контрольной группе, N – общее число единиц в экспериментальной группе, n_i – число членов в экспериментальной группе, обладающих определённым признаком, m_i – число членов контрольной группы, обладающих определённым признаком.

Сравнение эмпирического значения $\chi_{\text{эм}}^2$ с критическим $\chi_{\text{крит}}^2$ на уровне значимости 0,05

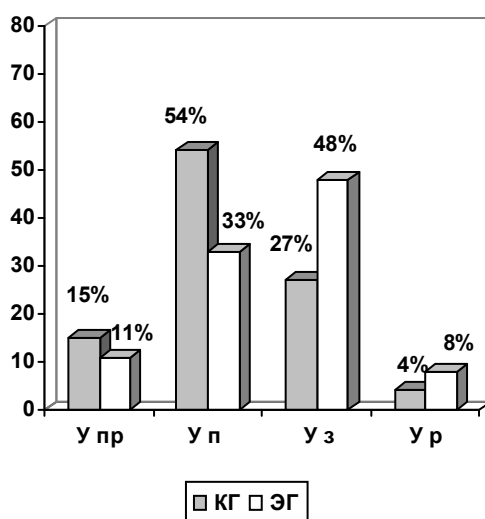

Рис. 2. Распределение по уровням социализации в контрольных и экспериментальных группах после завершения опытно-экспериментальной работы

показывает, что $\chi_{\text{эмп}}^2 \leq \chi^2_{0,05}$ ($0,38 < 5,99$). Следовательно, гипотеза об одинаковом состоянии уровня социализации контрольных и экспериментальных групп подтвердилась.

В ходе проведения первого этапа опытно-экспериментальной работы мы получили информацию об уровне социализации учащихся МУ №22 и выявили недостаточную степень её сформированности, что послужило причиной осуществления формирующего этапа эксперимента. Формирующий этап был посвящён введению педагогических условий, обеспечивающих результативность заданий коммуникативной направленности с целью эффективной социализации учащихся экспериментальных групп, тогда как в контрольных группах образовательный процесс строился с преобладанием традиционных форм заданий и упражнений. Применение заданий коммуникативной направленности как дидактического средства повышения уровня социализации учащихся обеспечивалось следующими педагогическими условиями:

- 1) внедрением принципов коммуникативного обучения, адаптированных к индивидуальным особенностям и возможностям учащихся;
- 2) воплощением системного и личностно-деятельностного подходов через постепенное услож-

нение заданий; интенсификацию рефлексивной деятельности учащихся (от индивидуального выполнения задания до коллективных форм работы), комбинирование различных видов заданий по принципу «спирали» (возвращение к тому или иному виду заданий на более высоком уровне сложности).

Как показали данные, наибольшая результативность применения заданий коммуникативной направленности как средства социализации учащихся оказалась при введении педагогических условий в совокупности (рис. 2).

Выявленная нами положительная динамика социализации учащихся экспериментальных групп по сравнению с контрольными доказала свою справедливость (табл.). Согласно полученным данным, на контрольном этапе эксперимента критерий $\chi_{\text{эмп}}^2$ составил 6,42, что больше его критического значения ($\chi_{\text{крит}}^2 = 5,99$) на уровне значимости 0,05. Следовательно, различия в уровнях социализации в контрольных и экспериментальных группах являются статистически значимыми и составляют 95%.

В ходе исследования подтвердилось, что результативность применения заданий обеспечивается совокупностью педагогических условий, а это способствует повышению уровня социализации уча-

Таблица
Динамика изменения непараметрического критерия χ^2 в ходе опытно-экспериментальной работы

Значение непараметрического критерия $\chi_{\text{эмп}}^2$			
Констатирующий этап эксперимента	Формирующий этап эксперимента	Контрольный этап эксперимента	
0,38	1,04	2,34	6,42

щихся. Значение $\chi^2_{\text{эмп}}$ возросло по завершении формирующего этапа эксперимента. Скачок пришёлся на его последнюю стадию, т.е. на тот временной промежуток, когда были реализованы выделенные педагогические условия в совокупности.

Таким образом, применение заданий коммуникативной направленности как средства социализации учащихся УСПО доказало свою эффективность, которой способствовало развитие нравственных, социальных, интеллектуальных и творческих качеств личности; специфика выполняемой деятельности (проблемность и ситуативность заданий, содержание элементов психологического тренинга, учёт индивидуальных особенностей учащихся) и совокупность специально разработанных педагогических условий.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 376 с.
2. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. – М.: Политиздат, 1981. – 432с.
3. Ефименко Е.Л. Проблема индивидуально-психологической адаптации студентов к учебно-профессиональной деятельности // Проблемы образования и социализации молодого поколения в системе среднего медицинского образования. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – С. 118–123.
4. Ефимова Н.С. Психология общения. – М.: ИД «ФПЦРУМ»: ИНФРА-М, 2006. – 192 с.
5. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
6. Мудрик А.В. Социальная педагогика. – М.: Академия, 1999. – 198 с.
7. Основы теории коммуникации / Под ред. М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2006. – 615 с.

И.А. Колесникова

ОПЫТ ВОСПИТАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ НА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТНОЙ СТАНЦИИ ЮНЫХ НАТУРАЛИСТОВ

На сегодняшний день очень актуален вопрос воспитания школьника не просто познающего природу, а юного исследователя, способного увидеть новые грани обыденных явлений и фактов, раздвинуть привычные рубежи человеческих знаний, преобразовывающего окружающий мир. В учреждениях дополнительного образования ученику предоставляются значительные возможности для реализации себя в качестве исследователя, поэтому весьма актуальны занятия детей и подростков во внешкольных объединениях натуралистического профиля.

С момента своего основания (1945 г.) ГОУДОД «Костромская областная станция юных натуралистов» осуществляет воспитание биологов-исследователей, первопроходцев – покорителей природы, естествоиспытателей, способных использовать природу для удовлетворения человеческих благ.

На базе КОСЮН с 1994 года работает областной очно-заочный клуб «Эколог» по программе «Воспитание исследовательского таланта». Данная программа адресована учащимся школ Кос-

тромской области 7–11 классов, проявляющих интерес к предметам натуралистического профиля, демонстрирующих высокий уровень способностей к исследовательской деятельности и имеющих положительные оценки по дисциплинам естественнонаучного цикла.

Поскольку Кострома расположена в юго-западной части области и до многих районных центров расстояния достигают от 200 до 400 километров, то не предоставляется возможности школьникам области для частого приезда на станцию юннатов. В то же время общий уровень учебно-исследовательской деятельности в районах области невысок, на местах школьники не могут проводить исследования, поэтому весьма актуальной является очно-заочная форма организации занятий клуба. Такой режим организации занятий дает возможность более 300 учащимся Костромской области вести серьезные исследовательские работы под руководством опытных преподавателей и специалистов.

Очно-заочная форма обучения во внешкольном объединении «Эколог» предполагает получение знаний во время сессий, проводимых на

базе КОСЮН или вузов г. Костромы два раза в год – в зимние и весенние каникулы, а также индивидуальных занятий на местах. Сессии проходят 2–3 дня (по 8–10 часов в день), занятия носят характер лекций и практикумов. В промежутках между сессиями проводятся индивидуальные или групповые консультации с методистами, специалистами и учеными. Отчет о своей работе участника клуба присылают 2 раза в год в форме реферата или научно-исследовательской работы. Тематику рефератов и программы утверждает методический Совет станции, он же осуществляет перевод школьников на следующий уровень обучения.

Реализация программы «Воспитание исследовательского таланта» строится по трем уровням сложности, что дает возможность каждому ребенку освоить содержание программы в индивидуальном темпе.

Начальный уровень программы предусматривает освоение обязательного минимума содержания теоретического материала, поэтому преобладают педагогические технологии, связанные преимущественно с объяснительными методами обучения в сочетании с демонстрацией изучаемого материала на конкретных примерах из окружающей среды (репродуктивные методы). Воспитанники совместно с педагогами станции и вузов выбирают тему исследования. Образовательный процесс осуществляется во время зимних и летних сессий, между которыми проводятся индивидуальные консультации по тематике рефератов.

Второй уровень рассчитан на преобладание продуктивных педагогических технологий, которые характеризуются проблемными методиками обучения, активностью учащихся, стимулированием и развитием их творческого мышления. Проблемное обучение на этом этапе представляет систему самостоятельной учебно-познавательной деятельности учащихся, направленную на разрешение учебных проблем.

В ходе второго года обучения юные экологи в полевых условиях отрабатывают биоиндикационные методики, это осуществляется на стационарных площадках, а также в экологической экспедиции или полевом лагере (школьном). Под руководством специалистов и ученых идет сбор материала и накопление результатов, ведется экологический мониторинг в соответствии с направлениями исследования.

Во время зимней и весенней сессий школы молодые исследователи докладывают о результатах полевого сезона, проводятся первые практические, научно-практические конференции исследователей работ.

Третий уровень – усложненный или исследовательский уровень – характеризуется не только использованием проблемных методов изучения материала, но и разработкой и применением алгоритмических технологий. Исследовательский уровень направлен на формирование не только обобщенного изучения окружающей среды и поиск моделей, путей разрешения проблем экологического характера на основе частных примеров, но и на формирование специальных умений и навыков. Этот уровень требует демонстрации учащимися навыка постановки проблемы, характеристики ее актуальности, определение объекта и предмета исследования, отбора методов и средств детального изучения проблемы, а также оформления и представления результатов исследования в разных видах.

Учащиеся прошедшие три уровня обучения становятся стажерами, работа которых заключается в проведении стажерских практикумов для новичков.

Для работы объединения характерно разделение всего времени на два сезона: зимний и летний. В зимний период (с октября по апрель) в деятельности объединения преобладает подготовительная направленность к летнему периоду, подготовка и участие в различного рода конференциях, олимпиадах, конкурсах.

Подготовительный период предполагает следующие этапы исследования:

- выбор направления и темы исследования;
- ознакомление с научной проблемой и с объектом исследования по литературным источникам;
- постановка целей и формулировка задач исследования;
- ознакомление с возможными методиками исследования и выбор среди них наиболее оптимальных;
- подготовка снаряжения и научного оборудования;
- выбор маршрута проведения исследований;
- апробирование методик работы и, при необходимости, внесение в них корректировок в соответствии с индивидуальными и возрастными особенностями юного исследователя и материально-технической базой [1, с. 5].

Таблица

Циклограмма работы областного очно-заочного клуба «Эколог» КОСЮН

Сентябрь	– Собрание членов клуба: обсуждение итогов летней экспедиции. – Сбор пресс-группы для публикации статьи в газете «Эковестник».
Октябрь	– Традиционное собрание членов клуба: встреча учащихся, поступивших в вузы. – Посвящение в экологи обучающихся первого года.
Ноябрь	– Подготовка к областному конкурсу юных исследователей окружающей среды и областному конкурсу «Подрост». – Первая сессия клуба (2–3 дня).
Декабрь	– Подготовка к областной олимпиаде по экологии. – Новогоднее заседание: интеллектуальные игры для старшеклассников.
Январь	– Областная олимпиада по экологии.
Февраль	– Подготовка к областной конференции «Шаг в будущее». – Подготовка к Всероссийскому конкурсу юных исследователей окружающей среды. – Собрание: обсуждение летней программы «Молодежь в науке: поиск пути».
Март	– Участие в областной конференции «Шаг в будущее». – Участие во всероссийском конкурсе юных исследователей окружающей среды.
Апрель	– Участие во Всероссийской олимпиаде по экологии. – Вторая сессия клуба (2–3) дня. – Подготовка к Всероссийскому конкурсу «Подрост». – Собрание: обсуждение маршрута предстоящей летней экспедиции.
Май	– Полевая школа «Биоиндикационные методики исследования окружающей среды». – Участие во Всероссийском конкурсе «Подрост».
Июнь	– Областные конкурсы юных экологов и лесоводов. – Подготовка к экспедиции.
Июль	– Экологическая экспедиция школьников области.
Август	– Оформление полевого материала: определение видов, оформление коллекций и гербариев. Первичная обработка результатов. – Полевая школа.

Летний период предполагает длительную исследовательскую экспедицию, маршрут которой ежегодно меняется. Экспедиция – это определенная модель организации познавательной деятельности, в которой должен быть реализован следующий перечень задач: дополнить и закрепить знания по различным предметам; развивать исследовательскую компетентность; формировать у школьников образ родного края и чувство любви к Родине; развивать у детей осознание собственной пользы при решении социально значимых научных и практических задач; формировать социальную ответственность и давать знания по проблемам своего края.

Обработка результатов исследований начинается после завершения сбора первичной информации, которая включает в себя: систематизацию и обработку коллекционного материала, образцов и проб, фиксацию цифровых и нецифровых данных в табличной форме, математическую и графическую обработку цифровых данных. Результаты исследовательской работы могут быть оформлены в различном виде: развернутый научный доклад, статья в газету, заявка на грант или итоговая аттестационная работа [2, с. 84].

Годовая работа объединения отражена в таблице.

Таким образом, в качестве кульминационных точек можно выделить три: осеннюю и весеннюю сессии, проводимые в ноябре и апреле, и июльскую экспедицию школьников по области. Год начинается с подведения итогов летней экспедиции, затем осуществляется представление результатов исследований на региональных и всероссийских мероприятиях, сбор теоретического материала и подготовка к исследованиям. Ежемесячно проводятся консультации по индивидуальным учебно-исследовательским работам: выбор темы и методов исследования, отработка методик, сбор первичной информации, камеральная обработка результатов, оформление работы, подготовка к защите и создание презентации.

Об эффективности реализации программы «Воспитание исследовательского таланта» свидетельствуют следующие факты. Школьники обучающиеся по данной программе являются активными участниками и победителями Всероссийских олимпиад по экологии, биологии, географии, эколого-биологической олимпиады для учащихся УДОД, всероссийских и международных кон-

курсов: «Поможем реке», учащихся по профессиям агропромышленного комплекса, юных экологов и лесоводов, юных исследователей окружающей среды, «Подрост», учебно-исследовательских конференций в вузах, Российской научно-социальной программы для молодежи и школьников «Шаг в будущее», Всероссийских Докучаевских молодежных чтений, Международной научно-практической конференции «Марш парков», Всероссийского слета ученических производственных бригад, Всероссийского форума «Зеленая планета».

Подтверждение успешности реализации программы являются победы юных экологов в соис-

кании грантов губернатора области, Президента Российской Федерации.

Библиографический список

1. Анциферов А.Л., Митрофанов Р.В. Организация исследования // Организация учебно-исследовательской работы в школе: Метод. рекомендации для учителей и школьников области. – Кострома, 2006. – С. 2–5.

2. Социальное воспитание в учреждениях дополнительного образования детей: Учеб. пособие для студентов. пед. вузов / Б.В. Куприянов, Е.А. Салина, Н.Г. Крылова, О.В. Миновская; Под ред. А.В. Мудрика. – М.: Академия, 2004. – 240 с.

О.О. Колодкина

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПСИХИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ У ЖИВОТНЫХ В ТРУДАХ В.А. ВАГНЕРА

Владимира Александровича Вагнера (1849–1934) по праву считают основателем российской зоопсихологии. Его перу принадлежит более 100 работ, в которых рассматриваются проблемы психологии животных и человека, поднимаются вопросы о моменте возникновения психических способностей в процессе эволюции и их развитии, о сходстве и различии психических способностей животных разных групп и человека. «Биологические основания сравнительной психологии» (1913), «Этюды по сравнительной психологии» (1924–1929), «Психологические типы и коллективная психология» (1929) являются яркими примерами приложения эволюционной теории к рассмотрению психических способностей. К сожалению, длительное время имя Вагнера было практически забыто. Только в последние годы работы этого ученого снова стали переиздаваться.

Распространение эволюционных воззрений среди ученых в конце XIX – начале XX в. не могло не привести к попыткам найти общие черты в психике человека и животных. Сам Ч. Дарвин [4] указывал на общность не только морфологических, но и психических признаков у обезьян и человека. При этом он был склонен преувеличивать разумные способности обезьян, чем дал повод к развитию антропоморфных взглядов на психику животных.

Критикуя позицию Ч. Дарвина [4], Д. Роменса [11] и их последователей, В. Вагнер соглашался

с их мнением о единстве и естественности происхождения психики животных. Но при этом справедливо отмечал, что, если до определенной степени измерить психику млекопитающих психикой человека возможно, то для живых организмов, располагающихся на эволюционном древе значительно ниже, это совершенно неприемлемо. «Единство в психике человека и животных есть, но его тем меньше, а различий тем больше, чем ниже та ступень классификации, на которой данная группа животных помещается; и, наконец, наступает момент, когда ни о каком единстве говорить не приходится, и когда различий оказывается неизмеримо больше, чем сходства, вследствие чего измерение животной психики психикой человеческой оказывается безусловно невозможным» [3, с. 41–42].

За отрицание возможности приложимости метода аналогий для сравнительно-психологических исследований Вагнера упрекал Ю.А. Филипченко [14]. Но он, как отмечал А.В. Петровский [10], смешивает понятия «сравнение психики животных и человека» и «анalogии между психикой человека и психикой животных», приписывая Вагнеру элементы субъективизма.

Позицию Ж. Леба [5] и его школы, предлагавших рассматривать психическую жизнь многоклеточных животных с точки зрения жизнедеятельности одноклеточных, Вагнер также подвергал критике. Он указывал на «невозможность ис-

ключения нервной системы из числа факторов психологии» [2, вып. 2, с. 6–7]. Нельзя свести все многообразие жизни только к закономерностям физики, химии и механики. Его предостережение, что «стремление подогнать явления жизни под химические формулы и руководствоваться ее законами в объяснении явлений не содействует, а мешает прогрессу науки» [1, с. 11–13] было очень актуальным в те годы, не утратило своего значения и сейчас.

Считая недопустимым рассматривать психику животных и человека с монистических позиций как «сверху», так и «снизу» (по терминологии В. Вагнера), он предложил свой объективный метод. Его несомненным достоинством является синтез данных, полученных в филогенезе и онтогенезе. И хотя филогенетические данные до сих пор разрознены и недостаточны, применение такого подхода помогает во многом исключить субъективизм из зоопсихологических выводов. Введение этого комплексного метода в психологию является несомненной заслугой Вагнера.

Не менее значимым является постановка Вагнером вопроса о возникновении и развитии психических способностей в процессе эволюции. Проанализировав жизнь Protozoa, он предлагает ее характеризовать как донервную. Вагнер считает, что наличие у них раздражимости не указывает на наличие психической жизни. Раздражимость лежит в основе психических способностей. Ее эволюция привела, с одной стороны, к возникновению нервной системы (психо-нервный путь), а с другой стороны к «реакциям, совокупность которых на высших ступенях развития обуславливает явления, называемые характером или темпераментом у животных и человека» [2, вып. 1, с. 44–45] (псевдо-психический или психо-плазмический путь).

Появление рефлекторной деятельности у животных с диффузной нервной системой также не указывает на наличие у них психических способностей. По мнению Вагнера, рефлексы как «однообразные, правильно повторяющиеся, последовательно установленные действия в ответ на специфическое раздражение» [2, вып. 1, с. 18] являются первичным нервным процессом. А ставить знак равенства между процессами нервными и психическими нельзя. «Гидра не представляет собой психологической индивидуальности» [2, вып. 2, с. 19], поэтому деятельность таких животных Вагнер предлагает называть нервной допсихической жизнью.

По мнению Вагнера, говорить о психической жизни можно только с момента появления элементарных инстинктов, а они могут появиться только при условии появления нервных ганглиев с законченным строением. Это происходит впервые у червей, следовательно, только начиная с этих животных, можно вести речь об инстинктивной деятельности, которая достигает наиболее яркого развития у членистоногих. Именно паукообразные и насекомые чаще всего использовались им для изучения инстинктов.

Для возникновения разумных способностей ученый считает обязательным условием наличие коры головного мозга. Поэтому разумом может обладать только часть позвоночных животных, а остальные – нет. Под термином «разум» Вагнер, как и большинство современных ему зоопсихологов понимает индивидуально-приобретенное поведение.

Отказывая беспозвоночным животным в разуме столь категорично, Вагнер одновременно отмечает у них признаки разумных способностей в виде топографической памяти. Круг запоминания этих животных чрезвычайно узок (главным образом место гнезда и пищи), запоминание осуществляется сразу, без повторений и является мозаичным. «Явления топографической памяти насекомых представляют собою тот момент эволюции разумных способностей, который неясно отчленен от рефлекторной деятельности» [2, вып. 5, с. 8–9]: к такому выводу приходит автор. В дальнейшем работы Фриша [15], Мазохина-Поршнякова [8] и других подтвердили выводы Вагнера об отличительных особенностях запоминания у насекомых.

Рассматривая генетическую связь между рефлексом, инстинктами и разумом, Вагнер предлагает следующую схему их взаимоотношений:

Он пишет: «Между инстинктами и разумными способностями непосредственной генетической связи нет» [3, с. 203]. Отстаивая свое мнение ученый критикует как точку зрения Г. Спенсера [12], Д. Роменса [11], предполагавших эволюцию в порядке рефлекс – инстинкт – разум, так и Д. Льюи-

са [7], полагавшего происхождение психических способностей в обратном линейном порядке.

Рассматривая взаимоотношения рефлексов, инстинктов и разума Вагнер особое внимание уделял разведению этих понятий. Очень большое место в его работах занимает рассмотрение признаков, которые могут служить критериями для этого. По его мнению, инстинкты и разумные способности относятся к психологическим образованиям, тогда как рефлекс – это только нервный процесс. Но если принадлежность разумных способностей к психологическим образованиям ни у кого не вызывала сомнений, то относительно рефлексов и инстинктов были и другие мнения.

Представители физиологического направления (И.П. Павлов и его школа) предлагали считать эти понятия синонимами. «Большинство физиологов, не видя существенной разницы между тем, что называется рефлексом и что – инстинктом, предпочитают общее название «рефлекс», т.к. в нем отчетливее идея детерминизма, бесспорнее связь раздражителя с эффектом, причины со следствием», – писал Павлов [9, с. 69].

Отстаивая свой взгляд на инстинкты как на особое психическое образование, Вагнер предлагает рассматривать их отличия от рефлексов по 3 признакам: по своему генезису, по своей психологической природе и по своей эволюции. При этом он особо указывает, что в живой природе невозможно проведение четких границ, поэтому всегда будут переходные формы как между инстинктами и рефлексами, так и между рефлексами и разумными способностями.

Анализируя генезис рефлексов и инстинктов, ученый отмечает, что «рефлексы представляют реакции на внутренние, а инстинкты – на внешние раздражения; первые поэтому являются реакциями отправления, вторые – реакциями поведения» [2, вып. 3, с. 10].

С точки зрения психологической природы они отличаются еще резче. Рефлекс – это только физиологический процесс, тогда как инстинкт представляет собой наследственное видовое знание. Предвидя возражения других ученых на это утверждение, Вагнер сразу отмечает, что у человека разумные способности подавляют инстинктивные знания. Поэтому наиболее показательные данные можно получить на беспозвоночных животных. У позвоночных животных и человека наследственные знания также есть, но индивидуально-приобретенных неизмеримо больше, что зна-

чительно затрудняет изучение у них инстинктов.

Для изучения инстинктов Вагнером предлагаются два пути: изучение психики в ее онтогенетическом развитии и изучение психических способностей половозрелых особей. Изучая поведение шмелей, Вагнер приходит к выводу, что «шмель, только что вышедший из кокона, будучи изолированным с частью сотов, обладает всеми необходимыми ему знаниями, которыми обладают и взрослые шмели» [2, вып. 3, с. 11].

Опираясь на собственные наблюдения и наблюдения других ученых (Фабр [13], Леббок [6]), Вагнер выводит основное отличие инстинктов от рефлексов. «Инстинкт представляет унаследованное з н а н и е, характеризующийся, как и всякое знание, способностью п р е д в и д е т ь, – рефлекс ничего не предвидит, никакого знания не представляет, а представляет однообразно действующий механизм, способный порождать определенную реакцию физиологического, а не психологического порядка» [2, вып. 3, с. 17].

В эволюции инстинктов Вагнер выделяет несколько этапов. На первом отличить инстинктивные действия от рефлекторных очень сложно, поскольку инстинкты возникают на базе рефлексов. Затем следует этап «флюктуативных инстинктов». Они возникают путем постепенного накопления признаков в ту или другую сторону. На третьем этапе эволюции инстинкты возникают флюктуативным или смешанным путем на инстинктах второго этапа эволюции. Четвертый этап характеризуется развитием инстинктов мутационным путем. Высшей ступенью развития инстинктов Вагнер считает их модификацию под влиянием разумных способностей.

Следует особо отметить тот факт, что Вагнер ни в коем случае не считал даже самые высокоразвитые разумные способности фактором, способным создать новые признаки инстинкта. Он рассматривал разум только в качестве фактора, «способного оказать поддержку независимо от него возникающим признакам, если последние совпадают с его линией поведения» [2, вып. 3, с. 61].

Изучая влияние психологических и морфологических признаков друг на друга в процессе эволюции, Вагнер пришел к выводу, что «... изменение морфологических и психологических признаков может совершаться независимо друг от друга двумя параллельными рядами, причем перемены в этих рядах могут совпадать, а могут и не совпадать друг с другом» [3, с. 180–181]. При этом

он признавал, что естественный отбор очень редко поддерживает благоприятные психические (морфологические) признаки, если не происходит изменения других морфологических (психических) признаков. Таким образом, как правило, изменение одних признаков вызывает усиление или угнетение других. Но эта цепь изменений может начаться как с морфологического, так и с психического признака.

Библиографический список

1. Вагнер В.А. Биопсихология и смежные науки. – Петроград: Образование, 1923.
2. Вагнер В.А. Возникновение и развитие психических способностей. Вып. 1–9. – Л.: Начатки знаний, 1924–1929.
3. Вагнер В.А. Сравнительная психология. – М.; Воронеж: Изд-во Московского психолого-социального института; Издательство НПО «МОДЭК», 2003.
4. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора... – СПб.: Издание О.Н. Поповой, 1898.
5. Лёв Ж. Механистическая концепция жизни. – 1912.
6. Леббок Д. Муравьи, пчелы, осы. – М.: Типография Е. Гербек, 1898.
7. Льюис Д. Изучение психологии, ее предмет, область и метод. – М.: Издание книгопродавца А. Ланг, 1880.
8. Мазохин-Поршняков Г.А. Зрение насекомых. – М.: Наука, 1965.
9. Павлов И.П. Рефлекс цели. Сообщение на III Съезде по экспериментальной педагогике в Петрограде 2 января 1916 г. // Вестник Европы. Кн. 4. – 1916.
10. Петровский А.В. Об основных направлениях в русской психологии начала XX века // Из истории русской психологии. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1961.
11. Роменс Д. Ум животных. – СПб.: Типография и литография В.В. Комарова, 1888.
12. Спенсер Г. Основания психологии: В 2 т. – М.: Типография Высочайше утвержденного товарищества И.Д. Сытина, 1898.
13. Фабр Ж. Инстинкт и нравы насекомых: В 2 т. – М.: ТЕРРА, 1993.
14. Филиппченко Ю.А. Предмет зоопсихологии и ее методы // Новые идеи в философии сб. 10. – СПб.: Образование, 1913.
15. Фриш К. Из жизни пчел. – М.: Мир, 1966.

Т.Ю. Конкина

РИСОВАНИЕ НА ТЕМЫ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

В центре современного образования находится развитие личности ученика, его творческих, познавательных и созидательных способностей, самостоятельности, творческой активности. Трудно переоценить в этом роль учителя. Одной из чрезвычайно важных проблем современного образования является развитие у будущего учителя творческого потенциала, который бы позволил ему осваивать все новое, что появляется в педагогической науке и практике, быть активным участником происходящих преобразований, вносить свой вклад в построение постоянно развивающейся гуманитарно-ориентированной школы.

Творческий потенциал личности педагога проявляется во внутренних источниках творческого поиска: воображении, фантазии, умении прогнозировать, комбинировании известных

способов или элементов, умении видеть предмет в его необычных функциях и связях, принимать нестандартные решения, т.е. во всем, что характеризует креативность (творческую сущность) самой личности педагога-исследователя. Творческий педагог обладает собственным педагогическим мышлением, способен продуцировать новые идеи и методы. Для творческого стиля деятельности характерны, прежде всего, самостоятельная постановка проблем, так называемая интеллектуальная инициатива, самостоятельный и оригинальный способ решения поставленных задач, стремление и умение видеть и находить новое в привычных, казалось бы, ситуациях [3, с. 32, 192].

В исследованиях известных ученых в области отечественной художественной педагогики Н.Н. Ростовцева, В.С. Кузина подчеркивается ог-

ромное значение творческого подхода самого педагога к процессу преподавания.

Понимание важности творческого развития педагога обуславливают необходимость раскрытия специальных педагогических условий, которые будут способствовать формированию ценностных ориентаций будущих учителей на творчество. Широкие возможности для этого дает художественно-изобразительная деятельность. Примером может служить занятия тематическим рисованием. Занимаясь поиском сюжета для новой композиции, студенты включаются в поиск нового материала, наблюдений, впечатлений для будущей работы. После зарождения замысла будущего изображения ведется поиск способов материализации замысла, при возникновении затруднений в реализации замысла происходит вычленение художественных противоречий, выявление неизвестного. Воплощая замысел в выбранной технике работы, студенты не только усваивают приемы изобразительной деятельности, но и познают способы и методы художественного творчества, усваивают способы создания художественного образа, включаются в поиск ответа на творческую, исследовательскую задачу с заранее неизвестным решением.

В контексте исследуемой проблемы важным для нас является определение понятия «художественно-изобразительная деятельность». Перейдем к характеристике этого понятия. Наиболее полным, на наш взгляд, является определение, разработанное в исследовании Н.И. Пьянковой. Она считает, что художественно-изобразительная деятельность (изображение и восприятие) на уроках изобразительного искусства направлена на решение трех основных проблем:

- познание способов и методов художественного творчества;
- усвоение способов создания художественного образа (специфики языка и искусства);
- усвоение приемов изобразительной деятельности [6, с. 111].

Тематическому рисованию как виду художественно-изобразительной деятельности посвящены работы В.С. Кузина, Н.Н. Ростовцева, Б.П. Юсова, Н.И. Пьянковой, Н.М. Сокольниковой, И.П. Глинской и других.

В содержание занятий тематическим рисованием входит изображение различных сюжетов из окружающей жизни, иллюстрирование литературных произведений, творческие сочинения кар-

тин на разнообразные темы [7, с. 108]. При этом тема в изобразительном искусстве понимается как круг явлений, выбранных художником для изображения и раскрытия идеи его произведения [4, с. 260].

Искусство способствует формированию творческой активности студентов в любом виде деятельности. Б.М. Неменский пишет о необходимости развития творческих способностей, говоря об их роли в любой человеческой деятельности. При этом он подчеркивает «огромные возможности» искусства «для развития творческой потенции, фантазии и интуиции» [5, с. 28].

Занимаясь изобразительной деятельностью, студенты активно включаются в творческий процесс. В изобразительном искусстве творческий процесс – это процесс претворения наблюдения реального мира в художественных образах [8, с. 477].

В контексте исследуемой проблемы для нас важно рассмотреть методы включения творческих решений в конкретные виды изобразительных заданий, проанализированные в работе Л.Б. Ермолаевой-Томиной. Остановимся на анализе методов включения творческих решений в тематическом рисовании. Автор обращает внимание на то, что творчество в работе с натуры проявляется совсем по-другому, чем в тематическом рисовании или дизайне. В каждом задании формируются разные качества творческого, преобразующего восприятия, памяти, мышления, воображения, воспитываются разные формы взаимодействия со средой, вносятся разные средства для ее эстетизации. В итоге образуется некоторый общий творческий стиль деятельности, в котором интегрируются психические процессы и личностные образования, переносимые на все виды деятельности [2, с. 258].

Для развития творческих качеств в тематическом рисовании, прежде всего, необходимо определить понятие самой темы. Существуют общие темы, имеющие множество проявлений и провоцирующие на творчество и конкретные темы, с четким указанием места и действия, которые задаются ученикам и провоцируют на точное ее выполнение.

В изобразительном искусстве существуют такие общие «вечные темы» – добра и зла, отношения между людьми, материнства, мужества, справедливости, прекрасного и безобразного, которые в разных вариантах присутствуют в творчестве художников всех эпох. Конкретные же

темы, такие как «Игра в ловилки около школы», «Дом, дерево, человек», служат основными методиками для диагностики творческих способностей, поскольку они провоцируют на стандартное выполнение, как об этом говорилось выше.

Темы, провоцирующие творчество, должны иметь, прежде всего, свободу выбора. На это должен быть направлен интеллектуальный поиск.

Кроме того, для настроя на творчество нужно ориентировать учащихся на самостоятельный поиск проблемы и темы в искусстве. Для этого достаточно дать задание – выбрать тему, которая наиболее актуальна для настоящего времени и базируется на проблемах современности. Такой поиск начинается с анализа «вечных тем» и проблем, поднимаемых в искусстве, их конкретного преломления в настоящем, а также просмотра того, какие новые проблемы и темы появились в связи с развитием цивилизации, науки и техники, например, с засилием «экранного искусства», компьютерной графики [2, с. 273–275].

Художественно-изобразительная деятельность включается в содержание эстетической подготовки студентов на факультете начального образования. Мы считаем, что активное вовлечение студентов педвуза в процесс художественно-изобразительной деятельности, постоянное усложнение деятельности, выявление и реализация потенциальных возможностей содействуют интенсивному формированию творческого уровня активности студентов педвуза.

Развитию творческого потенциала будущих учителей начальных классов способствует курс «Методика изобразительного искусства с практикумом» и дополнительные спецкурсы. Так, основной целью программы по дисциплине «Методика изобразительного искусства с практикумом» является подготовка будущих учителей начальных классов к самостоятельному проведению занятий по изобразительному искусству в 1–4 классах общеобразовательной школы, которая включает теоретические вопросы по основам изобразительной грамоты, основные методические аспекты, раскрывающие специфику преподавания изобразительного искусства в школе, а также занятия практической направленности, которые сориентированы на формирование творческих способностей студентов.

В учебный процесс факультета начального образования включен спецкурс «Художественные техники на уроках изобразительного искус-

ства в начальной школе». Цель спецкурса – дать методическую и практическую подготовку будущим учителям начальных классов к самостоятельному проведению творческих занятий по изобразительному искусству. Практические занятия строятся с опорой на теоретический материал. Большое внимание уделяется заданиям, позволяющим проявить творчество, развивающим воображение: будущие учителя начальных классов знакомятся с такими техниками работы, как монотипия, диатипия, акватушь, граттаж, рисуют тушью замок, конструируют из бумаги театр, выполняют не только самостоятельные творческие работы, но и разрабатывают творческие задания для детей, опираясь на программу «Изобразительное искусство и художественный труд» (авторский коллектив под руководством Б.М. Неменского). Программа ставит задачей не только практическое ознакомление студентов с выразительными средствами изобразительного искусства, развитие их творческих способностей, но и помогает студентам накопить наглядный материал, необходимый для работы с детьми. Программа спецкурса рассчитана на 39 часов (34 практ. и 5 зач.) – на V курсе очного отделения.

Мы полагаем, что активное вовлечение студентов педвуза в процесс художественно-изобразительной деятельности, постоянное усложнение деятельности, выявление и реализация потенциальных возможностей, создание специальной системы педагогических условий содействуют интенсивному формированию творческого уровня активности студентов педвуза. Мы разработали систему условий, способствующих формированию ценностных ориентаций у студентов педагогического вуза на творчество в художественно-изобразительной деятельности. Считаем, что эту группу условий составляют:

- если в процессе обучения у студентов будет складываться достаточно полное представление о ценностных ориентациях на творчество в художественно-изобразительной деятельности и стремление к овладению необходимыми знаниями и умениями;

- если приобщение студентов к ценностям творчества будет проходить в условиях развития интереса к изучению изобразительного искусства, воспитания у студентов веры в свои силы, в свои творческие способности;

- если процесс взаимодействия педагога и студентов, студентов между собой будет вызы-

вать чувство взаимной и личной удовлетворённости достигнутым результатом;

– если ориентация на ценности творчества станет потребностью студентов;

– если приобщение студентов к ценностям творчества будет проходить в условиях последовательного усложнения изобразительной деятельности, обеспечение перспектив развития художественного творчества студентов.

В течение двух лет обучения по курсу «Методика преподавания изобразительного искусства с практикумом» студенты знакомятся с методикой преподавания рисования с натуры, декоративного рисования, тематического рисования и иллюстрирования, беседами по изобразительному искусству. Изучение теоретических вопросов строится с опорой на практические занятия, ориентированные не только на изучение основ изобразительной грамотности и на знакомство с основными изобразительными заданиями, включенными в программу для начальной школы по изобразительному искусству, но и способствующие творческому развитию будущих учителей начальной школы. На основании анализа современных исследований мы можем говорить о том, что тематическое рисование является одним из условий творческого развития будущих учителей начальных классов. На занятиях тематическим рисованием, студенты сначала получают конкретные темы для рисования, например «Изображение весеннего пейзажа», затем им предлагаются темы, предполагающие поиск сюжета изображения, способов материализации замысла. Например, такие темы как «Пейзаж настроения», «Иллюстрирование литературного произведения».

В исследование были вовлечены 78 студентов первого и второго курсов факультета начального образования, из которых 33 студента I курса и 45 студентов II курса. С целью выявления творческого уровня активности в процессе художественно-изобразительной деятельности нами было предложено студентам педвуза выполнить композицию на свободную тему. Причем были названы примерные вопросы, которые могли быть отражены в композиции. Студентам предлагалось самостоятельно выбрать тему работы, сюжет для изображения, стиль выполнения, технику работы, материалы необходимые для работы.

Рассмотрим критерии и показатели уровня творческой активности студентов в процессе ра-

боты над изображением. По критерию «Выбор темы работы» мы оценивали предпочтение оригинальной, интересной, необычной темы, существенные отличия выбранной темы работы от тем других студентов.

При определении показателей по критерию «Оригинальность идеи (сюжета) изображения» мы опирались на тест «Дерево, дом, человек», разработанный психологом Л.Б. Ермолаевой-Томиной. Тест использовался для исследования показателя творчества. Согласно тесту изображения выполненные студентами в зависимости от формы и содержания распределялись на три группы: 1) по форме стандартным выполнением этого задания студентами являлась простая констатация реальности, где размещение дома, дерева и человека не меняло смысла изображения, не несло какой-либо новой информации для зрителя; 2) по содержанию нетворческими были все изображения, в которых внешняя форма искажалась без всякого смысла; 3) в творческих по форме и содержанию рисунках через конкретное изображение поднимались общие и значимые проблемы настоящего и вечного, как индивидуальные, так и социальные [2, с. 286–289]. Итак, по критерию «Оригинальность идеи (сюжета) изображения» мы выделили следующие показатели: стандартные, нетворческие и творческие по форме и содержанию изображения.

Критерий «Качество воплощения идеи» касается изобразительного качества выполненной работы. Для передачи своей мысли ученик находит наиболее соответствующую, удобную и оригинальную художественную форму. Усилить информативную направленность можно свойствами линии и цвета, расположением и величиной фигур, графическим приемом, применением средств гармонизации. Оригинальность проявляется и в совмещении в одном произведении разных по свойствам материалов: цветных карандашей и шариковой ручки, гуаши и фломастера, цветных карандашей и маркера и т.д. [1, с. 76]. По критерию качества воплощения идеи мы выделили показатели: существенные отличия от художественных приемов других студентов, необычность использования выбранных материалов и инструментов (например, их сочетание), выбор материалов и инструментов, не характерных для заданий по основному курсу (выбор тех материалов, с которыми студентов не знакомят на занятиях).

При выборе темы для своей композиции 28% студентов предпочли выполнить пейзаж настроения, 18% студентов привлекли темы, связанные со сказочными, мультипликационными образами, 14% студентов свои композиции посвятили изображению животных, 10% выполнили работу на тему абстрактных, современных образов. Выполнили декоративную композицию 9% студентов, в сюжетной композиции отразили переживания человека 9% студентов, 5% студентов выполнили натюрморт. Остальные студенты посвятили свои работы изображению композиций на тему школьной жизни, цирка (2,5%), выполнили портрет (2,5%), изобразили интерьер (1%). При этом на II курсе отдал предпочтение оригинальной, интересной, необычной теме, отличающейся от тем других студентов и от заданий, выполняемых по основному предмету «Методика преподавания изобразительного искусства с практикумом» 53% студента, а на I курсе 45% студентов.

В творческих по форме и содержанию рисунках студентам удалось найти оригинальную идею (сюжет) изображения, таких работ на II курсе 38%, а на I курсе 24%. По содержанию нетворческими были все изображения, в которых внешняя форма искажалась без всякого смысла, на II курсе таких работ 27%, а на I курсе 24%. По форме стандартным выполнением этого задания студентами являлась простая констатация реальности, где размещение элементов композиции не меняло смысла изображения, не несло какой-либо новой информации для зрителя. На II курсе стандартным выполнением задания можно назвать 35% работ, а на I курсе 51%.

Существенные отличия художественных приемов, используемых для воплощения замысла в композициях от художественных приемов других студентов на II курсе составили 38% работ, а на I курсе 27%. Необычно использовали выбранные материалы и инструменты на II курсе 15% студентов, а на I курсе 9%. Выбрали материалы и инструменты, не характерные для заданий по основному предмету на II курсе 47%, а на I курсе 27%.

Анализ художественно-изобразительной деятельности по созданию тематических композиций, выполненных студентами I и II курса, позво-

лил выявить ее значительные возможности для возрастания уровня творческой активности студентов педвуза. Представленные данные по курсам показали, что результаты выполнения задания лучше у студентов к концу второго года обучения. Занимаясь выбором темы работы, поиском сюжета для своей композиции, воплощая замысел в выбранной технике работы, студенты показали заинтересованность в успешном результате работы, у студентов проявляется желание открывать новые грани, находить нестандартные решения в выполнении своих работ, адекватно оценивать их, перестраивая свою деятельность в направлении оригинальности, построения известного в постоянно меняющихся комбинациях, накапливая опыт творческой деятельности.

Библиографический список

1. *Аранова С.В.* Обучение изобразительному искусству. Интеграция художественного и логического. – СПб.: КАРО, 2004. – 176 с. (Модернизация общего образования).
2. *Ермолаева-Томина Л.Б.* Психология художественного творчества: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. – М.: Академический Проект: Культура, 2005. – 304 с.
3. *Загвязинский В.И.* Методология и методы психолого-педагогического исследования: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.И. Загвязинский, Р. Атаханов. – М.: Академия, 2003. – 208 с.
4. *Кирцер Ю.М.* Рисунок и живопись: Учебное пособие. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Высш. шк., 1997. – 271 с.
5. *Неменский Б.М.* Мудрость красоты. – М.: Просвещение, 1987. – 255 с.
6. *Пьянкова Н.И.* Изобразительное искусство в современной школе. – М.: Просвещение, 2006. – 176 с. (Библиотека учителя. Изобразительное искусство).
7. *Ростовцев Н.Н.* Методика преподавания изобразительного искусства в школе: Учебник для студентов худож.-граф. фак. пед. ин-тов. 3-е изд., доп. и перераб. – М.: АГАР, 2000. – 256 с.
8. *Чернецова Е.М.* Искусство. Словарь-справочник. – М.: Библиотека Ильи Резника, 2002. – 576 с.

О.О. Копнина

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА И СТРАТЕГИИ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

Для формирования гармоничной личности, развития у ребенка адекватной самооценки, необходимой при установлении правильных взаимоотношений с окружающими людьми, рядом с ребенком должен находиться любящий и понимающий его взрослый человек. Э. Эриксон считает наличие в младенчестве тесного и эмоционально насыщенного контакта с матерью основой развития у ребенка самостоятельности, уверенности в себе, независимости и в то же время теплого, доверительного отношения к другим людям. В этот период ребенок должен приобрести чувство доверия к окружающему миру, что становится основой формирования позитивного самоощущения. При формировании личности ребенка с отклонениями в развитии, в том числе детей с нарушениями слуха, значимость семьи существенно возрастает.

Выделяя культуру родителей как важный компонент воспитательного потенциала семьи, большинство авторов обращаются к понятию культуры родителей как к «педагогической», но представляют её по-разному. Во второй половине XX века большой вклад в разработку содержания педагогической культуры родителей и путей её развития внесли исследования Е.В. Бондаревской, И.В. Гребенникова, Т.А. Куликовой, Е.И. Наседкиной, В.Я. Титаренко и другие.

Определение педагогической культуры родителей дается в кратком словаре «Семейное воспитание» (1990), где её трактуют как «основу собственно педагогической деятельности отца и матери, которая помогает избежать ошибок в воспитании и находить верные решения в нестандартных ситуациях». Помимо этого, в статье обозначаются четыре компонента педагогической культуры родителей:

– гносеологический компонент родительской культуры, в соответствии с которым родители должны обладать знаниями по социологии, физиологии, психологии детей, знаниями о целях, средствах, способах и результатах педагогической деятельности;

– операционный компонент, соответственно которому родители должны обладать определенными умениями, позволяющими применять методы воспитания;

– аксиологический компонент, показывающий любовь родителей к детям и значимость родительства для них;

– креативный компонент педагогической культуры родителей, проявляющийся в творческом использовании имеющихся у них знаний и умений в воспитательной деятельности (Семейное воспитание. Краткий словарь / Под ред. И.В. Гребенникова, Л.В. Ковинько. – М.: Политиздат, 1990. – 319 с.).

Принимая во внимание, что семья, воспитывающая ребенка с нарушением слуха, имеет свои особенности, на основе анализа исследований педагогической культуры родителей Е.В. Бондаревской, И.В. Гребенникова, Т.А. Куликовой, О.С. Нестеровой, В.Я. Титаренко и других, мы сформулировали определение педагогической культуры родителей, воспитывающих ребенка с нарушением слуха: *«Педагогическая культура родителей детей с нарушением слуха является частью их общей культуры и представляет собой такое личностное образование, которое выражается в ценностно-гуманном отношении к ребенку, понимании его личностных особенностей, творческом применении педагогических знаний и технологий, направленных на реализацию процесса воспитания и поддержку развития ребенка с учетом особенностей развития детей с нарушениями слуха».*

В структуре ее мы также выделим мотивационно-ценностный, информационно-содержательный и технологический компоненты.

Мотивационно-ценностный компонент также выражается в типе родительского отношения к ребенку, имеющему ограничение слуха, направленного на его успешную социализацию и интеграцию в общество, в осознании семьи как ценностного социального института, понимании и осознании ответственности родителей за воспитание детей, любви к детям, защите их прав и интересов, заботе об их здоровье и самочувствии, признании значимости внутрисемейного общения. На высшем уровне данный компонент проявляется в гуманной педагогической позиции по отношению к ребенку.

Содержательный компонент представляет совокупность знаний родителей о закономерности

стях психического развития детей с ограничениями слуха: знания по сурдопсихологии и психологии семейных отношений, знания в области сурдопедагогики, семейной педагогики, целях педагогической деятельности и методах воспитания детей с нарушениями слуха, а также знаний об организации жизнедеятельности семьи, в которой воспитывается ребенок с нарушенным слухом.

Технологический компонент проявляется через способы общения родителей с детьми в различных сферах деятельности. На высшем уровне – это диалог родителя и ребенка, демократический стиль общения, сотрудничество с детьми, проявление чувства сопереживания и сопричастности в совместной деятельности. Такой диалог возможен только при владении всеми специфическими средствами общения с глухими и слабослышащими людьми.

Рассматривая особенности семей, в которых воспитывается слабослышащий или глухой ребенок, мы выявили **основные факторы**, оказывающие влияние на формирование поведенческих стратегий родителей детей с ограничениями слуха:

1. Тип родительского отношения к ребенку с нарушением слуха:

- A Полное принятие;
- B Сверхопека;
- C Нереалистическое отношение;
- D Безразличие.

2. Ориентация на биолого-медицинскую или социально-культурную концепции глухоты:

- A Биолого-медицинская концепция;
- B Социально-культурная концепция.

3. Уровень владения невербальными средствами общения (дактиль, жестовый язык – далее ЖЯ):

- A Родители не знают ЖЯ, могут знать дактиль;
- B Знание жестов и дактиля на среднем уровне;
- C Высокий уровень владения ЖЯ.

4. Пребывание ребенка в учреждении интернатского типа:

- A Ребенок живет в интернате;
- B Ребенок живет дома.

Различное сочетание показателей данных факторов будет определять стратегию родительского поведения. Отметим, что четвертый фактор – пребывание в учреждении интернатного типа – оказывает влияние, но не является определяющим фактором. Поэтому при составлении сочетаний этот элемент не учитывался.

Рассмотрев все сочетания факторов, исключив невозможные, рассмотрим наиболее типич-

ные воспитательные стратегии в семье с неслышащим ребенком и слышащими родителями.

I. 1A 2A 3A 4A (4B)

II. 1A 2B 3A 4A (4B)

III. 1A 2B 3B 4A (4B)

IV. 1A 2B 3C 4A (4B)

V. 1B 2A 3A 4A (4B)

VI. 1C

VII. 1D 2A 3A 4A (4B)

1A 2A 3A 4A (4B) – принимая инвалидность ребенка, родители ищут возможные пути решения проблемы, главной целью родителей является обучение ребенка внятной устной речи, поэтому все невербальные средства отвергаются. Родители относятся к ребенку с любовью и состраданием, но встречаются с ребенком редко (на каникулах) (4A). Они хотят, чтобы их ребенок соответствовал общепринятым стандартам, был как все остальные дети. Дома ребенок чувствует заботу, но также понимает, что не такой как все, не похож на других. Ребенок воспринимает поведенческие образцы больше на визуальном уровне, что-то может понять, читая по губам, общаться с родителями естественными жестами (кушать, спать). Такой способ общения приемлем только в младшем школьном возрасте ребенка. В такой стратегии существует риск формирования в дальнейшем комплекса неполноценности у ребенка.

1A 2B 3A 4A (4B) – родители принимают глухоту ребенка как данность, не считают это трагедией, принимают особенности культуры глухих, поощряют развитие индивидуальности ребенка, низкий уровень владения невербальными средствами коммуникации может объясняться проживанием ребенка в интернате, когда ребенок бывает у родителей крайне редко (4A), или небольшим возрастом ребенка (4A, 4B). Общение в семье происходит при помощи естественных жестов, которых с взрослением ребенка становится недостаточно. Если ребенок живет в интернате, основную информацию о нормах поведения он получает от сверстников. Приезжая домой, ребенок оказывается в «вакууме». Живя с родителями, ребенок воспринимает информацию настолько, насколько семья может ее показать и объяснить. С возрастом он больше отдален от семьи не только из-за подростковой приверженности друзьям, но и потому, что с родителями все меньше тем и возможностей для разговора. Степень выраженности отдаления зависит от фактора 4. В целом данная стратегия оценива-

ется нами как положительная, т.к. при создании соответствующих условий для обучения мотивированные родители смогут обучиться языку жестов и стать ближе к ребенку, с которым в ближайшем будущем необходимо поговорить «по душам», объяснить какие-то вещи с точки зрения взрослых, а не сверстников.

1А 2В 3В 4А (4В) – родители трезво оценивают ситуацию, относятся к ребенку с пониманием, признают его право развиваться по «своему сценарию», могут общаться с ребенком более близко, чем в предыдущих моделях, т.к. знают жесты, пускай и на элементарном уровне. Ребенок видит, что родители пытаются стать ближе к нему, чувствует свою индивидуальность и нужность. Каких-то сложных воспитательных бесед вести родители не могут, ребенок воспринимает образцы поведения на визуальном уровне, хотя многие простые вещи, понятия семья может пояснить. Если ребенок живет в интернате, члены семьи видятся не часто, но приезжая домой ребенок всегда может рассчитывать на понимание. В целом в семье складывается атмосфера близких отношений и доверия.

1А 2В 3С 4А (4В) – данная стратегия наиболее желательна. В нашем понимании она является идеальной моделью, к которой необходимо стремиться, ее осуществление является целью обучения родителей. Родители принимают право ребенка на индивидуальность, понимают, что у глухих есть свои психологические особенности восприятия мира и субкультура. Прилагая большие усилия, родители выучили язык жестов, понимая всю важность этого для успешного процесса социализации. В такой семье ребенок чувствует себя наиболее комфортно. Хотя фактор «проживание в учреждении интернатского типа» влияет на степень близких отношений с ребенком, независимо от него, ребенок чувствует себя очень комфортно в семье, отношения приближены к модели отношений с неслышащими родителями. Отличие только в том, что сами родители не являются носителями культуры глухих, но, тем не менее, стараются понять ее, приблизиться к ней.

1В 2А 3А 4А (4В) – родители жалеют ребенка, считают его больным, не способным к нормальной жизни, недооценивают его способности, не позволяют ему ничего делать дома. Члены семьи не знают жестовой речи, т.к. не считают необходимым общаться с ребенком на его языке. Невоз-

можность до конца узнать своего ребенка рождает стереотипы, состоящие в том, что глухой ребенок малосознателен, зависим, безответствен, обладает ограниченными интересами. Главной задачей воспитания и обучения ребенка считают обучение его устной речи, не акцентируя внимание на его личностном развитии. Нормы поведения ребенок перенимает у сверстников (живя большую часть времени в интернате) (4В) или смотря на родителей, не всегда понимая «что?», «зачем?» и «для чего?» (4А).

1С – родители не хотят признавать, что их ребенок глухой, не понимают, что он имеет свои особенности развития, ставят перед ним сложные и часто невыполнимые задачи. Не владея жестами, они к тому же не могут четко выразить, чего они ждут от ребенка (3А). Ребенок, не соответствующий их требованиям, чувствует себя неудачником, одиноким, а зачастую и несчастным, не ощущает поддержки со стороны семьи. Ребенок, живущий в интернате (4А), еще более сложен для понимания родителями, т.к. он очень редко бывает в семье. Такая стратегия нуждается в коррективке, т.к. существует риск развития у ребенка комплекса неполноценности.

1D 2А 3А 4А (4В) – присутствует эмоциональное неприятие ребенка, из-за его «недостатка» родители избегают общения с ним, в семье отсутствуют какие-либо попытки понять, полюбить его. Целенаправленным воспитанием ребенка никто не занимается, он усваивает нормы поведения исключительно визуально, и никто в семье не пытается объяснить ребенку, почему и когда нужно поступать именно так. Ребенку из такой семьи лучше находиться в интернате. В таком случае лишенный родительской заботы ребенок хотя бы находится под присмотром.

Сопоставляя показатели воспитательных стратегий и компоненты педагогической культуры, мы пришли к следующим выводам: тип отношения к ребенку в семье есть ни что иное, как выражение мотивационно-ценностного компонента педагогической культуры. Приверженность к одной из концепций обусловлена, прежде всего, той информацией, которую имеют родители, обнаружившие, что их ребенок лишен слуха, а также теми целями и методами воспитания и обучения, которые выбирает семья, исходя из этой информации. Таким образом, этот фактор имеет непосредственное отношение к информационно-содержательному компоненту. Владение навыка-

ми невербального общения с глухими людьми – проявление технологического компонента.

Так, мы можем утверждать, что воспитательная стратегия есть действенное выражение уров-

ня педагогической культуры, т.е., определив воспитательную стратегию родителей, мы сможем сделать вывод об уровне педагогической культуры семьи.

В.Е. Мелехова

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ТИПА ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В РУСЛЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Социально-экономические перемены, происходящие в Российской Федерации, отражены в системе высшего профессионального образования. В условиях изменения социальной жизни общества наиболее отчетливо представляется изменение существующих до настоящего времени общественных, политических, идеологических ценностей. Поэтому построение гражданского общества вызывает необходимость создания новых общественно-политических и экономических структур, а главное – становление новых отношений между людьми, основанных на гуманистических ценностях. В современной России утрачено привычное социальное самоопределение людей, которые пытаются определить себя в ряду других сообществ и групп.

Современный студент оказывается в сложном, быстро изменяющемся, хаотичном и достаточно дисгармоничном мире. Соответственно должны повышаться и его самостоятельность, ответственность за свою судьбу, возникает необходимость постоянного самоопределения в новых ситуациях социальной и профессиональной жизни.

По мнению В. Франкла, в век распространяющегося все шире чувства утраты смысла жизни образование должно быть направлено на то, чтобы не только передавать знания, но и оттачивать совесть, воспитывать ответственность: «быть ответственным – значит быть селективным, избирательным. Мы живем в обществе «изобилия», средства массовой информации заливают нас потоками стимуляции. Если мы хотим, не хотим утонуть в этом потоке, то должны научиться различать, что существенно, а что нет, что имеет смысл, а что нет, за что отвечать, а за что нет».

В связи с этим значительно повышается роль образования в личностном развитии и становлении человека, в помощи ему при решении жизненных проблем, самоопределении и самореализации.

Формирование типа личности современного студента в социально-педагогическом контексте, прежде всего, направлено на развитие человека – студента в процессе сложного, динамического и профессионального самоопределения, так как он овладевает способом существования современного бытия. Современная социальная ситуация ограничивает значение человека до «прикладных» возможностей, при этом забывается высочайшее предназначение в этом мире, то есть духовность. И в этой ситуации педагогическая наука ставит вопрос о необходимости гуманизации, гуманитаризации образования (И.Н. Пашковская, 1999).

Гуманизация образования как ведущая тенденция его развития означает обращенность образования к человеку, создание условий для проявления и развития его индивидуальности. Данная тенденция предполагает создание социально-педагогических условий для развития и реализации личности студента, его целостного видения мира, предназначения человека в нем, освоением способов бытия в русле гуманитарной парадигмы.

Моделирование гуманитарного типа личности студента предполагает формирование гуманистического мировоззрения, развития гуманитарного стиля мышления и чувств – то есть, субъект-субъектного взаимодействия педагога и воспитанника, в результате которого осуществляется обмен ценностями, уроками жизненного опыта, взаимопроникновение сознаний. А для этого нужно развивать интеллект, способность к диалогу, критичность, динамичность, мобильность, открытость инновационным процессам, прошлому и новому опыту. Фактически это позволяет рассмотреть человека-студента как носителя ценностей, а также как индивидуально-личностное, субъектно-деятельностное начало.

Современному обществу необходимы специалисты-профессионалы, обладающие чувством соб-

ственного достоинства и признающие и формирующие достоинство окружающих людей. Но основанием любой образовательной концепции служит идеология и социальные воззрения, отражающие стратегическую цель, к которой стремится общество с точки зрения его социального устройства.

Все чаще ставятся под сомнение воззрения на образование как на инструмент государства, используемый им для формирования определенного социального типа личности, удобного для данной социальной системы (идеологической концепции), или же сведения образования к узко-профессиональной подготовке (технократической концепции). Критика данных концепций базируется на выводах, к которым приходят ученые, исследуя последствия развивающегося кризиса культурных ценностей, экологического кризиса, нарастание аномалий, продуцирующих рост преступности и деструктивных процессов в социальных отношениях. Значит, существующие традиционные концепции образования становятся неэффективными. Необходим новый взгляд на образование как элемент мирового сообщества, мировой культуры, части природного мира, но взятого не в традиционно узком, а в космическом измерении (В. Вернадский, 1993).

Из этого можно предположить, что современная концепция образования должна базироваться на глобальных ценностях, вытекающих из осознания единства природы и человека. Таким образом, человек является частью природного мира, и в значительной степени следует его законам. Для того чтобы изменить сознание и психологию человека необходима такая образовательная стратегия, которая способствует формированию у него потребности учитывать фактор единства человека и природы не только при принятии управленческих решений, но в повседневной жизни и деятельности. Именно институт образования наряду с институтом семьи является базисом становления личности и трансформации знаний, необходимых для дальнейшей профессиональной деятельности и личной жизни человека.

В. Прокопюк отмечает, что гуманистические тенденции в разных областях жизни (социальной, профессиональной, образовательной) сопровождаются освоением способов бытия в гуманистической парадигме, формированием гуманитарного стиля мышления и его гибкостью, динамичности, диалоговостью, а также комплекса знаний современного уровня, ориентированных на че-

ловека, способностью к вариативному применению этих знаний, готовностью к их критическому пересмотру. Поэтому сознание гуманитарного типа личности всегда ориентировано на рассмотрение человека как целостности индивидуально-личностного, субъективно-деятельностного начала, что позволяет человеку строить жизнь в профессиональном плане.

Ф.Э. Шереги, В.Г. Харчева, В.В. Серикова (1997) установили, что современная школа не в полной мере выполняет свои функции и не соответствует духовному формированию личности. Соответственно, она практически не создавала необходимой базы знаний для получения высшего образования, не обеспечивала возможности непрерывного образования, которое в современных условиях является требованием времени. Следовательно, многие проблемы, с которыми столкнулось высшее профессиональное образование, связаны с недостатками системы образования, ее концепции: «Наряду с издержками в профессиональном образовании во многих отраслях знаний российская наука стала значительно отставать от мирового уровня. Отсутствие государственных стандартов, часто заниженные требования к знаниям, особенно в отношении так называемых национальных кадров, привели к созданию огромной армии «середняков» и в учебе, и на производстве. Значительно снизился интерес к высшему образованию. Для многих студентов его ценность определялась лишь получением дипломов или формой спасения от военной службы».

Социально-экономические и научно-технические изменения, происходящие в обществе, изменяющиеся потребности и интересы людей диктуют необходимость постоянного обновления сферы базового высшего образования. Без такого обновления возникает проблема соответствия одного уровня образования другому. Так как, образование как целостный педагогический процесс имеет определенную преемственность, и позволяет обеспечить эффективное восприятие и освоения учащимися программ различных уровней.

Гуманизация высшего образования в современных условиях является наиболее значимой проблемой для ВУЗов РФ. Поэтому проблема формирования гуманистической направленности личности будущего студента – это один из факторов гуманизации образования в целом.

Решение данной проблемы связано с подготовкой специалиста, способного сопоставлять

свои действия и поступки с будущей деятельностью, прогнозировать ее в соответствии с социальными требованиями и внутренними требованиями к самому себе.

Таким образом, формируются три модальности профессиональной активности будущих специалистов: интеллектуальные предпосылки активности (глубина осознания роли), эмоциональные предпосылки активности (уровень вовлеченности в профессию), поведенческие предпосылки активности (характер исполнения роли, стиль деятельности) (И.Н. Пашковская, 2001).

Ю.Н. Кулюткин (1998) рассматривает гуманизацию одновременно как принцип и результат педагогических процессов, перестраивающихся соответственно запросам новой социальной ситуации. Поэтому гуманизацию педагогических процессов обычно связывают с созданием условий для формирования развития и реализации личности своих творческих возможностей, с формированием целостного восприятия мира в его социальном и историческом развитии.

Каждое поколение, входя в общественную жизнь, наследует определенный уровень развития общества и сложившийся образ жизни. Но оно не всегда способно включиться в жизненные процессы социума без предварительного освоения. Поэтому знания, умения, желание жить и действовать в данном обществе являются необходимой предпосылкой вхождения молодежи в жизнь социума.

Таким образом, необходимой предпосылкой профессионального формирования будущего специалиста в русле гуманистической концепции развития человека является, прежде всего, методологическое обоснование гуманистической парадигмы подготовки человека к выбранной им деятельности и определение способности к саморегуляции, где отправной точкой выступают ценностные и профессиональные ориентации.

В.С. Степин (1994) считает, что смысл философского исследования всегда состоял в том, чтобы не только прояснить те мировоззренческие структуры, которые определяют образ мира и образ жизни людей в ту или иную историческую эпоху, но и, рефлексируя над этими (глубинными) структурами, предположить возможные варианты новых жизненных смыслов и новых ценностей. В этих условиях актуальны мировоззренческие универсалии – категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный

опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит его в целостность и все явления действительности.

При этом он выделяет особые типы категорий, посредством которых выражены определения человека как субъекта деятельности, структуры его общения, его отношение к другим людям и обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни («человек», «общество», «Я», «другие», «сознание», «добро», и т.п.).

В мировоззренческих универсалиях можно выделить абстрактное содержание, свойственное различным типам культур и образующие глубинные структуры человеческого сознания. А он во многих случаях соединен со специфическими смыслами, присущими культуре определенного общества, которые выражают особенности способов общения и деятельности людей, хранения и передачи социального опыта, принятую в данной культуре шкалу ценностей (В.С. Степин, 1994).

Именно поэтому в современных условиях методологическое обоснование гуманистической парадигмы развития человека базируется на идеях гуманистической философии человека и психологических концепциях развития человека.

Следует отметить, что гуманизм своими корнями уходит в эпоху древней Греции и Ренессанса, в настоящее время он становится определенным мировоззрением и психолого-педагогической установкой человека.

Поэтому его проблематика касается смысла человеческой жизни и, соответственно гуманизм играет важнейшую роль как в развитии общества, так и в процессе становления, формирования личности каждого отдельного человека. Благодаря философии гуманизма человек вырабатывает общий гуманистический подход к пониманию мира, своего собственного существования и роли в мире. Это позволяет ему правильно ориентироваться в решении тех или иных познавательных задач и позволяет выработать определенную структуру ценностных ориентаций в существующем мире ценностей, которую он реализует в своей профессиональной деятельности.

Изучая студента как субъекта познавательной деятельности, мы акцентировали значение его личности, понимаемой как способность «Я» к самооценке, саморегуляции, самопониманию, самоопределению как в ценностно-смысловом, так и профессиональном отношении. Сегодня акту-

альным стало рассмотрение процесса формирования личности в направлении неогуманистической концепции: человек становится человеком, поскольку он как духовное биосоциальное существо выходит за пределы своего телесного и душевного бытия.

То есть основой самоопределения признается принятие решения, поступок, который дает толчок к действию, к становлению нравственной позиции. И это положение принципиально важно для формирования определенного типа личности, в русле гуманистической направленности для будущего специалиста и выражает его главные, постоянные ориентации по отношению ко всем сферам духовной жизни общества.

Заслуживает внимания направление гуманизма, которое определяется как взаимодействие человека с человеком (что принципиально для отношения «учитель-ученик»). Способность взаимодействовать с другим человеком позволяет обоим субъектам взаимодействия обогащаться духовно и в то же время обособляться. Через обособление приходит новый этап духовного роста. С.Г. Вершловский (1994) пишет, что человек является таковым или в силу осмысленности своей жизни, смысл жизни человеку нельзя дать извне, каждый человек формулирует его самостоятельно. И его уникальность в умении взаимодействовать с другими.

В трудах В. Прокопюка (1995) написано, что под гуманистической парадигмой понимается развитие человека как совокупности инвариантных признаков различных направлений, особенно гуманистической педагогики, философии и психологии, определяющие мотивы, цели, содержание и средства этого процесса. Главные инвариантные признаки гуманистической парадигмы развития человека: целостное развитие его личности, индивидуально-личностная ориентация, ценностно-смысловая ориентация, деятельностный подход, культурология процессов развития.

Таким образом, человека следует рассматривать как существо, наделенное телом, помещенное в специфический психический и социальный мир, исходя из этого его существование ограничено. В то же время он – существо, которое постоянно углубляет знания о себе и окружающем мире и развивает новые способности. Все это определяет его образ дальнейшей жизни.

Поэтому одно из главных умений педагога – это умение преобразовывать личность обучающегося в сторону добра и творчества, для чего

самому преподавателю необходимо обладать этими же способностями.

Л.С. Выготский (1965), разработавший учение о развитии высших психических функций, отмечал рефлексию как важнейший механизм человеческого существования. Для педагога, если он видит себя только с одной позиции и не понимает сложность и многообразие мира человеческих отношений, – то единство верным для него будет только его видение мира проблем, что отразится на его оценке студента.

Р. Бернс развивает в своих исследованиях «Я-концепцию» внутреннюю жизнь человека. «Я-концепция» складывается на основе действий механизмов рефлексии. И если рефлексивное поле сужено, и педагог опирается только на то, как он считает и думает, если он удовлетворен тем, какой он есть, то развитие его завершено. Если же это педагог, – то он не может быть открыт новым знаниям, пониманию себя и других людей при суженности рефлексивного поля.

Для студента принципиально важным является суждение К. Роджерса об индивидуе «когда мы перестаем судить об индивидуе с точки зрения составной системе ценностей, мы способствуем творчеству. Индивид чувствует освобождение в атмосфере, где нет оценивания с помощью внешней меры. Оценивание всегда воспринимается как угроза, всегда означает, что какая-то часть опыта будет закрыта для сознания».

Но студент сам становится предметом оценивания, поэтому ему необходимо выработать в себе собственную систему суждений и оценок, как самого себя, так и своей деятельности в русле гуманистического подхода к миропониманию. Об этом говорит В. Прокопюк в антропологически-аксиологической концепции человека, в которой ведущим приоритетным направлением является определение «Я» студента как ценности, где он становится трансцендентален и в связи с этим происходит переориентация в системе его ценностей – от адаптационной рациональности в сторону эмансипационной перспективы, от пассивного объекта – к активному субъекту. Поэтому социально-профессиональная активность – это явление, в котором соединяются наиболее важные стороны поведения студента. При этом в данной статье предполагалось рассмотреть выделенные аспекты на психологическо-педагогическом уровне и выявить особенности формирования активного типа личности современного студента – будущего специалиста.

ГРАЖДАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ТУРИСТСКО-КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

В статье показана роль гражданского воспитания, его место в системе воспитательной работы с подростками. Описан опыт работы Станции детского и юношеского туризма и экскурсий города-курорта Анапы, Краснодарского края по формированию гражданственности в системе дополнительного образования детей. Экспериментально проверен и проанализирован материал по выявлению уровня гражданской воспитанности подростков в экспериментальной и контрольной группах учащихся.

В современных условиях особую актуальность приобретает проблема гражданского воспитания личности, одной из приоритетных задач которого является формирование основ гражданственности подростка как базисного качества развивающейся личности.

В этих условиях основной задачей системы дополнительного образования детей, в частности учреждений туристско-краеведческой направленности становится возрождение гражданского самосознания, пробуждение интереса к национальной культуре и воспитание уважения к другим народам и культурам.

Как правило, первой жертвой социальных катаклизмов становятся дети, подрастающее поколение, в особенности его самая сложная возрастная категория – подростки. В условиях малых экономических возможностей досуга, психологического дискомфорта в зонах межэтнической напряженности, безнравственности значительной массы кино-, видео-, печатной продукции, некоторые подростки часто становятся жертвами преступного мира или сами встают на путь правонарушений.

Значительное увеличение случаев девиантного поведения подростков с тревогой отмечают педагоги: «...возникает большая опасность, что юноши, оказавшиеся не у дел, не имеющие сферы приложения своих сил..., могут оказаться на скользком пути совершения правонарушений» [1].

Как важнейшая в современных условиях часть гуманитарной культуры, гражданское сознание формируется, прежде всего, в процессе ознакомления и осмысления окружающего мира родной природы и людей.

В туристско-краеведческих походах школьники не только отдыхают и улучшают здоровье, но и познают и исследуют окружающий мир, изучают природу, жизнь людей, поэтому такие походы являются работой, а не просто прогулкой на

природу. В процессе туристско-краеведческой деятельности подростки имеют реальную возможность для изучения объектов в естественной, окружающей их обстановке [3].

Также туристско-краеведческая деятельность является одним из эффективных средств воспитания бесстрашия, силы воли, отваги, которые по сути необходимы в сложных условиях походной жизни (ночные дежурства, аварийные ситуации, переходы через леса, болота, плавание в незнакомых местах и т.д.). Таким образом, в процессе туристско-краеведческих походов учащимся прививаются навыки и качества, которые могут оказаться необходимыми в жизни [5].

Следует указать, что формируемые в процессе туристско-краеведческой деятельности гражданские чувства и убеждения оказывают существенное влияние на дальнейшую жизнь подростков.

По нашему убеждению, чтобы эффективно воспитывать граждан-патриотов, чрезвычайно важно учитывать и использовать в работе по гражданскому воспитанию всю совокупность знаний о его особенностях. В связи с этим следует изучить пути и средства гражданского воспитания подростков в процессе туристско-краеведческой деятельности в системе дополнительного образования детей.

На протяжении многих лет педагогический коллектив Станции детского и юношеского туризма и экскурсий города-курорта Анапа работает над проблемой формирования гражданского воспитания у подростков средствами туристско-краеведческой деятельности.

Гражданское воспитание подростков в учреждении реализуется в соответствии с образовательной программой «Уголок России – отчий дом». Ведущая задача программы – создание оптимальных возможностей для творческого и физического развития детей, их гражданского становления,

удовлетворения их запросов, формирования профессиональных интересов в процессе туристско-краеведческой деятельности.

В ходе реализации программы используются следующие формы и виды работы:

- проведение туристских слетов, профильных лагерей, соревнований по туристскому многоборью, спортивному ориентированию;
- проведение краеведческих олимпиад, конференций;
- создание экспедиционных групп, изучающих историю, этнографию, народное творчество, трудовые и боевые подвиги нашего народа;
- проведение экскурсий и походов по местам военной истории.

Одной из самых интересных форм организации туристско-краеведческой работы стали смены профильных летних лагерей, которые позволяют в полной мере использовать природные возможности региона и, главное, реализовать потребность детей в творчестве, оздоровлении, общении, самоопределении.

Туристско-краеведческая профильная смена «Патриот» комплектуется из воспитанников учреждений дополнительного образования и учащихся общеобразовательных школ города-курорта Анапа.

Работа в лагере ведется по двум направлениям:

- туристско-краеведческая деятельность (моделирующие игры);
- коллективно-творческая деятельность (досуг).

Моделирующие игры туристско-краеведческой направленности. Выполнение учащимися определенных задач, сопряженных с риском, требующих знаний и подготовленности, под контролем педагогов и специалистов набор дисциплин, который определен, исходя из уровня подготовленности детей. Теоретические занятия являются частью практических. Тренировочный полигон, развернутый на значительном пространстве, имитирующий факторы опасности в различных условиях при гарантии личной безопасности. Сложно-профильный тренажер в естественных условиях, создающий естественные нестандартные ситуации, требующие эффективного использования физических, интеллектуальных возможностей организма. Большинство дел в лагере носит состязательный характер.

Коллективно-творческая деятельность в жизни лагеря представлена в форме вечерних дел. Вечернее дело соответствует тематике дня. За его подготовку и проведение отвечает конкретный отряд.

Цель программы:

Создание условий для самосовершенствования личности детей и подростков, обогащение духовного мира и жизненного опыта средствами туристско-краеведческой деятельности.

Задачи:

1. Укрепление здоровья воспитанников путем увеличения двигательной активности.
2. Формирование у детей и подростков потребности в здоровом образе жизни.
3. Воспитание нравственно-волевых и эмоциональных качеств.
4. Развитие у детей и подростков навыков совместного проживания и сотрудничества в условиях временного коллектива.
5. Развитие инициативы детей и подростков к природоохранной деятельности.
6. Формирование навыков общественно-полезного труда.
7. Развитие лидерских качеств посредством коллективно-творческих дел.

Программа летнего лагеря включает организацию выживания в экстремальных условиях, вопросы безопасности, умение ориентироваться, практические занятия на местности, многодневные походы различной степени сложности, оказание первой медицинской помощи, спасательные работы.

В программе заложена информация о самоконтроле и самопомощи, о вредных последствиях курения, употребления спиртных напитков и наркотических средств.

После каждого потока подводятся итоги работы педагогического коллектива лагеря, проводится анализ его деятельности, выявляются положительные моменты работы. Результаты определяются по следующим пунктам:

- оздоровление;
- воспитанность, коллективизм смены;
- овладение навыками туризма и краеведения;
- чувство товарищества.

Значительную роль в гражданском воспитании подростков играют школьные музеи.

Один из таких, музей СОШ № 15. Знакомство с музеем начинается со стенда «Кубань, ты наша Родина». На нём размещены герб, флаг, гимн Краснодарского края, а также карты-схемы, посвященные наиболее важным событиям в истории Кубани.

На данный момент в музее оформлены экспозиции:

1. Гостагаевское укрепление.
2. Основание станицы Гостагаевской.
3. Первые переселенцы.
4. Этнографический комплекс «Казачья хата».
5. Начало XX века.
6. Предметы быта конца XIX–XX веков.
7. Жители станицы Гостагаевской – участники гражданской войны.
8. Участники Великой Отечественной войны.

Экспозиции музея используются учителями и экскурсоводами из учащихся для проведения экскурсий. Организуются тематические и обзорные экскурсии. На базе музея работает объединение исторического краеведения Станции детского и юношеского туризма и экскурсий города-курорта Анапа. Юные краеведы изучают историю станицы, природу, флору и фауну нашего региона, проводят исследовательскую работу. Члены объединения ведут сбор материала по отдельным событиям и периодам истории станицы, пишут доклады, рефераты.

Об эффективности целенаправленного гражданского воспитания подростков в туристско-краеведческой деятельности свидетельствует реализация дополнительных образовательных программ.

Опытно-экспериментальная работа была проведена на базе Станции детского и юношеского туризма и экскурсий и средних общеобразовательных школ №23, №16 города-курорта Анапа. В эксперименте приняли участие 240 школьников. Анализ показал, что гражданский контекст воспитывающих ситуаций способствовал повышению уровня гражданственности у участников туристско-краеведческих дел по сравнению с другими подростками. Об этом свидетельствует мониторинговое исследование, проводимое в течение 2004–2007 годов. По результатам исследования 66% подростков – участников туристско-краеведческих объединений занимают активную жизненную позицию, причем 75,4% из них спокойно адаптируются к любым изменениям в обществе, имеют четкую гражданскую позицию. Кроме этого, использовались методики, направленные на исследование изменения показателей по выдвинутым критериям гражданской воспитанности. К ним относятся анкетирование педагогов и родителей, ранжирование качеств личности, анкетирование подростков, наблюдение и другие.

Результаты проведенного эксперимента подтверждают динамику гражданской воспитанности подростков.

Проведенное нами исследование по выявлению уровня гражданской воспитанности подростков продемонстрировало необходимость специальных условий, обеспечивающих успешность данного процесса.

Определение этапов диагностического эксперимента предполагает разработку модели гражданской воспитанности подростков. В основу нашей модели легло выделение уровней. Выявление уровней дает возможность определить исходное и текущее состояние процесса формирования гражданской воспитанности подростков средствами туристско-краеведческой деятельности. На каждом уровне появляются такие новые качества в личности подростка, развитие которых обеспечивает достижение запланированного результата.

В ходе эксперимента было проведено анкетирование самих подростков, их родителей и педагогов дополнительного образования.

Родителям были заданы вопросы по гражданской воспитанности детей. По результатам этого опроса 17,3% родителей ответили, что затрудняются ответить об уровне гражданственности своего ребенка, 29,4% родителей отметили, что у их детей нет чувства патриотизма и гражданских качеств личности (на первом месте стоит отсутствие ответственности), 53,3% родителей удовлетворены гражданским воспитанием своих детей. Последняя группа в качестве показателей гражданской воспитанности подростков называла интерес к истории своего отчества, уважение к законам и гражданским обязанностям, к личности и государству. Как отмечали 61,8% родителей, гражданским воспитанием ребенка должны заниматься не только семья и школа, но и те объединения, которые ребенок посещает после школы. То есть, мы можем сделать вывод, что гражданское воспитание в туристско-краеведческой деятельности является актуальной для родителей подрастающего поколения.

Анкетируя педагогов дополнительного образования мы сделали следующие выводы: педагоги большое значение придают воспитанию ответственности, уважения к людям и традициям своей страны, целеустремленности; уровень гражданственности современных подростков зависит от воспитания в семье и школе, направления деятельности во внешкольных объединениях, эффективными средствами и методами гражданского воспитания педагоги считают личный пример, групповую и индивидуальную работу, экскурсии и путешествия, встречи с интересными людьми.

Говоря о том, что основными критериями гражданской воспитанности являются **когнитивный, мотивационно-ценностный и практический**, мы подобрали ряд диагностических методик, позволяющих определить уровень сформированности каждого критерия. Так как **показателями когнитивного критерия** являются знания гражданских понятий, которые получены, в том числе, в процессе прохождения туристских маршрутов, умение устанавливать связи между ними и давать содержательную характеристику данным гражданским понятиям, анализировать, как они могут проявляться в поведении, понимание значимости посещения исторических памятников нашей страны, музеев, участия в фестивалях, научно-практических конференциях. Мы предложили подросткам заполнить анкеты, с помощью которых выявили полноту и системность знаний, полученных подростками во время туристско-краеведческой деятельности.

Анализируя полученные из анкеты ответы, можно отметить, что ответы подростков экспериментальной группы отличались большей информированностью, появлением эмоционального и ценностного отношения к своим правам и обязанностям как гражданина России. Основными правами, которые называли подростки, были право на жизнь, на свободу выбора деятельности, на образование, свободу слова и мысли, свободу вероисповеданий, право иметь собственную точку зрения и мнение. В целом количество правильных ответов в экспериментальной группе составило: высокий уровень правильных ответов – 28,3%, средний уровень – 53%, низкий уровень – 18,7%. В контрольной группе цифры соответственно расположились следующим образом: высокий уровень – 13,5%, средний – 30,8%, низкий уровень – 55,7%.

Среди обязанностей гражданина России участники контрольной группы называли в основном конституционные аспекты. Участники экспериментальной группы отмечали, что гражданин обязан принимать участие в общественных делах страны, нести ответственность за свои поступки, сохранять и возрождать отечественную культуру, памятники архитектуры. Ребятам в ходе анкетирования предлагалось дать определение понятий «гражданин» и «гражданское общество». В контрольной группе количество правильных ответов составило 9,8%, частично правильных – 41,5%, неправильных – 48,7%. В эксперименталь-

ной группе уровень правильных ответов составил 36%, частично правильных – 34,5%, неправильных – 29,5%. Ответы участников контрольной группы отличались включением нравственного и эмоционально-ценностного показателя.

По результатам проведенного исследования уровня сформированности гражданственности по когнитивному критерию можно сделать вывод, что в экспериментальной группе показатели оказались выше, чем в контрольной.

Мотивационно-ценностный критерий отражает такие показатели, как наличие мотивов гражданского поведения, наличие гражданских чувств, осознание себя гражданином России. Экспериментальную часть мы строили с помощью методики незаконченных предложений. Подросткам предлагалось продолжить такие предложения: «Я считаю себя гражданином России потому, что...», «Считая себя гражданином России, я горжусь...», «В моей стране меня беспокоит... В результате, мы получили следующие данные: по первому предложению в экспериментальной группе преобладали ответы: «Мое будущее связано с этой страной», «Я горжусь Россией», «Я люблю эту страну», «Я здесь родился и собираюсь жить».

В контрольной группе основными являлись ответы: «Я имею Российское гражданство», «У меня есть паспорт», «Я русская (ий)». По второму предложению в контрольной группе основными были ответы: «Историческим прошлым, – культурой и традициями», «Достопримечательностями». В экспериментальной группе ответы были следующие: «Тем, что Россия свободное, независимое государство», «Людьми, которые являются моими соотечественниками». Проанализировав третье предложение, можно отметить, что в контрольной группе большинство ответов было следующим: «Терроризм», «Низкий уровень жизни», «Невозможность жить так, как я хочу». В ответах участников экспериментальной группы преобладали ценности преодоления межнациональной розни, улучшения экологии природы, улучшения положения среднего класса.

Следующее задание оценивало ценностные ориентации подростков. Предложенные жизненные ценности требовалось расставить в порядке убывания личной значимости.

В контрольной группе жизненные ценности подростков распределились следующим образом:

1 место – хорошо закончить школу и поступить в вуз (29,7% учащихся);

2 место – иметь хорошую, дружную семью (24,3%);

3 место заняли две ценности: иметь высокооплачиваемую профессию и стать знаменитым (по 4%);

4 место – стать богатым (2,4%);

5 место – быть полноправным гражданином государства (1,7%);

6 место – стать известным политическим деятелем (0%);

7 место – свой вариант (2%).

В группе «свой вариант» высказывались следующие мнения: стать хорошим человеком, чтобы близкие были здоровы и жили долго, быть счастливым, иметь много верных друзей.

В экспериментальной группе жизненные ценности распределились так:

1 место – хорошо окончить школу и поступить в вуз (30,6%);

2 место – быть полноправным гражданином государства (27,9%);

3 место – иметь хорошую, дружную семью (18,3%);

4 место – иметь высокооплачиваемую профессию (6,1%);

5 место – стать богатым (5,8%);

6 место – стать знаменитым (3,6%);

7 место – стать известным политическим деятелем (1,2%).

Анализ результатов: первое место в списке жизненных ценностей и в контрольной и экспериментальной группах заняла позиция: хорошо окончить школу и поступить в вуз 29,7% учащихся в контрольной группе и 30,6% учащихся в экспериментальной группе). Мы предполагаем, что это связано с первоочередными и ближайшими планами подростков, реализуя которые на второе место выходят в контрольной группе цель: иметь хорошую, дружную семью (24,3%), а экспериментальной группе: быть полноправным гражданином государства (27,9% учащихся).

Показателями **практического критерия** является гражданская активность, которая проявляется в отношении к другим людям, к деятельности по изменению себя, в отношении к государству, готовности и способности влиять на общественные события.

Данные показатели мы диагностировали с помощью наблюдения за действиями подростков, индивидуальных бесед, анализа анкет.

В процессе исследования были выявлены четыре уровня сформированности гражданствен-

ности: индифферентный, автономный, гражданского самосознания, гражданской ориентации.

Индифферентный уровень характеризуется нейтральным отношением к государству, в котором живет данный индивид. Правовые нормы его не всегда признаются как объективно необходимые регуляторы социальных отношений. Индивид может не осознавать свою принадлежность к данной социальной общности. Нет понимания необходимости прогрессивных преобразований и эволюционного развития своей страны, представлений об основных гражданских ценностях и общественно-мировоззренческих знаний. Отсутствует интерес к истории и культуре своей страны.

Автономный уровень характеризуется осознанием личностного права, правовых норм как объективно необходимых регуляторов социальных отношений, способствующих стабильному и прогрессивному развитию общества, то есть информированностью. Низкий уровень гражданской воспитанности определяется осознанием своей принадлежности к данной социальной общности, пониманием необходимости прогрессивных преобразований и эволюционного развития своей страны, но не развитыми представлениями об основных гражданских ценностях, ограниченными общественно-мировоззренческими знаниями, отсутствием интереса к истории, культуре своей страны, отсутствием навыков самоконтроля и самопознания. Знания эмоционально слабо окрашены, часто вместо действий проявляются только намерения. Нет выраженной тенденции гражданского поведения.

Уровень гражданской ориентации характеризуется осознанием личностного права и правовых норм как регуляторов собственной деятельности, то есть наличие личностного отношения к нормам поведения. Средний уровень гражданской воспитанности характеризуется определенным объемом знаний о гражданском обществе, умением выделять существенные признаки общественных понятий, приводить примеры их проявлений из жизни. Появляется тенденция устойчивого гражданского поведения, стремление к участию в социально-значимой деятельности, к самовоспитанию на базе гражданских идеалов. Умение давать гражданскую оценку событию общественной жизни, но часто возникает затруднение самостоятельно аргументировать ее.

Уровень гражданского самосознания характеризуется осознанием личностного права и пра-

Таблица 1

Распределение количества подростков по уровням гражданской воспитанности (%)

Уровень	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Начальный этап	Конечный этап	Начальный этап	Конечный этап
индифферентный	9,8	5,3	10,4	9,6
автономный	25,9	26,6	31,6	32,2
гражданского самосознания	14,5	17,4	13,2	14,8
гражданской ориентации	49,8	50,7	44,8	43,4

вовых норм как эффективных средств преобразования своей деятельности и окружающего социального мира, то есть согласованностью между знаниями, убеждениями и своим поведением. Высокий уровень гражданской воспитанности характеризуется наличием у учащихся глубоких, личностно принятых знаний и саморегуляции, самоорганизации социально значимой деятельности и поведения в сочетании с умениями и навыками регуляции деятельности и поведения своих товарищей. Признание инструментальных ценностей – как средств достижения поставленных целей – также показатель высокого уровня гражданской воспитанности, то есть поступки побуждаются мотивами личной ответственности.

Подростки по этим уровням были распределены следующим образом (табл. 1).

Количество подростков, относящихся к каждому уровню, было распределено следующим образом (табл. 2).

Полученные данные свидетельствуют о значительных изменениях в гражданской воспитанности подростков в экспериментальной группе по сравнению с контрольной.

В общей картине подготовленности подростков в процессе опытно-экспериментальной работы ярко обнаруживается недостаток гражданского воспитания в школах, большинство подростков не обладают знаниями и умениями, позволяющими успешно адаптироваться в современных социальных условиях. Они не имеют достаточных знаний своего Я, умений самоутверждения, самоопределения, саморегуляции, навыков

самостоятельных действий. Мы считаем, что для успешного воспитания высокого уровня гражданской воспитанности средствами туристско-краеведческой деятельности необходимо стремиться создать такие условия, чтобы на субъективном уровне происходило изменение соотношения между репродуктивной и творческой деятельностью в пользу последней, чтобы активность субъекта направлялась на актуализацию его творческих возможностей.

Такой целостный подход дает основание характеризовать гражданское воспитание как процесс, направленный на формирование бережного отношения к родному краю, культурно-историческим традициям региона.

Процесс туристско-краеведческой деятельности многообразен. Он формирует гражданственность у всех его участников при условии:

- подготовки кадров для спортивной и туристской работы;
- создания атмосферы любви к Родине у всех участников образовательного процесса (учителей, родителей, учеников, руководителей объединений);
- придания статуса обязательности туристско-краеведческой работы в школе;
- составления и работы по единой образовательной программе гражданско-патриотической направленности.

Результаты нашего исследования показали, что формы и методы гражданского воспитания имеют социальную обусловленность, так как процесс усвоения и активного воспроизводства обучаю-

Таблица 2

Распределение количества подростков к каждому уровню гражданской воспитанности (%)

Уровень	Контрольная группа (%чел.)	Экспериментальная группа (%чел.)
индифферентный	9,1	3,3
автономный	63,9	47,7
гражданского самосознания	6,7	13,5
гражданской ориентации	20,3	35,5

щимися социального опыта, овладение навыками туристско-краеведческой деятельности, реально существующие отношения преобразуются в качества личности.

Библиографический список

1. Барканов С. Лето-93: тревоги и надежды // Воспитание школьников №2. – М., 1993. – 32 с.
2. Божович Л.И. Избранные психологические труды: Проблемы формирования личности. – М.: Международная педагогическая академия, 1995. – 209 с.
3. Герцен А.И. Сочинения. Т. 7. – М., 1958. – 192 с.
4. Константинов Ю.С., Куликов В.М. Педагогика школьного туризма. – М., 2002. – 151 с.
5. Мудрик А.В. Современный старшеклассник: проблемы самоопределения. – М.: Знание, 1977. – 64 с.
6. Остапец А.А. Педагогика и психология туристско-краеведческой деятельности учащихся. – М.: ЦДЮТК МО РФ, 2001. – 96 с.
7. Соловейчик С.Л. Педагогика для всех: Книга для будущих родителей. – М.: Детская литература, 1987. – 367 с.
8. Филонов Г.Н. Воспитание личности школьника. – М.: Педагогика, 1985. – 222 с.
9. Чепурных Е.Е. Воспитание в системе образования на пороге 21 века // Народное образование. – 2000. – №7.

И.И. Моногорова

ГИМНАЗИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ И ЦЕЛОСТНОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ УЧАЩЕГОСЯ

Интенсивные реформаторские процессы, происходящие последнее десятилетие в различных сферах, в том числе и в образовании, породили ситуацию, при которой прогрессивные инновационные идеи получили оформление через ряд законодательных актов, но в тоже время ещё не полностью осознаны педагогами, учащимися и родителями, общественностью. Трёхкомпонентный состав образовательных стандартов (школьный, региональный и национальный) вступает в противоречие со стремлением к единообразию образовательной системы, порой вариативность этих систем непредсказуемо сказывается на всех субъектах образовательного процесса.

Государство и общественность постепенно начинают понимать, что хорошее, качественное образование – это образование, которое обеспечивает человеку свободу сегодня и в будущем, давая ему право самоопределения и способы эффективного действия в любых обстоятельствах. Естественно, что гарантировать такое развитие каждой личности в рамках традиционной «линейной» модели образования, ориентированной на объёмные и неизменные показатели качества, невозможно. Во многом полноценность образования зависит от степени преодоления репродуктивного, обезличенного характера содержания образования.

Объективная потребность переосмысления содержания, качества уровня общего среднего образования в соответствии с современными требованиями привела в действие инновационные процессы, что, в свою очередь, позволяет по-новому оценить деятельность уже известных в истории типов русской школы, среди которых именно отечественная гимназия отличалась достаточно высоким уровнем общей образованности ее выпускников.

Обычно главным показателем содержания образования представляется совокупность знаний, умений, навыков. Но в настоящее время уже сложилась влиятельная позиция критического отношения к подобному упрощению сущности содержания образования. Предлагается включить в содержание образования не только знания о природе, обществе, технике, о способах деятельности, но и опыт творческой, поисковой деятельности по решению новых проблем. Порой требующих самостоятельного претворения ранее усвоенных знаний и умений в новой ситуации; опыт ценного отношения к миру, другим людям в совокупности потребностей, обуславливающих эмоциональное восприятие личностно-определённых объектов, включённых в ее систему ценностей.

Пока целостная система образования еще не создана, но в условиях общества, ориентированного на гуманистические и демократические цен-

ности, образование неизбежно должно приобретать черты содержательной и структурной целостности и полноценности (непрерывности) в переходе от «грамотного общества» к «образованному обществу».

В последние годы в образовательной практике наблюдается многообразие подходов к развитию образовательных систем, но официальным приоритетом в развитии школьного образования стал личностно-ориентированный подход, в качестве желаемого результата провозглашается создание условий для развития личности учащегося и достижения высокого уровня ее образованности и культуры. В современных условиях школа, являясь достаточно динамичной системой, активно прорабатывает вопросы реформирования образования, так как «неотъемлемым условием модернизации общества выступает повышение качества человеческого капитала, освоение молодыми новыми социальными навыками и ролей, культуры социального поведения граждан с учетом открытости общества». В этих условиях приоритетной задачей является обеспечение целостного развертывания творческой личности учащегося.

В связи с этим главной целью современной школы является подготовка человека к самоактуализации и самореализации в постоянно меняющемся мире, формирование активной гражданской позиции, развитие способности к диалоговому взаимодействию и к осознанному выбору путей решения личных и общественных проблем на основе гуманистических ценностей. Одновременно с изменяющимися условиями образовательного пространства и современной образовательной ситуацией, вызванной наступившими изменениями в обществе, новое звучание и актуальность получают в России идеи гимназического образования, ориентированного в первую очередь на достижение выпускниками повышенного уровня образованности и высокого уровня общей культуры.

«Если мы хотим дать подрастающему поколению шанс на успех, важно точно определить основные значения, фундамент компетенции, которыми должны обладать обучаемые, чтобы подготовиться либо к самостоятельной жизни, либо к получению высшего образования» (Международный симпозиум «Среднее образование для Европы», Берн, 1996 г.).

В настоящее время все отчетливее наблюдается несоответствие между возрастающим услож-

нением мира и способностью выпускника общеобразовательной школы ориентироваться в нем. Динамичность и изменчивость современной окружающей действительности все в большей мере требуют проявления таких структурных качеств личности, которые обеспечивают позитивную ориентацию в ней, осмысленное поведение и творческое освоение ее пространства. Все более очевидным становится ее формирующее значение для общечеловеческой культуры как средства постижения ее ценностей, возможности познать мир, себя, найти свое место в нем, в гармонии с собой, природой и всеми живущими на Земле.

Гимназическое образование, вновь возродившись в России, стало в сущностных своих проявлениях носителем духовности, принятое современниками как культурная традиция прошлого. Культурологический подход и ступенчатая вариативность в гимназическом образовании предусматривает воспитание образованной, культурной личности, владеющей основными элементами нравственной, политической, художественной, физической культуры; культуры труда, отдыха, поведения, речи, семейных отношений. Вместе с тем можно отметить, что условия гимназического образования и современная образовательная ситуация задают все более высокий уровень профессиональной компетентности педагога как творческой личности, владеющей новейшими достижениями науки о человеке и инновационными психолого-педагогическими технологиями, с высокой рефлексивной культурой.

Один из путей достижения этой цели связан с осуществлением введения в школьное образование инновационных технологий. Однако, как правило, педагоги, ориентированные на трансляцию знаний, умений, навыков, удовлетворены лишь хорошей успеваемостью своих учеников и далеки от их интересов и талантов. Отсутствие творческой позиции к профессиональной деятельности и ее субъектам превращает труд учителя, как правило, для него в стереотипную систему действий, делает однообразным, механическим, что ведет к потере интереса к профессии и личностным деформациям. Одним из факторов общественно-политического характера можно назвать относительную свободу педагогического поиска. Отказ от универсализации, унификации, установка на многообразие проникают во все сферы науки: гимназическое обучение представляется альтернативным обычной массовой сред-

ней школе, оно рассматривается как вариант получения полного среднего образования повышенного типа.

Новая государственная политика, основанная на приоритете общечеловеческих ценностей, гуманизации школы, адаптивности образовательной системы к уровню и особенностям развития и подготовки обучающихся, сделала опыт отечественной гимназии актуальным в определении путей дальнейшего развития образования в России. Вопрос о гимназическом образовании – это вопрос о полноте образования, которое не может быть обеспечено одной из форм (основном или дополнительном), о взаимодополняемости как о расширении образовательных ресурсов, обеспечивающих полноценное развитие индивидуальных способностей растущего человека. А именно такая задача стоит перед образованием в условиях современного социума. Это конкретный ученик, именно он ставит перед педагогикой проблему полноты развития его многообразных способностей.

Такая фундаментальная задача сегодня встает перед общеобразовательными учреждениями, однако она более продуктивно на наш взгляд решается в гимназиях. В идеале весь образ жизни ребенка, «каждый квадратный метр его жизни» (А.С. Макаренко), должны быть заняты образованием.

Современные гимназии работают, как правило, в режиме эксперимента, что предполагает научное психолого-педагогическое обеспечение. Если работу руководителей, психологов, научных консультантов, учителей выполняют достаточно компетентные люди, то это повышает престиж гимназического образования, приносит несомненную пользу. Однако порой причинами возникновения гимназий являются соображения материального характера: возможность дополнительной оплаты учительского труда в гимназии, родительская плата и т.д. Если гимназических педагогов тревожат лишь «экономические» соображения, это приводит к таким негативным фактам, когда за изменением названием названия школы не происходит больше никаких перемен в содержании образования.

В отечественной педагогической, социально-педагогической, социально-психологической литературе, специализированных программах радио, телевидения, региональной и общероссийской печати постоянно обсуждаются актуальные

вопросы реформирования гимназического образования в России и в частности дополнительного образования детей.

Современное качественное гимназическое дополнительное образование строится на следующих приоритетных идеях.

1. Свободный выбор гимназистом видов и сфер деятельности.

2. Ориентация на личностные интересы, потребности, способности.

3. Возможность свободного самоопределения и самореализации.

4. Единство обучения, воспитания, развития.

5. Практико-деятельностная, креативная и культурообразующая основа гимназического образования.

Произошли очень важные изменения в программно-методическом обеспечении гимназического дополнительного образования. Привычным стало создание учреждениями своих образовательных программ, в которых формулируется единый подход, некая общая философия деятельности. Многие руководители различных творческих объединений разрабатывают авторские программы, стремясь, прежде всего, создать условия для развития творческой активности детей и реализовать собственный профессиональный и личностный потенциал.

Остается мало сомнений в отношении всеобщей изменяющейся тенденции в отношении к дополнительному образованию как со стороны педагогов, родителей, учеников, так и со стороны общественности (выступления Ж.И. Алферова, О.Е. Лебедева, Э. Радзинского и др.). Дополнительное образование в гимназии – начинает рассматриваться в качестве ведущего образовательного направления, по отношению к которому первоначально полученное образование трактуется как основное условие и предпосылка, такое соотношение дает гимназисту реальную возможность выбора своего индивидуального образовательного маршрута.

В условиях общеобразовательного учреждения получение ребенком такой возможности означает не только и не столько включение в занятия по интересам, сколько иной способ существования «безоценочный» – обеспечивающий достижение успеха в соответствии с собственными способностями и безотносительно к уровню успеваемости по обязательным учебным дисциплинам.

По сути дела, дополнительное образование увеличивает пространство, в котором школьники могут развивать творческую и познавательную активность, реализовывать лучшие личностные качества, т.е. демонстрировать те способности, которые зачастую остаются невостребованными основным образованием. В дополнительном образовании ученик сам выбирает содержание и форму занятий, может не бояться неудач. Все это создает позитивный психологический фон для достижения успеха, что, в свою очередь, благоприятно сказывается и на учебной деятельности.

«Доброта, общение на равных, иногда снисходительность, терпимость, жизнелюбие преподавателя дают ученику уверенность, веру в свои силы и надежду будущего успеха, желание быть таким же, стремиться к самосовершенствованию» – вот, что отмечают гимназисты о специфике субъектных отношений в пространстве дополнительного образования.

Такой «резонанс успеха» исследован учеными, но, к сожалению, плохо используется в педагогической практике. Во многом это связано, на наш взгляд, с так называемым «предметным эгоизмом», когда каждый учитель считает преподаваемый им предмет самым главным и не желает, учитывать ни реальные возможности школьников, ни интересы своих коллег. Так, вместо координации усилий и создания единого образовательного пространства получается; поле напряжения, от которого страдают и учащиеся, и сами педагоги. Между тем именно дополнительное образование может разрешить данное противоречие, что убедительно доказывается работой учебно-воспитательного комплекса. В условиях гимназического образования Санкт-Петербурга, не только развиваются разнообразные интересы и способности учащихся, но и растет их успеваемость по основным школьным дисциплинам, что дает возможность гимназистам успешно участвовать в предметных олимпиадах, побеждать в региональных и международных конкурсах и проектах. Именно проектная деятельность расширяет масштабы социально значимой деятельности детей и подростков, создает условия для формирования детских общественных объединений по интересам, и как следствие сокращаются число асоциальных поступков подростков. «Чем свободнее развивается ребенок, тем свободнее и совершеннее достигает полного развития его тело и высшие отправления» (М. Монтессори).

Интеграция основного и дополнительного образования позволяет соединить процессы воспитания, обучения и развития, что является одной из наиболее сложных проблем современной педагогики. Очень точно такую связь двух уровней образования определил В.А. Сухомлинский: «Каждый учитель, давая предусмотренный программой круг знаний, в то же время раскрывает вторую программу – программу знаний необязательных... От единства обязательной и необязательной программ зависит интеллектуальное воспитание подростков».

Понятно, что область совпадения гимназического основного и дополнительного образования является областью наиболее благоприятного развития творческой, социальной, познавательной активности учащихся. Именно взаимопроникновение двух образовательных сфер может обеспечить целостность системы и в то же время ее многообразность, определенную стабильность и постоянное развитие, решение общих и индивидуальных проблем, обеспечение необходимого уровня знаний, умений, навыков гимназистов и развитость эмоционально-образной сферы.

Другая важная особенность дополнительного образования – его воспитательная доминанта, поскольку именно в сфере свободного выбора видов деятельности можно рассчитывать на «незаметное», а значит, и более эффективное воспитание. В процессе совместной творческой деятельности учителя и ученика (а не в рамках обязательного воспитательного мероприятия) происходит развитие лучших нравственных качеств личности. Поэтому так важно, обращаясь, к конкретным, учебным задачам, развивая определенные навыки, помнить о приоритетности воспитания. По сути дела, умение ненавязчиво помогать ученику в решении его личных проблем, эмоционально и психологически поддерживать его и определяет во многом успешность дополнительного образования в целом и тем более в условиях общеобразовательного учреждения.

Согласно «Стратегии развития государственных и муниципальных учреждений дополнительного образования детей», они вместе с общеобразовательными школами должны составить в «регионе разноуровневую и целостную систему, индивидуализирующую образовательный путь ребенка в рамках единого социокультурного и образовательного пространства страны».

Однако, «свобода» учащегося, его свободное развитие не означает заброшенности. Правиль-

ное понимание свободы ставит на место наших фантазий реальные нужды учащихся и ведет к настоящим и действенным заботам о ребенке, о его развитии и воспитании. Главное в деятельности педагога дополнительного образования – наблюдать и понимать действия учащегося, уметь ответить на его вопросы, подтолкнуть к правильному решению, создать пространство межсубъектного творчества.

Характерным для парадигмы гуманистического, личностно-ориентированного воспитания является управляемый процесс культурной идентификации, социальной адаптации и творческой самореализации личности, в ходе которой происходит вхождение ребенка в культуру, жизнь социума, развитие всех его творческих возмож-

ностей и способностей. Основной механизм процесса в гимназии – собственная активность личности, включенной в воспитательный процесс в качестве субъекта – соавтора. Управление развитием ребенка осуществляется в формах помощи, защиты, коррекции индивидуального развития, стимулирующее саморазвитие. Современные идеи гимназического образования: «Воспитывать – дать направление сердцу и уму» (В.Г. Белинский).

Решение этой фундаментальной задачи во многом зависит от осознания ценности гимназического основного и дополнительного образования, содержащего огромный потенциал для развития личности и гимназиста и педагога, ее самоопределения и самоорганизации, в процессе субъектного сотворчества.

И.А. Муртазин

ИНТЕГРАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ УЧИТЕЛЯ ТЕХНОЛОГИИ

В данной статье дается краткое описание применяемых технологий в процессе обучения. Описывается возможность интеграции технологий на курсах по выбору в предпрофильной подготовке в 9 классе. Приводится краткое описание программы одного из курсов по выбору. А так же этапы выполнения данного курса с применением программы КОМПАС 3D LT. В заключении приводятся планируемые результаты проводимого курса.

Изменения, происходящие в российской экономике и развитие новых, наукоемких технологий в современном производстве, естественно, повышает уровень требований не только к уровню образования учащихся, но и к развитию их творческих способностей и интеллектуального потенциала. Это не могло остаться без внимания. В 2002 году опубликована концепция модернизации Российского образования на период до 2010 года. Ее основной задачей является – «обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства» [1].

Концепция профильного обучения в свою очередь отмечает, что перед профильным обучением ставится задача создания «системы специализированной подготовки (профильного обучения) в старших классах общеобразовательной школы, ориентированной на индивидуализацию обучения и социализацию обучающихся, в том числе с учетом реальных потребностей рынка труда» [2].

С другой стороны современная промышленность не обходится без интеграции технологий и многие отрасли промышленности объединяют в себе материальные, энергетические и информационные технологии. Примером может послужить машиностроение. Производство современных автомобилей невозможно без сочетания различных технологий. Начиная с момента проектирования, где используется интеграция материальных и информационных технологий (САПР), и заканчивая изготовлением и сборкой автомобиля (линии с ЧПУ и конвейер). По этой причине интеграция технологий просто необходима в обучении школьников.

Все эти задачи, по нашему мнению, можно решить в рамках предметной области «Технология», используя интеграцию технологий в учебном процессе. В предметной области «Технология» на сегодняшний день изучаются три вида технологий, такие как материальные, информационные и энергетические. Рассмотрим кратко применение данных технологий в процессе обучения предметной области «Технология»:

– материальные технологии изучаются согласно государственному стандарту и программе по

технологии практически на всех этапах обучения;

– информационные технологии как отдельный раздел убрали из программы. Но согласно государственному стандарту их изучение осуществляется в различных разделах программы как дополнительный материал. Например, в раздел «Черчение и графика» входит небольшой обзор программных средств для построения чертежей. Также информационные технологии применяются в методе проектов для оформления пояснительной записки и т.д.;

– отдельно нужно остановиться на энергетических технологиях. По определению технология – это наука о преобразовании материалов (веществ), энергии, информации по плану и в интересах человека. Таким образом, к энергетическим технологиям можно отнести электротехнику и электронику, так как в электронных устройствах используется преобразование электрической энергии для обеспечения работоспособности устройства. Данные технологии изучаются в разделе «Электротехнические работы».

Для реализации интеграции выше описанных технологий наиболее хорошо подходит предпрофильная подготовка школьников, в рамках которой проводятся курсы по выбору для 9 класса.

Курсы по выбору в предпрофильной подготовке подразделяются на два вида:

– предметные курсы, предназначенные для расширения знаний ученика по тому или иному учебному предмету;

– ориентационные, способствующие самоопределению ученика относительно выбора профиля обучения в старшей школе.

Последние рекомендуется организовывать в виде учебных модулей и делать их относительно краткосрочными (месяц, четверть).

Базисным учебным планом на проведение предпрофильной подготовки в 9 классе предусмотрено 100 часов, т.е. примерно три часа в неделю. Большую часть этих часов планируется реализовать за счет образовательной области «Технология». Разработчики концепции профильного обучения считают, что «в условиях специализации образования на старшей ступени единого содержания обучения технологии быть не может. Дифференцированное (в зависимости от профиля) содержание технологического образования должно входить в соответствующие профильные курсы или курсы по выбору» [2]. Это утверждение концепции заверено в приказе министерства

образования РФ от 9 марта 2004 г. №1312 «Об утверждении федерального базисного учебного плана и примерных учебных планов для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования». Согласно этому приказу, часы учебного предмета «Технология» в 9 классе передаются в компонент образовательного учреждения для организации предпрофильной подготовки обучающихся [3].

Таким образом, в 9 классе технология реализовываться не будет, это, естественно, не идет на пользу предметной области «Технология», и учителям придется справляться с выполнением государственного стандарта за более короткий срок. Поэтому для реализации предпрофильной подготовки нужно быть готовым к тому, чтобы максимально использовать эти часы для технологической подготовки учащихся. С этой целью для 9 класса нами разрабатываются курсы по выбору по технологии. Основными задачами таких ориентационных курсов являются:

– оказание помощи ученику в ориентации среди многообразия видов деятельности, характерных для образовательной области «Технология»;

– создание базы для ориентации учеников в мире современных профессий;

– ознакомление на практике со спецификой типичных видов деятельности, наиболее распространенных в производственной сфере;

– поддержание мотивации учащихся при выборе технологического профиля.

Как показал анализ экспериментов по предпрофильному обучению в г. Сыктывкаре, многие ученики выбирают курсы по выбору, связанные с информационными технологиями, даже если они не собираются в дальнейшем выбирать подобный профиль (навыки работы с компьютером пригодятся в любом профиле).

Мы предлагаем использовать эту мотивацию для привлечения школьников к технологическому профилю. Нами разработаны несколько программ курсов по выбору, в которых материальные и энергетические технологии (деревообработка, металлообработка, электрорадиотехника) тесно связаны с информационными. Каждый учебный курс планируется провести в виде минипроекта, который рассчитан на 16 часов. На теоретическую часть отводится 4 часа, на освоение информационных технологий (проектирование изделия) – 8 часов, на изготовление изделия – 4 часа.

Таблица

Тематическое планирование курса «Конструирование предметов мебели с использованием программы САПР КОМПАС 3D LT»

№	Тема занятия	Количество часов	
		Теория	Практика
1	Введение. Знакомство с КОМПАС 3D LT	1	–
2	Изучение инструментов панели «геометрия»	–	1
3	Организация «рабочего места»	–	1
4	Приемы работы с инструментами точка, отрезок, окружность.	–	3
5	Правила простановки размеров на чертеже	1	–
6	Простановка размеров в КОМПАС 3D LT	–	1
7	Разработка изделия и исполнение его чертежа	1	2,5
8	Изготовление изделия по чертежу общего вида или с применением шаблонов	0,5	4
		3,5	12,5
	Итого часов:	16	

Примером такой программы может служить курс «Конструирование предметов мебели с использованием программы САПР КОМПАС 3D LT» (табл.).

Задачами рассматриваемого курса являются:

- познакомить учащихся с технологией конструирования мебели;
- научить школьников приемам построения чертежей с помощью системы автоматизированного проектирования КОМПАС;
- выработать умения и навыки конструирования простейших предметов мебели.

Чертеж и трехмерную модель изделия предполагается выполнять в системе автоматизированного проектирования КОМПАС. Учитывая, что данная система не изучается в школе, и учащиеся впервые с ней встретятся на этом курсе, необходимо тщательно подбирать объекты труда по следующим критериям: простота, технологичность изготовления, унификация деталей изделия. Примером таких объектов могут служить полки для книг, цветов, CD дисков и т.д. После выполнения графических работ учащиеся должны изготовить спроектированный ими объект. На всю эту работу планируется 16 часов. Это наиболее приемлемое количество часов для элективных курсов, по мнению преподавателей, участвующих в эксперименте.

В ходе данного курса учащиеся проходят несколько этапов:

- получают необходимые знания по компьютерной графике;
- обучаются работе в системе автоматизированного проектирования КОМПАС 3D LT;

– получив объем минимальных знаний, приступают к творческому заданию, в рамках которого проектируют изделие;

– после выполнения чертежа изготавливают спроектированное ими изделие в учебных мастерских.

Проведение подобных курсов позволит решить несколько задач одновременно:

- в какой-то мере позволит сохранить технологическую подготовку учащихся в 9 классе и сориентировать их на технологический профиль в старшей ступени среднего образования;
- позволит преподавать предмет «Технология» на современном уровне, с использованием интеграции технологий;
- будет способствовать повышению интереса учащихся к предметной области «Технология».

Библиографический список

1. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Вестник образования России: Сборник приказов и инструкций Министерства образования. – 2002. – №1. – С. 7–16.
2. Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования: Официальные документы в образовании // Вестник образования. – 2002. – №27. – С. 6–7.
3. Приказ от 9 марта 2004 г. № 1312 Об утверждении федерального базисного учебного плана и примерных учебных планов для образовательных учреждений российской федерации, реализующих программы общего образования // Вестник образования. – 2004. – №8. – С. 5–8.

Л.М. Саморукова

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ

Во многих областях жизни современного человека происходит смещение внимания на его внутренний мир и самобытные особенности, его духовную свободу. Миссию образования в этом случае трудно переоценить. Современные социокультурные реалии, процессы глобализации и интеграции выдвигают перед образованием сложные задачи формирования мобильного, конкурентоспособного, креативного, инициативного, нравственно зрелого человека, способного реализовать себя в условиях поликультурного и поликонфессионального мирового сообщества и не теряющего при этом своей уникальности и особенностей.

В современной педагогике в центре внимания находится проблема личности новой формации, создание личностно-ориентированных технологий обучения, при которых создаются условия для обеспечения собственной учебной деятельности обучающихся, учета и развития индивидуальных особенностей школьников. Важной задачей педагогической науки является новое осмысление идей и опыта зарубежных педагогов, чтобы оценить и использовать их творческий вклад в теорию и практику личностно-ориентированного образования, дать их оценку с точки зрения современных требований, определить критерии эффективности реализации на разных уровнях обучения и воспитания. Такой подход строится на уважении естественного стремления ребенка учиться и предполагает понимание тех путей, которые ведут к приобретению и созданию новых знаний. Это изменяет функцию учителя: вместо того, чтобы сообщать информацию, он создает фасилитирующие условия обучения и поощряет исследовательскую активность (*to facilitate* (англ.) – облегчать). Следует отметить, что слово «личность» (*personality*) в современном социальном дискурсе заменяется словом «человек» (*person*) и что последнее не указывает на что-то богатое и индивидуальное.

Если, по словам Е.Н. Солововой, современная парадигма образования предполагает ее переосмысление в направлении гуманизма, то ключевым здесь будет понятие «человек». В отечественной педагогической литературе отмечает-

ся, что суть этой концепции заключается в признании человека как высшей ценности, приоритета его прав на свободное развитие и реализацию своих интересов. Это созвучно зарубежным индивидуалистическим установкам. Но российские педагоги понимают, что «человека» нужно воспитывать в духе приоритета общечеловеческих и духовных ценностей, т.е. они ориентируются на развитие культурно и духовно богатой личности. А это согласуется с исконно русской традицией развития у обучаемых душевных качеств. В западноевропейских странах необходимость духовного развития считается личным делом каждого, не является приоритетом в системе ценностей и, следовательно, не встречается в программных установках. Следует помнить и о различной трактовке общечеловеческих нравственных ценностей. На Западе и в США поведение человека регулируется социальными установками (*attitudes*), а не морально-этическими, как это было в России. Установка российских педагогов на развитие «духовно богатой личности» может вызывать недоумение у иностранцев, воспитанных в традициях невмешательства (*mind your own business*) и иного отношения к богатству.

По мнению Ю.Б. Кузьменковой, такое «творческое» (и, возможно, не всегда осознаваемое) переосмысление россиянами «импортных» установок представляется закономерным в целях адаптации зарубежного опыта к отечественным нуждам [1, с. 10]. Но следует четко определить, в какой мере зарубежное мировоззрение близко традиционному русскому, чтобы развивать его с едиными положениями новой образовательной парадигмы. Изменение роли педагога воспринимается в разных странах мира по-разному. В странах Востока, как и в России, уважение к учителю всегда было одной из особенностей национального менталитета. Именно поэтому непринужденная атмосфера американских учебных заведений вызывает у наших соотечественников недоумение. И поскольку в отечественной педагогической литературе обсуждается необходимость усиления автономности учащихся школ и студентов вузов, следует иметь в виду и обратную сторону этой демократизации. Согласно тенденции

Таблица 1

Год	Школа	Кол-во респондентов
2006	Печерская средняя школа	180 чел.
	Краснинская средняя школа	80 чел.
	Велижская средняя школа	200 чел.
2005	Специализированный экономический класс Смоленского института экономики	35 чел.
2006	Специализированный экономический класс Смоленского института экономики	12 чел.
2007	Первокурсники Смоленского института экономики	100 чел.

развития мирового сообщества, это предполагает усиление социальной ответственности учащихся за подготовку к самостоятельной жизни. При склонности россиян бросаться из одной крайности в другую перераспределение груза ответственности в учебном процессе (т.е. ориентация на «субъект-субъектные» отношения между учителем и учащимися) могут сделать его непосильным для наших непривычных к такой ответственности школьников. Мы разделяем мнение тех педагогов, которые выступают за то, чтобы перенос акцента с преподавателя на учащегося не приводил к расбалансировке, как в авторитарной модели взаимоотношений. Таким образом, при организации учебно-воспитательного процесса в современной российской школе следует придерживаться золотой середины и моделировать взаимоотношения на этой основе.

Американский ученый К. Роджерс в своей педагогической концепции представляет такое взаимодействие как диалогическое, творческое, личностное и индивидуальное [3, с. 85]. И современная педагогическая наука критически изучает взаимосвязь между фасилитирующими условиями обучения по К. Роджерсу (эмпатия, конгруэнтность, позитивное принятие) и множеством факторов – таких, как социальные установки (к самому себе, к школе, к другим людям), проблемы с дисциплиной, физическое здоровье, изменения в учебе и когнитивный рост. В результате исследований, проведенных на базе специализированных классов Смоленского института экономики, где обучаются выпускники школ, автор статьи может отметить несколько позитивных факторов:

- ученики больше времени заняты решением учебных задач;
- ученики проявляли большую спонтанность;
- ученики более инициативны в общении с учителем и между собой;
- ученики больше времени затрачивают на мыслительные действия (т.е. проявляют более вы-

сокий уровень когнитивного функционирования).

Очевиден вывод, что более высокие социальные и когнитивные результаты вероятнее в тех случаях, когда учителя обеспечивают высокий уровень фасилитирующих условий. Это означает, что там, где преподаватели искренны в общении со своими воспитанниками, уважают уникальность каждого, и где ученики знают, что учитель понимает их чувства и то, какое значение имеет для них опыт школьной жизни, там результаты обучения более эффективны.

К. Роджерс убежден, что без положительного межличностного общения то, что казалось выученным, быстро забывается или даже создаются барьеры, препятствующие будущему учению [3, с. 110].

На основе анкетирования, проведенного в четырех школах области (Богородицкой, Велижской, Краснинской и Печерской средних школах), можно отметить, что в современной школе большинство учителей (87%) не относятся к созданию помогающей межличностной атмосферы в своих классах как к серьезной самостоятельной цели. Однако все они заинтересованы в факторах, которые влияют на конкретное поведение их учеников – на успеваемость, дисциплину и посещаемость. Поэтому очень важно увидеть взаимосвязь помогающего межличностного поведения и результатов, которые ценны для учителей. Учителя же, особенно на уровне старшей школы (87%), считают первичным содержание предмета, а человеческие отношения – вторичными.

В анкетировании принимали участие 550 молодых людей. Это старшеклассники (9–11 классов) школ г. Смоленска и Смоленской области (табл. 1).

Среди старшеклассников и первокурсников, студентов, участвующих в анкетировании в течение трех лет больше всего было представителей МОУ №27, 12, 22, 23, 18, 8, 35 г. Смоленска, других городов и поселков Смоленской области (Дорогобуж, Ельня, Рудня, Вязьма, Ярцево, Десногорск,

Демидов, Кошино, Богородицкое, Понизовье-Руднян. район), выпускники школ Северодвинска, Владивостока, Сарапула.

На вопрос анкеты «Что для вас главное в школе?» каждый второй респондент (51%) выделил «общение», причем 15% из них наряду с общением также указали «участие в общественных делах». 37% старшеклассников в одинаковой степени отметили для себя важность общения и интересные уроки, а также успехи в учении; 6% — только учебу, 5% — дополнительное образование, развитие способностей, научную работу. И только 1% анкетированных назвали пункт «другое», где чаще встречается ответ «не знаю», а также «изменить все», «изменить столовую» и т.д. В последующих беседах они конкретизировали, что рассматривают школу, как место, где можно встретиться и пообщаться со сверстниками, обсудить различные идеи (особенно с друзьями), спорные вопросы, решить какие-то свои проблемы. Поскольку у учащихся такое большое стремление к общению, учителям следует использовать групповую работу, диалоги, дискуссии на уроках. Современные учителя должны понимать, что лучшее будущее это не только «лучшая технология», а лучшие отношения между людьми — уважение и самоуважение, доброта и забота.

На вопрос «Что бы вы изменили в школе?» были получены следующие ответы (табл. 2).

Некоторые респонденты дают такие пояснения — «более добрые преподаватели», «чтоб объясняли так, чтобы поняли, а не криком», «занимались дополнительно», «сменить преподавателей», «создать условия для помощи, чтобы мы не боялись высказывать свое мнение», «чтобы нас уважали».

При анализе этих данных совершенно очевидно, что наша образовательная среда нуждается

в изменении, а также можно определить направление этого изменения как гуманистическое. Учащиеся нуждаются в такой учебной среде, где им оказывается полноценная поддержка, где их потребности удовлетворяются заботливыми и творческими людьми. По этому поводу К. Роджерс справедливо замечает, что не должно быть конкурирующей учебной среды. Учащимся следует соревноваться с самим собой, не бояться сделать ошибку, а школа не должна порождать неудачников. Он выделяет следующие характерные черты заботливой школы: здесь слушают друг друга; по-доброму шутят; оказывают взаимопомощь и отмечают успехи друг друга; уважают чужие взгляды, хотя могут и не соглашаться с ними; проявляют истинную заботу. Такие школы определяют ошибку не как пятно на чьей-то репутации, а возможность увидеть, как можно было сделать по-другому. Зная о многих проблемах нашего образования и учитывая современные требования к его качеству, учитель не может не понимать, что его профессиональная деятельность переходит в какое-то новое измерение. Они должны сделать все, чтобы учащиеся воспринимали школьную пору как наиболее волнующую и развивающую часть своей жизни; вселить в учащихся любовь к учению на всю жизнь и понимание необходимости обучения на протяжении всей жизни.

В этой связи интересен опыт работы «Школы толерантности» и «Диалоговой студии» средней школы №28 г. Смоленска. Курс данной школы, разработанный заместителем по воспитательной работе М.С. Дарбашевой, является предпрофильной подготовкой и изучается в 9–10-х классах один семестр (один час в неделю). Интересно представлены темы курса: «Я имею право», «Имиджелогия», «Школа толерантности», «Экология человека», «Психологические основы выбора профессии».

Таблица 2

Ответы	%
Вопросы благоустройства школы (стадион, столовая, бассейн, новая мебель и др.)	24%
Изменение отношений ученик/учитель	22%
Изменение методов преподавания и воспитания	21%
Улучшение квалификации преподавателей	18%
Изменение режима занятий (пятидневка, перенос начала занятий на 10 ⁰⁰ – 10 ³⁰)	5%
Кружки	3,5%
Изменение устава	1,5%
Изменение отношений между учениками	1,5%
Все	1,5%
Оставить все как есть	1%
Более строгая дисциплина	1%

На предварительном этапе социальный педагог Л.В. Андреева изучает индивидуальные особенности слушателей школы, разрабатывает своеобразный «кодекс правил» и «инструкции по технике безопасности», которые способствуют созданию доверительной обстановки на занятиях. В своей работе педагоги руководствуются правилами гуманистического направления в педагогике:

- правом быть выслушанным и принятым всерьез;
- правом на чувства;
- правом быть независимым, правом просить того, что хочешь;
- правом отвечать отказом на просьбу, не чувствуя себя виноватым;
- правом делать ошибки и быть ответственным за них;
- правом не быть напористым [2, с. 129].

Большое внимание в «Школе толерантности» уделяется формированию умения эмфатического слушания, так как оно необходимо в ситуациях с высоким эмоциональным напряжением, например, при решении конфликтов подросткового возраста, для школьной адаптации, при решении различных проблем. Цель эмфатического слушания – уловить эмоциональную окраску идей и их значение для другого человека, проникнуть в систему его внутренних органов и чувств. Для выработки этого умения применяются приемы уточнения, перефразирования, резюмирования. Занятия проводятся в форме активного моделирования учебных и жизненных ситуаций, где выполняются разнообразные упражнения, обеспечивающие формирование планируемых навыков, групповой и индивидуальной рефлексии. Материалом для занятий служат учебные видеофильмы, фрагменты документальных и художественных фильмов. Затем слушатели школы разыгрывают различные ситуации взаимодействия с целью определения и осознания феномена аутентичности (конгруэнтности).

Например, участнику занятий (добровольцу) предлагается занять место в центре «круга», который образуют все остальные члены группы и произнести любой монолог, направленный в их адрес. Задача этого человека – быть максимально аутентичным (конгруэнтным), а задача участников группы – «возвратить» ему неконгруэнтные кусочки его поведения. Интересны также упражнения: «Вы – настоящий друг», «Волшебная рука», «Доброта», «Дерево толерантности»,

«Камушек в ботинке». Для решения задачи освоения способности «проживания чувств», передачи собственных переживаний в ситуациях взаимодействия с субъектами образовательной среды используется учебное пособие Ф.Е. Василюка «Психотехника переживаний», а также материалы других специальных учебных пособий, статей периодических профессиональных изданий. В конце курса учащиеся пишут сочинения на темы: «Мир – это...», «Мы – пассажиры одного корабля».

В «Диалоговой студии» слушателей учат способам гармонизации отношений людей, так как диалог предполагает вслушивание и проникновение в идеи и мнения другого, критическое отношение к своим и чужим высказываниям, понимание своей неправоты; представляет возможность обогатиться другими мнениями. Здесь даются теоретические знания о типологии диалога (внутренний, модальный, межличностный, опережающий, проблемный, полилог, духовно-ориентированный, эвристический, философский), его особенностей, роли и месте диалога в жизни современного человека. В этой студии работают над умением привлечь к себе внимание, создать благоприятный психологический климат; умением понять ценностно-смысловые позиции друг друга, умением передать свое отношение к информации и сделать ее значимой для партнера. Здесь преподаватели могут проверить и усовершенствовать свои профессионально-педагогические умения в организации и ведении диалога.

Для этого в микрогруппах модулируются коммуникативные ситуации, которые направлены на отработку условий сохранения диалогических отношений с обязательным выполнением правил группы:

- доверительный стиль общения;
- взаимодействие по принципу «здесь и теперь»;
- персонификация высказываний («Я думаю...»; «Я считаю...»);
- искренность участников диалога (говорим только правду или молчим, открыто, выражаем свои чувства);
- рефлексия (самооценка работоспособности, психологического состояния, результативности работы и др.).

В ходе занятий формулируется установка на использование полученных знаний и умений на предметных занятиях и осмысление взаимодействия учитель–учащийся. В ходе занятий исполь-

зуются игровые ситуации и их элементы. Для развития диалогических умений используются упражнения, представляющие собой различные высказывания, начиная с воспроизведения образцов по заданной схеме до творческих заданий (например, составление ситуаций по пословице). Диалог дает человеку возможность проиграть разные роли – Друга, Оппонента, Шута, Поклонника, Спасителя и т.д. В упражнениях дается роль и инструкция как вести себя в дискуссии («умиротворяющий», «обвиняющий», «человек-компьютер», «уходящий в сторону»). Для анализа используется промежуточная и итоговая рефлексия игровых действий, обращающих внимание преподавателей ко всему ходу занятий, своим ощущениям, переживаниям, самочувствию. Более 65% преподавателей отмечают возросшую потребность во включении диалогических методов в учебно-воспитательный процесс. А 70% учащихся отмечали, что эти занятия помогли им научиться принимать решения и отвечать за их последствия – т.е. приобрести соответствующий опыт, который подготовил бы их к жизни в нашем непростом мире.

Очевидно, что наиболее важным межличностным фактором, который может повысить учеб-

ные результаты, является сам учитель. А развитие межличностных умений преподавателей – дополнительный фактор эффективного обучения. Уровень эмпатии учителя позволяет предсказывать аспекты поведения учителя и учеников на уроке, развитие «Я – концепции» учеников, уровень их достижений, посещаемость и снижения деструктивного поведения.

Личностно-ориентированное образование (если оно осуществляется правильно) последовательно достигает своих целей, связанных с креативностью, отношением к школе, любознательностью и независимостью.

Библиографический список

1. Кузьменкова Ю.Б. Модульный подход к проблеме эффективной межкультурной коммуникации. – М.: ГУ-ВШЭ, 2002.
2. Пахальян В.Э. Личностно-ориентированное консультирование в образовании. – М.: ПЕР СЭ, 2003.
3. Роджерс К. Свобода учиться / К. Роджерс, Дж. Фрейберг. – М.: Смысл, 2002.
4. Соловова Е.Н. Методическая подготовка и переподготовка учителя иностранного языка. – М., 2004.

Г.В. Самусева

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТНОГО ОПЫТА ШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

В статье представлены педагогические условия и основные ориентиры педагогического сопровождения становления личностного опыта школьников в процессе учебной и воспитательной деятельности на основе анализа различных технологий педагогического сопровождения и педагогической поддержки в парадигме личностно ориентированного образования.

Главной ценностью личности в контексте личностно ориентированного образования является личностный смысл и личностный опыт, который становится достоянием человека только тогда, когда он сам придаст, породит ценность знаний и ценность правильного поведения лично для себя. Для этого нужна активная интеллектуальная деятельность сознания, самостоятельно принимающего решения по поводу ценности чего-либо. Со стороны воспитателя необходима организованная деятельность по педагогическому сопровождению становления личностного опыта, отражающего индивидуально-личностное развитие воспитанника.

Важным показателем становления того или иного личностного опыта является пробуждение личностного смысла учащихся.

На пробуждение личностного смысла учащихся оказывают влияние:

– Внутренние ресурсы, отражающие личностные структуры сознания: критичность, мотивацию, рефлексивность, коллизийность, опосредование, автономность и др. Они формируют личностный опыт создания собственной картины мира. Это опосредуется процессами осмысления, переосмысления и отдельной дискредитации традиционного содержания знаний, осмысление нового ориентирования, «включение» личностных струк-

тур сознания в режим осмысленного поиска.

– Внешние воздействия – специально организованная деятельность учителя, «работающего» с учеником через преобразованное содержание учебного материала.

Одной из задач воспитания является правильно организованная деятельность ребенка. В деятельности формируются нравственные качества, что составляет структуру личностного опыта, а возникающие отношения могут влиять на изменение целей и мотивов деятельности, что в свою очередь влияет на усвоение нравственных норм и ценностных ориентаций.

Становление личностного опыта как феномена личностно ориентированного образования, по мнению исследователя В.В. Серикова и др., не может задаваться в отрыве от процессуальной формы его существования. Всякая ценность будет иметь значимость для субъектов образовательного процесса в случае:

– представления её в виде задачи-коллизии, требующей сопоставления этой ценности с другими ценностями;

– диалогичного общения, предполагающего исследование её смысла;

– имитации жизненной ситуации, позволяющей апробировать эту ценность в действии и общении с другими людьми, а не просто личностной ситуации, актуализирующей коллизии, где могут проявиться личностные функции обучаемого [1, 2, 3, 8].

Исследования Е.В. Бондаревской, С.В. Кульневича, И.А. Липского, В.В. Серикова ориентируют на необходимость построения *модели становления личностного опыта через педагогическое сопровождение*.

Феномен педагогического сопровождения широко исследовался в парадигме личностного образования. Многие известные педагоги говорят о необходимости помощи школьникам в развитии индивидуальной личности, о наличии обязательной поддержки в педагогическом и воспитательном процессах. В выборе технологии педагогического сопровождения прослеживаются некоторые различия и особенности.

С.В. Кульневич включает в педагогический процесс средства сопровождения, направленные на доброжелательность, взаимопонимание и сотрудничество с учениками; а также создание ситуаций взаимного обучения, использование игр, диалогического общения, направленные на инди-

видуально-личностное сопровождение; и предлагает диагностику индивидуального развития, умственных и творческих способностей, выявление личных проблем детей [5].

Е.В. Бондаревская сопровождение личностного развития видит в совместном с учеником определении его интересов, целей, возможностей и путей преодоления препятствий, мешающих ему достигать позитивных результатов в самоорганизации [1].

У В.В. Серикова оказание педагогом педагогической поддержки воспитаннику выступает в актуализировании некоторых личностно-развивающих ситуаций. «Ситуацией» для личности становится то, что затрагивает её ценностную сферу, статусные характеристики её бытия [7, 8].

По мнению исследователя И.А. Липского, проблема педагогического сопровождения развития личности человека на пути его жизнедеятельности обуславливается категорией «взаимодействие». Педагогическое взаимодействие, по И.А. Липскому, – процесс, происходящий между воспитателем и воспитанником в ходе учебно-воспитательной работы, во времени, в конкретных институтах социума, и направленный на развитие личности ребенка. Педагогическое взаимодействие выступает как развивающийся и развивающий процесс, способствующий становлению личности воспитанника и совершенствующий личность педагога при неременной руководящей роли авторитетного воспитателя. Взаимодействие этих сторон присутствует во всех видах деятельности – в познании, игре, труде, общении; его влияние проникает в «ядро» личностных отношений участников, оно пробуждает у воспитанников готовность быть, по словам В.А. Сухомлинского, «воспитуемым» [4].

В педагогическом сопровождении становления личностного опыта, по Д.В. Тырсинову, важен «субъектный контроль» личности, т.е. способность осознавать и объяснять меру своего участия в том, что происходит [9].

Осуществлять педагогическое сопровождение, реализуя личностный подход, по мнению исследователей, способен лишь тот учитель, который сам овладел предметом на личностном уровне, что проявляется в умениях:

– свободно владеть научной информацией по предмету;

– выделять субъективный контекст в истории науки (деятельность и личность исследователя);

– видеть ценностно-мировоззренческие и социально-прогностические выводы информации;
– выбирать способ изложения материала, который наиболее ценен с педагогической точки зрения [5, 8].

Таким образом, становление личностного опыта воспитанника определяется сознанием и учителя, и ученика. В личностном образовании ученик должен стать не объектом, как в традиционной педагогике, а субъектом образования (Е.В. Бондаревская, С.В. Кульневич, В.В. Сериков).

В соответствии с изменившимися представлениями о субъекте и объекте воспитания, *педагогическое сопровождение ориентировано на совместный с учеником поиск личностного смысла и личностных ценностей учебно-воспитательного материала.*

Проанализировав различные технологии педагогического сопровождения и педагогической поддержки в парадигме личностно ориентированного образования, в качестве основных ориентиров педагогического сопровождения становления личностного опыта можно выделить:

1. Открытость учебно-воспитательной информации – представление в учебном и воспитательном материале открытых для дополнения, неустоявшихся фактов, не имеющих однозначной трактовки. Способ их познания – критическая рефлексия – позволяющая производить обращение к смысловому ряду субъектов обучения вместо механического заучивания.

Следствием такого представления учебного и воспитательного материала становится введение требования – «личностного императива» – постоянного пояснения субъектом обучения и воспитания своих смысловых значений рассматриваемого явления.

2. Включение «обыденных» пониманий – постоянное пояснения учеником собственных значений феноменов учебного или воспитательного материала. Благодаря этому происходит включение вненаучных представлений в контекст науки, что обеспечивает появление личностного смысла.

Включение «обыденных», донаучных пониманий учащимися становится возможным при использовании их в качестве экспертов. Итог экспертной деятельности есть согласование личностных мнений; возможность реализации истины в различных мнениях; реализация в экспертизе не только интеллекта, но и всего духовного и эмоционального, субъектного опыта учеников.

3. Умение аргументировать мнение – рационально-логический способ убеждения, который способствует переходу безличной информации в личностно значимую.

4. Педагогические условия – то, что необходимо учитывать и создавать в качестве педагогического сопровождения становления личностного опыта: условия постановки общих и частных целей урока; условия для востребования ценностно-смыслового компонента сознания; условия для востребования ценностно-эмоционального компонента сознания и т.д.

Педагогические условия могут учитываться, использоваться в воспитательных целях, но не должны являться принудительными.

А) Ценностно-смысловые условия способствуют выработке личностью мотивов для осмысленного отношения к предлагаемой воспитательной деятельности. Такое отношение в целом определяется способностью учителя оказывать разноплановую педагогическую поддержку учащимся. Она определяется следующими условиями:

– эффективность воспитания, соответствующего условиям жизни и ценностям воспитанников;

– гуманистические базовые ценности учителя и учеников;

– тонкое направление ученика и мягкая корректировка его отношения к идеалу, самоформирование нравственного идеала. При наличии любого (позитивного или негативного) идеализируемого образа ученику важно уметь определять уровень нравственной достоверности сведений, поступающих к нему из всех источников: от родителей, сверстников, старших товарищей, СМИ и т.д. Помогаящее поведение учителя направлено на прояснение сущности предлагаемых сведений с позиций соответствия их критериям нравственности;

– самоидентификация с нравственным идеалом: доступный и понятный язык; возможность для анализа описания идеала; допустимость ошибок, сомнений; ориентиры для поиска компромиссов;

– создание ситуаций выбора, результатом которого становится принятие решения по поводу достижения идеала; выбор предполагает наличие альтернатив, т.е. вариантов принимаемых решений, обеспечивающих личности свободу поиска вариантов и направлений в самоизменении.

Б) Ценностно-эмоциональные условия обеспечивают эмоциональность восприятия и осмысления учеником специфических действий учителя

ля по созданию личностно ориентированной ситуации на уроке или на классном часе:

- принятие решения в процессе обсуждения той или иной проблемы;
- наличие педагогической импровизации; будучи удачной, импровизация учителя всегда вызывает яркий эмоциональный отклик у учащихся;
- решения учителя могут влиять не только на действия, но и настроения учеников. Объясняя ученикам свои решения, учитель может ссылаться на любые факторы, в том числе и на эмоциональные, важно лишь сделать логические выводы из посылок, быть убедительным и в результате понятным и при этом не противоречить самому себе;
- побуждение к деятельности происходит через поощрение и раскрытие «малых талантов», имеющихся у каждого ученика.

Педагогическая работа с условиями педагогического сопровождения становления личностного опыта воспроизводит деятельность сознания, продвигающегося от повторения чужого личностного опыта (учителя, родителей, сверстников, литературных персонажей, деятелей истории и науки и т.д.) к производству своего. Эта деятельность обуславливает индивидуально-личностное развитие учащихся.

В преподавании, осуществляемым на принципах педагогического сопровождения, акцент делается не на программный материал, как в традиционной педагогике, а на организацию индивидуальной познавательной деятельности на основе знания ее психологической природы. Учитель анализирует сам и помогает понять ученику не только содержание того, *что* он усвоил, но и *как* ему это удалось сделать (с помощью каких приемов, техник, методов). Одним, к примеру, легче воспринимать на слух, у других лучше развита зрительная память. Поэтому необходим индивидуально-личностный подход и обязательная психолого-физиологическая диагностика на начальном этапе обучения. «...Наиболее стабильные и общие личностные свойства могут быть выявлены при диагностике» (В.И. Лещинский).

Во-первых, это должна быть совместная деятельность ученика и учителя с преобладанием приоритета ученика.

Во-вторых, оценивание должно быть не только количественным (по пятибалльной системе), но скорее качественным, от низкого до высокого уровня развития того или иного качества в различных сферах деятельности ученика.

Учитель, осуществляющий педагогическое сопровождение, создаёт условия для личностной реализации каждого ученика с помощью информирования, консультирования, организации диалога, оказания помощи, ориентируясь на индивидуальные способности каждого ученика. Учитель поддерживает поиски наиболее эффективных путей усвоения знаний, поощряет наиболее интересные находки, анализирует несостоявшиеся попытки, стимулирует детей к осознанию своих поражений и побед. Учителем задаются вопросы: «Как ты рассуждал, чтобы прийти к соответствующему выводу?», «Почему пришел именно к данному результату?» и другие. Он может рассказать о своих собственных способах получения результата, но не навязывает их детям, как единственно возможные. Применяет учитель диагностические процедуры, направленные на выявление познавательных стилей учащихся и на их основе прогнозирует динамику развития и успешность овладения им учебным материалом.

На уроке должны присутствовать разные формы общения между учителем и учениками – монолог, диалог, полилог; между учениками – индивидуально, парами, в группе. Результаты наблюдений учителя на занятии, результаты учебной деятельности школьников фиксируются. Особое внимание уделяется развитию индивидуальности, его самопознанию и самосовершенствованию. Педагогическое сопровождение, осуществляемое учителем, дает возможность детям те знания и умения, которые могут помочь им в дальнейшей жизни, в выборе будущей профессии.

Библиографический список

1. Бондаревская Е.В. Гуманистическая парадигма личностно ориентированного образования // Педагогика. – 1997. – №4.
2. Кульневич С.В. Личностная ориентация методологии культуры учителя // Педагогика. – 1997. – №5.
3. Кульневич С.В. Педагогика личности: Учебное пособие. Ч. 1. – Ростов-на-Дону, 1995.
4. Липский И.А. Педагогическое сопровождение развития личности: теоретические основания // Теоретико-методологические проблемы современного воспитания: Сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 280–287.
5. Личностно ориентированное образование: феномен, концепция, технологии. – Волгоград, 2000.

6. От стратегии самоорганизации к тактике личностного воспитания // Известия Южного отд. РАО. Выпуск II: Личностно-ориентированное образование в контексте культуры. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2000. – С. 13–24.

7. Сериков В.В. Личностный подход в образовании: концепция и технологии. – Волгоград: Перемена. – 1994.

8. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования образовательных систем. – М.: ИК «Логос», 1999.

9. Тырсинов Д.В. Психолого-педагогические условия развития субъектности личности: теория, эксперимент, опыт. – 2006.

10. Якиманская И.С. Разработка технологии личностно ориентированного обучения // Вопр. психологии. – 1995. – № 2.

О.Р. Якушева

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЭСТРАДНОГО ПЕНИЯ

На современном этапе развития музыкального искусства актуальным является вопрос обучения эстраднему пению. В последнее время интерес к эстраднему пению заметно возрос. Популярность телевизионных проектов «Фабрика звёзд», «Народный артист», «Секрет успеха», различные конкурсы эстрадных исполнителей в России и за рубежом яркое тому подтверждение. При этом существует проблема профессионального подхода в обучении эстраднему пению.

Эстрадное пение по своему звучанию находится между академическим (классическим) и народным. Основное отличие от академического и народного вокала заключается в целях и задачах вокалиста. Академические и народные певцы работают в рамках регламентированного звучания. Задача эстрадного исполнителя – поиск своего собственного звука, формирование уникального, узнаваемого голоса, оригинальной манеры пения и сценического образа.

В эстрадном пении важна выятная дикция, поскольку слова являются одной из значимых составляющих хорошей песни. В эстрадных песнях гораздо чаще встречаются трудные для выпевания фразы, требующие быстрой смены дыхания, в то время как в академических и народных песнях, зачастую, текст в большей степени адаптируется под музыку.

Необходимым условием в работе педагога по эстраднему пению является знание характеристик эталонного звучания, сформированных в процессе развития джазовой, рок- и всей поп-музыки. Одной из основных характеристик эталонного звучания считается близкий звук.

Близкий звук – это звук, опираемый в вершину твёрдого нёба. При близком пении аппарат так

акустически устроен, что звук не застревает в глоточно-затылочной части. Близкий звук иногда отождествляют с так называемым «открытым» звуком, что является ошибочным мнением. Открытым звуком пользуются некоторые народные певцы и коллективы, механизм опоры звука при таком пении отличается от рассматриваемого нами эталонного звука.

Эталонному звуку присуща полётность, позволяющая свободно резонировать в пространстве. В этом случае акустическая среда, окружающая исполнителя, является естественным продолжением акустики внутри певческого аппарата и как следствие – звук льётся легко, не задерживаясь внутри аппарата. Несмотря на звонкость и полётность, эталонный звук насыщен низкими грудными частотами, при этом используется предельно большой диапазон высоких и низких частот.

Как правило, эталонное звучание близко к разговорной речи, даже если для пения избраны такие приёмы, как субтон («звук с воздухом»), фрулато (в пении так называемый «хрип») и другого рода засурдиненные режимы звучания голоса. Секрет заключается в том, что звучание разговорной речи акустически наиболее естественно с точки зрения анатомии и физиологии человека, так как выверено самой природой в процессе эволюции человека. При пении эталонным звуком и при разговорной речи наблюдается сходство формы певческого аппарата, с той лишь разницей, что при пении увеличивается объём надгортанных полостей аппарата. Анализ речевого звукоизвлечения показывает, что соответственная форма аппарата открывает простейший путь к работе с резонаторами, что наилучшим образом соответствует инструментальности эталонного звука. Такая система звукоизвлечения наиболее

контролируема сознанием человека, а значит, позволяет добиваться лёгкости, беглости и точности интонации, свойственных эталонному звучанию вследствие естественности формы певческого аппарата.

Звук, близкий к разговорной речи, позволяет добиваться тончайшей эмоциональности исполнения, а ведь яркая эмоциональная окрашенность звука является одной из основных особенностей жанра в целом, и эталонного звука в частности.

Эталонный звук изобилует множеством характерных приёмов и красок: раздувание и затихание звука, резкие изменения тембральной окраски звука, переходы от грудного к микстовому и фальцетному звучаниям (иногда эти переходы бывают очень резкими), использование разного рода эффектов (сипы, хрипы, раздвоенность звука и т. д.).

Эталонному звучанию характерно достаточно развитое микстовое и фальцетное пение. Ниже мы более подробно ознакомимся с этими режимами работы аппарата. Диапазон такого микстового и фальцетного пения очень большой, а по тембру эти режимы мало отличаются от грудного голоса. Здесь следует добавить, что тембральная однородность, схожесть разных тесситурных режимов – престижный момент для певцов в эстрадном жанре. Работая над звуком, необходимо стремиться к такой однородности звучания.

Мы уже отмечали инструментальность эталонного звука. В основе звукоизвлечения лежит организованная особым образом в аппарате певца звучащая струя воздуха, так называемый столб. Певческий столб является и причиной возникновения звука, и носителем этого звука, его качественных характеристик. Наличие столба и опоры в пении напоминает игру на духовых инструментах. Такая аналогичность позволяет копировать манеру исполнения на духовых инструментах, их тембр, что существенно влияет на становление эталонного звука. Как отмечает В.И. Коробка: «Если столб сравнить со смычком, а голосовые связки со струнами, то голосовой аппарат можно сравнить со струнными инструментами. Резонаторы в этом случае будут выполнять функцию деки инструмента. Старые итальянские мастера пения просили учеников внимательно слушать скрипку и виолончель, добиваясь при этом сходства вокального звучания по тембру, по манере звуковедения и фразировки» [1]. Такое копирование актуально и при работе над эталонным звуком.

Итак, мы рассмотрели основные характеристики эталонного звука, который отличает близость к речевой манере звукоизвлечения, тембральное богатство, красочность и широта диапазона.

Сочетание техники академического вокала, народного пения и ряда специфических приёмов, таких как расщепление, драйв, субтон, обертоновое пение, глиссандо, фальцет, йодль, штробас – характерны для эстрадного пения.

Рассмотрим каждый из них. Расщепление как приём эстрадного пения отличает особенность исполнения, при которой к чистому звуку примешивается определенная доля другого звука, нередко представляющего из себя немusicalный звук, т.е. шум. В этом случае один дыхательный поток как бы расщепляется на два (к расщеплению можно отнести некоторые приёмы народного пения, например, «горловое пение» народов Азии, а также широко известные субтон и драйв).

Драйв – один из важнейших приёмов расщепления в арсенале рок-вокалистов. Он имеет подвиды: гроулинг, рёв, хриплый голос, дэт-вокал и т.д. Для классических вокалистов данный приём является неприемлемым.

Одним из распространенных приёмов эстрадного пения является субтон, т.е. пение с придыханием. Примеры этого приёма можно услышать в джазе и поп-музыке, например, у Tony Braxton, Cher или Tanita Tikaram.

Обертоновое пение известно как «горловое» характерно для дальневосточной музыки (Тибет, Тува, Монголия). Его суть в расщеплении обертонов основного тона, что позволяет выпевать двузвучие.

Приём глиссандо известен как «слайд», характеризуется плавным переходом с ноты на ноту, а фальцет (пение «без опоры»), позволяет расширить диапазон в сторону высоких нот и нередко встречается в джазе и поп-музыке.

Йодль – «тирольское пение» – заключается в резком переходе с пения «на опоре» на фальцет. В современной музыке широко используется такими исполнителями, как Dolores O'Riordan (Cranberries), Alanis Morissette, Myers. С некоторых пор получил распространение так называемый «обратный йодль» – резкий переход с фальцета на «опору». Примеры исполнения этого приёма можно найти в песнях Linda Perry (4 Non Blondes).

Для приёма штробас характерно воспроизведение низких нот, которые невозможно спеть нор-

мальным голосом, т.к. звук очень специфический и используется редко. Например, Britney Spears «Oops, I did it again».

Подводя итог вышесказанному, хочется подчеркнуть, что для воспитания конкурентоспособного эстрадного исполнителя необходима не только постановка голоса певца (актуальная для любых видов вокала), но и освоение эталонного звучания, широкого спектра технических приёмов, формирование «своего» уникального, неповторимого голоса – как специфики эстрадного пения.

Библиографический список

1. Коробка В.И. Вокал в популярной музыке: метод. пособие / М-во культуры СССР, Всесоюз. науч.-метод. центр, Студия попул. музыки «Рекорд». – М., 1989. – 44 с.
2. Клипп О.Я. Задачи постановки голоса эстрадного певца: Учебно-методическое пособие. – М.: МПГУ, 2005. – 18 с.
3. Эстрада в России. XX век: энциклопедия / Отв. ред. Е.Д. Уварова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 862 с.

Г.В. Чекмарёв

МУЗЫКАНТ-ИСПОЛНИТЕЛЬ И СЛУШАТЕЛИ: ФОРМИРОВАНИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СМЫСЛОВ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ (статья третья из цикла «Мир коммуникаций и ценностей»)

Разработка теоретических взглядов на культуру в целом, и на музыкально-исполнительскую деятельность, в частности, в настоящее время идет в направлениях адаптивного и идеационного подходов¹. *Адапционизм* рассматривает культуру как специфически человеческий способ взаимодействия с окружающей средой, центральное место в объяснении культурных явлений отводится здесь понятию деятельности. В русле этого направления развивается функциональная концепция культуры, ведущая начало от Б. Малиновского, который рассматривал культуру как порожденную обществом систему способов удовлетворения потребностей². К этому направлению примыкает марксистская теория культуры, определенная Э. Маркаряном как «исторически развивающаяся совокупность внебиологически выработанных способов, средств и механизмов деятельности общества»³.

Согласно второму подходу, *идеационизму*, культура представляет собой область идеального, содержащего продукты духовного творчества человека. В конечном итоге, средоточием культуры, ее определяющим и образующим началом оказывается некоторая ограниченная сфера духовного творчества – в основном наука и искусство. Именно здесь создаются символы, идеи, ценности, в свете которых люди, воспринимая и понимая действительность, строят свое бытие в мире. Позиции адапционизма и идеационизма в течение последнего времени сближаются. Почвой, на которой происходит это сближение,

является информационно-семиотическая концепция, в соответствии с которой культура рассматривается как биологически ненаследуемая информация, а также как способ ее организации и хранения⁴.

В соответствии с данными подходами, можно дать следующее определение культуры. Культура есть свойственный человеку способ удовлетворения потребностей, проявляющийся в генезисе, накоплении и передаче информации. Корпорация, осуществляющая уставную деятельность и найм персонала в образованной культурой среде хозяйствования, является ее частью. При этом под доминирующей культурой следует понимать в первую очередь национальную культуру. Таким образом, культура корпорации выступает в роли субкультуры по отношению к доминирующей культуре. Становится понятно, что корпоративная культура есть способ удовлетворения потребностей элементов корпорации, ее структурных единиц и персонала, в т.ч. владельцев, менеджмент и работников, а также субъектов внешней среды организации – ее контрагентов, проявляющийся в сборе информации, принятии решений и актах изменения системы.

Потребность, в соответствии с теорией внутреннего равновесия Е.П. Ильина, есть определенное состояние индивида, которое формируется под влиянием дефицита в чем-то необходимом, который он испытывает⁵. Это может быть потребность в объектах, предметах, без которых невозможно дальнейшее развитие и существование

индивида. Потребности выступают главным фактором, определяющим интересы, стремления, желания человека, направленность его мышления, цели, которые человек ставит перед собой, и деятельность по их достижению. Осознание возникшей потребности, актуализация ее с целью удовлетворения есть собственно мотив, внутренняя психологическая причина к действию, определяющая выбор поведения, направленного на удовлетворение потребности. Иными словами, потребности посредством мотива запускают соответствующие типы поведения, которые и должны привести к искомому удовлетворению⁶. Мотивация — это внутренняя психологическая установка человека на действие с определенной активностью для удовлетворения актуализированной потребности или, напротив, бездействие, игнорирующее потребность. Следовательно, мотивация является частью социальной реальности.

Вопрос о том, *что* формирует социальную реальность современности (как часть современности в целом), — один из основных для гуманистиков, а *как* формирует — для педагогов (хотя способы ее формирования и репрезентации изучают и политологи, социологи, философы, филологи, психологи). Естественно, что особые черты современности по-разному определяются в различных предметных областях, но все же в них присутствует общее, в основе которого лежит взгляд на социум через призму коммуникации. В характеристиках современного общества как общества «информационного» (или даже «постинформационного»), «виртуального», «глобализующегося» и др. на первом месте стоит фактор коммуникации, она заложена и в самих этих определениях.

В современных исследованиях коммуникации уже сложились некоторые подходы. В «футурологических» моделях Белла⁷, Маклюэна⁸, Стоунера⁹ коммуникация отождествляется с развитием коммуникативной инфраструктуры информационного общества. Соответственно основной исследовательский интерес сосредотачивается на механизмах управления коммуникацией в аспекте развития технического потенциала информационного общества. Как мы уже отметили в своей первой статье в рамках социально-философского подхода наиболее значимыми являются концепции Ю. Хабермаса¹⁰ (теория коммуникативного действия) и Н. Лумана¹¹ (системная теория).

В их моделях основанием исследования выступают не репрезентативные формы социальной

реальности, а механизмы коммуникации. При этом Хабермас ставит на первое место «коммуникативные процессы повседневности», считая, что именно они репрезентируют различные формы социальности. Луман же выстраивает модель коммуникации в рамках системной теории общества, описывая его через взаимодействие с окружающей миром («самоописывающийся объект»). Он рассматривает коммуникацию не как способ смыслополагания, а как независимую форму социального взаимодействия, отмечая, что «лишь с помощью понятия коммуникации социальную систему можно мыслить как аутопоietическую систему, которая состоит из элементов, а именно из коммуникаций, производящих и воспроизводящих себя посредством сети коммуникаций». Само понятие коммуникации для Лумана «становится решающим фактором для понятия общества». Коммуникация, по Луману, есть результат деятельности (причем это деятельность самой коммуникации), отражающий факт социально признанного взаимодействия. Он подчеркивает, что невозможно задать единый способ описания и управления коммуникацией и рассматривать ее с позиций «должного» (идеалов, ценностей, норм), то есть с позиций неоинституционализма. Реальное функционирование коммуникации определяется внешними по отношению к языку системными механизмами (политика, экономика, массмедиа). Особо Луман подчеркивает тот факт, что в современном мире индивидуальное поведение человека деформируется прессой, кино и радио. Как знаковые изменения в этом секторе он рассматривает расширение доступности передач или даже возможность коммуникации прямо из своего дома. Тем не менее исследование реального состояния современного общества он считает возможным только в увязке этих изменений с «системными» параметрами¹².

Российские исследователи проблем коммуникации в большей степени сосредоточены не на структурных и общетеоретических проблемах, а на формировании смыслов политической реальности. Среди этих работ наиболее интересными для нашей темы являются работы Д.М. Фельдмана и М.П. Одесского. Указанные авторы в первую очередь обращают внимание на то, чем, как и с помощью чего «репрезентируется» («наполняется») современность¹³. По словам Д.М. Фельдмана, «коммуникация» и «современность», бу-

дучи метафоричными по своей природе, «приобретают смысл, наполняясь содержанием». Отмечая, что «люди осмысливают действительность в терминах», он справедливо считает, что «политические термины, как правило, нейтральными бывают редко, а, следовательно, использование того или иного термина «задает» отношение к осмысливаемой проблеме»¹⁴.

«Филологический» подход к коммуникации предлагает М. Кронгауз. Анализируя ключевые слова эпохи, Кронгауз приходит к выводу об их «неслучайности». В силу этого он считает возможным через слова и термины, в которых осуществляется коммуникация, вычленять качественные характеристики современности (в том числе и политической). «Наша эпоха, — по словам Кронгауза, — в частности, характеризуется словом “пиар”, не понятным ни эмигрантам, ни иностранцам (даже англоязычным)». Популярность данного слова, по его мнению, означает «осознание всеобщности манипулирования всех всеми»¹⁵.

Здесь появляется еще одна, важная для «нашей» современности черта, а именно ее «проективность», выстраиваемость, технологическая заданность. Это несколько иной (в контексте идеи Ф. Фукуямы¹⁶), но тоже своеобразный «конец истории». Естественно, не все проекты могут быть осуществлены, следовательно, и невозможно полностью «технологически спрогнозировать» историческую перспективу. Однако здесь важна готовность общества «принять» возможность этой проективности, что приводит к изменениям в процессе понимания реальности и действия в условиях этой реальности.

По мнению М.Н. Грачёва развитие средств коммуникации (письменность, книгопечатание, телеграф, телефон, телевидение) постепенно освободило социальное взаимодействие от необходимости межличностного общения в условиях ограниченной физической локализации¹⁷. На наш взгляд это серьезнейшее заблуждение, ведущее к непрогнозируемым и крайне опасным для общества последствиям. И хотя нельзя не согласиться с тем, что Интернет-коммуникации (с их современными возможностями интерактива) изменили способы формирования и организации многих сфер социальной жизни, а само информационное пространство стало «второй» реальностью, которая если еще и не определяет «первую», то существенным образом воздействует на

нее, всё же в этом виртуальном пространстве проблема самоидентификации не исчезает.

Наоборот, проблема эта приобретает ещё более глобальный характер в связи с повышением роли опосредованного взаимодействия. Все больше людей стремятся получать новые содержательные сообщения не от тех, с кем они непосредственно общаются в своей повседневной жизни, а из других источников. Процессы создания и трансляции сообщений все более сопрягаются с опосредованным символьным обменом. Одновременно расширение доступности символьных форм во времени и пространстве изменяет характер соотношения между публичным и частным, а также способы взаимодействия индивидов с публичной сферой. При этом исследователь отмечает, что самым важным изменением стало повышение роли участников коммуникации в формировании реального мира виртуальными средствами. Отмеченное делает значимым обращение к работам выдающегося мыслителя-педагога Г.П. Щедровицкого, написанным задолго до появления Интернета в далёком теперь уже 1972 году¹⁸.

Образное мышление было результатом интеллектуального развития, формирующего силу и глубину воображения¹⁹.

Первый серьезный удар по воображению был нанесен кино и телевидением (театр всегда был более элитарен и меньше воздействовал на сознание). Читатель в значительно большей степени был соавтором писателя, чем зритель. Читая, мы сами (конечно, с помощью автора) представляем себе героев, рисуем их в своем воображении. В случае с «экранной картинкой» (кино, ТВ, компьютер) у нас появляется посредник, который «доделявает» за нас интеллектуальную и творческую работу. В результате *воображение заменяется восприятием*. Даже если мы смотрим картину самого талантливого режиссера, мы все-таки видим мир его глазами.

С развитием киноиндустрии, телевидения, компьютерных технологий «картинка» все больше формирует мир человека (впрочем, об этом много и давно пишут психологи). В конце 1980-х годов в русском языке появляется и довольно быстро утверждается слово «имидж». В советском словаре иностранных слов (1984 г.) такого слова не было совсем. (Правда, было понятие «имажинизм», производное от слова «имидж», определявшееся в соответствии с эпохой как

«упадническое декадентское литературное направление»).

Появившись в сфере «шоу-бизнеса» (также нового для России обозначения одной из сфер массовой культуры), слово «имидж» довольно быстро вошло и в музыкально-исполнительскую деятельность без своего «имиджмейкера». Естественно появилась и масса публикаций на тему способов и методик построения имиджа. Среди этих публикаций были и ставшие классическими переводные работы (Дж. Наполитэна), и работы отечественных авторов (Г. Почепцова, А. Цуладзе, С. Белановского, С. Кара-Мурзы и др.). Нисколько не умаляя ценности многих исследований, отличающихся в ряде случаев глубиной и значительной эмпирической базой, все же отметим, что само появление огромной массы работ по данной теме делало ее модной, а профессию имиджмейкера – востребованной.

Общедоступность создания и раскрутки «имиджей» сыграла свою роль. Пройдя пик моды (в России к концу 1990 – началу 2000-х годов), слово «имидж» уступило первые позиции уже совершенно новому слову «бренд», придуманному Т. Гедом. В общем-то «бренд» был ничем иным, как новым способом обозначения торговой марки (или товара). Правда, не любой торговой марки, а марки известной и популярной. Естественно, большинство коллективов музыкантов-исполнителей захотели получить статус бренда. На несколько лет слова «бренд» и «брендинг» (построение бренда) стали одними из самых модных. Казалось, что стоит превратить название исполнительского коллектива в бренд, как успех музыкантам-исполнителям будет обеспечен.

В рыночной экономической системе существует правило – чтобы товар покупали, его должны узнавать. Есть и давно известный способ популяризации товара – реклама. Бывшие имиджмейкеры довольно быстро и легко превратились в бренд-менеджеров, предлагающих услуги в области концертной деятельности и даже по ребрендингу этой деятельности. В серьезных исследованиях анализируются содержание брендов, измеряют их «вес», «силу» и продаваемость.

В коллективной музыкально-исполнительской деятельности мы имеем дело с таким явлением, как зонтичные бренды (когда под одной торговой маркой – названием ансамбля выступают несколько известных исполнителей). Хотя для российской музыкально-исполнительской деятельности

больше характерно другое явление бизнеса (относительно новое и для него) – бренд-локомотивы (раскрутка одного музыканта-исполнителя через другого).

Так, казалось бы, простые языковые заимствования («имидж», «бренд» и пр.) не просто отразили изменения в музыкально-исполнительской деятельности, а создали возможность *формирования и репрезентации смыслов реальности*, подготовленную незаметной трансформацией субъективного «образа» в формируемый «имидж», с помощью технологий доведенный до стадии «бренда».

Уяснив, что конкуренция идет не между реальными музыкантами-исполнителями, а между их имиджами и брендами, дадим некоторый прогноз в отношении бренда музыки XXI века. Здесь есть несколько вариантов: первый, лежащий на поверхности ход, – клонировать бренд исполнителей XX века. За этот вариант выступает то, что ожидания и запросы слушателей остались теми же (о чём убедительно пишет Серж Московичи²⁰) и что достаточно просто подобрать объекты под этот бренд.

Второй вариант – кардинально поменять содержание бренда. Однако при сохраняющихся запросах вряд ли такой ход принесет успех музыкантам-исполнителям. Во всяком случае, он потребует больших усилий от бренд-менеджеров.

Третий вариант – начать ребрендинг старого в пользу нарождающегося нового, постепенно сближая его с параметрами желаемого бренда-преемника. Если приглядеться внимательнее, то именно это сейчас и происходит. Безусловно, для «выведения» бренда новых музыкантов-исполнителей следует воспользоваться «брендом-локомотивом».

Оценивая взаимодействие музыкантов-исполнителей и слушателей в процессах формирования и репрезентации смыслов жизнедеятельности следует соотнести их потребности.

Музыкант-исполнитель: потребность в творчестве, перерастающая в потребность признания.

Слушатели: потребность в общении, перерастающая в потребность в потребности причастности.

И у тех, и у других духовная потребность перерастёт в социальную.

«Зал» и «сцена» – механизм формирования и репрезентации смыслов являет собой способ удовлетворения социальных потребностей.

Обоснуем мотивационный механизм удовлетворения социальных потребностей в случае

«зал» – «сцена», используя результаты исследований Г.П. Щедровицкого и А. Маслоу²¹.

В соответствии с теорией Маслоу, все существующие потребности разделяются на потребности низшего порядка (базовые, первичные потребности) и потребности более высокого порядка (вторичные потребности, метапотребности), образующие так называемую пятиэтажную пирамиду потребностей. На первом, нижнем уровне пирамиды расположены физиологические потребности (в пище, воде, тепле), на втором – потребности в безопасности (в сохранении определенного жизненного уровня, определенности и контроле). Третий уровень составляют потребности человека быть любимым, признанным обществом существом, четвертый – потребности в позитивной оценке обществом его индивидуальности, социальном статусе. На пятом, высшем уровне пирамиды находятся потребности в самоактуализации.

Согласно концепции Маслоу, все потребности взаимосвязаны между собой по принципу определенной иерархии так, что апеллировать к потребностям более высоких уровней пирамиды возможно лишь после того, как удовлетворены потребности более низкого порядка. И лишь метапотребности высшего уровня могут взаимно заменяться. Только в том случае, когда потребности самого низкого порядка удовлетворены хотя бы частично, человек начинает стремиться к удовлетворению потребностей следующего этажа пирамиды предпочтений, при этом он в своем развитии может остановиться на одном из уровней, но не может игнорировать ни один из них.

Критика концепции А. Маслоу заключается, прежде всего, в том, что представленная им классификация представляется недостаточной для отображения всех существующих потребностей и общего механизма их удовлетворения и является лишь частным случаем, описывающим структуру потребностей и характер их удовлетворения для некоторой группы людей. Укажем на главные недостатки пирамиды потребностей Маслоу.

Структуризация потребностей пирамиды Маслоу представляется в целом неполной, так как в пирамиде Маслоу (как, впрочем, и во всех представленных классификациях потребностей) слабо выделены, если не выделены вообще, духовные потребности. Попытка считать последний уровень в пирамиде Маслоу как соответствующий духовным потребностям, лишена серьезных

оснований, так как самовыражение личности является лишь частью ряда подобных потребностей (самоутверждение, самоуважение, самоидентификация, самопознание), а потребность в нравственности, ответственности идет в разрез с определением самовыражения, данным Маслоу.

По его мнению, реализация высшей потребности, проявляющаяся в активном стремлении личности к самоактуализации, в конечном итоге позволяет ей формировать собственную систему ценностей вне общественных установок. Посредством стремления к удовлетворению такого рода высших потребностей субъект приобретает опасную уверенность в собственной сверхисключительности, сверхценности и вседозволенности, становясь при этом потенциально опасным для общества. В свою очередь, такие общественные потребности, которые навязываются извне посредством эксплуатации психологических комплексов (например, рекламой) и диктуют определенный формат поведения (имидж), несомненно, являясь самовыражением личности в определенном кругу единомышленников, в действительности не могут претендовать на высший уровень потребностей и не являются духовными потребностями личности.

Выделение духовных потребностей в отдельную группу устремлений личности кажется совершенно очевидным по той причине, что такие потребности, как определение объективных смыслов жизни и предназначения человека и мира, являются самостоятельными и не менее значимыми потребностями человека. Игнорирование и неудовлетворение духовных потребностей приводит к духовной деградации и гибели личности (за которой обычно следует и физическая гибель), особенно в условиях избыточного предложения благ, удовлетворяющих физические потребности человека. Именно наличие и способность удовлетворять свои духовные потребности выделяет человека среди всего биологического многообразия.

Попытки выделить духовные потребности были предприняты в разное время, как последователями, так и противниками предложенной теории, в результате чего пирамида Маслоу превращалась в пирамиды с более подробно структурированными потребностями. В пирамиде Маслоу и ей подобных духовные потребности выделены вследствие искусственной детализации: выбора из числа всех возможных потребностей

определенного набора, который соответствует единственно субъективному авторскому предпочтению. Детализация не может охватить всех возможных форм потребностей и производится, напротив, в ущерб естественного укрупнения, которое должно отвечать объективному личностному строению человека.

Механизм потребления, предложенный Маслоу, также кажется не совсем корректным. Так, Маслоу утверждает, что самоактуализация личности берет начало с самых низших уровней побудительной иерархии. Это процесс саморазвития личности, постоянного внутреннего движения субъекта в предмете своей деятельности, постоянное усложняющееся «вращивания» в социальное пространство человеческой деятельности. Это производительная линия развития личности. Одновременно развивается подчиненная по отношению к ней линия поддержания жизнедеятельности и социального существования личности – потребительская линия, включающая в себя удовлетворение потребностей жизнеобеспечения и самосохранения, получение необходимого комфорта и безопасности, статуса и влияния. А. Маслоу утверждает, что по мере удовлетворения дефицита потребительской сферы на соответствующие уровни накладываются потребности «роста», или уровни производительной сферы.

Однако духовные специально-человеческие потребности вовсе не образуют лишь поверхностные образования, наслаивающиеся на физиологически-социальный базис, а степень удовлетворения материальных (физических) потребностей не всегда способствует (или препятствует) степени самоактуализации человеческой личности. Весьма сомнительным является утверждение о том, что духовные (личностные) потребности возникают у личности в момент удовлетворения потребности в пище или крове или могут не возникнуть вовсе, если определенные физиологические потребности по какой-либо причине (и даже сознательно) не насыщаются. Такое утверждение не объясняет, в частности, примеры творческих достижений и высоких социальных проявлений среди тех, кто не продвинулся по иерархии базовых потребностей.

В действительности очередные потребности не всегда переживаются человеком как актуальные. Например, удовлетворение насущной потребности в пище иногда представляет для чело-

века меньшую важность, чем удовлетворение потребностей общественного уровня (в акте политической голодовки) или духовного уровня (во время поста в религиозной традиции). Надо отметить, что это не является примером специфически человеческого поведения: известно, что даже животные зачастую предпочитают игру удовлетворению потребностей в пище. И напротив, потребность, принимаемая в качестве насущной даже не являясь таковой, превращается во влечение, и удовлетворение такой потребности становится наиболее актуальным в данный момент. Кроме того, «есть определенные свидетельства тому, что если исключить обеспечение жизнедеятельности организма, все остальное не выстраивается в предложенную Маслоу жесткую последовательность»²². Иными словами, удовлетворение потребностей происходит иным, избирательным способом, отличным от декларируемого Маслоу последовательного способа удовлетворения очередных потребностей.

В условиях рафинированного потребления, когда один акт поведения, ограниченный одним промежутком времени, направлен на удовлетворение нескольких потребностей, трудно измерить количество времени, затраченное субъектом на удовлетворение конкретной потребности. Так, нередко приобретаемая вещь удовлетворяет уже не только насущную нужду в том или ином благе, но и служит средством самовыражения. Владение или даже факт приобретения вещи должны свидетельствовать о некотором социальном статусе владельца. Конечно, такое свидетельство несет на себе только статусная вещь, т.е. вещь, которая у основной массы значимых для владельца людей заранее уже увязана с принадлежностью к соответствующему кругу (сословию, профессии, виду деятельности, уровню благосостояния, группе и т.п.) и определенным положением в нем.

Статусной вещь становится в результате действия многих разнородных факторов. Однако несомненно, что определяющим фактором является целенаправленная рекламно-пропагандистская деятельность производителей и продавцов соответствующей продукции. Чем лучше, надежнее свидетельство вещи о статусе владельца, тем выше ее цена и больше доля прибыли в ней. Особенность удовлетворения потребности в самовыражении через владение вещью заключается в том, что оно достигается через реакцию окружения владельца. Поэтому статусная значимость

вещи прямо связана с наличием людей, желающих иметь данную вещь, силой этого желания и количеством желающих. Чем большее число людей желает, но не может приобрести вещь, чем сильнее это желание, тем больше статусная значимость вещи, тем лучше удовлетворяется потребность в самовыражении владельца и тем выше ее цена. Преодолением указанного противоречия может стать выделение ведущего мотива.

Известно, что удовлетворение потребностей ограничивается двумя способами: посредством вещных форм и посредством деятельности.

Удовлетворение потребностей в процессе деятельности является непосредственным. Слушатели и исполнители – соучастники (соделатели) процесса художественного творчества, процесса удовлетворения социальных потребностей. Без их эмоционального отклика музыка как искусство утрачивает своё могущество. При этом восприятию музыки способствует концентрация внимания и фантазия, без которых процесс либо не осуществляется, либо не раскрывает всех имеющихся возможностей. Особо подчеркнем мысль о том, что *соделательность – это великая борьба против одиночества*. Великая – потому, что рост возможностей удовлетворения материальных потребностей вступает в противоречие с возможностями удовлетворения духовных и социальных потребностей. Как отметил кинорежиссёр Павел Лунгин при создании знаменитого фильма «Остров» «в обмен на некую комфортность существования у людей отняли смысл жизни. А человек не рождён для того, чтобы осознавать себя как небольшое, но рентабельное предприятие, в которое он вкладывает деньги, которые сам же и зарабатывает».

В целом оценка музыки регулируется историей – сравнением последующего с предшествующим. В реальном творчестве нет чистых типов исполнительства. Импровизация и композиция, устное и письменное общались даже в самые «нотные» времена европейской музыки. В инструментальных и вокальных сочинениях Баха, как правило, не целиком выписывалась партия чембало (клавесина). Исполнитель имел дело с йотированной басовой линией и с цифровыми обозначениями аккордов. Как эти аккорды расположить, как связать между собой, как сделать голосовое живым и перекликающимся с мелодией вокалиста, флейтиста или скрипача, чембалист решал «на ходу», импровизируя. И даже в му-

зыке классиков XVIII–XIX веков выделялись специальные «резервации для импровизации» – не выписываемые композиторами каденции солистов в инструментальных концертах. В XX же веке композиторы нередко впускают исполнительскую импровизацию в конструктивную сердцевину замысла, оставляя на усмотрение исполнителя даже последовательность фрагментов сочинения, как в «Моментях» (1965 г.) Карлхайнца Штокхаузена²³.

Замечания об исполнительской импровизации весьма значимы для понимания формирования смыслов в связи с нижеследующим.

Попытки философов, в том числе А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и других мыслителей, обратившихся, в частности, к анализу музыки, не выходят за рамки абстрактной феноменологии культуры. Исследователи выводят художественные феномены из духа самой культуры, игнорируя при этом ее социально-историческую обусловленность.

Так, немецкий критик и философ Ф. Шлегель выдвинул идеал культуры, устремленной к «бесконечной полноте универсума». Мир, по его мнению, находится в непрестанном процессе творческого становления. Но как обрести исковую полноту мироощущения, как выработать «новую мифологию», призванную обеспечить всеохватность искусства, – на эти вопросы немецкий философ дать ответ не смог.

А. Шопенгауэр пытался провести различие между аналитико-рефлексивными и интуитивными, созерцательными компонентами культуры. Отдавая предпочтение последним, он рассматривал музыку как высшее из искусств, поскольку она имеет своей целью не воспроизведение идей, а непосредственное отражение самой «мировой воли».

«Композитор раскрывает сокровеннейшее существо мира, – подчеркивал он, – и высказывает глубочайшую мудрость на языке, которого его разум не понимает; как магнетическая ясно-видящая дает разгадки вещей, о которых она наяву не имеет понятия»²⁴.

И далее: «...Всюду музыка выражает только квинтэссенцию жизни и ее событий, никак не их самих... именно эта исключительно ей свойственная общность, при точнейшей определенности, сообщает ей то высокое достоинство, которым она владеет как панацея всех наших страданий. Если таким образом музыка слишком старается приладиться к словам и к событиям, то она силится говорить языком, который не есть ее собственный»²⁵.

Абсолютизируя интуитивные, созерцательные, импульсивные элементы духовно-художественного опыта человечества, А. Шопенгауэр называл мир воплощенной музыкой. Смысл же философии он видел отнюдь не в культивировании рефлексии как движения отвлеченных понятий. Напротив, Шопенгауэр полагал, что тот, кто даст верное и полное определение музыки, тот, следовательно, выразит и сущность философии. Обнаружив в современной ему культуре господство рационалистических элементов, немецкий философ видел свою задачу в том, чтобы заменить их другими, более важными, по его мнению, компонентами культуры.

Наверное, искусство не может изменить человека, но оно помогает слушателю (зрителю) *проявить себя*, будит то, что в нем спит, о чём сам человек, может, никогда и не догадывался или боялся себе признать.

В результате и происходит формирование и репрезентация смыслов жизнедеятельности.

Примечания

¹ Рымарёва А.С. Разъяснение мотивационного механизма корпоративной культуры посредством преодоления недостатков теории А. Маслоу // Организационные системы: теория и практика управления. – 2007. №4. – С. 206.

² Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 29.

³ Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.

⁴ Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 30.

⁵ Верещагина Л.А., Карелина И.М. Психология потребностей и мотивация персонала: Научное издание. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2002. – С. 9.

⁶ Там же. – С. 17.

⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М., 1999.

⁸ Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. – М., 2003.

⁹ Stonier T. The Wealth of Information: A Profile of Post-Industrial Economy. – L., 1983.

¹⁰ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003.

¹¹ Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004; *Он же*. Эволюция. – М.: Логос, 2005.

¹² Луман Н. Невероятные коммуникации // О:\ЛУМАН\Н_Луман- НЕВЕРОЯТНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ.htm

¹³ Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора и новая административная ментальность. – М.: РГГУ, 2005.

¹⁴ Фельдман Д.М. [Интервью] // Аудитория. – 2006. – №5.

¹⁵ Кронгауз М. Слово под лупой // Отечественные записки. – 2003. – №4. – С. 43.

¹⁶ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 588 с.

¹⁷ Грачев М.Н. Средства коммуникации как инструмент преобразования социально-политической действительности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. – 2001. – №3. – С. 88–103.

¹⁸ См.: Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. 34 лекции 1971–1979 годов. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. – 353 с.

¹⁹ Щедровицкий Г.П. О методе исследования мышления. – М.: Фонд «Ин-т развития Г.П. Щедровицкого», 2006. – 600 с.

²⁰ Московичи С. Век толп / Пер. с фр. – М.: Изд-во «Центр психологии и психотерапии», 1996. – 478 с.

²¹ Маслоу А.Г. Мотивация и личность / Пер. с англ. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.; Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики / Пер. с англ. – СПб.: Евразия, 1999. – 432 с.

²² Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 90.

²³ Чередниченко Т.В. Музыка в истории культуры. Вып. I. – Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. – С. 190.

²⁴ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – М., 1892. – Т. 1. – С. 316.

²⁵ Там же. – С. 318.

СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ ПЕРЦЕПТИВНЫХ МЕТАФОР В НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ

В статье рассматриваются языковые и метаязыковые факторы процесса метафоризации словосочетаний с наименованиями ощущений, социо-культурная символика и прагматические функции в современной немецкой прессе.

В настоящем описании нас будут интересовать прежде всего языковые и метаязыковые факторы, обуславливающие процесс метафоризации словосочетаний, и следовательно, реализация в них такой характеристики языка как общественного явления как способность формировать и сохранять культуру.

Термин «метафора» употребляется в двух значениях: под метафорой понимается либо языковая единица, имеющая переносное значение, в основе которого лежит скрытое сравнение [3], либо термин «метафора» используется для обозначения «сложной ассоциативной взаимосвязи признаков предметов действительности» [2, с. 162]. В.Н. Телия подчеркивает возможность неоднозначного понимания данного явления, которое предстает и как результат (собственно метафора), и как процесс (метафоризация): «метафора – это и процесс, создающий новое значение языковых выражений в ходе их переосмысления, и способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов»; «метафоризация – это процесс, приводящий к получению новых знаний о мире в ходе его озыковления путем использования уже имеющихся в языке наименований» [4, с. 46]. Точка зрения именно В.Н. Телия и принята при дальнейшем описании.

В современной немецкой прессе наиболее широко представлены метафоры на основе зрительного восприятия и тактильных ощущений, а метафоры на основе обоняния и слуха нам не встретились. Имеются и отдельные случаи того, что называется синестезией и полимодальностью ощущений [1, с. 23–24]. Вследствие интегральной природы дискурса СМИ, в котором представлены тексты различных дискурсов с их различными жанрами, вполне закономерно, что здесь

встречаются как стертые метафоры, так и более образные языковые выражения.

Среди метафор на основе зрительных ощущений можно выделить две группы: 1) наименования собственно зрительного восприятия как такового и 2) цветообозначения. Первая группа представлена именами существительными и прилагательными. Метафорическое значение прилагательного *sichtbar* реализуется в случае его дистрибуции в функции предикатива с именами существительными абстрактными, призначными: *Zu sichtbar werden so auch die Schwächen...*, что и зафиксировано как одно из переносных значений данного слова в словаре и в качестве приблизительного соответствия которому приводится *deutlich*, которое, в свою очередь, объективно относится к нескольким ощущениям.

Дистрибуция с именами существительными более разнообразна. Это может быть также самостоятельный член предложения, т.е. не словосочетание: *...und dafür die Stiftungen (nicht die Stifter) gesetzlich zu mehr Transparenz zu zwingen. Unternehmen und Religionsbehörden arbeiten gemeinsam mit deutlichem Erfolg daran, Unternehmenskontrolle und –transparenz zu erhöhen.*

В определительных словосочетаниях в качестве определяющих членов выступают как прилагательные, так и существительные, и метафоризация основывается либо на персонификации, либо на собственно переносном значении самого существительного – наименования зрительного восприятия. В первом случае имеет место троп, во втором – стертая метафора, которая и зафиксирована словарем. Примерами первого являются: *Erst die vielen Auglein der Provinz bewahren das Licht der Geschichte...* *Maria Osten reiste 1939 ins Herz der Finsternis...* Примерами второго служат: *Borchardt liefert manchen Beweis*

politischer Blindheit... Bei grosser Klarheit und Einfachheit der Satz- und Wortptägung... und diese Mischung ist ... das klinische Bild... Denn wer mehrere Jahre in eine Ausbildung investiert, ... sollte sich ein realistisches Bild von seiner Zukunft machen können.

Цветообозначения представлены прилагательными, в том числе субстантивированными. Данные метафоры служат для обозначения каких-либо событий или для характеристики периода времени. В этой функции всем цветообозначениям присуща социо-культурная символика, что связано «с кумулированием в них традиционных национальных смыслов» [1, с. 34]. Однако, новые исторические реальности приводят и к их частичному переосмыслению, как это случилось с прилагательным *braun*: ... als Reaktion auf deren Exzesse deutete “Corsica” (Juni) die braune Welle-Titel “Die Insel der Extremisten”..., где экстремисты и экстремизм приравниваются к фашизму, что и составляет, как известно, переносное значение данного прилагательного.

Социализация с отрицательной оценкой прилагательного *grau* связана с идеей «плохо видный, неопределенный»; ср. одну из словарных дефиниций значения данного слова: *zeitlich sehr weit entfernt und nicht genau bestimmt*. Именно этот смысл иллюстрирует следующее высказывание, в котором *grau* обыгрывается в контексте с *Licht* и *aufhellen*: Die Bonusmeilen-Affäre ist so grau, dass es schon eines starken Lichtstrahls bedarf, um sie aufzuhellen. Метафоризация только с оценочной функцией свойственна прилагательному *grau* в следующем словосочетании-оксюморе: ... einige Prügelknaben und graue Eminenzen.

Социо-культурный аспект прилагательного *schwarz* традиционен: нечто, скрытое от непосвященных или от властей, т.е. нечто незаконное, связанное зачастую с уходом от налогов: Ihre Bücher stehen auf der schwarzen Liste der Nationalsozialisten. Aber selbst bei strengen Masstäben sind die Bonusmeilen der Parlamentarier im Vergleich zu ... Kohls schwarzen Konten politische Peanuts. И традиционность данного аспекта является продуктивной, так как служит для появления новообразований, как например, номинация *Schwarzarbeiter* в качестве антонима к *Gastarbeiter*; последние проходят все законные процедуры, в отличие от первых: Damals gab es auf den vielen Baustellen der Stadtmitte für Schwarzarbeiter noch schnelles Geld zu verdienen.

В следующем высказывании метафорика основывается на антонимичности прилагательных *weiss* – *schwarz* как в их прямом, так и в переносном значении: “Wenn ihr nicht weiss werdet, sehe ich schwarz für euch!” drohte ihnen Strohman. «Белый» имеет здесь традиционное для христианской культуры символическое значение нравственной чистоты, а «черный» связано с понятием зла, неприятностей, плохими событиями. (Следует пояснить, что пример взят из рассказа об обращении алкоголиков и бомжей к другой, правильной жизни, к которым и адресовано данное высказывание их «воспитателя»).

В этом же рассказе находим и метафорическое словосочетание с прилагательным *grün*: ... dass die Grünen Schwestern zweimal am Tag mit ihrer fahrbaren Suppenküche hier haltmachten. Словосочетание *Grüne Schwestern* стало возможным, по-видимому, по ассоциации с «зеленой корзиной» – термином американской финансовой терминологии, который обозначает определенный вид финансовой поддержки [1, с. 49]; ср. наличие походной кухни, т.е. возможность оказать материальную поддержку, у этих сестер.

Как номинация члена партии (что уже зафиксировано лексикографической практикой) прилагательное *grün* встречается в следующих метафорах: So wollte die rot-grüne Koalition noch über die Vorgaben hinaufgehen – объединение партий социалистов: *rot* (красных и зеленых). Аналогично: Als wäre die rot-grüne Bundesregierung schon Geschichte... Das Krönungswerk der zu Ende gehenden Legislaturperiode wäre das Gesetz gewesen, dessen Name gleichsam für alle rot-grünen Reformvorhaben steht. Из предшествования прилагательного *rot* прилагательному *grün* можно заключить, что таким образом метафорически (или метаязыковыми средствами) обозначается численное превосходство социалистов в их коалициях с зелеными.

Такое заключение косвенно подтверждается и примерами, где наличие в выборном органе только социалистов метафорически выражается повтором: Dem SPD-Landesvorsitzenden und Stadtentwicklungssenator Strieder passierte das im Januar, als Rot-RoT gewählt wurde. Возможный союз с коммунистами выражается в метафоре-бахуврихи (или частичном повторе): Da man der SPD alles zutrauen könne, sogar eine “rot-blutrote” Koalition mit der PDS, sei klar, wie gewählt werden müsse. Гетерогенность статуса прилагательного

got-blutrot и обуславливается тем, что «красный» в своем прямом значении трактуется как цвет крови. Вместе с тем, эта метафора явно и однозначно выражает отрицательное отношение автора высказывания к социалистической партии Германии, так как именно «красный» как амбивалентный цвет в социо-культурном аспекте, ассоциируется на своем отрицательном полюсе со злом.

В следующем высказывании метафорика словосочетания rote Zahlen является результатом аналогии с метафорикой словосочетания roter Faden: Also keine roten Zahlen fuer 2002? Схожее явление лежит в основе метафоры blondes Gift: Bitte nicht weitersagen: "Blondes Gift" im WDR. Распространенная в русском языке метафора «белая смерть» по-видимому является и интернациональной в номинации «опасный белый порошок»; по-видимому, так как в немецком языке словосочетание weisser Tod – номинация смерти в результате снежной лавины. Прямое значение прилагательного blond – желтоватого, светлого цвета позволило автору высказывания использовать его в качестве синонима прилагательного weiss, а использование этого последнего в метафоре «белая смерть» мотивировано его прямым значением: цвет вещества, опасного для жизни [1, с. 31], которое (вещество) рассылали по почте в странах Западной Европы и Америки.

Возможна и другая интерпретация механизма социализации, а следовательно, и метафоризации цвета, обозначаемого прилагательным blond, если акцентировать внимание на первом члене дефиниции его прямого значения – желтоватого, бледно-желтого цвета, тем более, что речь идет об одном из СМИ – Westdeutscher Rundfunk. Как известно, в переносном значении «желтый» употребляется для обозначения низкопробных, недобросовестных СМИ, а прилагательное blond в таком случае указывает на несколько меньшую степень данного качества.

Среди метафор на основе тактильных ощущений выделяются также две группы: 1) наименования собственно тактильных ощущений и 2) наименования температурных ощущений. Обе группы представлены прилагательными и, как правило, в функции определения. Метафорическое значение прилагательного trocken зафиксировано в словаре: по-существу, деловой и поэтому зачастую скучный. Но мы хотели бы обратить внимание на то, что в определенном контексте именно его прямое значение, как антоним «мокрому»

создает игру слов в рамках всего высказывания, которое можно было бы рассматривать как метафору на данном уровне: не малого, а большого синтаксиса: Ich weiss, dass das ein recht trockenes Thema fuer ein Bierzelt ist...

Переносные значения прилагательного fest также зафиксированы в словаре и основываются на его прямом значении: нечто, сохраняющее внешнюю форму, сл.. постоянное (общее метафорическое значение): ...in der auch die Heuchler ihren festen Pplatz auf den hohn Rängen in der Arena haben. Dann kam Strohm, um ihnen auch einen festen Namen und feste Arbeit zu geben. Аналогично и с прилагательным schmierig: Die Gesichtszüge des Grenzers bleiben reglos, das schmierige Laecheln klebt in seinen Mundwinkeln. Как видим, метафоры данной группы служат созданию образности.

Напротив, температурная семантика связана с социальной и политической оценкой определенных исторических периодов и событий. Амбивалентное прилагательное heiss образует метафоры со знаком «-»: Ihre Partei hatte sich die "heisse Phase" des Wahlkampfes eben anders vor und sicherlich darauf eingestellt. Wenige Tage vor Beginn ihrer "heissen Phase" des Wahlkampfes haben führende SPD-Politiker einen optimistischen Eindruck über den Wahlausgang zu erwecken versucht. Beckstein weiss, dass das Thema heiss ist.

Определенный интерес представляет развитие отрицательной эмоционально-оценочной коннотации у прилагательного lau, прямое значение которого соотносится с идеей нечто приятного, в следующем высказывании: ...die mit der Enthüllung begonnen hatte, auch Gysi sei "für lau" geflogen. В ситуации льготных милей полета для данного государственного деятеля было приятно воспользоваться этой льготой, и вероятно, он ею злоупотребил, судя по разоблачениям; ср. русское «тепленькое местечко».

Негативное эмоционально-оценочное значение имеют и метафоры на основе вкусовых ощущений, точнее, это наименования только одного вкуса – горький: ...befand Hoffmann rückblickend mit bitterer Ironie... Der Satz... erweist sich in diesem Licht als eine bittere Pointe auf die Situation des Exils.

Обратимся к метафорам на основе взаимодействия ощущений разных модальностей, а именно полимодальности и синестезии (интермодальности). При полимодальности, по мнению О.Н. Григорьевой, «один и тот же атрибут объективно, а не

метафорически, относится к нескольким ощущениям» [1, с. 24]. Материал современной немецкой прессы показывает, однако, что возможны, хотя и не часто, полимодальные метафоры в результате определенной словосочетаемости.

Так, прилагательное *klar* относится как к зрительным, так и слуховым ощущениям, но в сочетании с именем существительным абстрактным и возникает метафора, где *klar* имеет значение «явный»: *Der von den Demokraten dominierte Senat hat mit der klaren Mehrheit von 95 zu drei Stimmen den amerikanischen Verteidigungshaushalt... gebilligt*. Полимодальным является и прилагательное *hart*; оно соотносится как с тактильными, так и со зрительными ощущениями, но его сочетание либо в прямом значении – номинации тактильных ощущений: *fest und nur schwer zu zerbrechen* (1) или номинации одновременно и тактильных, и зрительных ощущений: *mit grosser Wucht, heftig* (2) – с именами абстрактными подвергаются метафоризации:

(1) *Der Boden der harten Tatsachen ist ja auch so...* (2) *Während Senatoren und andere Vielflieger in harten Gewissenssprüngen die Geister unterscheiden und dienstliche von privaten Flügen trennen müssen...*

Такая же полимодальность свойственна и существительному *Dichte*: 1) *mit wenig Platz zwischen den einzelnen Teilen* (осознание), *Personen od. Dingen* (осознание + зрение); 2) *so, dass man kaum od. ueberhaupt nicht durchsehen kann* (зрение). Кроме того, существительное *Dichte* имеет и терминологическое значение в физике. На сочетании этих факторов и возникает метафора в результате его сочетания с именем существительным абстрактным или относительным прилагательным как определяющими членами: *Es gibt keinen anderen Ort auf der Welt, an dem eine solch hohe Dichte an amerikanischen, japanischen und europäischen Unternehmensdependancen vorzufinden ist. Der Roman besitzt in der ersten Hälfte... erzählerische Dichte*.

Другой тип взаимодействия ощущений – интермодальность означает с точки зрения лингвистики «употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств» [1, с. 24–25]. Примерами и интермодальной метафоры могут служить словосочетания *oelige Stimme* (масляный голос) – осознание для слухового восприятия: *Miy öliger Stimme macht er darauf aufmerksam...*

Das klingt düster und fest zugleich – зрение также для слухового восприятия; *bittere Kälte* (досл. «горький холод») – вкусовое восприятие для температурных ощущений: *Das Madrider Wetter ist ja immer streng: Backofenhitze, bittere Kälte, nadelscharfer Wind; hitzige Polemik, hitziges Auftreten* (жаркая полемика, жаркое выступление) – температурные ощущения также для слухового восприятия (хотя такое словоупотребление и зафиксировано в словаре; ср.: *mit erregten Worten* (geführt ~ heftig, leidenschaftlich): *Das "Spiel der sieben Korsischen Familien" ist der Ferienhit auf der Insel und hat eine hitzige Polemik ausgelöst. Diesmal war es der Bundestagspräsident selbst, der durch hitziges Auftreten und gar ein Ultimatum an die Lufthansa den Eindruck erweckte, als sei hier irgendeine Gefahr im Verzug*.

Как видим, интермодальность преобладает для наименования слуховых ощущений, и это можно рассматривать как своеобразную компенсацию, так как метафор на основе именно данных ощущений нам не встретилось.

В заключение отметим основные прагматические функции перцептивных метафор в немецкой прессе. Это прежде всего, приобщение адресата к определенной системе оценок, как правило, негативных. Эта функция свойственна метафорам на основе зрительных ощущений и цветообозначений, а также тактильных ощущений и интермодальных метафор; ср.: *das klinische Bild, schmieriges Lächeln, für lau fliegen* и др. Как производную от этой функции можно рассматривать употребление зрительных метафор в стратегии дискредитации; ср.: *politische Blindheit, graue Bonusmeilen-Affäre, graue Eminenzen*. В свою очередь составным компонентом стратегии дискредитации можно считать иронию и сатиру, что выражают полимодальные метафоры; ср.: *harte Gewissenssprünge*.

Цветообозначения и температурные ощущения, т.е. подклассы зрительных и тактильных ощущений, служат для характеристики временных периодов и исторических событий и именно через это приобщают адресата к их определенной оценке, выраженной в данной метафоре адресантом.

Библиографический список

1. Григорьева О.Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах. Учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 186 с.

2. Гришанина Е.Б. Метафоризация и метафора (о психологическом и лингвистическом аспектах проблемы) // Текст. Структура и семантика: Доклады IX Международной конференции: сб. научн. тр. – М.: СпортАкадемПресс, 2004. – С. 162–172.

3. Новиков И. Куда течет река времени? – М.: Мол. гвардия, 1990. – 264 с.

4. Телия В.Н. Метафора как модель словопро-

изводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте: сб. науч. ст. – М.: Наука, 1988. – С. 46–62.

5. Langenscheidt Grosswörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin; München; Wien; Zürich; New-York, 2003.

6. Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2002. – August. – №178.

Н.В. Басова

КОНЦЕПЦИЯ ИСКУССТВА В ПОВЕСТИ Г. ИВАНОВА «РАСПАД АТОМА»

В настоящее время творчество Г. Иванова нельзя назвать мало изученным: интерес современных исследователей вызывают такие аспекты его поэзии, как экзистенциализм и интертекстуальность. Не меньший интерес вызывает и прозаическое творчество автора.

Общим местом в критике стало называть «поэму в прозе» «Распад атома» (эпатажное произведение Г. Иванова, и по сей день вызывающее неоднозначные критические отзывы) «переломным, ключевым, значимым» в творчестве поэта-эмигранта. За резкими, излишне откровенными даже для современного читателя образами скрывается сложный текст, в котором Г. Иванов выразил свои эстетические и художественные взгляды. Один из интереснейших аспектов произведения – концепция искусства, позволяющая по-новому перечитать все поэтическое наследие Иванова.

Рассматривая вопрос о статусе искусства в «Распаде атома», можно выделить несколько аспектов этой проблемы:

1. Искусство как эстетическая и философская концепция культурного наследия прошлого. Диалог с культурным наследием прошлого является одной из текстопорождающих моделей в поэзии Г. Иванова. Но, если относительно поэзии мы можем говорить скорее о концепции возрождения и сохранения утраченного мира через введение в текст Иванова фрагментов произведений русской классической литературы и литературы «Серебряного века», то в повести «Распад атома» обращение к этим же текстам открывает нам совершенно иное художественное пространство.

Лирический герой повести провозглашает умирание искусства прошлого. «Старое» искусство теряет свою ценность и отправляется в «по-

мойное ведро». Вместе с ним, остается в прошлом первый, акмеистический период творчества Г. Иванова: «С середины двадцатых годов и до “Распада атома” – пишет Евгений Витковский в статье “Жизнь, которая мне снилась”, – Иванов все еще хоть немного, но акмеист, розы для него еще цветут и соловьи тоже поют, но с каждым годом все горше отчаяние, все выше отметки, оставляемые паводком боли (отнюдь не только ностальгической) в душе поэта. В конце этого периода рождается “Распад атома”, сплав стихов и прозы.... “театр в себе”»¹). Помойное ведро – образ обесцвечивания и обесценивания в современном Иванову мире искусства прошлого, хотя сам автор «еще находит очарование в ...романе без конца и без названья», роза прошлого вянет в его руках и, в конце концов, превращается в мусор вечности вместе с Анной Карениной, Гоголем и пр. Этот образ встречается в дальнейшей поэзии Иванова, наряду с образом ледяной безразличной вечности, куда улетают / выбрасываются прошлые ценности и образы: Байрон, розы, звезды, корабли... («Все розы, которые в мире цвели...», «Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья...», «Еще я нахожу очарование...» и др.). Экзистенциальные проблемы изменения и – по мнению лирического героя – умирания, разложения мира описываются при помощи дезэстетизированных образов, как бы взятых автором из уже новой, прогнившей среды: «Лезвие безопасной бритвы, зацепившись за разбухший окурочок, отражает радужный, сквозь помой, солнечный луч и наводит его на морду крысы. Она оскалена, на острых зубах сукровица»²). Сквозь разлагающийся мир еще просвечивает свет прошлой культуры, но он освещает теперь лишь то же мировое уродство. Так прошлое искусство, еще суще-

ствуя, еще актуальное для людей «мира прошлого», больше не приносит утешение. Анна Каренина и ее судьба не вызывают больше слез и движений в душе современного человека. «То, что удавалось вчера, стало невозможным сегодня. Нельзя поверить в появление нового Вертера, от которого вдруг по всей Европе начнут щелкать восторженные выстрелы очарованных, упоенных самоубийц. <...> Новые железные законы, перетягивающие мир, как сырую кожу, не знают утешения искусством»³.

Человек остается с глазу на глаз со своим одиночеством и экзистенциальной тоской. Единственное, что у него есть, – это его тайные желания, которые его «онанирующее сознание» подкармливает «домысливанием» будничной действительности: «Сидеть в кафе, слоняться по улицам, заглядывать в чужие окна все-таки лучше утешение, чем Анна Каренина или какая-нибудь мадам Бовари»⁴.

Эпоха стала развязнее (о чем свидетельствуют эпатажные описания интимной стороны жизни не только в произведениях Иванова. Мы находим откровенные сцены у Бунина, Пильняка, Бовуар...), она «опустилось» в повседневность. Вместе с эпохой в повседневность опускаются искусство и мировая история («Может быть, Наполеон воевал и Титаник тонул только для того, чтобы сегодня вечером эти двое рядом легли на кровать»⁵).

Цитаты из произведений русской классической литературы помещаются в сниженный контекст, приобретают вульгарно-эротическую коннотацию («Следить за влюбленными, которые сидят, прижавшись, за невыпитым кофе, потом плутают по улицам, наконец, оглянувшись, входят в дешевую гостиницу, то же, если не больше, чем самые совершенные стихи о любви. “Ходит маленькая ножка, вьется локон золотой”. Вот она, маленькая ножка...»⁶).

Искусство разлагается, как разлагается мир прошлого, и это манифестировано на уровне текста в неточном цитировании. «На холмы Грузии легла ночная мгла»⁷ – грубая аллитерация, разрушающая гармонию пушкинского стихотворения. Как и в своем поэтическом творчестве, Г. Иванов обращается к стихотворным текстам как к отправной точке для создания своего, нового произведения. В повести «Распад атома» лирический герой пытается рассказать о своей любви. Для этого он обращается к вышеупомянутому пушкин-

скому стихотворению, но «жизнь больше не понимает этого языка»⁸. Поэтому и образы пушкинского стихотворения «снижаются»: Арагва становится метафорой писсуара, «болезненно отмирает в душе гармония»⁹. То, что связывает лирических героев Пушкина и Иванова в «Распаде атома», выносится за скобки («Душа моя светлая. Душа моя полна тобою», «не любить оно (сердце) не может»), и поэтому – сохраняется. Не произнесенное лирическим героем напрямую, прекрасное, светлое чувство («ты вобрала мой свет»¹⁰) не разрушается современной ему жизнью, не попадает в помойное ведро вечности, и мы догадываемся, читаем в веренице контекстов, что «Распад атома» – это проза о любви. Воспоминание и непроизнесенное – чтобы не солгать – это единственный способ сохранить ушедшую культуру от разрушения («То, о чем искусство лжет, / Ничего не открывая, / То, что сердце бережет / Вечный свет, вода живая...»¹¹). Искусство отражает абсурдность мира, отражает его искаженно, поэтому лирический герой неточно цитирует, подчеркивая отсутствие гармонии.

2. Искусство как текстопорождающая модель. То, что прошлое искусство теряет прежний высокий статус, видно и из того, что лирический герой, пытаясь построить свой рассказ о любви, несколько раз осекается «Мимо. Мимо». Автор отказывается от классического, «театрального» начала («Фанфар. Утро. Великолепный занавес»¹²), хотя театральные мотивы были очень актуальны в раннем творчестве Г. Иванова.

Лирический герой начинает понимать, что «можно описать сегодняшний вечер, Париж, улицу, игру теней и света в перистом небе... Можно сделать это умно, талантливо, образно, правдоподобно. Но чуда уже сотворить нельзя – ложь искусства нельзя выдать за правду. Недавно это еще удавалось»¹³. И этот отказ является своего рода минус-приемом, эксплицирующим ивановскую концепцию искусства, которая определяется переживанием извечного символистского комплекса «мысль изреченная есть ложь». И дело не только в том, что прежнее, классическое искусство театрально, нравоучительно (и потому – скучно). Изменяется сам мир. И в этом новом мире «не только нельзя создать нового утешения, уже почти нельзя утешиться прежним»¹⁴. Иванов предсказывает судьбу искусства конца XX века, улавливая едва намечающиеся тенденции и, как ни странно, воплощая их: «скоро все навсегда

поблекнет. Останется игра ума и таланта, занятое чтение, не обязывающее себе верить и не внушающее больше веры»¹⁵. Этот тезис позволяет иначе взглянуть на все поэтическое творчество Иванова и увидеть в центральности и интертекстуальности его стихов не только попытку сохранить и воссоздать ушедший навсегда мир царской, «классической» России, но и попытку самому стать частью этой «наступающей» постмодернистской поэтики.

3. Искусство как способ самоидентификации лирического субъекта. Трагедия героя состоит и в том, что «история его души и история мира ...переплетены как жизнь и сон. Они срослись и проросли друг в друга. Как фон и трагическая подмалевка, за ними современная жизнь»¹⁶, жизнь, которая героя не удовлетворяет, которая не может заменить то, что он раньше мог найти в произведениях искусства, жизнь, которая, изменившись, это искусство уничтожила, не предложив взамен ничего, кроме самых сокровенных, эпатажных желаний: герой «догадывается», что «книги, искусство – все равно, что описания подвигов и путешествий, предназначенные для тех, кто никогда никуда не поедет и никаких подвигов не совершит»¹⁷. Статус искусства, таким образом, снижается до «массового», того, что служит развлечением, отвлечением, заменяет и оттеняет серую жизнь, становится чем-то вроде теле- или радиопередачи, а не глубинной духовной жизнью с множеством смыслов и переживаний.

Автор говорит и о проблеме выражения себя в искусстве («История моей души. Я хочу ее воплотить, но умею только развоплощать»¹⁸). Понимая, что он еще не готов говорить на новом языке, подлинное воплощение для него еще недоступно, стремиться хотя бы к реализации развоплощения в виде разрушения традиционных эстетических конвенций.

Ироническое заявление о том, что искусство – воплощение своей души – это «кое-что от выдумки, кое-что от действительности, кое-что от грусти, кое-что от грязи»¹⁹, выровненное как детской лопаткой в песочнице, украшенное стилистическими рисунками, спасает жизнь. Гармония искусства преобразует ее хаос. Лирический ге-

рой иронизирует над тем, что знаток перед шедевром убежден в том, что это – вершина ценностной иерархии. И, в то же время, вспоминая, что все это – ложь, замечает, что сама позирующая старуха гораздо важнее тысячи картин. Философия искусства и современная философия противоречат друг другу. И жизнь побеждает в этом споре. Оставляя искусству роль «неоконченной пачкотни»²⁰.

Концепция искусства, выраженная в «Распаде атома», нашла отражение во всем дальнейшем творчестве Г. Иванова. Во взглядах автора переплетены предчувствие постмодернизма и его поэтики, которые делают Иванова поэтом, во многом опередившим свое время, и глубоко укоренившееся в его творческой манере культурное наследие прошлого, «каменный уголь перегнивших эпох». Все это открывает перед нами новые смысловые глубины его творчества, позволяющие по-новому прочесть его поэтическое наследие.

Примечания

¹ *Витковский Е.* Жизнь, которая мне снилась // Иванов Г.В. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Согласие, 1993. – С. 23.

² *Иванов Г.В.* Распад атома // Иванов Г.В. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. Стихотворения. – М.: Согласие, 1993. – С. 11.

³ Там же. – С. 10.

⁴ Там же. – С. 19.

⁵ Там же. – С. 19.

⁶ Там же. – С. 17.

⁷ Там же. – С. 15.

⁸ Там же. – С. 15.

⁹ Там же. – С. 9.

¹⁰ Там же. – С. 8.

¹¹ Там же. – С. 351.

¹² Там же. – С. 9.

¹³ Там же. – С. 12.

¹⁴ Там же. – С. 12.

¹⁵ Там же. – С. 12.

¹⁶ Там же. – С. 10.

¹⁷ Там же. – С. 8.

¹⁸ Там же. – С. 10.

¹⁹ Там же. – С. 17.

²⁰ Там же. – С. 15.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕТЬ ПРЕДЛОГА *of*

Тезисом когнитивной лингвистики является положение о том, что языковое значение организуется в памяти человека с помощью общекогнитивных механизмов категоризации и поэтому демонстрирует особенности организации, свойственные для неязыковых категорий.

В этом отношении когнитивная лингвистика противопоставляется классическому подходу, согласно которому лексическое значение является целостной сущностью, четко отграниченной от других подобных сущностей.

Признаки значения организуются в иерархию, с точки зрения классического подхода, при которой более конкретные являются уточнением более абстрактных. Поэтому в данном случае дается структурное описание значения, которое учитывает внутриязыковые отношения данной лексической единицы в семантической системе языка. На более абстрактном уровне значение одного слова противопоставляется значениям слов с более отличающейся от него семантикой; на более конкретном уровне семантические компоненты одновременно являются конкретизацией более абстрактных и служат для различения значения слова от значений слов, имеющих более сходную с ней семантику. Иерархическое представление лексического значения связано также с тем фактом, что представители классического подхода используют ограниченное число абстрактных понятий, раскрывающих в первую очередь внутриязыковые отношения лексической единицы.

Когнитивная лингвистика, хотя и принципиально не исключает, что значение может быть описано в терминах определенного числа необходимых и достаточных признаков, полагает, что организация лексического значения иная. Придерживаясь данной точки зрения можно представить семантическую структуру предлога *of* в виде лексической сети.

Выяснив сходство между различными значениями исследуемого предлога и проследив характер возможных трансформаций одного значения из другого, можно выдвинуть в качестве прототипа атрибутивных словосочетаний этой лексической категории значение принадлежности: *the nest of the bird* – гнездо птицы, т.е., гнездо принадлежит

птице. Данное значение подтверждается методом трансформации: *the bird of the nest* – птица принадлежит этому гнезду. При этом устанавливается прямая взаимозаменяемость компонентов атрибутивных словосочетаний данного типа.

Путем трансформации компонента, обозначающего значение родительного падежа дается начало значению принадлежности: *the Caves of Perama* – пещеры Перама – *Perama of the caves* – Перама пещер.

Что касается значения объект действия: *education of children* – образование детей, т.е. образование направлено на объект действия детей, – метод трансформации *children of education* – дети образования дает начало значению родительного падежа.

При рассмотрении примера со значением предлога *of*, которое указывает на деятеля, *it is clever of you* – разумно с вашей стороны метод трансформации способствует появлению значения обладания определенным признаком: *you are clever* – вы умны, т.е. поступаете разумно.

При рассмотрении примера значения содержимое какого-либо вместилища: *a cup of tea* – чашка чаю, т.е. чашка вмещает чай; путем трансформации компонента данного значения *tea of a cup* появляется значение принадлежности, т.е. чай принадлежит чашке.

Проследив характер трансформаций компонентов значения качество, свойство: *a man of genius* – гениальный человек, – *genius of a man* приходим к выводу о приобретении предлогом *of* значения принадлежности, т.е. гениальность присуща этому человеку.

Исследуя пример трансформации значения источник от, у: *workers of Ohio* – рабочие данного города, – наблюдаем переход к значению принадлежности *Ohio of workers*, где город принадлежит рабочим и значение какого-либо вместилища, т.е. данный город состоит из рабочих.

Путем трансформации значение направление, положение в пространстве, расстояние от: *a mile of the station*: образует содержимое какого-либо вместилища – *the station of a mile*, т.е. станция длиной в милю.

Что касается значения объект избавления, лишения: *free of sth* – свободный от чего-либо, лишенный чего-либо, – при трансформации оно

обретает содержание представление услуги: *sth of free* – что-то предоставляется бесплатно.

Путем трансформации значение время: *twenty of twelve* – 11.20 переходит в значение количество,местилище чего-либо: *twelve of twenty* – двенадцать емкостей по двадцать составляющих чего-либо.

Путем трансформации компонента значения причина: *sth of necessity* – что-то из-за необходимости, по причине необходимости оно дает начало значению объекта, на которое направлено действие: *necessity of sth* – необходимость в чем-то.

Переход значений из одного в другое прослеживается при трансформации примера *the novel of love*, где значение тема разговора, предмет рассуждения о, об: *love of the novel* – роман о любви дает начало значению принадлежности: любовь, которая описана в романе, т.е. она по праву ему принадлежит.

Если обратиться к оборотам, где в качестве образного эпитета выступает определяемое слово: *a box of a room* – ящик размером с комнату, т.е. большой ящик, – при трансформации наблюдается прямая взаимозависимость данного значения предлога *a room of a box* – комната размером с ящик, т.е. маленькая.

Путем трансформации компонента значения отсутствие контакта образуется начало значения источник: *the dissolution of her family* – разврат ее семьи – *her family of the dissolution* – семья, источником которой является разврат.

Путем трансформации компонента значения авторство переходит в объект действия: *the idea of Harris* – идея Харриса – *Harris of the idea* – действия Харриса направлены на объект.

Путем трансформации признака горизонтальная ориентация в признак в различных частях горизонтальной плоскости значение направление приобретает значение расстояние от: *on the side of the road* – по ту сторону дороги – *the road of the side* – дорога в стороне.

Представление значения в виде лексической сети позволяет учесть взаимозависимости, прямые и косвенные, между всеми значениями предлога *of*. Так, например, лексическая сеть отражает внутриязыковые отношения между значениями направление и расстояние от, хотя эти значения не имеют между собой общих семантических признаков. С другой стороны, будучи детальным описанием, представление значения *of* в виде лексической сети более адекватно отражает его индивидуальную семантику.

Подчеркиваемый характерный признак может быть выражен имплицитно, подразумеваться на основе известных свойств обозначаемого существительным с предлогом *of* объекта. Достаточно часто этот признак может быть выражен и эксплицитно, в отвлечении от объекта, названного номинативным членом с предлогом *of*: *strange of him* – он странный.

Примеры представляют многогранность реализации значений предлога *of* и их оттенков в современном английском языке.

Сетевая концепция позволяет анализировать не только линейные связи в одном уровне, но и построить многоуровневую репрезентацию синтаксического контекста, в котором употребляется данный предлог.

Е.В. Гнатюк

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИЗНАКА ГЛУХОСТЬ-ЗВОНКОСТЬ СОГЛАСНЫХ АВСТРАЛИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Известно, что для построения системы фонологических единиц используются фонологические признаки. Такие признаки называются дифференциальными (ДП) или, по Н.С. Трубецкому, релевантными [4]. Как и фонема, дифференциальный признак – единица абстрактная, имеющая определенные акустико-артикуляторные корреляты. Отношения между фонологическими признаками и их фонетическими коррелятами сложны и неоднозначны.

Многочисленные экспериментальные исследования показывают, что ДП может выражаться по-разному и иметь не один, а несколько коррелятов [1, с. 85]. Эти корреляты, в свою очередь, играют неодинаковую роль при восприятии. Одним из ДП, имеющих сравнительно большое количество коррелятов и отличающихся высокой степенью вариативности, является глухость-звонкость согласных. Реализация этого признака в потоке живой речи привлекает внимание многих исследова-

дователей, и наша работа в этом смысле не является исключением. Объектом нашего изучения выступает подгруппа щелевых согласных австралийского варианта английского языка, противопоставленных по признаку глухости-звонкости.

Необходимо отметить, что большинство зарубежных и ряд отечественных фонологов в трактовке глухих и звонких согласных английского языка первостепенную роль отводят параметрам длительности и интенсивности согласного, не считая вибрацию голосовых связок или ее отсутствие (наличие или отсутствие основного тона (F0) в спектре согласного) значимой характеристикой при противопоставлении звонких и глухих. [5, с. 107–116; 6, с. 5]. Вызвано это тем, что звонкие согласные часто оглушаются в фонетических контекстах, не способствующих этому, в частности, в начале ударного слога перед гласным. Вместе с тем, противопоставление звонких и глухих все-таки сохраняется. В этой связи Р. Якобсон, Г. Фант и М. Халле предлагают вместо глухости-звонкости говорить о силе-слабости английских шумных согласных [6]. Аналогичная трактовка предлагается в исследованиях по другим германским языкам, в частности немецкому. При этом говорится о параллельном существовании признаков глухости-звонкости и силы-слабости и их компенсаторном участии при противопоставлении звонких и глухих согласных в определенных позициях [2].

Очевидный дискуссионный характер реализации признака глухости-звонкости вызывает законный интерес и побуждает более подробно рассмотреть его фонетические корреляты. К ним, как известно, относятся: 1) отсутствие или наличие F0 (основного тона голоса); 2) длительность; 3) интенсивность; 4) ширина полосы шума.

Материалом для анализа послужила спонтанная речь носителей австралийского варианта английского языка. Необходимо сказать, что данные о вариативности австралийских согласных по глухости-звонкости в работах отечественных и зарубежных авторов фрагментарны и порой противоречивы. Большинство авторов отмечают высокую вариативность по глухости-звонкости коррелятивной пары /s – z/. О тенденции к реализации в абсолютном конце слова глухого /s/ вместо /z/ пишет Х. Пилх, считая ее одной из самых ярких фонетических особенностей австралийского. Например: server's (игрока) – service [sOrvIs] – [sOrvIs] [10, p. 269]. Фонологическая трактовка подобных случаев не является простой и однозначной. Она зависит от научной платформы исследователя, его принадлежности к той или иной фонологической школе. Придерживаясь подходов щербовской школы, мы считаем, что на конце слов и морфем может происходить чередование звонких с привативными глухими согласными. С этой целью нами были проанализированы все реализации шумных согласных на конце слов и морфем. На основе данных слухового анализа и эксперимента по восприятию было установлено, что в абсолютном конце перед паузой, а также перед глухим регулярно происходит чередование звонкого /z/ с глухим /s/. Полученные выводы подтвердились в ходе акустического анализа соответствующих согласных.

В рамках нашего исследования был проведен слуховой и инструментальный виды анализа звонких щелевых /z/ и /D/ в различных комбинаторно-позиционных условиях в речи трех дикторов-австралийцев. Выбор именно этих согласных обусловлен их высокой частотностью в анализируе-

Таблица 1

Оглушение согласного /z/ в речи носителей австралийского варианта английского языка (в абс. единицах)

Комбинаторно-позиц. условие	Диктор 1		Диктор 2		Диктор 3		Всего	
	кол-во поз.	кол-во оглуш.	кол-во поз.	кол-во оглуш.	кол-во поз.	кол-во оглуш.	кол-во поз.	кол-во оглуш.
Перед паузой	23	23	37	37	101	101	161	161
Перед глухим	10	10	13	13	39	39	62	62
Интервокальная	25	1	50	17	45	7	120	25
Перед сонантом	24	3	30	3	33	9	87	15
Перед звонким	20	-	5	15	24	-	49	15
Всего	102	37	135	85	242	156	479	278

Таблица 2

Средние значения длительности и интенсивности [s] на месте /z/ и системно глухого /s/

Комб.-поз. условие	Диктор 1				Диктор 2				Диктор 3			
	длительн.		интенсивн.		длительн.		интенсивн.		длительн.		интенсивн.	
	оглу- шение /z/	/s/	оглу- шение /z/	/s/	оглу- шение /z/	/s/	оглу- шение /z/	/s/	оглу- шение /z/	/s/	оглу- шение /z/	/s/
Конечная	189	194	58	60	188	191	59	59	155	157	66	67
Интервокальн.	112	113	58	63	120	121	62	60	-		-	
Перед глухим	86	90	59	57	90	89	62	60	69	74	64	64
Перед сонорным	117	122	59	61					-		-	

мом материале, что позволило получить статистически представительные данные.

Исследование особенностей реализации признака глухости-звонкости проводилось по параметрам основного тона, длительности, интенсивности и ширине полосы шума согласного.

Рассмотрим реализацию звонкого щелевого /z/. На основе данных слухового анализа были произведены количественные подсчеты случаев оглушения /z/ в различных комбинаторно-позиционных условиях (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, половина всех случаев оглушения имеет место перед паузой и перед глухим согласным. В речи всех дикторов в данных позициях не было зафиксировано случаев употребления звонкого /z/. В остальных комбинаторно-позиционных условиях прослеживается тенденция к оглушению /z/, но она не носит абсолютного характера. Обращает на себя внимание тот факт, что реализация /s/ вместо /z/ в интервокальной позиции, перед сонорным и перед звонким имела место только на стыке слов, что является еще од-

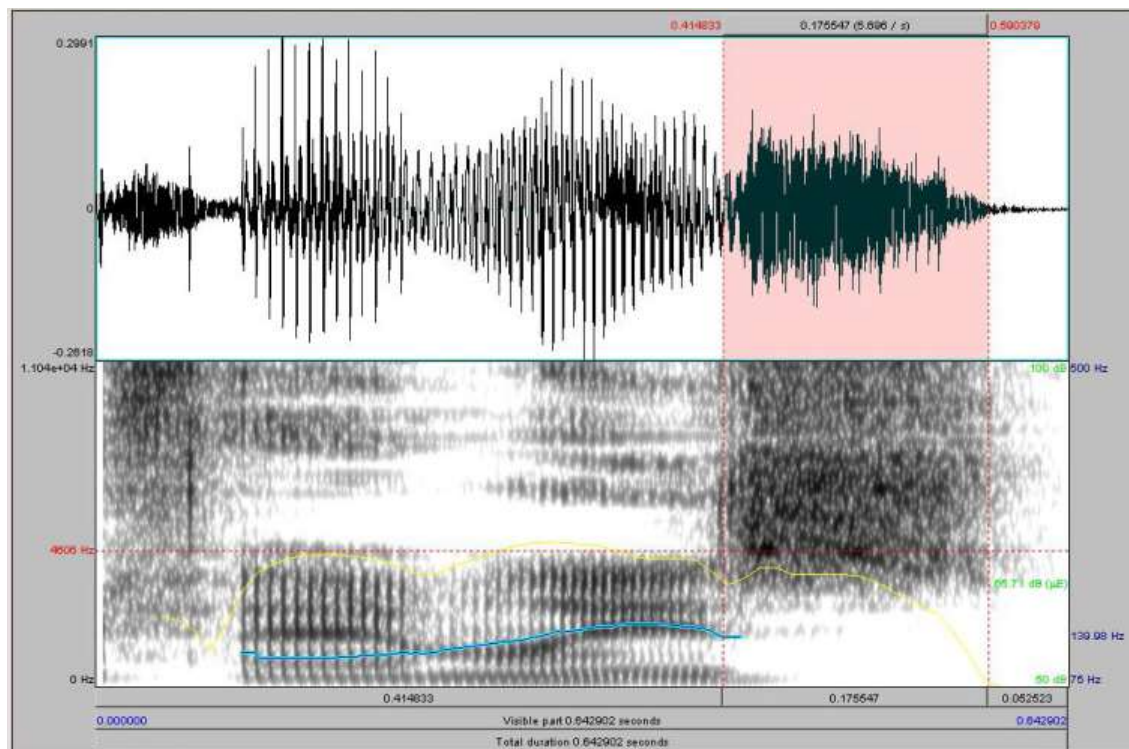

Рис. 1. Оглушение конечного согласного в слове «families» (D1)

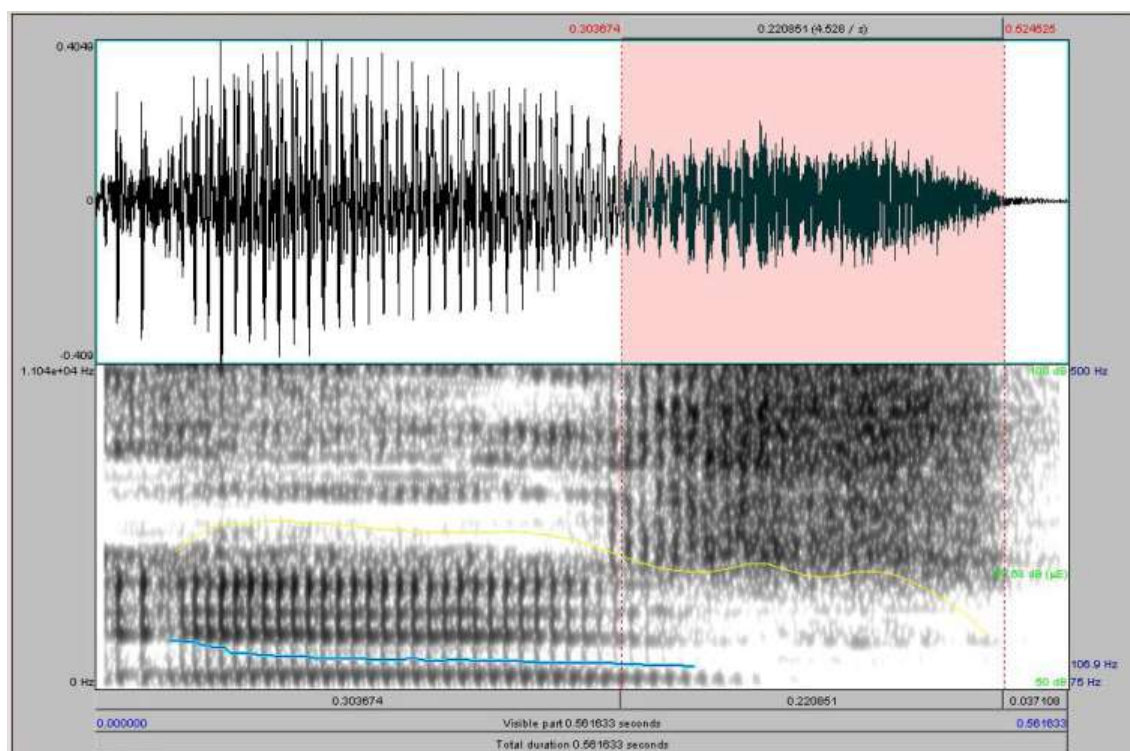

Рис. 2. Оглушение конечного согласного в слове «is» (D3)

ним подтверждением привязанности данного чередования к концу фонологического слова.

На следующем этапе эксперимента были получены средние значения длительности и интенсивности [s] на месте /z/, которые сравнивались с системно глухим /s/ (табл. 2).

Согласно полученным результатам разница между значениями длительности и интенсивности сравниваемых звуков незначительна. Исключение составляет расхождение по средней интенсивности в интервокальной позиции, где интенсивность реализаций, образованных вследствие оглушения /z/, на 5 дБ ниже, чем /s/. Однако не ясно, является ли эта разница перцептивно значимой. Ответить на этот вопрос поможет проведение аудиторского анализа. В целом, по акустическим характеристикам большинства приведенных в таблице случаев, по-видимому, мы имеем дело с реализацией фонологически глухого /s/ на месте фонологически звонкого /z/.

Один из примеров такого оглушения в слове families представлен на осциллограмме и сонограмме (рис. 1). Серым цветом обозначена область реализации конечного шумного согласного.

Большая длительность конечного шумного щелевого, характерная для /s/ широкая полоса

высокочастотного шума (по сравнению с более узкой полосой в случае с /z/), а также отсутствие форманты основного тона подтверждают, что в данном слове в конечной позиции реализуется глухой щелевой [s] на месте предписанного словарем /z/.

Похожий пример продемонстрирован на рисунке 2, где показаны осциллограмма и сонограмма реализации слова «is», расположенного перед паузой хезитации на участке обдумывания дальнейшего содержания высказывания.

В данном случае согласно акустическим характеристикам происходит реализация системно глухого на месте системно звонкого согласного. Его общая длительность составляет 221 мс, что на 41% больше средней длительности /s/ в позиции абсолютного конца слова. Значительное увеличение длительности объясняется хезитационным удлинением согласного. На переходном участке (44 мс от общей длительности согласного) от гласного к согласному фиксируется F0. При реализации системно глухих длительность такого участка крайне мала (рис. 3). Таким образом, на акустическом уровне мы имеем дело с частичным оглушением. Между тем, по результатам перцептивного анализа можно утверждать о реализации системно глухого на

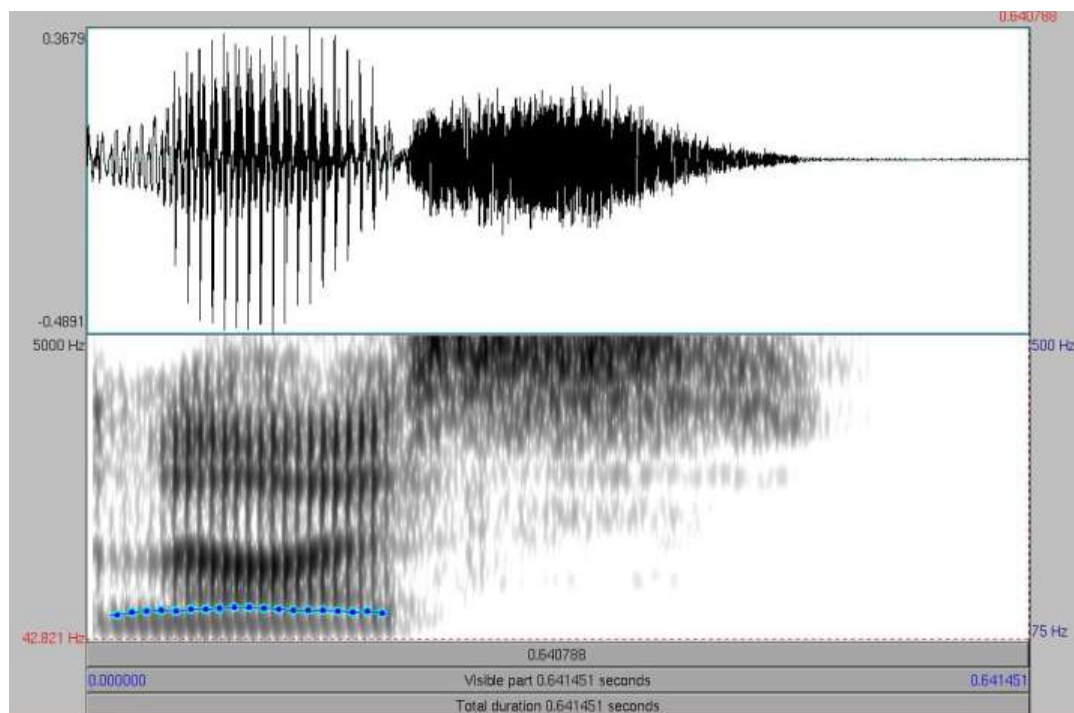

Рис. 3. Реализация системно глухого /s/ в абсолютном конце слова «nice» (D 1)

месте звонкого, поскольку 100% аудиторов опознали оглушенный /z/ как системно глухой.

Приведем пример оглушения звонкого щелевого межзубного /D/ (табл. 3). Случаи оглушения были отмечены только в предлоге «with» в конечной позиции перед незаполненной паузой, последующим глухим, а также сонорным. Данный предлог употреблялся дикторами в речи 20 раз и во всех случаях с глухим [T]. Реализации /D/ в других словах звонкость сохраняли (and then [«nDEn], of the [«vD«], because the [bIkKzD«], what

they [wa/DEi], that [DQ/]). Это связано с тем, что в этих словах звонкий межзубный не располагался в абсолютном конце фонологического слова, как в «with», где сама позиция провоцирует по крайней мере частичное оглушение.

Сопоставление средних значений длительности и интенсивности реализаций, образованных вследствие оглушения /D/ и системно глухого /T/, свидетельствуют о том, что мы имеем дело с реализацией фонологически глухого /T/ на месте фонологически звонкого /D/ (табл. 3).

Таблица 3

Средние значения длительности и интенсивности [T] на месте /D/ и системно глухого /T/ в речи носителей австралийского варианта английского языка

Комб.-поз. условие	Диктор 1				Диктор 2				Диктор 3			
	длительн.		интенсивн.		длительн.		интенсивн.		длительн.		интенсивн.	
	оглу- шение /v/	/s/	оглу- шение /v/	/s/	оглу- шение /v/	/s/	оглу- шение /v/	/s/	оглу- шение /v/	/s/	оглу- шение /v/	/s/
Конечная	247	117	52	53	116	118	53	53	123	119	53	54
Интервокальн.	120	123	57	57	119	122	54	53	130	117	53	53
Перед глухим	107	110	52	58	107	102	55	56	103	99	54	56
Перед сонорным	130	128	52	53	105	110	55	57	110	112	54	56

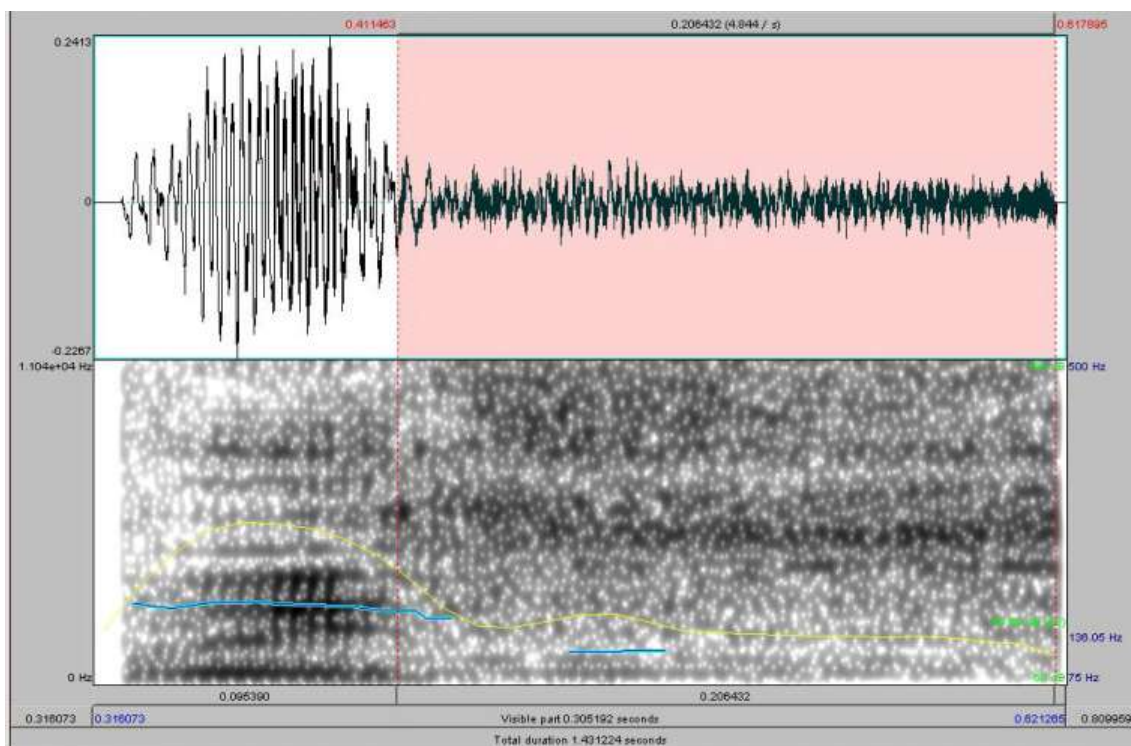

Рис. 4. Оглушение конечного согласного в слове «with» (D1)

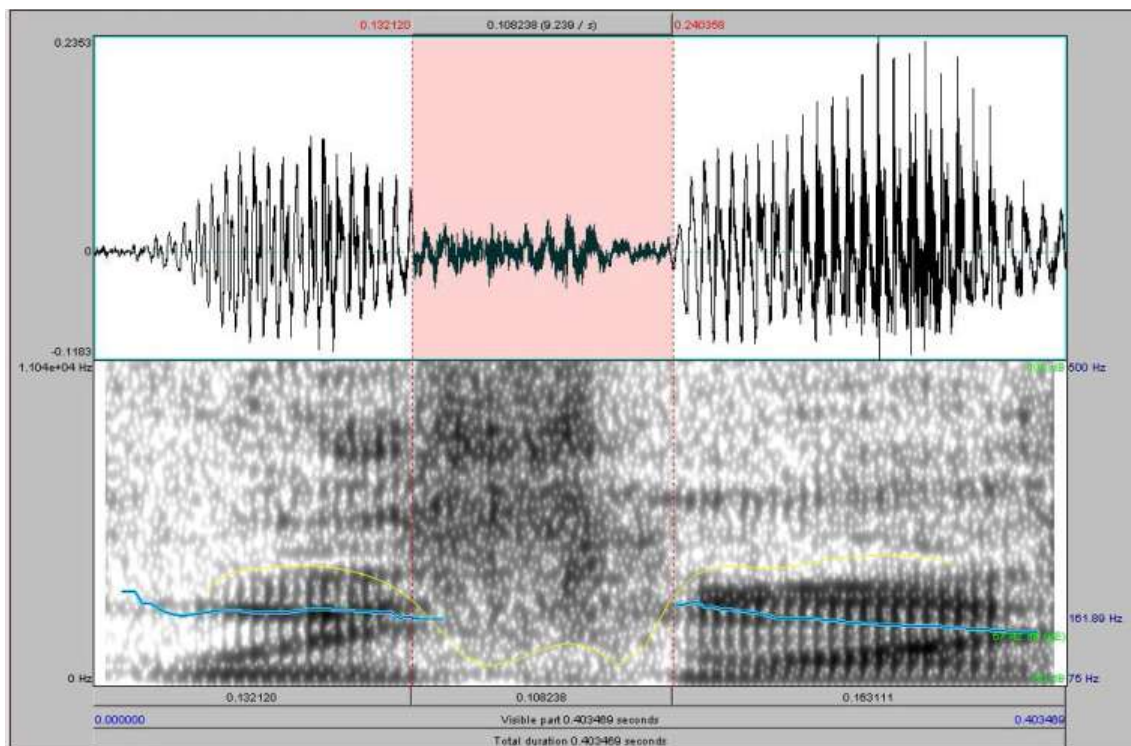

Рис. 5. Оглушение согласного между гласным и сонорным в сочетании «with my» (D2)

Приведем примеры акустической картины реализации глухого [Т] на месте /D/ в конечной позиции и перед сонорным /m/ (рис. 4–5).

При рассмотрении осциллограммы и сонограммы согласных видно, что межзубный, зафиксированный на месте предписанного словарем звонкого, характеризуется широкой полосой интенсивных шумовых составляющих, отсутствием форманты основного тона. Длительность согласного в первом примере в слове «with» составляет 202 мс, что на 89% больше средней длительности согласного /T/ в абсолютном конце слова. Длительность межзубного во втором примере – 107 мс – в словосочетании «with my» также (хотя и незначительно) превышает средний показатель. Эти особенности свидетельствуют о реализации на месте /D/ глухого [Т].

Таким образом, результаты слухового и инструментального анализа реализации признака глухости-звонкости у привативных пар /T/-/D/ и /s/-/z/ позволяют сделать вывод о его позиционной обусловленности, а именно:

- 1) в абсолютном исходе слова перед паузой и перед глухим согласным конечные звонкие целевые чередуются с привативными глухими щелевыми;
- 2) на стыке слов в интервокальной позиции, перед звонким и перед сонорным согласными наблюдается некоторое (незначительное) количество случаев реализации глухих вместо звонких. Однако эта тенденция не носит систематического характера, возможно, в данном случае мы имеем дело с орфоэпической вариантностью.

Библиографический список

1. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. – М., 1977.
2. Гусева С.И. Коммуникативная перспектива и реализация сегментных единиц. – Благовещенск, 1998.
3. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. – Л., 1979.
4. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М., 2000.
5. Halle M., Hughes G. W. and Radley J.-P. A. Acoustic Properties of Stop Consonants // Journal of the Acoustical Society of America. – 1957. – Vol. 29. – Pp. 107–116.
6. Jakobson R., Fant C. G. M. and Halle M. Preliminaries to Speech Analysis. The Distinctive Features and their Correlates. – USA. Massachusetts, 1969.
7. Jakobson R., Fant C. G. M., and Halle M. Preliminaries to Speech Analysis, Technical Report 13, Acoustics Laboratory, MIT, 1952. – Pp. 36–39.
8. Jones D. An Outline of English Phonetics. – Cambridge, 1957.
9. Language Files: Materials for an Introduction to Language and Linguistics. 7th ed. – Ohio State University, 1998.
10. Pilch H. Some phonemic peculiarities of Australian English // Form and substance, 1971.
11. Shakhbagova D. A Varieties of English Pronunciation. – М., 1982.
12. Mitchell A.G. and Delbridge A. The pronunciation of English in Australia. – Sydney, 1965.

Т.Н. Гордиенко

ЧАСТОТНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИДИОМ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТ «УСПЕХ», В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПЬЕСАХ XX ВЕКА И ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК ОДНА ИЗ МОДЕЛЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИДИОМ В ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Многие современные литературоведы изучают специфические черты драматических произведений [2; 8; 9]. Подробно характеризует языковую специфику драматического произведения в зависимости от его жанрового соотношения комедиям, мелодрам, трагедиям Волькенштейн [1].

Многие языковеды также подвергают текст драматических произведений анализу с разных позиций.

Используемая в драме разговорная речь, а именно ее стилистическая характеристика за счет употребления в ней фразеологизмов становится объектом исследования отечественных русистов [5].

Сопоставляя переводы разных видов произведений В. Борхерта с немецкого языка на русский язык, В.М. Кузурман прослеживает полижанровость идиостиля этого писателя и поэта, сравнивая его драмы с другими видами его произведений [7].

Таблица 1

**Количественная представленность функционирования английских идиом в разговорной речи
(на материале пьес XX века)**

№ п/п	Тематические группы английских идиом, репрезентирующих концепт успех в пьесах XX века	Количество от общего числа примеров
1	Уверенность в успехе	33%
2	Пожелание успеха	20%
3	Успех как общественное признание	12%
4	Достижение успеха собственными усилиями	7%
5	Успех как удачливость	7%
6	Выделение качества при достижении успеха	7%
7	Успех у противоположного пола	7%
8	Полный успех	7%

Речь в пьесах является формой действия. Она может быть представлена как монологами, так и диалогами. Безусловно, речь в пьесах обладает спецификой. Это тот благодатный материал, который представляет живой разговор, богатый употреблением разнообразных идиом.

Предлагаем рассмотреть особенности функционирования идиом, репрезентирующих концепт «успех», в английских и русских пьесах XX века.

Идиомы, представляющие успех, чаще всего встречаются наряду с идиомами другой тематической направленности не в современных драматических произведениях.

Это обстоятельство связано с процессом развития постмодернизма, начавшемся в конце XX века и продолжающемся в наше время. Поэтому для анализа были выбраны драматические произведения реалистического направления на английском и русском языках.

Основное развитие драматургической мысли XX столетия шло по среднему пути между «натурализмом» Чехова и абстрактным толкованием характера, свойственным Шоу. Этому консервативному среднему пути следовал и Джон Голсуорси.

Для драматургии эпохи реализма оказалась плодотворной разговорная речь, возникающая легко и непринужденно, насыщенная широким использованием идиом.

Употребление фразеологизмов в драматических произведениях рассматривалось с разных позиций, однако, на материале лишь одного языка.

В данной работе предлагается сопоставить употребление идиом, выражающих успех, на материале двух языков: английского и русского.

Для этого целесообразно сопоставить в количественном плане представленность тематических групп изучаемых идиом в английских и русских пьесах XX века.

Таблица 2

**Количественная представленность функционирования русских идиом в разговорной речи
(на материале пьес XX века)**

№ п/п	Тематические группы русских идиом, репрезентирующих концепт успех в пьесах XX века	Количество от общего числа примеров
1	Пожелание успеха	12,5%
2	Уверенность в успехе	12,5%
3	Успешный исход	10%
4	Неуверенность в успехе	10%
5	Успех в ремесле	7%
6	Полный успех	7%
7	Успех как общественное признание	7%
8	Процесс достижения успеха	7%
9	Целенаправленное достижение успеха	7%
10	Успех собственными усилиями	7%
11	Успех как победа	7%
12	Использование ситуации для достижения успеха	3%
13	Последствия успеха	3%

В английских пьесах идиомы могут быть объединены при своем функционировании в следующие тематические группы (табл. 1).

В русских пьесах XX века можно наблюдать присутствие и количественную представленность следующих исследуемых идиом (табл. 2).

Сопоставление показывает наличие большего числа тематических групп, встречаемых в русских драматических текстах, чем в английских.

Но на сопоставляемых языках в разговорной речи драм чаще всего можно встретить идиомы, представляющие уверенность в успехе. В английских текстах они составляют 33% от общего числа примеров, а в русских текстах – 12,5%.

В одинаковой мере нередко можно обнаружить в разговорной речи персонажей драматических произведений на сопоставляемых языках идиомы в виде пожеланий успеха. В английском языке в текстах данного вида они составляют 20% от общей выборки примеров, а в русском языке 12,5%.

Как в английских, так и в русских драматических произведениях используются довольно часто исследуемые идиомы такой тематической группы как «успех как общественное признание». В английских пьесах эта группа представлена 12%, а в русских пьесах – 7%.

На сопоставляемых языках в пьесах изучаемые идиомы могут репрезентировать успех, достигаемый собственными усилиями. В английских текстах это 7%, а в русских текстах – тоже 7% от общего числа примеров.

Как в английских, так и в русских драматических произведениях можно отметить присутствие такой тематической группы идиом как «полный успех». В текстах на обоих языках это довольно редкое явление зафиксировано лишь только 7% от общего числа примеров.

Однако, в английских драматических произведениях отмечается употребление исследуемых идиом следующих тематических групп:

- успех как удачливость;
- выделение качества при достижении успеха;
- успех у противоположного пола.

Все перечисленные группы идиом встречаются редко, каждая из них представлена лишь 7% от общего числа примеров.

В отличие от английского языка в русском языке в разговорной речи персонажей пьес XX века можно встретить нередкое присутствие таких тематических групп исследуемых идиом как:

- успешный исход;

- неуверенность в успехе.

Обе группы составляют 10% от общего числа примеров.

В этих текстах можно встретить употребление таких тематических групп исследуемых идиом как:

- успех в ремесле;
- процесс достижения успеха;
- целенаправленное достижение успеха;
- успех как победа.

Каждая из этих перечисленных групп охватывает 7% от общего числа примеров.

Редко, но все же можно наблюдать употребление изучаемых идиом, оформленных такими тематическими группами как:

- использование ситуации для достижения успеха;
- последствие успеха.

На них приходится по 3% от общего числа примеров. Следовательно, как в английских, так и в русских драматических произведениях XX века присутствие преобладающих тематических групп изучаемых идиом типа «уверенность в успехе», «пожелание успеха» связано, возможно, с тем, что пожелание успеха даже как часть речевой этикета занимает много места в разговорной речи на любом языке. Что касается группы «уверенность в успехе», то ее преобладание в текстах того времени обусловлено исторической стабильностью уровня жизни.

Моменты расхождения в представленности тематических групп исследуемых идиом в текстах пьес на сравниваемых языках демонстрируют национальную специфику восприятия событий окружающего мира и речевой реакции на них.

Хотелось бы отметить тот факт, что в обоих сопоставляемых языках в пьесах XX века можно встретить возможность представления исследуемого концепта «успех» в виде идиом, не зафиксированных словарями, а созданными авторами произведений и выступающими как окказиональные явления.

В английском языке это могут быть идиомы, представляющие тематическую группу успеха как удачливости: *'the light of the world shown upon him'* (свет мира, осветивший его) *He had the light of the world shown upon him* [10. с. 65].

В этом случае идиома «to have the light of the world shown upon somebody» согласно контексту имеет значение «получить озарение свыше» как проявление внутренней удачливости человека.

В русском языке в драматических произведениях XX века подобные случаи создания автора-

ми идиом, репрезентирующих концепт «успех», группируются в виде нескольких тематических представлений.

Они могут выражать пожелания успеха: 'возьмись за это твердой рукой' *Так вот, Павел, возьмись за это твердой рукой, а мои ребята тебе помогут* [5, с. 426].

В этом примере выражение пожелания взяться за что-либо твердой рукой обладает семантической пожелания успешного завершения дела ценной собственных усилий.

Аналогичное можно наблюдать в авторских выражениях со значением уверенности в успехе такого плана: 'все пути для меня раскрыты' *Чего хочу, того и делаю. Как хочу веселюсь. Все пути для меня раскрыты* [3, с. 364].

Основой выражения может служить следующее словосочетание: «иметь для себя пути раскрытыми».

Возможно, уверенность в дальнейшем успехе проявляется в метафоризации выражения «дорога открыта», которое и используется автором для создания подобного окказионализма.

Выражение, близкое к идиомам тематической группы «полный успех» может отмечаться и в примерах такого типа: 'мы теперь в цене большой' *Истинно, мы теперь в цене большой* [5, с. 357].

Быть в цене, в этом случае быть в большой цене, ассоциируется с осознанием обладания полного успеха, когда тебя высоко ценят окружающие.

Авторы русских драматических произведений XX века создают выражения близкие к такой тематической группе идиом как «процесс достижения успеха»: 'прыгнуть далеко вперед' *Одни, напротив, углубились в преферанс, но зато другие ...гм-гм...прыгнули далеко вперед* [7, с. 405].

Во фразеологических словарях русского языка и в обиходной русской речи это выражение не зафиксировано. Однако, автор создает это выражение для демонстрации быстрого процесса достижения полного успеха, что ясно представляется исходя из анализа окружающего контекста.

К разряду подобных окказиональных явлений можно отнести выражения тематической группы существующих идиом, отражающих целенаправленное достижение успеха: 'Всю Европу и Азию перевернуть' *Если бы мне правильное происхождение, я бы всю Европу и Азию перевернул* [3, с. 373].

Как показывает анализ контекста, выражение «перевернуть всю Европу и Азию» обозначает желание говорящего целенаправленно совер-

шить неординарный поступок, который обеспечит ему успех. Говорящий планирует свое действие, ставя перед собой определенные цели.

В русских драматических произведениях XX века можно встретить окказиональные выражения близкие к идиомам, демонстрирующим успех как победу: 'сделать жизнь сладкой' *Мамы во всех случаях хотят сделать для своих детей жизнь сладкой* [7, с. 353].

Само выражение «сделать жизнь сладкой» обладает значением в контексте пьесы «не только «добиться успеха, но и насладиться успехом как победой». При этом можно отметить такой нюанс значения, что говорящий в рамках пьесы, желает иметь подобный успех в своей жизни длительно, а может быть постоянно.

Случаи окказиональных выражений близких по своим значениям к идиомам, репрезентирующим успех, встречаются в английских драматических произведениях значительно реже, чем в русских пьесах. В текстах на русском языке данного временного периода эти выражения способны многообразно представить как желание, так и процесс достижения успеха с последующим его использованием в жизни. Можно отметить стремление у русских авторов драматических текстов создать окказиональные выражения, связанные с пониманием достижения успеха в жизни как преодоления преград на жизненном пути. Ассоциацию жизни и пути можно констатировать в анализируемых примерах. Наличие подобной группы окказиональных выражений, близких по своему значению к существующим группам идиом в сравниваемых языках является демонстрацией динамических процессов развития фразеосистем сопоставляемых языков.

Библиографический список

1. *Волькенштейн В.М.* Драматургия. Изд. 5-е, доп. – М.: Сов. писатель, 1969. – 334 с.
2. *Джон Говард Лоусон.* Теория и практика создания пьесы и киносценария. – М.: Искусство, 1960. – 561 с.
3. *Зоценко М.* Избранное. – М.: Сов. Россия, 1988. – 432 с.
4. *Кирсанова Н.А.* Фразеология // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. – Саратов, 1983. – С. 219–226.
5. *Корнейчук А.* Пьесы. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1950. – 450 с.

6. Кузурман В.М. Полижанровость идиостиля как проблема перевода (на материале переводов прозы, поэзии, драмы и публицистики Вольфганга Борхерта на русский язык): Автореф. дисс. – Магадан, 2004. – 23 с.

7. Пьесы советских писателей. – М.: Искусство, 1956. – 510 с.

8. Хализев В.Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование). – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 259 с.

9. Чавдар Добрев. Лирична драма: Избрано. – София: Бълг. писател, 1983. – 384 с.

10. Delaney Chelagh. A Taste of Honey. A play. – London: Methuen co LTD, 1959. – 87 p.

Н.В. Гудаченко

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ БАЗОВЫХ ДЛЯ ЖАНРА БАСНИ КОНЦЕПТОВ ПОСРЕДСТВОМ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И АВТОРСКИХ АФОРИЗМОВ

В работе предлагается рассмотреть особенности вербализации ключевых для жанра басни концептов посредством глагольных фразеологических единиц и авторских афоризмов. Базовыми для жанра басни принадлежат концепты «Жадность», «Коварство», «Лень», «Высокомерие», «Зависть», «Жестокость», «Обман», «Глупость». Основными типами когнитивных структур в текстах рассматриваемых произведений являются фреймы, благодаря сюжетности басни разворачивающиеся в сценарии. Сопоставительный анализ различных характеристик персонажей басен позволяет выделить определённые прототипические образы, которые наиболее характерны для рассматриваемого жанра.

В последнее время в лингвистике всё более актуальными становятся проблемы когнитивно-коммуникативного аспекта изучения языка. Этими проблемами занимаются такие современные лингвисты, как З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.П. Бабушкин, А.А. Худяков, С.А. Жаботинская, Е.С. Кубрякова и др.

Концепт репрезентируется в языке лексемами, словосочетаниями, фразеосочетаниями, синтаксическими конструкциями, текстами. Именно эти языковые категории как средства вербализации когнитивных структур являются предметом исследования когнитивной лингвистики.

Целью нашего исследования является рассмотрение особенностей языковой вербализации центральных для жанра басни концептов посредством глагольной лексики и фразеологии. В качестве материала исследования выбраны басни А.П. Сумарокова, И.А. Крылова, С.В. Михалкова. Несмотря на то, что эти авторы являются представителями трёх разных эпох – XVIII, XIX и XX вв., объединяющая их творчество общность жанра (басня) обуславливает наличие в их произведениях типовых ключевых концептов, вербализуемых в основном посредством лексики и фразеологии.

Басня носит морализующий характер; основной целью произведений рассматриваемого жанра служит обличение человеческих пороков, их проявлений в каких-либо отрицательных поступ-

ках и качествах человека. К основным концептам жанра басни относятся «Жадность», «Коварство», «Высокомерие», «Хитрость», «Зависть», «Жестокость», «Лень», «Обман», «Глупость». Развитие действия в басне в большинстве случаев приводит к тому, что главный отрицательный персонаж оказывается узнан, пойман, разоблачен. Следовательно, в басне вербальное выражение обычно находит концепт, которому можно дать наименование «Разоблачение».

Концепты в баснях широко представлены авторскими афоризмами, близкими по содержанию и структуре к народным пословицам, часто базирующимися на образах и нравоучительном содержании произведений рассматриваемого жанра. Например, у А.П. Сумарокова концепт «Ложь» представлен афоризмом «*Ложь ходит завсегда с прибавкой в мире*» («Яйцо»); у И.А. Крылова концепт «Хитрость» вербализован афоризмом «*Где силой взять нельзя, там надо полукавить*» («Три мужика»), концепт «Жадность» – «*А вору дай хоть миллион, он воровать не перестанет*» («Крестьянин и Лисица») и др.

Необходимо отметить, что границы между некоторыми концептами размыты, так что одни и те же лексемы и фразеологизмы вербализуют одновременно несколько концептуальных сущностей.

Например, «*Чье сердце злобно, Того ничем исправить не удобно*» (А.П. Сумароков,

«Арап»). Ключевым для данного афоризма является концепт «Жестокость», эксплицированный первой частью басни («чье сердце злобно»). Вторая часть басни выражает резко негативное отношение автора к жестокости и передает мысль о том, что зло «ничем исправить не удобно». Так, в данном контексте параллельно идее жестокости проходит идея обличения негативного явления жизни, переданная посредством авторской оценки изобличаемого порока.

Наиболее общим для произведений рассматриваемого жанра является концепт «Разоблачение», который передается в основном содержанием и формой басни в целом. В большинстве случаев в басне используются различные концептуальные структуры, идея разоблачения сочетается с другими выделенными нами концептами. Например, в басне И.А. Крылова «Ворона и курица» в контексте афоризма «*Так часто человек в расчетах слеп и глуп*» представлены концепты «Разоблачение» и «Глупость»; у С.В. Михалкова в басне «Особая мебель» («*Тот, кто по праву занял видный пост, Тот, как павлин, не распускает хвост*») – концепты «Разоблачение» и «Высокомерие», в басне «Бедный Зябликов» («*Где в кресле бюрократ, Там рядом – подхалим*») – концепты «Разоблачение», «Хитрость» и «Жадность».

Постоянное присутствие концепта «Разоблачение» в представленных контекстах связано, прежде всего, с тем, что подобные авторские изречения встречаются в основном в морализующей части басни, когда автор указывает на раскрытое в тексте произведения негативное явление жизни, характеризует его и одновременно выступает в роли обличителя.

Наиболее частотной когнитивной структурой, встречающейся в текстах басен, является сценарий, что связано с особенностями рассматриваемого жанра как небольшой по объёму сценки, где наблюдается развитие сюжета, происходит постоянное перемещение персонажей в пространстве, быстрая смена событий, явлений. Сценарий (скрипт) отличается от фрейма фактором временного измерения. Сценарии в баснях базируются на типовых моделях ситуаций.

Рассмотрим пример контекстуального употребления ФЕ, иллюстрирующий качества персонажа-лисы в басне И.А. Крылова «Ворона и Лисица»: «*Плутовка к дереву на цыпочках подходит, / Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит, / И говорит так сладко, чуть дыша...*».

В данном примере репрезентирован сценарий, вербализующий идеи коварства посредством ФЕ *подходить на цыпочках, говорить сладко, чуть дыша*, которые указывают на мягкость, плавность движений и речи с целью привлечения к себе внимания и попытки расположения к себе собеседника. ФЕ *не сводит глаз* имеет смысловое содержание «пристально смотреть, не отрываясь». Здесь отражена мимика Лисы, которая даже на уровне зрительного восприятия стремится вызвать доверие к себе со стороны Вороны. Концептуальный смысл образа лисы усиливается характеризующим наименованием плутовка. Выделенные нами лексемы и ФЕ подчеркивают способность лисы ввести в заблуждение собеседника, преследуя свои корыстные цели.

Необходимо отметить, что концепт порождает сложный комплекс ассоциаций, неразрывно связанных с его национально-культурной интерпретацией. Таким образом, мы можем говорить о культурной коннотации, концептах культуры в жанре басни.

Культурная коннотация представляет собой в самом общем виде интерпретацию денотативного или образно мотивированного аспектов значения в категориях культуры. Применительно к единицам фразеологического состава языка как знакам вторичной номинации, характерной чертой которых является образно-ситуативная мотивированность, которая напрямую связана с мировидением народа – носителем языка, основным нервом культурной коннотации является это образное слияние. Система образов, закреплённых в фразеологическом составе языка служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях [7, с. 70–92].

Этнокультурный аспект мировосприятия получает своеобразное отражение на фразеологическом уровне. При этом важно учитывать жанрообразующую функцию фразеологизмов. Рассмотрим характер отражения этнокультурного аспекта видения мира во фразеологии басенного жанра на материале басен А.П. Сумарокова, И.А. Крылова, С.В. Михалкова. Важно выявить особенности функционирования ФЕ, образующих в тексте басен фразеосемантические поля, формирующиеся на основе базовых для жанра басни концептов.

В большинстве случаев различные аспекты представленных концептов выражаются аллегорически образами животных, совершающих те или иные действия, поступки. Так, например, для выражения таких человеческих пороков как кичливость, заносчивость, чванство, включающихся в концептуальное поле «Высокомерие», авторы часто выбирают в качестве носителей этих свойств животных по оценочным стереотипам и принципам, закреплённым в концептосфере народного сознания. Так, осёл становится символом кичливой глупости и упрямства, ворона хвастлива, муравей высокомерен. Коварство (наряду с хитростью) является постоянной характеристикой лисы, безделье и жадность – волка (как персонажей русского фольклора).

Концепты могут быть выражены посредством сообщения информации о пороке и его носителях. Например, «*Кому, как не лисе, все лисы и плутни знают*» (И.А. Крылов, «Крестьянин и Лисица»). В данном примере вербализован концепт «Коварство», который обнаруживается благодаря аллегорической передаче данного порока через образ лисы, коварство которой является закреплённой в народной концептосфере, постоянной традиционной характеристикой данного персонажа. Концепт «Зависть» выражен следующим афоризмом: «*Ей-ей, такие есть, что завистью исходят, Когда при них другим зонды и шприцы вводят*» (С.В. Михалков, «Завистливый больной»). В данном контексте рассматриваемый концепт вербализован напрямую посредством введения в басню образа больного, зависть которого вербализована глагольной метафорой «завистью исходят», содержащей саркастическую характеристику переживаний персонажа. Концепт «Жадность» передается посредством образа волка: «*Овечку бедную обжора ободрал, И так её он убирал, что на зубах скрипели кости*» (А.П. Сумароков «Волк и мышонок»). В этом примере употребление глагольной лексемы *ободрать* (в значении «оголеть, сдирая что-либо») указывает на проявление жадности, предельной алчности, сочетающейся с жестокостью. Выражение *так её он убирал, что на зубах скрипели кости* создаёт представление о жадном, стремительном поглощении пищи, о ненасытной жадности. См. глагольные метафоры, участвующие в построении номинативного поля концепта: *уби-*

рал [овечку]; *на зубах скрипели кости*. Авторская оценка волка, выраженная словом *обжора*, подчеркивает характеристику прожорливости, ненасытности басенного персонажа. Данные лексемы и словосочетания служат созданию предельно яркого образного выражения концепта «жадность».

Таким образом, к ключевым для жанра басни принадлежат концепты «Жадность», «Коварство», «Лень», «Высокомерие», «Зависть», «Жестокость», «Обман», «Глупость». Жанровой формой басни обусловлены особенности когнитивных структур, создаваемых посредством фразеологии и авторских афоризмов. Основными типами концептов здесь являются фреймы, благодаря сюжетности басни разворачивающиеся в сценарии. Сопоставительный анализ различных характеристик персонажей басен позволяет выделить определённые прототипические образы, которые наиболее характерны для рассматриваемого жанра. Между представленными в баснях фразеологизмами и авторскими афоризмами устанавливаются многосторонние системные связи. Это относится, в первую очередь, к афоризмам, которые одновременно репрезентируют два и более взаимосвязанных концепта, образуя сложные когнитивные структуры.

Библиографический список

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Воронежский государственный университет. – Воронеж, 1998. – 41 с.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2002. – 191 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999. – 32 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2002. – 60 с.
5. Степанов Н. Русская басня. – М.: Художественная литература, 1966. – 599 с.
6. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слов в языке. – М.: Наука, 1981. – 270 с.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНО-УСТУПИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (на материале публицистического стиля)

Уступительные конструкции являются одними из самых редких и мало изученных в системе сложноподчиненных предложений как русского, так и английского языков. Среди лингвистов до сих пор нет единого мнения о месте сложноподчиненных предложений уступительного типа в типологии сложного предложения, не выяснено своеобразие этих конструкций в индоевропейских языках разных групп, в частности, в русском и английском языках.

Сравнительное исследование присоединительно-уступительных предложений в русском и английском языках проводилось нами на материале одного из ведущих стилей современных европейских языков – публицистического.

Публицистический стиль является одним из самых сложных функциональных стилей вследствие неоднородности его задач и условий общения, широты его диапазона, разнообразия жанров [4, с. 183]. Он занимает особое положение среди функциональных стилей, так как его языковые средства рассчитаны не только на сообщение, информацию, но вместе с тем и на эмоциональное воздействие [2, с. 264; 6, с. 12], что сближает публицистический стиль со стилем художественной литературы. Эмоциональное воздействие на читателя связано с проявлением авторской индивидуальности, выражающейся различными языковыми средствами, в том числе и при помощи синтаксиса.

Система сложноподчиненных предложений (далее СПП) уступки как в русском, так и в английском языках отличается большим разнообразием конструкций и средств связи, что позволяет передавать различные оттенки значения и таким образом оказывать эмоциональное воздействие на читателя.

Значение придаточного уступки определяется как значение недостаточной причины и недостаточного условия. Сам термин *уступительные предложения* указывает на то, что в данных конструкциях условие или причина должны бы препятствовать осуществлению того, что выражается в главном предложении, но фактически не препятствует, а уступает этим фактам, т.е. являются

недостаточными, чтобы получить необходимый и ожидаемый результат, что и приводит к следствию, противоположному ожидаемому [7, с. 23].

Наиболее ярко и однозначно значение уступки выражается в собственно-уступительных предложениях при помощи союза *хотя* в русском языке и союзов *though* и *although* в английском языке. Они составляют ядро грамматического поля уступительности в обоих языках. Согласно В.Г. Адмони, ядро грамматического поля «образуется оптимальной концентрацией всех совмещающихся в одной единице признаков. Периферия состоит из большего или меньшего числа образований разной емкости с некомплектным числом этих признаков, т.е. с отсутствием одного или при их измененной интенсивности и с факультативным наличием других признаков» [1, с. 49].

Ядерные (собственно-уступительные) конструкции не обладают другими значениями, кроме значения недостаточной причины. Например: *В свое время Хаас был даже вторым в рейтинге, хотя громких побед на турнирах Большого шлема в его активе нет* (Спортивный календарь сентября. Комсомольская правда, 3 сентября 2007 г.). *В соседней Камбодже мечехвостов едят, хотя в отваренном виде они неприятны на вкус и дурно пахнут* (Вьетнам. Вокруг света, 29 мая 2007 г.). *Grant was unwilling to elaborate on an off-night for his team, though the positives all came from the result and the show of determination* (Avram Grant worried by Petr Cech injury. The Daily Telegraph, 7 ноября 2007 г.). *He was charged with theft – although he insisted he had withdrawn the money at Jon Murray's behest* (God only knows. The Washington Post, 16 августа 1999 г.).

Присоединительно-уступительные предложения находятся на периферии поля уступительности в русском языке, так как в них причина выступает в качестве *добавочного* замечания, дополнения, противоречащего содержанию основного высказывания [7, с. 28], а значению уступки ослаблено. В связи с добавочным характером дополнительного сообщения, структурной особенностью присоединительно-уступительных СПП является постоянная постпозиция придаточного.

Добавления, содержащиеся в придаточном, открывающемся союзом *хотя*, могут иметь различные оттенки значения [8, с. 9–10]. Например, придаточное предложение может содержать поправку, уточнение сообщения, данного в главной части предложения: *Больных приводят их хозяева, хотя бывает по-разному* (Когда все кошки серы, пора в «ветеринарку»). Известия, 12 октября 2007 г.). Понятно, что самый сложный вопрос – совмещение должностей (*хотя лично для меня он не кажется неразрешимым*) (Вячеслав Быков: «С листа, как «Кленовые листья», мы играть не умеем...»). Новая газета, 28 августа 2006 г.).

Придаточное может также содержать попутные замечания по поводу того, о чем говорится в предшествующей части. Например: *В тюрьме скандировали: «Свободу Лимонову!»*, *хотя, может быть, это легенда, распускаемая мальчишками нацболами* (Провокаторы и экстремисты. Новая газета, 16 сентября 2002 г.). *Заодно он согласился подумать о занятии должности премьера (хотя трудно поверить, что его действительно интересует этот пост)* (Путин и его партия. Известия, 3 октября 2007 г.).

Дополнительный характер придаточного обуславливает интонационное своеобразие таких конструкций: перед союзом *хотя* имеется пауза, что на письме часто выражается графически при помощи скобок, что подчеркивает большую особенность дополнительного замечания и ослабление уступительного значения, как видно из вышеприведенных примеров.

Присоединительно-уступительное придаточное часто заключает в себе косвенную или прямую оценку данного в главном предложении сообщения. Например: *Мы знали все слабости Луговского, но прощали их, потому что любовь к поэзии была для него даже выше любви к женщинам, в чем он тоже знал толк, хотя так больше подходит говорить о лошадях, а не о женщинах* (Тайна дяди Володи. Новая газета, 13 сентября 2001 г.). *Ведь я не знаком с руководителями этих телекомпаний лично. Хотя такие предположения мне очень лестны* (Дума за игру на деньги. Новая газета, 4 декабря 2000 г.).

Во втором примере мы видим, что придаточное интонационно отделено от главного, парцелировано, что на письме выражено с помощью точки. Использование парцелированных конструкций свидетельствует о еще большей самостоятельности придаточного, которая достигает та-

кой степени, что присоединительное значение конструкций с союзом *хотя* возникает уже не на уровне предложения, а на уровне текста.

Нередки случаи, когда парцелированное придаточное содержит вопрос, как правило, риторический, или восклицание: *И политические амбиции у него почти не просматриваются. Хотя какой премьер не мечтает стать президентом?* (Зубков для Путина – страховка от неожиданностей. Комсомольская правда, 14 сентября 2007 г.). *Теперь и на квартиру ни в жизнь денег не накопишь, и умирать скоро надо будет уезжать в другие регионы! Хотя выбор, как всегда, есть!* (Станционный смотритель. Новая газета, 18 мая 2007 г.). В таких предложениях уступительное значение выражено очень слабо, превалирующий характер носит присоединение.

Как показывает анализ примеров, союз *хотя* в присоединительно-уступительных конструкциях близок по значению к союзу *впрочем* и всегда может быть заменен им (Ср.: *Теперь и на квартиру ни в жизнь денег не накопишь, и умирать скоро надо будет уезжать в другие регионы! Впрочем выбор, как всегда, есть!* В то же время, в просоединительно-уступительном придаточном невозможно заменить союз *хотя* на любой другой собственно-уступительный союз, такой как *несмотря на то* (,что или пусть).

Таким образом, в присоединительно-уступительных СПП в русском языке придаточное предложение несет дополнительное сообщение, связанное с содержанием главного. Однако в большинстве случаев ведущим все же «является не присоединительное значение, а то, которое выражено лексическим значением союза», т.е. уступительное [3, с. 213].

В английском языке также выделяется тип СПП уступки с присоединительно-уступительной придаточной частью. Так же как и в русском языке, они располагаются на периферии поля уступительности. В них, как и в собственно-уступительных предложениях, в придаточной части выражается недостаточная причина, вопреки которой совершается то, о чем говорится в главной части. Но особенностью постпозитивной придаточной части является то, что в ней «сообщается о факте, который по своему содержанию является добавочным и вызывается содержанием предшествующей главной части» [5, с. 47].

Как и в русском языке, в английских присоединительно-уступительных предложениях прида-

точное часто выполняет уточняющую функцию по отношению к главной части. При этом содержание, выраженное в главной части, или суживается или расширяется в зависимости от смысла придаточной части. Например: *But Aptera and Tesla have things in common. They are both small (Aptera has 16 full-time employees, **though** that will grow; Tesla has 250) (Wingless migration. The Economist, 1 ноября 2007 г.). Keel's attorneys could appeal that decision to the state Supreme Court, **although** nothing had been filed as of Tuesday, officials said (Death Row Inmate Joseph Keel Denied Stay of Execution. Asheville Citizen-Times, 21 июля 1999 г.).*

В английском языке присоединительно-уступительное придаточное также может содержать попутное замечание по поводу того, о чем говорится в главной части предложения: *The suspicion is that members of this group withdrew particularly large amounts when ING's rates started to slide – **though**, again, ING's not saying (Question of the day. The Daily Telegraph, 6 ноября 2007 г.). It's one thing to burn our bras (**though** I would only ever dream of doing this symbolically), but... (The Big Squeeze. The Daily Telegraph, 7 ноября 2007 г.). As for his future, Clinton said he was cheerful about leaving office in 18 months as a relatively young man of 54, **although** he didn't rule out running for public office in the future (Clinton, Set to Be 'Joe Citizen', Still Talks Like President. USA Today, 22 июля 1999 г.).*

Как видно из вышеприведенных примеров, добавочный характер сообщения, содержащегося в придаточном предложении, часто выражается на письме графически – при помощи тире или скобок, что подчеркивает интонацию присоединения и ослабление уступительного значения.

Оценочный оттенок значения свойственен английским присоединительно-уступительным придаточным, так же как и русским. Например: *You can always get a drink, **though** some of the rules are irritating (Holdout. The Economist, 8 ноября 2007 г.). His folksy desire to be popular and appreciated is palpable, **although** not shrill (Sir Ian Blair didn't mastermind 2005 bombings. The Daily Telegraph, 7 ноября 2007 г.).*

В наших материалах имеются примеры парцелированных присоединительно-уступительных предложений в английском языке, однако их количество невелико по сравнению с русским языком, что можно объяснить особенностями синтаксиса английского языка, характеризующе-

гося большей связанностью частей предложения между собой: *Another member of the committee said: "The governor's initial line on the crisis is starting to look like it was a defensive position rather than reality." **Although** insisting it is "business as usual", the Treasury has sought to distance itself from some of Mr King's comments... (Rift with Darling puts King's job on the line. The Daily Telegraph, 7 ноября 2007 г.). Как и в русском языке, парцелированное придаточное может содержать риторический вопрос, например: *The film was great, but there is the impression that everything was flowers between Christy and Mary. How else could they end the film **though**? (Christy Brown 'neglected by ex-prostitute wife'. The Daily Telegraph, 6 ноября 2007 г.). Отнесение союза *though* в конец предложения демонстрирует еще большую обособленность парцелированного вопроса, в котором присоединительное значение преобладает над уступительным.**

Значение уступительных союзов в присоединительно-уступительных предложениях английского языка близко по значению союзу *however* (впрочем, однако, тем не менее) и они могут быть заменены им, ср.: *Another member of the committee said: "The governor's initial line on the crisis is starting to look like it was a defensive position rather than reality." **However**, insisting it is "business as usual", the Treasury has sought to distance itself from some of Mr King's comments...*

Особенностью уступительных предложений в английском языке является то, что союзы *though* и *although* не являются вполне равнозначными. Союз *although* более эмфатичен и обладает большей силой уступительного значения. Поэтому в СПП с присоединительно-уступительной придаточной частью, вводимой союзом *although*, последняя является менее самостоятельной по сравнению с постпозитивной придаточной частью, вводимой союзом *though*, что объясняет более редкие случаи обособления, отделения придаточного с союзом *although* (тире, скобки, парцелляция).

Таким образом, присоединительно-уступительные конструкции в русском и английском языках имеют много общего. В обоих языках они находятся на периферии поля уступительности, т.к. обладают дополнительными оттенками значения, а значение уступки в них ослаблено. Добавочное сообщение, содержащееся в придаточном предложении, может иметь характер уточ-

нения, поправки; попутного замечания; оценки; выражаться при помощи риторического вопроса или восклицания. Присоединительная интонация на письме часто выражается при помощи тире, скобок, точки (при парцелировании придаточного). Эти особенности СПП уступки играют значительную роль в реализации воздействующей функции публицистики.

Библиографический список

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. – М.; Л., 1964.
2. Арнольд И.В. Стилистика английского языка. – Л., 1981.
3. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Ч III. Синтаксис. Пунктуация. – М., 1987.
4. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – Л., 1983.

5. Михалев А.Ф. Сложные предложения с уступительным значением в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук / Московский областной педагогический институт. – М., 1957.

6. Панфилов А.К. История становления публицистического стиля современного русского литературного языка. – М., 1974.

7. Федоров А.К. Спорные вопросы анализа сложноподчиненных предложений уступительного типа // Исследования по семантике и структуре синтаксических единиц: Межвузовский сб. ст. – Орел, 1998.

8. Шикалова Е.А. Изменения в семантике и структуре сложноподчиненных предложений уступительного типа в языке русской художественной прозы с 20–30-х годов XIX века по 90-е годы XX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Орловский государственный университет. – Орел, 2001.

Н.М. Иванова

«СЛОВО» Н.С. ГУМИЛЕВА: ПОЭТИЧЕСКИЕ И БИБЛЕЙСКИЕ СМЫСЛЫ

«Слово» – из последнего прижизненного сборника Н.С. Гумилева «Огненный столп» (1921). По словам Г. Иванова, «Огненный столп» более, чем любая из его предыдущих книг, полна напряженного стремления вперед по пути полного овладения мастерством в высшем (и единственном) значении этого слова¹. Этот период творчества Н. Гумилева отличается углубленностью и многоплановостью, философской неоднозначностью понимания бытия.

СЛОВО

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если точно розовое пламя
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъяремный скот.
Потому что все оттенки смысла
Умно число передает.

Патриарх седой себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Троостью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово – это Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Заглавие отсылает к Евангелию от Иоанна, написанному на греческом языке. Греческое *logos* имеет основное значение «слово, речь, рассказ (устный), молва, разум, мысль». В русском языке *слово* тоже многозначно. Словарная статья «СЛОВО» (МАС, т. IV, с. 139–140) содержит семь значений, каждое из которых включается в структурно-семантические отношения гумилевского текста. Основных – три: 1) единица речи, представляющая собой звуковое выражение понятия о предмете или явлении объективного мира;

2) речь, язык; 3) высказывание, словесное выражение мысли, чувства и т.п. Текст не только отражает эти базовые словарные значения *слова*, но и расширяет его смысл.

Композиционно стихотворение, состоящее из шести четверостиший, делится на три части, каждая по две строфы. В смысловом отношении они представляют собой разные семантические уровни. Первая часть – о высшей сущности и предназначении слова («точно розовое пламя, / Слово проплывало в вышине»), когда оно принадлежало только Богу. *Слово* – божественная сущность, а *вышина* – обитель слова и самого Бога. *Вышина* первой части контрастирует с земной жизнью (с ее «добром и злом») остального текста.

Вторая часть контрастирует с предыдущей: *слово* противопоставляется *числу*, символизирующему «низкую», земную жизнь, которая вполне удовлетворяется «умным числом».

Заключительные две строфы – вновь образ «осиянного слова», но теперь не в божественной вышине, а «среди земных тревог».

Ключевые словоупотребления текста: *Бог* – *патриарх*, *слово* – *слова*, *число* – *числа*. Остановимся прежде всего на «*слове*». Оно употреблено семь раз: в заглавии и по три раза в первой и заключительной частях. Во второй части эта лексема отсутствует, и в ней, центральной, ключевые словоформы *числа* – *число* составляют оппозицию *слову*.

О каком *слове* ведет речь Гумилев? Можно выделить ряд особенностей, которые ранее не были замечены исследователями, но заслуживают, на наш взгляд, комментария.

В первой строфе – поэтическое переосмысление библейского текста, которое оказывается в некотором противоречии с традициями богословского прочтения. «Солнце останавливали словом...» Здесь речь идет об эпизоде из «Книги Иисуса Навина»: «Иисус воззвал к Господу <...> и сказал пред Израильтянами: стой, солнце, над Гаваоном, и луна над долиною Аиалонскую! И остановилось солнце и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим» (Навин 10, 12–13). «Словом разрушали города» – возможно, речь идет о Содоме и Гоморре (Быт 19, 15–25). У Гумилев события эти происходили в «мире новом». Но в новосотворенном мире Господь ничего не разрушал, – наказания последовали значительно позже, в мире, поврежденном грехом. В церковной традиции хронологическая точность и точность

словоупотребления – вещи принципиально важные, у Гумилева – совмещение разных временных пластов.

Оба эти стиха («Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города») представляют собой неопределенно-личные предложения. Поэт не сообщает, кто конкретно *останавливал солнце* и *разрушал города* словом. Для него важно, что слово обладало подобной силой, оно выступает в обобщенном значении «слово вообще». Слово оказывается властно, способно повелевать и небом, и землей. Итак, основное значение *слова* в первой строфе – метафизическое, отражающее невидимую силу слова.

Вторая строфа подчеркивает эту великую силу. Слово – превыше всего: и солнца, и звезд, и луны. *И орел не взмахивал крылами, / Звезды жались в ужасе к луне, / Если, точно розовое пламя, / Слово проплывало в вышине*. Образ слова развивается через сравнение, усиленное цветным эпитетом – *точно розовое пламя*. Слово предстает как Оно непостижимо и, хотя и божественное по сути, парализует волю и служит источником страха для предметов и животного, и неодушевленного мира. Подобное воздействие слово может оказать на человека, отпавшего от Бога вследствие грехопадения. Но «звери полевые и птицы небесные не теряли небесного блаженства, которым никогда не обладали, но живут всю жизнь в той природе, которую приняли изначально»².

Во второй части (3 и 4 строфы), рисующей образы «низкой» жизни, где нераздельны добро, и зло, ядерная лексема – *число*. Противительный союз *а*, открывающий эту часть, усиливает контраст с первой частью, что порождает семантическую оппозицию *слово\число*, которая модифицируется следующим образом: *вышина\низкая жизнь (земля)*, *Бог\патриарх*. *Вышина* – изначальное место пребывания Бога и Слова, а земной жизнью управляет число, поэтому седой патриарх, правящий на земле, «*покоривший и добро и зло*», останавливает свой выбор не на слове, а на числе. Еще одна семантическая оппозиция – *звук\число*, вариант основной оппозиции *слово\число*.

Таинственен образ седого патриарха. Вероятно, имеется в виду Пифагор, создатель герметической философии чисел. Пифагорейцы объясняли всю структуру мироздания с помощью числа как первоначала. Последователи Пифагора считали, что числовые отношения составляют

самую сущность природы, и именно в этом смысле пифагорейцы говорили, что «все есть число»³.

Патриарх у Гумилева тот, кто, по словам Святого Иоанна Златоуста, занимался в Элладе чародейством и волхвованием⁴. Можно предположить, что именно эти «контакты» философа с темными силами Гумилев называет «покорением зла».

Третья часть – заключительные две строфы, составляющие смысловую перекличку с первой частью. Поэт возвращается к первоначальному образу-символу Божественного осиянного Слова: слова-огня, слова-света. Если в первой части слово противопоставлено остальному миру в оппозиции *слово\мир* (небо и земля), то здесь возникает оппозиция *Слово \ мертвые слова*. В структурном отношении это противопоставление двух последних строф. Смысл предпоследней – исключительность, универсальность слова в земной жизни – акцентирован употреблением прилагательного *осиянно* в краткой форме. Выделительно-ограничительная частица *только* усиливает предикативность лексемы «осиянно», образ лучащегося света. Далее этот образ закрепляется в читательском сознании через отсылку к Священному Писанию: *И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что Слово – это Бог*.

На первый взгляд, ничто здесь не должно смутить читателя, привыкшего к церковному прочтению Евангелий. Тем более, что само «Слово» употреблено, как и в тексте Писания, с заглавной буквы. Но рассмотрим внимательнее: семантически значимым оказывается порядок слов и постановка тире – перед указательным местоимением *это*. Понимать приходится так, что Богом для Гумилева является *слово*. О каком же «слове» тогда идет речь? Ответ на этот вопрос – в заключительной строфе, которую критики называли «странным финалом», «неожиданным концом».

Но прежде чем обратиться к финалу, процитируем высказывание самого поэта, являющееся, по нашему мнению, ключом к пониманию гумилевской концепции *слова* в частности и искусства вообще: «Вначале было Слово; из Слова возникли мысли, слова, уже не похожие на Слово, но имеющие источником Его, и все кончится Словом, – все исчезнет, останется одно Оно». Подобная трактовка Гумилева в корне противоречит святоотеческому толкованию соответствующего места из Священного Писания, а именно: «В начале было Слово, и Слово было у Бога,

и Слово было Бог. Все через Него начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь и жизнь была свет человеком» (Ин 1, 1–4).

Согласно учению Православной Церкви, верное понимание Слова Божия возможно только в согласии со святоотеческим Преданием. Так, отцы Церкви говорят о том, что Бог сотворил *мир мыслию* Своей, хотением, Словом, повелением. (Ср. у Гумилева: «из Слова возникли мысли»). Под «Словом» Божиим «должно разуметь не какой-либо членораздельный звук или подобное нашему слову; нет, это творческое слово обозначает только мановение или выражение всемогущей воли Божией, произведшее из ничтожества вселенную»⁵. Бог сотворил небо и землю через Слово, поскольку *В начале было Слово*, и сотворил их не в начале времени, но в «Начале» – Христе. (Ср. у Гумилева: *Вначале было Слово*). Что есть начало всего, если не Господь наш и Спаситель всех? (1 Тим 4, 10), *рожденный прежде всякой твари* (Кол 1, 15). Воплощенное силою Святого Духа Слово Божие «стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины, и мы видели славу Его, славу как Единородного от Отца» (Ин 1, 14)⁶. Воплощенное Слово – это Иисус Христос, Сын Божий, вторая ипостась Святой Троицы.

Слова Гумилева о том, что «все кончится Словом, все исчезнет, останется одно Оно», также противоречат учению Церкви. В Православной Церкви сознание бессмертия души занимает центральное место. Симеон Новый Богослов писал: «Оглянитесь вокруг и рассмотрите: все в этом волнующемся мире начинает и перестает быть... но душа человеческая, как сила – одна невидимая между видимым, мысленная между телесным, начиная быть здесь, не прекращает здесь бытия, но переходит в иной мир, ибо она бессмертна»⁷. О том, что нынешний мир не вечен, говорил и Господь Иисус Христос: *небо и земля прейдут* (Мф 24, 35). *Но кончина мира будет состоять не в совершенном разрушении и уничтожении его* (Ср. у Гумилева: «все исчезнет»), *а в полном изменении и обновлении: все они (и земля, и небеса), как риза, обветшают, и, как одежду Ты (Господи) переменишь их, и изменятся* (Пс. 101, 26–27); *Не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие* (1 Кор 15, 51–53).

Таким образом, единственной ценностью для Гумилева является *Слово*. И это Слово – слово поэта. «Все прах. – Одно, ликуя, / Искусство не умрет. Статуя / Переживет народ <...> И сами боги тленны, / Но стих не кончит петь...» – провозглашает Гумилев в стихотворении «Искусство». развивая мысль о превосходстве искусства над религией. По Гумилеву, искусство вечно, религия – нет; искусство увековечивает, религия лишь успокаивает.

«Гумилев говорил, что нет в мире высшего звания, чем звание поэта. Поэты, по его мнению, – лучшие представители человечества, они полнее всего воплощают в себе образ и подобие Божие, им открыто то, что недоступно простым смертным», – вспоминает И.И. Одоевцева⁸. «Поднять поэзию до уровня религиозного культа» – вот цель, которой неизменно следовал поэт на протяжении всего творческого пути⁹.

Вернемся к тексту стихотворения. Последнюю строфу можно рассматривать как характеристику слова, лишенного внутреннего света. *Осиянное слово* люди ограничили лишь земными рамками. Лексический повтор *пределом – скудные пределы* усилен оценочным эпитетом *скудные*. Естество воспринимается как то, что доступно и к чему не надо стремиться.

Но, заявив в предыдущей строфе, что «Слово – это Бог», Гумилев уже в следующей строфе пишет местоимение *ему* с маленькой буквы. И возникает вопрос: какие пределы или ограничения могут быть применимы к Слову как Сыну Божию? Божественная природа непознаваема, ей нет пределов, а любое определение есть указание «пределов», указание на ограниченность, неполноту. «Божество не есть что-либо представляемое в очертании. Напротив, Божеству свойственно быть везде, все проникать и ничем не ограничиваться», – учит святитель Григорий Нисский.

Итак, в стихотворении «Слово» Н. Гумилев ведет речь не о Слове – Боге, Слове – Сыне Божием, а о слове поэта, которое он обожествляет. Слово, по Гумилеву, – это божественный материал. Он, как поэт, работает со словом и таким образом служит Богу. «Для Гумилева стихи были формой религиозного служения», – писал в своих воспоминаниях о поэте Н. Оцуп¹⁰.

Душа художника, лишенная божественного огня, – пустая душа, она уподобляется опустелому улью (*как пчелы в улье опустелом*). Наречный оценочный эпитет *дурно* (*пахнут мертвые слова*), сочетаясь с психологическим эпитетом *мертвые*, подчеркивает суетность и тщетность пустословия, лишенного света. Мертвые слова – это мертвые пчелы. Образ пчелы – труженицы, собирающей нектар с цветов, восходит над образом мертвых пчел. Это метафорический образ поэта, ищущего божественный нектар слов. Поэтому слово настоящего поэта не может быть мертвым.

Примечания

¹ Иванов Г. О поэзии Н. Гумилева // Николай Гумилев: pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб., 2000. – С. 482.

² Августин Ипполитский. О Книге Бытия против манихеев // Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. Т. I: Книга Бытия 1–11 / Пер. с англ., греч., лат., сир. Под ред. К.К. Гаврилкина. – Тверь, 2004. – С. 109.

³ Философия / Под ред. В.Н. Лавриненко. – М., 2003. – С. 64.

⁴ Подробнее об этом см.: Беседы на Евангелие Святого апостола Иоанна Богослова // Полное собрание творений Святого Иоанна Златоуста: В 12 т. Т. 8. Кн. 1. – М., 2003. С. 13.

⁵ Закон Божий, составленный по Священному Писанию и изречениям Святых Отцов, как практическое руководство к духовной жизни. – М.: Сретенский монастырь, 2004. – С. 62.

⁶ Ориген. Гомилии на Книгу Бытия // Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков Ветхий Завет. Т. I: Книга Бытия 1–11. – Тверь, 2004. – С. 1–2.

⁷ Закон Божий. – С. 94.

⁸ Одоевцева И.И. Так говорил Гумилев // Н.С. Гумилев: pro et contra. – СПб., 2000. – С. 319.

⁹ Иванов Г.В. О поэзии Н. Гумилева // Там же. – С. 482.

¹⁰ Оцуп Н. Николай Гумилев // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. – М., 1990. – С. 177.

Е.В. Ковалёва

**ФУНКЦИИ МЕТАФОР И СРАВНЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ О ВОЙНЕ
(на примере романа А. Проханова «Идущие в ночи»)**

Наше время требует возрастающего участия писателя в решении насущных проблем действительности. Для этого, конечно же, нужна смелость и умение быстро реагировать на происходящее. Как и прежде, дорога и необходима каждая книга, что живёт одной с народом жизнью, с его упованиями, тревогами, радостями.

Александр Андреевич Проханов принадлежит к тем беспокойным писателям, у которых произведение, прежде чем родиться за письменным столом, должно созреть в горячей точке Земли.

Каждый роман А.А. Проханова – прикосновение художника к действительности, к насущным проблемам современности.

Проханов откликался на каждое историческое событие, свидетелем которого он стал, книгой. «У меня одна командировка следует за другой, одна вещь сразу за предыдущей, и все они вопят, кричат – им больно, им некогда. И я не могу ждать. То, что я видел, не может не потрясти человека»¹ – так объясняет свои «романы на конвейере»² А.А. Проханов.

Кажется, всё об армейской жизни сказано, различные типы героев в погонах рассмотрены, но литература каждой эпохи осознаёт своё время как единственное и неповторимое. Конечно, хорошо учиться на чужих ошибках, на промахах своих предков, но, сколько бы мы не извлекали уроки из прошлого, мы живём в своё, особенное время. И откликается Проханов по особенному. С одной стороны, он продолжает традиции военной прозы, с другой – его произведения антивоенны.

Вступление человечества в атомную эру изменило многое, в том числе и сами основы «философии войны»: «Мне интересно понять мир, которому грозит третья мировая, через военное сознание, через образы современных офицеров, стратегов, штабистов, которые заняты проблемой соперничества и уже в силу профессии находятся у роковой и грозной черты: как они живут, работают, любят, думают? Как они надеются жить?»³

«Дерево в центре Кабула» – первый в нашей стране роман о событиях в Афганистане. В основу романа, по словам самого автора, положены

свежие военные впечатления, эмоции начального периода войны.

Через два года тема войны была им продолжена в романе, посвящённом войне в Мозамбике (роман «Африканист» – 1984 год). Потом появились никарагуанская и кампучийская хроника – «И вот приходит ветер» (1984 год) и «В островах охотник» (1986 год). Эти четыре романа автор объединил в цикл «Горящие сады». Они действительно похожи: действие каждого произведения разворачивается в чужой стране, где творческий, привыкший к мирной жизни «дилетант» сталкивается с жестокой и бессмысленной войной, в результате чего его представление о мире полностью меняется. Многие исследователи современного литературного процесса отмечали, что книги об Афганистане «появлялись в свет израненные, как прошедшие через минные поля и обстрелы боевые машины. Но появлялись же!»⁴ – с радостью говорит А.А. Проханов в интервью «Литературной газете», но тут же добавляет, что этот путь к читателю мог бы быть проще, если бы редакция была более бережливой.

Через четыре года после выхода в свет «Дерева в центре Кабула» появился роман «Рисунки баталиста». Этот роман – итог семи поездок Проханова в Афганистан. Сам писатель отмечал, что в основу произведения легли осмысленные им непростые и болезненные явления этой войны, а каждый герой произведения имеет реального жизненного прототипа, герои его романа связаны с писателем не только романом, но и самой жизнью.

К сожалению, политическим взглядам А. Проханова всегда уделялось большее внимание, чем его книгам. Его творчество совершенно не изучено, лишь в некоторых газетах публиковались небольшие заметки о его произведениях. Но и эти рецензии – яркое свидетельство того, что его произведения становились объектом жаркой полемики.

Стоит заметить, что критики прохановского творчества делятся на «недрузгов» и «защитников». Это не вызывает удивления, так как этот человек всегда имел ярко выраженную позицию как в политике, так и в литературе.

Итак, пишут о Проханове много, кто-то ругает за партийность и технократство, кто-то хвалит за правдивое освещение актуальных проблем, но все критики отмечают особенный язык писателя. Скорее всего, писатель осознанно работает над языком своих романов, оттачивает свой слог. За несколько десятков лет работы Проханова на литературном поприще темы его произведений не претерпели особенных изменений – для писателя остаётся главным аспект актуальности – ощущимо изменился его литературный язык. Это не значит, что А.А. Проханов отказался от только ему свойственной особой метафоричности. Но «если раньше густая образность порой становилась самоцелью, ..., то сейчас она чаще всего – выразительный художественный приём»⁵.

Необычные и яркие эпитеты, сравнения, гиперболы, олицетворения и овеществления, свойственные языку данного писателя, заставляют задумываться над каждым словом, осмысливать каждую мысль автора.

«Парад метафор»⁶ прозы Проханова одновременно и отталкивает и притягивает, их необычность и несомненная связь с происходящим в произведении заставляют читать вдумчиво, не позволяет расслабиться.

Проханов значительно изменил свой подход к языку своих произведений: особенно эта перемена заметна в романе «Идущие в ночи» (2001 год). Обилие метафор в произведении позволяет предположить, что они являются одним из самых важных художественных приёмов, используемых автором для наиболее точного и «живого» изображения военной действительности, для раскрытия образов персонажей романа. Однако этот аспект произведения до сих пор не нашёл в литературоведении и критике должного отражения. По данной проблеме не существует даже небольших статей. В некоторых работах лишь фрагментарно го-

ворится об особенностях языка А.А. Проханова, совсем не изучен язык романа «Идущие в ночи».

Ясно, что, изучая употребление А.А. Прохановым только метафор и сравнений, нельзя получить полного представления о лексике романа. Однако изучение закономерностей употребления метафор и сравнений в романе «Идущие в ночи», поможет отразить общие черты не только языка и стиля писателя (конструктивная роль этих средств в образном строе произведения очень велика), но и даст представление об «экстремальном» способе письма современных писателей-баталистов.

Закономерности употребления метафор и сравнений при создании образов романа А. Проханова «Идущие в ночи»

В героях, созданных А.А. Прохановым, индивидуальное сочетается с типическим, внешние «признаки», такие как жесты, движения, манеры, улыбки, черты лица, фигура, одежда являются главным способом познания внутреннего мира героя. А.А. Проханов определяет свою позицию и отношение к тому или иному герою уже самым выбором языковых средств.

Роман «Идущие в ночи» посвящён второй чеченской войне. Герои делятся на два лагеря. Идёт борьба русской армии с боевиками.

Первое же описание действий русской армии наводит на мысль о том, что А.А. Проханов сравнивает солдат со стаей собак: «группа спецназа, рыскающая по чеченским тылам, напоролась в развалинах на засаду и теперь, огрызаясь, пробивалась обратно, к своим»⁷ (№1, с. 18). Не зря оператор Литкин, имея при себе пропуск Шамиля Басаева, боится напороться на русскую разведку, потому что тогда он «станет пищей голодных псов» (№1, с. 45). Читатель, подготовленный предыдущими сравнениями, воспримет эту сцену как картину зимней русской охоты. Голодные

«Идущие в ночи»

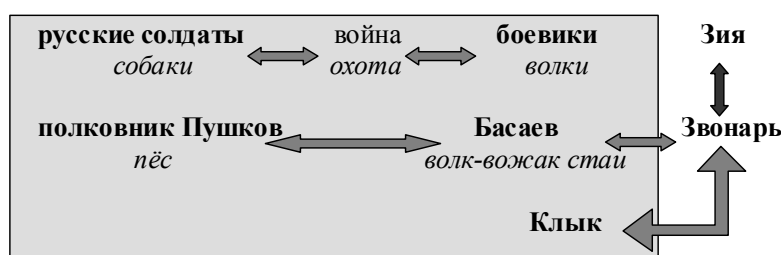

Рис.

собаки, озлобленные затянувшейся охотой и голодом, жаждут выйти на след и растерзать свою добычу. Так русские солдаты, уставшие ещё в первой чеченской войне, боясь, что и во второй раз у них отберут заслуженную победу, уставшие от долгого сидения в казармах так же, как от затянувшихся безрезультатных боёв, вышли в зимний город в поисках языка.

Чеченцы сами называют себя волками, об этом свидетельствует и их флаг с волком, осклизшим зубы. Если лейтенант Пушкин, ведя свой взвод в бой, кричит: «Ну, с Богом, звери, пошли!..» (№1, с. 51), то Басаев, обращаясь к воюющим чеченским подросткам, спрашивает: «Ну что, волки, рвём глотки русским собакам? Не сточили клыки?» (№1, с. 59).

Для романа А.А. Проханова характерны сравнения людей с животными. По-видимому, этот отпечаток на человека накладывает война. Война, по Проханову, действие, полностью противоречащее сущности человека, животное занятие, базирующееся на животных инстинктах. Из сравнений людей с животными, как мы уже убедились, вытекают сравнения героев романа между собой. Схематично это можно представить так (см. рис.).

Итак, Проханов, во-первых, сравнивает своих героев с различными животными. Метафоры и сравнения Проханова очень точны и продуманы до мелочей. Благодаря особой метафоричности языка писателя перед читателем возникают яркие образы героев романа, участников охоты.

Во-вторых, писатель не останавливается на этом сравнении, а также продуманно продолжает его. Например, сравнение воюющих сторон с собаками и волками переходит, как мы уже убедились, в сравнение всего действия с охотой. Возникает сравнение в сравнении. Полковник Пушкин, как верный пёс, идёт по следу Басаева (Басаев сравнивается с матёрым волком, вожаком). Глаза Шамиля Басаева (глаза волка, нечеловека) сравниваются с неземными глазами Звонаря. Такие же особенные, «не от мира сего» глаза у блаженного художника Зия (№1, с. 46). И, конечно, нельзя не упомянуть о сравнении Звонарь – Клык. Эти герои сравнимы по силе духа. Следует заметить, что все противопоставления и сравнения выходят на поверхность только после осмысления и упорядочения метафор и сравнений А.А. Проханова.

Как уже отмечалось выше, Звонарь сравнивается не только с Шамилем Басаевым и Клыком

(он им, скорее, противопоставляется), но и с художником Зия. Ни Звонарь, ни Зия не сравниваются с животными. Это особенные персонажи романа, которым чужды животные инстинкты. Они оба далеки от войны. Именно поэтому на схеме они не отнесены к разряду «идущих в ночи». Эта отчуждённость от суетного мира видна в их глазах, во всём облике: «Глаза художника возбуждённо мерцали под тонкими золотыми бровями. Свет лампы падал так на его бородку и пшеничные волосы, что лицо его окружало сияние. Он и впрямь казался небожителем, источавшим свечение иных миров» (№1, с. 35), Звонарь и Зия живут в «молитвенном ожидании чуда».

Итак, мы подошли к главной метафоре романа. Кто они, «идущие в ночи»? О метафоричности заглавия свидетельствует и эпиграф к роману, взятый из «Корана»: «В знак неба и идущего в ночи!..» (№1, с. 17). Кого же автор имеет в виду, кто идёт в ночи? Так как в основу названия положена метафора, то и ответить на эти вопросы можно с помощью систематизирования всех сравнений и метафор этого произведения.

«Идущие в ночи» – это все герои романа, кроме художника Зии и рядового Звонарёва. Зия и Звонарёв – те люди, которые способны вывести людей из мрака ночи, один – своим искусством, другой – верой. Первоначально может показаться, что под понятием «идущие в ночи» подразумеваются только русские солдаты. Это не так.

Во-первых, цитаты из «Корана» наводят на мысль о том, что чеченский народ, как и русский, прибывает во мраке неверия и жестокости. На небе все будут едины, и чеченцы, и русские.

Во вторых, посланцем – пророком для русских является чеченец Зия, а чеченцам о добре и о Том, «Кто землю и Вселенную построил», вещает русский солдат Звонарёв.

Всё это доказывает то, что смысл метафоры «идущие в ночи» заключается в сравнении всех воюющих с «блудными сынами» своего Отечества, Бога.

«У каждого времени – своя система метафор... Система базисных метафор – это своего рода ключ к пониманию «духа времени»⁸ – писал А.П. Чудинов.

А.А. Проханов в основу своего романа о чеченской войне положил главную, на его взгляд, метафору современности: «идущие в ночи». Русские и чеченцы, по Проханову, два народа, блуждающие во тьме междоусобной войны.

Смысловая нагрузка метафор и сравнений в описании города и природы Чечни

Знаменитый художник Т. Руссо сказал: «Если можно ещё оспаривать, что деревья думают, то уж, во всяком случае, они заставляют нас думать...»⁹

Действительно, над бессмыслицей войны в романе «Идущие в ночи» читателя заставляют задуматься не только главные герои. Описание природы и города, в котором идут бои, также даёт определённое направление мыслям и чувствам читателя. Другими словами, природа и город имеют свою совершенно определённую художественную функцию, у каждого предмета в романе есть своя смысловая нагрузка.

Грозный, где разворачивается действие романа «напоминает огромную горящую покрывку, ребристую, кипящую жидким гудроном, с чёрно-красным ядовитым огнём, из которого вырывалась клубами жирная копоть» (№1, с. 17), он «гудел, скрежетал, хрустел, словно чёрная, с искрящейся шерстью собака грызла огромную кость» (№1, с. 18). Как видим, город не живёт, а еле выживает. Он напоминает театр, где «демонстрировался огромный, непомерный спектакль, где вместо декораций рушились и сгорали кварталы», а актёры (враждующие стороны) сменяли друг друга. Грозный то превращался в «дышащий ядами реактор» (№1, с. 46), то в «монастырь, братскую тесную келью» (№1, с. 25). Иногда он «багровой рекой утекал в небеса» (№1, с. 61), но чаще напоминал «каменные жернова, перетиравшие кости и мясо врага» (№1, с. 61). Кому-то он казался «дымящимся кратером» (№1, с. 63), другим – «огромной скорлупой» (№1, с. 18).

Дома Грозного опустели, везде ни души, «словно враждующие люди убили друг друга, и воевать продолжали здания. Кидали друг в друга огромные, свистящие в небе головы. Рушились одно на другое каменные, хрустящие стены. Сшибались в рукопашной кирпичными лбами. Было жутко смотреть на сражение ночных великанов, один из которых выдирал из земли бетонные ноги, оставляя дымящий котлован, и бежал во тьму, сдирая с головы рыжие горящие космы, а другой вдруг тяжело подпрыгивал, вырастал, а потом разваливался на куски. Словно его раскалывали надвое колуном. Из него излетал стон боли, истекала огненная руда, и он рушился в окружении поломанных дымящих костей» (№1, с. 72).

Проханов заставляет читателя почувствовать боль утраты при расставании с Родиной, вздрогнуть при мысли, что каждый человек может быть изгнан из своего дома. Война – это, когда дома превратятся в развалины, «которые шевелятся среди котлованов, озарённые изнутри тлеющими пожарами, как слепые великаны красными пустыми глазницами, из которых выдрали глаза» (№1, с. 71), когда дома напоминают «сонмище раскалённых молекул» (№1, с. 60) или расколотые орехи, «которые кто-то брал в зубы, дробил скорлупу, выедал сочное живое ядро, бросая ненужные осколки» (№2, с. 43).

Жуткое зрелище, ощущение «войны везде» дополняется воюющей природой. Автор заставляет читателя размышлять и вдумываться в каждое слово романа, так как часто не называет то, что описывает, отдавая эту привилегию читателю. Например, описание луны звучит как загадка: «Они ехали вдоль улицы, над которой висела оранжевая осветительная бомба, качалась, как волшебный мерцающий плод. В её мертвенном свете были ясно видны шершавые обгорелые стены, остов подбитого танка...» (№2, с. 72)

Вокруг страшной луны «звёзды переливались над чёрной рекой мерцающим драгоценным пологом, вспыхивали розовым, голубым, зелёным. И каждой звезде соответствовала на земле противопехотная мина, слегка припорошенная огнём» (№2, с. 68).

Может быть, солнце будет милостивее по отношению к нашим героям? Нет, солнце врывается «как ошалелый вестник» (№2, с. 65), оно «брызжет из-за развалин, ослепляет атакующую цепь» (№1, с. 49).

Невозможно ни вспомнить описание природы в произведениях о Великой Отечественной войне. Русский солдат тем и силен был, что защищал свою землю. Казалось, каждая травинка помогала ему выжить и победить. Автор не жалел определений для описания природы, хотя конкретика военных действий требовала как можно меньше лирических отступлений.

Этого нельзя сказать о произведениях о чеченской войне. При описании действий русских солдат солнце светит так же зло, а ветер такой же пронизывающий, как и при описании маневров чеченцев. Природа восстала против воюющего человека, она не способствует победе ни одного лагеря, ни другого.

Определив функции метафор и сравнений романа «Идущие в ночи», можно отметить ещё

одну особенность литературы о «непопулярных» войнах. Читатель, привыкший делить героев военной прозы на «своих» и «чужих», попадает в лабиринт героев А.А. Проханова. Басаев описывается как зверь, волк, но и полковник Пушкин – охотничий пёс; пророком для чеченцев оказывается русский рядовой Звонарёв, но благую весть русским несёт чеченец Зия. «Чужими» оказываются те, кто на войне «делает деньги», кто развязал войну: Президент, Магнат, репортёр Литкин.

«Непопулярные» войны – загадка для всех, кто не был их непосредственным участником. Донеся до читателя свои эмоции, свой страх, свои вопросы под силу не каждому писателю.

Читать Проханова трудно. Простое разгадывание метафор не даст желаемого результата. Метафоры и сравнения Проханова очень чёткие, детально продуманы. «Можно, правда, поступать хитро: как видишь, что начался очередной этюд на тему «наши в городе» или мысли человека, в которого летит пуля», так быстро перелистываешь и – дальше»¹⁰, но тогда сюжет романа сведётся к сменяющим друг друга батальным сценам и, что самое главное, противостоящим сторонам читатель определит как русских и чеченцев, а не как задумал автор: борьба войны и мира.

Литература о современных войнах не терпит навязывания заранее известных, привычных для чита-

теля сюжетных схем. В Проханова надо вчитываться, надо принять как свою боль автора за человека, его ненависть ни сколько к боевикам, а к войне.

Примечания

¹ Проханов А.А. Формулы, гипотезы: монолог о времени и о себе // Литературная газета. – 1985. – 6 ноября.

² Матулявичюс В. Романы на конвейере // Нева. – 1987. – №10. – С. 158.

³ Вирен Г. И что читать не стоит // Деловой мир. – 1991. – 29 июня.

⁴ Басинский П. Случай Проханов // Литературная газета. – 1992. – №7. – С. 4.

⁵ Подзорова М. Улыбнуться людям... // Литературное обозрение. – 1975. – №6. – С. 38.

⁶ Личутин В. Семьдесят лет битвы // Москва. – 1989. – №4. – С. 174.

⁷ Здесь и далее цит. по: Проханов А.А. Идущие в ночи // Наш современник. – 2001. – №1. – С. 17–91; №2. – С. 40–104.

⁸ Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. – 2001. – С. 245–290.

⁹ Галанов Б.Е. Живопись словом. – М., 1974. – С. 187.

¹⁰ Пирогов Л. Дело рук утопающих: Кроме А. Проханова писать о чеченской войне некому? // Литературная газета. – 2000. – №38. – С. 10.

Е.Ю. Колтышева

МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В СОВРЕМЕННОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

В блистательной Голливудской комедии 1948 года «Mr. Blandings Builds His Dream Home» 10-летняя Joan Blandings, обращаясь к своему отцу – главе рекламного агентства, говорит: «Advertising makes people who can't afford it, buy things they don't want with money they haven't got». Как «реклама заставляет людей, которые не могут себе этого позволить, покупать вещи, которые им не нужны, на деньги, которых у них нет»?

Уже несколько десятилетий эта тема представляет интерес для социологов, психологов, маркетологов и других специалистов, целью которых является достижение более глубокого понимания феномена рекламы и механизмов ее воздействия. Реклама является объектом пристального внима-

ния и ученых-лингвистов. Появилось и появляется множество работ, посвященных изучению рекламного воздействия. Однако можно ли считать процесс исследования завершенным? Очевидно, нет. Рекламная индустрия развивается с огромной скоростью. Сотрудники рекламных агентств находятся в постоянном поиске новых и новых способов воздействия на потребителей, что делает рекламную продукцию – рекламный текст – невероятно изменчивой. Этим и обусловлена сложность изучения рекламы. Изменения в способах рекламирования неизменно влекут за собой и новые подходы в научном изучении рекламных текстов (РТ).

Во многих новых исследованиях отмечается основная особенность рекламы начала XXI века:

если вначале она информировала и незаметно внушала, то, теперь, проникая на подсознательный уровень в обход игнорирующего ее сознания, реклама манипулирует нами в массовом масштабе. При этом высказываются различные точки зрения на возможность рекламы воздействовать на сознание и поведение людей. Некоторые исследователи ставят под сомнение тот факт, что какая-либо конкретная реклама может побудить кого-то принять определенное решение. Другие ученые утверждают, что реклама обладает могущественным влиянием на поведение человека. Есть авторы, считающие рекламу примером **манипулирования** общественным сознанием, убежденные, что реклама оказывает не осознаваемое потребителем воздействие на его восприятие, а манипулятивность является обязательным признаком любого РТ. Сегодня вопрос о границах эффективного воздействия и манипулирования является одним из принципиальных для анализа рекламы.

Американский исследователь Tom L. Beauchamp в работе «Manipulative Advertising» определяет воздействие, обозначаемое в англоязычной традиции термином «persuasion» или «persuasive function», так: «a deliberate and successful attempt by one person by appeals to reason to freely accept beliefs, attitudes, values, intentions, or actions». Далее он продолжает: «the essence of rational persuasion is that it induces change by convincing a person through the merit of the reasons put forward and this is exactly what purely informational advertising endeavors to do. <...> There is **rational persuasion** and a form of **manipulation** called **nonrational persuasion**». Таким образом, всё многообразие рекламных текстов он разделил на 2 основных типа: **информирующие** (в основе – рациональное воздействие) и **манипулятивные** (в основе – иррациональное воздействие) [4].

Если рациональное воздействие подразумевает убеждение – речевое воздействие, оставляющее адресату возможность выбора: соглашаться или нет с авторской концепцией; то манипуляция – речевое воздействие на адресата без осознания им этого воздействия, то есть навязывание автором с помощью определенных языковых приемов авторской точки зрения как достоверной и единственно возможной. Манипулирование базируется не столько на логическом, сколько на **эмоциональном** воздействии. Это становится воз-

можным при создании сильного рекламного образа – **имиджа** предмета рекламы. Имидж – это манипулятивный образ, обладающий большой регулятивной силой, призванный в большей степени влиять не на сознание человека, а на его **эмоциональную сферу и уровень бессознательного**. Это **иллюзорный образ**. Имидж товара играет значительно более важную роль, чем рационально осознаваемые реальные качества товара.

Имидж формируется двумя путями: на основе **абсолютизации** или **идеализации** определенных свойств товара или услуги [3, с. 98]. В случае абсолютизации из потребительских качеств товара выделяется одна, наиболее значимая для потребителя черта, которой придается гипертрофированное значение. В этом случае одним из типичных приемов воздействия становится **гиперболизация** («преувеличение») привлекательных качеств товара. Например, РТ, представляющий новую тушь для ресниц XXL CURLPOWER, очень гиперболичен:

GET OUR MOST DRAMATIC CURL EVER.

XX-TREME CURL:

NOW UP TO 45° ANGLE

XX-TREME HOLD:

NOW UP TO 12 HRS

NEW

XXL

CURLPOWER

VOLUME + CURL

12 HOUR CURLING MASCARA

Defy Gravity! XXL CURLPOWER

gives you extra curl for an extra

dramatic oversized lash look!

(Glamour, March 2008)

Другой способ формирования имиджа предполагает наделение рекламируемого объекта соответствующими качествами, которых может и не быть вообще: происходит идеализация товара. Такими «дополнительными ценностями», как правило, выступают социальный престиж, комфорт, удовольствие и т.д. Так реклама усиливает эмоциональное восприятие товара/услуги. Например:

Seriously good candies for those committed to better lifestyle snacking.

Russel Stover (Cosmopolitan, November 2004)

В этом рекламном тексте нет перечня достоинств данной линии товаров (различные сорта конфет), зато акцентируется тот факт, что, она предназначена для людей, стремящихся к лучшему: *committed to better lifestyle*. Таким образом, предлагают не конфеты, а возможность приобщиться к лучшему стилю жизни.

Создание привлекательного образа товара с целью формирования положительного отношения покупателя к товару с тем, чтобы убедить потребителя совершить покупку / воспользоваться услугой происходит благодаря особенностям в отборе и сочетании лексико-фразеологических, морфологических, синтаксических средств, обладающих особой образностью и выразительностью. В современном англоязычном РТ особенно популярны приемы **метафоры, метонимии, художественного сравнения, гиперболы, олицетворения, контраста**. При этом заманчивый образ товара могут создавать как вербальная составляющая рекламного текста, так и его изобразительный ряд. Используются и вербально-визуальные средства, представляющие собой комбинацию 2-х видов знаков, коммуникативная значимость которых базируется на отношении напряженности их семантических свойств. Например, реклама увлажняющего крема для тела OLAY BODY **quench**:

OLAY

When it comes to skin saturated with beauty,
quench reigns.

It's the torrent of moisture in Olay Quench that transforms skin.

Takes it all the way to beautiful. Skin is not just drenched, it's Quenched. All-over, body-beautiful moisture. Only Olay can make it so... quenching!

Love the skin you're in.

(Cosmopolitan, December 2007)

Этот РТ насыщен разнообразными стилистическими приемами: олицетворение (*quench reigns, skin is quenched*), метафоры (*torrent of moisture, saturated with beauty, transforms skin*), эпитеты (*body-beautiful, quenching*), эмфатическая конструкция и градация (*Skin is not just drenched, it's Quenched*). Кроме того, изображение (красивая молодая девушка, гуляющая босиком под дождем) визуализирует вербальную метафору.

Так, добиваясь своей цели, рекламисты пытаются заставить работать разнообразные лингвистические и паралингвистические средства, сочетая их наиболее действенным способом. Но

этого оказывается недостаточно. Известно, что на любые попытки воздействия адресат отвечает противодействием. При манипуляции важно это противодействие свести до минимума, расположить к себе адресата, воздействовать не на сознание, а на подсознание. Это становится возможным благодаря маскировочной функции рекламного сообщения – **коммуникативной мимикрии** (под коммуникативной мимикрией мы, вслед за В.Б. Кашкиным, подразумеваем ситуацию, при которой сообщение определенного вида коммуникации заимствует элементы другого вида коммуникации («маскируется»), для того, чтобы скрыть свои цели полностью или частично [2]).

Как показывает исследование практического материала (англоязычные гляцевые журналы для женщин “GLAMOUR”, “COSMOPOLITAN”, “MARIE CLAIRE”, “VOGUE”, опубликованные в период с 2005 по 2007 гг.), манипулятивная реклама изначально нацелена на реализацию маскировочной функции. При этом мимикрируют все основные звенья коммуникативного акта, включая и коммуникатора, и само сообщение, и аудиторию как носителя эффекта воздействия. Манипулятивные рекламные тексты, как правило, построены на иллюзии «безобидности», что позволяет коммуникатору ослабить бдительность человека и незаметно корректировать его мировоззрение. При этом **коммуникативная мимикрия** возможна на уровне:

– **функций коммуникации**: традиционно признаваемые основными функции информирования и воздействия вытесняются фактической, экспрессивной, развлекательной; маскируется «рекламность», подразумевающая прямое предложение купить что-либо;

– **участников коммуникации**: одновременно происходит и *подмена автора* (мимикрия под представителя типичного покупателя, авторитетного эксперта, «звезду» и др.), и *мимикрия адресата* (ориентируя РТ на «свою аудиторию», авторы сообщений эксплицируют свое «идеальное» представление об этой аудитории, предлагая потенциальным покупателям их собственный образ, целенаправленно «улучшенный» создателями рекламного сообщения);

– **формы рекламного сообщения**: часто встречается «маскировка» текста рекламы под научные статьи, комиксы, кулинарные рецепты и др. жанры, способные замаскировать рекламное сообщение под информацию непропагандист-

ского характера, что дает огромное преимущество в привлечении внимания потребителей, уставших от назойливой рекламы.

Таким образом, манипулятивное воздействие в современном рекламном тексте, с одной стороны, включает в себя набор наиболее действенных средств создания имиджа предмета рекламы, а с другой, – оптимизирующую координацию действия разных средств. Здесь возможно использование множества приемов, но все они преследуют одну из двух целей – конечную (покупка товара/услуги) или предварительную (преодоление сопротивления воздействию). Реализации конечной цели – изменения отношения к товару/услуге и стимулирования продаж – служит создание сильного рекламного образа. Цели преодоления

сопротивления воздействию – использование возможностей коммуникативной мимики.

Библиографический список

1. Борисова Е.Г. Алгоритмы воздействия. – М.: Международный институт рекламы, ЛО «Московия», 2005. – 140 с.
2. Кашкин В.Б. Коммуникативная мимикрия и социальная власть // Режим доступа: <http://kachkin.narod.ru/articles2003/CommMimicry.htm>
3. Шуванов В.И. Психология рекламы. Изд. 2-е. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2005. – 315 с. – (Высшее образование).
4. Beauchamp Tom L. Manipulative Advertising // Business & Professional Ethics Journal. – 1984. – Vol. 3. – Nos. 3 & 4, Spring/Summer. – Pp. 1–22.

Л.С. Кустова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ ДРАМАТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (на материале пьес А.Н. Островского)

В диалогическом контексте драматического произведения фразеологические единицы (ФЕ) посредством реализации своих коммуникативно-прагматических свойств с различных сторон и с различной степенью образности характеризуют участников диалогического общения. Так, контекстуальный анализ ФЕ в пьесах А.Н. Островского позволяет наблюдать особенности функционирования в рамках диалогических единств прагматического компонента фразеологического значения, который способствует созданию разносторонней характеристики конкретного персонажа, манифестируемой в различных коммуникативных ситуациях.

Фразеологические обороты, употребляемые в обращениях персонажей друг к другу, являются ярким средством выражения соотношения их социальных статусов: а) нисходящего соотношения: *чертова перечница, старая дура, старая карга, старый дурак, старый черт, сукин сын, курицын сын, проволочная шея, купоросная душа, дура-голова*; б) восходящего: *ваши высокоблагородие, ваше степенство, свет наши, благодетель вы мой*; в) равенства социальных статусов персонажей-коммуникантов: *друг мой,*

братец ты мой. При этом ФЕ, имеющие значение нисходящего соотношения статусов, как правило, выражают отрицательную экспрессивную оценку с оттенком пренебрежения, презрения к адресату речи, как, например, в следующем диалогическом контексте: Подхалюзин: Цыц, дяволенок! (*Замахивается.*) Тишка: Накось, попробуй! Нешто не скажу, ей-богу, скажу! Подхалюзин: Да что ты скажешь-то, *чертова перечница!* Тишка: Что скажу? А то, что лаешься! Подхалюзин: *Важное кушанье! Ишь ты, барин какой!* Подитко-сь! [3, «Свои люди – сочтемся», д. 2, я. 2]. Сочетание вокативно-бранной ФЕ *чертова перечница* с просторечными оборотами *Важное кушанье! Ишь ты, барин какой!*, актуализирующими оттенки иронии, удивления, недоумения, в целом передает пренебрежительно-насмешливое отношение приказчика Подхалюзина к Тишке, мальчику прислуживающему в доме купца Большова. Ощущая себя хозяином в доме Большова в присутствии простолюдина, Подхалюзин пытается помыкать Тишкой, подавить его силой, и, удивляясь дерзости его ответных реплик, обращается к нему с оскорбительной фразой, передающей пренебрежение, стрем-

ление унизить Тишку, подчеркнуть его бесправное положение прислуги, с которой принято не церемонится. обороты *Важное кушанье! Ишь ты, барин какой!* помимо удивления и иронии приобретают в данном контексте отрицательную экспрессивную оценку, выражая негативные эмоции – раздражение, недовольство. Эти добавочные семантические оттенки усиливают общее значение уничижительности, пренебрежения, переходящего в презрение.

Глагольно-субстантивные ФЕ, передающие пренебрежительно-ироничную эмотивную оценку, используются Подхалюзиним в разговоре с персонажами из низшего сословия как средство их характеристики, выражая отношение к ним приказчика: 1) *Подхалюзин*: Что ж, вам не по сту же давать. *Рисположенский*: А уж отдали бы зараз, так я бы к вам и не ходил. *Подхалюзин*: То-то вы ни уха, ни рыла не смыслите, а еще *хапанцы берет* [там же, д. 4, я. 5]; 2) *Устинья Наумовна*: Да, соболий! Что ты смеешься-то, что *горло-то пялишь!* *Подхалюзин*: Еще *рылом не вышли-с* в соболий-то салопах ходить! [там же, д. 4, я. 2]. Употребленные в диалогическом контексте грубо-просторечные фразеологические обороты с яркой образной основой – *ни уха, ни рыла не смыслите, рылом не вышли-с*, уподобляя персонажа-адресата, простого человека, животному, тем самым унижая в нем личность, оскорбляя его человеческие чувства. Пренебрежение, презрение к стряпчему Рисположенскому ярко манифестируется Подхалюзиним в речи посредством ФЕ *ни уха, ни рыла не смыслите* – ‘совершенно ничего не знаете, не понимаете, не смыслите’, подчеркивающей его представление об отсутствии у человека из народа какого-либо образования, знаний, о его неразвитости. Употребляя в разговоре со свахой оборот *рылом не вышли-с*, характеризующий неприглядную внешность собеседника и свидетельствующий о бестактности коммуниканта, обращающегося к женщине, Подхалюзин указывает Устинье Наумовне на ее неблагородное происхождение, в силу чего она, по его мнению, не заслуживает ни учтивого обращения, ни того, чтобы с ней считались в условиях сделки. Говоря ей «*рылом не вышли-с* в соболий-то салопах ходить!» Подхалюзин тем самым подчеркивает, что она недостойна носить атрибуты знати.

Социально-ролевое соотношение персонажей индицирует употребление ими вводно-речевых

фразеологических оборотов и ФЕ-этикетно-речевых формул. Так, в речи того же Подхалюзина обороты, типа *извольте рассудить, по моему глупому рассуждению, как вам будет угодно-с, с нашим удовольствием, много довольны*, адресованные к Большову индицируют восходящее положение статусов и, вступая в контраст с вышерассмотренными употреблениями ФЕ по эмоционально-экспрессивной оценке, способствуют раскрытию скользкой, угодливой натуры приказчика Подхалюзина с присущими ему ханжеством и лицемерием: *Большов*: Так ты, стало быть, ее не любишь? *Подхалюзин*: *Как же не любить-с*, помилуйте, кажется, *больше всего на свете*. Да нет-с, Самсон Силыч, *как же это можно-с*. *Большов*: Ты бы так и говорил, что люблю, мол, *больше всего на свете*. *Подхалюзин*: *Да как же не любить-с!* *Сами извольте рассудить*: день думаю, ночь думаю... *то бишь, известное дело*, Алимпияда Самсоновна барышня, *каких в свете нет...* Да нет, этого нельзя-с. *Где же нам-с!* [там же, д. 2, я. 10]. Фразеологические обороты, употребленные в данном диалогическом контексте образуют несколько семантических групп, среди которых выделяются: группа ФЕ, выражающих коммуникативные реакции: несогласия, уверенного отрицания, осуждения ((*да*) *как же не, как же это можно-с*); группа вводных ФЕ, имеющих иллюкутивную силу утверждения, констатации, демонстрации и употребляемых с целью пояснения, убеждения, увещания собеседника (*сами извольте рассудить, то бишь, известное дело*); а также группа ФЕ, характеризующих человека по определенным качествам и передающих интенсивные чувства (любить *больше всего на свете, каких в свете нет, где же нам-с*). Последняя группа ФЕ отражает тенденцию говорящего (Подхалюзина) гиперболизировать свою речь, насыщая высказывания, характеризующие человека более высокого социального уровня (в данном случае дочь купца Большова) фразеологическими оборотами, передающими высокую оценку свойств личности и выполняющими различные синтаксические функции (обстоятельства, определения, предиката). В рассматриваемом диалогическом контексте ФЕ «*любить больше всего на свете*» использована Подхалюзиним в отношении Липочки с целью убедить Большова в искренности и силе своих чувств к его дочери, которые, согласно экспрессивно-семантическому наполнению употребленных им оборотов,

безграничны, ни с чем не сопоставимы. оборот *барышня, каких в свете нет* наделен в пьесе особым контекстуальным смыслом. Интенсификации высокой степени его положительной оценочности способствуют повторные употребления Подхалюзиным данной ФЕ, выражающей его отношение к Олимпиаде Самсоновне. По мнению приказчика Подхалюзина, эта девушка исключительна, необычна в силу того, что обладает качествами, которые недоступны ему самому – образованием (см. повторы в контексте пьесы словосочетания *девушка образованная*), состоянием и высоким социальным статусом (она дочь купца, преуспевающего торговца). оборот *барышня, каких в свете нет*, кроме того, служит средством передачи силы испытываемого чувства. Выражая таким образом свое восхищение и убедительно передавая чувство влюбленного, Подхалюзин в то же время уничижительно высказывается о себе, используя оборот *где же нам-с*, и, таким образом, дает Большову понять, что он полностью осознает дистанцию между Липочкой и собой, стремится показать себя скромным, беззаветно преданным хозяину человеком.

ФЕ, используемые Подхалюзиним в различных ситуациях, служат раскрытию лести и лукав-

ства, проявляемых им в стремлении к собственной выгоде, богатству и власти. Рассмотренная нами фразеология в речи этого героя создает его яркий речевой портрет, передает характерную для него речевую стратегию.

Так, анализ фразеологических оборотов в речи героев пьес А.Н. Островского с учетом реализации прагматического компонента значения, реализуемого в диалогическом контексте способствует раскрытию целостных образов персонажей драматического произведения.

Библиографический список

1. Поленова А.В. Коммуникативно-прагматические свойства ФЕ в диалогической речи (на материале русской драматургии XIX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград, 1999. – 24 с.
2. Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И., Федоров А.И. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1967.
3. Островский А.Н. Полное собрание сочинений в 12-ти томах. – М.: Искусство, 1973–1980.
4. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. – М., 2005.

Ю.А. Куцевич

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ «ФАКТОРНЫХ» ГЛАГОЛОВ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Под термином «факторность» в настоящей статье понимается, с одной стороны, свойство глагола выражать не целостное действие, а лишь его некоторый семантический аспект, выступающий в качестве необходимого условия, или фактора, дальнейшего развертывания действия от первоначальных факторов его возникновения до его конкретной реализации. При этом целостное действие в совокупности всех его семантических компонентов выражается факторной конструкцией «факторный глагол + семантический комплемент», где функция комплемента – восполнение недостающих аспектов значения факторного глагола, необходимых для выражения значения действия, характеризующегося единством этапов его протекания и факторов их развертывания во времени.

С другой стороны, понятие факторности выражает тот или иной вид интенциональности дей-

ствия. Данная характеристика факторного глагола выступает в качестве основы волевого действия, понимаемого как «сознательное, целенаправленное действие, посредством которого человек планово осуществляет стоящую перед ним цель, подчиняя свои импульсы сознательному контролю и изменяя окружающую действительность в соответствии со своим замыслом» [4, с. 520].

Последовательность этапов развития действия от зарождения предпосылок к его реализации до его завершения (успешного – при достижении цели; неуспешного – при отрицательной результативности; простого прекращения действия – при отсутствии семы «результативность» в семантике глагола; отложенного во времени результативного завершения) условно будем называть «актогенетическим процессом» или «актогенезом» [6, с. 56]. Данный процесс рассматривается как сложная разнородная иерархически организованная

система этапов актогенеза, а также факторов, наличие которых является условием возникновения и развития всей актогенетической системы.

Рассмотрим примеры (факторные глаголы обозначены курсивом, семантические комплементы подчеркнуты):

1. I *yearn* to get away and begin a new life.
2. He *resolved* to ask for a promotion.
3. Some people *abstain* from eating meat.

Исследование приведенных примеров, а также всего множества факторных глаголов из рассматриваемой словарной выборки, позволяет сделать вывод о присущем им свойстве аналитичности. Так, глаголы *yearn*, *resolve*, *abstain*, выражая, как было отмечено, лишь некоторый аспект действия (желание (1), решение (2), воздержание от действия), в структуре своего семантического значения не содержат указания на целевое действие (to ask, to get away and begin, eating). Таким образом, для полного отражения ситуации необходимо распространение ядерного факторного глагола комплементом. При этом, общее значение ситуации, выражаемое единством компонентов факторной конструкции, является результатом взаимодействия значений факторного глагола и комплемента.

Исследование проведено на основе полной выборки «факторных» глаголов по словарю Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English/ Ed. by A.S. Hornby; Oxford, 1974. Список выбранных глаголов включает более 200 единиц.

С учетом вышеизложенных теоретических положений в настоящей работе предлагается семантическая классификация факторных глаголов, основанная на семантической оппозиции «реализованность / нереализованность действия», выражаемого семантически единым комплексом «факторный глагол + семантический комплемент (в нашем рассмотрении – инфинитив / герундий / предлог+ герундий)».

Данная семантическая оппозиция реализуется в том или ином виде в семантической структуре исследуемых факторных глаголов, определяя, таким образом, их принадлежность к одной из рассматриваемых в настоящей классификации семантических групп (уровней).

Иерархическое соотношение этапов актогенеза следует из логики зарождения и развития действия, как такового. Так, любое волевое (целенаправленное) действие субъекта основывается на переживании «я хочу» (I wish / long / desire), име-

ющем «специфически волевое значение» и представляющим собой «актуальный фактор, который регулирует будущую деятельность» [7, с. 331].

Иными словами, желание субъекта выполняет мотивирующую функцию по отношению к волевому поведению, которое, в отличие от импульсивного поведения, «никогда не опирается на импульс актуальной потребности» и «не является поведением, протекающим в настоящем, оно будущее поведение: воля перспективна» [7, с. 321].

При выполнении указанного условия у субъекта формируется намерение (I intend / mean / purpose) совершить действие. На следующем этапе, как вывод из имеющихся условий, принимается решение (I decide / scruple) о совершении действия или отказе от него. На основании решения осуществляется планирование (I arrange / plan / scheme) и подготовка (I engineer / prepare) к реализации действия.

Каждый последующий этап имплицитно обязывает осуществление всех предыдущих и включает их в структуру своего семантического значения. В качестве примера, подтверждающего данное положение, может быть рассмотрен глагол *succeed*, представляющий группу глаголов успешной реализации действия. Так, в дефиниции, предлагаемой составителями Macmillan English Dictionary (*succeed* – to achieve something that you planned to do or attempted to do), эксплицитно выражены лишь два предшествующих непосредственно реализации этапа: планирование и попытка. Тем не менее, имплицитно в ней представлены и другие этапы эволютивного процесса: намерение, решение и, возможно, некоторые подготовительные действия, предвещающие основное. Таким образом, каждый этап актогенеза синтезирует семантику предыдущих и предполагает их успешное завершение, выступая в качестве необходимого, но не достаточного, условия для реализации следующей за ним части структуры глагольного действия [1]. Одновременно рассматриваемый этап является аналитическим относительно последующих этапов, представляя лишь часть их семантической структуры. Следовательно, заключительный этап актогенетического процесса, знаменующий собой реализацию действия, выступает в качестве синтетического единства значений всех предыдущих стадий, включая их в свою семантическую структуру.

Таким образом, реализация всех предшествующих этапов для каждого последующего являет-

ся обязательной, в то время как реализация всех этапов действия, следующих за рассматриваемым, остается факультативной.

Опираясь на эволютивный критерий, мы выделяем два последовательных уровня актогенетического процесса, каждый из которых объединяет ряд иерархически соотнесенных этапов действия, выраженного факторной конструкцией. Различие между этими двумя уровнями определяется вышеназванной семантической оппозицией (нереализованность / реализованность действия):

I. Нереализованный уровень. Действие, выраженное факторной конструкцией на данном уровне, не достигает уровня реализации. Нереализованные факторы представлены на ментальных этапах актогенеза, предваряющих задействование эффекторных механизмов:

1) Желание как «отражающее потребность переживание, перешедшее в действительную мысль о возможности чем-либо обладать или что-либо осуществить» [2]. С лингвистической точки зрения данное понятие рассматривается следующим образом: desire (n) – strong longing, earnest wish [9]:

Obviously, her grandfather wanted desperately to see her. He was trying anything (D. Brown).

2) Намерение совершить действие «в виде абстрактной конечной цели, но без установки на активацию начала действия, т.е. формулирование возможных линий поведения и средств их реализации» [5, с. 34]. Лингвистически рассматриваемое понятие (intention) определяется как “purpose, ultimate aim” [10]:

One man told us he meant to try to get away from Shepperton station (G. H. Wells).

3) Решение о реализации / нереализации намерения, представляющее собой «формирование стратегий и последовательности действий для достижения цели» [2]. Процесс принятия решения сопровождается сопоставлением и выбором одной из возможных линий поведения. Данное положение подтверждается словарной дефиницией понятия решения: decide – settle (question, issue, dispute), by giving victory to one side; bring, come to a resolution [10]. Решение может быть представлено в трех разновидностях:

а) положительное решение:

Then he would decide to make the best of it, and would begin to do so by starting the whole inquiry over again (Th. Dreiser).

При принятии положительного решения, в отличие от предыдущего этапа (намерения), может

иметь место ситуация акцентирования более конкретного и определенного взвешивания и сопоставления субъектом различных путей реализации намерения и выбора одного из рассматриваемых вариантов:

“I’m inclined to give Hastings a free hand, though I should prefer to wait a bit. We don’t want any unnecessary scandal” (A. Christie).

б) решение, сопряженное с сомнением о целесообразности действия.

Факторные глаголы данного семантического подтипа выражают затруднения, испытываемые субъектом при выборе оптимального образа действия из нескольких альтернатив:

Nowadays, Langdon hesitated even to mention the Knights Templar while lecturing because it invariably led to a barrage of convoluted inquiries into assorted conspiracy theories (D. Brown).

в) отрицательное решение (отказ от совершения действия):

“I entirely decline to be mixed up in your life” (O. Wilde).

4) Планирование: составление мысленного алгоритма последующих этапов, предшествующих непосредственной реализации действия, что подтверждается словарной дефиницией данного понятия: plan (n) – scheme of arrangement; project, design; way of proceeding [10]:

“I had planned to introduce him tonight by sharing his impressive curriculum vitae. However...” (D. Brown).

Все вышеназванные факторы данного (нереализованного) уровня, как и соответствующие факторные глаголы, выражают лишь некоторую ментальную деятельность, выступающую в качестве необходимого компонента интенционального действия. Соответствующие интеллектуальные процессы осуществляются субъектом до непосредственной реализации действия и необходимы для его превращения из потенциального в реализованное.

II. Реализованный уровень, включающий факторы, связанные с активацией эффекторных механизмов, т.е. проявляемые во внешнем действии:

1) Подготовка к совершению действия.

Подготовительный этап, являющийся в определенном смысле соединительным звеном между двумя уровнями актогенетического процесса, занимает особое место в системе классификации факторных глаголов.

Так, факторные глаголы, выражающие значение подготовки к действию (organise, prepare),

Таблица

Семантическая классификация факторных глаголов

Нереализованный уровень	желание	намерение	решение	решение+сомнение	отказ	план
	aspire crave desire want	aim intend mean purpose	choose decide determine elect resolve prefer	hesitate doubt fear scruple	abstain avoid decline desist evade forbear	arrange plan plot scheme
Реализованный уровень	подготовка	попытка		результативный этап		
			достижение цели (результат)	прекращение	отложенная реализация	недостижение результата
	engineer organise prepare	strain strive try attempt endeavour	complete manage succeed contrive	discontinue quit cease stop	delay defer postpone	fail forget neglect miss

характеризуются нереализованностью основного действия в структуре факторной конструкции, что позволяет рассматривать подготовительный этап как последний этап нереализованного уровня. С другой стороны, осуществление подготовки к действию субъектом предполагает завершение им предварительных ментальных операций на предшествующем этапе планирования и начало некоторых практических «преддействий», что свидетельствует о переходе актогенетического процесса на следующий, качественно новый, реализационный уровень и обосновывает рассмотрение подготовительного этапа как части реализованного уровня актогенеза:

With no other immediate option, Tolland *prepared to dive*. Pulling an exceptionally deep breath, he expanded his lungs well beyond their natural state, almost to the point of pain (D. Brown).

2) Попытка выполнения действия (I attempt / try), определяемая словарем русского языка С.И. Ожегова как «действие, поступок с целью осуществить что-н., добиться чего-н., но без полной уверенности в успехе» [3]:

He returned and *tried in vain to divert* his attention to his examination notes (G.H. Wells).

3) Результативный этап, завершающий эволютивный процесс и определяемый достижением / недостижением поставленной цели. Данный этап имеет следующие варианты:

а) успешная реализация (достижение поставленной на одном из начальных этапов цели: I manage / succeed):

“Whenever I’ve really wanted anything, I’ve *managed to get* it. I don’t see why things should go against me now” (W.S. Maugham).

б) прекращение действия (намеренная остановка действия: I quit / discontinue):

Hurstwood *quit reading* his paper and changed his clothes (Th. Dreiser).

в) отложенная реализация (выполнение действия в более позднее, чем запланировано, время: I delay / postpone):

“Which is why you *postponed announcing* until you had full confirmation and some reputable endorsement” (D. Brown).

г) недостижение желаемого результата (I fail).

Семантическая структура факторных глаголов, выражающих недостижение намеченной на одном из начальных этапов цели, включает значение неудачно выполненного действия либо невыполненного действия, что, как правило, является результатом не соответствующего намерения субъекта, а некоторых не зависящих от его воли обстоятельств (I forget/ fail to do sth.). На данном основании факторные глаголы этого типа могут рассматриваться в качестве неинтенциональных:

He told me that a faint stirring was occasionally audible within the case, but that the workmen *had failed to unscrew* the top, as it afforded no grip to them (H.G. Wells).

С другой стороны, семантическая структура данных глаголов имплицитно выражает значения всех предшествующих этапов действия. Данное

положение, в частности, подтверждается словарной дефиницией глагола *fail*, в которой на эксплицитном уровне отражены два из множества этапов, предваряющих реализацию действия: *to fall short of success or achievement in something expected, attempted, desired or approved* [11].

Таким образом, семантическая особенность глаголов данного этапа состоит в том, что, хотя «неудача» реализации определенного действия, по логике вещей, не является интенциональной с точки зрения субъекта, само это действие является намеренным на предыдущих этапах актогенеза, что и определяет отнесение данных факторных глаголов к типу интенциональных:

We must make haste before he can call the Achaeans in assembly; he will lose no time in doing so, for he will be furious with us, and will tell all the world how we *plotted to kill* him, but *failed to take* him (Homer).

Библиографический список

1. Горский Д.П. Краткий словарь по логике. – М.: Просвещение, 1991.
2. Общая психология. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Издание 18-ое. – М.: Русский язык, 1986.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1946. – 704 с.
5. Сильницкий Г.Г. Модель глагольного действия и семантическая классификация глаголов с предикатными актантами // Категории глагола и структура предложения. – Л.: Наука, 1983. – С. 28–41.
6. Сильницкий Г.Г. Модель глагольного действия и семантическая классификация глаголов с предикатными актантами // Семантика. Грамматика. Квантитативная и типологическая лингвистика. Т. 1. – Смоленск: ФГУ Смоленский ЦНТИ, 2006. – С. 56–68.
7. Узнадзе Д.Н. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Macmillan Publishers Limited, 2003.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Ed. by A.S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 3 ed., 1974.
10. The Concise Oxford Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 6 ed., 1977.
11. Webster's New Collegiate Dictionary. – Springfield, Massachusetts, USA: A Merriam – Webster. G. N. C. Merriam Company, 1973.

Т.Г. Межибо

КОНЦЕПТ В РЯДУ ОСНОВНЫХ ФОРМ ОТРАЖЕНИЯ МИРА В МЫШЛЕНИИ

Статья посвящена актуальной проблеме соотношения концепта с другими формами отражения мира в мышлении, правомерности их отождествления, зафиксированного в различных справочных изданиях. В связи с этим работа заинтересует специалистов широкого спектра.

Человек находится в постоянном взаимодействии с миром, познаёт его, в результате чего различные знания о мире постоянно накапливаются в сознании человека и человечества в целом. Но как использовать все эти знания, как обеспечить к ним оперативный доступ? Реализация этих и других потребностей человека входит в круг задач концепта – мыслительной единицы, содержащей всю совокупность человеческих знаний относительно какого-то отрезка действительности. Изучением концепта занимается когнитивная лингвистика, для которой это центральный объект исследований. Однако слово «концепт» обнаруживается не только в данной области знания, но и в культурологии, логике, философии.

В процессе диалога различных наук выявлен ряд интересных фактов. Во-первых, справочники в большинстве случаев повторяют философское определение концепта, предваряя его в некоторых случаях соответствующей пометой «филос.», а во-вторых, разъяснение термина «концепт» осуществляется обычно через понятие, представление, смысл, значение. Однако надо сделать оговорку. Это все категории логики, в том числе, безусловно, и те, которые входят в философское определение, поэтому для начала нам необходимо выяснить сущность вышеупомянутых логических категорий, в связи с чем снова обратимся к справочной литературе как к источнику наиболее точного и проверенного временем и практикой определения, чтобы понять, насколько точен

и обоснован механизм трактовки концепта через представление, понятие, значение, смысл.

Философский словарь о представлении сообщает следующее: «Это «чувственно – наглядный, обобщенный образ предметов и явлений действительности, сохраняемый и воспроизводимый в сознании и без непосредственного воздействия самих предметов и явлений на органы чувств».

В основе данной мыслительной операции лежит способ познания окружающего мира, основанный на условии наличия предмета в его материальности и конкретности и опоры на органы чувств как основного инструмента познания. Результат данного процесса не может быть отождествлен с концептом уже на основании того, что вне поля зрения остаются абстрактные предметы. Например, мы не можем увидеть или каким-либо способом почувствовать мудрость или любовь. Нам предстанут только конкретные факты проявления данных психологических процессов, но не собственно они [9, с. 287].

Понятие представляет собой основное содержание мышления, форму его существования и одновременно способ действия с определенной реальностью. Понятие – это опосредованное и обобщенное знание о предмете, основанное на раскрытии существенных связей и отношений объективного мира, способа его возникновения и развития. Можно сказать, что понятие тоже связано со своего рода «наглядностью», но наглядностью опосредованной схематическими изображениями, моделированием и проч. Здесь опять появляется элемент общности, широты в процессе формирования знания о предмете, о котором уже шла речь выше, только здесь обширность связана главным образом с тем, что подчеркиваются только существенные стороны предмета. Нас же в предмете интересуют и его несущественные, второстепенные детали, которые помогут лучше понять его сущность.

В логическом словаре Н.И. Кондакова трактовка термина «понятие» осуществляется через суждение и предлагаются черты различия между данными понятиями: предикат суждения может содержать утверждение или отрицание чего-либо, тогда как в понятии на первом месте только утверждение; предикат суждения может содержать любые признаки или свойства, а понятия – только находящиеся в тесной взаимосвязи, отличительной и существенной; понятие, в отличие от суждения, качественно новая форма мысли,

т.к. здесь «диалектически синтезируются в единый образ отображенные в мысли отличительные и существенные признаки предмета, явления. Тут отражена суть взаимоотношения суждения и понятия. Источником понятий является материальный мир» [4, с. 456].

В логике со времен Аристотеля принято различать две стороны понятия – объем и содержание. «Объем понятия – это совокупность предметов, к которым прилагается данное понятие. Содержание понятия – это мыслимые признаки предметов. Данные категории составляют обратное пропорциональное соотношение [2, с. 108–109].

В старой классической литературе понятие обычно отождествлялось с представлением или общим представлением. Логический словарь Н.И. Кондакова придерживается иной точки зрения, согласно которой, представление – «форма чувственного познания, а не логического мышления. Для представления свойственен наглядный характер, а для понятия – абстрактный» [4, с. 456] – в концепте не может быть подобного однозначного разделения.

Дистинкция «смысл/значение» является наиболее спорной, доказательством чего являются подчас противоречивые высказывания исследователей, немаловажную роль играет и то, в какой научной области занят ученый. Б.В. Бирюков в процессе раскрытия данной дистинкции понятия «значение», «смысл», «содержание» расположил в одном синонимическом ряду [1, с. 33].

В работах А.Н. Леонтьева сделан акцент на том, что в понимании взаимосвязи сознания и языка следует исходить из оценки значения как устойчивой системы обобщений. Понятие «значение» – отражение специфической формы языкового сознания, с помощью которой человек фиксирует суммированный человеческий опыт. Понятие «смысл» выражает движение от озадаченного сознания к сознанию, решившему задачу [5, с. 120].

В общем, можем сказать, что значение первично, а смысл – вторичен, если иметь в виду семантический вариант основного вопроса философии.

Понятие смысла указывает не просто на некое смысловое поле, которое по желанию субъекта можно подвергнуть концентрации на каком-либо предмете, а на свою функциональную предназначенность, т.е. любой смысл включает в себя функциональный заряд.

Значение является организующим принципом сложной деятельности сознания, это основная «единица» сознания. Возникновение мышления как относительно независимого функционирующего психического механизма освобождает сознание от решения ординарных задач, усиливая его познавательный потенциал, в процессе чего осуществляется разделение единого значения на значение и смысл, а языка – на язык и речь. Таким образом, «единицей» сознания является значение, а «единицей» мышления – смысл.

Как мы видим, смысл не является чем-то субъективно, однако часто этим оттенком его наделяют некоторые исследователи, в частности А.Р. Лурия [6, с. 53].

Подобный подход к решению проблемы смысл-значение содержит в себе ряд ошибок. Один предмет может быть наделен бесконечным числом смыслов, каждый из которых будет зависеть от широты взглядов какого-либо индивида, например, смысл «топора» не только в том, чтобы рубить что-либо, но и забивать что-либо (тупой стороной топора), резать (как ножом), а можно и использовать его как сырой продукт (всем известная каша из топора). Смысл же представляет собой такой информативный заряд в понимании сущности предмета, который будет широко известен.

Осмысление значения как предмета, наделенного некоторым именем, представляется самоочевидным, поскольку функция знака – представлять нечто, отличное от его природы, т.е. предметы, явления, процессы действительности. Знаки человеческого общения являются материальными объектами, следовательно, обладают бесконечным множеством свойств, и то конечное множество свойств, благодаря которым объект играет роль знака, называется знаковой ценностью объекта. Знаки с гетерогенной знаковой ценностью могут быть взаимозаменяемы в процессе семиозиса, а эквивалент, к которому мысленно приравниваются взаимозаменяемые знаки, и будет значением знака. Знак можно рассматривать как имя этого эквивалента. «Эквивалент не может быть отождествлен со всей совокупностью знаний, связанных для человека со знаком; последнюю мы назовем смыслом» [8, с. 44–45].

И.М. Кобозева не только четко различает данные понятия, но и показывает их трансформацию в статус терминов и концептов «наивной семиотики» [3, с. 184].

Таким образом, идея тождественности понятий смысла и значения ошибочна так же, как ошибочна идея сходства понятия и представления. Что же касается причин, по которым различают данные категории, то они носят многообразный характер. Однако все эти понятия не изолированы друг от друга и представляют собой строгую логическую цепочку, построенную человеком.

Начальное звено данной цепи является собой индивида или группу индивидов, испытывающих какую-либо потребность и желающих ее удовлетворить. В связи с этим в мышлении людей начинает формироваться представление, которое может претерпевать различные вариативные превращения, каждая из которых даст толчок к развитию параллельных логических цепочек.

На основании результатов представления, носящих чувственно-наглядный характер, складывается понятие. В отличие от представления, это уже строгая точная логическая мыслительная категория, основанная на иллюзии отрешения от реального мира. Своего рода «наглядность» понятий, часто выраженная посредством схем, моделей, диаграмм, зарисовок и др. демонстрирует нам уже будущий предмет, необходимый для удовлетворения исходной потребности индивида. Предмет – следующий шаг в удовлетворении какой-либо потребности субъекта, это результат его практической и мыслительной деятельности. Однако субъект нуждается в индексации предмета, возможности использовать его в процессе мыслительной, речевой деятельности, поэтому предмет наделяется номинацией. В целях конкретизации, обобщения и систематизации всех сведений о предмете, что необходимо для общественной практики, выявляют денотат предмета.

Смысл – очередной шаг по направлению к практической деятельности людей, ее усовершенствованию. Смысл – конкретизированное значение, акцентирующее внимание на какой-то одной или нескольких деталях (чаще всего это информация, касающаяся отличительных свойств данного предмета или его функциональной направленности), введенное в определенную мыслительную/предметную ситуацию. В процессе осмысления предмета через его значение происходит повторная индексация предмета, но уже на низшем уровне, уровне практической деятельности субъекта. Часто вторая номинация представляет собой редуцированный вариант первой.

Все эти понятия (представление, понятие, значение, смысл) носят детерминированный характер, обусловленный двумя факторами: социальным и темпоральным. Вся рассмотренная последовательность шагов направлена на усовершенствование, упрощение и обращение в массы того или иного предмета. Так, например, лестница всем известна как предмет, помогающий куда-то спуститься или подняться, что же касается сведений о ее технических характеристиках, особенностях эксплуатации и проч., то они известны значительно меньшему количеству людей, т.к. основной массе известен только смысл данного предмета, но не его значение. Темпоральный фактор связан, главным образом, с тем, что на каждом очередном временном отрезке возникают новые потребности.

Тут мы подошли к формированию термина «концепт», который вобрал в себя не только вышеназванные понятия в составе эволюционной логической цепи, но и все обуславливающие эту цепь факторы.

Рассмотрим основные этапы формирования концепта «деньги». Человек, испытывая потребность в приобретении необходимых вещей и осознавая все сложности при взаимообмене конкретными предметами, пришел к выводу о возможности замены на основании общественного договора реальных предметов условными с целью облегчения практической деятельности. Не совсем удачные варианты со временем отходили на второй план, освобождая дорогу прародителям современных денежных единиц. Деньги по своей сути все более и более совершенствовались. Вместе с предметом изменялось и его название. На сегодняшний момент предмет «деньги» приобрел стандартный внешний вид. Само это понятие – полисемантическое:

1) металлические и бумажные знаки (в докапиталистических формациях – особые товары), являющиеся мерой стоимости при купле-продаже, средством платежей и предметом накопления;

2) капитал, средства, например, большие деньги.

Естественно, данная информация известна ограниченному количеству людей. Недостачу компенсирует смысловой элемент, который используется в общественной практике: это предметы, необходимые для купли-продажи или накопления.

Представленная выше логическая эволюционная цепь, проиллюстрированная нами на конкретном примере, четко следует генезису мышле-

ния. Начальный наглядно-действенный этап мышления характеризуется возможностью наблюдать объекты окружающего мира и постигать их реальности в реальном преобразовании ситуации. Практические перцептивные действия познавательного характера являются отправной точкой для формирования последующих форм мышления. Так, при наглядно-образном мышлении отмечаем трансформацию ситуации в образ или представление. Субъект использует наглядные изображения объектов через их образные представления, при этом образ предмета предоставляет возможность реализации субстрата на базе разнородных практических операций. Постигание наглядно-образных представлений способствует увеличению круга действия практического мышления. На следующем уровне, оперируя логическими понятиями, субъект приступает к исследованию основных закономерностей и ненаблюдаемых отношений изучаемого окружающего мира. Именно на словесно-логическом уровне происходит перестройка и систематизация мира образных представлений и практических операций [7, с. 295–296].

Спорная проблема определения концепта и соотношения его с такими мыслительными категориями как представление, понятие, значение, смысл и проч. занимают достаточно большое место в исследовательской литературе. Все вышеназванные феномены ментальны по своей природе, и каждый в определённом объёме, с соответствующим инструментарием несёт свой информационную нагрузку, однако утверждение о тождестве концепта с приведёнными мыслительными категориями, предложенными различными справочными изданиями, не соответствует действительности. Наоборот, все они являются составными элементами его структуры.

Библиографический список

1. Бирюков Б.В. О методологических аспектах проблемы значения в символической логике // Проблема значения в лингвистике и логике. – М., 1963. – С. 28–35.
2. Жоль К.К. Язык как практическое сознание (философский анализ). – К.: Выща шк., 1990. – 238 с.
3. Кобозева И.М. «Смысл» и «значение» в «наивной семиотике» // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 183–186.
4. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.

5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Педагогика, 1975. – 333 с.

6. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

7. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. – М.:

Школа-Пресс, 1995. – 384 с.

8. Попович М.В. Об одном уточнении метода отношения наименования // Проблема значения в лингвистике и логике. – М., 1963. – С. 44–49.

9. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. – М.: Политиздат, 1968. – 432 с.

Р.А. Мингазова

ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОГО СЧАСТЬЯ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Г. ИБРАГИМОВА

Статья посвящена освещению женской проблемы в раннем этапе творчества талантливого татарского прозаика и публициста Г. Ибрагимова (1887–1938), в частности в романе «Судьба татарки», центральное место в котором заняли руссоистские взгляды на социальную природу женщины. Анализ романа свидетельствует, что утверждаемый Г. Ибрагимовым идеал женщины, стремящейся гармонии с окружающим миром, к естественным отношениям, исключающих социальное насилие и зло, имеет много общего со взглядами французского философа и писателя Ж.-Ж. Руссо. В статье также убедительно раскрывается сам механизм наследования руссоистских традиций, освоенных и развитых классиком татарской литературы Г. Ибрагимовым в процессе написания романа. При этом рассматривается первый вариант произведения, увидевший свет в 1910 году. Думается, что в год 120-летнего юбилея Г. Ибрагимова, данная статья будет существенным вкладом в актуальное ибрагимоведение.

Проблема эмансипации, освобождения женщины, является одной из наиболее значимых в истории татарской литературы. Её активная разработка началась писателями просветительского реализма. Более концептуальные и художественно зрелые произведения, осваивающие эту резко актуализировавшуюся тему, были созданы на рубеже XIX–XX веков. Каждый автор считал своим долгом обратить внимание общественности на политический, социальный, и духовный гнет женщины-татарки, способствовать признанию в ней равноправной личности. Большую роль в данном движении сыграли Г. Исхаки, Ф. Амирхан, Ш. Камал и другие талантливые литераторы. Особое место среди прозаических и драматических произведений, где проблема общественного положения женщины стала приоритетной, занял роман начинающего писателя Г. Ибрагимова «Судьба татарки» (1910).

Роман, опубликованный отдельной книгой в Стерлитамакской типографии «Нур» [1], сразу был замечен татарской интеллигенцией, получил высокую оценку и большой резонанс. Второе его издание датируется 1911 годом, после чего в первоначальной редакции это произведение больше не издавалось.

Лишь в 1929 году, принципиально переделанный в соответствии с требованиями соцреализма, роман «Судьба татарки» снова увидел свет. Именно этот вариант был канонизирован советской критикой, введен в читательский и научный оборот. Естественно, сейчас возникла необходимость возвратиться к его дореволюционной редакции, более глубокой и художественной полноценной.

Для широких читательских кругов это стало очевидно после публикации в 2003 году в журнале «Мирас» изначальном варианте [2]. Сразу заметна в нем широта и свобода суждений молодого писателя по вопросам эмансипации, хорошее знание жизни и философичность отличает осмысление положения татарской женщины в обществе. Занимателен сюжет романа, не лишенный авантюрно-приключенческого содержания. Наконец, новаторство Г. Ибрагимова явно взростало на хорошем знании и органичном освоении самых разных традиций: от фольклорных до литературных и мировоззренческих, где руссоистские взгляды на социальную природу женщины заняли центральное место.

Сюжет романа основан на переосмыслении распространенного среди татар байта «О семи девушках». В нем повествуется об истории семи де-

вушек, стремящихся избежать горькой участи женщины-татарки, обреченной после замужества стать рабыней доме мужа. Переодевшись мужчинами, они становятся шакирдами и учатся семь лет, рискуя в любой момент быть разоблаченными.

Необычность этой истории тесно связана на самом деле патриархальным укладом татарской жизни, где реальные события всегда готовы подтвердить поэтические обобщения. Вот и Г. Ибрагимов в своеобразном предисловии подчеркивает, что роман «Судьба татарки» отражает реальные события, свидетелем которых не раз был он сам.

Проблема женского счастья рассматривается в тесной связи с культом природы. Структурные особенности романа, его мотивы и идеи доказывают, что уже в начале писательского пути Г. Ибрагимов сумел творчески переработать те художественные открытия, у истоков которых стоял Жан-Жак Руссо.

Нельзя исключить того, что энциклопедически образованный молодой автор был знаком с трудами великого французского мыслителя, одного из основоположников сентиментализма и романтизма. Они много раз издавались в России, разошлись большими тиражами. Свою роль сыграли турецкое и русское опосредование. Г. Ибрагимов хорошо знал произведения и исследования К. Заде, Ш. Сулеймана, С. Тауфика, А. Расима, А. Хамида, Н. Кемаля, А. Мидхата, Х. Зыи, Т. Фикрата и многих других турецких авторов, ориентированных, в свою очередь, на французскую культуру. Жан-Жак Руссо в течение нескольких десятилетий был их кумиром, властителем дум и самых благородных устремлений.

Не меньшее значение Г. Ибрагимов придавал в своем писательском становлении русской литературе, особенно – творческому опыту Л. Толстого, достаточно последовательного руссоиста. Заметим, что Лев Николаевич был настроен к феминистскому движению в Европе и России второй половины XIX – начала XX веков достаточно оппозиционно. Великий гуманист, он вслед за Жан-Жак Руссо пытается оградить женщин от приобретения ими социальных, как ему кажется, мужских навыков. Л. Толстой считает, чем совершеннее женщина, тем полнее она способна раствориться в семье, в детях и муже. Любимая героиня Л. Толстого из романа-эпопеи «Война и мир» Наташа Ростова, согласно авторской концепции, только в семье обретает истинное счастье. Коротко и емко происходит констатация дан-

ного факта: «Наташе нужен был муж. Муж был дан ей. И муж дал ей семью..., все силы душевные ее были устремлены на то, чтобы служить этому мужу и семье...» [3, с. 658]. Более того, Толстой становится ярким противником подмены истинно женских идеалов, по его мнению, на мужские. Само феминистское движение считает смешным и вредным. Так, благосклонно он отнесся к героине рассказа А. Чехова «Душечка» (1899), чьим призванием становится следовать за мужем, создавать в доме уют и тепло семейного очага.

Центральная героиня романа Г. Ибрагимова «Судьба татарки» Гульбану (буквально, женщина-цветок) – образ романтизированный, но прочно связанный с национальным укладом жизни, его обычаями и культурой.

Гульбану, будучи единственной дочерью среди сыновей старика Нури и его жены Фатхия, счастливо прожила в единении с природой и родными семнадцать лет. Подробно описывает автор, следуя руссоистской традиции, гармонию естественного бытования людей.

Также естественно обучается Гульбану домашним делам. С десяти лет наводит в избе порядок, учится рукоделию. Через три-четыре года начинает ткать холст. Как и другие девушки ее возраста, готовит себе приданое, старается постичь все, что потребуется в семейной жизни. В течение четырех лет Гульбану обучается у абыстай (жены муллы) чтению, письму и простому счету. Автор специально подчеркивает, что при всей ограниченности полученных знаний, она обрела значительные сведения по воспитанию детей.

Так формируется типологически близкий и Ж.-Ж. Руссо, и Л. Толстому облик женщины, будущей жены и матери. Г. Ибрагимов в творческих установках, в проблематике романа, в художественном их разрешении четко очерчивает контекст воспринятых им традиций.

Сам Г. Ибрагимов продолжит освоение данной проблематики в романе «Молодые сердца» (1912), рассказе «Пастухи» (1913) и ряде других произведений. Идеальная героиня руссоистско-толстовского плана: созданная для любви, дома и семьи, в меру просвещенная и абсолютно естественная в связи с близостью к природе – надолго пропишется в творчестве будущего татарского классика.

Все сказанное выше, не отнимает у Гульбану ее исключительность и талантливость. Она, романтическая героиня, и должна быть, по мнению

автора, особенной – своеобразным и редким произведением искусства, созданным самой природой. При запрете шариатом музыки, замечательно играет на гармонии. Так раскрывается уникальность личности Гульбану, ее смелость, мелодичность и свет души.

Очень рано она почувствовала сладость свободы. Душа Гульбану всегда требовало чего-то большего. Но свобода обретала для нее смысл в единении с людьми и природой, в созидательном процессе. И потому, безупречно подготовленная к семейной жизни, она переживает трагедию в семье, где свободу и человеческое достоинство у нее отняли. Злая свекровь и озлобленный пьяница-муж подвергают молодую женщину постоянным унижениям. Терпение Гульбану, оставшейся в чужом доме во власти чужих людей, достигает предела.

После очередного избиения мужем, она покидает ненавистный дом и уезжает в далекий Троицк. Увы, и здесь, даже не почувствовав прелесть свободы, Гульбану вынуждена выйти замуж за 55-летнего башкира Султана, толстого и грязного развратника. После его смерти, согласно обычаям, прекрасная, полная сил женщина достается в жены 11-летнему мальчику, брату покойного. Как видим, все три замужества Гульбану были крайне неудачными.

Автор правильно подводит читателей к мысли, что виновата в этом не случайность, а законы и обычаи, по которым живет татарское общество. Абсолютная власть мужчины над женщиной, отсутствие свободы выбора младших перед волей старших ставили женщину в унижительное положение полной зависимости от мужа и свекрови. Механизм урегулирования, гармонизации мужской и женской ролей в обществе хорошо рассмотрен сегодня в исследованиях гендерных отношений, где весьма продуктивны идеи Ж.-Ж. Руссо.

Для героини Г. Ибрагимова формой протеста против косной и унижительной жизни становится теперь не побег, в его буквальном значении, а бегство от своего женского начала.

Гульбану, отрезав косы, переодевается в мужскую одежду и начинает, взяв имя Габдуллы, скитальческую жизнь. Стремление скрывать свое женское начало заставляет ее устраиваться на самую тяжелую и изнуряющую работу, требующую мужской силы. Все тяготы жизни окупают-

ся обретенной Гульбану в образе Габдуллы желанной свободой. Как мужчина-труженик она у всех на хорошем счету. Такая жизнь ей нравится, а само перевоплощение в мужчину достигает столь высокой степени, что у Гульбану появляются поклонницы. С одной из них, Нафисой, все едва не сводится к свадьбе.

Однако женское начало героини, ее духовная сила и чистота, при всей выгоде жить в облике Габдуллы, берут верх. Сказывается ее близость к природе, где любое явление, согласно руссоистским положениям, всегда остается самим собой. Естественная тоска Гульбану по родным местам, дому, где она выросла и была счастлива, по родителям. И потому, оказавшись там в качестве ямщика-постояльца, Гульбану странностью поведения и манер выдает себя. Окончательно тайное становится явным, как и в баите «О семи девушках», в бане.

Таким образом Г. Ибрагимов, вслед за Ж.-Ж. Руссо как бы говорит читателям, что женщина никогда не сможет убежать от своей природы. Быть матерью и женой – ее великая и незаменимая миссия. Вместе с тем он ярко высветил проблему социальной и духовной дискриминации женщины в татарском обществе. Автор вызывает устранить это трагическое противоречие, которое калечит судьбы многих людей. Лишь в равенстве, при всем естественном разделении социальных ролей с мужчиной, татарская женщина обретает подлинное счастье.

Во втором варианте Г. Ибрагимов резко усилил мотив социального протеста: героиня кончает жизнь самоубийством, бросаясь в воду. На наш взгляд, такой финал противоречит сущности характера Гульбану, женщины влюбленной в жизнь, в природу, следующей за ними в главных мыслях и поступках.

Библиографический список

1. *Ибрагимов Г.Г.* Судьба татарки. Роман. 1-е изд-е. – Стерлитамак: Изд-во «Нур», 1910. (на татарск. яз.)
2. *Ибрагимов Г.Г.* Судьба татарки. Роман. 1-е изд-е // *Мирас*. – 2003. – №4 (137). – С. 81–05; №5 (138). – С. 123–139. (на татарск. яз.)
3. *Толстой Л.Н.* Война и мир: Роман в четырех томах. Т. III–IV. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – 736 с. (Серия «Русская классика»).

К.Ю. Мосесова

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТОКА В «ЖЕЛТОЙ» ПРЕССЕ

Создаваемый в СМИ образ мира и времени требует активного участия читателя, зрителя, слушателя, т.е. получателя информации. Степень влияния на адресата продукции СМИ естественным образом зависит от подготовленности аудитории: «Эффект влияния СМИ в значительной мере связан с тем, до какой степени СМИ предугадывают наши собственные ожидания и подыгрывают им»¹.

Широкая «зона соучастия» неизбежно возникает в случае, если способ подачи информации содержит апелляцию к фольклорной памяти аудитории. Практика фольклорного поведения, зафиксированная в системе легко узнаваемых образов, оценочных характеристиках, представленных в корпусе афоризмов, пословиц и поговорок, отсылок к легко узнаваемым сюжетам и т.д., реализована прежде всего в публикациях «желтой прессы», а также во всевозможных теле- и радио-шоу. Апелляция к общекультурной и, в частности, к фольклорной памяти читателя и зрителя «способствует созданию у адресата длительного заинтересованного отношения к текстовому сюжету, к основным и побочным мотивам, деталям, к распознаванию в текстах «своего», «близкого», «знакомого», «трогающего за душу»².

Таким образом, получатель информации ощущает свою «коммуникативную компетентность», включенность в диалог со СМИ. Использование традиций устного творчества в процессе создания журналистского текста избавляет СМИ от необходимости осознания индивидуальности потребителя их продукции. Это как раз та ситуация, когда «адресованное всем» неизбежно находит своего получателя. При этом возможно ориентироваться на большую аудиторию с минимальным учетом ее индивидуальных характеристик – возраста, пола, образования, сферы интересов. Важно, чтобы эта аудитория имела навык восприятия устного текста, включалась в его «додумывание», равно как и в механизмы устного распространения.

Не стоит, однако, думать о том, что в сознании и речи современного обывателя сохранились многочисленные, суть традиционные фольклорные представления³. Лишь немногие паремоло-

гические жанры сохраняют свою актуальность в сознании нашего современника. И хотя СМИ достаточно активно используют в своих текстах традиционные пословицы и поговорки, анекдоты, прежде всего они апеллируют к современной устной языковой игре.

Не затрагивая серьезной проблемы возникновения и бытования речевых клише, остановимся на вопросе их функционирования в периодической печати. Отличительным свойством клише «являются их знаковая природа и воспроизводимость», при этом «воспроизводимость как формы, так и значения может быть полной и частичной»⁴. Исследователь П.А. Клубков выделяет три формы преобразования клише в устной речи: таутосемантические преобразования (По платежке протягивай ножки; Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось; Яйцами по воде писано и т.д.), преобразования в процессе реинтерпретации (аббревиатурные расшифровки разных типов: КГБ – контора глубинного бурения; реинтерпретация обычных слов как аббревиатур и т.д.), «размыкание» клише (заполнение одной из позиций созвучным словом, когда изменению формы соответствует изменение содержания: «Куй железо, пока Горбачев»)⁵.

Явление парадигматической разверстки – «размыкание» клише – достаточно подробно изучалось применительно к материалам периодики, в частности, в связи с проблемой заголовка⁶.

Однако понятие языковой игры, по мнению Е.А. Земской, может включать в себя не только преобразования клише, но и «прием рифмовки»⁷. К этому приему в расчете на запоминаемость формулировки часто прибегают авторы СМИ. Так, в качестве заголовков активно используются рифмованные фразы, претендующие на афористичность звучания: «Надоевшему члену быстро найдет итальянка замену»; «Ласковые киски меряют пиписки»; «Синьора фору дает синьору»; «Веселый до колик – в койке меланхолик»; «Как с концом не стать отцом»; «Эротические тропы довели людей до попы»; «Нет, девчата, секс анальный далеко не танец бальный» [Желтая газета. – 2007. – №37]. Рифмованный заголовок, выстроенный по законам языковой игры, имеет, как

минимум, две журналистских функции. Во-первых, фольклорно-афористическое звучание фразы отсылает читателя к другим, устным формулировкам на обозначенную тему (в нашем случае – эротическую). Тема эта в русском языке представлена во множестве иронично-циничных и откровенно похабных пассажей. Следовательно, и внимание читателя к тексту будет повышенным в силу определенного ожидания. Во-вторых, подражание, передразнивание как элементы языковой игры подразумевают снятие с себя ответственности за формулировку: так говорю / пишу не я, а народ⁸. Таким образом, автор публикации с подобным заголовком рассчитывает если не на успех, то на читательское внимание и презентует себя как соавтора народной «мудрости».

Результатом языковой игры являются и широко представленные в СМИ авторские афоризмы. В «Экспресс-газете» они выделены в отдельную рубрику под названием «Афонаризмы». Авторство в данном случае не указывается за исключением цитат из высказываний известных личностей. Принцип подборки не оговаривается, но легко прочитывается: все «афонаризмы» характеризуют разные стороны «вечного»: любви, жизни, смерти, проблем взаимоотношений полов. В основе этого неприятия остроты, призванного рассмешить читателя, заставить его повторить шутку, лежит, как правило, переосмысление слов. Приведем несколько примеров, которые отражают суть игры со словом в данном газетном жанре: «Синдром легкого недомогания развивается у молодых девушек, которых никто не домогается»; «Больше всех следят за своими фигурами шахматистки»; «– Хочешь мороженого? – Нет, я нормального хочу» [ЭГ. – 2007. – №37]; «Хороший математик каждое утро извлекает свой корень из неизвестной»; «Лучше с Петром на Майорке, чем с майором на Петровке» [ЭГ. – 2007. – №38].

По мнению исследователей и практикующих журналистов, многие издания «желтого» характера выработали системы приемов, позволяющие им апеллировать к широкому кругу читателей посредством «создания текстов, вызывающих у читателя ощущение страха, радости, хохота и т.д.»⁹. Особое состояние информационного потока, в котором «достоверный факт переплетается с недостаточно проверенным фактом, слух – с устойчивым мифом, гипотеза – с рассуждениями специалиста по аномальным проблемам» – вот главная

отличительная черта «желтых» изданий¹⁰. Ориентируясь на неприятного читателя, находящегося в оппозиции ко всему серьезному: политике, новостям бизнеса, образования и культуры – издания бульварного характера обращаются прежде всего к эмоциональной сфере адресата.

Как свидетельствуют наши наблюдения, важнейшим принципом подачи материала на страницах «желтухи» является принцип анекдота. Об этом обстоятельстве в общих словах говорилось в статьях, посвященных содержанию и качеству «желтой прессы»: «В нашей прессе, изобилующей эротикой, скандалами, чревоуещаниями колдунов и магов, уже нет места ни для сатиры, ни для юмора, ни для фельетона. Остался лишь анекдот, пошлый, как наша жизнь»¹¹.

Действительно, анекдот стал не только жанром, представленным в отдельной рубрике многих изданий («Комсомольская правда», «Желтая газета», «Экспресс-газета» и др.), но и жанрообразующим принципом многочисленных публикаций. Приспосабливаясь к уровню сознания массовой аудитории, СМИ ориентируются на анекдот как на жанр, который предполагает определенный характер подачи материала.

А.Ф. Белоусов выделяет несколько жанровых признаков анекдота, которые, на наш взгляд, делают его особенно притягательным для изданий бульварного типа: к анекдоту принято относиться как к новости, что соответствует важнейшей особенности жанра, изначально ориентировавшегося на новизну, – лишь новое и неожиданное вызывает смех; анекдот высвобождает не только из-под гнета идеологии, но и от бремени культуры; анекдот дифференцирует общество: от того, сколь оппозиционен, вульгарен или неприличен анекдотический текст, зависит его аудитория¹².

Учет этих жанровых признаков анекдота, который, по словам того же А.Ф. Белоусова, «крепко связан с массовой культурой», происходит едва ли не в каждом тексте на страницах «желтой прессы». Во-первых, и сами публикации – это, как правило, развернутый анекдот, на что указывают их заголовки: «Опоздала из-за супа»; «Отравился пловом – не приехал на передачу» и т.д. Во-вторых, внутри каждой статьи обязательно есть так называемый «анекдот из жизни», который имеет своей задачей сделать героя публикации как можно проще, «ближе к народу», т.е. к читателям. Этот анекдот рассказывает журналисту сам интервьюируемый, реже его сообщает бли-

жайшее окружения героя публикации. На сообщение анекдота героя публикации обычно подталкивает журналист. Так, в интервью с Михаилом Боярским ему был задан провоцирующий вопрос: «Неужели и про рекорд в 14 бутылок коньяка, выпитых Вами за день, тоже журналисты придумали?» Ответ Боярского как раз и содержал в себе анекдот из жизни: «Я сам не считал, цифру эту мне с восторгом сообщил мой администратор. Сказал, что впервые видит человека, который выпил такое количество коньяка. Спрашивается, зачем он мне столько его купил? Просил его кто об этом?» [Желтая газета. – 2007. – №37].

Этот анекдот косвенно высмеивает пройдоху администратора и придает самому Боярскому статус отчаянного пьяницы, что должно вполне импонировать широкому кругу читателей: от спивающегося интеллигента до домохозяйки, у которой «свой такой же». Именно этот сюжет из жизни известного артиста стал ключевым для понимания его характера, имиджа человека, презирающего светские условности, не стесняющегося своих недостатков.

Абсурдный анекдот из своей жизни сообщила в интервью «Желтой газете» ведущая «МузТВ» Лера Кудрявцева: «Однажды гаишник мне самой дал денег. Дома забыла кошелек и документы. Меня остановили, и я понимаю, что вообще ничего с собой нет. Он смотрит на меня, ухмыляется и говорит: «Денег Вам дать, что ли?» Говорю: «Давайте!» – «И что, рука не дрогнет взять?» – спрашивает. «Нет, – говорю. – Потом буду всем об этом рассказывать» [Желтая газета. – 2007. – №37]. Этот анекдот представляет собой переосмысленное клише с сюжетов о милиционерах. В традиционных анекдотах гаишник – «заведомый дурак, которому может быть приписана любая глупость»¹³. В представленном сюжете герой поступает вразрез с традиционными представлениями о поведении представителей ГИБДД: не отнимает, а дает деньги, что делает его характер еще более комичным. В то же время героиня публикации демонстрирует находчивость, остроумие и поступает как «умная дура»: берет предложенные ей деньги как доказательство весьма неординарного поведения гаишника. Посредством данного анекдотического сюжета героиня заявляет о своей оригинальности, консолидируясь с той частью читательской женской аудитории, которая ощущает свое интеллектуальное превосходство над представителями сильного пола.

Анекдот в «желтой прессе» – едва ли не основной принцип подачи политической информации. Сознательно выбирая анекдотические сюжеты, облекая материал в форму анекдота, издания заявляют о своей оппозиционности к власти, подогревая традиционные в российском обществе настроения противостояния любой власти. Противостояние это носит сугубо эмоциональный характер: оно ничем не обусловлено и не поддается логике «расшифровки».

Эмоциональное противостояние предполагаемому идеологическому давлению – вот основное содержание публикаций-анекдотов политического содержания под говорящими названиями: «Мишки портят имидж «Единой России»; «Косолапый бренд партии распоясался и совсем сбрендил» [Экспресс-газета. – 2007. – №38 (659)]. Анекдотическая ситуация в них заключается в переносе свойств дикого животного на характер партии «Единая Россия». В этом контексте сюжеты о медведях, которые нападали на людей, выглядят более чем анекдотично. В жанре анекдота выдержаны финалы публикаций, в которых говорится буквально следующее: «Разгулявшихся зверей нужно было отстреливать, но «имидж не позволяет». В результате было принято решение не убивать, а лишь поугатать сбрендивших косолапых» [Экспресс-газета. – 2007. – №38 (659)]. Естественно, что наблюдательный читатель, искушенный в жанре анекдота, легко перенесет историю с распоясавшимися медведями на характеристику партии «Единая Россия».

Таким образом, бульварная пресса активно ориентируется при построении своих публикаций на произведения, функционирующие в сфере устной словесности. Очевидно, что «желтая» пресса включена не только в информационный контекст других изданий, но и в другой информационный поток, который существует преимущественно в устном виде.

Примечания

¹ *Прозоров В.В.* Власть современной журналистики, или СМИ наяву. – Саратов, 2004. – С. 132.

² Там же. – С. 116.

³ См.: Результаты паремиологического эксперимента Г.Л. Пермякова: *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. – М., 1988. – С. 154–156.

⁴ *Клубков П.А.* «Языковые игры» и малые жанры городского фольклора // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 645.

⁵ Там же. – С. 654–660.

⁶ Губенко И.С. Крылатые выражения как важная форма газетно-фразеологических заголовков // Вопросы фразеологической и словообразовательной семантики. – Самарканд, 1998. – С. 40–45; Земская Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. – М., 1996. – С. 157–198; Князев Ю.П. Воспроизводимые сочетания в газетных заголовках // Фразеологизм и слово и системе языка. – Новгород, 1996. – С. 103–105 и др.

⁷ Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983. – С. 176–177.

⁸ Об этом: Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983. – С. 172–214; Николаева Т.М., Седакова И.А. Ценностная ориентация клише и штампов в современной русской речи // Revue des etudes slaves. – 1994. – Т. LXVI. – Fasc. 3. – С. 607–625.

⁹ Энциклопедия жизни современной российской журналистики. – М., 1998. – Т. 2. – С. 10.

¹⁰ Там же. – С. 15.

¹¹ Там же. – С. 218.

¹² Белосусов А.Ф. Современный анекдот // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 591–595.

¹³ Белосусов А.Ф. Указ. соч. – С. 584.

Т.Е. Никулина

РЯД СЛОВ ВО ГЛАВЕ С ЛЕКСЕМОЙ *СТУДЕНТ* В РЕКЕ ВРЕМЕНИ

Сейчас, когда в нашем обществе активно ставится вопрос о реформировании вузовской системы образования, представляется уместным осмыслить не только современную зарубежную образовательную систему, но и вернуться к страницам дореволюционной истории высшего образования России.

Важный путь познания прошлого, его сопоставления с современным этапом – обращение к словарям как своеобразным «копилкам» информации о мире, жизни народа, его воззрении. Попробуем проиллюстрировать это положение, обратившись к конкретному языковому материалу, – семантической группе слов, представляющей собой наименование учащихся высших учебных заведений.

Возглавляет систему интересующих нас номинаций лексема *студент*. Напомним, что первоисточником данного слова, как и многих других наименований образовательной тематики, стал латинский язык: этимологически *studens* восходит к причастию настоящего времени от глагола *studeo* ‘усердно работаю’, ‘прилежно занимаюсь’, ‘стараюсь’ [7, т. II, с. 213]. Широко употребительное в разных языках, слово *студент* в значении ‘учащийся высшего учебного заведения’ в русском языке известно, по крайней мере, с XVII века. В веке восемнадцатом это уже обычное в речевом обиходе русских слово, без семантических преобразований существующее и в наши дни.

Извлеченный из словарей разного временного среза материал дает возможность увидеть сходства и отличия в репертуаре, значениях слов исследуемой семантической группы в русском языке при постоянстве и интенсивности функционирования ключевого слова-понятия *студент*.

Посмотрим, какие номинации и в силу каких причин оказались неактуальными для носителей русского языка в реке времени.

В первую очередь представим лексему *академист*. Зафиксированная в лексикографических трудах прошлого в значении ‘ученик, воспитанник, слушатель академии’ [2, т. I, с. 8], она уже не отражена, даже с пометой ‘устаревшее», в современных толковых словарях русского языка. Между тем существование ее легко вписывается в словообразовательную модель ‘учебное заведение и тот, кто в нем обучается», которую выработал наш язык в целом для системы номинаций с общим значением ‘объект воспитания и образования’. Ср: *школа – школьник, лицей – лицеист, гимназия – гимназист, бурса – бурсак, академия – академист*.

В семантической группе с архилексемой *студент* подобные словообразовательные отношения оказались, однако, непродуктивными в истории языка. Одна из причин тому – устранение возможной омонимии. Думается, именно благодаря действию процесса омонимического от-

талкивания студента консерватории – высшего музыкального учебного заведения – не стали называть консерватором: за последним словом изначально закрепились иные значения. У Даля **консерватор** ‘боронитель, сохранитель, охранитель, охранник; кто блюдет настоящий порядок дел, управленья; противник новизны, перемен. **Консерватор** музея – хранитель, смотритель, пристав’ [2, т. II, с. 152]. В современном литературном языке значения данного слова, далекие от учебного дела, хорошо известны и не нуждаются в комментариях.

Немаловажную роль сыграли и экстралингвистические факторы, в частности, изменения в статусе некоторых учебных заведений в образовательной системе России. Прежде всего это касается истории слова **институт**. Как указывается в «Историко-этимологическом словаре» П.Я. Черных, в русском языке рассматриваемое слово в качестве наименования учебного заведения отмечено в словарях с 1806 г. [7, т. I, с. 350], однако под институтом подразумевалось ‘женское, обычно закрытое, среднее учебное заведение’ [4, с. 248]. Приведем типичный контекст: «Педагогический институт, учрежденный в Санкт-Петербурге 1803 года, есть не что иное, как учительская гимназия». **Институтками** называли воспитанниц, учениц института (в словаре Ожегова слово сопровождается пометой «устаревшее» – с. 248). Открытый в 1764 Смольный институт вначале назывался «Воспитательным обществом благородных девиц» (при Смольном монастыре).

Что же касается стран Западной Европы, то в них слово **институт** со второй половины XVIII было уже известно как наименование научного учреждения [7, т. I, с. 350]. Например, в письме к родным из Италии в 1784 г. Д.И. Фонвизин, повествуя о Болонском университете, отмечал: «...Поутру был я в славном Болонском институте. Описание его требовало б целой книги ... особливо анатомическая камера заслуживает внимания» [7, с. 350].

Можно констатировать, что впоследствии в России утверждению нового статуса института как типа высшего учебного заведения способствовала западно-европейская образовательная структура. Становление нового значения у полисеманта **институт** не вызвало актуализацию наименования учащегося по форме этого заведения (возможно, потому, что в русском языковом сознании сохранялась достаточно долго память об институтках – воспитанниц женских зак-

рытых учебных заведений дореформенного периода).

Последующая история показала, что в современном литературном языке слово **студент**, емко и точно представляя выражаемое понятие, идет с минимальным количеством слов-спутников. Пожалуй, лишь лексемы **воспитанник** – общее слово группы ‘объект воспитания и образования’ (ср.: воспитанник Московской академии), **курсант** ‘военнослужащий, обучающийся в среднем или высшем учебном заведении’ [4, с. 316] (заметим, что в словарных толкованиях XIX в. оно не зафиксировано) и **семинарист** ‘слушатель духовной академии’ (в наши дни наблюдается активизация употребления данного слова) могут быть включены в единое семантическое пространство.

В русле современных российских образовательных реформ в наших рассуждениях кажется важным проследить за семантическими трансформациями слов **бакалавр** и **магистр**, детализирующими наименование студента.

Давайте предоставим возможность лексикографическим трудам как прошлого, так и настоящего восстановить историю их жизни. Латинская по происхождению (первоначально *bakkā laureates* ‘увенчанный лавром’ [6, т. I, с. 109]), лексема **бакалавр** в словарях XIX в. определена в двух значениях: 1) получивший бакалаврство, первую степень в иноземных университетах; 2) в наших духовных академиях: адъюнкт-профессор’ [2, т. I, с. 39]. В словаре Ожегова 1992 г. рассматриваемое слово толкуется следующим образом: «В некоторых странах: ученая степень, а также лицо, имеющее эту степень (во Франции – человек, сдавший экзамен за курс средней школы)» [4, с. 34]. Применительно к сегодняшней структуре высшего образования уточненное, конкретизирующееся во времени значение слова **бакалавр** представлено уже в словарях XXI в.: 1) в ряде стран – первая ученая степень, получаемая студентом после освоения базовых программ высшего образования по завершении обычно четырехлетнего обучения; 2) во Франции и некоторых других странах – звание, присваиваемое выпускникам полной средней школы, дающее право поступления в университет [3, с. 86].

Показательно, что Далем указано одно из тех значений слова **бакалавр** – адъюнкт-профессор в наших духовных академиях, – которое относилось не к студенту, а к должности преподаватель-

ского состава высших учебных заведений России. В дореволюционной России и в Западной Европе *адъюнкт* – младшая ученая должность в некоторых научных учреждениях, а также лицо, занимающее эту должность [4, с. 19]. В современном русском языке подобное значение у слова *бакалавр* предано забвению.

В неразрывной «цепочке» с лексемой *бакалавр* идет слово *магистр*. В нашей статье мы высветим лишь те значения у данного полисеманта, которые будут связаны с образовательной тематикой. Считаем, однако, нелишним заметить, что, согласно этимологическим разысканиям, в русском языке *магистр* как исторический термин, обозначающий титул главы средневекового рыцарского или монашеского ордена, а также лицо, носящее этот титул, известно уже с древнерусской эпохи, содержание же «магистр – ученый» появляется гораздо позднее, очевидно, не ранее конца XVIII – начала XIX вв. Обе смысловые линии слова заключены в первоисточнике – латинском языке (*magister* ‘глава, вождь, правитель, начальник’ и ‘учитель’), но пришли в русский язык при немецком посредстве [7, т. I, с. 501].

Сравнение словарных толкований существительного *магистр*, связанных с идеей образования, в синхроническом и диахроническом аспекте дает основание говорить о его постепенном семантическом переосмыслении в русском языке, приспособлении к меняющимся обстоятельствам жизни, системы образования России.

В словарях XIX в. у многозначного слова *магистр* выделяется лишь одно «образовательное» значение ‘получивший ученую степень магистра, среднюю между докторской и кандидатской’ [2, т. II, с. 288]. Ср. подачу данного значения в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.: «*Магистр* 2) Имеющий ученую степень ниже докторской и выше кандидатской. Для получения степени магистра он написал весьма умную диссертацию» [5, т. I, с. 279].

«Расшифровку» подобного значения словарь конца XX в. дает в следующей редакции: «*Магистр* 2) В дореволюционной России: первая (низшая) ученая степень, дающая право на занятие университетской кафедры, а также лицо, имеющее эту степень» [4, с. 337]. К слову заметим, что известный русский филолог XIX в. Ф.И. Булаев был принят в 1846 г. в Московский университет, еще не защитив свою магистерскую диссертацию (работа по теме «О влиянии христианства на сла-

вянский язык» была защищена им в 1848 г.). Он стал внештатным («сторонним», как тогда говорили) преподавателем МГУ. Ученая степень магистра позволила ему получить должность адъюнкт-профессора, т.е. помощника профессора.

В словаре Ожегова у лексемы *магистр* зарегистрировано еще одно значение, где отражена тема образования: «1) В некоторых странах: ученая степень, средняя между бакалавром и доктором наук, а также лицо, имеющее эту степень *Магистр философии*» [4, с. 337].

«Новый словарь иностранных слов» выводит на сцену у рассматриваемого полисеманта три значения, объединенные образовательной тематикой, одно из которых актуально для сегодняшнего времени: «*Магистр* 3) в Западной Европе в Средние века – преподаватель так называемых семи свободных искусств (гуманитарных наук); 4) в ряде стран – вторая ученая степень, присуждаемая лицам, окончившим университет или приравненное к нему высшее учебное заведение и имеющим степень *бакалавра*, прошедшим дополнительный курс в течение 1–2 лет, сдавшим спецэкзамен и защитившим магистерскую диссертацию; 5) в дореволюционной России – ученая степень, присуждаемая окончившим университет, сдавшим экзамен по данной отрасли науки и защитившим диссертацию» [3, с. 369].

Словарные дефиниции лексем *бакалавр* и *магистр* по сути дела показывают, как постепенно изменялся их смысл в русском языке в связи с развитием самого процесса обучения в нашей стране, в том числе включения России в западно-европейское образовательное пространство.

Наши рассуждения о группе номинаций во главе с ключевым словом – понятием *студент* хочется завершить историей употребления той «сопутствующей» лексики, благодаря которой отчетливо проявлялось размежевание студентов по форме их обучения – платной или бесплатной – в *alma mater*. Подобно тому как в современной образовательной системе хорошо известно деление студентов, обучающихся по контракту и за счет государственного финансирования, в дореволюционной России существовала трехступенчатая градация – среди студентов выделялись *казённокоштные, своекоштные и вольнослушатели*. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля читаем: «Своекоштный ученик – на своем, или не на казенном, содержании» [2, т. IV, с. 154]; «Казённокоштный –

содержимый на счет казны, состоящий на казенном содержании, об учениках» [2, т. II, с. 75]. Разница между казенно- и своекоштными студентами по сути определялась как грань между бедными и богатыми, неимущими и имущими. Для многих обедневших дворянских семей, особенно проживающих в провинции, зачисление детей в университет с казенным содержанием было единственным способом получения высшего образования. При этом государство таким студентам предоставляло практически полный набор «прожиточного минимума»: все, начиная от одежды, книг и до писчей бумаги, перьев с перочинным ножиком, было казенным [1, с. 13]. По окончании же вуза казеннокоштные обязаны были не менее шести лет работать по распределению университетского начальства. К примеру, к числу студентов, обучающихся за казенный счет, относился Ф.И. Буслаев, о котором мы уже упоминали.

Свою особую «нишу» занимали вольнослушатели, посещавшие, как отмечал Даль, «чтения высшего учебного заведения, не поступив в студенты» [2, т. I, с. 240]. Они, получив возможность носить студенческий мундир и слушать лекции, студентами не считались: с этим званием в России был соединен известный чин, а слушатели по закону не могли иметь на него права, поскольку принадлежали к податному сословию (т.е. сословию, платившему подать, налог). Ежегодно воль-

нослушатели платили подушную подать, покупали «увольнительное свидетельство», дающее разрешение свободно проживать в городе и учиться. К податному сословию они относились до той поры, пока не выдержат окончательный экзамен.

В целом проанализированный материал продемонстрировал определенную долю вариативности языковых средств, служащих для обозначения учащихся высшего учебного заведения, при стабильности ключевого слова – понятия *студент*.

Библиографический список

1. Чурмаева Н.В. Ф.И. Буслаев. – М., 1984.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1989–1991.
3. Новый словарь иностранных слов / Под ред. Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комарова, И.В. Нечаева. – М., 2003.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1992.
5. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук: В 2 т. – М., 2001.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М., 1964–1973.
7. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М., 1994.

А.В. Смирнов

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

В группе «прилагательное + существительное» последнее играет ведущую роль, а прилагательное согласуется с ним по ряду грамматических признаков. Семантическое основание для выделения прилагательного в класс имен – это его базовая функция в системе языка, состоящая в реализации понятия качества денотата. Связь прилагательного с существительным осуществляется либо атрибутивно, либо предикативно.

Семантическое многообразие имен прилагательных создает определенные трудности для выбора универсальных оснований характеристики. Традиционно и универсально различение разрядов качественных и относительных прилагательных. Качественные прилагательные обозначают

признак предмета непосредственно, т.е. без отношения к другим предметам. Они имеют степени сравнения, от них образуются наречия, они сочетаются с наречиями меры и степени, от них образуются отвлеченные имена существительные; они образуют антонимические пары *sweet-bitter*, *soft-hard*; среди них есть слова с производными и непроизводными основами.

Относительные прилагательные указывают на признак предмета не прямо, а через отношение к другому предмету, действию, обстоятельству и т.д.

Для текстового материала репрезентирующего сказочную картину мира (во многом отличающуюся от реалистической) в динамике ее становления, актуален вопрос о соотношении вышеназванных разрядов имен прилагательных по

фиксации их в текстах разных исторических модификаций жанра сказки и по их принадлежности к тому или иному семантико-грамматическому разряду.

В сказочных текстах выделяются оценочные, параметрические и цветочные, а также одористические, вкусовые, тактильные и другие прилагательные. Некоторые из них, например, *sweet*, можно отнести как к оценочным, так и к вкусовым. Из всего многообразия прилагательных, передающих значения восприятия органов чувств, наиболее многочисленными являются цветочные.

В группе прилагательных выделены на основании общей классификации «качественные – относительные». Первые подразделены далее по конкретным семантическим признакам (оценочные, параметрические, цветообозначения). К параметрическим присоединена подгруппа «прилагательных времени» типа *early, late*.

В процессе описания имен прилагательных выявилось их относительно небольшое количество в данном типе текста.

В сказках о животных преобладают оценочные прилагательные. Их примерно в 2,8 раза больше, чем параметрических; в 3,3 раза больше, чем цветочных и вкусовых, в 9 раз больше, чем прилагательных со значением времени; в 7,4 раза больше, чем относительных. Однако в целом число оценочных прилагательных в текстах английских сказок о животных невелико по сравнению с другими модификациями жанра. Группу оценочных прилагательных можно разделить на следующие тематические группы:

– *возрастные параметры* *old, young*. Например, "Then the young girl was going on further, the old man said: "I will tell you where to seek your fortune" (*Curious cat*);

– *свойства объектов* *healthy, strong, warm, mighty, dry*. Например, "He was so strong that no one could beat him" (*The Wolf and the Hare*);

– *определения эмоциональных состояний* *happy, joyful, satisfied*. Например, "She was so happy that he promised the dog that she would go with him to his house" (*The Fox and The Dog*);

– *определения социального статуса* *poor, rich*. Например, "He was very rich and he wanted to do something for the young man who helped him" (*The Wolf and The Hare*);

– *определения черт характера* *good, brave, kind, evil, honest*. Например, "Just at the moment the girl forgot the loving things that she meant to

say, and began, "A great..." but the dog began to turn and she got fast hold of the door and was going to say "foul", when she saw how grieved the dog looked and remembered how good and kind he had been with her, so she said, "Sweeter-than-a-honey comb" (*The Honest Dog*);

– *определения моральных и интеллектуальных признаков* *clever, sincere*. Например, "The old Fox was so clever that no one could trick him in the wood" (*The Fox and The Dog*).

Группа параметрических прилагательных сказок о животных представлена определениями *мер длины* *long*. Например, "He traveled a long way to his house" (*The Wolf and The Hare*);

– *высоты* *high*. Например, "The House of the bird was on the high mountain and it was very hard to reach it" (*Curious Cat*);

– *ширины* *wide, broad*. Например, "So she wandered along the broad roads about all night and all day and could not find the way to her house and she had no one to help her" (*The Honest Dog*);

– *веса* *heavy*. Например, "The bag was so heavy that a young man helped her to carry it" (*The Golden Fish*);

– *параметрическими словами общего значения* *much, many, far, big, great, short, small*. Например, "He walked along it till he came to the great big tall house" (*The Old Woman and her Pig*).

Тематически примыкающие к ним меры времени представлены прилагательными в превосходной степени *the earliest* и *the latest*.

Цветочные прилагательные немногочисленны. Наиболее частотные – *black, white, red*, затем идут *green, brown, grey*. Например, "Then she came to the garden she saw so many red beautiful roses that she could not say a word" (*The Old Woman and her Pig*).

Примыкающие к этой группе обозначения восприятий прочих органов чувств представлены вкусовыми прилагательными *bitter* и *sweet*.

Большинство прилагательных всех разрядов составляют односложные прилагательные-основы типа *smart, good, kind*. Присутствие прилагательного-латинского заимствования *curious* можно объяснить влиянием письменной «ученой» традиции или, в более позднее время, заимствованием через французский язык.

В текстах волшебных сказок, как и в текстах сказок о животных, также преобладают оценочные прилагательные. Их больше, чем параметрических, больше, чем временных, цветочных и прочих «чувственных», а также относительных. Об-

щее число прилагательных всех прочих групп также увеличилось и стало многообразнее, чем в сказках о животных.

Увеличилось число прилагательных, обозначающих интеллектуальные и профессиональные качества субъекта *clever, bright, serious, thoughtful, sure, smart*. Например, "King Malcolm was kind and clever" (The Adventures of Jack the Giant-Killer).

Ядро группы параметрических прилагательных волшебной сказки образуют, как и в сказке о животных, слова *big, small, long, short*. Например, "They arrived at her father's house and her big bag was opened, there was all sorts of money in it" (The Green Lady).

К ним добавились обозначения направления, конфигурации *straight, fine, wide, double, round, square*. Например, "He found a long wide straight road" (Jack and The Beanstalk).

Ядро группы цветowych прилагательных составляют, как и в сказке о животных, *black* и *white*. Например, "The next day the little black thing came for the flax" (Tom Tit Tot).

Прилагательное *red* употребляется реже, чем в животной сказке. Антонимическая цветовая пара, остов палитры *black* и *white*, сохранила и даже утвердила свое центральное положение в группе. Появилась частотная пара их неполных контекстуальных и семантических синонимов *dark* и *light*. Ближе к периферии находятся цветowych прилагательные *green* и *grey*. Частотное в сказке о животных, прилагательное *red* отмечено единично в составе композита *red blood*. Например, "So he went along and he found the parson laying there with his face covered with red blood, where he'd hit his nose on the tombstone as he fell" (A Cure for a Witch).

В текстах волшебной сказки ближе к центру тематической группы цветowych прилагательных функционируют прилагательные *golden* и *silver*. Например, "The next pail she drew, the water was a little clearer but there was a silver fish in it, then she drew another one and there was a gold fish in it" (The Green Lady).

Дело в том, что в контексте волшебной сказки считать *golden* и *silver* чисто цветowymi прилагательными не правомерно, т.к. они в равной мере могут быть поняты как относительные, передающие значение сделанный из материала *gold, silver*. Например, "He called out, "Wife, bring me my golden harp" (A Cure for a Witch).

Наиболее архаические, древние тексты хранят прилагательные, передающие значения материа-

ла, а не цвета. Цветометафорические значения таких прилагательных актуализируются в контексте сказки. Типичный пример такой актуализации – в словосочетании *golden hair*. Другие относительные прилагательные волшебной сказки – *wooden, glass, woolen*. Например, "It was really cold in the wood and she would die there but for the woolen coat her mother gave her when she left the house" (Catskin).

В бытовых сказках отмечено резкое сокращение числа имен прилагательных по сравнению с текстами волшебных сказок. При этом доминирование оценочных прилагательных над прочими семантическими группами увеличивается по сравнению с текстами волшебных сказок. Качественный состав оценочных прилагательных волшебной сказки не изменился. Значительную подгруппу составляют обозначения эмоционального, интеллектуального (психического) и физического состояния человека.

Группа параметрических прилагательных бытовой сказки повторяет ядро этой семантической подгруппы сказок о животных. В нем появилось новое выразительное прилагательное *huge*, синонимами которого являются *big* и *high*. Например, "A butcher gave Jack a huge shoulder of mutton for his work" (Lazy Jack).

Происходят количественные и качественные изменения в группе цветообозначений. Она сократилась, из ее центра ушли *black, white, red*; остались *brown, dark*. Например, "So she gave her a bag and a bundle of dark clothes and sent her way; the little girl stumbled along the path and finally she stumbled against the well" (The Contrary Wife).

Семантическое описание прилагательных английской народной сказки убеждает в том, что эта часть речи находится на периферии ее языковой картины мира. Вопрос о том, почему в английской народной сказке относительно немного прилагательных, достаточно сложен. Едва ли на него возможен исчерпывающий ответ, однако некоторые объяснения имеются. Связь прилагательного с денотатом осуществляется двумя способами: либо прилагательное выступает как определение при существительном, образуя атрибутивную конструкцию, либо как предикат или часть предиката, соединяясь с существительным через глагол-связку. Признак атрибутивности/предикативности часто вводят в определение прилагательного как его основную функциональную особенность. При атрибуции признак мыслится

не отвлеченно, а в единстве со своим носителем, как внутреннее свойство предмета.

Грамматическое выражение атрибутивности отношений прилагательного и существительного согласование определения, выраженного прилагательным, с определяемым словом (существительным). Иными словами, атрибуция – указание на какой-то естественный, типичный, внутренне мотивированный, т.е. признак предмета, скорее, не признак, а свойство.

Грамматически отношениям атрибуции и предикации соответствуют две синтаксические функции, при всех чертах сходства имеющие явные отличия. Атрибуция реализуется в такой единице синтаксиса, как словосочетание «прилагательное + существительное». Предикативность – синтаксическая категория предложения.

Различение атрибуции и предикации в этом смысле соответствует двум различным отношениям языкового мышления. Его можно определить как способность, потребность различать в картине мира постоянные и переменные свойства ее объектов.

Область применения прилагательного зависит в первую очередь от объекта области денотатов –

предметов или событий, которые обладают соответствующим признаком.

Языковая картина мира английской народной сказки отличается экономичным отношением к признаковым определениям. Прилагательное в английской народной сказке используется в идентифицирующей и дифференцирующей функции. В этом смысле роль имени прилагательного в английской народной сказке сходна с ролью имени собственного, особенно – прозвищного. Поэтому наиболее частыми в народной английской сказке являются группы «прилагательное + личное (собственное) имя»: *Lazy Jack*, *The Red Ettin*.

Языковая картина мира сказки небогата существительными с сильными потенциальными валентностями, т.е. именами, обозначающими категории свойств и классы признаков предметов, отношений. Напротив, преобладают существительные со слабыми потенциальными валентностями. Поэтому образ мира народной сказки мало насыщен цветом, запахом, вкусом, представлениями о размерах, качествах, характеристиках и мерах.

Языковая картина мира, складывающаяся на основе текстов английских народных сказок, получается динамичной и малоописательной.

Л.Ю. Султанова

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В КУМЫКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Представленная статья затрагивает проблему категории времени в кумыкском и английском языке. Кроме того, рассматривается концепт «время» в данных языках.

Категория времени в кумыкском языке, как и в других кыпчакских языках, изучена недостаточно.

Темпоральные отношения представлены в кумыкском языке как в лексике, так и в морфологии. Значительное место занимает темпоральность в системе фразеологии, которая наиболее ярко проявляется в сопоставлении кумыкской фразеологии с карачаево-балкарской и азербайджанской, и в сопоставлении с русской и английской. Многие типологии русской фразеологии имеют подтверждения на материале кумыкского языка. Так, например, лексема *время* в русском языке производится от глагола со значением «вращаться, вертеться, крутиться». В этом плане интересно происхождение тюркской темпоральной лексемы *кез* «краткий отрезок времени, момент,

время», которая имеет генетическую связь с тюркским глаголом *кезмек* «крутиться, вращаться». В современном кумыкском языке этот глагол сохранился в форме *гезмек* и в значении «ходить вокруг чего-нибудь, гулять». Древнейшая сема «вращаться, вертеться» сохраняется в родственных алтайских языках, ср. монг. *хэрдэслэх* «смаывать, скручивать».

Семантическое развитие «вращать» = «время» подтверждается и на материале заимствованных ориентализмов. Так, арабское *давир* имеет в кумыкском *девиор* темпоральное значение «эпоха, эра, время». В арабском языке основа *давир* образована от глагола *давара* «крутиться, вращаться».

Ярко представлена темпоральность в системе кумыкской морфологии.

В кумыкском языке форма настоящего времени может быть применена и в плане прошлого, служа для изображения прошедших фактов как бы совершающихся в момент речи перед глазами слушателя или читателя. Такое употребление возможно лишь в широком масштабе, когда в изложении уже ясно обозначился план прошлого [1]. В этом случае форма настоящего времени выражает соотносительность со временем какого-либо события или процесса, которые произошли до момента речи: *Искал я его: спрашиваю, кричу – никто не знает. – Излечим ону, кычырдым, ахтардым – бирев де билмей*. Причастные формы кумыкского глагола также находятся в сфере временных отношений. Типология развития категории времени в составе причастий подтверждается данными других тюркских языков, в особенности огузских, имеющих с кыпчакскими языками много точек соприкосновения [2], ср. др. огуз. причастие на /-мыш, -миш/. В кумыкском языке это причастие встречается в памятниках старокумыкского языка, т.е. для современного кумыкского языка это архаизм.

Форма настоящего времени употребляется в кумыкском языке также и в значении будущего времени: *Тангала биз юртгъа барабыз. Завтра мы едем в село*. Данное предложение указывает, что говорящий, произнося слова, еще никуда не едет и не идет, а только предполагает совершить в будущем поездку или посещение. Эта форма грамматически является формой настоящего времени, в функции же будущего она употребляется тогда, когда действие считается несомненным [2].

При изучении настоящего времени глагола кумыкского языка в плане их отражения в системе видовых значений важную роль играют сопоставительные формы этого времени.

Для выражения действия данного момента употребляется сложный оборот *Муна бара тураман* «вот я собираюсь идти»:

1) процесс более длительный /многократный/ выражается сложной формой из деепричастия на *-ып* и настоящего времени глагола типа *Юрюп тура* «все время ходит»;

2) аффикс 3-го единственного числа *-дыр* в кумыкском литературном языке и в ряде других тюркских языков употребляется в качестве показателя, выражающего неуверенность, сомнение, предположение.

Глаголы в 3-м лице единственного и множественного числа фактически употребляются без

аффиксов: *Адам геле // Адамлар геле* «Люди идут» (аффикс настоящего времени).

В кумыкском языке глаголы будущего времени имеют две формы *=ажакъ*, *=ар*. Данные формы в кумыкском языке характеризуются определенной соотносительностью с моментом речи и временной конкретизацией.

Кумыкский язык характеризуется следующими формами прошедшего времени:

1) прошедшее законченное, прошедшее категорическое, обозначающее действие, совершенное сравнительно в недавнем прошлом;

2) прошедшее, настоящее или перфект. Н.К. Дмитриев, А.Н. Кононов так определяют перфект: перфект обозначает прошедшее действие, которое часто переходит в настоящее в виде результата или следствия этого по существу прошедшего факта [2]. Перфект содержит в себе два разных понятия: а) определенное действие, совершенное в прошлом (взял, прочитал) и б) определенное состояние в настоящем, которое существует как логический вывод из этого действия.

3) соотносительным временем к перфекту является давнопрошедшее, или плюсквамперфект. Оно употребляется лишь в таком контексте, который предполагает другое прошедшее, более близкое к моменту речи;

4) прошедшее незаконченное, или имперфект, обозначает прошедшее незаконченное действие, связанное с определенным моментом времени.

Категория времени в английском языке имеет многие общие черты с кумыкским глаголом. Но в то же время в нем можно отметить и свои особенности, обусловленные флексивным строем английского языка. Например, действие, выраженное длительным разрядом, мыслится как не постоянное, ограниченное во времени. Поэтому невозможно употребление этой формы для высказываний общих истин типа *Water is boiling at 100°C*, тогда как *The water is boiling, let's have tea* вполне возможно, так как здесь передается конкретное действие, происходящее в данный момент времени.

Значение длительного разряда видоизменяется в зависимости от видового характера глагола. При употреблении неопределенного глагола, характер которого согласуется с грамматическим значением формы, процесс изображается как ненаправленный к достижению предела: *You are the one who is suffering for it. The Master of this college is now lying in his lodge*. При употреблении пре-

дельного глагола видовой характер его противоречит значению формы, в результате возникает значение отсроченного предела: *The bus is coming, I said. We'll have to run for it.*

Отсроченный предел может переносить действие, обозначенное предельным глаголом в форме презенса длительного разряда, в будущее время. Это особенно характерно для глаголов движения; значение будущего может быть обусловлено систематизированным контекстом, но может вытекать и из ситуации. В предложении *When are you leaving for the South?* систематизированный контекст представлен наречием *when*. В предложении *"Are you coming into hall, Jago?" – "No, said Jago, I shall dine with my wife."* если отсечь ответное предложение, значение будущего вытекает из ситуации (члены колледжа собираются на традиционный общий обед).

Глаголы двойственного видового характера подчиняются значению формы и, следовательно, обычно выступают с предельным значением: *'Why are we wasting time?' said Francis Get liffe. What are you trying to say?'*. В силу того, что длительный разряд передает действие, ограниченное во времени, некоторые глаголы по своему лексическому значению не могут употребляться в этой форме или употребляются в ней ограниченно. Это глаголы, обозначающие признак, грамматически представленный как действие, но неспособный распадаться на отдельные этапы; эти глаголы являются глаголами не процессуальными. Наиболее характерной является группа глаголов, обозначающих объективное отношение или свойство, существующее независимо от субъекта и являющееся его постоянным признаком. Это глаголы *to belong, to consist, to contain, to possess, to resemble, to suffice, to know, to*

comprise, to conflict, to date, to seem. В нормативной грамматике в списке глаголов, не употребляемых в формах длительного разряда, обычно в первую очередь даются глаголы субъективного отношения – *to love, to hate, to like, to see, to hear*.

Однако в современной литературе эти глаголы встречаются в длительном разряде, хотя и не часто. Это своего рода стилистический прием, подчеркивающий интенсивность протекания действия в какой-то момент.

Суммируя грамматическое значение длительного разряда, можно сказать, что он передает какой-то отрезок или этап действия в его конкретно-процессуальном протекании, заполняющем данный отрезок времени [3].

Прошедшее время длительного разряда, как и настоящее время, передает протекание процесса, какого-то этапа действия в определенный отрезок времени; но точка отсчета в данном случае иная, чем в форме настоящего времени. Только прошедшее время основного разряда отсчитывается от момента речи как период, не включающий момент речи. Основной разряд прошедшего времени, как указано выше, это разряд, передающий смену действий в повествовании. Длительный разряд детализирует способ протекания, задерживаясь на определенном моменте и тем самым задерживая развитие сменяющихся действий.

Библиографический список

1. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М.; Л., 1940.
2. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – Л., 1956.
3. Новицкая Т.М., Кучин Н.Д. Практическая грамматика английского языка. – М., 1979.

Н.А. Тиботкина

«МАСКАРАДНОСТЬ» В ЛИРИКЕ САШИ ЧЕРНОГО (или мотив «одинаковости», «безликости»)

В своем стремлении глубже понять художественное произведение читатель, анализируя его, условно разлагает текст на мельчайшие, часто далее неделимые компоненты. Впоследствии выясняется важнейшее самостоятельное значение этих элементов в составе целого, изменение их смысловой составляющей в зависимости от контекста и, главное, их функционирование в произведении. Как отмечает Г.И. Романова, «на протяжении XX века в отечественном литературоведении мелкий компонент произведения называли мотивом»¹.

Понятие мотива как «феномена поэтики повествования»² трактуется современными литературоведами и исследователями крайне неоднозначно. Существует множество разных подходов к объяснению данной категории в литературоведении (семантические и дихотомические представления о мотиве А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, тематическая концепция мотива Б.В. Томашевского и В.Б. Шкловского, структурно-семантическая модель мотива Е.М. Мелетинского, интертекстуальный подход Б.М. Гаспарова, прагматический подход В.И. Тюпы и другие³).

В данной статье мы опираемся на системное представление мотива, предложенное И.В. Силантьевым: «Мотив – это а) эстетически значимая повествовательная единица; б) интертекстуальная в своем функционировании; в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях...»⁴.

Мотивная структура поэзии Саши Черного сложна и многообразна, т.к. она состоит из сатирических и лирических мотивов. На протяжении творческого пути поэта она изменялась: одни составляющие исчезали или меняли окраску, а другие входили и становились ведущими.

Рассмотрим философский мотив «одинаковости» и «безликости» человека в художественном мире поэта Саши Черного на материале его стихотворений из сборников «Сатиры» (1910), «Сатиры и лирика» (1911). Этот мотив – один из самых распространенных и концептуальных всего творчества Саши Черного. Он не только выражает негативно-сатирическое отношение поэта

к современникам, но и создает ощущение маскарада, подменившего реальную жизнь. Маска заменяет лицо, и жизнь становится чередой масок.

В современном поэту мире человек утратил индивидуальность. Лирический герой стихотворения «Все в штанах, скроенных одинаково» боится «обменяться личностью» с окружающими его людьми. Он с горечью отмечает, что «похож на улице на всякого»⁵ и совершенно не отличается от общей массы, теряясь в ней. По словам современницы Саши Черного А.Е. Колтоновской, «личности измельчали и выдохлись – сравнялись, и ими легко «обменяться»⁶.

Одним из большинства также является и герой стихотворения «Культурная работа», который целый день находится в постоянном поиске какого-нибудь интересного и нужного занятия и это называет «трудом»: «шагал от дверей до окошка», «рассматривал тупо комод», «подглядывал в щелку», «думал, курил», «злился», «ругал бездарность и ложь», «говорил о холере, добре» и т.д. Несовершенный вид глаголов прошедшего времени и кольцевая композиция стихотворения указывают на то, что действия героя длительные и протяженные во времени, а следовательно, повторяющиеся каждый день. Типичность героя подтверждают следующие строки:

Сбежались. Я тоже сбежался.

Кричали. Я тоже кричал ... (1, 42).

В данном случае наблюдается стремление «безликого» героя приобщиться к сплошной «серой» массе и желание слиться с ней.

В стихотворении «Зеркало» возникает предельно обобщенный образ «хмурого и безликого» читателя, осуждающего современные газеты и не принимающего их. Автор призывает «друга-читателя» посмотреть на себя в зеркало, чтобы тот, увидев собственное отражение, обратил внимание на свой «нищий» духовный мир:

Прочитай: в глазах-глазделках

Много ль мыслей, смеха, сердца? (1, 45)

Таким образом, внешнее неразличение и схожесть людей свидетельствуют и об их внутренней «одинаковости», «безликости» и бездуховности.

Мотив обращения к себе и поиска себя находит воплощение и в стихотворении «Вешалка для дураков», где автор рассуждает о таких категори-

ях, как ум и глупость, и показывает два типа людей: умные (мудрецы) и глупые (дураки). В контексте стихотворения эти понятия употребляются как синонимичные. Стихотворение композиционно поделено на семь частей, в каждой из которых дано описание типа дурака и его авторская характеристика, указывающая во всех случаях на важнейшую особенность натуры дураков – неосознание ими своей глупости и их уверенность в собственной интеллектуальности и одаренности. Свою несостоятельность и неполноценность они скрывают под маской умных людей. Последняя VII часть стихотворения представляет собой авторское обобщенно-философское умозаключение как некий вывод:

Пусть свистнет рак,
Пусть рыба запоет,
Пусть манна льет с небес, -
Но пусть дурак
Себя в себе найдет –
Вот чудо из чудес! (1, 94)

Одним из самых трагичных стихотворений в лирическом наследии Саши Черного является стихотворение «Опять...». Здесь мы видим нагнетание мрачных мотивов (мотив вечной повторяемости, ненужности человека в мире, «одинаковости сереньких масок», смерти, безнадежности, скуки, безысходности, страха и т.д.), которое достигает своей высшей точки, воплощаясь в мотиве сумасшествия. «Дом сумасшедших» представляет собой некую модель мира и вселенной, в которой навеки затерян человек. Огромный космос противопоставлен ничтожности человеческой жизни, и люди, находящиеся в этом «безобразном мраке», обречены на одиночество и страдания.

Если в предыдущих стихотворениях мотив «одинаковости», «безликости» человека возникал в осуждающе-разоблачающем ключе и сопровождался ироническим авторским подтекстом, то в данном стихотворении этот мотив, напротив, указывает на трагедийность человеческого бытия, потерянность человека в мире, безысходность и одиночество его существования:

В мучительной жажде надежды и красок
Выходит на улицу, ищет людей ...
Как страшно найти одинаковость масок
От гения до лошадей! (1, 41)

В сложившемся контексте представляет интерес следующее паронимическое сочетание: одинаковость – одиночество, построенное на концептуально-смысловой оппозиции, – одиночество масок, несмотря на их одинаковость.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что мотив «одинаковости», «безликости» играет одну из важнейших смыслообразующих ролей в художественной картине мира Саши Черного. Данный мотив имеет несколько семантических компонентов:

- 1) типичность, похожесть людей (масок);
- 2) общество – единая «серая» масса;
- 3) внешнее / внутреннее сходство людей, «обнищание» внутреннего мира, бездуховность персонажей;
- 4) поиск себя в себе и поиск других людей;
- 5) одинаковость – одиночество;
- 6) трагедийность человеческого бытия.

На фоне общей «серой» массы, «одинаковости» и «безликости» всех людей автор выводит множество типов героев (масок, общественных ролей), которые отличаются друг от друга лишь внешне. Это усиливает «маскарадность» происходящего и подчеркивает восприятие реальности как чего-то искусственного, театрального. В то же время пестрое разнообразие масок не способно спрятать и скрыть единую внутреннюю сущность их владельцев, еще ярче выделяя и обнажая несостоятельность и бездуховность таких персонажей.

Все типы героев, созданные в поэзии Саши Черного, объединены одним общим понятием «интеллигент», которое отражает их социальный статус, но не личностные качества⁷. Как отмечает Л.А. Евстигнеева, «он (интеллигент) принял новую фальшивую позу «мученика», человека, «уставшего» от разочарований и рухнувших надежд»⁸. Детальный портрет, описывающий и характеризующий «интеллигента», автор рисует в стихотворении «Интеллигент»:

Повернувшись спиной к обманувшей надежде
И беспомощно свесив усталый язык,
Не раздевшись, он спит в европейской одежде
И храпит, как больной паровик (1, 46).

Понятие «интеллигент» в поэзии Саши Черного многомерно и включает в себя представителей разных профессий. Поэтому оно раскрывается перед нами в полной мере посредством разоблачения масок писателя, редактора, критика, доктора, художника, бюрократа, политика, студента и многих других.

Одной из самых значимых и противоречивых является маска писателя. Это очень сложный образ, сочетающий в себе как «нищету духа», так и глубочайший трагизм мироощущения. Само-

довольство и ограниченность персонажа проявляются в стихотворении «Мухи»:

Писатель, за дверью на полке
Не видя своих сочинений,
Подумал привычно и колко:
«Отсталость!» И стал в отдаленье,
Засунувши гордые руки
В триковые стильные брюки (1, 57).

Писатель/поэт у Саша Черного абсолютно бездарен и зауряден, он творит свои «шедевры», чтобы «сшить штаны», подчиняя возвышенное искусство низко-утилитарной цели обывательской действительности. Постепенно он приходит к выводу, что «рожал словечки и слова, и рифмы к ним рожал, / И в жизнерадостных стихах, как жеребенок, ржал», а к настоящему моменту талант его иссяк. В такой трагической ситуации его больше всего заботит собственный эгоизм и честолюбие:

Иссяк. Что будет с моей популярностью? <...>
Назовет меня Пильский дешевой бездарностью,
А Вакс Калошин разбитым горшком...

(1, 84, «Переутомление»).

В стихотворении «Бездарность» «уникальная» писательница, талантливый мастер прозы и поэзии во всех жанрах, рассказывает читателю о процессе своего художественного творчества:

Я несложный путь избрала,
Цех мой прост, как огурец:
«Оглавление – начало,
Продолжение – конец» (1, 348).

Во всех приведенных стихотворениях образ писателя сатиричен и крайне гиперболизирован, автор высмеивает его самонадеянность, бездарность, ничтожество и бездуховность.

Разоблачение маски художника происходит в стихотворении «Трагедия» (1, 225), где изображается «гениальный» художник Минога, ищущий себя в творчестве и открывший «новый путь» в искусстве – рисование «босой ногой».

«Цепной барбос у храма Славы» (1, 106, «CRITICUS») – маска критика, вся деятельность которого заключена в «расправлении» с произведениями искусства и «привешивании пломб с низкой пробой».

Маска доктора встречается в стихотворениях «Искатель» (1, 38), «Мухи» (1, 57), «В гостях» (1, 72), «Лаборант и медички» (1, 74–75) и других. В «Городской сказке» (1, 70–71) перед читателем предстает маска медсестры-«мадонны», которую так называет герой Фаддей Симеонович Смяткин, влюбившийся в нее «жестoko и сразу». Но «дева

с душою бездонной» оказывается пустой, холодной, бездушной эгоисткой, сформированной обыденностью реального мира, лишенной романтики и поэзии, в котором все светлое и возвышенное растоптано и опошлено.

В стихотворении «Там внутри» (1, 116) маску политика невольно снимает со своего отца ребенок, обнаруживший в «папкином» кабинете труды, которые тот «пишет день и ночь». Названия составленных документов говорят сами за себя: «О совместном обученье, как вреднейшей из затей», «Краткий список книг для чтения для кухаркиных детей», «О значении наград», «Черновик проекта школы государственных детей», «Поощрение младенцев, доносящих на отцов», «Апология плетей» и другие.

Таким образом, все разоблаченные перед читателем маски являют собой «одинаковость» «безликих» людей, лишенных внутренней духовности, пустых, ничтожных и пошлых.

Примечания

¹ Романова Г.И. Мотив денег в русской литературе XIX века: Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2006. – С. 9.

² Силантьев И.В. Поэтика мотива. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 9.

³ См.: Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Едиториал УРСС, 2004; Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2006; Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 2001; Шкловский В.Б. О теории прозы. – М.: Советский писатель, 1983; Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М.: РГГУ, 1994; Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. – М.: Наука, 1994; Тмарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы: В 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Академия, 2004.

⁴ Силантьев И.В. Указ. соч. – С. 96.

⁵ Черный Саша. Улыбки и гримасы. Избранное: В 2 т. – М.: Локид, 2000. – Т. 1. – С. 39. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.

⁶ Колтоновская А.Е. Новая сатира // Сибирская жизнь. – 1910. – С. 195.

⁷ См. Брызгалова Е.Н. Русская сатира и юмористика начала XX века: Учебное пособие. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 147.

⁸ Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирик» и поэты-сатириканы. – М.: Наука, 1968. – С. 174.

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИИ В ПОСТРОЕНИИ СЮЖЕТА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА (на материале романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом»)

Словом «сюжет» обозначается цепь событий, воссозданная в литературном произведении, «жизнь персонажей в ее пространственно-временных изменениях, в сменяющих друг друга положениях и обстоятельствах» [3, с. 233].

Особенности развития сюжета в художественном произведении во многом зависят от жанровой принадлежности текста. Для исторического романа характерен такой сюжет, в котором используется несколько событийных рядов, связанных с судьбой разных лиц. Создавая исторический роман, писатель оценивает реальные факты и события. Героями исторического романа являются как вымышленные персонажи, так и реальные исторические деятели. Давая характеристику исторических деятелей, автор выделяет те черты их личности, которые повлияли на ход самой истории и определили развитие сюжета в произведении. Одним из ведущих языковых средств создания сюжета в историческом романе является фразеология.

Рассмотрим роль фразеологии в создании сюжета исторического романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом».

ФЕ играют ключевую роль в развитии сюжета романа «Ледяной дом». Как правило, они употребляются на самых важных этапах повествования: в начале произведения, когда автор знакомит читателя с героями и дает им характеристику; в переломных, кульминационных событиях в судьбе персонажей и в финале произведения. Например: *«В то время, когда рабелепная чернь падала пред общим кумиром и лобызала холодный помок капища, обрызганный кровью жертв; когда железный уровень беспрестанно наводился над Россиею, один Волынский, со своими друзьями не склонял пред ним благородного чела»*. Метафорическое выражение *не склонял пред ним благородного чела* (ср. с ФЕ *склонять голову* – ‘признавать себя побежденным, сдаваться’) вводит читателя в курс событий. Непокорность Волынского, его ненависть к Бирону, угнетающему русский народ, является причиной их вражды и определяет завязку действия в романе.

Каждый из персонажей имеет свою сюжетную линию. С помощью фразеологии автор характеризует поступки героев романа, черты их личности, которые определяют развитие сюжета в произведении. В романе «Ледяной дом» Артемий Петрович Волынский – центральный персонаж, реальное историческое лицо, кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны. Свое предназначение и жизненную позицию этот персонаж определяет следующим образом: *«Я русский боярин, не скоморох. Ты сам знаешь, что я друзьям и себе дал слово идти против чужеземного нашествия и его предводителя. В этом я поклялся перед образом Спасителя, – мне достался крест по жеребью – я опоясался им, как мечом; я крестоносец, и если изменю клятве своей, наступлю на распятие сына Божия!»*. Здесь ФЕ *дал слово* и ее лексический синоним *покаялся* характеризуют Волынского как человека, уверенного в себе и своих силах, готового к борьбе с врагом. Необходимо отметить в контексте аллюзию *достался крест по жеребью* на ФЕ *нести крест* (‘терпеливо переносить страдания, испытания’) и ФЕ *выпал жребий* (‘кому-либо досталась определенная участь’). Лексема *крестоносец* создает образ человека, жертвующего собой во имя добра и справедливости.

Одним из основных и постоянных конфликтов в историческом романе является столкновение сильной и самоотверженной личности со злом и несправедливостью в окружающем мире. Главный герой произведения, жертвующий своими интересами, положением, свободой и даже жизнью ради достижения высоких и благородных идеалов, противопоставляется отрицательным персонажам. Как правило, ими являются правящие тираны и деспоты. В центре исторического романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом» борьба двух фаворитов императрицы Анны Иоанновны. Для того чтобы погубить соперника, Бирон использует в качестве оружия чувства Волынского к молдаванской княжне. Происходит столкновение социального и любовного конфликтов. См.: *«Впрочем, и то сказать, шила в мешке не утаишь. И так знаем, что брат Артемий вовсе*

потерял голову. Стал труслив, как заяц, не за себя – о! он до этого не дошел и не дойдет, уверен в этом; но, сберегая честь и спокойствие молдаванки, дает над собой верх Бирону, попускает злейшему врагу России грабить ее и губить. Бедный Артемий! Всегда сам был первый в заговоре против времени, лез из кожи вон, как скоро кто против его замыслов, хоть глаза выцарапать, а теперь готов в попятную. Ясно и верно, как дважды два – четыре, что участь нашего друга держится на одной цепочке с тайною молдаванки». В данной фразеологической конфигурации ряд фразеологизмов с процессуальным значением (*потерял голову, дает над собой верх*) отражает случившиеся перемены в жизни Волынского и судьбе государства (поражение кабинет-министра, торжество Бирона). Устойчивые обороты *лез из кожи вон* ('усердствовал, старался изо всех сил') и *готов в попятную* (ср. с узальной ФЕ *на попятную идти* – 'отступать от своего решения, соглашаясь с кем-либо') образуют смысловую оппозицию и раскрывают внутренний разлад героя, его борьбу с самим собою. Развязкой действия является трагическая смерть Волынского.

Следует отметить, что фразеологизмы, занимают ключевые позиции в романе «Ледяной дом» (выносятся писателем в названия глав романа), знаменуя определенные этапы в продвижении сюжета. Так, например, одна из глав произведения, названная автором «*Черная кошка*», отражает поведение *барской барыни*. Ненависть и желание отомстить бывшему хозяину заставляют Подачкину совершить подлый поступок. Она рассказывает Волынской об измене ее мужа. На протяжении всей главы ФЕ *черная кошка пробежала* повторяется несколько раз, подвергаясь различным трансформациям. См.: «*Вгляделась пристально госпожа Волынская: а! это бывшая ее барская барыня – черная кошка, которая должна была пробежать ей чрез дорогу*». Оборот *черная кошка, которая должна была пробежать ей чрез дорогу* характеризует начало действий *барской барыни*, оказавшейся на пути у Волынской. Предикат в составе фразеологизма (*должна была пробежать*) в форме несовершенного вида усиливает семантику незавершенности действия, так как значение ФЕ затем конкретизируется в ходе развития сюжета. Ср.: «*Черная кошка не только пробежала чрез дорогу Волынской, она вцепилась в грудь ее, скребет*

ей сердце, душит ее». Данная развернутая метафора, образованная с помощью контаминации ФЕ *черная кошка пробежала* ('произошла ссора, размолвка между кем-либо') и *кошки скребут на сердце* ('кому-либо грустно, тоскливо'), раскрывает поведение барской барыни, обобщая характеристику ее действий. Кроме того, ФЕ *черная кошка пробежала* является центральным звеном градационного ряда, образуемого глаголами *вцепилась, скребет, душит*. Каждая из данных лексем способствует раскрытию смысла последующей, в результате чего формируется смысловое содержание текстового фрагмента. Такой художественный прием позволяет автору романа создать представление об усилении интенсивности действий персонажа и передать нарастающую напряженность.

Одним из важнейших компонентов текста является его заглавие. Находясь вне основной части текста, оно занимает абсолютно сильную позицию в нем. Заглавие – «это компрессированное, нераскрытое содержание текста» [2, с. 133]. Исторический роман, рассказывающий об эпохе правления императрицы Анны Иоанновны, неслучайно был назван автором «*Ледяной дом*». Это выражение употребляется в произведении не только в прямом значении: 'дом, построенный из льда', но и в переносном: 'обитель вечного сна, покоя'. Этот метафорический оборот воссоздает образ Петербурга, холодного и раболепно-строного. Являясь сквозным образом текста, данное выражение играет текстообразующую роль в произведении. Завязкой действия в романе является пожелание государыни «построить ледяной дворец». Вскоре ледяной дом становится одним из мест борьбы кабинет-министра и герцога курляндского; в стенах здания происходит последнее свидание Волынского и его возлюбленной. В финале произведения с образом ледяного дома прямо связаны мотивы смерти и разрушения. После окончательной победы Бирона Волынского и его друзей ждет казнь. См.: «*Ледяной дом рухнул; уцелевшие льдины развезены по погребам. В доме Волынского, прежде столь шумном и веселом, был ветер*». После смерти Волынского и его сподвижников рушится и ледяной дворец. Повторяясь несколько раз и занимая в тексте сильную позицию (заглавие романа), оборот *ледяной дом* становится символом губительной идеи безграничной власти, лишаящей человека свободы и «живой жизни»

и обезличивающей его. В контексте романа оборот *ледяной дом* приобретает функцию сквозного символа, ассоциируясь с ФЕ *карточный домик, строить воздушные замки*, объединяющихся с ним смысловым содержанием, которое можно передать формулировкой 'шаткость, ненадежность, призрачность создаваемой жизненной опоры, оплота'.

Проведенный анализ роли фразеологии в построении сюжета романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом» позволил выявить особенности ее сюжетообразующего функционирования, обусловленные тем, что фразеология активно участвует в создании сюжетных линий персонажей, ха-

рактеризует поступки героев, определяющие развитие сюжета произведения, служит раскрытию основных конфликтов, способствует изображению динамики характеров, мировосприятия персонажей.

Библиографический список

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – М., 1998.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
3. Хализев В.Е. Теория литературы: Учеб. – М., 2000.

А.З. Хаймурзина

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

В данной статье перед нами стоит задача рассмотреть существующие классификации, чтобы определить свои критерии для выявления различных типов парцеллированных конструкций. В связи с этим, нам представляется необходимым проанализировать их структурные характеристики, определить какие возможные связи могут устанавливаться в различных типах парцеллированных конструкций, выделить собственную классификацию типов парцеллированных конструкций и на ее основе выделить присущие им семантические характеристики.

Под парцеллированными конструкциями мы понимаем такие конструкции, состоящие из базовой части и одного или нескольких парцеллятов, которые отделены разделительной паузой, обозначаемой на письме знаком точки, вопросительным, восклицательным знаком и многоточием и служат развертыванию одного «семантического ядра».

Перед исследователями на протяжении нескольких десятилетий стоит проблема системного представления всего многообразия проявления парцелляции, рассмотрение данного явления в различных ракурсах. Результатом этого явилось появление различных классификаций, каждая из которых отражает один из возможных аспектов исследования явления. Одна из первых классификаций парцелляции была разработана и предложена Ю.В. Ванниковым¹. Ю.В. Ванников разграничивает явление парцелляции по характеру связи, подвергшейся разрыву: парцелляция, связанная с разрывом экстенциональных связей структуры предложения; парцелляция, связанная с разрывом интенциональных связей структуры предложения.

По признаку наличия или отсутствия корреляции (взаимного соответствия, взаимосвязи языковых элементов) между элементами основной и дополнительной частями Г.А. Вейхман² выделяет следующие типы парцеллированных конструкций (далее ПК): с полной корреляцией (совпадением дополнительного элемента с каким-то элементом основной части); с частичной корреляцией; с нулевой корреляцией.

По характеру идентификации обособленной синтагмы в ее синтаксической соотнесенности со строем исходного предложения А.А. Андриевская³ разграничивает парцеллированные конструкции, в которых обособленная синтагма является: «оторванным» членом предшествующего предложения, в котором соответствующая функция остается «вакантной»; уточняющим членом, который «дублирует» член исходного предложения; сегментированным членом; приложением, аппозицией; присоединительной конструкцией.

Изучение парцеллированных конструкций в настоящее время продолжается. Некоторые лингвисты (Ж.Е. Петрашевская, Л.В. Рачковская, Т.Г. Сербина, М.А. Ханутин) рассматривают

парцеллированные конструкции: а) с учетом структурных особенностей парцеллятов, а именно их количества, позиции, синтаксического и морфологического состава; б) в зависимости от синтаксической функции парцеллята в структурной схеме предложения, лежащего в основе высказывания.

Согласно функциональной характеристике парцеллированных конструкций выделяют: а) ПК волюнтарного типа; б) ПК персуазивного типа; в) ПК имплицитивного типа; г) ПК импрессивного типа.

Каждая из представленных классификаций охватывает только один аспект рассмотрения парцеллированных конструкций, характеризует различные подходы к явлению парцелляции. Таким образом, основные вопросы изучения парцелляции касаются рассмотрения семантических отношений внутри конструкции, типов связей, количественного признака парцеллятов и степени удаленности составных частей ПК. Не претендуя на универсальность предлагаемой нами классификации ПК, мы учитываем те же принципы в процессе определения типов связи, устанавливаемых между базовой частью и парцеллятом. Учет семантических характеристик ПК позволяет выделить определенные структурно-семантические связи. Таким образом, наши наблюдения в процессе исследования позволяют нам выделить три типа структурно-семантических связей, устанавливаемых между базовой частью и парцеллятом в ПК, а именно: **собственно-структурные связи; несобственно-структурные связи; смешанные типы связей.**

При собственно-структурных связях в структурно-семантическом отношении парцеллят не имеет аналога в базовой части. В этом случае специально выделенный парцеллят характеризует информационно более напряженный, наиболее важный с авторской точки зрения, участок предложения, на котором автор намеренно старается акцентировать внимание читателя. Парцеллят не имеет каких-либо **видимых** семантических соотношений с элементами базовой части, не повторяет, не перефразирует информацию, заключенную в базовой части. Парцеллят в этом случае называет новое событие, новое явление, выполняет функцию распространяющего сообщения, в котором заключен новый коммуникативный центр, параллельный коммуникативному центру базовой части. Парцеллят передает относительно самостоятельное сообщение по отношению к информации, переданной в базовой

части. Например: *You have to acknowledge it. Only not just now, just not tonight.* (FW, 23).

Под несобственно-структурными связями в нашей работе понимаются семантические связи, устанавливаемые между базовой частью и парцеллятом на основе законов семантического сходства, которое рассматривается в работах Н.А. Шехтмана на материале лексических единиц, Н.М. Осветимской на материале фразеологических единиц. Под семантическим сходством понимается связь, при установлении которой между составными частями ПК создается смысловое единство высказывания. В семантическом отношении парцеллят реализует возможность максимального варьирования способов наименования, которые, как нам представляется, можно установить, определив тип несобственно-структурных связей. Согласно нашим наблюдениям между базовой частью и парцеллятом устанавливаются три типа отношений, в основе которых лежит принцип семантического сходства: **1) семантическое дублирование; 2) семантическая интерпретация; 3) семантическая конкретизация.**

1. Первый тип связи – **семантическое дублирование** – детерминирован смысловым повтором.

В результате исследования нами был выявлен неоднородный характер повтора в рамках парцеллированной конструкции. Как показывает наш исследовательский материал, структура повтора в конструкции при семантическом дублировании может быть представлена тремя типами: а) полный повтор; б) частичный повтор; в) синонимический повтор.

Полный повтор. Например: *And I know what I'd rather spend my time on any day. Any day* (JG, 32).

Данный тип ПК характеризуется тем, что парцеллят как дополнительный источник информации повторяет полностью определенный фрагмент базовой части ПК. Элемент базовой части и парцеллят оказываются эквивалентными по морфологической и лексической форме.

Частичный повтор. Частичный повтор мы интерпретируем как:

а) Повтор определенного фрагмента базовой части с добавлением в парцелляте слова-интенсификатора (к таким словам можно отнести *very, too, really, especially* и т.д., а также использование прилагательного или наречия в сравнительной или превосходной степени). Например: *He is an important man. A very important man* (GH, 136).

За счет повтора в этом случае в смысловом плане между базовой частью и парцеллятом создается определенная общность значения. Характерной чертой такого повтора, в отличие от повтора первого типа является то, что ограничение объема понятия, заключенного в элементе базовой части сопровождается структурным расширением парцеллята за счет добавления к идентично-повторяемому в парцелляте элементу базовой части нового элемента, в результате которого происходит усиление интенсивности повтора.

б) Повтор определенного фрагмента базовой части с развернутой качественной уточняющей характеристикой. В этом случае повтор получает наиболее широкое семантическое развертывание в отличие от частичного повтора со словом интенсификатором, что указывает на большую степень ослабления признака в парцелляте за счет внесения дополнительной информации и, следовательно, на большую экспрессивность данного типа. Например: *Just my mother making sandwiches for everyone. Ham sandwiches in greaseproof paper, and hard-boiled eggs with a black line around the yolks* (HD, 23).

Синонимический повтор. Сущность синонимического повтора заключается в том, что в парцелляте приводится контекстуальный синоним определенного фрагмента базовой части с уточняющей характеристикой. Например: *It's marvelous. Wonderful. New. Never better* (KP, 34).

При синонимическом повторе, когда одна и та же мысль передается с помощью как языковых, так и контекстуальных синонимов, происходит усиление интенсивности признака в парцелляте. В связи с этим мы определяем базовую часть как нейтральный синоним, парцеллят, в свою очередь, как экспрессивную часть ПК.

2. Второй тип связи – **семантическая интерпретация**. Семантическая интерпретация трактуется как одно из отношений, устанавливаемых наиболее регулярно языковыми единицами в потоке речи как один из способов актуализации информации, в основе которого лежит не прямое название действия, состояния, а косвенное указание на них посредством других лексических единиц.

При семантической интерпретации можно проследить как развертывание информации базовой части в парцелляте, так и ее свертывание, т.е. в первом случае наблюдается движение от общего (базовая часть), которое в дальнейшем получает свое развитие в конкретном (парцелля-

те), во втором – происходит движение от частного в базовой части к общему в парцелляте. Рассмотрим на примерах: *They brought her a basket full of flowers. Her favorite vinous roses*. (KP, 45).

В этом случае парцеллят перефразирует смысл, заложенный в базовой части при помощи более конкретных лексических единиц.

Two kids and the glory of motherhood, that's what she's ... doing..... Women's priorities. (JG, 20).

Во втором случае информация получает в парцелляте обобщенное представление.

3. Третий тип несобственно-структурный связей – **семантическая конкретизация**. В основе семантической конкретизации лежит принцип развертывания информационной наполняемости базовой части в парцелляте.

В результате анализа исследовательского материала мы определили, что семантическую конкретизацию в парцелляте получают местоимения, которые реализуют обобщенное обозначение ситуации в базовой части и получают конкретное представление и уточнение в парцелляте. Например: *What she'd really been wanting was more humiliating still. Some kind of sign, some kind of a compliment. An invitation for tonight*. (JG, 33).

Широкое значение слов *that, something, what* и т.д. позволяет им выступать в качестве обобщающего компонента, который получает дальнейшее развертывание в парцелляте. В смысловом плане подобные слова в силу своей «обобщенности» и даже абстрактности, требуют развертывания в словах более конкретной семантики.

4. На основе исследовательского материала, мы определили, что в рамках одной ПК могут устанавливаться как собственно-структурные, так и несобственно-структурные связи. Данный тип связей мы обозначили как **смешанный**, под которым мы понимаем соединение частей ПК посредством собственно-структурной связи и одного из подтипов несобственно-структурной связи. Таким образом, мы выделили следующие комбинации смешанных связей, общие типы развертывания для всех видов многозвенных ПК:

– *Собственно-структурные связи + семантическое дублирование*.

а) собственно-структурные связи + полный повтор: *The suffering was genuine enough, but like a mother emerging from twilight sleep, I am left. With an expression that nothing much happened. Nothing much happened* (EW, 54);

б) собственно-структурные связи + частичный повтор: *Most of the time I thought. About how awful the next day would be. Very awful* (EW, 52);

с) Собственно-структурные связи + семантическая интерпретация. Например: *They had this absolutely satisfactory house and garden. And friends – modern thrilling friends. Writers and painters and poets or people keen on social questions – just the kind of friends they wanted* (KM, 20).

– Собственно-структурные связи + семантическая конкретизация: *She will be somebody. A musician, a writer, a painter, even a protesting playwright. Like her mother's side.* (FW, 35).

Таким образом, на основе проведенного анализа, нам представляется возможным определить ПК, как конструкции, обладающие единой семантической структурой, в рамках которой смысл парцеллята, оторванного от базовой части, не

может быть адекватно понят без ее участия. Лишь в непосредственной связи с базовой частью парцеллята может выполняться определенные функции: дополнять, уточнять, пояснять, конкретизировать содержание базовой части, а также привносить в высказывание значимые стилистические и эмоционально-субъективные оттенки высказывания.

Примечания

¹ Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. – М.: «Русский язык», 1978. – С. 23.

² Вейхман А.С. Структурные модели разговорного английского языка. – М., 1969. – С. 54.

³ Андриевская А.А. Явление «сепаратизации» в стилистическом синтаксисе французской художественной прозы // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1963. – №3. – С. 61–67.

А.В. Яковлева

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВ, НАЗЫВАЮЩИХ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ, В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Для комплексного анализа лексико-семантической группы, каковой являются и слова, объединённые социологическим термином «профессия», важную роль играет раскрытие словообразовательных особенностей составляющих её лексем. Исследование словообразовательного аспекта лексики даёт возможность более тщательного изучения её семантики, так как каждая морфема несёт на себе определённую смысловую нагрузку, формируя тем самым семантику всего слова. Также небезынтересным будет наблюдение за частотностью, регулярностью использования тех или иных аффиксов, участвующих в словообразовании данной лексики. При проведении словообразовательного и морфемного анализов слов, называющих лиц по профессии, выявляется ряд важных их особенностей.

Мы рассмотрим лишь часть слов, называющих лиц по их профессиональной принадлежности, образованных в русском языке по русским словообразовательным моделям. Проанализировав списки современных наименований профессий [1; 4; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12], мы выделили 384 лек-

сические единицы, соответствующие данному требованию.

Следует оговориться, что некоторые названия профессий состоят из одного слова (*закройщик, швея*), назовём их простыми, другая же часть представляет собой словосочетания (*бурильщик морского бурения скважин, изготовитель художественных изделий из металла*), включающие в свой состав два и более слов, такие наименования обозначим как составные. В рамках данной работы нас будут интересовать простые наименования, а также главные слова составных наименований (*бурильщик морского бурения скважин*: главное слово – *бурильщик*).

Прежде всего обращает на себя внимание то, что слова, называющие лиц по профессии, всегда производные, мотивированные. На это указывает их семантическая и формальная сложность. На уровне семантики данная лексика включает в себе осложняющий компонент значения: название людей по профессиональной принадлежности. Этот компонент находит своё формальное выражение в используемых при словообразовании аффиксах. Производящая же осно-

ва несёт на себе ключевое значение для понимания слова, называя тот или иной предмет окружающего мира, какое-либо действие. J. Jaunes отмечал: «Поскольку срок нашей жизни позволяет нам увидеть лишь малую часть необозримой истории, мы привыкли думать, что язык неизблем, как гранитная скала, вместо того чтобы видеть в нём бурное море метафор (чем он на самом деле и является)» [16]. Чтобы понять значение слова, расшифровать «метафору», необходимо учитывать семантику каждого его компонента.

Анализируя производящие основы рассматриваемых слов, мы приходим к выводу, что большая их часть, 52% от общего числа исследуемых слов, является глагольными, остальные же – именными. Этот факт можно объяснить тем, что, выполняя свои обязанности в рамках той или иной профессии, человек выполняет какие-либо действия, их названия и ложатся в основу слов-наименований лиц по профессии: *вальцевать* → *вальцовщик*, *гравировать* → *гравёр* и т.д. Слова, имеющие именные основы, образованы только от имен существительных, производящих основ других частей речи в рассматриваемых лексемах, образованных суффиксальным способом не обнаружено. Это, вероятно, связано с тем, что при наименовании лиц по профессии важно либо производимое работником действие (отглагольные образования), либо место, орудие действия. Названия данных атрибутов профессиональной деятельности представлены именами существительными.

Отглагольные дериваты образуются преимущественно от переходных глаголов, так как профессиональные действия предполагают объект, требующий каких-либо изменений, на который и должны быть направлены данные действия. Причём иногда указание на объект присутствует в самом слове (*делопроизводитель*, *сталеплавильщик*). Словообразование отглагольных наименований происходит с помощью суффиксов: -щик/-чик- (*закройщик*, *обработчик*), -ник- (*отделочник*), -тель- (*учитель*, *водитель*), -арь- (*пекарь*), -ец- (*продавец*, *ловец*) -ач- (*ткач*), -ок- (*стрелок*), -ух- (*пастух*), а также с помощью нулевого суффикса (*сторож*). Наиболее регулярными из них являются форманты: -чик/-щик- (обнаружено 95 примеров использования данного суффикса в отглагольных наименованиях), -тель- (13 примеров), -ник- (4 примера). Слова с прочими суффиксами единичны.

Интересно также заметить, что некоторые из перечисленных формантов (-щик/-чик-, -тель-) имеют омонимы. Если суффиксы присоединяются к глагольной основе, имеющей значение действия, которое может производить человек, то в этом случае образовавшееся слово имеет значения лица, и далее – если для выполнения данного действия требуется определённая профессиональная подготовка, образование, то слово может называть человека по профессии. А в случае, если обозначаемое основой действие человек выполнить не может, то слово приобретает значение предпостности (*испаритель*, *излучатель*).

Отыменные образования включают в свой состав суффиксы: -ник- (*чертёжник*, *помощник*), -чик/-щик- (*аппаратчик*, *доменик*), -ист- (*машинист*, *раклист*), -арь- (*фонотекарь*, *библиотекарь*) -ак- (*рыбак*), -ир- (*кассир*). Интересно возникновение и строение слова *кочегар*. По мнению М. Фасмера [15], оно произошло по диссимилиации из **кочергар* от *кочерга*. На основании чего становится возможным выделить современную диссимилированную основу *кочег-* и формант -ар-, который в настоящее время является непродуктивным и нерегулярным. Также нерегулярен и непродуктивен формант -юх- в слове *конюх*. Форманты -чик/-щик-, -ник- в настоящее время являются наиболее регулярными. Суффикс -чик/-щик- используется в 57 отыменных наименованиях, -ник- – в 11 таких словах.

Наименования лиц по профессии, имеющие именную основу, указывают, как отмечает Е.А. Земская, на «активное воздействие на предмет», не обозначая самого действия, процесса, а лишь выражая «отношение к названному базовой основой объекту действия» [2].

Среди слов, называющих лиц по профессии, занесённых в утверждённый Министерством труда РФ перечень профессий, встречаются слова типа *горничная*, *швея* и проч. Они интересны тем, что формально относятся к женскому роду, в отличие от подавляющего большинства наименований людей по профессии, которые формально имеют грамматические признаки существительных мужского рода (*дефектоскопист*, *инженер*, *врач*, *портной* и т.д.). Использование аффиксов со значением женскости в указанной группе слов объясняется тем, что изначально представителями определённых профессий были исключительно женщины. Такие слова образуются от глагольных и от именных основ. В отглагольных наимено-

нованиях обнаруживаются суффиксы: -щиц- (*фасовщица, вышивальщица, мойщица*), -ж- (*швея*); в отыменных: -ш- (*кастелянша, маникюрша*), -ниц- (*кружевница*), -щиц- (*ковровщица*), -к- (*модистка, санитарка*).

В XIX веке большинство профессий принадлежало только мужчинам. В такой ситуации одного слова, обычно мужского рода, было достаточно, чтобы обозначить соответствующее лицо. Существенные перемены в статусе женщин и их утверждение в таких ранее исключительно «мужских» сферах профессиональной деятельности, как бизнес, производство товаров и услуг, военная служба, политическая деятельность и прочих, требуют адекватного отражения в языке посредством создания соответствующих наименований. В последнее время любая профессия становится практически равно доступной для представителей обоих полов. Свидетельством этого является наличие в литературном языке вариантных названий: *вышивальщица* – *вышивальщик*, – указывающих на одну и ту же профессию, учитывая пол специалиста, а также активное использование в разговорной речи наименований лиц по профессии с суффиксами женскости (*учительница, кондукторша* и т.д.).

При образовании слов, называющих лиц по профессии, регулярны форманты -вод-, -вед-. Вслед за Е.А. Земской, которая считает, что образные с помощью этих средств слова «входят в особую зону словообразования, пограничную между словосложением и аффиксацией» [2], будем относить эти и схожие словообразовательные элементы к особому виду формантов-аффиксоидов.

Исконно русским является аффиксоид -вод-, вычленившийся из устаревшего слова *водить* в значении «держат, разводить домашних животных» [5], близкий по семантике современному слову *разводить*. Он сочетается с наименованиями животных и растений, формируя значение: человек, который на профессиональном уровне занимается разведением сельскохозяйственных и прочих животных или растений (*оленьевод, пчеловод, собаковод*). Также этот аффиксоид может присоединяться к основам слов, обозначающих неодушевленные предметы, являющиеся необходимым атрибутом деятельности лица, как в слове *счетовод*. Данный формант регулярен в словообразовании лексем, называющих лиц по профессии. В перечнях профессий используется 16 слов

с этим аффиксоидом. Но продуктивность его снижается, так как в последнее время снижались темпы развития сельского хозяйства. Также можно указать ещё одну важную причину спада продуктивности этого форманта: слова, использующие аффиксоид -вод- вытесняются из обихода заимствованными словами, которые воспринимаются носителями как наиболее модные, престижные (*фермер*).

Менее регулярным в образовании интересующих нас слов является аффиксоид -вед- (2 примера: *охотовед, товаровед*), который «соотносится с устарелым глаголом *ведать*» [2], то есть «знать, управлять» [5]. Присоединяется он к основам слов, называющих объект, на который направлена деятельность человека (*товаровед* – лицо, которое контролирует и регулирует товарооборот организации). Как можно заметить, рассмотренные два аффиксоида имеют глагольную производящую основу, поэтому добавляют к семантике дериватов значение процессуальности.

Также редко при наименовании лиц по профессии используется формант -вар-. В списках профессий, зафиксировано только три слова, образованных с его помощью: *клеевар, пивовар* и *эмульсовар*. Как видно, эти слова состоят из двух частей с соединительной гласной на стыке основ. Первая основа субстантивная, называет объект действия. Вторая часть -вар- образована от глагола *варить* в значении «подвергать обработке кипячением, изготавливать при помощи кипячения, плавления» [5], привнося в слово семантику процессуальности. То есть наименования лиц по профессии, образованные таким образом, имеют значение «работник, воздействующий на какой-либо объект кипячением, плавлением».

По похожей модели образуются слова с формантом -лаз- (*водолаз*). Он сопоставим с глаголом *лазить*, имеющим значение «карабкась, взбираться, подниматься, проникать куда-нибудь» [5], но обозначает действие, «совершающееся не в одно время, не за один приём или не в одном направлении» [5]. Указанный элемент семантики форманта добавляет значение процессуальности и регулярности процесса всему деривату. Первая часть таких слов содержит основу неодушевленного существительного, именуемого средой или объектом, которые использует называемый человек для передвижения.

Также встречаются аффиксоиды с значением процессуальности: -дел- (*сыродел*), -дув- (*стек-*

лодув), -тёс- (*камнетёс*), -тёр- (*полотёр*), но они недостаточно продуктивны. Слова с данными формантами образуются по моделям, аналогичным уже рассмотренным: первая, субстантивная, основа (основа неодушевленного существительного) указывает на объект действия, вторая, глагольная, основа называет само действие.

С помощью аффиксоидов образовано 24 лексические единицы рассматриваемой группы наименований.

Кроме суффиксации при образовании слов, называющих лиц по профессии, активно используются различные виды сложных способов: сложение производящих слов (*аппаратчик-оператор*, *оптик-механик*, *секретарь-референт*), сложение основ с суффиксацией (*делопроизводитель*, *электросталеплавильщик*), сложение основ с первым неизменяемым компонентом (*киномеханик*, *фототекарь*).

Способ сложения различных типов активно используется в последнее время (особенно с включением иноязычных основ), вследствие того что наука и техника имеют достаточно высокие темпы развития, становится необходимым указание на отрасль, чёткое очертывание сферы применения имеющихся у человека профессиональных знаний, умений, навыков. Такие образования составляют 33% от общего числа анализируемых слов. Активизация употребления заимствованных из других языков элементов объясняется не только веяниями моды, но главным образом, тем, что язык науки и техники – это, прежде всего, международный язык терминов, имеющий в основном иноязычные корни (латинские, греческие), заимствованные русским языком напрямую или через языки-посредники.

Интересно название, образованное сложением двух производящих слов, – *секретарь-машинистка*. В нём только вторая часть имеет аффикс со значением лица женского пола, причём её производящая основа *машинист*, имеет семантику, резко отличающуюся от семантики слова *машинистка* («лицо, профессионально занимающееся машинописью» [5]): «механик, управляющий транспортной или другой самодвижущейся машиной, механическим устройством» или «специалист по вождению поездов» [5]. Поэтому словообразовательным формантом в данном случае целесообразно считать сочетание двух суффиксов -истк-.

Кроме аффиксальных и сложных образований в группе слов, называющих лиц по профессии,

встречаются примеры субстантивации: *дежурный*, *горновой*, *портной*, *пожарный*, *рабочий* и т.д. Такие лексемы могут иметь глагольную и именную основу. Также как и дериваты, образованные аффиксальным способом, отглагольные субстантивированные слова включают процессуальный элемент значения – действие, характерное для данного лица (*дежурный* – *дежурить*), а отыменные называют объект деятельности человека, не называя самого действия (*горновой* – *горн*). Данный способ словообразования при наименовании лиц по профессиональной принадлежности достаточно редок – с его помощью образовано около 3% выделенных нами слов. Наибольшее распространение получил аффиксальный способ.

С помощью субстантивации образуются наименования лиц по профессии, обладающие формальными признаками женского рода (*горничная*). Но наиболее продуктивным и регулярным является способ суффиксации. Вообще, стоит отметить, что использование формантов со значением женскости – это стиливая черта разговорной речи, в книжной речи примеры таких слов исключительны, единичны (*ткачиха*, *маникюрша*).

Лексико-семантическим способом образовано наименование *медицинская сестра*. Исходное слово *сестра* отражает родственные связи: «дочь тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям» [5]. Получив новое значение профессиональной принадлежности человека к медицинской сфере, слово *сестра* отражает нежное, трепетное отношение пациентов к персоналу, осуществляющему уход за больными. Формально данное слово относится к женскому роду, так как на момент появления наименования профессии медицинская сестра её представителями были в основном женщины. Функционируя в качестве термина, словосочетание медицинская сестра обладает признаками общего рода, но в профессиональном употреблении возникло вариантное наименование, учитывающее пол специалиста, – *медицинский брат*.

Наш язык находится в постоянном развитии, чутко реагируя на любые изменения в экономической, социальной, культурной жизни страны и каждого его носителя. Это относится и к словообразовательной сфере языка, в основном к образованию имен лиц, так как «человек называет прежде всего себя и лишь во вторую очередь своих любимцев века НТР – механизмы, науки

и под.» [2]. Мы отследили основные особенности и тенденции словообразования лексики, называющей людей по профессии, в современном русском языке и пришли к выводу, что большинство таких лексических единиц составляют отыменные и отглагольные суффиксальные образования, достаточно регулярны в настоящее время сложные слова, встречается субстантивация. Велико количество заимствованных основ, причём наблюдается чёткая тенденция к пополнению их состава за счёт англо-американских включений.

Библиографический список

1. Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих. – М., 2006.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.
3. Новый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих. – М., 2006.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
5. Перечень приоритетных профессий рабочих и служащих, овладение которыми даёт инвалидам наибольшую возможность быть конкурентоспособными на региональных рынках труда, к постановлению Министерства труда РФ от 8 сентября 1993 г. № 150.
6. Перечень профессий и должностей работников, обеспечивающих движение поездов, подлежащих обязательным предварительным, при поступлении на работу, и периодическим медицинским осмотрам. Утверждён постановлением Правительства РФ от 8 сентября 1999 г. № 1020.
7. Перечень профессий начального профессионального образования, получение которых в форме экстерната не допускается. Утверждён постановлением Правительства РФ от 26 октября 2000 г. № 823.
8. Письмо Министерства образования и науки РФ от 21 июня 2006 г. № 03 – 1508 «О перечне профессий (специальностей) общеобразовательных учреждений».
9. Письмо Министерства образования РФ от 21 мая 2001 г. № 511/13 – 13 «О перечне профессий для общеобразовательных учреждений».
10. Приказ Министерства образования и науки РФ от 12 апреля 2005 г. № 112 «Об утверждении перечня специальностей среднего профессионального образования».
11. Приказ об утверждении перечней видов работ, профессий, должностей, на которых могут быть заняты граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, и организаций, где предусматривается прохождение альтернативной гражданской службы от 12 апреля 2006 г. № 286.
12. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера / Перев. и доп. О.Н. Трубачева. – М., 1964.
13. Jaynes J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. 1976.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Никулина Т.Е. **ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА: МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 021700 (031001.65) «ФИЛОЛОГИЯ»** / Рец. Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ, 2007. – 43 с. – Библиогр.: с. 38–40.

Методические рекомендации, предназначенные для студентов-филологов II–III курсов как очной, так и заочной формы обучения, включают тематику практических занятий и методический комментарий к ним, домашние контрольные работы, образец комплексного анализа фрагмента древнерусского текста, вопросы к экзамену, список учебной литературы.

ИСТОРИЯ

Н.О. Блейх

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ НАУКИ В КУЛЬТУРНОМ ОСВОЕНИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА (XVIII ВЕК) (историографический аспект)

Историю становления научно-просветительской мысли народов Северного Кавказа невозможно представить в отрыве от предшествующего этапа развития отечественной науки, вне ценного интеллектуального наследия, оставленного дореволюционными исследователями.

К началу XVIII века кавказоведение уже располагало некоторыми историко-этнографическими сведениями. В течение многих веков разнообразный материал о Кавказе и горах накапливался в летописях, исторических исследованиях, в хронографах, в описаниях путешествий, в географических обзорах, в официальных актах, донесениях, памятниках законодательства и суда и даже в произведениях художественной литературы различных стран, народов, эпох.

Первые упоминания о Кавказе мы находим в сочинениях греческих и римских писателей, в русских летописях и в грузинских источниках. В их отрывочных, далеко не полных, а иногда противоречивых сведениях имеется немало ярких фактов из истории народов, проживающих на Северном Кавказе.

Начиная с XIII столетия и до XVIII века, историю северокавказцев наиболее полно отражают труды западноевропейских путешественников. За этот период в крае побывали доминиканский миссионер Юлиан (1231 г.), французский монах Вильгельм де Рубрук (1253 г.) и итальянец Плано Карпини (1246 г.), венецианский дворянин и дипломат Иосафат Барбаро (1436–1462 гг.) и другие [9].

В их трудах содержатся интересные сведения о быте и хозяйственных занятиях горцев, о социальных отношениях, нравах, обычаях и религиозных верованиях. Многое в быту и жизни горских народов оставалось непонятным для этих авторов, но материалы, основанные на их личных наблюдениях, представляют определенную ценность для изучения древней истории Северного Кавказа.

Начиная с XVI века, в связи с ростом опасности ирано-турецкой агрессии и по мере прибли-

жения русских границ к Кавказу, все теснее становятся экономические, политические, дипломатические связи России с народами Кавказа. Русские источники – летописи и дипломатические документы стали играть все большую роль в описании кавказских народов. Эти документы дают материал о расселении кавказцев, их жизни и быта. Особенность этих источников, – ярко выраженная тенденциозность, так как составлялись они по поручению тех или других государственных или религиозных учреждений, а авторы их руководствовались, прежде всего, практическими соображениями. Например, ценные в научном отношении сведения об Осетии и осетинах первой половины XVIII века сообщает грузинский историк Вахушти [2]. Он пишет о расселении осетин конца XVII и начала XVIII столетий, дает первую в осетиноведческой литературе указанного периода характеристику социально-экономического строя в Осетии, приводит множество исторических фактов о борьбе осетин с монголами, о разгроме их Тимуром и бегстве в горы Центрального Кавказа. Грузинский историк повествует о захвате равнинных областей, принадлежащих Осетии, пришлыми адыгами (кабардинцами – Н.Б.) [1].

Исследования российских ученых отличались сравнительно-историческим подходом, они не только описывали отдельный народ, но и сравнивали некоторые области его культуры и быта с другими народами. Более последовательный и интенсивный характер кавказоведению придавали экспедиции русской Академии наук, организованные во второй половине XVIII в. с целью «изучения естественных и производительных сил Кавказа» [5, с. 324]. Но они были нечастыми. Систематическое изучение Северного Кавказа и его народов российскими учеными стало возможным только после добровольного вхождения горских обществ в Российскую империю и с дальнейшим развитием русско-кавказских отношений. Тем более что период присоединения северокавказского региона к России как раз совпал

с невиданным прежде развитием культуры русского народа, с подъемом прогрессивной общественно-просветительской мысли, оказавших благотворное влияние на все стороны жизни народов Северного Кавказа – социально-экономическую, общественно-политическую и культурную. Во многом этому способствовали и мероприятия российского правительства, заинтересованного в накоплении экономических и политических знаний о Кавказе, занимавшем важное положение в военно-стратегическом отношении.

Изучение кавказских народов в этот период шло параллельно с изучением всей страны. Передовые русские образованные люди: М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, С.П. Крашенинников и другие провозгласили лозунгом эпохи – «знать своё отечество во всех его пределах, знать промыслы граждан и подвластных народов, знать обычаи их, веру, содержание и в чем состоит богатство их, также места, в коих они живут, с кем пограничны» [8, с. 87].

Большую роль в формировании и развитии кавказоведения сыграли научные экспедиции, организованные Российской Академией наук во второй половине XVIII века. Участники этих экспедиций проводили геологические изыскания, определяли уровень развития отдельных отраслей сельского хозяйства и т.д.

Экспедиции ботаника-академика Самуила Готлиба Гмелина (1768–1774 гг.), врача и естествоиспытателя, академика Иоганна-Антон Гюльденштедта (1768–1775 гг.), врача, естествоиспытателя, академика Петра-Симона Палласа (1768–1775 гг.) обследовали многие районы Кавказа [4; 6]. Ученые-академики путешествовали в тяжелых условиях, связанных с финансовыми и продовольственными затруднениями. Они надолго были оторваны от главного научного центра и испытывали недоверие со стороны коренных жителей, но, несмотря на это, их сведения расширили знания по истории и этнографии кавказского народа.

Заслуга Гюльденштедта и Палласа заключается в том, что они положили начало «лингвистическому изучению Кавказа и лингвистической классификации кавказских народов» [7, с. 234], поэтому их публикации до сих пор остаются заслуживающими внимания источниками для изучения многих сторон жизни и быта горцев.

В исследовании И.Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», являющемся первым сводным трудом о народах

России, содержится и характеристика кавказских народов. Автор в этой части своей работы опирался на материалы И.А. Гюльденштедта. При этом он не ограничивался их изложением, а постарался заново осмыслить и обобщить их. Характеризуя общественный строй осетин, И.Г. Георги отмечал, что горцы «имеют у себя князьков и дворянство», которые «весьма небогаты» [3, с. 67].

Во второй половине XVIII века был организован ряд геологических экспедиций в Северную Осетию. Данные, добытые участниками этих экспедиций С. Вонявиным (1768 г.) и А. Батыревым (1774 г.), имели большое научное значение. Помимо выявления рудных месторождений, задачей этих экспедиций был и сбор различного рода материалов об осетинах (в частности, выяснение уровня их экономического развития, их отношения к России). В этой связи С. Вонявин отмечал, что осетины «с крайнею охотою желают выйти из гор для поселения на степь Малой Кабарды и быть под покровительством Российского двора», подчеркивал, что к переселению на равнину осетин вынуждает «претрудная их жизнь в хлебопашестве и скотоводстве по горам». По его мнению, передача осетинам части равнинных земель не только благотворно скажется на их жизни, но и послужит упрочению русско-осетинских отношений. Большое внимание В. Вонявин уделял вопросу о развитии просвещения в Осетии. Он считал необходимым присутствие в Моздоке или в осетинском монастыре «ученой должности персоны, дабы выходящие из гор бедные смыслом в законе могли как в духовном, так и в светском поучаться и через то к Российской стороне склониться». В материалах В. Вонявина и А. Батырева содержится немало сведений о социальном устройстве осетинских обществ, о взаимоотношениях осетин с Кабардой и Грузией [1, с. 14–15].

Изучением различных сторон жизни осетинских обществ занималась и Осетинская духовная комиссия. Из числа документов, составленных её членами, особый интерес представляют описание нравов и обычаев осетин, составленное протопопом И. Болгарским.

В развернутую российским правительством деятельность по исследованию Кавказа были вовлечены и кадровые офицеры, которым, в частности, было поручено выявление путей сообщения между северными и южными его областями. Большую научную ценность представляет «Дневник путешествия из пограничной крепости Моз-

док во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году» русского офицера Л.Л. Штедера. В противовес многим авторам Штедер хорошо знает жизнь горцев. «Они, — отмечал исследователь, — склонны к работе, в особенности женщины постоянно заняты. Они заботятся обо всей одежде, о домашнем хозяйстве, о жатве, сборе плодов, дровах и тому подобных работах. Мужчины, напротив, занимаются седельной сбруей, обработкой земли, пахотой, ремеслом кузнеца, каменщика и строителя, приготовлением пороха, выделкой из кожи ремней и обуви, охотой и войной» [13, с. 213].

Характеризуя общественно-политическую жизнь горцев, Л. Штедер отмечал у них политическую раздробленность. Он одним из первых рассказал о восстании в Дигории — важнейшем событии истории крестьянского движения в Осетии.

Сведения о горских народностях встречаются в сочинении Я. Рейнегса «Общее историко-топографическое описание Кавказа» [12, с. 87]. Он собрал большое количество сведений о населении края, его занятиях, промыслах, быте, культуре, памятниках материальной культуры. Автор обращает внимание на то, что в религиозных верованиях горцев присутствует синкретизм.

Эти сведения, собранные Л. Штедером и Я. Рейнегсом являются самыми ранними до сих пор известными в литературе письменными известиями о классовой борьбе осетин. Но разносторонний и интересный материал, представленный авторами в их записках, требует строгого критического подхода. Потому что они были представителями царской администрации, прежде всего исполнявшими её волю и выражали чаще всего интересы колониальной политики русского самодержавия и его ставленников на местах.

Определенный вклад в решение вопроса о происхождении осетинского народа внесли видные ученые Г.Ф. Миллер и И.О. Потоцкий. Независимо друг от друга оба они пришли к одинаковому выводу, что аланы-ясы средневековых авторов являются предками осетин [7, с. 21].

Ценные работы об адыгах оставили русские офицеры Г.В. Новицкий и Ф.Ф. Торнау, написавшие «Воспоминания кавказского офицера», напечатанные в «Русском вестнике» в 1864 году, в которых имеется богатый фактический материал. К.Ф. Сталь составил «Этнографический очерк черкесского народа», появившийся в «Кавказском сборнике». Особо следует отметить серьез-

ные исследования С.М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» и Ф. Леонтовича «Адаты кавказских горцев», которые и сегодня служат источником сведений о Кавказе [10, с. 335–336].

Заслугой вышеназванных и многих других русских ученых явилось организованное и тщательное изучение народов Кавказа под непосредственным воздействием русской науки. Их деятельность во многом способствовала установлению в российском обществе объективного взгляда на горские народы Северного Кавказа, на их историю и культуру, развитию передовой кавказской культуры и научно-просветительской мысли, повышению национального самосознания северокавказских народов и укреплению дружбы и братства между русским и кавказскими народами. Под их непосредственным наблюдением с конца XIX века началось изучение Северного Кавказа местными учеными, которые занимались записью и систематизацией фольклора, описанием личных наблюдений, созданием грамматик родного языка; передовая русская наука имела решающее значение для развития письменности горских народов.

Итак, на рубеже XVIII — в начале XIX столетий началось систематическое изучение русской наукой северокавказского региона и населяющих его народов. Рост кавказоведческих знаний в России в данный период не был чисто академическим процессом, он отражал гораздо более глубокие основы русской жизни. Это явление было предопределено тем историческим фоном, на котором протекало развитие русского кавказоведения.

С одной стороны, рост кавказоведческих знаний диктовался практической необходимостью, обусловленной российской экспансией на Северном Кавказе; с другой стороны, уже с 20-х годов XIX века в русском обществе отмечается широкий общественный интерес к Кавказу, который не был лишен некоторого налета романтизма, столь характерного для умонастроений европейского общества начала XIX столетия. Кавказ представлялся сказочной, удивительной страной, полной тайн и загадок. Туда, на Кавказ, в поисках смерти или славы устремлялись все непонятые, отвергнутые, мятущиеся души, лишние люди, герои того времени; «кавказская» литература, представленная романтическими стихами А. Пушкина, М. Лермонтова, повестями А. Бестужева-

Марлинского, В. Нарезного и других, оставила ярчайший след в истории русской словесности.

Длительная, почти полувековая Кавказская война тоже послужила сильнейшим фактором, формировавшим общественное мнение в России. Одна часть общества привыкла смотреть на горцев как на врагов, фанатиков, не понимающих благ мирной жизни под сенью великой державы; другая часть общества восхищалась самоотверженной борьбой горцев за свободу.

Вот на фоне таких достаточно противоречивых тенденций русской общественной мысли развивалось и русское кавказоведение. Им уже к середине XIX столетия был накоплен определенный историко-этнографический материал о Северном Кавказе и народах, проживающих на нем, различный по качеству и объему, разбросанный в многочисленных источниках, опубликованный нередко на иностранных языках. Это, естественно, затрудняло их использование в науке, задерживало популяризацию через общедоступную литературу. И тем не менее, основные проблемы кавказоведения намечались. Исследователи приходили к определенным, хотя не всегда правильным выводам, делали важные обобщения, служащие в ряде случаев отправными пунктами для будущих кавказоведов-историков, лингвистов, этнографов. Так рос интерес к истории северокавказского края, обусловленный особенностями эпохи и развитием общественно-просветительской мысли в России в XIX веке.

Библиографический список

1. *Васильева Л.М.* Проблемы истории Осетии в русской науке XIX века. – Орджоникидзе, 1975.
2. *Вахушти.* География Грузии // Записки КОИРГО. Кн. XXIV. Вып. 5. – Тифлис, 1904.
3. *Георги И.О.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также из житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. – СПб., 1776–1777. – Ч. I–III.
4. *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств естества. 4 части. – СПб., 1771–1785.
5. *Гнучева В.Ф.* Материалы для истории экспедиции Академии наук в XVIII и XIX веках, хронологические обзоры и описание архивных материалов АН СССР // Труды архива. Вып. 44. – М.; Л., 1940.
6. *Гюльденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказу в 1770, 1772, 1773 годах. – СПб., 1809.
7. *Кокеев Г.А.* Осетины во II половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера. – Орджоникидзе, 1940.
8. *Крашенинников С.П.* Неопубликованное предисловие к «Описанию земли Камчатки» // Крашенинников С.П. Описание Камчатки. – М.; Л., 1949.
9. *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – СПб., 1893. – Т. 1; 1904. – Т. 2.
10. Очерки истории Адыгеи. – Майкоп, 1957.
11. *Паллас П.С.* Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 годах // Осетия глазами русских и иностранных путешественников. – Орджоникидзе, 1967.
12. *Рейнеггс Я.* Общее историко-топографическое описание Кавказа // Осетия глазами русских и иностранных путешественников. – Орджоникидзе, 1967.
13. *Штедер Л.* Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году // Осетия глазами русских и иностранных путешественников. – Орджоникидзе, 1967.

КУЛЬТУРА МАВЕРАННАХРА В XVII–XVIII ВВ.

В статье рассказывается о культуре Мавераннахра в XVII–XVIII вв. Автор показывает влияние исторических событий, происходящих при династии Аштарханидов, на культуру народов Средней Азии. Особое внимание уделено поэзии и развитию философской мысли.

В настоящее время в условиях стабилизации положения в стране мы наблюдаем возрождение российской культуры. Процессы, происходящие в обществе, оказывают прямое воздействие на развитие культуры. Цель данной работы – показать, как засилье духовенства в XVII–XVIII вв. повлияло на развитие демократических тенденций в культуре распадающегося Мавераннахра.

Период господства азиатской династии Аштарханидов (XVII–XVIII вв.) характерен переходом от централизованного государства к трем самостоятельным ханствам – Хивинскому ханству, Кокандскому ханству и Бухарскому эмирату. Практически центральная власть была в это время номинальной. Формально она существовала, были ханы, соответствующие учреждения и государственные должности, налоги, повинности, но они являлись ширмой, за которой шла ожесточенная кровавая борьба между отдельными феодальными группами, связанными этнической и родственной общностью, отдельными племенами за господство в Мавераннахре (так арабы называли междуречье Амударьи и Сырдарьи, составляющее в настоящее время значительную часть Средней Азии).

Безусловно, все это оказывало влияние на культуру Мавераннахра, в которой в эпоху Аштарханидов наблюдался глубокий спад по сравнению с предыдущими веками. Средняя Азия потеряла свои древние культурные и экономические связи, перестала быть генератором идей, отторгая передовые идеи и изгоняя носителей демократических прогрессивных культурных тенденций. Прочное утверждение господства ислама в его самой воинствующей, непримиримой, фанатической форме, насаждавшей мракобесие, темноту, безграмотность и отсталость, привело к застою в духовной жизни, и тьма средневекового невежества покрыла на долгие века ее города и кишлаки.

Духовная жизнь народа находилась под неуспешным наблюдением мусульманского духовенства, которое требовало неукоснительного сле-

дования религиозным догмам и беспрекословного соблюдения различного рода обрядов. Через влиятельных шейхов дервишских или суфийских орденов распространялись всевозможные суеверия, которые должны были держать народ в страхе и повиновении, уничтожать всякую попытку реалистического самостоятельного и независимого мышления. Религия требовала каяться перед аллахом в своих грехах и искренним раскаянием испрашивать у него прощения в день страшного суда. Путеводителем в жизни должна была стать молитва, а всякая живая мысль расценивалась как «греховный огонь», ведущий к разврату, безбожию и распутству. Суфийские ханжи, распространяя утверждения о своих таинственных связях с аллахом, убеждали народ в необходимости вести аскетический образ жизни, периодически испрашивая у бога прощения за грехи.

Они уничтожили все достижения искусства. Теперь на пирах и празднествах вместо песен слышались возгласы «благочестивых» молитв, вместо заздравных остроумных тостов звучали слова: «Нет бога, кроме аллаха!» и вместо звуков флейт и красивых мелодий певцов звучали заунывные суры Корана. Установилась самая суровая тишина дервишей и суфиев.

Точные и естественные науки были изгнаны полностью. Место блестящей школы астрономов заняли астрологи, которые составляли для ханов благоприятные гороскопы. Математика, бывшая гордостью народов Средней Азии, свелась к развитию начатков геометрии и чисто прикладным функциям для решения бытовых задач, в области естествознания господствовали фантастические сказки о несуществующих животных и растениях. Теологи и богословы стали центральными фигурами в научной жизни Мавераннахра.

Террористический диктат духовенства в духовной жизни Мавераннахра сказался и в литературе. Преобладающими мотивами в этот период являлись религиозно-мистические тенденции, пессимизм и спиритизм. Господствующее положение занимала придворная поэзия с ее феодальными и мистическо-философскими тенденция-

ми. Типичным для того времени можно считать четверостишие одного из поэтов:

О ты, бросающий венец на (головы) людей,
Руководящих истинной верой,
В твоём море одна капля является океаном волн,
Подобно блистанию утреннего света во мраке ночи,
Вселенная нуждается в блеске свечи твоего лица

[6, с. 73].

В Европе за 100 лет до Аштарханидов началось великое гуманистическое движение, начатое Томасом Мором и Эразмом Роттердамским. Наиболее последовательные просветители XVIII в. – великие французские материалисты Ламетри, Дидро, Гельвеций, Гольбах – доходили в своих взглядах до открытого атеизма. Поток блестящих произведений и идей хлынул в общественно-политическую жизнь, сметая устои феодализма, а вместе с ними христианские догматы. Раскрепощённая человеческая мысль выдвинула гениальных философов, художников и писателей, произведения которых пережили века. Творчество Рабле (1494–1553 гг.), Сервантеса (1547–1616 гг.), Шекспира (1564–1616 гг.), Вольтера (1694–1778 гг.), Веласкеса (1599–1660 гг.), Рембрандта (1606–1669 гг.) и многих других вошли в золотую сокровищницу человеческой культуры, подготовив интеллектуально и политически Нидерландскую, Английскую и Французскую революции.

Были и в Средней Азии свои мыслители и поэты демократического направления, быть может, меньшего масштаба, но для Средней Азии имевшие поистине историческое значение. Если в Европе демократическое просветительское движение представляло собой мощную волну, сметавшую все религиозные предрассудки, то в Средней Азии представители демократической мысли, к сожалению, выглядели как отдельные островки в огромном океане мусульманского фанатизма. Но в этом и заключалось их безграничное мужество.

Известно, что в Бухаре в начале XVIII в. проживало множество блестящих поэтов, отличавшихся не только поэтическим дарованием, но и высокой нравственностью и человеческим достоинством. Из них особо выделялся и пользовался наибольшей популярностью мулла Сайид, которого провозгласили «князем на троне поэтов Бухары».

Но не талант и блестящие стихи, написанные Мухаммаси (псевдоним поэта), вызывали уважение к нему всей Бухары, а его гордый независимый характер и стремление держаться дальше от сильных мира сего. Он не стал придворным по-

этом и не домогался должностей и подачек из ханских рук. Проживая в маленькой каморке – балахане мечети Надир диванбеги тагат, не стремился, как пишет автор «Убайдулла-намэ», посещать дома эмиров и ханский дворец, довольствуясь тем куском хлеба, который приходился на его долю.

Таковыми же были и мулла Фитрат из Самарканды, которого за остроумие и красноречие, обширные знания и тонкий вкус называли «прирожденным Платоном», и поэт мулла Мулхам, газели которого сравнивали с драгоценным жемчугом и который тоже не искал симпатий ханов.

Поэтов называют душой и сердцем народа. Если это так, то такую оценку более всех заслужили два выдающихся поэта узбекского народа этой эпохи – Машраб и Турды. В творчестве Машраба (1657–1711 гг.), – настоящее его имя Бобо Рахим, – ярко выражен протест против насаждения религиозного дурмана и бесчинства феодалов. Он разоблачал лицемерие, ханжество и бесчеловечную жестокость духовенства, самодурство и жадность эмиров и беков и воспевал жизнь вольную, свободную от предрассудков и суеверий, звал к свету, добру и любви. Церковь преследовала его, обвиняя в святотатстве, и он вынужден был проводить свою жизнь в скитаниях, нищете и унижениях.

Я презрен и отвержен, я предан гоненьям везде,
Я – побитый камнями в каждом селении, Машраб,
Но никто из людей не узнает, кому и за что
Отдал душу и жизнь свою без сожаленья, Машраб.
Пойте мне о любви! Я коварный, свободен теперь,
Я, отвергший постов и молитв наважденье, – Машраб!

[4, с. 64]

Так писал Машраб. За «оскорбление» ислама, за нарушение шариата, за стихи, порочащие беков и эмиров, в 1711 г. по приговору мусульманских улемов он был повешен в Балхе.

Турды, замечательный узбекский народный поэт, жил во второй половине XVII в., умер приблизительно в 1701 г. Он принадлежал к узбекскому племени юз и был среди своих сородичей влиятельным человеком. В его поэзии главное место занимает четко выраженная тема борьбы за социальную справедливость, борьбы против феодалов, беспощадно грабящих свой народ. Не ограничиваясь поэтическим разоблачением власти имущих, Турды принимал активное участие в борьбе против деспотического режима Субханкулихана (1690 г.). Он гневно клеймил жадность беков и эмиров, продажность многочисленных ханских чиновников, обвиняя их в бесчестии, про-

дажности, взяточничестве, разбое и издевательствах над простым народом. Турды писал:

Беки повсюду рыщут, зорок шакалий взгляд,
С мертвых налоги взыщут, нищих раздеть велят,
Кто у нас бек, ты спросишь? Я отвечать готов:
Тот, кто прослыл мздоимцем, вором среди воров,
Деньги сирот присвоил, бек обездолил вдов,
Волк рядом с ним – ягненок, вот у нас бек каков!

[8, с. 50]

Турды внес в узбекскую поэзию новые темы – борьба за социальную справедливость, разоблачение тирании ханов и беков, как врагов простого народа. Призывая к справедливости и милосердию, он четко сформулировал положение, что честь, достоинство и подлинная слава могут быть связаны только с добрыми и справедливыми делами.

В стране усиливалась феодальная анархия, происходило массовое разорение городского и сельского населения. Главную причину всего этого Турды видел в злонамеренных действиях феодальной и религиозной верхушки, которую вполне устраивала такая анархия, так как способствовала разбою. В его стихах впервые прозвучал призыв к единству узбекских родов в борьбе против засилья феодалов, в борьбе за социальную справедливость.

Машраб и Турды преодолели страх перед религией и феодальной властью. В их творчестве ярко выразились элементы демократической культуры, которые впоследствии были развиты поэтами-просветителями XIX – начала XX вв. Мукими, Фуркатом и Завки. Но в свое время они не имели большого общественного резонанса, не нашли ярых последователей, не смогли потрясти здание феодальной социальной системы. В условиях феодальной деспотии и всевластия мусульманской религии они могли только погибнуть и сознательно пошли на смерть. Но это было то «безумство храбрых», без которого не бывает подлинного прогресса.

Несомненно, именно эта «безумная храбрость» повлияла на творчество Бедиля. В трудах Мирзы Абдулкадыра Бедиля (1644–1730 гг.) выражен, прежде всего, протест против феодального гнета. В основе его философии лежит признание существования объективного мира. Человеческие ощущения, согласно его учению, являются лишь отражением воздействия внешнего мира на органы чувств, а суть вещей человек постигает с помощью разума. Материалистические элементы в философии Бедиля выразились и в его учении о «единстве сущего», в котором он утверж-

дал вечность природы (т.е. ее никто не сотворял), единство духа и материи и растворение Бога в этом мире.

Наиболее полно философские взгляды Бедиля были выражены в его учении «вахдат-мавджут» (единство сущего), в котором он развивал мысль, что вещи и явления взаимно связаны и мир находится в состоянии постоянного изменения. По его мнению, в основе всего сущего в мире лежат четыре элемента – воздух, вода, земля и огонь, их различные сочетания привели к появлению неорганического мира, на основе которого затем возник органический мир – растения, животные, человек.

Большое значение имели его общественно-политические взгляды. В своих стихах он воспевал свободу личности, возвеличивал человека, его разум и подвергал сокрушительной критике религиозные догмы, утверждая, что они сковывают разум и основываются на невежестве. Он доказывал, что рассказы о рае и аде являются выдумками церкви, направленными на принижение человека, обреченного покорно ожидать божьих милостей. Он яростно выступал против гнета, утверждая, что все должны работать и иметь профессию – ремесленника или крестьянина.

Философские взгляды Бедиля оказали огромное влияние на дальнейшее формирование прогрессивной философской и общественно-политической мысли в Средней Азии. Его благотворное воздействие сказалось на формировании таких видных философов и поэтов, как Гульхани, Агахи в XVIII в. и Ахмад Дониш в конце XIX в.

Развитие общественно-политической мысли Средней Азии прослеживается и в исторических записях. Научными их назвать нельзя, но все же исторический трактат «Тарихи Муким-хани», написанный в первой половине XVIII в., и «Убайдулла-намэ», законченная в 1800 году, содержат богатый фактический материал и дают представление о политических событиях в Мавераннахре в период царствования Убайдуллахана.

«Убайдулла-намэ», написанная видным общественно-политическим деятелем Бухары Амином ал-Бухари, выгодно отличается от других книг подобного рода широтой охвата событий и стремлением проникнуть в их суть, ярким изложением материала. И хотя книга проникнута пренебрежением к жизни простого народа, изобилует оскорбительными выпадами в его адрес, тем не менее, она представляет собой капитальный труд

и является бесценным источником сведений о политической, экономической, социальной и культурной истории Средней Азии.

Несмотря на общий упадок культуры и в этот период был создан ряд архитектурных шедевров, вошедших в сокровищницу мирового искусства. К ним следует отнести медресе Шилдор на площади Регистан в Самарканде, построенное на средства эмира Ялангтуша в 1613 г., медресе Тилля-кари, построенное на его же средства. В Бухаре влиятельным сановником Имамкулихана Надиром-диван-беги был построен замечательный архитектурный ансамбль из мечети, пруда и медресе. Он же построил медресе у могилы Ходжа Ахрара в 4 км от Самарканда.

Мавераннахр сохранил также высокое искусство каллиграфов, музыкальную культуру, замечательные традиции миниатюрной живописи. Все это говорит о том, что подлинное искусство нельзя уничтожить, оно продолжает развиваться даже в самые тяжелые времена.

Как в средневековой Европе засилье папства вызвало противодействие — антикатолическое движение в виде всевозможных ересей, а затем Гуманизма и Просветительства, так и в средневековой Средней Азии тирания суфизма и феодальных деспотов вызвала противодействие в виде вольнолюбивой, демократической мысли, выразившейся в вольнодумной просветительской литературе и философии. Но если в Европе борьба против официальной церкви и ее архаических институтов увенчалась победой, благодаря ее поддержке растущим классом буржуазии и бед-

нейшими элементами города и деревни, то здесь демократической мысли пришлось столкнуться с мощным организованным сопротивлением церкви и государства без какой-либо поддержки со стороны какого-либо класса, социальной группы, и особого успеха она не могла иметь. В этом была историческая трагедия просветительского движения в Средней Азии и демократических тенденций в литературе и искусстве.

Библиографический список

1. *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. — Л., 1925.
2. *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. — Л., 1927.
3. *Гафуров Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Т. 2. — Душанбе, 1989.
4. *Машираб.* Избранное. — Ташкент, 1980.
5. *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* История искусств Узбекистана (с древнейших времен до середины XIX в.). — М., 1965.
6. *Радлов В.В.* Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. 5. — СПб., 1885.
7. *Семенов А.А.* Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. — Сталинабад, 1954. — С. 88–97.
8. *Турды.* Избранное. — Ташкент, 1983.
9. *Чехович О.Д.* Бухарская летопись XVIII в. «Убайдуллонома» // Проблемы Востока. — 1959. — №8. — С. 24–29.
10. *Шишкин В.В.* Архитектурные памятники Бухары. — Ташкент, 1936.

А.М. Дубовиков

РЫБОЛОВСТВО КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА

В статье на основании анализа системы рыболовства на Урале, его роли в разные периоды, показаны и объяснены имевшиеся тенденции в развитии традиционной культуры уральского казачества.

Определяющую роль в хозяйственной деятельности любой общности людей играет окружающая их среда, прежде всего, природно-климатические условия и географическое положение. Природная среда Уральского казачьего войска позволяла заниматься выращиванием зерновых лишь в северной и, отчасти, в средней части войска. Западная часть с её

многочисленными озёрами, разливами и заливными лугами, при крайне низкой плотности населения создавала прекрасные условия для развития овцеводства и коневодства. Южная часть была самой непригодной для развития сельского хозяйства, а потому основным, а зачастую и единственным занятием её жителей было рыболовство. Данный вид промысла в Уральском войске

играл особую роль. Богатый рыбой Урал в границах Уральского войска являлся собственностью всей войсковой общины, а потому доступ к его ихтиофауне был закрыт для иногородних лиц. В целом можно сказать, что уральская казачья община сумела рационально распорядиться своими водными и земельными ресурсами, создав почти оптимальную систему хозяйствования в не столь богатом ресурсами крае.

Рыболовство стало первым хозяйственным занятием, к которому обращалась казачья община в перерывах между войнами и походами. Хлебопашество зародилось сравнительно поздно — не ранее конца XVIII века. «К работам — ленивцы, хлеба не пашут, а живут от рыбных доходов, с которых каждый казак до 200 рублѣв в год получает» [19], — писал о яицких казаках генерал фон-Фрейман вскоре после подавления казачьего восстания 1772 года. Невзирая на присутствующий в его словах негатив, генерал правильно показал специфику экономического уклада Яицкого войска тех лет. Начать характеристику экономики Уральского войска по праву следует с рыболовства, как с основной отрасли войскового хозяйства. Несмотря на бурное развитие земледелия во второй половине XIX века, «падающее» рыболовство и в начале XX века продолжало оставаться лидирующей отраслью хозяйства Уральского войска. С одной стороны, этот промысел был наиболее традиционным, он представлял собой неотъемлемую часть культуры местного населения. С другой стороны, рыболовством занималось гораздо большее число казаков, чем любыми другими промыслами, а доходы от него в масштабах войска всегда превышали доходы от любого другого вида хозяйственной деятельности.

Рыболовство было распространено не только в Уральском войске, но и в ряде других — Донском [1], Терском [18], Астраханском [23] и прочих. Но нигде оно не играло той роли, какую оно играло в Уральском войске. В 1889 году в Петербурге проходил съезд рыбопромышленников и рыбопромышленная выставка, где уральское войско представляла делегация во главе с молодым выпускником Петербургского университета Н.А. Бородиным. Делегация была удостоена золотой медали за «отличного качества рыбные продукты и полную коллекцию рыболовных снастей в образцах и моделях» [27]. Немного позже (в 1894) Н.А. Бородин занял впервые учреждённую в войске должность войскового техника ры-

боловства. Техник рыболовства и штат его подчинённых, эксперименты по разведению рыб финансировались из казны войска [16, с. 38]. Под его руководством принимались меры по спасению молоди рыбы, гибнущей после высыхания степных ериков и озёр. Например, в 1896 году в долине реки Чаган для этой цели был устроен пруд [17, с. 106]. Под Гурьевом была открыта рыбо-разводная станция, выпустившая в Урал 6000 искусственно выведенных севрюжек в 1897 и 3500 в 1898 годах [17, с. 105]. Опыт по заселению в Урал осетров из Волги удачным назвать нельзя: «Очевидно, ... все ушли вверх, за пределы войска, и судить о размерах опыта, за неимением отсюда данных, невозможно» [17, с. 106]. В 1897 году были созданы 4 «рыбоводческие станции» [28, с. 179]. Они продолжали заниматься опытами по искусственному разведению осетров, искусственному оплодотворению икры, выведению новых пород осетровых. На протяжении нескольких десятилетий Н.А. Бородин отстаивал право казаков на установление учуга [24], вызывавшее большое недовольство у оренбургских властей. Эта бревенчатая, а позже — металлическая решётка периодически устанавливалась между берегами Урала и запирала крупной рыбе ход вверх по течению реки выше Уральска. За уничтожение учуга ратовал и ряд столичных чиновников. Бородин же пытался объяснить им, что подобное действие вызовет расстройство всей системы уральского рыболовства, служащего главным источником благосостояния уральского казачества. Уральский учёный отмечал, что «право на устройство учуга ... составляет одну из важных старинных привилегий уральских казаков» [5, с. 886]. Н.А. Бородин был убеждён, что в случае разрушения привычной системы рыбный промысел на Урале примет «характер капиталистического предприятия, а теперешние казаки разорятся, превратившись в батраков крупных промышленников» [2, с. 37]. Позицию Н.А. Бородина в отношении уральского рыболовства нельзя назвать антирыночной. Наличие совместной собственности вовсе не противоречит принципам рынка, даже если при этом число партнёров составляет двухсоттысячный коллектив, который совсем не обязан предоставлять свободный доступ к пользованию своей собственностью всем, кто проживает рядом. Частые поездки по России и за границу, научная работа, общественно-политическая деятельность, вскоре заставили Бородина оставить свой пост.

Уже в 1899 году должность техника по рыболовству занимал И.Х. Кожевников [17, с. 288], хотя Н.А. Бородин по-прежнему оставался в Уральске, работая в областном статистическом комитете [17, с. 281].

Рыболовство для уральского казачества было не просто промысел, но и культурная традиция, освящённая веками. Н.А. Бородин подчёркивал, что Урал – единственная в мире крупная река, в среднем и нижнем течении которой запрещено всякое судоходство [3, с. 864]. По его подсчётам, рыболовство является основным средством к существованию для 40% казачьих семей. Ещё для 30% – это вспомогательное, но довольно важное хозяйственное занятие [2, с. 9]. Даже казаки верхних, земледельческих станиц (Мустаевской, Кирсановской, Рубёжинской), отвечая на вопрос о роде своей деятельности, поставили рыболовство на 1 место, сказав: «Занятие наше – рыболовство и хлебопашество» [29, с. 30]. Свидетельством бережного отношения уральского казачества к своей главной реке служат многие примеры. Во время нереста осетровых рыб был запрещён даже колокольный звон в церквях прибрежных станиц и посёлков. «Даже самые переправы через Урал ограничены немногими местами ... во избежание возможности напугать рыбу», – писал Н.А. Бородин [3, с. 864]. Строжайший запрет на всякий шум неподалёку от берегов Урала герой В.И. Даля объяснял так: «Рыба – тот же зверь, ... шуму и людей боится; уйдёт, а там ищи её» [9, с. 105]. Об открытии судоходства не могло быть и речи. Хотя в 1880 году купцы Ванюшины всё же добились открытия пароходного сообщения с Оренбургом, их маленький пароход сделал лишь 4 рейса, после чего депутаты войскового съезда под давлением казачьей общественности пересмотрели прежнее решение. В итоге купцы понесли ущерб в 5 тысяч рублей, который никем не был возмещён [26].

Часть авторов, описывая уральскую систему рыболовства, явно идеализировали её. Были и те, кто подвергал её резкой критике. Причиной идеализации была четкая организация и регламентации рыболовства. Причиной критики – неравные возможности различных категорий казаков по участию в промыслах, дискриминационные меры в отношении иногородних, чрезмерная забота об охране вод. Впрочем, по мнению Н.А. Бородина, иногородним не следует иметь претензий к уральскому рыболовству, которое обеспечивает средствами к существованию 5–6 тысяч

их представителей [5, с. 886]. П.С. Паллас писал, что «главный промысел ... яицких казаков состоит в рыбной ловле, которая нигде в России так хорошо не распорядлена» [15, с. 422]. В.Г. Короленко был убежден, что «войско сумело организовать и утвердить на реке образцовый порядок» [13, с. 43]. Усердную охрану казаками вод Урала Н.Я. Данилевский считал следствием их предрассудков, которые охарактеризовал как «выдумки, и довольно простоватые, ... что не только всякое судоходство, но даже всякий малейший шум или огонь на берегу Урала пугает рыбу» [10, с. 29]. Чувство недоумения испытал и побывавший у казаков в начале XX века А. Замятин: «В запретное время никто не посмеет поехать по Уралу на лодке. Странное удручающее впечатление производит эта большая красивая река своим мертвенностью на протяжении от Уральска до Гурьева» [12, с. 27]. Во 2-й половине XIX столетия всё отчетливей раздаются голоса о том, что уловы неуклонно снижаются и рыболовство утрачивает своё прежнее значение. Н.А. Северцов, присутствовавший на «севрюгах» в 1861 году, так описал увиденное: «В Тополинском еще были хорошие заловы, ... в Кулагинской далеко не всякому казаку попадалось по севрюге в день, в Горской на всю крепость ловилось от одной до трех севрюг в сутки, ... в Калмыковской севрюги были большой редкостью» [30, с. 125]. Н.Ф. Савичев считал, что «самый старый и важный промысел – рыболовство утрачивает постепенно свое первенствующее значение» и в настоящее время оно уже «не может быть настолько прибыльно, как это бывало в прежнее время» [25]. Ещё в середине XIX века И.И. Железнов пытался опровергнуть строки казачьего фольклора о «Яике – золотом дне»: «Теперь он далеко уже не золотое дно; даже не знаю, можно ли назвать его, Яик – медное дно: ... если бы воскресли наши деды и прадеды, они не узнали бы родного своего Яикушку-Горыныча» [11, с. 104]. Еще более пессимистичен Б.А. Карпов, утверждавший, что «недалеко то время, когда эта река вовсе откажется кормить нас» [22]. То же признавали и депутаты войскового съезда: «Уловы ... падают с каждым годом по мере ... уменьшения рыбы» [21, с. 799]. Но насколько обоснованы были разговоры о падении уловов? Не были ли они следствием роста численности казачьего населения, вызвавшего сокращение дохода на душу населения? Нет ли тут каких-либо других причин? Данные статистики 2-й

половины XIX – начала XX века хорошо известны. В зависимости от разных факторов, объёмы вывоза данной продукции за пределы войска в разные годы были подвержены серьёзным колебаниям. Сопоставление данных о вывозе рыбы за 1896–1902 годы с аналогичными показателями предшествовавших лет приводит к опровержению утверждений о «падении уловов». Снижение объёмов вывоза «красной» рыбы и икры действительно имело место, но в отношении «черной» рыбы подобного не было. Её вывоз отличался нестабильностью показателей из года в год, но обнаружить кризисные тенденции нельзя. Вероятно, образованная часть казачества умышленно поддерживала миф о падении уловов в целях сохранения запретов, а также для обоснования отказов от расширения общины за счёт приёма иногородних. Менее образованная часть, видимо, думала по-другому. Конечно же, численный рост казачьей общины (в течение XIX века в 4 раза) привёл к снижению уловов на душу населения. Количество рыбы, используемой для собственного потребления – величина относительно стабильная для каждого казачьего хозяйства. Следовательно, доля рыбы, остающейся в границах войска, постоянно росла. На продажу же шли «излишки». Понятно, что количество рыбы, идущей на продажу за пределы войска, не могло увеличиваться пропорционально росту его народонаселения. Поэтому доходы от продажи рыбы в пересчёте на одно казачье хозяйство, бесспорно, снижались. Соответственно, снижались и возможности приобретения необходимых товаров на деньги, вырученные от продажи рыбы. Для простого казака, мало знакомого с вопросами экономики, вывод был очевиден – уловы падают, Яик не хочет давать рыбу!

Подавляющее большинство очевидцев свидетельствовало о строгом порядке и дисциплине при организации лова, но имеются и другие примеры. Например, в 1836 году есаул Назаров был отправлен на гауптвахту за незаконную выдачу рыболовных удостоверений [7], в том же году разбиралось скандальное дело о незаконном лове [8] и таких дел немало. Любопытно, но браконьерским ловом занимались не только некоторые казаки, но и киргизы, например, в 1806 году – киргизы рода «берш» [8]. В 1881 году была введена уголовная ответственность за нарушения в сфере использования войсковых вод. Инициатива исходила от простого казачества, поддержанного вой-

сковым руководством. В итоге наказание за потаённый (незаконный – Д.А.) лов было установлено в виде лишения свободы на срок от 2 недель до 6 месяцев, а повторное правонарушение – до 1 года. Кроме того, в 1893 году Войсковое правление (председатель С.Е. Толстов) приняло постановление «О борьбе с потаённым рыболовством», в соответствии с которым, нарушителей выселяли в станицы, не прилегающие к побережью. Охрана речных вод входила в компетенцию поселковых атаманов. Больше всего в XIX веке уральцев беспокоили нарушения границ войсковых вод на Каспии астраханцами. Охрана морских вод требовала более пристального внимания. «В прежние времена этот надзор обеспечивался нарядом сотни казаков на «взморье» с офицером во главе, впоследствии были сооружены маячные суда» [5, с. 886], – свидетельствует Н.А. Бородин. Эти суда представляли собой лодки, плававшие по границам войсковых вод, на которых несла дежурство «охранная команда». Суда, охранявшие воды, были собственностью войска и строились на его средства. К началу XX века обща численность команды, как и в прежние годы, определялась сотней казаков, во главе которых стояли «смотритель вод» и 3 его помощника. Команда размещалась на прибрежных постах, островах, устьях Урала. К началу XX века охрана вод ежегодно требовала примерно 30 тысяч рублей [5, с. 886].

Что же представляла собой система уральского рыболовства? Несмотря на то, что она сложилась уже в XVIII веке, ни место, ни время промыслов формально нигде не фиксировались. С XIX века стали ежегодно издаваться правила ведения рыболовства. Издавались они войсковой канцелярией, позже – хозяйственным правлением. Целью их создания было стремление к равным возможностям для всех казаков [5, с. 886]. Уральское рыболовство было единой системой, все части которой были органически связаны. Попытка самостоятельной организации лова на станичном уровне могла привести к расстройству всей рыболовной системы в войске. Поэтому запрет на любые самостоятельные действия на местах был вполне оправдан. К концу XIX века все постановления были сведены в единые «Правила производства рыболовств» [5, с. 885], которые периодически дополнялись. Уральское войско, поставлявшее на общероссийский рынок мясо и икру осетровых рыб, было монополистом в этом секторе экономики. Каждый рыбо-

ловный промысел был приурочен ко времени достижения максимума цены на его продукцию. Но не только ценовой фактор обуславливал регламентацию видов лова по сезонам. Было также установлено, что рыба осетровых пород «ежегодно делает правильные периодические путешествия на пресную воду в устья Урала: весной – с целью выметать икру и вернуться обратно в море, осенью – на зимний отдых, для которого рыба размещается по глубоким местам Урала» [5, с. 886]. Более того, осетровые рыбы способны размножаться только в пресной воде, чем и объясняется их периодическое появление в реках [17, с. 106]. В соответствии с «правилами», уральские рыболовства подразделялись по тем или иным критериям. По месту (морские и речные) и времени (весенние, осенние, зимние), а также по степени их значимости.

«Багренье» проводилось накануне Рождества, чтобы к этому времени на Урале окреп лёд, а к праздничным дням была свежая рыба, икра и деньги, вырученные от их продажи, которая происходила на месте лова. Этот вид лова может показаться варварским, но его запрет расстроил бы всю систему хозяйства казаков. Продажа рыбы велась уже на берегу, при этом «кочевое рыболовство ... вызвало подвижные кочевые торжки» [14, с. 506]. Первая ятовь называлась «царской», а улов 1-го дня – «царским кусом», поскольку пойманная в 1-й день рыба шла «в презент» царю. Традиция, зародившаяся при Михаиле Федоровиче, сохранилась до XX века. Презент отправляли вместе с зимней станицей из отличившихся казаков.

«Сеvрюги» – весенний вид лова, предусматривавший только лов сеvрюг специальными сетями. Проходил он в низовье Урала. До конца августа рыболовство ниже учуга и на Каспии было запрещено. Осенью в низовье Урала начиналась «плавня». В ходе неё вылавливалась рыба, готовящаяся к спячке.

Среди второстепенных рыболовств «свободными» считались любые виды лова неводами и сетями в старицах Урала и в неуральных («чёрных») водах. К рыболовствам, требующим наблюдения «рыболовных атаманов», принадлежат ловли рыбы в реке Большом Узене и в озере Черхал. Узенское рыболовство представляло собой определённую систему, в которую, кроме Большого Узена, были также включены Камыш-Самарские озёра и озеро Большой Рыбный Сакрыл, распо-

лагавшиеся в непосредственной близости [4, с. 614]. Вследствие обмеления стенных рек правобережья Урала, к концу XIX века значение узенских рыболовств упало, но для бедной части казачества Слаухинской, Глиенской и Кармановской станиц они составляли главную статью доходов.

Как основные, так и второстепенные рыболовства могли проводиться одновременно. Таким образом, один и тот же казак не мог в течение года поучаствовать сразу во всех промыслах.

В ходе исследования выяснено, что система рыболовства на Урале имела свою специфику, подчинённую традиционному образу жизни казачества. Рыболовный промысел для южного региона Уральского казачьего войска являлся основным по сравнению с другими хозяйственными занятиями казаков. Кроме того, этот промысел являлся важной составляющей традиционной культуры казачества всего региона, а в некоторых районах и доминирующей его частью. Ситуацией в данной отрасли в других казачьих регионах. Наконец, на основании отслеживания его роли в разные периоды, показать имевшие место тенденции и объяснить их.

Библиографический список

1. Астапенко Г. Край рыболовных станиц // Былое. – 1997. – №3–4.
2. Бородин Н.А. В защиту уральского рыболовства. – СПб., 1910.
3. Бородин Н.А. Река Урал // ЭС: Ф. Брокгауз, И. Ефрон. Т. 34. – СПб., 1902.
4. Бородин Н.А. Узенское рыболовство // ЭС: Ф. Брокгауз, И. Ефрон. Т. 34. – С. 614.
5. Бородин Н.А. Уральское рыбное хозяйство // ЭС: Ф. Брокгауз, И. Ефрон. Т. 34.
6. ГАОО, ф. №6, оп. №10, д. №229-б, л. 1–2.
7. ГАОО, ф. №6, оп. №10, д. №4508.
8. ГАОО, ф. №6, оп. №10, д. №4590-1.
9. Даль В.И. Уральский казак // Собрание сочинений В.И. Даля. – М., 1983.
10. Данилевский Н.Я. Описание уральского рыболовства // Исследование о состоянии рыболовства в России. Т. III. Уральские рыболовства. – СПб., 1860.
11. Железнов И.И. Василий Струняшев: роман из казачьей жизни. – СПб., 1910.
12. Замятин А. Уральская область. – Уральск, 1913.
13. Короленко В.Г. У казаков. Из летней поездки. – Челябинск, 1983.

14. Максимов С.В. Плавня // Исторический вестник (СПб.). – 1883. – №6.
15. Паллас П.С. Путешествия по различным провинциям Российской империи. – СПб., 1809. – Ч. I.
16. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год.
17. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год.
18. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времён. – СПб., 1880.
19. РГАДА, ф. №6, д. №505/1, л. 36об.
20. Рудаков В. Гребенцы // ЭС: Ф. Брокгауз, И. Ефрон. Т. IX. – С. 585.
21. Сборник протоколов съездов выборных от станиц Уральского казачьего войска за 25 лет (1875–1899). – Уральск, 1900.
22. Северная пчела (г. Санкт-Петербург), 05.09.1857.
23. Суров А.Л. Казаки // ЭС: Ф. Брокгауз, И. Ефрон. Т. XIII. – С. 888.
24. Уральские войсковые ведомости. – 1890. – №5.
25. Уральские войсковые ведомости. – 1872. – №32.
26. Уральские войсковые ведомости. – 1881. – №27.
27. Уральские войсковые ведомости. – 1889. – №17.
28. Фокин Н.И. Уральцы... Мои земляки. – Кемерово, 1998.
29. Хохлов Г.Т. Путешествие уральских казаков вокруг света в 1898 году. – СПб., 1903.
30. Чибилёв А.А. Река Урал. – Л., 1987.

**Научные труды преподавателей,
поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова**

Мелерович А.М. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: Монография / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко; Рец.: Ф.Ф. Фархутдинова, Н.А. Николина. – Кострома: КГУ, 2008. – 484 с. – Библиогр.: с. 421–481. – ISBN 978-5-7591-0863-4.

Монография посвящена описанию семантической структуры фразеологических единиц современного русского языка. В ней исследуются факторы, определяющие природу фразеологического значения и механизм его формирования: внутренняя форма, мотивировка значения, фразеологическая абстракция. На основании семантического анализа ФЕ в системе языка и речи разработана структурно-семантическая классификация ФЕ современного русского языка, эксплицирующая наиболее существенные структурные и функциональные свойства однотипных ФЕ. Выявлен трансформационный потенциал основных структурно-семантических типов ФЕ. Исследуется психо-лингвистический механизм индивидуально-авторских преобразований ФЕ. Определены общие принципы семантического анализа ФЕ в художественной речи. Рассматривается специфика концептуализации явлений языковой действительности средствами фразеологии. Книга адресована филологам, лингвистам широкого профиля, студентам-русистам и всем, кто интересуется проблемами семантики живого и художественного Слова.

ДЕНЬГИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (акторно-сетевой подход)

Представления о деньгах, механизм их приобретения и перекрёсток денежных потоков – не такая мистика, как кажется. Ментальный символ «деньги» воплощается в реальность не магическим путём. Да и в магии мистика мерещится только невеждам. Если представление о деньгах включает в себя их внешний облик и фантазии о том, как их можно потратить, это руководство слишком призрачно, чтобы мозг мог его воплотить.

Материальный рост происходит, когда представление опережает реальность и происходит тем быстрее, чем больше эта разница. Если вам стыдно называть свою зарплату или должность знакомым, потому что она не соответствует их представлению о вас, – скорее всего, вам грозит повышение. Если вы боитесь вызвать у них зависть – их представление тормозит ваше развитие. Может быть, стоит не общаться с людьми, рядом с которыми вы кажетесь себе чересчур успешным?

В смутное время стоимость жизни повышается, цена жизни падает. Как ни хочется выглядеть в глазах читателя Санта-Клаусом, ни порадовать, ни обнадёжить, ни даже подбодрить его практически нечем.

СЛУЧАЙ. Человека выбросило на необитаемый остров, и он прекрасно прожил там 20 лет, пока не кончились деньги.

Уильям Стенли Джевонс (1835–1882) написал ставшее классическим небольшое сочинение «Деньги и механизм обмена» (1875), переведённое практически на все европейские языки¹. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона отмечается, что «...вряд ли найдется в литературе другое столь краткое и ясное изложение многих важнейших вопросов, связанных с теорией денег». Почему же сегодня вновь делаются попытки уточнения теории денег? Может быть Джевонс в чём-то ошибся? Нет, дело совсем не в этом. А в чём? А в том, что изложены многие вопросы, но не

все. Более того, экономическая жизнь не стоит на месте.

Мысли приходят с деньгами.

Не ставя задачей детальный анализ всех имеющихся проблем предложу в рамках пространственного подхода своё понимание денег с задачей последующего доказательства предлагаемой позиции. Постулат: деньги – это характеристика формы отношений между людьми в экономическом пространстве. Такое понимание денег восходит к их информационной сущности. По С.А. Строеву информация – это и есть характеристика формы². По Б. Лиетару, деньги в эпоху Интернет это «информация о способах, которыми мы обмениваем энергию»³.

В современной науке информация понимается как величина, обратная энтропии, то есть мера структурной организации материи и отклонения в её распределении от абсолютной равномерности. Соответственно запись информации отражает не более чем любое неслучайное отражение одной неравномерности в другой. Следовательно, деньги обладая информационным содержанием, не просто выполняют набор функций, но и где-то существуют. Место *существования* денег одно – экономическое пространство. Покажем на примерах, что деньги являются характеристикой формы отношений людей именно в экономическом пространстве.

Многим помнится пятый брак одного из самых богатых людей мира, грека Онассиса, женившегося на вдове американского президента Жаклин Кеннеди. Грек имел столько денег, что мог бы позволить себе организовывать обеды с женой на Луне. Однако брак оказался весьма недолговечным. Или совсем недавние события на матчах отборочного турнира чемпионата Европы по футболу. В игре сборных Англии и России олигарх Абрамович посулил российским футболистам по одному миллиону долларов за выигрыш. Результат матча – российская сборная выиграла. А когда

то же предложение Абрамович внёс на матче Израиль – Россия, россияне уступили. Вывод – можно купить компетенцию (как *право* принимать определённый набор решений), но нельзя купить компетентность (как *умение* принимать решения). Так же нельзя купить и чувства (примеры можно и продолжить), если они не симулякры.

*Всех денег не заработаешь –
часть придется украсть.*

Будем помнить (и понимать), что современные деньги не есть деньги в классическом смысле, хотя мы и «плаваем в волнах денег», не задумываясь об их сущности⁴. Как отмечает Ю.М. Осипов, «деньги сегодня – не классические вовсе деньги»⁵. Классические деньги выступили средством обмена одного продукта на другой, определяя соответствие их стоимости. Современные деньги характеризуются виртуальностью и выступают наградой за вовлечённость в социальную игру (в пределах эконимического пространства). С.А. Строев отмечает, что современные деньги становятся «эквивалентом потока той информации, которая идёт по каналам социального взаимодействия и умения оперировать этими потоками в рамках неформально заданных правил»⁶. Не в этом ли секрет бурного роста во всех странах мира неформальной (теневой) экономики?

*Не трать денег с умом:
не будет ни денег, ни ума.*

Итак, если деньги являются *характеристикой* формы отношений между людьми в экономическом пространстве, то являются ли они в то же самое время *объектом*, существующим в этом пространстве? Известные исследователи пространственности в экономической науке Джон Ло и Анн-Мари Мол утверждают, что – да. Джон Ло в работе «Объекты и пространство»⁷ доказывает, что в акторно-сетевой теории (ANT), в исходной её форме, есть предельно конкретный ответ на вопрос, что такое объект.

Объекты являются «производными» некоторых устойчивых множеств или сетей отношений. Фундаментальное допущение таково: объекты сохраняют свою целостность до тех пор, пока отношения между ними стабильны и неизменны.

Предложенный акторно-сетевой теорией подход многим обязан постструктуралистской семи-

отике. Семиотика (в европейском десоссюровском варианте синхронической лингвистики) показывает, что значение всякого слова относительно, то есть конституировано отношениями различия между данным словом и другими связанными с ним словами. Например, слова «собака» и «кошка». Каждое из этих слов приобретает значение благодаря отличию от другого и каждое из них соотносимо с иными именами: «собака», «кошка», «волк», «щенок» и т.д. Значение слова произвольно (arbitrary), хотя и сильно детерминировано сетью отношений различия. По сути, оно представляет собой результат этих отношений.

Структуралисты, как правило, утверждают, что такая произвольная природа языка открывает нечто универсальное в операциях человеческого мышления. Люди структурируют отношения определенными способами и делают это посредством содержащейся в их головах машинерии. Соответственно, предполагается, что все языки обладают одной и той же «глубинной структурой». В противоположность структуралистскому тезису об универсальности глубинной структуры, постструктурализм провозгласил существование различных, находящихся в процессе становления глубинных структур, создающихся и поддерживающихся в разных социальных ареалах. Данные структуры производят различные типы объектов и различные знания об этих объектах, что хорошо видно на примере предпринятого Мишелем Фуко анализа телесности. В классической эпистеме тело – это арена действия отношений символической власти (проявляющихся, например, в применении пыток), тогда как в современной эпистеме тело превращается в функциональную и (само) дисциплинированную машину, совокупность упорядоченных и продуктивных отношений. Соответственно, Фуко выделяет несколько «глубинных стратегий» упорядочивания таких связей (Фуко, 1999)⁸.

Акторно-сетевой подход сошел с подходом Фуко в том, что касается акцентирования значимости материального. Речь, тела, жесты и материалы – вроде зданий, кораблей, самолетов или огнестрельного оружия – все рассматривается как проявление стратегической логики, все участвует в поддержании всего. Все создано отношениями и участвует в их создании. Отличие же акторно-сетевой теории от постструктуралистского подхода состоит в том, что она менее увлечена «границами возможного», установленны-

ми современностью (а в некоторых вариантах и вовсе безразлична к данной проблематике). Вместо этого акторно-сетевая теория изучает конкретные стратегии, рекурсивно и продуктивно встроенные в отношения производства объектов, организаций, субъектов и т.п. ANT допускает не один, а множество современных «способов упорядочивания».

Что означает это различие между подходом М. Фуко и акторно-сетевым анализом? Предположим, что объекты действительно представляют собой просто «относительные неопределенности» («контингентные»). Это означает, что способы их образования и то, как приобретают устойчивость сформировавшие их отношения, — вопрос преимущественно эмпирический. В свою очередь, как подчеркивают теоретики акторно- сетевого подхода, вся совокупность возможностей мира ограничена, но ограничена случайным образом, и поскольку вселенная может явить нам разнообразное множество вещей, способы их упорядочивания не агрегируются в большие эпистемические блоки.

Насколько удачен выбранный нами способ рассуждения? С одной стороны, можно рассматривать вышесказанное как освобождение от мрачной одержимости Фуко границами условий возможного, от его предубеждения против всего, что за последние двести лет незаметно лишило нас свободы посредством логики и стратегии современной эпистемы⁹. Однако есть и другая возможность: сказать, что подобное рассуждение — лишь форма слепоты. В таком случае акторно-сетевая теория оказывается вовлеченной в интеллектуальную и политическую борьбу против попыток заглянуть за границы возможного. Найти неоткрытый континент и исследовать затененные, гетеротопичные места — места Иного, которые лежат за пределами сегодняшних возможностей¹⁰.

Исходя из вышеотмеченного можно утверждать, что деньги являются и объектом в экономическом пространстве, и, в то же время характеристикой формы отношений между людьми в экономическом пространстве.

Но что же нового (Иного) даёт такое понимание денег? Не попадаем ли мы здесь под некий гипноз? Не деформируется ли наше создание под воздействием «магии денег», о которой так состоятельно и весьма убедительно пишет профессор Киевского национального университета им. Тараса Шевченко Владимир Васильевич Ильин?¹¹

Наверное, правильный ответ лежит не в дне сегодняшнем, а в дне завтрашнем.

Деньги не могут купить счастья, но могут предложить несчастье на выбор.

В рассуждениях о будущем живы мы, сегодняшние. Не случайно Дэвид Уилсон в книге «История будущего»¹² отмечает, что каким бы мы его ни считали — счастливым или угрожающим, ужасным или волнующим, — нельзя не признать: мысли о будущем всегда искажали и нивелировали человеческое восприятие настоящего. С другой стороны — как могли бы мы жить без мыслей о будущем? Меняются обстоятельства, проносятся исторические эпохи — но жажда увидеть будущее остаётся неизменной. ...

Но рассуждая о будущем в контексте денег как объекта и формы человеческих отношений в экономическом пространстве следует согласиться с тем, что деньги — будучи экономической категорией — перестают быть предметом *только* экономической науки, но становятся (превращаются «дрейфуют») в предмет (и более того — в объект) иных наук.

И это обстоятельство вскрывает сакральный смысл денег. Ибо сакральное, а не калькулятивное отношение к жизни и смерти, порождает определённые, в том числе, и финансовые следствия. Сакральный смысл денег ещё и в том, что чисто экономическими факторами, связанными со структурой рынка и характером предлагаемых им благ, явление денег объяснить попросту невозможно. Другими словами, деньги как объект являются собой объект, носящий сакральный смысл.

В контексте пространственного подхода как принципа анализа феномена денег обратимся к работам одного из наиболее значимых исследователей сакральности в жизни общества Питириму Сорокину. В его работе «Социокультурная причинность, пространство и время»¹³ имеется лишь несколько общих высказываний, предполагающих возможности многозначного понимания символизма денег. Развивая эти возможности (хотя и тезисно — в рамках статьи) сделаем попытку показать многомерность явления «деньги».

Известна классическая экономическая трактовка денег как превращенной формы оплаты труда. Но эта трактовка позволяет оправдывать постановку вопроса о том, что оплата труда не всегда (и даже более — чаще всего!) осуществляется посредством денег.

Деньги можно просто *дать*! Вероятно, в этом случае это социологический процесс, не являющийся предметом экономической науки. (От подаяния нищим – до помощи родственникам или просто нуждающимся в экстремальных ситуациях).

Возможна *неоклассическая трактовка денег*. По Ю.М. Осипову, «Владение деньгами, их обращением и их потоками – самое важное в современной (либеральной?) экономике. На земле сегодня надо непосредственно владеть не средствами производства, не трудом, даже не знаниями, а... деньги, владение которыми обеспечивает и владение всем остальным в экономизированном (т.е. купле-продажном) смысле»¹⁴. При этом возможна трактовка денег в терминах криминальной теневой экономики. Как всегда в эмоциональной форме свою трактовку сущности денег в их неклассической форме даёт В.В. Жириновский, который полагает, что «деньги – это наркотик»¹⁵.

Возможна *философская трактовка денег*. Во-первых, деньги – это путь к бессмертию. Но даже и здесь есть экономическая составляющая. Связь между деньгами и смертью как экономическая связь (экономическое отношение) традиционно рассматривается через отношения захоронения. Хотя, на самом деле, это более содержательные отношения (начиная от Нобелевской премии и заканчивая простым завещанием малоимущего гражданина, совестливо заботящегося о потомках хотя бы по крови)¹⁶.

Деньги, выкупая свободу, становятся её эквивалентом. Равно как и эквивалентом человеческого становления. То есть приобретают идеальные, а параллельно и онтологические качества.

По Ж. Деррида, «деньги – это двойное дно более-чем-настоящего»¹⁷. В.В. Радаев в предисловии к работе Вивианы Зелизер «Социальное значение денег» отмечает, что происходят и более глубокие изменения на ценностном уровне, в том числе фундаментальная трансформация того, что считается «достойной смертью». Когда-то таковой считалась героическая смерть на поле брани. Впоследствии все чаще представление о достойной смерти рисовало тихий уход из жизни – в своей постели, в окружении родных, в присутствии священника, отпускающего грехи. Но что более важно, подобные идиллические картины включали и важные элементы финансового свойства. Новая концепция достойной смерти заключалась не только в том, чтобы надлежащим образом прожить свою жизнь. Уйдя из жизни,

надо было оставить своим родным приличное содержание.

Так деньги открывали новые пути к бессмертию. Оставляя своим близким наследство (особенно если оно отдается не сразу, а частями), человек побуждал их периодически вспоминать его добрым словом.

Более того, деньги позволяли отчасти регулировать жизнь своих близких после кончины, предоставляя (или не предоставляя) им дополнительные финансовые возможности, связывая (или не связывая) выдачу наследства с какими-то особыми условиями, – например, когда выплата содержания вдове производится до момента ее очередного замужества, а сын получает предназначенную ему сумму только при поступлении в университет. Таким образом, денежные отношения становятся аренной борьбы разных ценностных ориентации, которые, изменяясь, тянут за собой сугубо финансовые последствия, трансформируют содержание денежных отношений, придают им новые символические значения.

Идёт невидимая конкурентная борьба кладбищ за рейтинг по числу захороненных там знаменитостей.

Возможна *социологическая трактовка денег*. Деньги – как социальная реальность. Отсюда социальные свойства и функции денег (социальные деньги) (интеллектуальный конструкт)¹⁸. Профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ, доктор философских наук Наталья Николаевна Зарубина¹⁹, отмечает, что социологические и культурологические исследования показывают, что отношение современного человека к деньгам в повседневной жизни определяется и регулируется отнюдь не последними достижениями экономического или социального знания и даже не всегда практической целесообразностью. Главную роль играют *мифы*, утверждающие представление о деньгах как базовой ценности современного общества без анализа и критических рассуждений. Даже финансовые аналитики, валютные дилеры и прочие профессионалы перед дефолтом 1998 г. действовали, руководствуясь не только и не столько сугубо профессиональными соображениями, сколько мифами и рационально не до конца осознанными культурными архетипами. Это

мотивировало принятие решений, шедших вразрез с собственно рыночной рациональностью²⁰.

Развитие и распространение мифа денег в современной русской культуре совпало с рыночными реформами в экономике. Однако остаётся вопрос: является ли складывающаяся у нас сегодня мифология денег модернистской, то есть буржуазной и рыночной? Я предполагаю, что по своей социокультурной и социосемантической природе её уже нельзя считать таковой, она принимает *постмодернистский* характер со всеми присущими ему особенностями – релятивизмом, иррациональностью, электичностью и т.д. Это формирует и особый тип поведенческих стратегий в финансовой области, которые все больше утрачивают специфическую рыночную рациональность.

*Даже деньги вредны при передозировке
и тогда появляется человек со следами
насильственной жизни на лице.*

Итак, различные трактовки денег. Но все же, если отправить мифы на прогулку, то необходимо вернуться к деньгам как объекту и форме отношений между людьми в экономическом пространстве. И с этой целью по рассуждаем о денежной купюре как некоему символу денег, выполняющему функцию соединения интересов и отношений.

В работе «Диссеминация» Жак Деррида обращается к понятию «купюра» как понятию, выполняющую функцию *разъединения*²¹.

Речь идёт о кусочном (выборочном), чтении, о купюре, произвольной и насильственной – цитате, например. Цитирование как бы предписывает вымышленное начало доказательства, зарождение.

Ж. Деррида пишет, что «не существует первого осеменения. Семя первоначально роится. «Первое» осеменение – это диссеминация. След, прививка, след которой теряется... Вымышленное начало, ложный выход, ложный вход, письмо в бесчисленном числе – всё это вы должны будете прочитать ещё раз. Сделать это позволяет и даже предписывает вам закон купбры»²².

Как становится очевидным из вышеотмеченного денежная купюра выполняет обратную функцию – функцию соединения. Насколько это так любознательный читатель может убедиться, обратившись к чтению книги профессора факультета социологии Пристонского университета Вивианы Зелизер²³, яркого приверженца культурно-истори-

ческого подхода в экономической социологии, применяющегося для исследования ценностей, сложных смысловых систем и культурных навыков, сопровождающих хозяйственную деятельность и наполняющих её специфическим содержанием.

В предисловии к книге В. Зелизер профессор В.В. Радаев отмечает, что самой великой загадкой порождённой человеком является загадка природы происхождения денег. Самыми острыми умами было исписано на эту тему немало страниц. Но и сегодня мы вынуждены признать, что не сумели раскрыть эту тайну. Каждодневно сталкиваясь с деньгами и научившись относительно свободно ими оперировать, мы, как правило, не задаемся вопросом: «Что такое деньги?». Если же такой вопрос приходит на ум, то мы, увы, не находим достойного ответа. Говорят, что деньги – это нечто, на что можно купить все на этом свете. Но, во-первых, купить можно далеко не все, а во-вторых, благодаря каким свойствам деньги обретают эту удивительную покупательную способность? Скажут также, что деньги – это самый ценный товар. Но ценность бумажек, которые мы используем в качестве денег, минимальна и бесконечно далека от их номинальной стоимости, начертанной на этих бумажках. Что же придает им такую ценность, позволяя властвовать над умами и сердцами людей?

Многие исследователи, поддаваясь идеем культурного пессимизма, полагали, что постоянно расширяющаяся сфера рынка постепенно будет поглощать социальные и культурные отношения, подчиняя их калькулятивному расчету. При этом многие социологи классического и современного периодов в своих оценках сущности и роли денег оказались в значительной мере едины с экономистами. Принципиально критикуя утилитаризм, они оказались захвачены утилитаристской моделью, придерживаясь представления о деньгах как абсолютно заменяемом качественно нейтральном, бесконечно делимом и совершенно однородном средстве рыночного обмена. А сами рынки рассматривались, вслед за экономистами как довольно абстрактные и самодовлеющие экономические механизмы.

*Бизнес – искусство извлекать деньги из кармана
другого человека, не прибегая к насилию.*

Под непосредственным влиянием экономической теории утвердилось и понимание того, что

физические и социальные различия между деньгами остались уделом примитивных обществ, а современные деньги стали «универсальными» и более не обременены функциями ритуального и социального контроля. Они превратились во внекачественную субстанцию и всеобщего уравнивателя, универсального посредника и чистую символизацию обмена, воплощение абстрактной покупательной способности и силу, которая способствует превращению социальных отношений в просчитываемые инструментальные связи, а всего мира, словами Г. Зиммеля, – в «арифметическую задачу»²⁴. Современные деньги – это счётные деньги²⁵.

Обоснование и явления множественности денег произвела В. Зелизер²⁶. Эта множественность денег реализуется в трех разных процессах:

- выпуск различных денежных единиц;
- использование денежных суррогатов;
- целевое распределение денег.

Стандартизация официально выпускаемых денежных средств обмена – достижение не столь отдаленного прошлого. Зелизер указывает на то, что в XIX веке в экономике США циркулировало более пяти тысяч видов банкнот выпущенных правительствами разных уровней. И даже законодательное установление в 1863 г. единой национальной валюты не устранило разноманности и разношерстности денежной массы, хотя степень ее однородности решительно возросла. Стандартизация же национальной валюты была достигнута здесь лишь в 1933 г.

Сохраняются различия и за пределами национальных государств. Становясь все более однородными внутри стран деньги сохранили сотни национальных мундиров с разными уровнями взаимной конвертации. Конечно, глобальные финансовые рынки делают движение национальных валют все более взаимосвязанным. Более того, есть тенденция к сбрасыванию национальных мундиров и «переодеванию» в межнациональную униформу, как это произошло с возникновением евро на рубеже нового тысячелетия.

Заметим, что помимо обычных бумажных денег государством выпускается масса разных кредитных денег в виде казначейских обязательств, облигаций внутреннего займа или налоговых освобождений. Важно и то, что денежные единицы создаются отнюдь не только государством. Различные структуры выпускают разного рода акции, облигации, товарные векселя, потребитель-

ские талоны, которые циркулировали в качестве денежных суррогатов. Если полагать, что деньги – это финансовые инструменты, то они настолько разнообразны и многочисленны, что учёт и контроль за совокупной денежной массой, её учёт в современном хозяйстве, да и само определение того, что следует относить к «деньгам», представляются весьма затруднительными. Государство и корпоративные организации одной рукой пытаются ввести единые денежные единицы, а другой сами плодят различия между денежными единицами²⁷.

Мир денежных суррогатов не сводится к разного рода ценным бумагам. Множественность денег порождается также путем вовлечения в сферу обращения разных предметов, которые, несмотря на свои физические различия, выполняют сходные обменные функции и (пусть в ограниченном объеме) замещают конвенциональные деньги. Из множества антропологических исследований известно, что в примитивных обществах деньги выступали в самых разнообразных натуральных формах. Их функции могли выполнять металлы, скот, раковины, шкуры, соль, и порою кажется, что нет такого предмета, который не играл бы роль денег хотя бы в каких-то сообществах на том или ином отрезке истории (не говоря о том, что в таком качестве выступал и сам человек).

Люди и сегодня стихийно вовлекают разные вещи, заставляя их играть роль «денежного эквивалента». У взрослых эти функции выполняют сигареты или алкогольные напитки, у детей в качестве «денег» обращаются фантики, от конфет или жевательной резинки. Но дело, разумеется, не сводится к детским играм и взаимоотношениям сельской старушки с трактористом, который перепихивает огород за две «пол-литры». Периодически возникают волны бартерного обмена между предприятиями. Подобный род обмена в реформенной России стал более чем заметным явлением и в конце 1990-х гг. достигал не менее половины всего оборота. В качестве «денежного эквивалента» использовались трубы и строительные материалы, автомобили и лекарства. Причем, причина заключалась не только в нехватке денег в обращении или дефиците продуктов (когда натуральный продукт оказывается привлекательнее денег), но и, скажем, в попытках предприятий намеренно исказить стоимостные пропорции обмениваемых товаров, уйти от налогов, а на

уровне домохозяйств – в желании людей обойти стесняющие социальные нормы (неудобно брать деньги «со своих»).

«Хочется уже наконец какой-то стабильности!» – говорил маятник.

В.В. Радаев отмечает, что сегодня люди уже не столь энергично пытаются превратить различные предметы в разновидность денег. Однако они не менее активно, чем раньше создают различия в способах использования и значениях уже существующих денег. И самый важный элемент, порождающий множественность денег, связан именно с этим дифференцирующим действием. Он связан с тем, что люди производят разные денежные средства для разных типов социального взаимодействия. И это целевое обозначение денег является прямым порождением *социальных сетей* и ценностных ориентации. Подвиг самопожертвования минус осмысленный пафос самопожертвования = гиньоль. Научное первопроходчество минус творческий энтузиазм = скучная профанация не пойми чего не пойми ради чего. Государственное строительство минус осознание задания строительства = бюрократический морок.

Правильное поведение – это когда окружающие не удивляются вашим успехам. Они и так привыкли к мысли, что вы – лучший специалист в своей области. Почему они должны поразиться вручению вам премии? Наоборот. Следовало вручить вам премию международного масштаба. Ещё более верным с магической точки зрения ваше поведение будет, когда вы не только перестанете испытывать неудобство по поводу успехов, но и не будете им особенно радоваться. Премия? Её вам должны были вручить ещё два года назад. Как медленно вознаграждаются явные заслуги.

Реальность, которая описывается набором стереотипов (системой координат), содержится в компактном виде в профронтальной коре мозга. Если стереотипы разрушить, в голове человека сейчас же появится дыра, через которую его мозги начнут растекаться. Растекается, конечно, в этом случае не серое вещество. Но что за радость от этого? В разные стороны начинают течь мозговые импульсы. Человек очень хочет, но у него нет сил. Когда есть возможность, нет желания. Стоит начать что-то делать, появляются преграды. Будто черти путают.

Деньги решают все, выборные технологии – все остальное.

В традиционных обществах деньгам приписываются особые качества и особая ценность, не зависящая от их количества. На одни деньги можно было купить еду, на другие – жену, третьи – можно было подарить на свадьбу, четвертыми – откупиться за нанесенное оскорбление. «Неправильные деньги» либо просто не принимались, либо серьезно девальвировались по стоимости. Подобные явления хорошо изучены экономическими антропологами. К. Поланьи называл это «целевыми деньгами»²⁸, М. Дуглас – «первобытной купонной системой»²⁹. М. Вебер также указывал на существование денег, которые могли использоваться только женщинами или только мужчинами, являлись исключительным правом определенного сословия³⁰.

Однако, вопреки многим предсказаниям, целевые деньги в современном обществе никуда не исчезли. Сплошь и рядом государством, коммерческими и общественными организациями выдаются «связанные» деньги, предназначенные на строго определенные цели (гранты на исследования, потребительские и ипотечные кредиты, социальные пособия). Деньги превращаются в эффективный дисциплинарный инструмент, воспитывающий нового потребителя и гражданина. Способы расходования денег становятся ареной борьбы между донорами и реципиентами. Получатели денежной помощи имели свои представления, о том, что является предметом необходимости, а что относится к сфере необязательных трат и предметов роскоши. Они пытались обойти бюрократические барьеры, переопределить деньги и перенаправить их на иные цели в соответствии со своими этническими, тендерными и возрастными пристрастиями. В самом деле, куда мы отнесем, например, мороженое для детей – к предметам необходимости или «необязательным» тратам?

Современная заповедь:

выживи сам и выживи ближнего своего.

Уже упомянутый профессор В.В. Радаев отмечает, что и без всякого давления со стороны государства и общественных организаций люди сами дифференцируют официальные платежные средства, превращая их в разные деньги, даже если

физически они не содержат никаких видимых отличий. Подобное «социальное производство» денег выражается в трех взаимосвязанных процессах:

- деньги по-разному обозначаются в зависимости от источников их получения;
- деньги разнятся в зависимости от того, кем они используются;
- деньги различаются в зависимости от своего целевого предназначения.

С экономической точки зрения это выглядит абсурдно, но наше отношение к одной и той же сумме денег во многом определено тем, как она нам досталась: выиграна в лотерею или получена в подарок, получена в виде регулярного месячного жалования или заработана дополнительными усилиями и перегрузками. Для каждого вида «легких» и «трудных» денег есть свои наиболее вероятные способы трат и свои негласные запреты. Так, Зелизер приводит пример проститутки, которая считала невозможным жертвовать заработанные на панели деньги на нужды церкви, считая их «грязными» деньгами и отыскивая для пожертвований другие, более благопристойные источники дохода. Замечено также, что «легкие» и «грязные» деньги тратятся быстрее и более «легкомысленно» их обладатели как бы стараются от них скорее избавиться.

В зарубежной экспериментальной экономической теории было продемонстрировано, что даже если суммы абсолютно идентичны, люди совершенно по-разному воспринимают неожиданные доходы, когда в одном случае речь идет о премии, а в другом – о наследстве³¹. Добавим, что этот «субъективный бухучет» имеет не индивидуальный характер, он неразрывно связан с существующим социальным контекстом. Отношение к деньгам зависит и от их формы. Например, невидимые «электронные» деньги с кредитной карточки тратятся легче, чем наличные, а иностранная валюта тратится иначе, чем «родные» деньги.

Сохраняются различия между деньгами и в зависимости от того, кто их использует. Например, по трудно объяснимым причинам карманные деньги могут иметь только мужчины и дети, а женщина, будучи, как правило, распорядителем семейного бюджета (по крайней мере, в части текущих расходов), такой привилегии лишена. В целом распределение денег в домашнем хозяйстве определялось не только и не столько сообра-

жениями экономической эффективности, сколько сложным комплексом воззрений на семейную жизнь, взаимоотношения полов и принадлежностью к социальному классу. Так, в высшем и среднем классе жены получали от своих мужей нерегулярную помощь или, реже, регулярное содержание на ведение домашнего хозяйства. В рабочем классе, напротив, жене передавался весь заработок мужа. Как следует расценивать деньги, которые мужчина, выступающий в качестве основного кормильца, отдавал женщине на ведение совместного хозяйства? Это не было подарком, даже если их выдача целиком зависела от желания мужчины, а женщине приходилось выпрашивать каждый рубль. Не было это и оплатой услуг женщины, хотя она и выполняла массу домашних обязанностей. Не рассматривались эти деньги и как справедливая доля женщины в семейном бюджете, оставаясь собственностью мужчины-заработчика даже после их передачи супруге.

Экономист, как правило, интересуется масштабами личных доходов, сбережений и трат, он безразличен к их мотивам. Но именно эти мотивы во многом определяют то, как и при каких условиях сбережения будут потрачены или сменят свою форму, как зависит склонность к сбережению от динамики нормы процента или изменений в текущих доходах населения. Причем речь идет не об индивидуально-психологических предпочтениях. Например, понимание того, что значит «хорошо потратить» или «хорошо вложить» свои деньги, различается по социальным группам (у одних это могут быть книги, у других – машина или бытовая техника, у третьих – развлекательные поездки).

*Деньги пахнут: маленькие – потом,
а большие – кровью.*

Зависимость характера денег от их целевого предназначения и формы существования проявляется не только в жизни домашних хозяйств, но и в деятельности предприятий. Например, в советской производственной системе деньги представляли собой длинный ряд учетных единиц с ограниченной покупательной способностью, предписываемой их целевым назначением: деньги, выделенные на капитальные вложения и на заработную плату, были разными деньгами, они не подлежат обмену друг на друга, а их реальная цен-

ность существенно различалась или, например, более дефицитные наличные деньги во многих ситуациях оказывались в несколько раз дороже безналичных.

Далее, в зависимости от целевого предназначения денег и тех социальных отношений, в которые эти операции включены, денежные операции могут сильно отличаться от обычных рыночных сделок. Так, взятка отличается от подарка, подарок отличается от чаевых, а все вместе они разнятся с обычным рыночным обменом. Каждый способ расходования денег предполагает определенные социальные условия в виде институтов (правил поведения), предписывающих надлежащее количество денег, способы их передачи и круг лиц, которым такого рода деньги могут быть переданы. Нарушение установленных правил (вручение слишком маленькой или слишком большой суммы, передача денег не тому лицу или в ненадлежащих обстоятельствах) или несоблюдение соответствующих ритуалов разрушают коммуникацию, воспринимаются как непристойность, расцениваются как подрыв репутации или даже нарушение закона.

*Астролог — это астроном,
нуждающийся в деньгах.*

Конечно, существование множественности денег в современный период не столь заметно, как в случае первобытных обществ; социальные границы становятся все более невидимыми, но от этого они не теряют своей значимости. И умение обращаться с разными денежными единицами входит в «джентльменский» набор всякого современного человека.

Оказывается, что для оперирования деньгами недостаточно ознакомиться с прейскурантом продуктов и услуг (который, вдобавок, может и отсутствовать). Оно предполагает локальное знание и наличие определенных культурных навыков, позволяющих справиться с денежными проблемами и «не потерять лица» в глазах окружающих.

Вышеприведенные рассуждения не отрицают наличие тенденции к универсализации денег и их возрастающей однородности. Утверждается другое: тенденция к их универсализации сопровождается иной, прямо противоположной тенденцией — к дифференциации денежных единиц, которая не просто следует вслед за первой в качестве компенсаторной реакции. Она реализуется вме-

сте с первой тенденцией. С развитием экономических отношений происходит вовлечение в сферу денежного обмена вещей и человеческих навыков, которые ранее не подлежали купле-продаже, более того, считались сакральными, защищенными от механизмов рациональной калькуляции как в случае со страхованием жизни. Однако вовлечение новых объектов в рыночный обмен не приводит к установлению однородности в социальной и хозяйственной жизни. Действиями людей порождаются новые, особые рынки, а также новые специфические денежные единицы, которые отличаются от всех прежде существовавших единиц. При этом социальное производство множественных денег осуществляется путем ограничения сферы их использования, регулирования способов распределения. Люди изменяют внешний вид денег, придают определенным денежным операциям особый смысл, выделяют круг надлежащих пользователей, различают приемлемые и неприемлемые способы заработка. Очевидно, что происходит переплетение официальной институционализации денег бюрократическими способами, их социального «одомашнивания» в рамках семьи и персонализации в межличностных отношениях. Распространение денег и усиление их влияния сопровождаются их физическим и символическим разделением и маркированием, специфическим целевым обозначением. Деньги, сила которых, казалось бы, содержится в их одинаковости, устойчиво воспринимаются людьми по-разному и используются очень разными способами.

Итак, на основе показа многомерности явления «деньги» в контексте пространственного подхода можно поставить два вопроса:

1. *Желательно* ли жить в соответствии с правилами критического реализма и не обременять себя получением знания о сущности денег?

2. *Возможно* ли иметь то качество экономической науки, которым она обладает на сегодняшний день и одновременно придерживаться этих правил?

Какой из двух вопросов важнее, вероятно, будет решать для себя каждый исследователь. Однако для меня как экономиста второй вопрос представляется более значимым, чем первый.

И дело в том, что как явление общественной жизни деньги находятся между насилием и доверием³². А это уже не инструмент, облегчающий обмен. Деньги — не только и даже не столько эко-

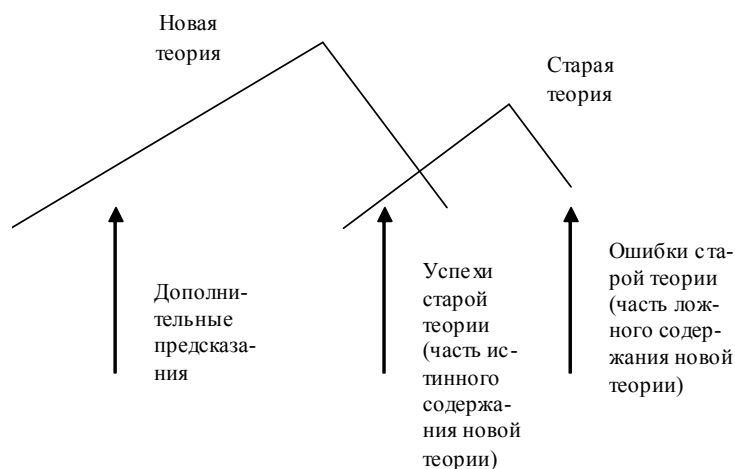

Рис.

номическое благо. Нет денег без доверия. Даже золото было фидуциарными деньгами. Именно поэтому вопрос о сущности денег заставляет меня рассматривать их как явление за пределами классической экономической теории. Обратимся к схеме (рис.), предложенной Полом Фейерабендом³³.

Используя схему как методологическое основание анализа изменяющейся сущности денег можно произвести следующие рассуждения. Во-первых, основываясь на результатах синхронического анализа, осуществленного мною на примере функционирования денег в разных ролях и не переходя к диахроническому анализу по поводу происхождения денег возможно выявления сущности денег как явления, существующего в экономическом пространстве. Но тогда сущность денег можно определить как денежное производство. К такому выводу невозможно не прийти исходя из определения денег как характеристики формы отношений между людьми в экономическом пространстве.

Во-вторых, следует взять под сомнение классическую мысль о деньгах: деньги существуют или их нет. Перевод от одного состояния к другому трактуется как радикальное преобразование социальных связей, а анализ этого преобразования оказывается вне сферы классической экономической теории. Следовательно, имеющаяся экономическая наука не вскрывает сущность денег.

Из нашего определения экономического пространства возникает возможность эту сущность выяснить. Инвариантный комплекс элементов

экономического пространства приводит к набору разных денежных форм.

В-третьих. Обмен в экономическом пространстве может быть и не связан с деньгами вовсе, если речь идет о людях, а не как экономических субъектах. Уличные музыканты получают от прохожих деньги, хотя последние не стоят столь долго, чтобы дослушать всё исполняемое произведение. А в концертных залах за билеты отдают достаточно большие суммы денег, хотя можно было бы услышать то же самое в домашних условиях (и без «фанеры»!). Можно полагать, что в таких актах обмена оказываются соединенными блага и души. В блага примешивают души (я тебе, дорогой, борщ варила с душой). В души примешиваются блага. Перемешивают жизни. Вот так люди и блага выходят из собственной сферы и смешиваются. Это и есть как раз (в терминах институциональной экономики) контракт и обмен. Это и есть как раз содержание экономического пространства. В нем происходит постоянный обмен духовной материей, включающей в себя блага (вещи) и людей, между любыми акторами.

Не в деньгах счастье: человек, имеющий десять миллионов долларов, может быть ничуть не счастливее человека, имеющего девять.

В связи с заявленным обратим внимание любознательного читателя на позицию И.В. Пшеницина, который в ходе своего анализа форм развития общественного капитала в рамках направле-

ния экономической теории, которое можно с определённой долей условности назвать «физической экономикой» делает следующий вывод: «Замкнутый на себя поток целесообразно направленной жизненной энергии, воспроизводящий рабочую силу, рождает внутри себя новое векторное поле, которое мы назовём *деньгами*»³⁴. При первом внешне сложном восприятии предлагаемого определения сущности денег вне контекста всей работы следует поразмыслить о нем, пусть даже и критически. А эти размышления непременно приведут к изучению работы итальянского экономиста Джованни Арриги³⁵, которая заканчивается предсказанием Америке наступления «Золотой осени финансов».

Подведём некоторые итоги.

Не в деньгах счастье, а в их наличии.

Первое. В традиционных обществах деньги являются средством, с помощью которого можно получить, обменять или сохранить реальные блага (в их материальной или символической формах).

К. Поланьи подчеркивает, что если уподобить деньги языку, то архаичные формы обмена не знают единой грамматики и вообще универсальных правил: «Ни в одном языке не известна подобная фрагментация использования звуков. В речи артикуляции подвергаются все произносимые звуки. При написании все буквы алфавита годятся для всех типов слов, в то время как в качестве архаических денег... используют один предмет как средство платежа, другой – как меру стоимости, третий – как средство накопления богатства, четвертый – как средство обмена; <как> в языке, где глаголы состояли бы из одной группы букв, существительные – из другой, прилагательные – из третьей, а наречия – из четвертой»³⁶. Такие деньги обеспечивают насыщенную конкретными значениями и смыслами коммуникацию, где все означающие – передаваемые от одного участника коммуникации к другому деньги – имеют определенных референтов в реальной действительности. Например, подати или компенсацию вреда, штраф (виру), калым и т.д. можно заплатить, лишь используя конкретную совокупность конвенционально и традиционно предназначенных для этого предметов, и такие платежные деньги однозначно соответствуют социальному значению данного типа отношений.

Счастье не в деньгах и даже не в их количестве, а в том, как долго ими удаётся пользоваться.

Второе. Процессы интернационализации хозяйственной деятельности людей приводят к тому, что под воздействием денег «языки различных отношений человека к человеку становятся вариантами одного языка, столь же универсального, как язык математики или музыки»³⁷, с одной стороны, а с другой нарастает отчуждение людей³⁸, что в свою очередь приводит многих из них к отчуждению от обменов посредством денег.

*Отказался от счастья,
узнав, что оно не в деньгах.*

Третье. Возникновение виртуальной экономики, в которой финансовые потоки становятся самодостаточной реальностью привело к появлению виртуальных денег. Отсюда стремление к вне рыночным обменам посредством «тонкой энергии» денег³⁹.

У денег два состояния: либо начинают заканчиваться, либо заканчивают начинаться.

Четвёртое. Трансформация функций и форм денег предопределяет эволюцию понимания сущности денег. Появление как дизъюнктивного синтеза в качестве объекта и предмета экономической науки *экономического пространства* предопределило применение пространственного подхода к выявлению новой сущности денег. Экономическое пространство позволяет анализировать уже не просто деньги как символы, а деньги как «развертывающиеся сингулярности»⁴⁰.

Подведём итоги: расход создаёт доход. Эта фраза принадлежит Владимиру Далю. Но и сегодня она не потеряла своего содержания. Расход человеческой энергии создают материальные и духовные блага. Вряд ли их можно разделить даже силой абстракции. Механизм их соединения – отношения между людьми, а деньги – характеристика формы отношений между людьми в экономическом пространстве.

Примечания

¹ *Джевонс Уильямс.* Деньги и механизм обмена / Пер с англ. – Челябинск: Социум, 2006.

² *Строев С.А.* Постиндустриальный симулякр: добро пожаловать в ролевою игру// *Философия*

хозяйства. – 2007. – №3. – С. 104.

³ Лиетар Бернар А. Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру. – М.: КРПА Олимп: АСТ: Астрель, 2007.

⁴ Грязнова А.Г. Предисловие к книге Бернара А. Лиетара. Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру. – М.: КРПА Олимп: АСТ: Астрель, 2007.

⁵ Осипов Ю.М. Курс философии хозяйства. – М., 2005.

⁶ Строев С.А. Указ. соч. – С. 110.

⁷ Впервые эта работа была представлена автором на конференции «Sociality/Materiality: The Status of the Object in Social Science» (19 сентября 1999 г., Brunei University). Позднее сокращенная версия текста была опубликована в журнале «Theory, Culture and Society» (N5/6, 2002) и на сайте Ланкастерского университета: <http://www.socpol.lancaster.ac.uk/sociology/papers/Law-Objects-Spaces-Others.pdf>. На русском языке см.: Ло Джон. Объекты и пространства // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 223–244.

⁸ Фуко Мишель. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. – М.: Ad Margenem, 1999.

⁹ Исключительно интересный анализ гетеротопий за пределами ограничений «эпистемы современности» предложен Кевином Хезерингтоном (Hetherington, 1997).

¹⁰ Подобную критику высказали Ник Ли и Стив Браун (Lee and Brawn, 1994), также Сьюзен Ли Стар (Star, 1991).

¹¹ Ильин В.В. Магия денег // Философия хозяйства. – 2007. – №4. – С. 176–196; Ильин В.В. Философия богатства: человек в мире денег. – Киев: Знания Украины, 2005. – 496 с.

¹² Уилсон Д. История будущего / Пер. с англ. И.Е. Добровольского. – М.: Аст: АСТ Москва: Хранитель, 2007.

¹³ Сорокин П. Социокультурная причинность, производство и время // Сорокин П. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой; под общ. ред. В.В. Сапова. – М.: Academia, 2005.

¹⁴ Осипов Ю.М. Курс философии хозяйства. – М., 2005.

¹⁵ Жириновский В.В. Говорит ЛДПР: Не врать и не бояться! – М.: Издание ЛДПР, 2007.

¹⁶ Подробнее см.: Зелизер В. Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы / Пер. с англ.

А.В. Смирнова и М.С. Добряковой; под научной ред. В.В. Радаева. – М.: Дом интелл. книги; Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2004. – С. 9.

¹⁷ Деррида Ж. Диссеминация / Пер. с фр. Д. Кралечкина. – Екатеринбург: У–Фактория, 2007.

¹⁸ Васильчук Ю.А. Социальные функции денег // Российский экономический журнал. – 1995. – С. 5.

¹⁹ См.: Зарубина Н.Н. Мифология денег в российском обществе // Общественные науки и современность. – 2007. – №4. – С. 39–48.

²⁰ Козин Ш.К., Ахлестова М.В. Мифологический мотив и манипулятивная деятельность на финансовых рынках. Современная российская мифология – М., 2005. – С. 249.

²¹ Деррида Ж. Диссеминация / Пер. с фр. Д. Кралечкина. – Екатеринбург: У–Фактория, 2007.

²² Леиашвили П.Р. Анализ экономических ценностей. – М.: Экономика, 1990. – С. 372–373.

²³ Зелизер В. Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы / Пер. с англ. А.В. Смирнова и М.С. Добряковой; под научной ред. В.В. Радаева. – М.: Дом интелл. книги; Изд. Дом ГУ–ВШЭ, 2004.

²⁴ Зиммель Г. Философия денег. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

²⁵ Леиашвили П.Р. Анализ экономических ценностей. – М.: Экономика, 1990. – С. 108.

²⁶ Зелизер В. Создание множественных денег // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – №4. – С. 58–72 (<http://www.ecsoc.msses.ru>).

²⁷ Приведем пример финансового творчества российского государства. При условии введения в 2004 г. специальных счетов для уплаты налога на добавленную стоимость российские предприятия не смогли бы распоряжаться до 20% своих средств. Эта виртуальная валюта получила название «НДС-рублей» (Кобзев Л. Деньги могут заморозить // Компания. – 2003. – №46. – 1 декабря. – С. 38–41).

²⁸ Полань К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. – 2000. – Т. 3. – №2. – С. 62–73.

²⁹ Douglas M. Primitive Rationing, in: R. Firth (ed.). Themes in Economic Anthropology. – London: Tavistock, 1967. – P. 119–145.

³⁰ «На первобытных ступенях развития деньги дифференцированы, смотря по полуобладателя, так как женщина не может владеть тем же денежным благом, как мужчина... Далее встречается сословное разделение денежного имущества на

деньги, употребляемые вождем, с одной стороны, и обыкновенными членами племени, с другой» (*Вебер М.* История хозяйства. Биржа и её значение / Пер. с нем.; под ред. И. Гревса. – М.: «Гиперборея»; «Кучково поле», 2007).

³¹ *Kahneman D. and ATversky.* The Psychology of Preferences // *Scientific American.* – 1982. – №246. – Р. 160–173.

³² Подробно данный подход исследовали профессор экономики Университета (Париж–Х), Нантер Мишель Аглиетта и директор исследовательской программы французского Национального центра научных исследований Андре Орлеан. См.: *Аглиетта М., Орлеан А.* Деньги между насилием и доверием / Пер. с фр. И.А. Егорова; науч. ред. пер. Н.А. Макашева. – М.: Издат. дом ГУ–ВШЭ, 2006.

³³ *Фейерабенд П.* Против метода, очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007.

³⁴ *Пиеницын И.В.* Общественный капитал: природа и развитие (раздел 5.1. Природа денег) – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 115–126.

³⁵ *Арриги Джованни.* Долгий двадцатый век. Деньги и власть в происхождении нашей эпохи / Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эйдельмана. – Л.: Изд. дом «Территория будущего», 2006.

³⁶ *Поляны К.* Семантика использования денег // Историко-экономический альманах. Вып. 1. – М., 2004. – С. 423.

³⁷ *Московичи С.* Деньги как страсть и как представление // Московичи С. Машина творящая богов. – М., 1998.

³⁸ *Ястребов А.Л.* Богатство и бедность. Поэзия и проза денег. – М., 1999. – С. 509.

³⁹ *Матвеев С.* Магия денег. – М., 2005.

⁴⁰ *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У–Фактория, 2007.

Н.Н. Масюк, А.В. Проворов, М.А. Бушуева

ПОДСИСТЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Экономическая безопасность предприятия является комплексным понятием и связана не столько с внутренним состоянием самого предприятия, сколько с воздействием внешней среды, с ее субъектами, с которыми предприятие вступает во взаимодействие. В связи с этим, вероятно, более точно утверждать, что экономическая безопасность предприятия отражает согласованность, сбалансированность интересов предприятия и интересов субъектов внешней среды.

Изменение экономики под воздействием рыночных механизмов выделяет систему экономической безопасности хозяйствующих субъектов в особую подсистему управления.

Многие российские предприниматели до сих пор не понимают и недооценивают степень важности проблемы экономической безопасности, не имеют понятия о том, что должно стать объектом защиты от конкурентов, недружественных элементов и преступных сообществ.

Экономическая безопасность хозяйствующего субъекта неразрывно связано с понятием «угрозы». Термин «угроза экономической безопасности хозяйствующего субъекта» трактуется в экономической науке неоднозначно. Однако ряд авто-

ров определяют его как возможность преднамеренного или непреднамеренного нанесения экономического или иного ущерба бизнесу со стороны конкурентов или нейтральных юридических или физических лиц с нарушением закона или предпринимательской этики. При этом возможна частичная или полная потеря ресурсов, возникновение убытков, недополучение доходов. Иногда это может сопровождаться еще и с дополнительными расходами на предотвращение указанных операций.

Причинами захватов является наличие какого-либо высоколиквидного актива, привлекающего конкурентов. Если 3–4 года назад захвату подвергались крупные предприятия, то в последнее время угрозам и поглощениям подвергаются предприятия малого и среднего бизнеса, т.к. у них меньше возможностей для защиты, они более уязвимы при нападении профессионалов по отнятию чужой собственности. Тем более, что работу по захвату чужой собственности осуществляют высококвалифицированные и высокооплачиваемые юристы и аналитики, каких практически нет ни в малом, ни в среднем бизнесе.

Комплекс защитных мероприятий может стоить 8–20% от стоимости компании. Противоосто-

ять скупке акций могут редкие предприятия. Для малого и среднего предпринимательства эта проблема особенно остра. Часто свою защиту предприятия начинают выстраивать, когда поглощение уже идет полным ходом. В этом заключается их ошибка. Единственный выход из данной ситуации – начать встречную скупку.

Необходимо бороться с угрозой недружественного поглощения задолго до начала самой атаки.

Для защиты от атакующей фирмы поглощаемая фирма может прибегнуть к скупке собственных акций, чтобы поднять их цену. Может показать большие долги и сама купить себя.

Если же сохранить предприятие невозможно, стоит попробовать договориться о хорошей цене продажи акций либо о способах сотрудничества с новым владельцем предприятия.

Недружественным захватам, как правило, предшествуют сбор информации о компании, выражающийся в проверках налоговых инспекций и силовых структур.

В целях защиты компании от недружественного поглощения, прежде всего, нужно провести ряд мер, а именно – правовую и экономическую оценку привлекательности компании. Следует узнать, насколько привлекательна отрасль для подобных действий, каково отношение к компании разного уровня политиков и исполнительной власти, поступали ли неожиданные предложения продать долю в компании в последнее время, выставлен ли кем-то пакет акций компании на продажу, повысилась ли цена на акции.

В Москве происходит до 500 недружественных поглощений в год, а по оценкам экспертов, в зоне риска находится более 3,5 тысяч предприятий. Под ударом, прежде всего, находятся предприятия легкой промышленности, на очереди – предприятия машиностроения, металлообработки, научно-исследовательские институты. В этих условиях первоочередной задачей, по мнению президента НП «Стратегия защиты» Э. Котляра, является противодействие стихийному переделу собственности и создание цивилизованного рынка слияний и поглощений в городе для сохранения научно-производственного потенциала. Решение проблем, считает Э. Котляр, лежит в самих акционерных обществах – это проблемы приватизации (ошибки при регистрации, выпуске ценных бумаг), текущей финансово-хозяйственной деятельности, отсутствие прозрачности, дивидендной политики и др.

Особое место в данной проблеме занимает информационная безопасность. Меры обеспечения сохранности информации на отдельном предприятии могут быть различны по масштабам и формам и зависеть от производственных, финансовых и иных возможностей предприятия, от количества и качества охраняемых секретов. При этом выбор таких мер необходимо осуществлять, исходя из принципа разумной достаточности, придерживаясь в финансовых расчетах «золотой середины», так как чрезмерное закрытие информации, так же как и халатное отношение к ее сохранению, могут вызвать потерю определенной доли прибыли или привести к серьезным убыткам.

Разумеется, все основные положения политики безопасности должны быть закреплены в соответствующих распорядительных документах, состав и содержание которых определяются спецификой объекта. Однако, как правило, ни одна организация не сможет обойтись без положений о коммерческой тайне, о защите информации, об администраторе безопасности сети, правил, разграничивающих доступ к информации, содержащейся в автоматизированных системах, правил допуска персонала и посетителей в помещения, где производится обработка критичной информации, порядка проведения служебного расследования по факту нарушения правил безопасности.

Переход экономики на рыночные отношения требует от руководителей предприятий не только разработки рыночной стратегии, но и стратегии безопасности, обязательно включающей специальные программы по защите интеллектуальной собственности и экономической безопасности. Соответственно, роль подразделения, ответственного за проведение данной работы на предприятии, выполняющего функции соблюдения правил политики безопасности и плана защиты, управления средствами защиты, контроля за правильностью их эксплуатации, выявления попыток и фактов нарушений и принятия мер по их нейтрализации, также выходит на первый план. Ослабление практически любой составляющей инфраструктуры предприятия непосредственно отражается на его безопасности, поэтому процесс управления предприятием находится в тесной взаимосвязи с вопросами безопасности. И именно поэтому новой составной частью в системах управления предприятием должны стать подсистемы управления экономической безопасностью, которые интегрируют все усилия предприятия по обеспечению его экономической безопасности.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕХАНИЗМЫ ЭСТЕТИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ

В исследовании эстетического как феномена психики человека известны два направления: исследование «сверху» – от понятийного мышления и сознания, от логики художественно-эстетических смыслов, и исследование «снизу» – от ощущений, механизмов восприятия: зрительных иллюзий, физиологических процессов мозга. Вот как рассматривал эту проблему Л.С. Выготский: «Эстетика сверху черпала свои законы и доказательства из “природы души”, из метафизических предпосылок или умозрительных конструкций. При этом она оперировала эстетическим, как какой-то особой категорией бытия, и даже такие крупные психологи, как Липпс, не избегли этой общей участи. В это время эстетика снизу, превратившись в ряд чрезвычайно примитивных экспериментов, всецело посвятила себя выяснению самых элементарных эстетических отношений и была бессильна подняться хоть сколько-нибудь над этими первичными и, в сущности, ничего не говорящими фактами»¹.

И сегодня разрыв между «эстетикой сверху» и «эстетикой снизу» по-прежнему существует. Налицо существенный пробел как в знаниях об элементарном эстетическом восприятии вне искусства, так и в знаниях о том, как сложные механизмы эмпатии соотносятся с элементарными механизмами психики.

Традиционно критерием эстетического объекта считается неутилитарное удовольствие от его восприятия. Такое понимание специфики эстетического было определено И. Кантом и широко распространено по сегодняшний день. И. Кант полагал, что удовольствие, которое определяет эстетическое суждение вкуса, свободно от всякого интереса, т. е. лишено представлений о какой либо выгоде. Позиция И. Канта исторически закономерна, т.к. видимая «беспричинность» эстетической эмоции фактически является следствием невозможности определить ту область, в которой эта причина скрыта, – бессознательное.

Эстетика немецкого классического идеализма часто усматривала причины обнаруживаемых

внешних эффектов бессознательной психической деятельности в проявлениях «объективной идеи», внешней по отношению к сознанию и психике вообще, отчего не могла найти адекватного им метода исследования. Теория бессознательного была развита до необходимого уровня значительно позже. А, соответственно, не удавалось и определить, что действительным критерием в данном случае является не бесполезность привлекаемого объекта, а, скорее, неосознанность причин, вызывающих интерес к объекту.

В конце XIX – начале XX века группа немецких психологов (Т. Липпс, К. Гроос, И. Фолькельт, В. Вундт) заложила основы психологической эстетики, получившей широкое распространение и развитие в дальнейшем. В частности возникла целая отрасль в психологии – психология искусства, объяснившая многие феномены в художественном творчестве и художественном восприятии. Со времён И. Канта возникли: гештальтпсихология, показавшая множество конкретных механизмов восприятия, психоанализ, вскрывший «многослойность» человеческой психики по уровням осознанности. Эти направления дали чрезвычайно богатый материал для объяснения конкретных психологических механизмов эстетических реакций человека.

Кантовское определение эстетического на сегодняшний день уже не может быть признано удовлетворительным. Л.Б. Шульц в 1966 году писал: «Признание неутилитарности и самоцельности эстетической эмоции само по себе ещё не означает ни иррационализма, ни интуитивизма, ни формализма. Дело в том, что ошибкой большинства домарксистских эстетиков, стремившихся выявить специфику эстетического вкуса, было не само утверждение неутилитарности и самоцельности, или безотчётности эстетической эмоции, а абсолютизация этих черт, противопоставление неутилитарной, самоцельной эмоции утилитарной, осознанной; между ними вырывалась пропасть. Неутилитарность и безотчётность превращалась в беспричинность, что противоре-

чит принципу детерминизма как всеобщему принципу»².

Вместе с тем, определение специфики эстетических эмоций с привлечением конкретных психологических механизмов представляет определённую трудность, т.к. исследования, выявляющие психологические механизмы эстетического восприятия, достаточно разнородны и даже разрозненны. Разные психологические школы выявили множество основополагающих механизмов эстетического восприятия, тем не менее, цельную картину может дать только объединение этих данных, установление зависимостей между ними.

Значительный вклад в теорию восприятия внесла гештальтпсихология, выводы которой считаются основополагающими в современных исследованиях восприятия вообще и эстетического восприятия, в частности. Установлено, что восприятие – активный процесс обнаружения упорядоченности в воспринимаемом содержании, который сводит все воспринимаемые формы к так называемым «хорошим формам», т.е. наиболее простым. Посредством этого механизма производится выделение конкретных форм из общего фона.

В связи с тем, что красота в традиционной эстетике связывается с гармонией, делается вывод о том, что прекрасным кажется то, в чём восприятие способно найти высокую степень упорядоченности, т.е. гармонию. Такой вывод хорошо согласует положения традиционной эстетики и данные новых психологических исследований. Тем не менее, он не лишён недостатков, т.к. не может объяснить как существующие тенденции к эстетизации дисгармонии, так и большие различия в эстетических вкусах. Развитие, изменение вкусов, значение социального содержания и смысла в искусстве здесь также остаются вне рассмотрения. (Справедливости ради, стоит сказать, что гештальтпсихологи отмечают зависимость интерпретации воспринимаемого от прошлого опыта индивида, однако дальше утверждения этого факта гештальттеория не идёт).

Исторически гештальтпсихология возникла из критики предшествующей теории – ассоцианизма. Вследствие высокой продуктивности гештальтизма в своей области, ассоцианизм был забыт, во многом незаслуженно, что мы постараемся показать ниже.

Основатель психоанализа З. Фрейд был далёк от проблем эстетической теории (по его же ут-

верждению³), тем не менее именно он дал чрезвычайно ценный материал для исследований в этой области. Психоанализ показывает «многослойность» психики по уровням осознанности, предлагая терминологически определить наиболее специфически выраженные уровни: сознание, подсознание, бессознательное. Также средствами психоанализа (в значительной мере через анализ сновидений) было показано, что работа неосознаваемой области психики связана с символизацией текущих потребностей личности. Этот вывод (как и многие другие выводы теории психоанализа), в свою очередь, подразумевает, что неосознаваемые процессы, во-первых ассоциативны, во-вторых, связаны с актуальными и практически значимыми потребностями личности.

Теорию эстетической эмоции как «синтеза эмотивных ассоциаций» развивал Л.Б. Шульц. Причину положительных эстетических эмоций Л.Б. Шульц видел в «соединении множества положительных эмотивных ассоциаций с образом одного и того же объекта»⁴. Эти ассоциации неосознаваемы по причине их множественности; сознание не способно их вместить.

Мы полагаем, что можно значительно расширить теорию Л.Б. Шульца, введя в неё понятие «ценность», «ценностные ориентации». Ценности имеют как рациональную, так и (что нас больше интересует в данном случае) эмоциональную сторону. И с этой стороны всякая ценность привязана уже к некоторой совокупности эмоциональных реакций, относительно стабильной в психике человеческого индивида. Вместе с тем, ценность представляет собой некоторый как рациональный, так и эмоциональный «класс» предпочтений, установок, потребностей индивида. Поэтому эмоциональные эстетические реакции через ценностные ориентации связываются со множеством самых разнообразных аспектов человеческой жизни. Наконец, в психологии известно и классифицировано множество стандартных «общечеловеческих» ценностей, которые подразумевают и сходную эмоциональную окраску у самых разных людей. Классифицируя ценности, мы тем самым классифицируем и эмоциональные реакции (хотя и крайне приблизительно, к тому же всегда имея в виду возможность негативных реакций). Объяснив эстетическое удовольствие как *чувство, связанное с возбуждением неосознаваемых ассоциаций воспринимаемого с ценными для воспринимающего жизненными*

обстоятельствами, мы получаем возможность не только показать детерминизм, упущенный в кантовском определении эстетического объекта, но вместе с этим выявить и причины разнообразия эстетических вкусов, поскольку они зависят от уникального жизненного опыта воспринимающего субъекта.

Последнее обстоятельство особенно важно ввиду также распространённого по сегодняшний день традиционного представления о том, что основной причиной, вызывающей эстетическую реакцию у человека, является гармония воспринимаемого объекта. Проблема заключается в том, что утверждения типа «красота есть гармония» исключают возможность качественного различия в эстетических вкусах, которое, тем не менее, объективно существует. Одновременно необходимо отметить, что представления о связи красоты и гармонии неслучайны, гармония действительно является значимым фактором в формировании эстетической эмоции. Сама собой возникает задача: определить роль гармонии в свете предлагаемой нами ассоциативно-ценностной теории эстетического восприятия.

На наш взгляд, гармония является не столько причиной эстетической реакции, сколько фактором, усиливающим такую реакцию, своего рода катализатором. Гармонические качества эстетического объекта способствуют целостности перцепта. Это даёт возможность наиболее полного обладания эстетическим объектом в форме его психического отражения. Можно сказать, что гармония в эстетическом объекте функционирует как «хорошая форма» в гештальтистском смысле. Возникает ощущение целостности, оптимальности эстетического образа, утверждение его «внешнего», будто-бы «независимого» от воспринимающего совершенства, которое понимается воспринимающим как аргумент в пользу того, что воспринимаемый объект красив, прекрасен. Таким образом, гармония эстетически ценного объекта по отношению к сознанию воспринимающего выступает как псевдо-объективное доказательство эстетической ценности объекта.

Наконец, кратко коснёмся тенденции эстетизации дисгармонии. Гармония, достигшая наивысшего из возможных в данных условиях уровня совершенства, превращается в монотонию, в однообразие, вызывает притупление интереса, оказывает усыпляющее действие, что в целом можно характеризовать как состояние скуки.

Субъект (хотя чаще не единичный субъект, а некоторое общество) постепенно становится эмоционально невосприимчив к ставшему привычным совершенству и обращается к поиску новых идеалов.

Мы видим, что, хотя гармония и является значимым фактором в формировании эстетической эмоции, тем не менее, её наличие и качество, в целом, не является критериальным. Субъект может пренебречь качеством гармоничности в воспринимаемых явлениях в пользу других, менее отчётливо осознаваемых (или вовсе не осознаваемых) причин. Эстетический объект может вызывать не только положительные эмоции, как «прекрасный», но и отрицательные – как «безобразный». Последнее определение также является эстетической категорией. Эстетический объект можно характеризовать как *объект, вызывающий эмоцию, детерминированную неосознаваемой ассоциативно-символической связанностью объекта с опытом воспринимающего субъекта*.

Эстетическое часто тесно связывается с эргономичным. Действительно, объективное удобство вещи, даже если оно не осознанно, может быть воспринято через комплекс ассоциаций, сближающих воспринимаемый объект с множеством когда-либо положительно оцененных объектов. Многим кажутся прекрасными объекты, которые при их создании никогда не рассматривались с точки зрения их дизайна, учитывалась исключительно техническая целесообразность: таковы космическая ракета, самолёт и. т.д. На наш взгляд, это прежде всего показывает принципиальную полезность самой способности человека к эстетическим оценкам. На основании одной только субъективно «необъяснимой» эстетической привлекательности человек оказывается потенциально способным выявить сравнительно лучшее из предложенного. (Т.е. как объективно, универсально «лучшее», так и наиболее подходящее для себя).

Не без оснований распространено мнение, что вещь будет хорошо служить, только если она сделана аккуратно и *красиво*. Дизайн, в принципе, возник из осознания этой способности и располагает средствами не только «обмануть» эстетический способ оценки вещи, но и подменить эту естественную способность модой на стиль. В результате признаки принадлежности вещи к определённому (модному) стилю начинают эстетически (т.е. чаще не вполне осознанно) вос-

приниматься как эргономичные, что далеко не всегда соответствует действительности. Эта проблема осложняется ещё и тем, что дизайн выполняет не только эстетическую функцию, но нередко выражает и какую-либо художественную идею, никак не связанную с назначением вещи (будь то рукоятка ножа в форме рыбки, или электровоз, очертаниями напоминающий космический челнок), т. е. существует как явление искусства.

Обращаясь к проблеме искусства и художественного восприятия, необходимо отметить в первую очередь, что искусство – социальное явление. Произведения искусства являются преднамеренно созданными эстетическими объектами, через которые художник стремится не только возбудить эстетическую эмоцию у зрителя, но и находит возможности выразить и множество социально значимых идей. Поэтому, говоря о восприятии произведений искусства, понимая более широкую специфику этого явления, мы говорим уже о художественном восприятии, которое хотя и имеет многие черты элементарно эстетического, существенно сложнее и с необходимостью использует множество психологических механизмов, не являющихся специфичными для элементарного эстетического восприятия. Вместе с тем, при восприятии произведений искусства разных видов, жанров и разными людьми в различных обстоятельствах действуют существенно различные комплексы психологических механизмов, что сильно осложняет определение специфики художественного восприятия. Кроме того, вследствие развития множества направлений искусства XX – начала XXI века, объект искусства (сам по себе, изолированно) вообще лишился каких-либо объективных признаков, которые бы указывали на это его качество, и может мыслиться как таковой только вследствие обусловленности конкретными социально-культурными обстоятельствами (о чём говорят, в частности, современные институциональные теории искусства).

Обращаясь к исследованию искусства и его психологических оснований, мы считаем необходимым прежде всего рассмотреть генезис этого явления и выявить причины его возникновения.

«Изображение уже в простейшей форме представляет собой отвлечение от конкретной целостности реального предмета, допускает обобщение»⁵. Опыт изображения объектов позволяет на элементарном уровне научиться различать реальный объект и его изображение, реальный

объект и субъективное понятие о нём, первоначально выражавшееся в рисунке, а в дальнейшем перешедшее в специфическую форму психического представления – воображение. Возникла способность психики к объективации *комплексов признаков значимых объектов*, интегрирование их в обобщённые *понятия*, которые могут быть выражены словом, знаком или рисунком.

Изображение можно рассматривать как «материализованное понятие», преобразованное из психической формы существования в материальную. Рисунок является элементом сознания; в то же время он оказывается внешним феноменом по отношению к сознанию, его породившему, и, таким образом, оказывается доступным для других членов социума. Поэтому рисование мы можем характеризовать как невербальный, но понятийный способ общения; как одну из форм, параллельную второй сигнальной системе – словесной.

Искусство, на этапе его возникновения в эволюционном развитии человека, мы рассматриваем как одну из реализаций игрового инстинкта. Игровой инстинкт возникает как стремление к деятельности, направленное на активное развитие молодого организма. Особенно примечательно то, что деятельность, мотивируемая игровым инстинктом, способна принимать любые формы. Т.е. генетически предопределено только само стремление к игре, в то время как содержание игры генетически не предопределено. (Мы видим, что содержанием игры ребёнка, как правило, является отражение деятельности взрослого, специфичной для каждого исторического периода, местных и т.п. условий). Вследствие этого игровая деятельность, генетически предписанная игровым инстинктом, смогла стать областью реализации других инстинктов: возникла способность к сублимации.

Изначально умение создавать натуралистичные изображения позволяет «материализовать» образы индивидуальной фантазии, которые имеют определённую ценность для индивида. Выраженные в рисунке, они становятся подобными предметам объективной реальности ещё и потому, что получают признание их реальности со стороны общества. Неслучайно, согласно некоторым древним воззрениям, обладание изображением объекта считалось почти тождественным обладанию самим объектом. Этот эффект «материализации идей» в искусстве имел зачастую даже большее значение, чем возможность точ-

ной передачи визуальной информации о реальных объектах. Палеолитическая Венера и Венера Милосская, статуи Будды и «Мыслитель» О. Родена существуют исключительно как продукты «материализованной» фантазии. (Эти произведения не служат цели донести информацию о внешности каких-либо конкретных реально существовавших людей).

Мотивом обращения к изобразительной деятельности служит цель получения образа в качестве «новой игрушки». Обратим внимание также на то, что содержание всякой игры можно рассматривать как сублимацию какого-либо иного инстинкта, например инстинкта охотника (наибольшей популярностью в древнейших рисунках пользовались животные, на которых человек охотился, реже – сами сцены охоты), или полового инстинкта (изображение сексуального объекта).

Искусство предоставляет чрезвычайно богатые возможности для реализации фантазий, которые малоосуществимы (или неосуществимы) в действительности. Так, ребёнок реализует в игре жизнь взрослого, которая ему не доступна в действительности. Такое содержание игры определяется желанием стать взрослым, т.к. ребёнок видит множество преимуществ взрослого перед собой, а стремление к превосходству (инстинкт лидерства) требует, как минимум паритета в возможностях.

Реализующиеся в искусстве потребности современного человека значительно отличаются от древнего. Прежде всего, современный художник в большинстве случаев становится выразителем не только и не столько индивидуально-биологических потребностей, сколько коллективных и социальных. Кроме того, современный художник может выражать эти потребности способом от противного. (Классический случай – изображение безобразного как косвенное утверждение прекрасного). И, наконец, он может сам и не находиться под давлением выражаемой им общественной потребности, которая может касаться его весьма опосредованно, косвенно.

Чем на более широкой понятийно-символической основе базируется смысловое содержание произведения искусства, тем большее количество зрителей сможет воспринять идею произведения. Причём не обязательно сознательно. Как уже было отмечено, бессознательные ассоциации детерминируют эстетическую заинтересованность. Художник же (как сознательно, так

и бессознательно) может содержанием своего произведения предопределять характер зрительских ассоциаций, исходя из схожести опыта представителей определённой культуры. Именно поэтому субкультурное и так называемое элитарное искусство очень часто бывает непонятно широким массам и непривлекательно для них – ведь идеи и потребности, которые оно выражает, актуальны и оторефлексируются до необходимого уровня только в рамках соответствующих субкультур.

Через художественное произведение зритель чувственно, эстетически воспринимает не только объективную действительность в собственном преломлении (как это имеет место в элементарном эстетическом восприятии вне искусства), но также понимание этой действительности художником, т.е. систему ценностных отношений художника к изображённым предметам, его общую жизненную систему ценностей (в той мере, в которой отношения к конкретным предметам её выявляют). Резонанс в ценностных ориентациях художника и зрителя утверждает соответствующую систему ценностей. Произведение искусства становится коллективным символом такой системы ценностей, а не индивидуальным, как это имеет место в любом случайном акте эстетического восприятия.

Таким образом, искусство функционирует как социальный механизм, объединяющий индивидов по принципу схожести эстетических и нравственных предпочтений.

Искусство – чрезвычайно многофункциональный и гибкий социальный механизм. Его средства как сознательно, так и бессознательно используются в самых разнообразных формах культурной деятельности: в целях общения, объединения, воспитания, внушения, развлечения; словом, везде, где обращение к эстетическим чувствам человека способно вызвать желательную реакцию.

Комплексы психологических механизмов, действующих в различных случаях художественного восприятия, не столь же однотипны по составу, как в чисто эстетическом (ассоциативно-ценностном) восприятии. Например, эффект катарсиса осуществляется не только вследствие эстетического удовольствия и нравственного единения с автором или героями произведения. Длительные процессы увлечённого переживания судеб героев в театре, в кино позволяют сознанию получить относительно длительное освобождение от соб-

ственных, нередко однообразных (явление монотонии) жизненных проблем.

Художественный катарсис мы рассматриваем и как результат психического отдыха. Даже процессы сновидения не в состоянии обеспечить подобный отдых. Содержание сновидения основывается на собственном психическом материале субъекта; сновидение не даёт освобождения от этого материала. Приобретение опыта в акте вчувствования в произведение искусства, общеэстетический (ассоциативно ценностный) эффект, усиленный в эмпатическом процессе (т.к. в этом случае эстетическое чувство полнее занимает сознание), и возможное разрешение личных нравственных проблем через произведение искусства также играют несомненную роль в конечном эффекте катарсиса.

Подведём итог. Объяснение эстетического удовольствия как удовольствия, вызванного неопределимыми причинами, на сегодняшний день уже не может считаться удовлетворительным. На сегодняшний день мы имеем достаточную теоретическую базу, чтобы не только определить ту область, в которой можно найти объяснение многих

феноменов культуры, но и показать ряд конкретных механизмов осуществления этих феноменов.

Эстетическое восприятие и искусство имеют глубокие корни в эволюционном развитии человека. Исходные психические способности (многие из которых присущи и некоторым высшим животным) у человека развились в *качественно новые* способности, обусловившие стремительное, ускоряющееся развитие культуры и цивилизации.

Примечания

¹ *Выготский Л.С.* Психология искусства. Изд. 3-е. – М.: Искусство, 1986. – С. 9.

² *Шульц Л.Б.* Специфика отражения действительности в эстетическом вкусе: Дисс. ... канд. филос. наук. – М.: МГУ, 1966. – С. 117.

³ *Фрейд З.* Художник и фантазирование. – М.: Республика, 1995. – С. 265.

⁴ *Шульц Л.Б.* Специфика отражения действительности в эстетическом вкусе: Дисс. ... канд. филос. наук. – М.: МГУ, 1966. – С. 121.

⁵ *Мириманов В.Б.* Первобытное и традиционное искусство. – М.; Dresden: Искусство; Verlag der Kunst, 1973. – С. 15.

К.В. Иванова

ВОПРОС КАК СРЕДСТВО ФИКСАЦИИ ПРОБЛЕМНОЙ СИТУАЦИИ

На протяжении длительного времени философы рассматривали вопрос как одну из главных составляющих познавательного процесса. Например, система вопросов Сократа представляла собой своеобразное орудие, с помощью которого можно делать открытия, она являлась методом добывания истины. Согласно Платону, если вопросы плохо решаются, то это причины всех затруднений, а если вопросы хорошо решаются, то они являются причинами успеха. Часто и по-разному спрашивать – это и значит приобретать точные знания. Аристотель трактует вопрос как мыслительную форму, обеспечивающую переход от незнания к знанию, вопросы стоят у самого основания познания, без вопросов невозможно знание первых «неопосредованных» начал, вопросами определяется направление рассмотрения. Познание складывается из ответов на определённые вопросы. Вопрос, по Р. Декарту, это, прежде всего, мыслительная форма, связанная с поиском истины.

С конца XIX – начала XX столетия в связи с успешным применением математических средств при изучении мышления появляется возможность по-новому подойти к исследованию мыслей, заключённых в предложениях (в том числе, и в вопросительных). С этого времени зарубежные авторы практически перестают говорить о познавательной роли вопросов. И только советские исследователи остаются верными многовековым традициям. Например, Ф.С. Лимантов пишет: «Вопрос – это исходное звено познавательного процесса»¹, или П.В. Копнин говорит о том, что «вопрос – одна из форм познания и раскрытия предмета. Нет такой науки, которая бы обходилась без постановки вопросов (проблем). Правильная постановка вопросов есть результат сложной мыслительной деятельности»². Но проходят годы. И в редких учебниках философии в главе «Познание» можно встретить упоминание о вопросах. Авторы же учебников по логике только отмечают познавательную функцию вопросов, и то

не все и не всегда. Также и современные работы, посвящённые эротической логике, основной акцент переносят на формальную составляющую. А между тем, определить место вопросов крайне важно. Ведь вопрос является основополагающим элементом жизнедеятельности людей. Важнейшей его функцией является познавательная.

Вопрос выступает в качестве связующего звена между известным и неизвестным, побуждая тем самым человека к постоянному движению от незнания к знанию. Отношение отдельно взятого человека к реальности можно рассматривать как форму диалога, в котором он пытается отыскать ответы на свои вопросы. Человек, таким образом, находится в отношении информационного запроса к природной и социальной среде, а также самому себе.

Вопросы, в которых преобладает познавательная функция, называют исследовательскими вопросами, они направлены на получение принципиально нового знания (вопросы, на которые пока нет ответа). Исследовательским, например, будет вопрос «Какими факторами главным образом определяется успех в организации деятельности правоохранительных органов?». В некотором смысле работа любого учёного сводится к поиску ответов именно на эти вопросы.

Любая деятельность человека направлена на познание чего-либо, поэтому и начинается она всегда с постановки вопроса (в той или иной форме).

Вопрос может проявляться в различных познавательных формах. Вопрос как проблема, вопрос как задача являются основными формами, отражающими объективные противоречия познавательного процесса; при этом каждая из этих форм познавательной деятельности обладает специфическими чертами и имеет свои разновидности. Суть любой проблемы выражается именно в форме вопроса, который должен быть ясно и точно сформулирован. Не зря считается, что сформулировать проблему иногда труднее, чем её решить, ведь «правильно поставленный вопрос – половина ответа».

Особой формой выражения вопросов является проблема. Проблема – это «базальный арсенал вопросов, которые продуцируются на стадиях процесса гностизации объектов...»³, то есть проблема – совокупность нерешённых вопросов, объединённых общим основанием, которые выводятся из процесса познания окружающего мира. «Проблема (от греч. *problema* – задача),

в широком смысле – сложный теоретический или практический вопрос, требующий изучения, разрешения; в науке – противоречивая ситуация, выступающая в виде противоположных позиций в объяснении каких-либо явлений, объектов, процессов и требующая адекватной теории для её разрешения»⁴. В широком смысле проблема – любая ситуация, практическая или теоретическая, в которой нет соответствующего обстоятельства решения и которая заставляет поэтому остановиться и задуматься. Проблема в самом общем смысле – это некоторое затруднение, колебание, неопределённость. Следовательно, требуются некоторые действия по устранению этой неопределённости, но далеко не всегда ясно, что именно следует предпринять.

«Проблемные вопросы» возникают при следующих условиях: 1) если на данный момент не обеспечивается достижение поставленных целей; 2) если в будущем нет возможности достижения поставленных целей; 3) если необходимо изменение поставленных целей.

Наиболее удобным для рассмотрения является следующее деление проблем: мнимые проблемы, явные и неявные проблемы.

Мнимые проблемы – это воображаемые, кажущиеся проблемы. К таковым относятся: 1) проблемы, где в поставленном вопросе не достаёт подробностей, которые позволили бы установить альтернативы (например, сюда относятся и некорректные вопросы, такие как: бессмысленные, недоопределённые, тавтологичные, и вырожденные вопросы); 2) проблемы, решение которых в значительной степени зависит от личных взглядов, вкусов, склонностей, привычек (личностные вопросы, которые запрещены к применению во многих областях, например, юриспруденции, если это не является основным фактором рассматриваемого дела).

Явные проблемы – это проблемные ситуации, когда чёткая формулировка вопроса задана с самого начала. Различия между ними сводятся к тому, известно ли, каким методом должна решаться проблема, и определено ли, что следует считать её решением, то есть имеется явный вопрос, известно, как на него ответить, и что должно считаться ответом. Эти вопросы должны быть обязательно корректными.

Здесь наиболее важно то, что все эти проблемы являются в принципе разрешимыми, причём круг поиска их решения ограничен, а основные

линии поиска в основе своей ясны ещё до исследования.

Неявные проблемы – это проблемные ситуации, когда проблему ещё предстоит обнаружить и сформулировать, когда есть некоторое затруднение, недоумение, «загвоздка», но нет открытого и прямо поставленного вопроса.

Среди неявных проблем особо выделяется тип, включающий в себя парадоксы и их разновидности. Парадоксы как особый тип вопросов представляет собой наиболее ранние проблемные ситуации, замеченные и созданные человеческим интеллектом; это толчок для ускорения развития мышления людей. Ещё представители мегарской школы прославились своими софизмами. Почти все из них выражены в форме вопросов, например: парадокс «Лжец» («Если кто-нибудь говорит, что он лжёт, то лжёт ли он или говорит правду?»), парадокс «Куча» («Одно зерно ещё не есть куча. Равным образом, если мы будем прибавлять всё время по одному зерну, кучи ещё не будет. Когда же прибавление одного зерна образует кучу?»), парадокс «Лысый» («Если вырвать один волос, человек не становится лысым, равным образом, если вырвать ещё один волос, ещё один и т.д. С которого по счёту вырванного волоса человек становится лысым?»). Диалектическая игра мегариков в вопросы, на которые нельзя ответить ни «да», ни «нет», свидетельствовала о существовании вопросов, включающих простые ответы.

В вопросе-задаче ответ находится в отношении выводимости к знанию, содержащемуся в самом условии задачи. Он заключен в предпосылках вопросов и с необходимостью вытекает из них, сопоставляя заложенную в них информацию на основе определённых правил преобразования. Под нестандартным вопросом-задачей понимается такой вопрос, для решения которого в данной теории отсутствует необходимая методология, методика. Вопрос является стандартным, если в теории, концепции имеется вполне определённый метод его решения. Например, квалификация противоправных деяний является стандартной задачей в юриспруденции, которая решается на основе существующего законодательства.

Здесь наиболее распространённой разновидностью вопроса является информационный вопрос. Он употребляется в общении между людьми, в спорах, дискуссиях и т.д. и может рассматриваться как наиболее простая, элементарная

форма вопроса. При информационном вопросе противоположность между субъектом и объектом сужается до противоположности между отдельным человеком (или какой-то группой людей) и конкретными обстоятельствами, с которыми этот человек (или группа людей) сталкивается. В отличие от проблемы каждый отдельный информационный вопрос не носит общечеловеческого характера. Ответ на подобный вопрос, если он возникает в научном исследовании, находится путём информационного поиска. Возникнув перед отдельно взятым индивидом, он может быть проблемой, если окажется, что решить его невозможно с помощью достаточного у общего знания.

Особым типом информационного вопроса является научный вопрос, который по своей сложности и трудности приближается к проблеме. Очень часто научные вопросы отождествляют с проблемами. Однако между ними имеется существенное различие, которое заключается в том, что решение проблемы представляет собой выход за пределы познанного, а решение научного вопроса – нахождение некоторой процедуры действий, подчинённых уже известной схеме.

Сущность вопроса отражается в способе, которым он предоставляет правильные ответы; при этом участники вопросно-ответной ситуации по характеру вопроса способны определить, какими должны быть правильные ответы на него. Так как вопрос выступает как одно из проявлений диалектического противоречия между субъектом и объектом, то данное противоречие конкретизируется в противоречии между относительным и абсолютным, абстрактным и конкретным, вероятным и достоверным, а также между теорией и опытом, обобщением и фактом, субъективной целью и объективным законом, предметом и методом науки и т.д., а вопрос, таким образом, является выражением противоположности между субъектом и объектом в каждом из этих конкретных случаев. При этом, будучи проявлением диалектического противоречия между субъектом и объектом, сам вопрос оказывается внутренне противоречивым; заключённое в нём противоречие выступает как противоречие между знанием и незнанием или, иными словами, как неопределённость знания. Данное диалектическое противоречие проявляется и в форме противоречия между вопросом и ответом. Логическая сущность вопроса может быть правильно поня-

та только с учётом целенаправленного характера практической и познавательной деятельности активного субъекта.

При этом, в какой бы познавательной форме ни выступал вопрос того или иного вида, следует отметить, что его постановка как составная часть рассуждения и познания вообще подчиняется всем требованиям познавательного процесса, в том числе основным формально-логическим законам, выполнение которых обуславливает определённость, последовательность, непротиворечивость и обоснованность мышления. Можно выделить некоторые основные правила постановки вопросов.

Правило № 1: «чёткость, определённость, ясность, однозначность» — чем глубже, полнее, всестороннее знание предмета, тем чётче, точнее, определённое спрашивающий может сформулировать вопрос; в целом, ясность, однозначность, определённость постановки вопроса предполагают, во-первых, чёткую дефиницию понятий, входящих в его предпосылки, во-вторых, достаточную определённость правил соотношения этих понятий в данном вопросе.

Правило № 2: «последовательность» — всякое уточнение предполагает последовательную постановку вопросов; последовательная постановка вопросов предполагает наличие определённой системы вопросов, в которой могут быть различные логические связи и отношения; для последовательной постановки первостепенное значение в системе вопросов имеют отношения, выражающие логическую зависимость между ними.

Примерами логически зависимых вопросов могут служить вопросы, являющиеся средством получения информации при дихотомическом делении (бинаризации) некоторого множества возможностей.

Можно указать некоторые условия разложения одних вопросов на ряд других, конечно, во многом разложимость вопросов зависит от типа рассматриваемых вопросов, но остановимся на общих условиях:

1) наличие ограниченного количества возможных ответов на первоначально поставленный вопрос или наличие ограниченного количества необходимых для решения сложного вопроса простых вопросов, обнаруживаемых с помощью определённого алгоритма;

2) различимость элементов, составляющих сущность запрашиваемой информации;

3) знание признаков, по которым элементы, составляющие суть вопроса, отличаются друг от друга; существование объективной различимости элементов, знание такой различимости, но незнание, какими именно индивидуальными признаками обладает тот или иной элемент, делают возможным дальнейшее расчленение вопроса на ряд других вопросов, вытекающих из первоначально заданного вопроса.

Однако бывают и такие случаи, когда получить все вопросы, логически следующие из данного вопроса, невозможно. При этом последовательная постановка вопросов предостерегает от многих ошибок, в том числе от такой распространённой, как «ошибка многих вопросов».

Правило № 3: «отрицание универсальности» — вопрос должен ставиться конкретно:

— во-первых, обязательность исторического подхода к предмету вопроса;

— во-вторых, необходимость учёта условий существования предмета вопроса, обстоятельств конкретного спора, дискуссии;

— в-третьих, то, что всегда надлежит иметь в виду как многообразные связи вопроса с другими проблемами, так и взаимодействие между элементами самого вопроса.

Правило № 4: «необходимость чёткого различения между вопросами теоретическими и практическими, а также между общими и частными».

В самом общем смысле вопрос с логической точки зрения является поставленным неправильно, если он некорректно сформулирован, т.е. если его формулировка содержит какую-то логическую ошибку. Можно указать следующие логические ошибки, которые встречаются в выражениях вопросов как в естественных языках, так и в научных теориях.

1. Выражение вопроса может не соответствовать синтаксическим и семантическим правилам того языка, на котором он сформулирован.

2. Формулировка вопроса может быть неточной, неясной или многозначной, вследствие того, что в ней встречаются неопределённые термины, неточные или случайные слова.

3. Корректная формулировка вопроса означает, что все составные элементы вопроса точно указаны.

Особенности постановки вопроса всегда органически связаны с исходной позицией того, кто ставит вопрос, всякая постановка вопроса имеет определённую мировоззренческую базу.

Примечания

¹ *Лимантов Ф.С.* Лекции по логике вопросов. – Ленинград, 1975. – С. 5.

² *Копнин П.В.* Природа суждения и формы выражения его в языке // Мышление и язык. – М.,

1957. – С. 318.

³ *Юрчук В.В.* Современный словарь по логике. – Минск, 1999. – С. 548.

⁴ Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2001.

С.О. Калинина

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ (ТВЕРСКИХ) КАРЕЛ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Кризис идентичности в современную информационную эпоху представляет собой одну из ключевых проблем социальной философии и социологии [1]. Такие же виды идентичности, как религиозная и этническая, выделяются особым образом в качестве фундаментальных характеристик в структуре самосознания личности, так как они, по выражению испанского философа М. Кастельса, с начала человеческого общества «лежали у корней значения» [4, с. 27] и потому могут дать ответы на вызовы постиндустриального глобального мира, входящего в конфликт с человеком. Диапазон конкретных исторических обстоятельства и временных этапов развития этносов обуславливает вариативность конкретных моделей идентичности/самоидентификации. Поскольку научная модель идентичности/самоидентификации в наш век национальных и религиозных всплесков находится в стадии теоретического осмысления, представляется ценной любая фиксация эмпирически наблюдаемых фактов и процессов в этой сфере культуры и духовной жизни.

В данной публикации представлены некоторые результаты социологического исследования проявлений национальной идентичности и национальной самоидентификации верхневолжских (тверских) карел – быстро ассимилирующегося финно-угорского народа, 400 лет компактно проживающего в пределах шести районов Тверской области (Центральный федеральный округ России).

Карелы переселялись на современную территорию Тверской области в XVI–XVII веках, спасаясь от тягот, порожденных войнами между Россией и Швецией, которые на протяжении нескольких веков не могли поделить карельские и прибалтийские земли. Сами переселенцы называли три причины своего исхода: «Бежали... первое –

для веры, другое – для языка и своей природы, третье – от больших податей тягости...» [7, с. 15]. Наибольшее число переселенцев пришлось на 1640–1660 гг. По приблизительным подсчетам, к 1670 г. на тверскую землю было переселено 25–30 тысяч человек. В конце XIX – начале XX вв. тверские карелы составляли уже самую крупную карельскую этническую группу в России: 1897 г. – 11 7679, а в 1926 – 140 567 человек [2, с. 6].

В рамках проведенного нами исследования в марте 2007 г. был осуществлен сплошной опрос населения (500 человек) в 10-ти деревнях Лихославльского и Спировского районов Тверской области, где исторически традиционно и компактно проживают карелы. Это дает основание считать его результаты в достаточно высокой степени репрезентативными. Число опрошенных составило около 3% от общего числа проживающих в Тверской области карел (15 тыс. человек, по данным переписи 2002 г.).

В качестве теоретической модели программы и инструментария социологического исследования под самоидентификацией мы понимали процесс свободного и сознательного соотнесения себя с этнической карельской группой (и в широком смысле – любую внутреннюю рефлексия по поводу дихотомических отношений «я и карелы», «карелы и иные»). Идентичность в нашем понимании – это результирующая процессов самоидентификации. Конкретными проявлениями идентичности для нас стали определенные свойства, признаки (маркеры), которые либо были изначально присущи респондентам, либо приобретены в ходе этнической социализации: знание родного языка и фольклора; соблюдение определенных национальных обычаев/обрядов и социально-нравственных норм; обладание специфическими для данного народа хозяйственными навыками и т.д.).

В целом, для тверских карел характерна менее выраженная по сравнению с русским населением степень значимости своей национальной принадлежности (52% у карел, 64% у русских), хотя процент тех, для кого вопрос о национальности «очень значим», у них оказался одинаковым – по 22%. У женщин-карелок отмечается более выраженный интерес к своей национальности по сравнению с русскими женщинами – 56% и 44%, соответственно. У мужчин-карелов характеристика «национальность очень значима» проявляется в два раза интенсивнее по сравнению с русскими мужчинами (67% у карел и 33% у русских).

Из всей массы опрошенных идентифицировали себя карелами 46% респондентов; 4% сочли свою национальность двойной (и карел, и русский); 23% идентифицировали себя русскими; затруднились ответить 26% опрошенных. Последняя группа является в прямом смысле примером неопределенной, размытой, а значит кризисной самоидентификации.

По возрастным характеристикам самый высокий показатель карельской самоидентификации дали респонденты старше 65 лет (62%), респонденты 46–55 лет (56%) и респонденты 56–65 лет (51%). Самый низкий показатель карельской идентификации – у молодых людей до 25 лет – 14%. Эти цифры отражают объективное «старение» сельского карельского населения как основного носителя карельского языка. Среди молодежи процессы национальной идентификации протекают в контексте интенсивной русской аккультурации (с уклоном в прямую ассимиляцию), что напрямую сказывается на уменьшении количественных показателей.

На вопрос «Сохраняется ли сегодня у тверских карел чувство ущербности* по поводу своей национальности?» мнения респондентов распределились следующим образом: 39% считают, что в последние 10–15 лет стало легче говорить о своей национальной принадлежности; 30% придерживаются точки зрения, что чувство национальной ущербности пока еще сохраняется. В максимальных показателях отмечаются положительные сдвиги в сознании молодых респондентов, не заставших периода отношения к тверским карелам как внутренним пособникам враждебной советскому государству Финляндии: из них 45,5% считают, что говорить о карельской национальной принадлежности стало легче. Вместе с ними максимально высоко отмечают эти положитель-

ные сдвиги в самоощущениях респонденты-верующие (37%) и респонденты с высшим образованием (58%) – категории, традиционно относящиеся в России к интеллигенции – прослойке населения, которая традиционно достаточно чутко реагировала на изменения как в самосознании индивида, так и в общественной жизни.

Существенным компонентом этнической идентичности и самоидентификации у опрошенной группы является православие как традиционное вероисповедание карел и, собственно, источник специфических черт благочестия тверских карел, проявляющихся в религиозной практике и в быту.

Первое упоминание о массовом крещении карел относится к 1227 г., когда новгородский князь Ярослав Всеволодович «послав крести множество карел» [6, с. 191]. Принятием христианства был задан импульс к развитию и укреплению осознания карелами себя как этнически «целого», «крещеного народа» – *rist'i rahvas*. К XV в. все карельское население было обращено в православие.

О глубине проникновения православия в религиозное сознание карел можно судить по событиям последующих веков. Верность православию при постигших их исторических испытаниях означала для карел сохранение собственного этнокультурного единства. Придя на тверскую землю, они построили 86 церквей и 169 часовен в 77 карельских приходах [2, с. 6]. Из мест переселения карелами были принесены православные иконы.

Как на замечательные факты проявления православно-христианского благочестия карел уже во второй половине XIX в. священник Василий Михайловский указывал, что в дни масленицы, когда «русское население от мала до велика предается необузданному веселью со всеми сопровождающими его безобразиями, карелы, и в особенности пожилые из них, целыми толпами направляются в Осташков на поклонение святому угоднику» [3, №6, с. 172]. По свидетельству Михайловского, духовенство в карельских приходах пользуется глубоким уважением (описаны случаи, когда карелы с глубоким благочестием встречали на коленях епископа); религиозность карел обнаруживается и в домашнем быту – куда бы не отправлялся кареляк, он непременно напутствует себя крестным знамением, которым он начинает и всякое домашнее дело. Приготовление каждого кушанья сопровождается призыванием Божия благословения; отправление каждого горш-

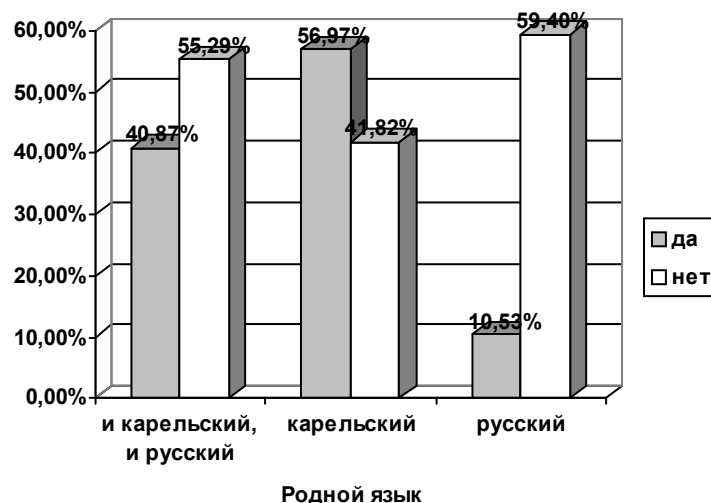

Рис. 1. Родной язык как маркер карельской национальности

ка в печь напутствуется словами – «спаси, Господи!»; во время принятия пищи каждый из сидящих за столом при перемене блюда непременно налагает на себя крестное знамение; тверские карелы никогда не допускали даже в самые бедные времена нарушать православную благотворительную традицию готовить пиво к праздникам для соседей и гостей [3, №6, с. 172–173]. Как справедливо отмечает О.М. Фишман, «карелы старались и на тверской территории сохранять в целостности православную веру, борьба за которую приобрела этнополитический характер и чрезвычайно своеобразную форму массового исхода за рубеж в Россию. Верность правосла-

вию означала для карел сохранение собственно этнокультурного единства» [7, с. 18].

Доминировавшая до 1917 года во всем строе крестьянского быта религиозная идентичность в этническом самоопределении тверских карел сегодня, в начале третьего тысячелетия выглядит в значительной степени по-иному. Во-первых, хотя 98,5% респондентов однозначно считают традиционной для тверских карел религией православное христианство, верующими назвали себя лишь 47% респондентов; 39% дали ответ «не могу сказать определенно»; неверующими назвались 14%. Во-вторых, православная вера уже не осознается столь же важной чертой самоидентифи-

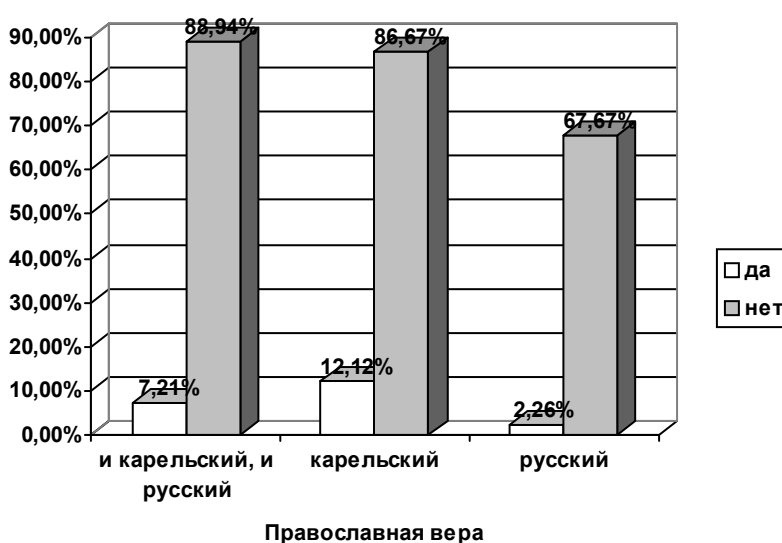

Рис. 2. Вера как маркер карельской национальности

кации, как в историческом прошлом. Эта тенденция четко прослеживается в ответах на вопрос: «Что позволяет вам осознавать себя карелом?» Православную веру в качестве национального маркера назвали 12% респондентов, владеющих карельским языком как родным; 7% владеющих двумя языками (и карельским, и русским); 2% респондентов, считающих родным русский язык.

Следует отдельно прокомментировать ключевую в смысловом отношении деталь, отмеченную в опросе: 78,5% респондентов указали на православие как свою религиозную принадлежность, и это при том, что верующими считают себя только 47% опрошенных. Очевидно, что здесь проявилась фиксируемая и другими исследователями [5, с. 91–134] тенденция идентификации человеком себя с определенной религией – при отсутствии личной религиозной убежденности – как существенным компонентом национально-культурной традиции народа, частью которого он себя сознает. При этом показательна динамика доли тех, для кого православие служит фактором, помогающим ощущать себя карелом, в разных мировоззренческих группах: неверующих, колеблющихся (сомневающийся), верующих. Среди первых она составляет 4,2%, среди вторых – 10%, среди третьих – 15%.

Определенная часть респондентов в открытых вопросах обозначила в качестве именно *национальных* карельских народных обычаев такие элементы религиозно-бытовой жизни, как «соблюдение постов и православных праздников» (4%), «религиозные праздники (Иванов День, Спас, Пасха и т.д.)» – 2%, а также празднование в соответствии с карельскими народными обычаями – праздников Фрола и Лавра, Покрова, и некоторые другие.

Несколько слов по замерам о родном языке как элементе национальной идентичности. Ответы респондентов, которые считают маркером своего идентитета родной язык, выглядят следующим образом: считают *родной язык* характерной чертой своего национального самосознания 57% опрошенных, признающих родным языком карельский; 41% респондентов, для которых родными являются оба языка (и карельский, и русский); 11% – которые назвали родным языком русский, однако относят себя к карелам по иным показателям.

Так проявилась доминирующая роль родного языка в качестве основы ценностных ориентаций современных тверских карел. В двух сравни-

тельных диаграммах (рис. 1–2) обозначенная динамика ролевых изменений элементов самоидентификации «язык» и «вера» представлена достаточно зримо.

Таким образом, говоря о хронологической динамике в структуре национального самосознания верхневолжских (тверских) карел можно с уверенностью констатировать происходящую на наших глазах поступательную замену собственно *религиозной* идентичности (с одновременным изменением ее статуса и места) идентичностью *языковой*.

Представляется важным уточнить, что специфическая, по сути кризисная, языковая ситуация, возникшая у карел уже с момента их крещения в 1227 г., когда они приняли письменность русских**, остается таковой до сегодняшнего времени. Однако в ситуации безудержной демографической ассимиляции тверских карел их сознательная языковая идентификация является объективным показателем определенного пика кризиса в собственном мироощущении, и в некотором роде есть «немой» крик о помощи гибнущего субэтнуса.

После исхода карел на земли Тверской губернии карельский язык развивался в условиях двуязычия и отсутствия литературной языковой формы. Вопросами создания письменного карельского языка в системном порядке никто не занимался, однако несмотря на это устная форма языка устойчиво функционировала, обслуживая бытовые коммуникации (общение в семье и односельчанами, языковое обрядовое сопровождение ключевых жизненных событий личности – рождение, свадьба, праздники, проводы в армию, смерть и т.д.). Для внешних коммуникаций карелы остро нуждались в знании русского языка. В результате установилось стойкое двуязычие: русский язык обслуживал производственную и торговую сферу, а карельский – социально-культурную и бытовую. Начало создания письменной формы карельского языка относится уже к советскому времени. В 1930-е гг. на базе латиницы был разработан карельский алфавит, ставший основой для развития собственно литературного языка верхневолжских карел. Хотя карельскому языку, не имевшему письменной основы, еще триста лет тому назад предрекали гибель, он до настоящего времени сохраняет феноменальную жизнеспособность.

В ходе проведенного опроса в 2007 году 33% респондентов назвали своим родным языком карельский язык; 41% считают родным два языка –

и карельский, и русский; только 26% проживающих в карельской зоне респондентов назвали родным языком русский язык. Таким образом, общая цифра владеющих карельским как родным языком составляет 74% – это достаточно высокий языковой показатель при отсутствии системной языковой литературной традиции.

Структура функционирования устной речи в целом имеет следующую картину: 33% респондентов постоянно разговаривают дома на карельском языке; 21% иногда употребляет отдельные слова, фразы в общении с членами семьи; 28% разговаривают по-карельски с односельчанами; 9% в общении с односельчанами употребляют отдельные слова на национальном языке; 17% не говорят сами, но понимают карельскую речь.

Что касается оценки опрошенными перспектив функционирования карельского языка, то 53% респондентов хотели бы, чтобы их дети и внуки умели говорить по-карельски и понимать карельскую речь; 15% – выражают свое желание, чтобы их дети и внуки умели говорить и писать по-карельски; 10% – понимать устную речь.

С культурологических позиций при столь достаточно высоком уровне национальной языковой самоидентификации карельского населения представляется востребованной системная, направленная на торможение языковой ассимиляции тверского говора карельского языка реализация государственной языковой политики в Тверском регионе. Это позволило бы в целом гармонизировать кризисное по существу национальное самоощущение верхневолжских карел.

Объективно существующий языковой запрос карельского населения может быть реально удовлетворен только при активном содействии со стороны как федеральной, так и региональной власти. Сам народ прекрасно это понимает: четверть респондентов отмечает, что возрождение языка возможно только при серьезных финансовых влияниях государства.

К сожалению, федеральное законодательство, международные обязательства Российской Федерации, гарантирующие коренным малочисленным народам создание условий для сохранения и развития языков, остаются пока малоэффективными и не могут остановить дальнейшую языковую ассимиляцию. Так, до 2004 г. преподавание карельского языка в Тверской области велось в 11 школах области, сегодня – только в 6-ти.

Происходит это потому, что на территории Тверской области единственным субъектом, защищающим культурные запросы верхневолжских (тверских) карел является Тверская Региональная Автономия тверских карел – общественная организация, которая в рамках своих уставных полномочий пытается решать конкретные задачи по гармонизации кризиса идентичности тверских карел.

Однако совершенно очевидно, что нельзя в одиночку затормозить стремительный процесс национальной ассимиляции этого народа.

Примечания

* Объективно понятие «чувство ущербности» соответствует реальным воспоминаниям респондентов и введено сознательно в целях замеров последствий репрессивной политики государства по отношению к тверским карелам после ликвидации Карельского национального округа в 1939 г.

** Карельская речь, не имея до этого литературной формы, стала передаваться кириллическим графическим письмом, о чем имеются исторические свидетельства в новгородских летописях.

Библиографический список

1. См.: Арутюнян Ю.В. Этносоциология: пройденное и новые горизонты // Социологические исследования. – 2000. – №4; Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы // Этнографическое обозрение. – 1998. – №4; Лебедева Н.М. Этническая идентичность, статус группы и тип расселения // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – №3; Стефаненко Т.Г. Компоненты этнической идентичности // Мир психологии. – 2004. – №3; Хотинцев В. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание // Социологические исследования. – 1999. – №9.
2. Головкин А.Н. Прошедшие через века // Тверские ведомости. – 1997. – №62.
3. Записка о карелах, поселившихся в Тверской губернии // Тверские епархиальные ведомости. – Тверь, 1882. – №3, 4, 6.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.
5. См., напр.: Мchedлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. – М., 2005.
6. Полное собрание русских летописей. – СПб., 1841. – Т. 1.
7. Фишман О.М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. – М., 2003.

Ю.Г. Полетаева

МЕТОД НЕЛИНЕЙНОЙ ДИНАМИКИ И ИСТОРИЯ: ПОИСК РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Синергетическая парадигма истории. Общие черты. Теория исторического познания переживает серьезный сдвиг на парадигмальном уровне. Общее направление этого сдвига обусловлено наличием сложных социальных систем, обратные связи внутри которых определяют ход исторического развития. Поэтому, переход к новой парадигме формируется под решающим воздействием синергетики. Синергетика – это наука о самоорганизации, об универсальных закономерностях эволюции сложных динамических систем, которые демонстрируют резкое изменение состояния в период нестабильности¹. Г. Хакен определяет синергетику как науку о самоорганизации и как теорию «совместного действия многих подсистем, в результате которого на макроскопическом уровне возникает [новая] структура и соответствующее ей функционирование»². Иной взгляд на явление самоорганизации развивает И. Пригожин, определяя ее как процесс возникновения структур из беспорядка в условиях отклонения от равновесия – как теорию диссипативных структур³. На основе данного определения развился ряд других определений синергетики: так, например, М. Фейгенбаум определяет синергетику как теорию динамического хаоса. Отечественные исследователи синергетики движутся в русле определения Г. Хакена.

Согласно синергетической парадигме, линейный характер развития процессов не является доминирующим. В ситуации неустойчивого развития для системы характерна непредсказуемость поведения. Фаза неустойчивости определяется как точка бифуркации, где случайные флуктуации влияют на изменение траектории развития. «Хаос», возникший в пределах бифуркации, демонстрирует внутреннюю непредсказуемость динамики процессов. В результате формируется качественно новая тенденция. С точкой бифуркации связано чередование процессов иерархизации и деиерархизации, а так же феномен «сжатия времени»⁴.

Включение синергетической парадигмы в категориальный аппарат исторической науки, в первую очередь, связано с применением метода нелинейной динамики, использующегося для создания моделей сложных процессов и обнаружения

хаоса в интервалах большой длительности. Такой подход плодотворен для исследования переходных эпох, «альтернатив исторического развития, соотношения закономерностей и случайностей в периоды социальных потрясений»⁵. Анализируя российскую модернизацию последних трех столетий, Б. Миронов указывает на устойчивую цикличность кризисов [15–25 лет], подобно тому, что испытывает сейчас Россия⁶. При альтернативном характере исторического развития большое значение имеет личностный фактор. В связи с этим в историческом познании уделяется большое внимание культурным воздействиям на исторический выбор. Влияние личностного фактора на исторический выбор входит в так называемую «теорию факторов», использующую релятивистский подход. С точки зрения синергетической парадигмы, очевидно, что возможность выбора того или иного варианта развития, существующего в фазе бифуркации, является следствием нелинейного характера исторического развития⁷.

Применительно к современной России в данном случае речь может идти о двух противоположных [синергетических] тенденциях в социальной системе, влияющих на ход исторического развития: тотальной «запрограммированности» (тотальный порядок), другими словами, мегамашинной тенденции; и свободой, стремлением к разнообразию, крайней формой которого может стать вседозволенность. Это две противоположные тенденции в обществе, которые, казалось бы, должны взаимно исключать друг друга⁸. Ответом на этот вопрос должен стать не выбор между порядком и беспорядком, а поиск медиатора, связующего звена между указанными составляющими. С нашей точки зрения, роль такого медиатора выполняет этический код и связанный с ним фактор «времени». Таким образом, ответ на этот вопрос требует фиксации исходных аспектов в рамках синергетической парадигмы истории: этического кода и связанного с ним фактора «времени».

Этический код. В любой культурной системе существуют комплекс символических значений – коды. Коды являются культурно-организационными целостностями, они интегрированы и в культурную систему, и в процесс социального взаи-

модействия. Место кодов в социальных взаимодействиях указывает Парсонс. Он пишет: «анализ человеческого действия показывает, что оно не может быть понято без какой-то системы высших [ultimate] ценностей. Эти ценности являются своим собственным оправданием, а не средством к каким-либо дальнейшим целям»⁹. Следовательно, в рамках социальной системы речь идет не об абстрактном человеке, а об индивиде в контексте ценностей, или - личности. Непременным атрибутом личности является совокупность культурных норм и предписаний. Парсонс приходит к выводу, что в социальной науке некоторые факты должны рассматриваться как «изначально» данные, в которых «свелятся» коды деятельности. Ключевым для нас является факт такого взаимодействия людей, которое «включает сообща понимаемую систему культурных символов». Индивид определяется как личность и существует в контексте ценностей благодаря коду деятельности. «Способом интеграции социальной системы посредством духовной «солидарности» ее участников является мораль. Она обеспечивает поддержание «нормативного порядка ради него самого»¹⁰.

В этом смысле код имеет этический характер, а этика образует нормативно-символический аспект системы взаимодействия индивидов и групп, выступая по отношению к историческому процессу в роли кода. Нормативно-символический аспект предполагает необходимость императива, осмысления и личного выбора. Таким образом, этический код двуедин, он одновременно является фактором социальной организации и «паролем» на вход в область символических форм культуры. Роль такого кода выполняет мораль.

Какова природа двойственности этического кода?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо обратить внимание на дискуссию об основах этики, предметом [источником] которой является противоречие между заданностью этики извне [Кант] и «собственной логикой морального» [Дробницкий], или другими словами, самопорождаемостью этики. Согласно Канту, этика носит нормативный характер. Этика определяется им как учение о должном, принимая характер «практической философии». Мы особо выделим положение Канта, согласно которому мораль является «оформленной волей», т.е. такой волей, которая бы имела всеобщую законодательную способность. «...Единственно лишь законодательная форма, поскольку она содержит-

ся в максиме, может составлять определяющее основание воли»¹¹.

Напротив, О. Дробницкий полагает, что гуманитарная значимость этической теории заключается не в очевидности ее объективности, а в «восхождении» к пространству [«историческому основанию»] исторического взаимодействия, объективно, хотя и не осознано предопределяющего личностный опыт. Иначе говоря «войти внутрь» собственной логики мышления нравственности возможно, если адекватно раскрыта та внутренняя необходимость, которая эту логику определяет»¹². Таким образом, понятие этики должно включать «собственную логику морального». Она неразрывно связана с «источником-авторитетом» моральных нормативов, с самим социальным механизмом, регулирующим стихийный процесс отбора и установления форм поведения»¹³.

Исходя из этого, решение данного противоречия, оформленного в вышеуказанной дискуссии, необходимо искать в несомненной связи этического с властью, объективирующей моральные нормы. Исходная дефиниция, очерчивающая специфическое содержание понятия этического кода, которое соответствовало бы избранному нами ходу работы, дана Платоном и Аристотелем. Согласно Платону, добродетели, подобно космическому порядку, даны в виде оппозиции материального и идеального начал, которая проецируется на государственное устройство»¹⁴. Добродетели представляют собой естественное воплощение космического порядка, имеют онтологические основания. Согласно же Аристотелю, добродетели, «социально санкционированы», являются «приобретенными свойствами души», то есть, таким образом, имеют нормативный характер. «Моральная деятельность», согласно Аристотелю, предполагает «сознательно-мотивированное отношение» «подчинения общему принципу», сутью которого также является государственное устройство»¹⁵. Этика формирует политически окрашенную мораль. Мораль, с этой точки зрения, несет в себе двойственность. С одной стороны, добродетель есть цель совершенствования отдельной личности. С другой, нравственность имеет общественное значение.

Заданное нами положение о двуединстве этического кода учитывает данные противоположные положения. Онтологическая оппозиция противоположных начал[-символов] имеет конвенциональную природу, учитывающую и порядок [установ-

ление, предписание], и свободу выбора посредством сведения и синтеза «желания и мысли» в систему условных знаков. Желание оборачивается естественным мотивом общей цели «мира и индивидуума», «приобщения к ней себе подобных» – абстрактной символической системы, которая находится «над» человеком, способна управлять человеком, а в содержание императивов вносит управляемый «набор равных вероятностей порядка и беспорядка». Таким образом, добродетели человека – это санкционированное высшей властью его нравственное совершенство. Следовательно, власть является аспектом морального¹⁶.

Исходя из этого, необходимо перейти к рассмотрению соотношения власти и этического кода. Прежде всего следует начать с указания на особые вертикальные отношения в группе. В связи с этим весьма интересно мнение У. Самнера, согласно которому мораль представляет собой общепринятый обычай, имеющий место в локальной группе [например, ритуальная группа]. Самнер под нравами понимает способ мышления, чувствования, поведения, присущий всем членам группы. Он полагает: «действие, в котором формируются народные обычаи, состоит в частом повторении мелких актов обычно большинством людей, действующих сообща или по крайней мере действующих сходным образом перед лицом одной проблемы». У. Самнер так же указывает: «Каждый подвержен влиянию нравов, формируется ими до того, как обретает способность рассуждать о них»¹⁷.

Таким образом, обычаи и нравы формируются деятельностью массы и имеют бессознательный уровень. Сам факт существования нравов является их оправданием. «Они не имеют ничего общего с тем, что должно быть, будет, может быть, если этого сейчас нет» [Самнер].

Следовательно, особым вертикальным отношением в группе является ритуал. В его специфичности мы как раз и будем полагать вычленение синергичности.

Ритуальный коммуникационный код предназначен для установления иерархии отношений. Конечное воплощение этой тенденции – социальная пирамида. Пирамида задает трехмерное измерение, которое представляет собой отношение по горизонтали и вертикали социума. Поведение представляет собой функцию, связанную с организацией системы и тотальной властью в ней¹⁸.

Для исследователей, занимающихся описанием кода этических отношений в условиях абсолютной власти, очевидной является констатация особого объединения людей, которое однако не есть результат чьего-либо произвола. Одним из решений заявленной нами синергичности (протекания процессов иерархизации и деиерархизации, противоречия между тотальной властью и разнообразием) является положение В. Скоробогачко, выделяющее отношения социальной пирамиды как сложное объединение, единство деспотического характера, обусловленное ритуальным коммуникативным кодом¹⁹. Данное единство [«коммуни-тас»] обладает неструктурным характером, однако проявляет качества целостности. «Экзистенциально вовлечена в дела жизни и смерти».

Не случайно, что семиологи акцентируют внимание в коммуникационном коде на ситуацию диалога, ситуацию выбора²⁰.

Сложное единство деспотического характера создает нормированные отношения, проявляя при этом свою парадоксальность в создании новых норм социальных отношений из «приниженности» и «товарищества», из нравственного единения равных личностей, путем искусственного лишения всякого социального положения. В пороговом, неструктурном состоянии «тотальной общности» человек демонстрирует нравственное единение с коллективом²¹.

Таким образом, составляющая ритуалов перехода обнаруживает «моральное в чистом виде». В «символической повседневности» ритуала последующая сакрализация статуса [иерархизация] связана с нравственным единением «коммуни-тас» [деиерархизация].

В связи со сказанным необходимо констатировать двойственный характер личности. Человек проявляет свойства «амбивалентной двойственности». Так, Тэрнер указывает, что в «коммуни-тас» «люди обладают амбивалентностью, поскольку не укладываются в рамки какой-либо классификации, размещающей состояния [state] и положения [position] в культурном пространстве»²².

Все сказанное выше позволяет сделать промежуточный вывод – культурный код в рамках ритуалов перехода поддерживает иерархию, конечным воплощением которой является личность царского типа. Такая личность обусловлена ситуацией /переходом к/ бесстатусности, символической смерти, которая связана с последующей сакрализацией статуса. Личность такого типа яв-

ляется субъектом абсолютного права распоряжаться жизнью и смертью²³. Этический код предполагает личность как систему, в свою очередь принимающую набор социальных кодов поведения, фиксируя разнородную, ассиметричную динамику интеграции, обусловленную специфичной символической.

Признание фактора времени. Ритуалы перехода, в которых обнаруживается личность царского типа, производят «сжатие времени».

Разговор о факторе «времени» хочется предвратить словами М. Кастельса: «Итак, что же в конце концов есть время, это неумолимое понятие, которое озадачивало Св. Августина, ввело в заблуждение Ньютона, вдохновляло Эйнштейна, мучило Хайдеггера? И как оно трансформировалось в нашем обществе?»²⁴.

Мы знаем, что событие определенным способом соотносится со временем. «Сжатие времени», используемое в синергетической парадигме истории, включает в себя нелинейное описание времени, оформленное в физике нелинейных процессов²⁵.

А. Эйнштейн выдвигает положение о времени, характеризуемом элементом необратимости. Вероятностное необратимое время уничтожает связь прошлого с будущим, физическую эквивалентность их различия. Еще одной составляющей нелинейной концепции времени является введение «мнимого» времени, рассматриваемого в качестве реального времени²⁶. Исходным моментом понятия «сжатия времени» является локализация [неустойчивость, случайность], за которым следует признание разнообразия объектов. Разнообразие, в свою очередь, производит динамическое сжатие или динамическое растягивание. Сжатие и растягивание обладает временной асимметрией. Согласно концепции И. Пригожина, «сжимающееся многообразие движется в будущее в некотором смысле как единый объект. Всем его точкам в будущем уготована одна и та же судьба... С расширяющимся многообразием все обстоит наоборот. Их точки в будущем ведут себя по-разному, но по мере углубления в прошлое их истории все более походят одна на другую»²⁷. Таким образом, мы находим, что «сжатие времени» фиксирует асимметричность и однородность времени.

Теперь вернемся к ритуалу. Рассмотрим, насколько верно заявленное нами исходное положение.

Действительно, ритуал как реальное действие человека или человеческого коллектива есть повторение, возвращение «прадедствия», в процессе которого хаос превращается в неподвижный космос, «с помощью божественного акта творения. Человек с помощью ритуала повторяет изначальный миф. Так, в ритуале имеет место «преодоление времени». [Мелетинский].

Ритуальный код власти, исходно рассматриваемый нами как этическая структура, которая в определенной степени уже задает нелинейности изменения социальных систем, «присваивает» время, моделирует время «единичности» [мы имеем в виду архаическое время ритуала] в динамике истории.

Время ритуала – это время неисторическое. Ритуал соединяет реальное время с «мифическим временем начала», поскольку совпадение ритуала с временем начала говорит о том, что уничтожается время обыденное²⁸. В связи с этим Фрейдсберг говорит о семантической «отрицательности времени»²⁹. Имеет место и ряд других положений, составляющих концептуальную базу фактора нелинейного «времени» как аспекта синергетической парадигмы истории. Выделим некоторые. Так, главной характеристикой новой антропосоциальной структуры является понятие «вневременного времени», исходящее из положения о сжатии пространства-времени в социуме информационного [кодového] типа³⁰. Указание на «сжимающееся время» можно встретить в нелинейных исследованиях культуры Ю.М. Лотманом.

На весьма парадоксальное отношение события и времени, которое производит «сжимающееся нелинейное мета-время», указывают представления о цикличности и нелинейности социально-исторических закономерностей. Несомненную новизну здесь представляет не столько указание на «стационарно-разрывную» модель, которая дает почву для анализа «переходных» периодов в истории, отделяя одно стационарное состояние от другого, характеризующееся уже иным по содержанию равновесием³¹, сколько фиксация самой необратимости, вызванная революционными процессами как ритуальным уничтожением времени.

Примечания

¹ Хакен Г. Синергетика. – М., 1980.

² Там же. – С. 15.

³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. — М., 1986.

⁴ Там же.

⁵ Бородкин Л. Порядок из хаоса: концепция синергетики в методологии исторических исследований // Режим доступа: <http://auditorium.ru/books16192/text.pdf-29.01.07>.

⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (СVIII - начало СС вв.). В 2 т. — СПб., 1999. — Т. 2. — С. 17.

⁷ Ионов И.Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. — 1997. — №6. — С. 120.

⁸ Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетическая философия истории // Общественные науки и современность. — 2006. — №1.

⁹ Парсонс Т. Понятие культуры и социальной системы // Парсонс Т. О социальных системах. — М., 2002. — С. 691.

¹⁰ Там же. — С. 80.

¹¹ Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения. В 4 т. — Т. 3. — С. 345.

¹² Дробницкий О.Г. Моральная философия: избранные труды. — М., 2002. — С. 199.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Франц А.Б. Политическая анатомия морали. — Екб., 1993.

¹⁷ Там же. — С. 182.

¹⁸ Тэрнер В. Символ и ритуал. — М., 1983.

¹⁹ Скоробогачский В.В. Социокультурный анализ власти. — Екб., 2002.

²⁰ Лотман Ю.М. Текст в процессе движения: автор - аудитория, замысел - текст // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. — М., 1996.

²¹ Тэрнер В. Символ и ритуал. — М., 1983.

²² Там же. — С. 119.

²³ Канетти Э. Человек нашего столетия. — М., 1990.

²⁴ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. — М., 2000. — С. 431.

²⁵ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант: к решению парадокса времени. — М., 2000.

²⁶ Там же.

²⁷ Пригожин И. От существующего к возникающему. — М., 1985. — С. 229.

²⁸ Элиаде М. Аспекты мифа. — М., 2001.

²⁹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — М., 1976.

³⁰ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. — М., 2000.

³¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. — М., 1997.

Л.А. Февралева

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Актуальность настоящего исследования обусловлена кардинальными переменами в области отношений государства и религиозного сообщества, произошедшими в России в конце XX — начале XXI веков. Причиной этих перемен явились российские политические реформы, изменившие как систему государственного устройства страны, так и структуру государственного управления.

Процесс становления самостоятельной государственной политики в сфере свободы совести в новейшей истории России не отличается достаточной разработанностью. Проблемы сравнительного изучения типологий отношений различных государств с религиозными объединениями, в современной религиозно-философской литературе рассмотрены рядом ученых, в том числе Р.А. Подоприморой¹, О.С. Шу-

товой² и др. М.И. Одинцов, основываясь на принципе историзма, выделил три модели вероисповедной политики современного Российского государства³, соотнес их с историческими рамками: 1986–1990 гг., 1990–1993 гг., 1993 г. — по настоящее время.

В настоящей статье предпринимается попытка сущностного анализа моделей отношений государства и религиозных объединений в России постсоветского периода в соответствии с действующими законодательными нормами, рассматриваемыми в исторической ретроспективе.

Анализ проводится на основе категории «модель государственной политики» в области отношений государства и религиозных объединений, являющейся ключевой для данного исследования, предложенной М.И. Одинцовым, для которого этим термином обозначается «устойчи-

вая сумма качеств и характеристик политики конкретного, отдельно взятого государства на протяжении того или иного самостоятельного, сложившегося периода его политической истории»⁴. Подчеркнем, что данный термин используется не по отношению к группе государств, пусть даже имеющих некие общие черты во взаимоотношениях с религиозными объединениями и гражданами, а к конкретной стране. М.О. Шахов⁵ под моделью вероисповедной политики предлагает понимать описание важнейших составных частей или структурных элементов, определяющих в своей совокупности тип, характер политики.

В целом в основе всех моделей лежит определение степени взаимного участия государства и религиозных объединений в системе институциональных отношений. Рассматривая сферу данных институциональных взаимосвязей, крайне важно учитывать то, что они базируются на концептуальных принципах отношения властных институтов к сфере свободы совести и вероисповедания.

В этой связи, несомненный интерес представляет исследовательский подход М.И. Одинцова⁶, который в качестве структурных элементов «модели» выделяет:

- концептуальные, теоретико-методологические положения;
- нормативно-правовую базу;
- организационно-управленческие структуры, в том числе и специализированные.

Аналогичную структуру модели, ориентированную на анализ внутреннего состояния политики государства в данной области путем вычленения важнейших составных частей и исследования взаимодействия между ними, предлагает и профессор М.О. Шахов⁷. Вышеприведенные структурные элементы модели, предложенные ведущими учеными, использованы в данной работе в качестве критериев последующего анализа.

Первую форму модели отечественной государственной политики в сфере свободы совести мы соотносим с историческим периодом 1990–1993 годов, главное содержание которого определяется заменой атеистической формы государства внеконфессиональной, при сохранении его светского типа.

В результате процесса демократизации государственной и общественной системы в России возникла принципиально новая общественно-политическая и религиозная ситуации. На смену

политики государственного атеизма пришло демократическое решение религиозного вопроса, открывшее россиянам возможность свободного мировоззренческого и вероисповедного самоопределения, распространения своей веры. Подтверждением тому явился начавшийся «взрывной» рост конфессиональных новообразований, не имевших аналогов в прошлом России»⁸. Некоторые ученые были склонны объявить этот период «религиозным ренессансом»⁹, другие исследователи скромнее называли это процессом возрождения религии в России¹⁰.

Исследования показывают, что состояние духовного климата в России в этот период характеризовалось следующими факторами:

- изменение социально-экономического уклада и социальной структуры населения;
- развенчание идеологии коммунизма и стремление к обретению новой легитимной и аутентичной идентичности;
- смена политических приоритетов, курс на демократизацию всех сфер жизни общества, в том числе религиозного самоопределения граждан;
- открытая и активная (порой экспансивная) миссионерская деятельность разнообразных религиозных объединений, в т.ч. зарубежных;
- негативные тенденции клерикализации общества;
- фактор эффекта «освобожденной пружины»¹¹ (в массовом сознании – удовлетворение подавляемых ранее религиозных потребностей, альтернативных господствующему в советскую эпоху атеизму, в институциональном аспекте – реализация религиозными объединениями статуса полноправного социального института)¹² и др.

В рассматриваемый исторический период не было единой концепции государственной политики в сфере свободы совести. Однако произошли кардинальные изменения в сфере законодательства. Были приняты Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (1 октября 1990 г.) и Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» (25 октября 1990 г.), которые совместно действовали до конца 1991 г. Действие первого из них прекратилось в связи с распадом СССР и обретением Российской Федерацией статуса независимого государства.

Принятие того и другого законодательного акта было прогрессивным явлением в вероисповедной политике государства. Впервые в истории Российского государства в государственно-кон-

фессиональных отношениях законодательно провозглашались и закреплялись нормы, которые реально обеспечивали свободу совести и свободу религиозных действий.

В основу Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» были положены соответствующие нормы Итогового документа Венской встречи. Он «гарантировал свободу выбора как религиозных, так и нерелигиозных убеждений, закрепил принцип отделения религиозных и атеистических объединений от государства, подтвердил светский характер системы государственного образования, предоставил церкви права собственности и юридического лица»¹³.

Однако на административно-управленческом уровне популистски-неоправданной новацией стала статья 8 Закона, запрещающая учреждение исполнительных и распорядительных органов государственной власти, предназначенных для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповедания, которая привела к ликвидации Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР. Такой запрет означал отстранение государства и его органов управления от осуществления контроля за соблюдением законов, касающихся религиозных объединений, и более – запрет регулятивных функций и прав государства в сфере общественных отношений, затрагивающих область свободы совести.

Таким образом, исходя из проведенного анализа, позволим себе определить первую модель государственной политики в сфере свободы совести, относящуюся к периоду 1990–1993 годов, как *ликвидационную*, результатом которой явилась ликвидация атеистической формы светского типа государства и создание внеконфессиональной.

Вторую модель государственной вероисповедной политики в постсоветской России автор определяет как *либерально-демократическую*, действующую с 1993 года по настоящее время, основные правовые положения которой были закреплены в Конституции Российской Федерации. Фактически была легитимирована модель государственной политики, которую ученые назвали различными терминами: сепарационная (американская) система¹⁴, «западная»¹⁵. В ней содержится специальная статья (ст. 28), подробно раскрывающая содержание понятия «свобода совести». Впервые в Конституции РФ зафиксировано, что Российская Федерация является светским государством (ст. 14).

В соответствии с Конституцией первой составляющей законодательной системы данной модели являются общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры Российской Федерации¹⁶. Однако, Конституция РФ, являясь «законом законов», не устанавливает механизма реализации декларируемых в ней принципов. Он содержится в федеральных законах, нормативных актах Президента РФ и иных федеральных ведомств.

На административно-управленческом уровне «государство, не имея специализированных органов по реализации своей церковной политики, не могло оказывать конструктивного влияния на ситуацию в религиозной сфере общества»¹⁷.

В общественном сознании произошли существенные перемены в отношении к религиозному фактору. Массовый рост интереса к религии как социальному и культурному явлению, изменение оценки исторической и современной роли религии и религиозных организаций, повлекли за собой рост их престижа, уровня доверия к ним со стороны общества. Это породило у россиян определенные надежды на то, что религиозные организации помогут преодолеть кризис российского общества, будут благотворно влиять на идущие в нем процессы.

Постмодернистская логика бытия, заданная глобальными трансформациями социума в конце XX века, предопределила и трансформацию либерально-демократической модели политики государства в сфере свободы совести в постмодернистском направлении. Атеистические предпочтения прежнего массового сознания почти одновременно сменились новыми разнонаправленными жизненными ориентирами, а стремление возродить духовные ценности православия и других традиционных религий начинало оборачиваться всплесками религиозного экстремизма, фанатизмом радикального фундаментализма и эзотерическим бумом.

В качестве причин обращения к религии на этом историческом отрезке могут служить и основные особенности культуры постмодернизма: «... (1) потенциал научно-технического рационализма к настоящему времени исчерпан и необходимо обращение к неким иным, прежде всего гуманитарным, основаниям осмысления и объяснения бытия; (2) эти основания не могут быть связаны со Словом, логоцентризмом в культуре; (3) поиск этих оснований предполагает метаморфозы традиционной нравственности»¹⁸.

В академических изданиях и СМИ возник поток публикаций о кризисе духовности и нравственности. Россия оказалась в одном мире с остальным цивилизованным сообществом, осознавшим наступление культурных стандартов новой эпохи – постмодерна. Критики постмодернизма упрекают его создателей в том, что они «охотно играют на поле иррационализма и мистики»¹⁹, что «эмблемой и кодом времени постмодерна стали слова “Я не верю” в истины добра и зла, разума и бессмыслицы, науки и искусства, философии и метафизики, истории и культуры и т.д.»²⁰.

Некоторые исследователи полагают, что именно острота сложившейся ситуации вынудила региональные органы власти принять меры по упорядочению деятельности нетрадиционных религиозных объединений²¹. С этой целью, к середине 1990-х годов уже более 30 субъектов Российской Федерации приняли собственные законы «О свободе совести и вероисповедании» или «О миссионерской деятельности»²². Вместе с тем, принятие подобных законов шло в разрез статьи 14 Конституции РФ, провозглашающей равенство религиозных объединений перед законом, и пункта «в» статьи 71, закрепляющей полномочия по регулированию сферы свободы совести за Российской Федерацией.

Таким образом, в конце 1990-х годов политическая и религиозная ситуация в России серьезно изменились в сторону усиления консервативных течений: политические элиты всех уровней пытались исправить ошибки начала реформ привлечением церкви, как института, обращенного к абсолютным ценностям, к совместному с государством регулированию нравственных императивов общества.

Дистанционно-игноративный вид (абстрактно-одинаково-дистанционное отношение государства и религиозных объединений, игнорирующее историю культуры и традиций страны) либерально-демократической модели политики государства в сфере свободы совести был завершён принятием Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в 1997 году. Законодательный акт «отразил новые реалии, сложившиеся к тому времени в российском обществе и в сфере взаимоотношений государства и религиозных объединений, укрепил и развил законодательно-нормативную базу государственно-конфессиональных отношений в России, упорядочил условия и процедуру регистрации

религиозных объединений, подтвердил конституционный принцип равенства религиозных организаций перед законом, создал условия для их конструктивного и плодотворного сотрудничества с государством. Фактически между государством и религиозным сообществом был заключен компромисс, позволявший строить отношения на правовых основаниях»²³.

Установленный нормами вышеназванного Федерального закона 1997 года и действующий в настоящее время *регулятивный вид* либерально-демократической модели государственной вероисповедной политики отмечен следующими проблемами:

- Отсутствие концепции государственно-церковных отношений.

- На законодательном уровне – слабо разработанный понятийный аппарат, характеризующий государственно-конфессиональные отношения.

- На административно-управленческом уровне – отсутствие государственной вертикали власти.

Однако главное противоречие в действующей либерально-демократической модели государственной вероисповедной политики состоит в том, что она реализовалась в России лишь в сфере законодательства и оказалась мало пригодной практически в силу того, что не были учтены особенности российской культуры и истории. С развитием гражданского общества в Российской Федерации это противоречие продолжает углубляться, т.к. по существу взаимоотношения между государством и некоторыми религиозными объединениями приобрели характер социального партнерства, что требует законодательного закрепления. Мы полагаем, что это должна быть *кооперационная модель* отношений государства и религиозных объединений, включающая действие двух источников правового регулирования. С одной стороны – Конституцию и законодательные нормы, с другой – соглашения и договоренности с религиозными организациями. Ее преимущества состоят в том, что она практически не зависит от политического устройства общества, так как в идеальном варианте государство и церковь являются равными «партнерами»²⁴.

Таким образом, легитимизация кооперационной модели ликвидирует существующую в сознании людей нравственно-правовую раздвоенность и фактическое неисполнение государственных законов, о чем неоднократно говорил ведущий религиовед Н.А. Трофимчук²⁵.

Примечания

¹ См.: *Подопригора Р.А.* Государство и религиозные организации (административно-правовые вопросы). – Алматы, 2002.

² См.: *Шутова О.С.* Структурная модель государственной политики в области отношений с религиозными объединениями: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – М., 2004.

³ См.: *Одинцов М.И.* Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. – М.: ЦИНО, 2002. – С. 164.

⁴ *Одинцов М.И.* Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе (Материалы международной конференции, Москва, 23–24 марта 1999 г.). – М., 2000. – С. 36.

⁵ См.: *Шахов М.О.* Механизм формирования и реализации государственной вероисповедной политики // Вероисповедная политика Российского государства / Отв. ред. М.О. Шахов. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – С. 146–159.

⁶ *Одинцов М.И.* Русская Православная Церковь в XX веке: история взаимоотношения с государством и обществом. – М.: ЦИНО, 2002. – С. 133.

⁷ См.: *Шахов М.О.* Механизм формирования и реализации государственной вероисповедной политики // Вероисповедная политика Российского государства / Отв. ред. М.О. Шахов. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – С. 146.

⁸ Экономические и социальные перемены // Мониторинг общественного мнения. – 1996. – №6. – С. 17.

⁹ Например, *Колесников Л.Ф.* Современная религиозная ситуация в Российской Федерации // Государство, церковь, религия. – 2000. – №1. – С. 83.

¹⁰ Например, *Медведко С.* Религиозная ситуация и законодательство в сфере государственно-конфессиональных отношений в России // Пределы светскости. (Научное издание). – М.: Центр «Сова», 2005. – С. 22.

¹¹ *Зуев Ю.П.* Динамика религиозности в России в 20-м веке и её социологическое изучение // Гарджа В.И. Социология религии. – М., 1995. – С. 194.

¹² См.: *Гудим-Левкович Г.Е.* Религиозная ситуация в России в 1990-е гг. // Свеча-2000. – Архангельск, 2001. – С. 232.

¹³ *Колесников Л.Ф.* Современная религиозная ситуация в России // Государство, церковь, религия. – 2000. – №1. – С. 84.

¹⁴ См.: *Рагозина Л.Г.* Исполнительные органы власти и религиозные объединения России в 90-е годы XX века: организационно-управленческий аспект взаимоотношений: Дис. ... канд. наук. – 1999.

¹⁵ См.: *Лецинский А.Н.* Религиозная ситуация в современной России: изменения, тенденции, противоречия // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. – М., 2004. – С. 222.

¹⁶ См.: *Кудрявцев А.И.* Конституционно-правовые основы отношений государства и религиозных объединений // Вероисповедная политика Российского государства. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – С. 76–92.

¹⁷ *Одинцов М.И.* Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе (Материалы международной конференции, Москва, 23–24 марта 1999 г.). – М., 2000. – С. 46.

¹⁸ *Тульчинский Г.Г.* Слово и тело постмодернизма. От феноменологии невменяемости к метафизике свободы // Вопросы философии. – 1999. – №10. – С. 42.

¹⁹ *Дубровский Д.И.* Постмодернистская мода // Вопросы философии. – 2001. – №8. – С. 44.

²⁰ *Кукарцева М.А., Коломец Е.Н.* Некоторые идеи постструктурализма и деконструктивизма в философско-историческом знании США // Философия и общество. – 1999. – №1. – С. 117.

²¹ См.: *Одинцов М.И.* Вероисповедные реформы России: идеи, практика, итоги (1985–1997) // Российское законодательство о свободе совести в 80–90-х гг. XX в. – М., 1999. – С. 25.

²² См. анализ регионального законодательства, сделанный Л. Левинсоном. (Региональное законодательство и религиозная свобода // Религия и право. – 1997. – №1. – С. 4–8.)

²³ *Медведко С.* Религиозная ситуация и законодательство в сфере государственно-конфессиональных отношений в России // Пределы светскости. – М.: Центр «Сова», 2005. – С. 22.

²⁴ См.: *Щипков А.В.* Во что верит Россия. – СПб., 1998. – С. 23–25.

²⁵ См.: *Трофимчук Н.А.* Государственно-церковные отношения: проблемы и пути их решения // Исторический вестник. – М.; Воронеж: Изд-во Воронежско-Липецкой епархии, 2000. – №7(11). – С. 340.

«ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ» В ПОЭЗИИ

Принцип золотого сечения – это высшее проявление структурного и функционального совершенства целого и его составных частей в природе и искусстве. Цель данной работы состоит в характеристике принципов золотого сечения, заложенных в поэтическом тексте.

Из многих пропорций, которыми издавна пользовался человек при создании гармоничных произведений, существует одна, обладающая уникальными свойствами, так называемая «золотая пропорция». Несмотря на то, что эта пропорция имеет много разных названий – «золотая», «божественная», «золотое сечение», «золотое число», «золотая середина», тем не менее, сущность этого феномена остается неизменной: это не только математическое понятие, но и основной критерий гармонии и красоты.

На сегодняшний день в большей мере разработана тема золотого сечения в пространственных искусствах (архитектуре и живописи), в меньшей мере – во временных искусствах (музыке, литературе и поэзии). А между тем поэтическое пространство может быть рассмотрено с точки зрения универсальных математических принципов. Сегодня систематических исследований поэзии с точки зрения математических знаний, в основе которых лежит представление о единстве законов природы и искусства, существует мало.

Суть золотого сечения состоит в делении отрезка в крайнем и среднем отношении. Коэффициент золотого сечения составляет 1,618033989 и обозначается греческой буквой фи (Ф). При рассмотрении обратного отношения получаем обращение коэффициента золотого сечения $\varphi = 1/\Phi = 0,618033989$.

Важным для данного исследования является также тот факт, что золотое сечение тесно связано с рядом чисел, которые были открыты итальянским математиком Леонардо Пизанским, более известным под именем Фибоначчи (1170–1228). Суть последовательности чисел Фибоначчи состоит в том, что каждое число в этой последовательности получается из суммы двух преды-

дущих чисел. Числа, образующие последовательность 0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144, 233, 377, 610, 987, 1597, 2584, ... называются *числами Фибоначчи*, а сама последовательность – *последовательностью Фибоначчи*.

Кроме того, при делении любого числа из последовательности на число, стоящее перед ним в ряду, результатом всегда будет величина, колеблющаяся около иррационального значения 1,61803398875... и через раз то немного превосходящая, то не достигающая его. Например, $5:3=1,6666$ или $55:34=1,6176$ и т.д. Более того, после 13-ого числа в последовательности этот результат деления становится постоянным до бесконечности ряда. Так, $377:233=1,618025$, а $1597:987=1,618034$. Именно это число 1,618 является золотой или божественной пропорцией.

Ряд Фибоначчи и золотое сечение могли бы остаться только математическим открытием, если бы не тот факт, что все исследователи золотого деления в растительном и животном мире, а также в искусстве неизменно находили его подтверждение.

Золотое сечение в поэзии – это симметрия подобия частей и целого, что «проявляется в наличии определяющего момента стихотворения (кульминации, смыслового перелома, главной мысли или их сочетаний) в строке, приходящейся на точку деления общего числа строк стихотворения в золотой пропорции» [1].

Итак, проведенный анализ поэтических текстов великих русских поэтов позволяет говорить об использовании принципа золотого сечения и связанных с ним чисел Фибоначчи. Золотое сечение играет в поэзии весьма осмысленную роль, выделяя кульминационный пункт стихотворения (кульминацию, смысловой перелом, главную мысль или их сочетание), а последовательность чисел Фибоначчи порождает эту пропорцию.

Н. Васютинским были изучены стихотворения А.С. Пушкина с точки зрения количества строк. Анализ показал, что А.С. Пушкин предпочитает размеры стихотворений в 5, 8, 13, 21 и 34 строк, что, в свою очередь, соответствует числам Фибоначчи, поэтому закон золотого сечения выполняется в дан-

ных стихотворениях с наибольшей точностью [2].

М.А. Абрамов и А.В. Волошинов в статье «Пушкин и законы симметрии» анализируют стихотворение А.С. Пушкина «Из Пиндемонти», написанное в 1836 году. Авторы указывают, что структура данного стихотворения построена на числах Фибоначчи 2, 3, 5, 8, 13, 21 [1]. Данное стихотворение состоит из 21 строки, 13 строка прерывается, разделяя его на две части в пропорции золотого сечения «их права и ценности» (13 строк) и «мои ценности» (8 строк). С целью выяснения роли золотого сечения в поэзии А.С. Пушкина авторами вышеупомянутой статьи был проведен математический анализ 792 стихотворений поэта. Они пришли к выводу, что в каждом втором стихотворении имеется золотое сечение.

Э.К. Розенов провел анализ стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино» и установил, что оно делится на две части: вступление, состоящее из одной строфы («Скажи-ка, дядя, ведь недаром ...»), и главная часть, распадающаяся, в свою очередь, на две равносильные части. В первой из них описывается с нарастающим напряжением ожидание боя, во второй — сам бой с постепенным снижением напряжения к концу стихотворения. Граница между этими частями является кульминационной точкой произведения и приходится как раз на точку деления его золотым сечением.

Главная часть стихотворения состоит из 13 семистиший, то есть из 91 строки. Разделив ее золотым сечением ($91:1,618=56,238$), можно убедиться, что точка деления находится в начале 57-го стиха, где стоит короткая фраза: «Ну, ж был де-

нек!». Именно эта фраза представляет собой кульминационный пункт, завершающей первую часть стихотворения (ожидание боя) и открывающей вторую его часть (описание боя) [3].

Э.К. Розенов провел также анализ многих поэтических произведений М.Ю. Лермонтова, Шиллера, А.К. Толстого и обнаружил в них «золотое сечение».

Кроме того, золотое сечение используется в романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что золотая пропорция — это универсальный закон художественной формы, в котором отражаются эстетические и формальные параметры поэтического текста. Наличие в стихотворном тексте феномена золотого сечения делает его исключительно мелодичным и гармоничным, такое стихотворение отличается органичной упорядоченностью и пропорциональностью. Неосознанное использование божественной пропорции свидетельствует, прежде всего, о талантливости и гениальности поэта. Такое исследование поэзии позволяет судить о художественном мастерстве того или иного поэта не субъективно, а объективно, с точки зрения математических знаний.

Библиографический список

1. Абрамов М.А., Волошинов А.В. Пушкин и законы симметрии // Человек. — 1999. — №3.
2. Васютинский Н. Золотая пропорция. — М.: Молодая гвардия, 1990.
3. Розенов Э.К. Статьи о музыке. Избранное. — М.: Музыка, 1982.

Т.М. Касторская

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ СЕМЬИ КУПЦА С.Я. ЯКОВЛЕВА (в русском искусстве сер. и второй половине XVIII века)

В дворянском быту с середины XVIII века наличие фамильных портретов, было явлением если не обычным, то уже достаточно распространенным. Пример тому портретные галереи в Костромской и Ярославской губерниях: в усадьбе Черевиных «Нероново», Катениных «Клусеево», Тишинных «Тихвино-Никольское». Но среди купечества, портретирование только входило в моду, оно было еще достаточно редким, поэтому рассмотрение одной из самых ранних купеческих галерей в истории русского изобразительного искусства было бы не бе-

зынтересно. Богатое купечество в это время могло проявлять почти дворянские жизненные претензии, и, наоборот — дворянство, в особенности мелкопоместное, по простоте своего бытового уклада приближалось к купеческому сословию.

В доказательство сказанного можно привести яркие примеры строительства каменных жилых домов, которые возводились верхушкой купечества в уездных городах, как образцы дворцового типа, в которых имели место портретные галереи. Одним из таких персонажей являлся купец Савва Яковлевич Собакин, взявший впоследствии

Рис. 1. Вишняков Иван Яковлевич.
Портрет Михаила Саввича Яковлева
(около 1756 г.). Холст, масло. 90,5х72

более звучное имя – Яковлев, история жизни которого тесным образом связана с историей Костромской губернии.

Купец Савва Яковлевич Яковлев, во много раз превосходивший богатством большинство дворян, ни в чем не хотел отставать от дворянского сословия. Скорее всего, именно этим можно объяснить появление портретов его сына М.С. Яковлева и его молодой жены С.С. Яковлевой в 1756 году, исполненных И.Я. Вишняковым (1699–1761) (рис. 1, 2) через год после написания тем же художником парного портреты четы богатых и знатных дворян Тишининых, усадьбу которых посетила императрица Екатерина II.

В обеих сериях парных портретов, как дворян Тишининых, так и купцов Яковлевых, созданных И.Я. Вишняковым, неумолимо проявилась мощная подспудная связь русского светского искусства XVIII века с предыдущим древнерусским периодом.

Рассматривая творчество Вишнякова, нельзя забывать, что в каждом отдельном случае, работая над заказом, он учитывал личность заказчика, в частности это прослеживается в трактовке женских образов. Если в портрете Ксении Ива-

новны Тишининой художник подчеркнул хрупкое, грустно-задумчивое состояние модели, то Степанида Степановна Яковлева запечатлена в счастливый момент своей жизни, оставаясь для художника не особо интересной личностью, а скорее фактурной моделью – молодой красивой купчихой. На данном примере прослеживается характер заказа парных портретов. В случае с тишининскими изображениями, И.Я. Вишняков руководствовался советами сведущего в искусстве человека, каким несомненно являлся Н.И. Тишинин. Яковлевский заказ, отвечал требованиям купца С.Я. Яковлева – отца жениха. Удивительно, что художником были, как будто предугаданы судьбы обеих женщин, одна – К.И. Тишинина, уйдет из жизни через два года (1757 г.), другая – проживет счастливо в супружестве, имея девятерых детей, и умрет с разницей в один месяц с мужем, в 1781 году. Конечно, это всего лишь сравнение и как всякое сравнение оно не лишено натяжек, в действительности картина намного сложнее.

Модели в портретах Вишнякова как-будто лишены движения, вероятно, по мнению автора, это нарушает гармонию, статуарная пластика персонажа придает им оттенок величественной избыточности. Но, за подчеркнутой застылостью его

Рис. 2. Вишняков Иван Яковлевич.
Портрет Степаниды Степановны Яковлевой
(около 1756 г.). Холст, масло. 90,5х72

Рис. 3. Колокольников Мина Лукич.
Портрет Саввы Михайловича Яковлева
(1770-е гг.). Холст, масло. 62х50,5

фигур, кроется затаенная динамика, сдержанная напряженность контрастов высокого и будничного. Рассмотрев парные портреты М.С. Яковлева и С.С. Яковлевой 1756 года (рис. 1, 2), вернемся к портретам этой семьи и к главному лицу этого семейства – Савве Яковлевичу Яковлеву (1712–1784). Известный Петербургский «миллионщик» Яковлев был простой осташковский мещанин, пришедший в столицу, по семейному преданию с «полтину» в кармане и родительским благословением¹. Вначале он занимался рыбной торговлей, затем вступил в откупа по таможенным сборам, а в последствии занимался рудными и золотыми промыслами, купив у П.А. Демидова на Урале 4 завода – Невьяновский, Шуралинский, Вынгорский, и Верхне-Тагильский. Один завод у графа С.Р. Воронцова, тогда же приобрел и Уткинский завод у последнего из графов – Ягужинских, помимо того, завел полотняную фабрику в Ярославле.

Необходимо сказать, что не далеко от Петербурга, вверх по Неве у С.Я. Яковлева было загородное имение – «Медное», названное по находившемуся здесь медеплавильному заводу, ему принадлежавшему. Владел Яковлев и коллекцией картин². По-видимому, часть этого собрания, се-

мейные портреты, поступили от потомков Яковлева в историко-бытовой отдел ГРМ. Теперь они хранятся в отделе истории русской культуры Эрмитажа. Из этой коллекции происходят несколько живописных и миниатюрных портретов, среди которых после упомянутых выше М.С. Яковлева и С.С. Яковлевой, сына и невестки Петербургского богача, выделяется портрет внука С.Я. Яковлева – Саввы Михайловича Яковлева (рис. 3), выполненного художником середины XVIII века – Миной Лукичом Колокольниковым (1707/8–1792). Портрет мальчика поступил в музей вместе с упомянутыми выше портретами родителей. Эрмитажный портрет представляет маленького мальчика, изображенного в розовом кафтанчике, с взрослой прической и яблоком в правой руке. В инвентарных книгах живописного отдела музея портрет записан как изображение внука С. Яковлева, работы неизвестного художника XVIII века. Сотрудник Эрмитажа И.Г. Котельникова высказала предположение о принадлежности работы Мине Лукичу Колокольникову³. Исследователь по стилистическим особенностям портрета узнает здесь влияние И. Никитина, учеником которого 7 лет был М.Л. Колокольников.

Следует сказать, что С.Я. Яковлев и художник М.Л. Колокольников были знакомы, они оба выходцы из Осташкова Тверской губернии, оба появились в Санкт-Петербурге почти одновременно. И молодой художник, находившийся в столице с 1725 года, вполне мог уже в 1730–1740-х годах портретировать своего земляка и его родственников.

Возвращаясь к детскому изображению 1770 годов (рис. 3), попытаемся выяснить, кто же из внуков С.Я. Яковлева изображен на портрете. Сведения, содержащиеся в родословных книгах, удостоверяют, что внуков-мальчиков у С.Я. Яковлева было десять. Шесть от старшего, и более близкого, по всей видимости, к Яковлеву сына Михаила, жившего вместе с отцом; и четыре от младшего, третьего сына, Ивана Саввича⁴. Всего внуков у миллионера С.Я. Яковлева было 24, от шести сыновей и 2-х дочерей. Из них по возрасту около пяти-шести лет, как видно на портрете, к началу 1770-х годов, о чем свидетельствует костюм мальчика, могут быть только трое. Два мальчика от старшего сына: Григорий Михайлович (1767) и Савва Михайлович (1768) один от младшего сына – Алексей Иванович (1768). Но если учесть, что из десяти внуков был изображен единствен-

ный, то им, скорее всего, мог быть внук, наследующий имя деда — то есть Савва Михайлович Яковлев. Конечно, это только предположение, но логика его подтверждается тем, что портрет поступил вместе с изображениями родителей мальчика, из одного источника.

Второй близкий эрмитажному портрет мальчика из семейства Яковлевых, находится в собрании Государственного музея изобразительных искусств Чеченской республики в Грозном (рис. 4). Портреты схожи по времени исполнения, 70-е годы XVIII века и по размеру (62х50,5; 63х53). Можно только предположить, что и этот портрет создан М.Л. Колокольниковым. Это обусловлено сходством композиционного приема и цветового решения. Мальчик изображен в излюбленном Колокольниковым лилового цвета кафтане. Черты лица в грозненском портрете схожи с изображением мальчика на предыдущем полотне, ощущается физиономическая близость моделей.

Рис. 4. Колокольников Мина Лукич (?).
Портрет мальчика из семейства Яковлевых (?)
(1770-е гг.). Холст, масло. 63х53

Рис. 5. Колокольчиков Мина Лукич.
Портрет человека в голубом кафтане
(1730–1740-е гг.)

Итак, рассмотрев портреты Яковлевых, созданные И.Я. Вишняковым в середине XVIII века и портреты детей из этой семьи в 70-х годах, возникает вопрос о портретировании самого Саввы Яковлевича, как главы семейства и в конечном итоге основного заказчика и инициатора портретной галереи семьи.

Между тем, в 1979 году, после опубликования монографии Т.В. Ильиной «И.Я. Вишняков», И.Г. Котельникова, изучающая творчество М.Л. Колокольникова, выдвинула версию, что на «Портрете молодого человека в голубом кафтане» (рис. 5) ГРМ, ранее изображен С.Я. Яковлев, относящееся к 30–40-м годам XVIII века⁵.

Исследователь, в системе доказательств авторства М.Л. Колокольникова приводит анализ эталонных портретов мастера: портрет А.И. Васильева (до 1760 года) и портрет И.Т. Мещерского (1756 года): «форма плеч и рук, прописка складок кафтана ушей и на рукавах схожесть с этими же деталями А.И. Васильева. Левая припухлая ноздря написана не точно анатомически и одинакова с этой же деталью на портрете И.Т. Мещерского»⁶.

Обратимся к физиономическому сходству изображенного на портрете молодого человека 30–40-х годов с Вишняковским изображением

Рис. 6. Колокольников Мина Лукич.
Портрет Саввы Яковлевича Яковлева
(нач. 1750-х гг.). Холст, масло. 44,5х33,5

М.С. Яковлева 1756 года, что было уже отмечено Т.В. Ильиной⁷. Между тем, эрмитажным сотрудником И.Г. Котельниковой была предпринята попытка идентификации личности на портрете, проведенная в лаборатории судебной экспертизы города Ленинграда 1981 году, которая не подтвердила что на портрете изображен С.Я. Яковлев в молодости⁸.

Однако, созданный художником образ может охарактеризовать человека уже заявившего свои практические таланты и хватку дельца, уверенно создающего свою «деловую биографию». Суровость выражения и грубоватость черт в сочетании с волевой напряженностью лица выдают простонародное происхождение изображенного одетого вполне светски: в красивый голубой кафтан с серебряными пуговицами и такой же камзол, с черной шляпой под мышкой – почти обязательным атрибутом мужских изображений середины XVIII века.

Обращаясь к биографии С.Я. Яковлева можно увидеть, что оставшийся мещанин только в 1762 году получит дворянство, а на портрете изображен человек с атрибутами сословной принадлежности, которой еще тогда С.Я. Яковлев, по всей видимости, не обладал.

Обратимся к другому изображению С.Я. Яковлева, созданным М.Л. Колокольниковым. Один из них хранится в Эрмитаже. Это небольшой холст (44,5х33,5), где С.Я. Яковлев представлен по пояс, с поворотом вправо, в темно-лилового цвета кафтане (рис. 6). Напудренный парик с двумя рядами буклей, позволяет датировать портрет началом 1750-х годов. Возраст модели примерно 40 лет, не противоречит датировке, Яковлев родился в 1712 году, то есть на портрете ему 38 лет.

В образной характеристике модели автор ограничивается только намеком на характер, читающийся в чуть жестком отстраненном взгляде. Выполняя портрет, по-видимому, по заказу – художник передает облик портретируемого внешне приятным и даже мягким. Он не может себе позволить более глубокого и последовательного прочтения натуры, которая, скорее всего, была ему внутренне чуждой. Ведь известно, что С.Я. Яковлев отличался особой жестокостью.

Как сообщает его биограф: «Он вообще мало стеснялся законами и с маленькими людьми не угодными ему, расправлялся круто, избивал их, держал на цепи»⁹.

Напомним, что у С.Я. Яковлева, «упоенного миллионами, не было предела заносчивости и своеволия, в отношении не только к подчинен-

Рис. 7. Колокольников Мина Лукич.
Портрет Саввы Яковлевича Яковлева (1750-е гг.).
Холст, масло. 63х79

ным ему, но и к тем, с которыми ему приходилось иметь деловые отношения».

В Государственном музее истории г. Ленинграда, в фондах, хранится еще один, аналогичный предыдущему, но большего формата портрет С.Я. Яковлева (63х79) (рис. 7). Не только физиономическое и образное сходство, но и живописные приемы свидетельствуют об одном авторе этих двух портретов. Та же композиция, тот же поясной обрез фигуры, но другой не лиловый, а синий цвет кафтана и камзола. Напомним, что этот же синий цвет Н.Л. Колокольников, уже использовал в портрете молодого человека из ГРМ.

Некоторые разночтения сравниваемых изображений С.Я. Яковлева 1750-х годов свидетельствуют о поправках и уточнениях формы на большом портрете по сравнению с маленьким, плечи написаны более уверенно и правильно, в тоже время, повторяя и уточняя складки кафтана на рукавах и груди, художник усугубляет неточности объема, по-видимому, работая по памяти. Незначительные разночтения в этих двух очень близких портретах свидетельствуют о логической и временной близости этих изображений С.Я. Яковлева, из которых маленький портрет, безусловно, предшествовал большому.

Вследствие этого наблюдения, можно констатировать: что большее по формату изображение дорабатывалось художником в области лица не только по предыдущему варианту, но и с натуры. О причинах такого «хозяйского» отношения к незавершенному авторскому холсту сказать что-либо трудно. Не исключено, что эскиз был доработан М.Л. Колокольниковым по требованию расчетливого и скупого заказчика. Оба портрета выполнены в годы, когда С.Я. Яковлев уже утвердил свое положение в столичном обществе и осознал свое влияние и силу, хотя и не имел дворянского звания. В Петербурге С.Я. Яковлев много строил: «тыном оградил» громадный земельный участок в районе сенной площади, который простирался до Фонтанки, а по сторонам протянулся от Гороховой улицы до Обуховского проспекта¹⁰. На углу Гороховой и Садовой до сих пор стоит трехэтажный каменный дом, построенный для С.Я. Яковлева неизвестным архитектором. На средства С.Я. Яковлева ближе к Сенатской площади была построена церковь «Спаса» с пределом преподобного Саввы. Церковь не сохранилась. По воспоминаниям современников пятисотпудовый колокол этой церкви С.Я. Яковлев дер-

жал «на замке», чтобы без его «ведома» тот не звонил. За отказ бесплатно поить народ в честь вступления Екатерины II на престол в 1762 году, Г.Р. Державин увековечил С.Я. Яковлева в оде «К Скопихину»¹¹.

На этом же земельном участке фасадом на Фантанку ближе к проспекту, была сооружена дача Яковлева, строительство которой приписывается Ф.Б. Растрелли (не сохранилась). Еще один каменный дом Яковлевых «был в Луговой Миллионной и на Мойку», ему принадлежали так же торговые места в гостинном дворе, в верхнем и нижнем этажах, «под разным номерами каменных лавок число 50»¹².

Поэтому, портретов хозяина для всех многочисленных столичных и загородных домов С.Я. Яковлева требовалось достаточное количество и не только его изображений, но и царствующих особ. Сохранились архивные документы: переписка гравера М. Махаева с заказчиком Н.И. Тишининым¹³, где приведен факт, что С.Я. Яковлев, владелец Ярославской полотняной мануфактуры, желая перекупить уже исполненный для триумфальных ворот тишининской

Рис. 8. Колокольников Мина Лукич. Портрет Саввы Яковлевича Яковлева (нач. 1767 г.). Холст, масло.

усадьбы живописный портрет Екатерины II, исполненный М.Л. Колокольниковым. Он безуспешно предлагал художнику за него 40 рублей, по тому времени это была большая сумма, в 2 раза больше чем художник запросил у заказчика – Н.И. Тишина «не менее 20 руб»¹⁴. Этот штрих к характеристике личности М.Л. Колокольникова свидетельствует о не простых взаимоотношениях Петербургского богача со своим земляком в том, что деньги не играли значительной роли в их взаимоотношениях.

Между тем, рассматривая портретную галерею С.Я. Яковлева необходимо констатировать наличие у заказчика устойчивого желания работать с одним художником, этим неизменным портретистом был М.Л. Колокольников. Кроме двух рассмотренных нами изображений С.Я. Яковлева 1750-х годов есть еще два изображения. Один из них находится в собрании ГРМ и значится как работа неизвестного художника второй половины XVIII века¹⁵, второй был опубликован А.Ф. Грязновым в 1980-м году без имени автора¹⁶.

Обратимся к портрету из ГРМ 1767 года (рис. 8). Перед нами сидящий в кресле, к спинке которого приставлена дворянская шпага, подписывающий документ С.Я. Яковлев. В отличие от камерных предыдущих изображений, здесь, несомненно, парадный портрет. Художник, вероятно, по воле заказчика, вводит в портрет многоговорящие атрибуты: дворянскую шпагу, как подтверждение определенного социального статуса, и важный документ, который собирается подписать Яковлев гусиным пером. На столе аккуратно поставленный чернильный прибор с колокольчиком между маленькими чернильницами и массивная печать, предназначенная для скрепления документов сургучом. От портрета веет той значимостью, самоуверенностью и деловитостью, которой отличался С.Я. Яковлев. Вероятно, именно эти качества хотел видеть в портрете заказчик. Подобное изображение находилось в приемной Ярославской большой мануфактуры, откуда поступило в 1919 году в краеведческий музей Ярославля¹⁷. Аналогичный портрет С.Я. Яковлева находится в осташковском краеведческом музее¹⁸. Не исключено, что исполнителем осташковского портрета мог быть Михаил Лукич Колокольников, брат Мины Колокольникова всю жизнь проживший в Осташкове, обучавший живописи учеников, в том числе своего сына, известного портретиста Я.М. Колокольникова – Воронина. Известно,

что С.Я. Яковлев бывал на своей родине в Осташкове и делал денежные пожертвования, в частности на возведение каменной ограды Знаменского монастыря¹⁹.

Следует сказать, что после смерти в 1784 году Савва Яковлевич был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. На могиле был установлен бронзовый портрет – барельеф, который сопровождала надпись, воспроизведенная в Петербургском Некрополе, что он «Сибирских, Невьяновских и других железных заводов и Ярославской большой полотняной мануфактуры и разных фабрик содержатель», «супруг верный», «отец чадолюбивый», «истинный христианин», «гражданин добрый», «целому отечеству доставил превеликую пользу»²⁰.

Состояние С.Я. Яковлева было поделено между двумя дочерьми и пятью сыновьями, один из которых старший сын – Михаил – уже умер к тому времени (1761), но и поделенное состояние было настолько велико, что один из сыновей С.Я. Яковлева после пожара Москвы в 1812 году покрыл крыши всех казенных учреждений города своим железом, а другой пожертвовал один миллион рублей инвалидам этой войны²¹.

Рис. 9. Неизвестный художник последней четверти XVIII в. Портрет Петра Саввича Яковлева (1790-е гг.). Холст, масло, овал.

Рассмотрев портретную галерею Яковлевых, можно сделать вывод, что художники, работающие как в столице, так и на периферии, и к ним относится М.Л. Колокольников, не делали различия в общепринятой концепции портрета, это коснулось как купеческих изображений, так и дворянского портрета. В случае с портретами семейства Яковлевых, созданных М.Л. Колокольниковым сразу узнается рука мастера, где больше авторской версии в прочтении характера модели, чем желание заказчика. Яркая творческая индивидуальность автора трансформирует облик портретируемого.

В собрании Государственного Русского музея хранится еще одно изображение члена семьи Яковлевых, это миниатюрный портрет сына С.Я. Яковлева – Петра Савича Яковлева 1790 г. (рис. 9). Само построение миниатюрного изображения диктует манеру подачи образа, в котором ярко прослеживаются фамильные черты.

Большая часть фамильных галерей не дошла до нас, но и то, что сохранилось, свидетельствует об огромной значимости портрета в русской культуре. В портретной живописи зачастую действует закон: чем ярче личность художника, тем сильнее она отражается в произведении. Ведь каждый портрет – это не только изображение современника, но и автопортрет художника.

Примечания

¹ Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. – СПб., 1895. – Т. 2. – С. 353–354.

² Пыляев М.И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. – СПб., 1887. – С. 258.

³ Котельникова И.Г. О творческой биографии мало известного русского портретиста XVIII века М.Л. Колокольникова. На материалах советских музеев // Музей 5. – М., 1984. – С. 88.

⁴ Грязнов А.Ф. Ярославская большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г. Приложение №10. Духовное завещание С.Я. Яковлева. – М., 1910. – С. 490; Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родос-

ловная книга. – СПб., 1895. – Т. 2. – С. 355–456.

⁵ Ильина Т.В. Иван Яковлевич Вишняков. Жизнь и творчество. – М., 1979. – С. 69.

⁶ Там же. – С. 84–86.

⁷ Там же. – С. 156–157.

⁸ Котельникова И.Г. Указ соч. – С. 93.

⁹ Русский библиографический словарь. Т. «Яблонский-Фомин». – СПб., 1913. – С. 400.

¹⁰ Пыляев Н.И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. – СПб., 1887. – С. 258.

¹¹ Записки Г.Р. Державина. – М., 1860.

¹² Грязнов А.Ф. Ярославская большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г. Приложение №10. Духовное завещание С.Я. Яковлева. – М., 1910. – С. 490; Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. – СПб., 1895. – Т. 2. – С. 491.

¹³ Письма гравюра М.И. Махаева. Соображения М.М. Ильина // Литературное наследство. – 1933. – №9–10.

¹⁴ Котельникова И.Г. Указ соч. – С. 93.

¹⁵ Сахарова И.Н. Алексей Антропов. – М., 1974. – С. 179–178.

¹⁶ Грязнов А.Ф. Ярославская большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г. Приложение №10. Духовное завещание С.Я. Яковлева. – М., 1910. – С. 72–73.

¹⁷ Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник (Ж-21639, холст масло 78х62).

¹⁸ Осташковский краеведческий музей (ОН-324, холст масло 85х85) происхождение не установлено.

¹⁹ Успенский В. Описание осташковского-знаменского житийного монастыря. – Тверь, 1990.

²⁰ См.: Николай Михайлович. Вл.кн. // Русские портреты XVIII–XIX столетий. – СПб., 1913. – Т. 4. – С. 688.

²¹ См.: Русский библиографический словарь. Т. 5. «Яблонский-Фомин». – СПб., 1913. – С. 100; Николай Михайлович. Вл.кн. // Русские портреты XVIII–XIX столетий. – Т. 5. – № 63; История правительствующего Сената за 200 лет (1711–1911). – Т. 2. – С. 323, 622, 660, 664–666; Т. 3. – С. 5–11; Лобанов Ростовский. Русская родословная кн. – Т. 2. – С. 453–451.

Е.А. Королёва

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ
ФОРМИРОВАНИЯ ЭКФРАСИСА В ПЕРЕФАЭЛИЗМЕ

В живописи и поэзии перефаэлиты (*The Preraphaelite Brotherhood*) продолжали идеи, заложенные Вордсвортом, Кольриджем, Китсом, Блейком несколько десятилетий до того в литературе и живописи. Перефаэлитов и поэтов-романтиков объединяло общее стремление «освободиться от условностей и школьных формул классицизма путём обращения к естественным истокам – природе, индивидуальным импульсам и чувству»¹. Данное понимание программных установок поэтов-романтиков определяет особенности романтического экфрасиса: центрирование не на детальном воспроизведении предмета, а на эмоциональном восприятии этого предмета.

Данная направленность романтического экфрасиса на постижение внутреннего смысла картины или любого другого предмета искусства отражена в исследовании экфрасиса у акмеистов, проведённого М. Рубинс: «романтизм создал новую описательную поэтику, которая предусматривала воспроизведение предмета пластических искусств чисто поэтическими средствами. Поэты более не стремились передать каждую зрительную деталь. Романтический экфрасис <...> во многом определяется поэтической памятью, которая, наравне с воображением, часто трансформирует и идеализирует доступный взору предмет»².

И.А. Едошина, размышляя об особенностях романтического сознания, также акцентирует наше внимание на приоритете внутреннего видения у романтиков, на их способности создавать иной мир, доступный только метафизическому восприятию: «создавая художественный мир, романтическое сознание старалось уйти от копирования действительности, актуализируя вместо целостной картины фрагмент»³. Иными словами, у романтиков мы видим уже преломление той визуальной идентичности, которая существовала в античные времена, но не её первоначальное состояние.

В этом уходе от предметности, от детального воспроизведения объектов искусств и заключается основная характеристика романтического экфрасиса, суть которого – в замене описания

предмета как такового развёрнутой поэтической рефлексией.

Источников вдохновения у Данте Габриэля Россетти (*Dante Gabriel Rossetti*, 1828–1882), одного из основателей Перефаэлитского Братства, было достаточно много: художники эпохи кватроченто, ранние итальянские поэты, готическое искусство. В область его интересов практически с самого основания Братства входило творчество Уильяма Блейка (*William Blake*, 1757–1827).

Ряд исследователей творчества Блейка (Хагструм, Митчелл) отмечает взаимопроникновение мира поэзии и изобразительного искусства в его творчестве. В частности, Хагструм утверждает, что Блейк синтезирует два вида искусств с целью «поднять живопись до уровня поэзии – к сфере воображения», поскольку во второй половине XVIII – начале XIX веков английская живопись ограничивалась функцией воспроизведения⁴. Иными словами, автор этой теории постулирует первенство поэзии, её главенство над живописью в эпоху Уильяма Блейка, а творческую деятельность Блейка сводит к стремлению уравнивать эти два искусства.

Патмор же заявляет, что Блейк-художник намного превзошёл Блейка-поэта; Блейк ему интересен только в качестве художника, оговариваясь, однако, что и его репутация художника во многом преувеличена⁵.

Существует достаточно суждений о том, в какой из двух сфер – живописной или поэтической – Уильям Блейк добился больших успехов, однако все критики сходятся в одном – синтез искусств, взаимопроникновение, взаимовлияние живописи и поэзии являются основополагающими характеристиками этой творческой личности.

Действительно, текст и иллюстрации в творчестве Блейка выступают не как простое объединение разных видов искусств, а как органическое сплетение этих искусств в единое целое. Миры иконических и словесных знаков не просто сосуществуют в творчестве Блейка, но находятся в непрерывном взаимодействии, взаимопереходе.

В аспекте взаимодействия иконических и словесных знаков, уже – в аспекте «обратного экфрасиса», значимым представляется прочтение Блейком Книги Иова («*The Book of Job*»).

Гравюрный цикл Блейка служит средством повествования о жизни страдальца и праведника Иова. Каждая гравюра охватывает некоторый момент жизни центрального персонажа, каждый абзац библейского текста об Иове художник превратил в самостоятельную графическую композицию: «Дьявол, поражающий Иова проказой», «Когда запели звёзды», «Иов и его дочери» и другие. То, что перед нами не простое скопление разнообразных, не связанных между собой гравюр, а единое повествование, определяется следующим⁶:

1. Повторением в каждой гравюре фигур Иова, Господа и / или Дьявола, что обеспечивает живописное единство серии изображений.

2. Связью гравюр с узловыми эпизодами жизни праведника, соответствие каждой гравюры определённому абзацу из Священного Писания.

3. Включением в гравюрные изображения словесных текстов.

Последние два пункта и обеспечивают создание единого художественного комплекса Книги Иова и гравюр, в котором наблюдается не механическое соединение двух типов знаков, а их синтез.

Митчелл, анализируя гравюры и рисунки Блейка, отмечает, что в понимании Блейка они являлись не аналоговым воспроизведением образа, а «интеллектуальным видением»⁷. Под «интеллектуальным видением» здесь следует понимать интерпретирующее сознание, фантазию, которая преобразует референт.

Так, один из персонажей блейковской мифологии – Уризен (*Urizen*), олицетворяющий собой Разум (*Reason*), – изображается Блейком в виде старика с седой бородой. Здесь наблюдается трансляция образной персонификации (Уризен как образа Разума в «пророческих поэмах» Блейка) в визуальную форму (седовласый старик на иллюстрациях Блейка к поэмам). Взаимодополняющие разнообразные компоненты сливаются в порождающем их интерпретирующем сознании художника, образуя концептуальную целостность: единство текста и иллюстрации. Действительно, для того, чтобы седовласый старик воспринимался как воплощение «разума», необходимо знать содержание поэмы Блейка. Текст ведёт читателя среди множества иконических означаемых, текст руководит читателем, направляя к заранее заданному смыслу.

Особую важность приобретает в этом контексте вопрос о значении иллюстрации. Ролан Барт, размышляя над вопросом об отношении иллюс-

трации к дискурсивному тексту, выделяет две функции языкового сообщения по отношению к иконическим сообщениям: функцию закрепления и функцию связывания⁸. Функция закрепления способствует правильному уровню восприятия: словесный текст в этом случае управляет либо актами идентификации, либо процессами интерпретации; такой текст подобен тискам, которые зажимают коннотативные смыслы.

Вторая, связывающая, функция предполагает нахождение словесного текста и образа в элементарных отношениях; «и текст, и изображение оказываются в данном случае фрагментами более крупной синтагмы, так что единство сообщения достигается на некоем высшем уровне – на уровне сюжета, рассказываемой истории, диэгесиса»⁹. В контексте «пророческих поэм» Блейка («Песни познания», «*Songs of experience*», «Книга Тэль», «*The book of Thel*», «Бракосочетание Рая и Ада», «*The marriage of Heaven and Hell*», «Видение дочерей Альбиона», «*Visions of daughters of Albion*»), оказавших значительное влияние на творчество Россетти, именно связывающая функция становится доминантной, поскольку словесный текст играет здесь роль диетической связки, а изображение берёт на себя роль передачи вспомогательной информации. Таким образом, функция связывания способствует составлению стихов и рисунков в единый художественный комплекс, в котором текст, оперируя смыслами, отсутствующими в изобразительном ряду, обеспечивает правильное прочтение иконического образа.

В данном контексте аналогичной является оценка Хагструм, интерпретирующей феномен соотношения словесного и живописного образов в работах Блейка. По её мнению, «живое единение двух искусств» в его творчестве наиболее ясно наблюдается не тогда, когда рисунок дублирует информацию, содержащуюся в тексте, а текст воспроизводит то, что нарисовано (функция закрепления, в терминологии Барта), а тогда, когда каждое из искусств вносит дополнительную информацию, отсутствующую в изображении или тексте (связывающая функция, согласно Барту)¹⁰. Конечно, связь между тигром в стихотворении Блейка и тигром на рисунке Блейка отчётливо явлена, поскольку этот образ облечён как в словесную, так и в живописную форму. Но подобная связь наличествует и тогда, когда текст досказывает то, что отсутствует в рисунке, а ри-

сунок дополняет текст отсутствующей в нём рефлексией. Функция закрепления, таким образом, отодвигается в творчестве Блейка на второй план, а функция связывания предстаёт доминантной при построении им единого художественного комплекса.

Среди тех, чьё влияние на прерафаэлитов было определяющим, оказался и Джон Китс (*John Keats*, 1795–1821). Сюжеты из поэм Китса занимают почётное место среди ранних произведений прерафаэлитов.

С характерным для романтиков восприятием действительности не только в том виде, в котором она представлена при непосредственном наблюдении, но и в свете искусств прошлых времён, Китс обращается к творениям прошлых лет и создаёт образ классической вазы, нетронутой временем, в «Оде греческой вазе» («*Ode on a Grecian urn*», май 1819 года). Влияние этой оды, несомненно, прослеживается в сонете Россетти «Чаша жизни» («*The vase of life*»), написанном в 1869 году.

В «Оде греческой вазе» представлен ряд различных изображений – девы, убегающие от преследующих их юношей; музыкант, играющий на свирели; влюблённые, стремящиеся друг к другу; жрец, ведущий быка на заклание. Все эти изображения объединены общностью мироощущения и мысли поэта: сквозь «покой созерцания, приливающего оде, прорывается лирическая субъективность поэта»¹¹.

В первом одическом десятистишии вводится образ античной вазы. Шесть строк из этого десятистишия представляют собой риторические вопросы, которые, на первый взгляд, кажутся повествовательными излишествами:

Thou still unravish'd bride of quietness,
Thou foster-child of silence and slow time,
Sylvan historian, who canst thus express
A flowery tale more sweetly than our rhyme:
What leaf-fring'd legend haunts about thy shape
Of deities or mortals, or of both,
In Tempe or the dales of Arcady?
What men or gods are these? What maidens loth?
What mad pursuit? What struggle to escape?
What pipes and timbrels? What wild ecstasy?¹²

В этих строках обнаруживается ряд изображений, присутствующих на вазе (боги и смертные, погоня, свирели и бубны), однако сюжет пока не ясен. Китс допускает риторические вопросы, ссылаясь на собственные эмоции: вопросы отражают те чувства, которые поэт испытал, впервые увидев вазу.

Дальнейшее «описание» вазы также даётся сквозь призму впечатлений поэта от увиденного. Целью данной экфразы оказывается не развёрнуто-подробное описание, а раскрытие внутреннего видения пластического предмета; произведение искусства, таким образом, «выполняет лишь функцию первоначального стимула романтического воображения»¹³. Те же изображения, которые упоминаются в оде, перемежаются с поэтическими размышлениями поэта о вечности искусства и тленности этого мира:

Heard melodies are sweet, but those unheard
Are sweeter; therefore, ye soft pipes, play on;
Not to the sensual ear, but, more endear'd,
Pipe to the spirit ditties of no tone:
Fair youth, beneath the trees, thou canst not leave
Thy song, nor ever can those trees be bare;
Bold Lover, never, never canst thou kiss,
Though winning near the goal – yet, do not grieve;
She cannot fade, though thou hast not thy bliss,
For ever wilt thou love, and she be fair!

Ah, happy, happy boughs! that cannot shed
Your leaves, nor ever bid the Spring adieu;
And, happy melodist, unwearied,
For ever piping songs for ever new;
More happy love! more happy, happy love!
For ever warm and still to be enjoy'd,
For ever panting, and for ever young;
All breathing human passion far above,
That leaves a heart high-sorrowful and cloy'd,
A burning forehead, and a parching tongue.

Who are these coming to the sacrifice?
To what green altar, O mysterious priest,
Lead'st thou that heifer lowing at the skies,
And all her silken flanks with garlands drest?
What little town by river or sea shore,
Or mountain-built with peaceful citadel,
Is emptied of this folk, this pious morn?
And, little town, thy streets for evermore
Will silent be; and not a soul to tell
Why thou art desolate, can e'er return.

O Attic shape! Fair attitude! with brede
Of marble men and maidens overwrought,
With forest branches and the trodden weed;
Thou, silent form, dost tease us out of thought
As doth eternity: Cold Pastoral!
When old age shall this generation waste,
Thou shalt remain, in midst of other woe
Than ours, a friend to man, to whom thou say'st,
"Beauty is truth, truth beauty," – that is all
Ye know on earth, and all ye need to know.¹⁴

Итак, ода строится не на максимально конкретном описании вазы, а на ассоциациях поэта,

порождённых силой воображения. В поэтическом воображении поэта ваза предстаёт «наперсником молчаливой старины» (*«bride of quietness»*, *«foster-child of silence and slow time»*), «аттической формой» (*«Attic shape»*), «холодной пасторалью» (*«Cold Pastoral»*). В оде ни разу не встречается слово «ваза». Замещение референта метафорами свидетельствует о первостепенности собственных фантазий поэта и, соответственно, второстепенности достоверного описания объективно существующего предмета искусства.

Таким образом, подробное описание вазы подменяется альтернативным образом, созданным воображением поэта и способствующим обнаружению того, что не явлено. Античная ваза ассоциируется у поэта с быстротечностью времени и вечностью искусства. Об этом свидетельствуют постоянные повторы слов *«for ever»* / *«never»* (вечно, всегда / никогда), а также выбор слов с семантикой «вечности»: *«slowtime»* (медленное время), *«cannot fade»* (не увянет), *«marble men»* (мраморные мужи), *«eternity»* (вечность), *«remain»* (останешься). Благодаря замене описания как такового поэтической рефлексией, центрированию внимания не на сюжете рисунка на вазе, а на ощущениях, возникших от этого предмета искусства, Китс раскрывает идею нетленности искусства: пластический образ оказывается способным преодолеть разрушительное влияние времени.

В контексте второстепенности достоверного описания вазы особое значение приобретает проблема «эффекта реальности». Ролан Барт постулирует сугубо эстетическую функцию литературного описания, к области которого он относит и экфрасис: «описание не подчиняется никакому реалистическому заданию; мало существенна его правдивость, даже правдоподобие; <...> существенны лишь одни нормы описательного жанра»¹⁵. Экфрастическое описание, согласно Барту, — явление не референциального, а дискурсивного характера, поскольку эстетические правила вбирают в себя правила референциальные. Вполне возможно предположить, что ваза, вдохновившая Китса на создание оды, «объективно» ничем не отличается от реально существующей вазы из коллекции, выставленной в Британском музее¹⁶. Однако референциальное правдоподобие здесь уходит на второй план, оно, выражаясь терминологией Барта, вытесняется эстетическим правдоподобием.

Ролан Барт, исследуя проблему «эффекта реальности» на примере описания Руана в «Госпо-

же Бовари» Флобера, отмечает следующее: «ткань описания, где, казалось бы, первостепенное значение (по объёму, по детализации) уделяется Руану как объекту, — в действительности лишь основа, на которую нашиваются жемчужины редких метафор <...>, словно во всём Руане писателю важны только риторические фигуры, которыми он описывается»¹⁷. Данные выводы верны и для описательной традиции Китса: реальная ваза оказывается далеко не предметом описания Китса, ваза для поэта достойна упоминания лишь в виде замещающих её образов.

Барт приходит к выводу, что возможность описания обеспечена не онтологическим существованием референта («референт как таковой уже не важен»), а техникой смыслообразования литературы, в пространстве которой «означающие могут неограниченно играть». В этом контексте игра с реальностью носит креационный характер, и, с точки зрения своего онтологического статуса, реальность может быть оценена лишь как «эффект», достигнутый сугубо семиотическими средствами.

Таким образом, замена описания самого предмета «развёрнутой поэтической рефлексией» (терминология И.А. Едошиной) не только влечёт за собой выдвижение феномена «воображения» на передний план, но и задаёт ему фундаментальный статус в эпоху романтизма.

Обозначенная нами ориентированность экфрасиса на осмысление внутреннего видения референта свойственна поэтам и художникам-романтикам. Уильям Блейк и Джон Китс являются знаковыми фигурами для формирования экфрастической традиции прерафаэлитов. У романтиков наблюдается приоритет постижения неявленного: в основании построения экфразы лежит не референциальная, а эстетическая функция, итогом которой является создание «эффекта реальности». В результате, существенными оказываются лишь «нормы описательного жанра», эстетическое правдоподобие.

Экфрастический подход позволяет также не упускать из вида вопрос об отношении иллюстрации к дискурсивному тексту. Органическое единство текста и изображения — одна из магистральных тем в творчестве как прерафаэлитов, так и их предшественников — романтиков. Особое значение приобретает в этом контексте функция связывания, предполагающая нахождение текста и образа в комплементарных отношениях. С экф-

растической точки зрения, релевантным оказывается факт достижения единства сообщения на уровне диалексиса, то есть на уровне повествования, осуществляемого единым художественным комплексом — текстом и изображением.

Примечания

¹ Некрасова Е.А. Романтизм в английском искусстве. — М.: Искусство, 1975. — С. 150.

² Рубинс М. Пластическая радость красоты. Акмеизм и Парнас. — СПб.: Академический проект, 2003. — С. 43.

³ Едошина И.А. Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы. — М.: Кострома, 2002. — С. 56.

⁴ Hagstrum Jean H. William Blake poet and painter. An introduction to the illuminated verse. — Chicago; London: The university of Chicago press, 1966. — P. 9.

⁵ Patmore C. Principle in art. — London: George Bell and sons, 1898. — P. 97.

⁶ Подробнее об образцах повествования живописными средствами см.: Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. — Таллин: Ээсти Раамат, 1973. — <http://philologos.narod.ru/lotman/kino/Lotman-0.htm>.

⁷ Mitchell W.J.T. Iconology. Image. Text. — Chicago: The University of Chicago Press, 1994. — P. 146.

⁸ Барм Р. Избранные работы: семиотика. Поэтика: Пер. с фр. — М.: Прогресс, Универс, 1994. — С. 304.

⁹ Там же. — С. 307.

¹⁰ Hagstrum Jean H. William Blake poet and painter. An introduction to the illuminated verse. — Chicago; London: The university of Chicago press, 1966. — P. 94.

¹¹ http://www.lib.ru/POEZIQ/KITS/keats0_1.txt

¹² <http://www.russianplanet.ru/filolog/evropa/england/keats1.htm#urn>

¹³ Рубинс М. Пластическая радость красоты. Акмеизм и Парнас. — СПб.: Академический проект, 2003. — С. 45.

¹⁴ <http://www.russianplanet.ru/filolog/evropa/england/keats1.htm#urn>

¹⁵ Барм Р. Избранные работы: семиотика. Поэтика: Пер. с фр. — М.: Прогресс, Универс, 1994. — С. 395.

¹⁶ Существует множество комментариев по поводу того, какую именно вазу из собранных в Британском музее произведений искусства запечатлел поэт в Оде. Подробнее см.: Geppert E.C. A Handbook to Keats's Poetry. Ann Arbor, 1963. — P. 570–571. — http://www.lib.ru/POEZIQ/KITS/keats0_1.txt

¹⁷ Барм Р. Избранные работы: семиотика. Поэтика: Пер. с фр. — М.: Прогресс, Универс, 1994. — С. 396.

Т.Л. Никитина

РУССКИЕ МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ РОСПИСИ 1670–1680-Х ГОДОВ: КОСТРОМСКОЙ ВАРИАНТ

Стенные росписи 1670–1680-х гг. представляют чрезвычайно богатый материал для исследования процессов развития русской культуры «эпохи перемен». До наших дней практически в полном составе дошла большая часть стенописей этого периода, что является редким для истории русского искусства случаем сохранности значительного пласта художественной культуры. Расписанные в эти годы храмы различны по архитектурным формам, размерам и богослужебным укладам — это и большие соборы городов и монастырей, собиравшие сотни молящихся, и приходские церкви, в которых протекала повседневная религиозная жизнь горожан, и недоступные для простых богомольцев домовые храмы. Инициаторами создания росписей выступали представители всех соци-

альных слоев — цари, церковные иерархи, бояре, купцы, сообщества прихожан. Интерес для исследователя представляют не только эволюция стиля и иконографии, но в равной мере — выбор и принципы объединения сюжетов росписи в определенную систему.

Понятием «система росписи» описывается взаимодействие в памятнике ряда разнородных явлений, поэтому оно может быть раскрыто в нескольких аспектах. В самом общем плане понятие системы росписи, характеризуя наиболее устойчивые черты состава и расположения сюжетов, сходно с понятием канона. Кроме того, касаясь соотношения стенописи и архитектуры в отдельно взятом храме, понятие системы пересекается с понятиями структуры, композиции, архитектурно-художественного синтеза. Наконец,

понятие «система росписи» подразумевает смысловую (повествовательную и сюжетно-символическую) взаимосвязь и соподчинение сюжетов внутри стенописного комплекса и в этом сближается с понятием программы росписи. Однако если программа – это замысел, концепция, как правило, не зафиксированная письменно, то система росписи представляет собой зримый результат воплощения программы, это художественный факт и особого рода исторический документ.

В 1670–1680-е гг. в Поволжье возникает ряд центров монументального искусства – Ярославль, Ростов, Кострома, в которых складываются своеобразные варианты системы росписи. Настоящая работа посвящена костромскому варианту.

Истоки монументальной традиции в Костроме восходят к годуновской эпохе, когда были созданы росписи в Ипатьевском и Богоявленском монастырях¹. Эти фрески не сохранились, неизвестны и исполнявшие их мастера. Позже, в первой половине XVII века, костромские монументалисты много работали за пределами Костромы. В самой же Костроме их опыт нашел применение лишь в 1650-е гг., когда была начата роспись церкви Воскресения на Дебре². В 1660–1680-е гг. монументальные работы в Костроме велись эпизодически. Вместе с тем костромичи часто выезжали в другие города – Переславль, Ростов, Ярославль, Суздаль, Москву. С начала 1660-х до конца 1680-х гг. ведущим костромским монументалистом был Гурий Никитин. Именно в период его деятельности стенописи костромской артели приобретают яркие композиционные, тематические и стилистические особенности, что позволяет говорить о формировании особого костромского варианта монументально-декоративной системы.

Первым опытом работы Гурия Никитина во главе артели считается роспись **Троицкого собора Данилова монастыря в Переславле-Залеском**, исполненная в два этапа в 1662 и 1668 гг.³

В центральной апсиде написана «Новозаветная Троица» и святительский чин. Первоначально в конхе, судя по раскрывшимся фрагментам, располагалась другая композиция – возможно, «Великий вход». В конхах боковых апсид изображены архангелы Михаил и Гавриил, на стенах «Се Агнец Божий» в северной апсиде и «Крещение» в южной.

Вокруг купольного образа Христа Вседержителя в простенках окон барабана написаны архангелы, на парусах – евангелисты. На восточной подкупольной арке изображены ангелы, держа-

щие небесные светила, остальные арки расписаны фигурами апостолов. На сводах восточного нефа над боковыми апсидами написаны «Богоматерь Знамение» и «Иоанн Предтеча», над центральной апсидой – «София Премудрость Божия», на остальных сводах – двенадцатые праздники. На столпах изображены в двух верхних ярусах святые воины, в нижнем – местные святые и избранные преподобные.

Храмовый троичный цикл, расположенный в люнетах и трех верхних ярусах южной и северной стен наоса, делится на две части, повествующие о гостеприимстве Авраама и о наказании Содомы и Гоморры. Вторая часть троичного цикла перекликается с «Апокалипсисом», который занимает всю западную стену и нижний ярус южной и северной стен. Наиболее вероятным прототипом решения росписи наоса представляется декорация 1654 г. Троицкого собора Калязина монастыря, в которой троичный цикл также сочетался с Апокалипсисом, при этом апокалиптические сцены распространялись на северную и южную стены⁴.

Собор Богоявленского монастыря в Костроме, первоначально расписанный во второй половине XVI в., вновь украсили на средства боярина П.М. Салтыкова в 1667 и 1672 гг.⁵ Роспись уничтожена пожаром в 1982 г. Ее наиболее подробное описание опубликовано В.Г. Брюсовой⁶.

В центральной апсиде располагались «О Тебе радуется», «Ветхозаветная Троица» и «Богоявление», в северной апсиде – «Се Агнец Божий», «Омовение ног» и «Недреманное око», в диаконнике – «Троица Новозаветная» и «Союзом любви связуем апостоли». На восточной стене над апсидами были изображены «Явление Богоматери апостолам по Успении», «Троица Новозаветная» и «Успение Богоматери». Декорация купола полностью повторяла переславское решение. Композиции на сводах иллюстрировали «Символ веры». По мнению В.Г. Брюсовой, продолжением «Символа веры» являлось и изображение Страшного суда на западной стене. В составе росписи были праздники великопостного и пасхального круга, а также фресковые изображения икон на стенах и столпах. Необычно крупным было членение стен всего на два яруса, не считая люнетов.

В 1680 г. костромские и ярославские мастера расписали **церковь Ильи Пророка в Ярославле**⁷. Заказчицей росписи была купеческая вдова Улита Макаровна Скрипина.

Роспись центральной апсиды состоит из грандиозной картины Великого входа, которая заполняет собой поверхность стен, уступая лишь нижний ярус фигурам святителей, и изображений «Явления Моисею Бога в купине» и «Явления серафима пророку Исайе» на алтарной преграде. В символических композициях на стенах северной апсиды («София Премудрость Божия», «Что Ты наречем», «Недреманное око») тема Воплощения сплетается с предвозвестием крестной жертвы и евхаристии, осуществление которых показано в сценах Страстного цикла. Южную апсиду занимает придел св. Варлаама Хутынского. В конхе здесь тоже Великий вход, но в основе картины великопостный вариант песнопения — «Ныне силы небесные». В цикле жития преп. Варлаама акцентированы сцены вступления святого на путь подвига, помещенные на восточной стене над апсидой — крещение, раздача имени нищим и монашеский постриг. Весь нижний ярус южной и северной стен придела занимают картины бедствий, уготованных Новгороду, иллюстрирующие «Явление преп. Варлаама пономарю Тарасию».

В центральном куполе изображено полнофигурное «Отечество», в простенках барабана — архангелы, ниже — ярус медальонов с полуфигурами праотцев. С купольным образом Триипостасного Божества в небесной славе соотнесены изображения его земных явлений («Ветхозаветная Троица» и «Сошествие Святого Духа») в подкупольном пространстве. На сводах рукавов креста изображены двенадцатые праздники. В поперечном нефе композиции расположены попарно на склонах сводов. На западном своде структура росписи иная: всю его поверхность заполняет «Вознесение». В люнетах развернут цикл праздников Цветной Троицы, начиная с «Воскресения» и заканчивая изображением Первого Вселенского собора.

На стенах наоса четыре яруса композиций: евангельский цикл в верхнем ряду, затем «Деяния апостолов», а два нижних пояса отведены храмовому циклу. Евангельские сюжеты на западной стене — «Обращение Закхея», «Лепта вдовицы», «Прощение грешницы», «Изгнание торгующих из храма», «Притча о неимущем одеяния брачна» — повествуют о спасении и оправдании, либо, напротив, об осуждении человека за его деяния. Этот ряд композиций обозначает в росписи тему Страшного суда, напоминая о нем не только содержанием, но самим местоположе-

нием. «Деяния апостолов» являют примеры следования Христу и стойкости в вере, а также незыблемости и святости Церкви, что было предельно актуальным для эпохи раскола.

Жития пророков Илии и Елисея в письменной, богослужебной и иконографической традиции составляют неразрывное целое. В структуре Ильинской росписи храмовый цикл имеет четкое двухчастное членение, и житию каждого из пророков отводится особый ярус. Это побуждало исследователей рассматривать части цикла обособленно и даже противопоставлять их⁸. Возвращение к ветхозаветной тематике после «Деяний апостолов» на первый взгляд кажется нелогичным. Однако несоответствие существует только при буквальном восприятии последовательности циклов. Между тем, храмовый цикл Ильинской церкви изобретательно выключен из исторической временной структуры. Его открывает евангельская сцена, в которой Христос, говоря, что никакой пророк не принимается в своем отечестве, приводит в пример Илию, а завершает повествование картина чуда пророка Илии в Нижнем Новгороде, «обращающая библейскую историю к русскому культу»⁹. Таким образом, житие воспроизведено в росписи опосредованно, иллюстрирован, скорее, не библейский текст, а сказание о житии и чудесах из Минеи или Пролога, читавшееся на службе храмовому святому. Такое решение житийного цикла подчеркивает, что ветхозаветные события воспринимаются из реального времени зрителя, которому тем самым отводится необычайно активная роль.

В росписи Ильинской церкви заметна ориентация на два круга образцов — это соборы Московского Кремля и храмы Ростовского Архиерейского дома. Ключевые сюжеты — «Великий вход» в центральной конхе, «Отечество» в куполе, «Вознесение» на своде западного рукава креста — имеют прототипы в росписях столичных Успенского и Архангельского соборов. Идея преемственности от священной и церковной истории к общерусской и местной последовательно проводилась в росписях, созданных по заказам ростовского митрополита Ионы. Обращение к не-ярославским образцам и приглашение иногородней артели обусловлены, по-видимому, желанием заказчиков создать необычный, невиданный для ярославцев памятник.

Подчеркнуто отличается от ярославской традиции и структура росписи. Композиции в яру-

сах сливаются во фризы, пронизанные сквозным движением, и их непрерывность не нарушают даже оконные проемы, поскольку стенописные ленты продолжают и на откосах окон. Такое понимание храмового пространства как однородного целого не встречалось прежде в ярославских памятниках, не было оно до того присуще и росписям костромичей. Ближайшим аналогом является опять же столичный памятник – роспись церкви Троицы в Никитниках.

Роспись **Троицкого собора Ипатьевского монастыря в Костроме** исполнена в 1685 г.¹⁰ Заказчики ее выступали монастырские власти.

Роспись алтарной апсиды составляют «О Тебе радуется» и святительский чин в нижнем ярусе, на восточной стене четверика над апсидой написано «Распятие». В северной апсиде изображен «Се Агнец Божий» и святые диаконы. В южной апсиде, где устроен придел свв. Филиппа и Ипатия, иллюстрированы их жития, а композиция «Союзом любви связуемы апостоли» в конхе объединяет два различных повествования, являя общую цель деяний и подвига обоих святых.

В центральном куполе изображено полнофигурное «Отчество», в барабане – небесные силы, на дополнительных арках, поддерживающих центральный купол с востока и запада, – «Троица Ветхозаветная» и «Недреманное око». «Богоматерь Знамение», «Иоанн Предтеча», «Еммануил» и «Благое молчание» располагаются в четырех малых куполах. На подпружных арках изображены апостолы.

Состав и расположение пяти сцен двенадцатых праздников на сводах и праздников Цветной Троицы в люнетах наоса почти буквально повторяет решение Ильинской росписи. Однако, в отличие от нее, в центре ряда триодных праздников помещается храмовая композиция «Сошествия Святого Духа», и весь пасхальный цикл предвзает и обрамляет ее.

На стенах наоса четыре яруса композиций: верхний отведен храмовому циклу Деяний Троицы, в двух средних развернуты евангельский и Страстной циклы, а в нижнем – «Деяния апостолов» и «Песнь песней».

В троичном цикле акцентирована тема попечения Бога о верных – от обетования Аврааму бесчисленного потомства до обетования Моисею извести народ израильский в благословенную землю. Евангельский цикл проясняет, что истинная обетованная земля есть Царствие небесное,

прообразом которого является Церковь, основанная апостолами. Завершает развитие этой идеи примыкающий к «Деяниям апостолов» в середине северной стены цикл иллюстраций библейской «Песни Песней», которая символически осмысливалась как похвала союзу Христа и Церкви¹¹.

На столпах собора в четыре яруса изображены пары святых – мучеников, святых князей, и в особом ярусе – царей. Царская тема разработана с особым вниманием, поскольку Ипатьевский монастырь был местом благословения на царство Михаила Романова. Государи династии Романовых изображены в нимбах наравне с библейскими и византийскими царями.

Роспись **Преображенского собора московско-Новоспасского монастыря** – родовой усыпальницы Романовых – исполнена в 1689 г. костромскими иконописцами во главе с Василием Осиповым¹² по заказу монастырских властей. Живопись неоднократно поновлялась, ее соотношение с первоначальной системой декорации неизвестно. В алтаре был изображен «Великий вход», на стенах наоса – евангельские события, на столпах – пары святых, среди которых цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович¹³. На своде галереи разворачивалось родословное древо русских государей «дома Рюрикова», на стенах – фигуры античных философов, Вселенские соборы, «Страшный суд» и сцены из Апокалипсиса¹⁴.

В этом же году артель во главе с Гурием Никитиным расписала **Преображенский собор Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале** на вклады тобольского митрополита Павла и вологодского архиепископа Гавриила¹⁵.

В центральной части алтаря изображены «О Тебе радуется» и святительский чин в апсиде, «Распятие» над апсидой и «Новозаветная Троица» на своде восточного рукава креста. В конхе жертвенника располагается «Се Агнец Божий», на стене апсиды «Явление Богоматери апостолам по Успении», «Явление Моисею Бога в купине» и святые диаконы, над апсидой – «Христос Царь Царем». Роспись южной апсиды с «Крещением» в конхе посвящена житию св. Иоанна Предтечи, как в переславском соборе Данилова монастыря, хотя здесь и не было придела.

В декорации центрального купола и сводов вновь повторяется решение, выработанное в церкви Ильи Пророка. Цикл праздников Цветной Троицы в люнетах теряет четкую структуру, хотя сохраняет особенности состава, начинаясь с «Вос-

кресения», а заканчиваясь «Первым Вселенским собором». Как и в соборе Ипатьевского монастыря, в центральном западном люнете помещена храмовая композиция, но в данном случае это «Преображение», никак не связанное с пасхальным циклом.

На стенах наоса четыре яруса композиций: евангельский цикл в двух верхних рядах, Страсти и «Деяния апостолов» – в двух нижних. Евангельский цикл отличается обилием иллюстраций притч. На западной стене по сторонам центрального окна сгруппированы четыре композиции на тему суда и воздаяния – притчи о неимущем одеяния брачна, о десяти девах, о богатом и Лазаре и о блудном сыне. На столпах, как и в соборе Ипатьевского монастыря, изображены мученики, князья и цари, в том числе из дома Романовых.

Особенность росписи – принципиально новое решение декорации столпов, которая по пропорциям ярусов и масштабам фигур максимально приближена к росписи стен.

Среди рассмотренных памятников только два находятся в Костроме, поэтому вариант системы, выработанный костромскими мастерами, можно назвать локальным с известной долей условности. Формированию целостного комплекса устойчивых черт сюжетного состава и структуры предшествовал период взаимодействия с различными заказчиками и интерпретации указанных ими образцов. При этом весьма значимым для дальнейшего развития оказалось воплощение монументально-декоративных программ ростовского митрополита Ионы. Уже в декорации собора Богоявленского монастыря в Костроме заметны переключки с росписью ростовского Успенского собора. Однако решающее значение в формировании окончательного варианта системы имела роспись церкви Ильи Пророка. Разработанный здесь сюжетно-тематический комплекс артель Гурия Никитина с небольшими изменениями повторяла во всех последующих росписях. В наиболее отточенном виде эта система предстает в Троицком соборе Ипатьевского монастыря.

Своеобразие костромской монументально-декоративной системы ярче всего проявляется не в тематике, а в структуре. Крайне редко костромичи исполняют большие по площади многофигурные композиции наподобие «Страшного суда», предпочитая единое для всех стен наоса ярусное членение и строчную рядоположенность. В 1680-е гг. отличительная особенность

работ костромичей – продолжение стенописных ярусов на оконных откосах, иногда с нарочитым расположением фигуры на изломе архитектурной поверхности, что отражает восприятие храмового интерьера как единого, слитного и текучего пространства. Это же своеобразное понимание архитектурно-художественного синтеза сказывается в развитии декорации столпов, в которой проявляется тенденция к увеличению количества фигур и сближению масштабов изображений на столпах и стенах, что открывало новые пути развития системы росписи. Отсюда один шаг до появления на столпах сюжетных композиций, и этот шаг спустя год после росписи собора Спасо-Евфимиева монастыря сделали ярославские мастера, украсившие монастырский собор на Толге.

Примечания

¹ Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. – М., 1984. – С. 315.

² Баженов И.В. Воскресенская, что на Дебре, церковь в Костроме. – Кострома, 1902. – С. 7; Покровский Н.В. Памятники церковной старины в Костроме. – СПб., 1909. – С. 39–40; Кильдышев А.В. Фрески церкви Воскресения на Дебре («История мироздания» и «Апокалипсис») в росписях галереи церкви Воскресения на Дебре в Костроме (1650–1652)). – Кострома, 1996.

³ Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы XVII века. – М., 1916. – С. 196; Сукина Л.Б. Троицкий собор Данилова монастыря в Переславле-Залесском. – М., 2002.

⁴ Успенский А.И. Царские иконописцы... – С. 226.

⁵ Брюсова В.Г. Гурий Никитин. – М., 1982. – С. 241.

⁶ Брюсова В.Г. Русская живопись XVII в... – С. 82–83.

⁷ Покровский Н.В. Стенные росписи древних храмов греческих и русских. – М., 1890. – С. 123–124; Первухин Н.Г. Церковь Ильи Пророка в Ярославле. – Ярославль, 1915; Вахромеев А.И. Церковь во имя пророка Ильи в Ярославле. – Ярославль, 1906; Бусева-Давыдова И.Л., Рутман Т.А. Церковь Ильи Пророка в Ярославле. – М., 2002.

⁸ Первухин Н.Г. Церковь Ильи Пророка в Ярославле. – Ярославль, 1915. – С. 47.

⁹ Брюсова В.Г. Русская живопись... – С. 98.

¹⁰ Описание Костромского Ипатьевского монастыря: Составлено из подлинных монастырских бумаг 1832 года. – М., 1832. – С. 6–7.

¹¹ Это поясняли сопровождавшие гравированные и стенописные изображения вирши, к при-

меру, стихи Мардария Хоныкова 1679 года: «Соломон царь зело сый богатейший, / никто же бо ин его бысть краснейший... / Сей Песни Песней сладко воспеваает, / Таинственны же зело составляет / Христа, жениха Церкви, описуя / И к друг другу их любовь показуя». Цит. по: *Белоброва О.А.* *Вирши Мардария Хоныкова к гравюрам Библии Пискатора* // ТОДРЛ. Т. 46. – СПб., 1993. – С. 367. – № 145.

¹² Брюсова В.Г. Гурий Никитин... – С. 257–260.

¹³ Новоспасский ставропигиальный монас-

тырь в Москве / Изд. А. Мартынова. Текст И. Снегирева. – М., 1863. – С. 28, 34–35.

¹⁴ *Дмитриев И.Д.* Московский Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. Историко-археологический очерк. – М., 1909. – С. 33; *Мнева Н.Е.* Фрески Новоспасского монастыря в Москве // Искусство. – 1940. – №1. – С. 66–68.

¹⁵ Историческое описание Суздальского первояклассного Спасо-Евфимиева монастыря / Сост. Л. Сахаров. Изд. 3-е. – М., 1905. – С. 61–62.

М.В. Омеляненко

ОБРАЗ ХУДОЖНИКА РЕНЕССАНСА В КНИГАХ ЙЕНСКИХ РОМАНТИКОВ

Одна из самых важных сфер деятельности ранних немецких романтиков – переоценка значения различных исторических эпох, тщательное их изучение и поиск образцов, которые достойны подражания в современном мире. Исторические исследования и программы реконструкций явлений прошлого в конце 1790-х – 1800-е годы чрезвычайно занимали авторов политических концепций, экономистов, теологов, учителей морали и философов, примыкавших к Йенскому кружку. Особое место в этой ревизии культурного наследия было отведено изучению искусства.

Первыми о романтизме как об обращении ко всему «не античному» в мировой литературе, архитектуре, живописи заявили братья Шлегели и, одновременно, В.Г. Вакенродер и Л. Тик. Шлегели писали о необходимости внимания к явлениям культуры, которые не были, по их мнению, связаны с античностью или классицизмом, в своих критических статьях. Вакенродер и Тик знакомили читателей с новым взглядом на мир прекрасного, используя более наглядные и доступные широкой публике формы. Отбросив свое юношеское почтение перед античными образцами, романтики заговорили преимущественно о европейском средневековье и Ренессансе, причем понятом как расцвет христианской культуры, а вовсе не как возвращение к античной изобразительной и архитектурной традициям. Первоначально эти выступления развивали гердеровский историзм с его принципом терпимости. Отчасти это была также критика современной университетской науки, все еще сосредоточенной на классической филологии и обращенной к антич-

ной эстетике. Особенно болезненно воспринимал такую несправедливость по отношению к «романтическим» интересам Август Шлегель, – в частности, он удивлялся тому, что теоретики и критики искусства постоянно восхваляют одно за счет другого¹. Подобными замечаниями Шлегель подготавливал почву для восприятия переводов Шекспира, над которыми он работал в конце 1790-х годов. Позже принцип терпимости, который был актуален, главным образом, для кабинетных ученых, постепенно заслонили рассуждения об этической и религиозной ценности христианской культуры. В период наполеоновской экспансии на первый план вышло иное, патристическое оправдание романтического историзма, и в центре внимания исследователей оказалось все, что было причислено ими к исконно немецким художественным достижениям.

Из трех книг, написанных Вакенродером и Тиком и посвященных искусству прошлого, «Странствия Франца Штернвальда» Тика (1798) кажутся наиболее простым произведением. В форме романа оно иллюстрирует то, «как жили старые художники», – мотив, характерный и для текстов, написанных совместно с Вакенродером, «Сердечных излияний монаха-любителя искусства» (1797) и «Фантазий об искусстве» (1799). Людвиг Тик посвятил свою «старонемецкую историю» путешествию художника-немца XVI века по Нидерландам и Италии и рассказу о его переживаниях, в том числе, эстетических. Особенно привлекательными для читателей оказались образ гениального Дюрера и описание совместной жизни художников в его доме, по которой все время тосковал главный герой. «Странствия Штернвальда»

вызвали симпатию, в первую очередь, у молодого поколения. Некоторые его представители восприняли эту книгу как руководство к действию. Когда несколькими годами позже оказалось, что живописец – распространенная и уважаемая профессия, в этом была и заслуга Тика. Также, наряду со статьями Ф. Шлегеля о живописи, «Странствия Штернбальда» можно назвать непосредственной программой «антикварного», подражательного направления в немецком изобразительном искусстве 1810–1830-х годов, известного, прежде всего, по творчеству назарейцев. По мере взросления молодых читателей «старонемецкой истории» ее герой, робеющий перед Дюрером и не понимающий, как сделать так, чтобы исполнение картины соответствовало ее замыслу, становился все более и более современным.

«Сердечные излияния...» и «Фантазии...» – сложнее по своему составу и содержанию. Эти книги основываются на биографических сообщениях Дж. Вазари и И. Зандарта о мастерах итальянского и североευропейского Возрождения. Однако Вакенродер и Тик пересказывали эти биографии по-своему, добавляя к ним новые истории о настоящих или выдуманных живописцах христианских, «романтических» столетий. При этом большая часть внимания авторов была сосредоточена на восприятии произведений искусства, переживаниях, которые они способны были вызвать у современников или отдаленных потомков, а также на связанных с искусством снах и откровениях.

Известно, что рассматриваемый период можно обсуждать как один из этапов секуляризации европейской культуры, отличавшийся перемещением культурных явлений из религиозной сферы в светскую без изменения их форм и пока еще без потери их религиозного содержания. Предромантические и романтические десятилетия в Германии предлагают множество примеров таких явлений. Так, главный герой автобиографии К.Ф. Морица («Антон Райзер», 1785) колеблется при выборе профессии, – он восхищается одновременно актерами и священниками, почти не различая при этом сцену и церковную кафедру. В этом частном случае театр воспринимается с исключительной серьезностью, как место, предназначенное скорее для общественных собраний, чем для развлечения. В книгах Вакенродера и Тика можно обнаружить близкое по своей природе явление: эстетическое переживание в описании

ранних немецких романтиков полностью соответствует переживанию религиозного мистика.

По воле Тика, собравшего вместе и отредактировавшего разрозненные заметки «Сердечных излияний...», на первый план в этой книге вышел отрывок Вакенродера «Видение Рафаэля». В нем «монах-любитель искусства» простоудушно делится с читателями своим великим открытием: вдохновение художника есть мистическое откровение. Некий вновь обнаруженный им документ («листочки Браманте») сообщает о создании Рафаэлем образа Мадонны следующее: «...ночью, когда он, как бывало уже не раз, во сне молился пресвятой деве, он вдруг пробудился со стесненным сердцем. В ночной тьме его взгляд был привлечен сиянием на стене... <...> Божественность ее лица так поразила его, что он разразился светлыми слезами. Она смотрела на него взглядом, неопишимо трогаящим душу и, казалось, вот-вот шевельнется...»². Далее от лица тех или иных художников в «Сердечных излияниях...» звучат такие заявления о творчестве: «такому нельзя преднамеренно научиться»³; «почти бессознательно наношу краски»⁴; «мысль, которую хочешь выразить, живо парит перед глазами твоей души...»⁵.

Переживания тех, кто лишь воспринимает великие произведения искусства, не уступают по силе тому, что происходит с гениальными художниками: «душу его словно бы пронзило... Он стоял словно громом пораженный...»⁶; «жгучие слезы восторга и чистейшего благоговения наполняют мои глаза и божественный восторг охватывает мой ум»⁷; «при взгляде... на творения Рафаэля меня всегда так переполняла и подавляла их небесная красота, что я не мог ни говорить об этом, ни внятно изложить, откуда светит мне в них божественный свет»⁸.

Визионеры Рафаэль, Дюрер, Микеланджело становятся здесь новыми, особо почитаемыми святыми. Их творчество, согласно Вакенродеру и Тик, это производное мистических видений. Следовательно, религиозность, особый род избраннычества (близость к Богу) и живопись идут рука об руку, и последняя требует почтительного к себе отношения. Выдающиеся художники прошлого дают современным мастерам пример религиозного благочестия и нравственности. Также они могут рассматриваться как безупречные проводники в мир идей, мир, который, согласно влиятельной идеалистической традиции, и должен пытаться воспроизвести живописец⁹. Одновре-

менно старые мастера – духовные руководители мистически настроенного «любителя искусств».

Если для натурфилософов Нового времени необходимым посредником между человеком и Богом при *Unio mystica* выступала природа (видимый Бог), и только при наблюдении ее явлений или созерцании ее вечных законов можно было вполне постигнуть Единое¹⁰, то романтические десятилетия, в которых все большее и большее значение приобретал эстетический идеализм, а также явление историзма, дает новые и усложненные схемы *Unio*. В них содержится предположение того, что переживание духовного единения с чем-либо или единства, гармонии, осмысленности и самого присутствия чего-либо, – по своей сути, универсально и может быть перенесено на самые различные светские области. Так, предромантические и романтические авторы предложили своим современникам достичь мистического единения при помощи изучения истории цивилизации, ее культурных достижений. Живописец-визионер или, в других случаях, композитор стали посредниками для менее одаренного художника или просто почитателя искусства. Акт мистического откровения приобрел странный многоступенчатый характер, где на первый план вышла природа, сотворенная человеком, а конечная цель (восхождение души к Богу) обратилась в подтекст, который со временем мог утрачиваться. С точки зрения самого переживания, впрочем, все оставалось по-прежнему: благоговейные размышления вели человека к восторгу, в порыве которого ему открывалось нечто, для чего он впоследствии с трудом подбирал слова.

Для выявления особенностей всего подхода «Сердечных излияний...» к вопросу о переживании в художественном творчестве или в восприятии искусства, сопоставим их с ближайшими к ним опытами в эстетике, – то есть с тем, что было связано с той же идеалистической традицией, к которой примкнули Вакенродер и Тик. Особое значение имеет сравнение с концепцией И.И. Винкельмана. Несомненно, что в свое время в его сознании произошло внезапное открытие античного идеала красоты и Древняя Греция стала для него подлинным воплощением золотого века человечества. Однако позже это откровение было подвергнуто своего рода рационализации. В области теоретического оформления новой версии классицизма и, самое главное, в педагогике Винкельман вернулся к общепринятым

способам прививания юношеству знания об искусстве, воспитания вкуса и умения созерцать греческую пластику, – этот практически единственный удачный опыт воплощения идей. В этой эстетике право на мистическое откровение имел только ее пророк; на подобную одаренность остальных в этом отношении (в теории) рассчитывать не приходилось.

По сравнению с трудами Винкельмана эстетические высказывания Вакенродера и Тика носили дилетантский характер. Их простота и демократичность были направлены против наукообразия прежних рассуждений об эстетике и их ориентации на специально подготовленных читателей. В этом смысле «Сердечные излияния...» и «Фантазии...» далеки и от большинства работ романтических теоретиков и критиков искусства. В то же время нужно говорить об их близости к популярной мистической литературе (жизнеописаниям, духовной поэзии). Книги Вакенродера и Тика, с определенной точки зрения, и являются жизнеописаниями новых мистиков, еще и дополненными духовными стихами.

Вакенродер и Тик предложили каждому своему современнику особое религиозно-эстетическое переживание, не требовавшее почти ничего, кроме способности к восторгу. Вместо того, чтобы накапливать рациональные знания об искусстве и терпеливо формировать вкус читателя, писатели отсылали его к наблюдению шедевров прошлого. Иногда при этом назывались конкретные картины, более всего достойные внимания (в исследуемых текстах они относились, в основном, к итальянскому и североевропейскому XVI веку). Их художественное совершенство подтверждалось, в первую очередь, следующими особенностями: выбором определенного, христианского содержания, религиозными и нравственными достоинствами автора и самим переживанием романтического зрителя, легко склонявшегося к различным аффектам. Лишь только вслед за этим поднимался вопрос о художественном мастерстве живописцев прошлого, но он не был обязательным. При сравнении старых художников с новыми романтики обычно подчеркивали почти неизбежную неполноценность последних. В «Сердечных излияниях...» и «Фантазиях...» был только один современный пример для подражания – музыкант Берглингер. Настоящее время казалось авторам низменным, недостойным, подтверждающим тезис о вырождении людей¹¹.

Выступления Вакенродера и Тика пронизаны специфическим мистицизмом и благочестием, которые тогдашний немецкий читатель мог опознать как атрибуты средневековой католической веры либо новых протестантских течений, сосредоточенных на мистических переживаниях. Католизирующая тенденция в немецком романтизме раскрывается у авторов «Сердечных излияний...» совершенно особенным образом. Апология католичества здесь является, в первую очередь, крайним выражением увлечения мистикой в протестантизме XVIII века. Ряд влиятельных протестантских сект Европы этого времени культивировал индивидуальные и корпоративные откровения, опираясь на средневековые тексты как на достаточно доступный образец, – и тем самым внес свой вклад в католическое возрождение в германских государствах начала XIX столетия. То же самое теперь можно сказать и о работах йенских романтиков, пусть номинально они и лежат в области чисто эстетической.

Не только книги Вакенродера и Тика, но и другие высказывания романтиков конца 1790-х годов и первого десятилетия XIX века свидетельствуют о проведенном представителями этого движения исследовании всеобщей истории искусства – с целью выявления в ней наиболее близкого и ценного. Исключением можно считать только лекции по философии искусства Ф.В. Шеллинга (1799–1805), не преувеличивавшего в своих отвлеченных суждениях важность исторических образцов для современного человека.

Изучение прошлого у романтиков в целом повторяло те предромантические исследования, главным результатом которых стало национальное и «северное» движения и реформа классицистических теорий, состоявшая в обращении к архаическому периоду в античной культуре. В объективном смысле романтики, как и их предшественники, искали в истории основания и ориентиры для своей собственной бюргерской культуры. В качестве таких ориентиров для них должны были быть особенно важными Британия и Голландия XVII века, вообще достижения раннего Нового времени, однако, действительность мало оправдывает эти ожидания. Самый разносторонний и глубокий образ был создан в романтический период из, казалось бы, менее всего

близких бюргеру начала XIX века средних веков, периода до Реформации. В ряду других утопий того времени, обращенных в прошлое, утопия средних веков отличается своего рода завершенностью. Слишком многое в конце XVIII – начале XIX столетия поддерживало интерес к средневековью, хотя ясно, что этот наполовину вымышленный образец не был единственным для немецких романтиков. Нужно отметить, что большинство из их ориентиров в истории отличалось при этом не только условностью, но и нечетко проведенными временными границами. Кроме того, заявления о ценности того или иного исторического образца часто основывались на совершенно разных подходах. Одним из следствий этой ситуации стали явления, краткий очерк которых мы попытались здесь представить: истолкование Ренессанса как расцвета христианской художественной культуры, его максимальное сближение со средневековьем в вопросе творческого метода старых мастеров и обнаружение в нем элементов мистических практик.

Примечания

¹ Шлегель А. Чтения о драматической литературе и искусстве // Литературная теория немецкого романтизма. – Л., 1934. – С. 215.

² Вакенродер В.Г. Фантазии об искусстве. – М., 1977. – С. 31.

³ Там же. – С. 41.

⁴ Там же. – С. 42.

⁵ Там же. – С. 61.

⁶ Там же. – С. 36.

⁷ Там же. – С. 42.

⁸ Там же. – С. 65.

⁹ Впервые теории искусства и архитектуры были соединены в одно целое с платоновским учением об идеях еще во Флоренции XV в. Существенное значение этот подход имел для развития и укрепления классицистического обоснования художественной деятельности. Положительное отношение к связи эстетических концепций и идеалистической философии характерно и для противников классицизма, йенских романтиков.

¹⁰ Wentzlaff-Eggebert F.W. Deutsche Mystik zwischen Mittelalter und Neuzeit. – Tübingen, 1947. – S. 183.

¹¹ Вакенродер В.Г. Указ. соч. – С. 117–118.

МИР В МИНИАТЮРЕ: ГОЛЛАНДСКИЕ КУКОЛЬНЫЕ ДОМИКИ XVII ВЕКА

Дом для голландца был не просто жилым помещением, не только местом, где можно спать, принимать пищу или веселиться с друзьями, но храм, святилище, вклад каждого жителя в дело прославления государства. «... в Нидерландах, <...> семья концентрируется на ребенке, а семейная жизнь вращается вокруг дома; в голландском доме это проявилось на столет раньше, чем в других странах. Не один современный той эпохе путешественник высказывал мнение, что голландцы ценят три вещи выше других: во-первых – своих детей, во-вторых – свои дома, и, в-третьих – свои сады»¹. Одним из свидетельств безграничной любви голландцев к своим домам, своему быту были кукольные домики.

Эти «дети любви» жителей Северных Нидерландов к своим уютным жилищам создавались по примеру коллекционного кабинета, «шкафа искусств» *Kunstschränk*, в котором вместо собрания редкостей размещалась миниатюрная модель жилого бюргерского дома. Такая своеобразная конструкция, по всей вероятности, оправдывалась, с одной стороны, теми миниатюрными произведениями искусства, созданными руками лучших мастеров и составлявших обстановку домика. С другой это обуславливалось внутренним отношением, привязанностью голландцев к своему дому, который был для них, вероятно, самой большой ценностью, достойной быть среди предметов коллекции.

Итак, голландские кукольные дома всегда имели одинаковую структуру. Это был кабинет традиционных пропорций, состоящий из основного объема, во фронтальной части которого находились дверцы, и установленный на соответствующее ему по художественному решению подстолье. Внутреннее пространство делилось полками, в свою очередь разбитыми на отдельные секции-комнаты. Комнаты воспроизводили общее построение бюргерского дома, демонстрируя ряд помещений с определенными функциями. В каждой из комнат был использован типичный вид отделки, и обставлены они были мебелью, характерной для подсобных помещений или парадных залов в домах зажиточных голландцев конца XVII века.

Кукольные дома как предмет искусства создавались и в соседних странах, таких как Франция

и Германия, а также в Англии. Но между ними и голландскими кукольными домами имелись существенные различия. Если английские, французские и немецкие кукольные дома всегда воспроизводили не только внутреннюю обстановку жилища, но и внешне выглядели как настоящие дома, то голландские дома – это лишь комнаты, находящиеся на полках внутри определенного предмета мебели – кабинета. В случае с голландскими кукольными домами мы, как нам кажется, сталкиваемся с метафорой: в Северных Нидерландах кабинет был создан для того, чтобы сохранить и представить все сокровища мира, а кукольный дом, находящийся также внутри кабинета, изображал внутреннее убранство дома, тоже своеобразной вселенной. А не был ли дом главным сокровищем голландцев?! Возможно, действуя на подсознательном уровне, голландцы выразили любовь к собственному дому, поместив его миниатюрное воспроизведение как раритет, как достояние внутри кабинета.

Вторым важным отличием голландских кукольных домов являлось место, которое занимали домики в жизни семьи, а, следовательно, и отношение к ним. Основной функцией немецких, французских и английских кукольных домиков был воспитательный аспект, выражавшийся в игровых формах. Возможно, целевая аудитория и повлияла на внешний вид домика, представлявшего миниатюрную копию настоящего дома – так его было легче было воспринимать ребенку, в нем появлялось нечто сказочное, к чему можно прикоснуться. Для голландцев кукольный домик не был игрушкой, он был диковинкой, драгоценным творением рук многих мастеров, которое заслуживало бережного отношения и любования. Форма кабинета со стеклянными дверцами, которые позволяли заглянуть вовнутрь, не нарушая лишний раз порядка в миниатюрных комнатках, подчеркивала определенное положение кукольного домика среди коллекционных предметов.

Безусловно, игра в куклы входила в перечень детских игр, бытовавших в Нидерландах XVII века. «Богач покупал своей дочурке кукольную чету с атрибутами из фарфора, меди, железа и серебра. Кукольные домики насчитывали от шести до восьми комнаток с обстановкой из дерева или

ценных металлов»². Но, следует отметить, что дороговизна таких «игрушек» породила некоторые требования к маленьким обладательницам домиков: так, чаще всего девочкам не позволяли играть в кукольном домике, они могли лишь представлять и рассматривать утварь и посуду в кухне и в кладовках, а в гостиной и спальне им не разрешалось ничего трогать. Эти условия в обращении с кукольными домиками воспитывали помимо хозяйственности, чувство бережного отношения к собственности, столь чтимое голландцами.

Но кроме как игрушки, кукольные домики завоевали популярность среди взрослых и считались доказательством благосостояния семьи. Иногда устраивались демонстрации таких кукольных домиков широкой публике, за что взималась плата. Зачастую они передавались по наследству от матери к дочери. Здесь можно говорить о том, что кукольные домики сводили вместе интересы взрослого и ребенка, являясь одновременно игрушкой и коллекционным предметом. «Страсть воспроизводить в миниатюре людей и окружающие их предметы повседневной жизни <...> в одинаковой степени для развлечения детей и взрослых»³ наблюдалась с древних времен. Вероятно, это связано с любовью и восхищением маленькими предметами в целом, а также с нахождением удовольствия не только в их изучении, но и в процессе их создания. Флора Жиль Якобс очень точно замечает, что «люди всегда изготавливали модели городов, кораблей и различных машин в масштабе, и старательно пытались найти рациональное оправдание мотивам (повлекшим за собой их создание – Ю.П.), <...>, но возможно <...>, что они получают удовольствие от создания и рассматривания миниатюр»⁴. Все маленькое по размерам приобретает в глазах людей невыразимую прелесть, особенно если оно еще и воспроизводит окружающий их мир.

Для исследователей быта, убранства интерьеров и мебели кукольные домики являются своеобразными архивами истории, поскольку в первоизданном виде интерьеров со всеми мельчайшими деталями обстановки и мебелировки не сохранилось. Зачастую примеры мебели или утвари доходят до наших дней лишь в «малых» формах. Как пишут в своей книге супруги Вандевре, занимающиеся коллекционированием мебели маленьких размеров, «в конце XVI века в среде буржуазии и аристократии наблюдается увеличение накоплений, которые вкладывались в уб-

ранство интерьера»⁵. В соответствии с этой тенденцией растет количество мастерских, занимающихся производством мебели. На протяжении всего XVII века европейские кабинетмейкеры разрабатывают мебель на основе миниатюрных предметов, которые впоследствии могли играть роль демонстрационных экземпляров. Кроме того, миниатюрная мебель изготавливалась мастерами для получения звания мастера и для вступления в гильдию мастеров. Именно на примере такой мебели мастер мог показать свою искусственность: все нюансы были видны на предмете, который можно было ощутить в руках, внимательно рассмотреть. В Голландии XVII века создавалась не только мебель маленьких размеров, но и целые комнаты, обставленные такой мебелью. Но, следует обратить внимание на различие между такими комнатами-моделями и кукольными домиками: если первые являются достаточно абстрактными произведениями, своеобразными макетами, нацеленными на демонстрацию мебели в обстановке, то вторые были произведениями искусства, синтезом работы лучших мастеров, наполненным теплотой и любовью владелицы домика.

Голландские кукольные домики XVII века, в отличие от английских или немецких произведений того же времени, были более дорогими и изысканно отделанными. Так, в своей книге Х. Шмидт-Гласнер и В. фон Леони⁶, подчеркивают, что, несмотря на сильное сходство инвентарных описей немецких и голландских домиков, между немецкими и голландскими предметами есть очень сильное отличие, заключавшееся в самом подходе к кукольному домику. Южно-немецкие домики были по-бюргерски добротными произведениями, рассчитанными на использование в качестве пособий для воспитания девочек. В голландских же кукольных домиках заметно стремление превратить предмет быта в произведение искусства. «Наиболее ранние кукольные дома фигурируют в описях домашнего хозяйства, датирующихся серединой XVII века. Анна Вейтс, вдова, проживавшая в Дельфте, и Оопейн Коппит из Амстердама, портрет которой написал Рембрандт, каждая владела кукольным шкафом («*porrepcas*»). Они включали 86 и 84 серебряных предметов кукольного хозяйства («*porrepgoet*») соответственно, что зафиксировано в инвентарных описях домашнего хозяйства от 1653 и 1659 года»⁷.

На данный момент в музеях Нидерландов сохранилось три кукольных домика, относящихся

к интересующему нас периоду: два кукольных дома хранятся в Рйхсмусеуме, Амстердам: дом Петронеллы Оортман (около 1687–1690 года) и дом Петронеллы Дунойс (около 1676 года), – и один – дом Петронеллы де ла Курт (1674–1690 годы) – в Городском музее, Утрехт. Следует отметить, что в основном обо всех этих кукольных домиках встречаются упоминания в отзывах путешественников XVIII века по Голландии. В этих отзывах путешественники говорят о домиках как о части коллекции редкостей, формированием которых увлекались многие представительницы крупной буржуазии. Иногда небольшие по размерам предметы из коллекции размещались в интерьерах кукольного домика. Например, в домике Петронеллы Оортман из Амстердамского Рйхсмусеума, «в шкафу-кабинете с золотой лаковой живописью на черном фоне можно обнаружить удивительную коллекцию морских раковин»⁸. Кроме того, культура коллекционирования во второй половине XVII века была столь сильна, что даже внутри кукольных домиков могла создаваться специальная кунсткамера. Примером такой комнаты является кунсткамера, находящаяся справа на втором этаже домика Петронеллы де ла Курт (Городской музей, Утрехт).

Интересным фактом является то, что известны владелицы всех трех домиков, а также история каждого из них, зачастую вплоть до попадания в коллекцию того или иного музея. Это, по большей части связано с тем, что домики традиционно передавались по наследству, а если продавались, то с подробной описью всего содержимого. Именно благодаря этим описям, а также заметкам путешественников и отзывам антикваров прошлых времен можно воссоздать историю каждого из сохранившихся голландских кукольных шкафов.

Самым ранним по времени изготовления является дом Петронеллы де ла Курт (Городской музей, Утрехт), датированный 1670–1690 годами. Кукольный кабинет представлял собой один из экспонатов богатой коллекции картин, фарфора, резных раковин и монет, которые находились в собрании Петронеллы де ла Курт. По традиции кукольный домик перешел от нее к дочери Петронелле Оортманс, унаследовавшей страсть матери к коллекционированию. В. фон Леони и Х. Шмидт-Гласнер приводят цитату из дневника немецкого путешественника Захариаса Конрада фон Уффебаха, осмотревшего собрание Оортманс в 1711 году. В его восторженном описании

коллекции присутствует и упоминание о кукольном домике: «...у нее был стеклянный шкаф, в котором размещено маленькое кукольное хозяйство – *Poppenhut*, как говорят голландцы»⁹. Внешне кукольный домик Петронеллы де ла Курт выглядит аналогично предмету голландской мебели – кабинету. В центре фронтальной части неширокого фриза профилированного антаблемента находится щиток с инициалами владельца «АО» – Адама Оортманса, мужа Петронеллы де ла Курт, для которой и был изготовлен домик.

В целом на примере любого из домиков можно увидеть патрицианский дом в разрезе с примерной системой распределения комнат. В данном случае на трех этажах расположено одиннадцать комнат. Верхние этажи занимают четыре комнаты: две хозяйственного предназначения (бельевая и «*bottelarij*» – кладовая для продуктов и топлива), спальня и детская. Во втором этаже, как и во всех кукольных домиках, размещались помещения с самой изысканной отделкой. «*Sael*» для приема гостей и, что примечательно, коллекционная комната с развешенными картинами, каминой полкой с китайским фарфором, кабинетом, наполненным искусно выполненным серебром. Между «*sael*» и кунсткамерой – маленькое проходное помещение, в которое превратился «*voorthuis*», над которым можно увидеть редкий пример так называемой «подвесной комнаты» – «*hangkamer*». Нижний этаж занимает кухня, комната роженицы и, что удивительно, сад с фруктовыми деревьями и цветами, виртуозно выполненным из слоновой кости павильоном и скульптурами. Обычно сад не включался в обстановку кукольного домика, поскольку предполагалось, что последний показывает только интерьер дома. Хотя, как можно видеть на полотне Якоба Аппеля, запечатлевшего около 1710 года кукольный домик Петронеллы Оортман (Рйхсмусеум, Амстердам), который будет рассмотрен ниже, показан вид сада, открывающийся за стеклянными створками дверей в глубине «*voorthuis*». «Он был сконструирован в отдельном ящике, который можно поместить за холлом. В описании фон Уффебаха, относящегося к 1718 году, упоминается интересный факт, что в нем (в саду домика Петронеллы Оортман – Прим. автора) имелся фонтан, который извергал настоящую воду»¹⁰. В настоящее время этот удивительный сад не сохранился.

Кукольный домик Петронеллы Оортман, о котором мы говорили выше, был создан в 1686–

1705 годах и является наиболее роскошным по отделке и одновременно самым любопытным по своему происхождению. Этот кукольный домик долгое время связывался с именем российского императора Петра I, который якобы заказал его во время своего пребывания в Амстердаме и, когда домик был готов, отказался от него, так как цена, запрошенная мастером, была слишком высока. Вероятно, такая история могла быть порождена желанием продававших его людей повысить цену на домик, когда потомок реальных владельцев домика обанкротился. «...кукольный домик с имевшейся на нем монограммой причислялся к вещам, подлежащим распродаже»¹¹.

Кабинет, в котором располагается домик, очень необычен по своему декору для Голландии XVII века: мастер использовал технику интарсии черепахой и золоченой латуной, характерную не для голландских, а для французских мастеров. Рассмотрев ряд кабинетов, мы считаем возможным предположить, что это единственный кабинет в стиле «Буль», который встречается среди мебели подобной конструкции и назначения в Северных Нидерландах этого периода. Своеобразное сочетание французских традиций в формах и декоре кабинета с голландскими комнатами внутри него также могли стать причиной для порождения многочисленных историй и легенд вокруг домика.

И последний факт, связанный с рассматриваемым домиком и, возможно, способствовавший возникновению истории с иностранным заказчиком, является уже упоминавшееся живописное полотно кисти Якоба Аппеля, которое, «по всей видимости, было выполнено вскоре после изготовления кабинета»¹². Флора Жиль Якобс делает предположение, что «возможно и другие кукольные дома дополнительно увековечивались на холсте»¹³. Однако, до нашего времени дошел лишь «портрет» рассматриваемого кукольного домика.

На самом деле домик был создан для Петронеллы Оортман по заказу её мужа Якоба Брандта, торговца шелком, где-то около 1686 года, после их женитьбы. О том, что домик принадлежал именно им, свидетельствует картуш в центре между вторым и третьим этажом домика в виде соединенных букв «В» (Brandt) и «О» (Oortman). Кроме того, тот же немецкий путешественник Захариус фон Уффенбах, который описал свой визит в коллекционные комнаты Петронеллы де ла Курт в 1711 году, в 1718 году побывал в доме

Петронеллы Оортман. Во всяком случае, Д. Пязель-Доммисс сообщает, что «в 1718 году Захариас фон Уффенбах написал интригующий отзыв о посещении (данного – Ю.П.) кукольного дома, подчеркивая его роль в качестве горки, полной сюрпризов, которые могут удивлять в течение многих часов»¹⁴. Внутри домик традиционно разделен на три этажа, в каждом из которых находится по три помещения. В отличие от домика Петронеллы де ла Курт распределение комнат внутри кукольного шкафа Петронеллы Оортман симметричное, то есть в данном случае в большей степени соблюдались классицистические принципы, внедрявшиеся в архитектуру Голландии в XVII столетии. Все три центральных помещения, расположенные одно над другим имеют исключительно хозяйственное или подсобное назначение. В нижнем этаже находится «kookkeuken», над ней холл или «voorbuis», из которого стеклянные двери вели в находившийся прежде за ними сад. На последнем этаже, под самой «крышей» располагалась «bottelarij». По сторонам от этой центральной оси, наметенной хозяйственными комнатами, обустроены как помещения с бытовой функцией, так и парадные комнаты и залы. На нижнем этаже слева от кухни размещена столовая «gronkkeuken» с великолепным шкафом, занимающим всю ширину задней стены со стеклянными дверцами, за которыми выставлена коллекция фарфора. «Известно, что этот миниатюрный фарфор был заказан для кукольного домика в Китае и Японии»¹⁵. Комнаты второго этажа, аналогично домику де ла Курт, отведены под самые изысканные по отделке залы. Один из них «Sael», украшенный живописными панно, предназначался для приема гостей и веселого времяпровождения. Симметричная «Sael» комната значится как комната роженицы: ее роскошная отделка и наличие колыбели для новорожденного и так называемого «инвалидного кресла» для удобства роженицы свидетельствуют о важности, придававшейся появлению на свет ребенка. Верхний этаж отводился под бельевую с комнатами прислуги, большим прессом для белья и всеми устройствами для сушки и глажки. С другой стороны от складского помещения располагается детская с изысканной кроватью под балдахином, детской колыбелью, крошечным стульчиком и шкафом, наполненным детским бельем.

Для декорирования помещений кукольного домика Петронеллы Оортман были не только ис-

пользованы дорогостоящие материалы, специально заказана маленькая утварь, но к отделке привлекались известные живописцы.

Третьим кукольным домиком, относящимся к XVII столетию, является кукольный шкаф Петронеллы Дунойс (Ряйхсмузеум, Амстердам), изготовленный в 1676 году. Кукольный домик Петронеллы Дунойс имеет довольно сложную историю атрибуции. Долгое время считалось, что он был создан для Маргареты де Ройтер, поскольку «сделанная после её смерти опись упоминает этот домик из орехового дерева»¹⁶. Как оказалось впоследствии, было сделано два похожих кабинета из ореха для размещения в них домиков. При исследовании рассматриваемого домика в комнате роженицы была обнаружена подушечка с вышитыми на ней бисером инициалами «PD» и годом «1676». Инициалы указывают на Петронеллу Дунойс, дочь одного из высокопоставленных лиц в свите штатгальтера Нидерландов, как на владелицу рассматриваемого кукольного домика. Кроме того, Д. Пйзель-Доммисс сообщает о том, что кукольный домик Петронеллы Дунойс «передавался внутри семьи по женской линии до 1934 года, когда он был преподнесен в дар музею»¹⁷.

Внутри кукольный дом Петронеллы Дунойс, как и все миниатюрные домики этого периода, был разделен на три этажа с традиционным распределением на них комнат и залов согласно их роли в домашнем хозяйстве. В домике сделано всего восемь комнат, среди которых отсутствует «vooghuis», которому надлежало группировать вокруг себя все остальные помещения. Центральное положение на первом этаже занимает кухня, где происходило приготовление пищи. Однако в основном все предметы обстановки кухни выполнены из серебра, что автоматически превращает их в игрушки, прихоть богатой голландской дамы. В убранстве ее домика в целом присутствует «необычайное количество миниатюрных изделий из серебра, включая более ста предметов, относящихся к 17 столетию»¹⁸. Открыв дверь в правой стене кухни можно было попасть в комнату, которая в описях XVII века значилась как столовая. Думается, что по причине отсутствия «vooghuis», столовая исполняла и роль приемной, где велись деловые переговоры и принимались посылные. Второй этаж домика, как это было принято, занимали самые богато обставленные комнаты. В кукольном домике Петронеллы Дунойс их было всего две: комната рожени-

цы, которой хозяйка домика, по всей видимости обставляла с особой любовью, поскольку была бездетна, а также «Sael» для приема гостей. Третий этаж традиционно отведен под детскую и хозяйственные помещения – бельевую и кладовую для хранения торфа. В детской представлена различная мебель, конструировавшаяся голландскими мастерами специально для детей, что имеет большое значение для специалистов.

Кукольные домики играют, с одной стороны, важную роль при анализе одного из типично голландских предметов мебели – кабинета, поскольку они расширяют представление о вариантах и техниках его отделки. С другой стороны, кукольные домики многосторонне раскрывают обустройство жизни голландской семьи: они показывают планировку дома, содержат названия комнат, позволяют увидеть разнообразие использовавшихся в отделке помещений материалов (свидетельство о применении некоторых из них сохранилось лишь в инвентарных описях). Мы не только получаем наглядное представление обо всем разнообразии мебели, составлявшей убранство комнат, ее конструкции и употреблявшихся в ее обивке или при создании драпировок текстиле, но и видим, наряду с жанровыми картинами, принцип расстановки мебели. Таким образом, кукольные домики дают нам возможность прикоснуться непосредственно к повседневной жизни бюргеров, увидеть ее изнутри и, как следствие, лучшим образом понять отражение привычек и уклада голландцев на формировании их личного семейного пространства – дома и интерьера.

Примечания

¹ И. Тэн. Философия искусства. – М., 1996. – С. 182.

² *Зюмтор П.* Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта. – М., 2001. – С. 203.

³ *Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. – Екатеринбург, 1999. – С. 78.

⁴ *Jacobs F.J.* Dolls' houses in America: historic preservation in miniature. – New York, 1974. – P. 5.

⁵ *Vendeuvre G. et È. de.* Le mobilier miniature: du XVI siècle à 1930. – Paris, 1987. – P. 7.

⁶ *Leonie W.von, Schmidt-Glassner H.* Das Puppenhaus: Vom Spiegelbild des bürgerlichen Hausstandes zum Spiegel zeug für Kinder. – München, 1978. – P. 52.

⁷ *Pijzel-Dommisse J.* Het Hollandse pronkpoppenhuis: Interieur en huishouden in de

17de en 18de eeuw. – Amsterdam, 2000. – P. 446.

⁸ Leonie W.von, Schmidt-Glassner H. Op. cit. – P. 55.

⁹ Ibid. – P. 52.

¹⁰ Pijzel-Dommisse J. The 17th-century dolls' houses in the Rijksmuseum. – Amsterdam, 1994. – P. 19.

¹¹ Leonie W.von, Schmidt-Glassner H. Op. cit. – P. 54.

¹² Pijzel-Dommisse J. Het Hollandse pronkpoppenhuis: Interieur en huishouden in de 17de en 18de eeuw. – Amsterdam, 2000. – P. 447.

¹³ Jacobs F.J. A history of doll houses: four

centuries of domestic world in miniature. – New York, 1953. – P. 71.

¹⁴ Pijzel-Dommisse J. 17th-century dolls' houses in the Rijksmuseum. – Amsterdam, 1998. – С. 8.

¹⁵ Ibid. – P. 22.

¹⁶ Leonie W.von, Schmidt-Glassner H. Op. cit. – P. 55.

¹⁷ Pijzel-Dommisse J. Op. cit. – P. 30.

¹⁸ Pijzel-Dommisse J. Het Hollandse pronkpoppenhuis: Interieur en huishouden in de 17de en 18de eeuw. – Amsterdam, 2000. – P. 447.

Е.Л. Тихомирова

ДЕРЕВЯННАЯ СКУЛЬПТУРА «ПРЕПОДОБНЫЙ МАКАРИЙ УНЖЕНСКИЙ И ЖЕЛТОВОДСКИЙ» – УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ РЕЗЬБЫ РУБЕЖА XVII–XVIII СТОЛЕТИЙ

В коллекции Костромского музея-заповедника (ГУК КГОИАХМЗ) находится уникальный резной памятник, не имеющий на сегодняшний день аналогов в музейных, частных и церковных собраниях России. Это деревянная скульптура чтимого русского святого и одного из наиболее прославленных подвижников Костромской земли – преподобного Макария Унженского и Желтоводского (КГОХМ, КП-2046).

Резная фигура происходит из старособорной Успенской церкви г. Солигалича Костромской губернии, откуда она поступила в 1968 г. в Солигаличский краеведческий музей, а затем в головной музей в Костроме. Размеры скульптуры 158х91х14 см, памятник выполнен в технике резьбы по дереву и раскраски темперой по левкасу. В 1975 г. «преп. Макарий» был реставрирован О.Н. Трофимовым во Всероссийском художественном научно – реставрационном центре им. академика И.Э. Грабаря.

Святой представлен в рост, фронтально. Руки разведены в стороны и подняты в локтях. Преп. Макарий облачен в подризник цвета охры, препоясанный широкой темной лентой с геометрическим орнаментом «в сеточку». Поверх подризника широкой лентой спускается зеленая епитрахиль с восьмиконечным крестом в верхней части и охристой каймой с орнаментом в виде чередующихся завитков. Поверх подризника на святом одета черная мантия с двумя красными крестами на плечах. Складки на одежде написаны темной охрой и белилами.

Лик написан насыщенной охрой по санкирю, морщины и складки на лбу, щеках, крыльях носа

Рис. Деревянная скульптура преподобного Макария Унженского и Желтоводского

слегка рельефно обозначены и прописаны белильными движениями. Широкая борода, спускающаяся на грудь преподобного, вырезана овалом, волосы прописаны четкими белыми штрихами по коричневому фону. Аналогично написаны волосы на голове. Сапожки утрачены.

Киот простой прямоугольной формы (навершие утрачено) находится в фондах Солигаличского краеведческого музея [1, с. 157].

В сонме Собора костромских святых традиционно выделено 9 наиболее славных и чтимых преподобных епархии: свв. Макарий Унженский, Авраамий Галицкий, Тихон Лухский, Геннадий Костромской, Ферапонт Монзенский, Пахомий Нерехтский, Иаков Железноборовский, Варнава Ветлужский и Паисий Галицкий [2, с. 621]. Иконы с единоличным изображением преподобных достаточно часто встречаются на Костромской земле, особенно в тех ее регионах, где ими были основаны монашеские обители. Однако до сегодняшнего дня не дошло «круглых» деревянных скульптур или рельефов с изображением вышеперечисленных святых, кроме резной статуи преподобного Макария Унженского и Желтоводского.

Преп. Макарий – «великий пустынножитель и чудотворец, похвала и утверждение всей Российской земли» [3], родился в 1349 г. в Нижнем Новгороде в семье благочестивых посадских жителей Иоанна и Марии, которые долго оставались бездетными, пока не вымолили у Господа сына. Какое имя дали они родившемуся чаду – неизвестно, Макарий – имя данное ему впоследствии при монашеском постриге.

Будучи младенцем нескольких недель от роду, Макарий находил успокоение только в храме, куда приносили плачущего малыша и «на его лице изображалась необыкновенная радость, какую радуются Ангелы на небесах, и какою возрадовался Святой Иоанн Предтеча во чреве Блаженной Елисаветы».

В 12 лет отрок оставил родителей и пришел в Печерский монастырь, находившийся в нескольких верстах от Новгорода и основанный в 1330 г. блаженным Дионисием – постриженником Киево-Печерской Лавры. Св. Макарий был для братии примером благочестивой христианской жизни, ведя строгую монашескую жизнь, вкушая крайне мало пищи и постоянно вознося хвалы Господу и проводя время зачитанием Священного Писания. Однако, всей душой Макарий стремился к отшельнической жизни и через несколь-

ко лет он скрылся из Печерской обители и отправился вверх по Волге, и остановился близ слободы Решмы Юрьевецкого уезда. Здесь он первоначально выстроил малую келию, а затем основал монастырь, известный вплоть до начала XX в. как Макарьевский Решемский монастырь (*упразднен после революции, в настоящее время не восстановлен*). Но и здесь преподобный оставался недолго, тайно покинув Решемскую пустынь и уйдя вниз по Волге за 200 верст, он выбрал место при Желтых Водах (Нижегородская область), на левой стороне р. Волги. Выкопав пещеру, св. Макарий вел отшельническую жизнь, уподобившись первым христианским пустынножителям. Но слава о его благочестии и святости быстро распространилась по окрестностям, и сам великий князь Василий Темный способствовал строительству в 1435 г. на территории Желтых Вод деревянного монастыря и церкви в честь Пресвятой Троицы. Через несколько лет эта обитель стала довольно многолюдной, но в 1439 г. была разорена ордынским ханом Улу-Махметом вместе с сыновьями Мамутяком и Ягубом. Вместе с братией, преп. Макарий был взят в плен и увезен в Орду. Хан, познакомившись со старцем, был настолько поражен его мудростью и смирением, что повелел отпустить его назад в монастырь. Преподобный стал ходатайствовать об освобождении остальных христиан и Махмет выполнил его просьбу.

Данный сюжет в житии имеет для нас очень важное значение – здесь преп. Макарий выступает как *уважаемый посредник и освободитель* христиан от татарских завоевателей. Известно, что в 1619 г. основатель новой царской династии Михаил Феодорович Романов совершил паломничество в Макариево-Унженский монастырь в память об освобождении из польского плена своего отца, патриарха Филарета. Подробно не останавливаясь на этом эпизоде подчеркнем, что из него следует – преп. Макарий уже в начале XVII в. почитался Русской Церковью как покровитель и освободитель невинно заключенных. К тому же, возвращаясь к XV столетию, заметим, что страх перед набегами иноплемеников и, тем более, татаро-монгол, последствия ига которых еще долго не оставляли Русь, был одним из характеристик этого времени. Святой, столь славно «проявивший» себя в случае столкновения с ханом, становился *чтимым общерусским светочем*.

Вернувшись в Желтоводскую обитель, преп. Макарий с братией увидели разоренное пепели-

ще с останками погибших от татарских мечей братьев. Подвижники были вынуждены найти себе другое пристанище. Св. Макарий твердо решил двинуться в Галичские пределы. Уйдя за 240 верст от Желтых Вод, на берегу реки Унжи, за 15 верст от города с таким же названием, началось строительство нового монастыря. Впоследствии, здесь вырос город Макарьев, являющийся сейчас районным центром Костромской области.

25 июля 1444 г. преп. Макарий преставился, а назван был православной церковью по именам двух основателей им обителей, Желтоводским и Унженским. Общерусская канонизация святого произошла в 1619 г., до этого времени преп. Макарий был местночтимым святым. 12 октября 1671 г. в Макариево-Унженском монастыре обрели нетленные мощи святого, остававшиеся в неизвестности 227 лет с момента успения преподобного.

Во второй половине XVII в. складывается странная редакция «Жития преп. Макария Унженского» [4, с. 590], в составе которой есть *крайне важный для нас сюжет* – спасение града Солигалича от татар в XV в. В собрании КГОИАХМЗ есть уникальная икона с аналогичным сюжетом, где преподобный представлен в рост, в молении перед образом Спаса Вседержителя, на фоне Солигалича, к которому подступают воины. В верхней левой части иконы есть надпись: «В лета [7...] году генваря во... день божием попущением грех ради наших прииде рат велика поганых в Галичские пределы [40] тысящ идошешеже варвары ко граду Галичу и хваляхуся той град взятии и тамо во граде услышаше молящихся всему народу со слезами владычице Богородице и преподобнаго Макария на помощь призывающе», над фигуркой скачущего на белом коне св. Макария, надпись: «П Макарий скорый помощник едущее во град на пособление и избавление всем людем от злодей».

Этот памятник прекрасно иллюстрирует акцент на *охранительной, защитнической* функции св. Макария. Вероятно, именно в память об этом избавлении от неприятеля, по аналогии с резной скульптурой св. Николы Можайского, солигаличане заказали деревянный резной образ преподобного, находящийся сейчас в собрании музея-заповедника. По словам научного сотрудника Костромского церковно-археологического музея О.С. Куколевской, несколько лет назад ей встречалась дореволюционная фотография Успенской церкви г. Солигалича, на внешней стене которой была размещена данная деревянная

скульптура преп. Макария в киоте. Если это действительно так, мы встречаемся здесь с той древнейшей традицией устанавливать скульптуры на крепостных и храмовых стенах, идущей на Руси из Можайска XIV в.

К великому сожалению, в руках святого утрачены атрибуты и, видимо, без нахождения аналогичных памятников, нам не удастся реконструировать предметы, в них находившиеся. В положении пальчиков правой руки угадывается двуперстное благословление, а в левой кисти мог находиться свиток с текстом, однако эти построения весьма гипотетичны.

Скульптура «Преподобный Макарий Унженский» нач. XVIII в. из старособорной Успенской церкви г. Солигалича стилистически объединяется со скульптурой «Св. Николай Мирликийский (Можайский)» кон. XVII – нач. XVIII в. из церкви Николы на Наволоке г. Солигалича (КГОХМ, КП-2047), и, возможно, происходят из одной мастерской.

С.С. Каткова и Н.И. Комашко датируют образ последней третью XVIII в., связывая его создание с постройкой в 1778 г. каменного Успенского храма и приписывая скульптуру «традиции галичских резчиков» [5, с. 604]. Мы не разделяем данное мнение, считая, что для религиозного сознания последней трети XVIII в., пусть и в провинции (хотя Солигалич в это время как раз один из наиболее богатых и прогрессивных городов губернии), не характерно выражение идеи заступничества и почитания святых через большемерную скульптуру. Образцы резных статуй указанного времени демонстрируют значительное уменьшение внешних объемов и уход в изготовление мелких фигурок и барельефных скульптур. Это естественный процесс, начавшийся в результате запрета на деревянную скульптуру от 1722 г.

Как раз во второй половине XVIII в. большие статуи начинают выносить из храмов в рядом стоящие часовни, а часто и в рухлядные каморы, и в помещения при колокольнях [6, с. 13]. Предположить, что на стене собора в Солигаличе в 1778 г. поместили *вновь вырезанную* статую св. Макария, на наш взгляд, нелогично. Что касается характера резьбы и общей стилистики скульптуры «Преподобный Макарий Унженский», то данный памятник тяготеет к XVII столетию, и это не *стилизация под «семнадцатый век»*, а коренным образом связанная с ним пластика. Вполне возможно, что перед нами памятник как раз последних десятилетий XVII в., находившийся в старой

деревянной Успенской церкви, и перенесенный на внешнюю стену вновь выстроенного каменного храма, что подчеркивает особый статус этого святого как защитника города от неприятеля.

В самом Макариево-Унженском монастыре не прослеживается ни одного резного образа преподобного, даже на крышке надгробной раки (там находилась писаная икона)¹.

Нет упоминаний о резных скульптурах преподобных и в других монастырях и пустынях Костромской епархии.

Исследователь агиографии и иконографии преп. Макария Унженского и Желтоводского Л.П. Тарасенко предполагает, что изготовление резных фигурок этого святого было местной костромской, а, возможно, и нижегородской традицией, но по непонятным причинам до наших дней сохранился единственный памятник².

Завершая описание и анализ этой единственной в своем роде скульптуры, отметим, что в России традиция иконографии отдельных месточтимых или общерусских святых в деревянной скульптуре развита крайне слабо. В XVII в. мы встречаем единичные случаи их изображений на крышках рак (святители Московские Иона, Петр, Филипп, Алексей, Феогност [7, с. 176–186]), в XVIII–XIX вв. повсеместно распространяются резные фигурки преподобного Нила Столбенского, а в Серафимо-Понетаевском монастыре до начала XX века сохранялся резной образ «в человеческий рост» св. Серафима Саровского, кормящего медведя [8].

К этой группе от силы можно причислить еще менее десятка памятников, тогда как, скажем, в католической скульптуре количество деревянных скульптур избранных святых исчисляется сотнями. В чем причина столь малой распространенности резных деревянных фигурок избранных святых на Руси: в отсутствии подобной традиции (в отличие, скажем, от двух принятых и активно воспроизводившихся в резьбе фигур святых Николая Мирликийского и Параскевы Иконийской), в запретах Синода от 1722 и 1832 г. и как следствие – «замерший» вид сакрального искусства, воспроизводивший уже устоявшиеся иконографии и не дававший новые, в очень малом числе дошедших до нас памятников и, следовательно – невозможности представить целостную картину бытования подобных фигур в России, – проблема, нуждающаяся в дальнейшем исследовании.

Актуализацией вопроса распространенности

резных фигур преп. Макария Унженского и Желтоводского, развития его пластической иконографии мы внесли свою лепту в решение этой проблемы, разрешить которую удастся лишь после публикации каталогов коллекций деревянной скульптуры из музеев и частных собраний, которые, вероятно, восполнят пробел в наших знаниях об этом явлении русской церковной культуры.

Примечания

¹ Нами проработана рукопись «Описание Макариево-Унженского монастыря», составленная архимандритом Иовом в 1904 г. (ТАКО, ф. 130, оп. 11, д. 1969, лл. 7–17).

² Людмила Петровна Тарасенко – главный хранитель Центрального музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева. Этим предположением она поделилась в частной беседе с нами зимой 2005 г.

Библиографический список

1. Скульптура в киоте опубликована в книге: *Кудряшов Е.В.* Солигалич. – Л., 1987. – С. 157.
2. Например, икона «Избранные костромские святые» 1886 г. из собрания КГОИАХМЗ. Опубл.: Костромская икона XIII–XIX в. – М., 2004. – Кат. № 283. – С. 621. Цветные копии именно с этой иконы раздают прихожанам в нынешнем кафедральном Богоявленском соборе г. Костромы в день празднования Собора Костромских святых 5 февраля по новому стилю.
3. Здесь и далее цитата из «Жития Отца нашего Макария Желтоводского и Унженского Чудотворца», сост. св. Димитрием Ростовским в Великих Четьях-Минеях, месяц июль, 25. По Новому стилю 7 августа.
4. *Куколевская О.С.* «Преподобный Макарий Унженский, с чудом спасения града Солигалича» // Костромская икона XIII–XIX в. Свод русской иконописи. – М., 2004. – Кат. № 221. – С. 590.
5. *Каткова С.С., Комашко Н.И.* «Преподобный Макарий Унженский» // Костромская икона XIII–XIX в. Свод русской иконописи. – М., 2004. – Кат. № 252. – С. 604.
6. *Померанцев Н.Н.* Русская деревянная скульптура. – М., 1994. – С. 13.
7. Опубл.: *Соколова И.М.* Русская деревянная скульптура XV–XVIII веков. Каталог собрания музеев Московского Кремля. – М., 2003. – С. 176–186.
8. Опубл.: *Цеханская К.В.* Икона в жизни русского народа. – М., 1998. Иллюстрации к тексту.

И.М. Фатеева

**В.В. СТАСОВ И А.Н. БЕНУА –
ИНТЕРПРЕТАТОРЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА XIX ВЕКА
(сопоставление эстетических позиций)**

В настоящей статье поставлена цель, выявить общие точки соприкосновения эстетической мысли двух историков искусства XIX века В.В. Стасова и А.Н. Бенуа, определить характер занимаемых ими эстетических позиций в контексте проблем традиционного и нарождающегося искусства. Рассмотрение обзорных трудов по истории изобразительного искусства в сопоставлении взглядов эстетических противников, является актуальным, так как позволяет получить более объективную картину развития искусства и эстетической теории.

В сложное время конца XIX – начала XX века, время художественных исканий, взаимодействия традиционного и нарождающегося искусства развитие эстетической мысли протекало активно и полемично. В частности, следует указать на появление в те годы обзорных трудов по изобразительному искусству уходящего века, выражающих эстетические позиции их авторов. В 1893 году была издана «История живописи в XIX веке» немецкого историка искусства, профессора Бреславльского университета Рихарда Мутера¹; главу о русской живописи в ней написал А.Н. Бенуа – начинающий петербургский художник, лидер объединения «Мир искусства». Мутеровский эстетический критерий оценки произведений искусства оказался созвучен эстетизму молодого Бенуа. В 1902 году в России вышла отдельная книга «История русской живописи в XIX веке», в которой Бенуа выступил независимым автором со своим взглядом на искусство XIX века².

Своё слово относительно искусства XIX века сказал и художественный критик, историк искусства В.В. Стасов. По заказу редактора «Нивы» Р. Сементковского он написал очерк для сборника «XIX век», приложения к журналу «Нива». Истории искусства этих двух «эстетических противников» представляют безусловный интерес.

Зачастую в пылу сражений эстетические противники не замечали (или не хотели замечать) общих точек соприкосновения их эстетической мысли. Рассмотрение подобных контактов с исторической дистанции помогает получить более объективную картину развития искусства и эстетической теории.

Г.Ю. Стернин, исследующий художественную жизнь России этого времени, отмечает, что уже «... в 1891 году происходит первая крупная рознь среди членов Товарищества передвижных худо-

жественных выставок, хотя и не сказавшаяся особенно на творческих делах, но значительно подорвавшая в глазах молодёжи авторитет этого крупнейшего и когда-то очень монолитного объединения» [8, с. 23]. Демократическая эстетика передвижничества уже во многом не устраивала разочарованную русскую интеллигенцию. Молодёжь искала новые пути выхода «из обыденной прозы» [8, с. 343] и со всем присущим ей максимализмом вдохновлялась идеями свободы творчества, служения чистой красоте. Определённое признание у публики получает академическая салонная живопись (творчество С.В. Бакаловича, Г.И. Семирадского).

К 1898 году начинает действовать объединение «Мир искусства» и издаётся одноименный журнал, получивший, по словам Бенуа, «репутацию какой-то штаб-квартиры опаснейшего декадентства» [3, с. 229].

Таким образом, в художественной жизни России к концу века существовали, три художественные силы: передвижничество, обновлённый академизм и так называемое декадентское искусство, в русском варианте – «мирикусничество».

Эстетическую платформу мирикусников часто связывают с западничеством и эстетизмом, но сам их лидер А.Н. Бенуа видел в деятельности «Мира искусства» отражение самого «широкого эклектизма», требовавшего – «души художника» и мастерства [3, с. 590]. Мирикусники, призывая художников к свободному творчеству, выступали, с одной стороны, против «художественной казармы» [2, с. 12] академического искусства, а с другой – против направления, которое Бенуа называл «реально-обличительным» или «общественным» [2, с. 256]. Сторонником последнего был художественный критик Стасов.

В лице Стасова, об искусстве XIX века говорил, признанный художественный критик – вдох-

новитель передвижников, остро чувствовавший бремя ответственности за судьбу отечественной культуры. С другой стороны выступал молодой, талантливый художник, свято верящий в свои идеалы, начинающий историк, критик.

Стасов и Бенуа были всецело преданы искусству. По воспоминаниям И.Е. Репина, академические профессора называли Стасова «атеистом Аполлона» [4, с. 19], подчёркивая его своеобразное служение искусству. А Бенуа снискал у друзей прозвище – «служитель Аполлона» [1, с. 68]. В этих условных характеристиках можно усмотреть намёк на явное различие в их эстетических позициях. Несмотря на это, у них наблюдается и некоторое созвучие взглядов и поставленных целей. Возраст, опытность здесь не были решающими. Это были достойные противники, отражающие своими воззрениями эволюцию самого искусства и общественных требований к нему.

В бурное, кризисное для культуры время эстетические взгляды молодого Бенуа непрерывно меняются. Как отмечал М. Эткинд, «...у него стремительно развивающееся движущееся восприятие» [9, с. 15]. Это происходило не от поверхностности взгляда, а от горячего стремления понять. Возможно, именно необременённость воззрений начинающего критика социальными идеями отвечала духу времени, в котором единство общественного сознания всё более уступало место индивидуальным устремлениям и интересам.

Работа молодого Бенуа, так сказать, проба пера на поприще историка искусства, имела успех. В дальнейшем Бенуа отозвался³ о своей работе так: «Появление моей книги, ...приобрело характер известного события, но я сам не вполне доволен своим трудом. Многие высказанные мной в нём мнения показались мне уже тогда слишком односторонними и пристрастными (точнее, не вполне выражающими то, что я желал выразить). Особенно же меня огорчало, что я многих... обидел!... я всё же сознавал, что создал нечто, что в данной области останется чем-то вроде основы, что я поставил известные вехи...» [3, с. 344].

Относительно главы о русской живописи в книге Мутера Стасов высказался очень резко: «Глава о русском искусстве самая слабая, самая негодная во всей книге. Неверных, ложных фактов там масса» [6, с. 277–278]. Особенно негодовал маститый критик по поводу заключительной фразы о том, что русские художники «в европейском художественном концерте» якобы ещё «мёртвые

души» [6, с. 278]. Такой уничижительный вывод Бенуа о русском искусстве в определённой степени повлиял на согласие критика сделать исторический обзор всего искусства и в этом «европейском художественном концерте» определить место русскому реалистическому искусству, которое, безусловно, состоялось и вызвало интерес в Европе. Можно с уверенностью сказать, что окинуть всеобъемлющим взором европейское искусство в целом мог в то время только Стасов. Бенуа к подобной широте взглядов и самостоятельности сможет подойти гораздо позднее.

Написанную Бенуа главу Стасов воспринял как «выстрел из декадентского лагеря» [там же]. В этой связи он вспоминает картины Врубеля и Малявина, замечая, что картины русских декадентов – «это лишь невинные детские шалости. Всё декадентство наших декадентов состоит только из декадентских разговоров про европейских декадентов» [6, с. 673].

В первую очередь это относилось к мирискусникам, к журналу «Мир искусства», к выступлениям в нём С. Дягилева. Программная статья Дягилева против демократической эстетики передвижников возмутила критика своей глухотой к жизненным потребностям – заявлением, что «никакого «сюжета» и «содержания» не надо для искусства, а довольно одного «художественного исполнения» [7, с. 67]⁴.

Если Бенуа в своей книге отмечает продолжающееся отчуждение искусства XIX века от почвы и народа (как следствие петровских реформ), то Стасов, напротив, в деятельности передвижников видит главную силу, осуществляющую такую необходимую связь между искусством и обществом. Он считал, что русское искусство уже в 60-х годах «встрепенулось ото сна и поднялось» [6, с. 657], заявив о себе в творчестве передвижников. По мысли Стасова, передвижники на деле осуществили «высокую программу» свободы, независимости для художника, о которой мечтал ещё А. Иванов. Взяв своим девизом «...реализм, национальность» [6, с. 658], они увидели перед собой цель, заключающуюся в «выражении жизненных задач дорогих и нужных нашему народу» [6, с. 660]. В творчестве такого рода Стасов находит «одухотворяющую» связь между художником и обществом. (При этом речь шла об обществе в целом, а не об отдельных его классах). Непосредственный участник художественной жизни XIX века, Стасов с гордостью заключает: «Ника-

кое другое столетие не превзойдёт наше в способности понимать искусство, любить его и нисходить во все глубины творения» [6, с. 532].

Бенуа, как представитель уже нового художественного направления, имел менее пристрастный взгляд на достигнутое. Не выступая против реализма (а в дальнейшем и отстаивая его), Бенуа отражал своими воззрениями кризисные явления в русском искусстве. Он находит русское изобразительное искусство в «неутешительном положении», «позади литературы и музыки» [2, с. 17] и заключает о его оторванности от общества.

Молодой историк делает вывод, что к концу XIX века была только подготовлена почва для нового свободного искусства; «общественное», «содержательное» искусство привело «к окончательному порешению с преданием, с рутинной школой, с формализмом и в то же время к полному страсти и интереса, стремлению к жизни» [2, с. 257].

Связь между искусством и обществом, на деле осуществленная передвижниками, для него далеко не полноценна. Не полноценна в главном — «в утрате художественности» [3, с. 13], эстетического начала, формирующего мир красоты, поэзии, тайны. «В моём представлении и в моём непоколебимом убеждении эта тайна и есть искусство» [3, с. 337], — говорит Бенуа. Объединяющим началом у передвижников он считает их реализм, а узость направления видит в их стремлении служить только «взрослому» искусству. О задачах русского искусства Бенуа говорит следующее: «Миссия русского искусства, как отражение русской духовной жизни, заключается в том, чтобы выразить в образах своё русское отношение к Тайне, своё понимание Тайны. Миссия эта огромна и священна» [3, с. 196].

Для Стасова искусство — не тайна, это, в первую очередь, воспроизводимая художником жизненная правда, для каждого действительно важная и необходимая.

Характеристика задач, поставленных Бенуа и Стасовым перед русским искусством, выявляет разность их подхода к оценке произведений искусства. Бенуа считает главным субъективное, а для Стасова важна объективность. Молодой Бенуа стремится обнаружить в творчестве каждого художника «движение души» [3, с. 337], его «следование внутреннему импульсу» как некоей «безусловной свободе» [2, с. 297], уводящей прочь от проповеди, указки, тенденции, от «направленства». Стасов не принимает обвинения в «заго-

товленной идейке». Он сам неустанно добивался осуществления завета художника А. Иванова о том, что «художник должен быть совершенно свободен, никогда никому не подчинён, независимость его должна быть беспредельна» [6, с. 173]. Но свобода, по Стасову, это не свобода от самой жизни, от всего, что есть в ней важного. Свободу художнику обеспечивает сама обширная панорама окружающей жизни.

Бенуа и Стасов выполнили свою освободительную миссию по отношению к русскому искусству, которое осуществляло поиск очередной степени свободы творчества. Один добивался свободы в отображении общественного содержания, другой — свободы индивидуального, личного в творчестве, некоей тайны души художника. Точкой пересечения в их деятельности был поход против тормозящего влияния академизма.

Разбирая произведения искусства, Стасов делает акцент на содержание, на мысль, высказанную художником. Художественное сознание Бенуа влечёт его в сторону эстетического. И всё же в вопросе о форме и содержании в искусстве у Бенуа и Стасова можно обнаружить определённые точки пересечения.

Стасов в форме видел необходимое условие существования произведения искусства, оставляя приоритет за содержанием. Для Бенуа форма неотъемлема от содержания, но, по его мнению, «... и в форме находятся элементы вечности и тайны» [2, с. 179]. Такое трепетное отношение к форме, наделение её активностью, стремление утвердить её содержательность, одухотворить выявляют в Бенуа романтика. Последнее в некоторой степени сближает его позицию, как противника бессодержательной формы, формы ради формы, с позицией Стасова. Известно, что в дальнейшем он выступал против символистов и представителей авангарда.

Содержание у Бенуа не играет довлеющей роли. Но позднее он сделает следующее уточнение: «Для меня как-никак главным в искусстве всегда было (и до сих пор остаётся) то, что, за неимением другого слова приходится называть предосудительным и избитым словом «поэзия» или ещё более предосудительным в наши дни словом — «содержание» [3, с. 337]. Единство этих понятий можно определить как «поэтическое содержание». Если у Бенуа содержание — «поэзия», то гражданская позиция Стасова в отношении содержания взывает к «прозе». Стремясь к оду-

хотворению содержания и формы, Бенуа уходит от нормативности и академического, и общественного направлений в мир красоты.

Исследуя русское искусство, оба историка останавливаются на творчестве художников независимых, самостоятельных, преодолевших «кору робости» [2, с. 73]. К таким художникам относится, безусловно, живописец А. Иванов.

Общечеловеческое в творчестве Иванова связано с проблемой народности. Стасов, ополчившись на умирающий классицизм, на академическое искусство с его аристократическим характером, решал проблему народности, можно сказать, в буквальном ключе: он видел главным героем картин художников XIX века сам народ. Бенуа не без иронии относится к стасовской позиции, связывающей напрямую народность с изображением народа⁵.

Молодость Бенуа, особенности восприятия им искусства не позволили ему увидеть многое, что объединяло их со Стасовым, несмотря на разницу акцентов. Выдвигая тезис о свободе, он упускает из виду высказывание Стасова о том, что, если только не мешать художнику, то он непременно проявит национальность. Утверждение самого Бенуа: «Если он (русский художник) будет прислушиваться к тому, что в нём говорит его порода, его кровь, он, наверное, скажет нечто более яркое, сильное и новое» [2, с. 400] – звучит «по-стасовски».

Двух анализируемых авторов истории живописи XIX века по праву можно назвать достойными, благородными противниками. Оценивая деятельность передвижников, Бенуа не забыл и Стасова, заслуживающего, по его мнению, «уважения всех интересующихся судьбами русского художества» [2, с. 216]. Для Стасова Бенуа – «историк, бард, герольд и истолкователь декадентского царства» [6, с. 289]. Мне кажется, здесь «Бенуа-историк» звучит уже как определённое признание. Остальные эпитеты со стороны Стасова придают личности Бенуа романтический отсвет.

Определяя позицию Бенуа, ещё раз следует обратиться к романтизму. С развитием реализма в искусстве XIX века романтизм не исчез полностью. По выражению В. Петрова-Стромского, «на протяжении всего XIX столетия романтические идеи и настроения служили своеобразным ферментом эволюции художественных систем и направлений» [5, с. 178]. Этот «фермент» способствовал появлению в конце века и художествен-

ного объединения «Мир искусства». Творческая деятельность, эстетические взгляды Бенуа выявляют в нём романтика, соответствующего новому этапу развития искусства и эмоциональной атмосфере того времени.

Ему мешало двигаться по пути символистов отсутствие у них драматического напряжения, мирозерцание мистической закваски; и там, где символисты видели бездну, он всё ещё – поэтическую реальность.

Романтическая по своей природе индивидуальность Бенуа не отвергает реализм. Известны его выступления за сюжетность в живописи, например, статья 1898 года «О повествовательной живописи», а также положительная оценка произведений многих художников-реалистов позднего времени – реалистов поэтического склада, таких, как В. Серов, К. Коровин, И. Левитан, В. Полленов. На фоне развития «обновлённого поэтического реализма» [5, с. 258] конца XIX века, названного М. Эткинсом «неореализмом» [9, с. 90], реализм в духе передвижничества категорически не принимается молодым критиком. Бенуа выступает за реализм, «не порабощённый» действительностью, а исходящий из личной склонности художника [2, с. 214].

Зрелый Бенуа не принял искусство авангарда второго десятилетия XIX века, заняв по отношению к нему позицию, сравнимую со стасовской позицией в отношении «декадентского искусства». Но, в отличие от Стасова, который сразу объявил войну «болезни», Бенуа стремился глубже познать суть авангардного искусства. Так и не поверив ему до конца, он всё же смог понять его кризисную природу. На фоне авангарда Бенуа уже иначе вспоминает и об искусстве передвижников.

Взгляд Бенуа на искусство, уже неувиденное Стасовым, свидетельствует о том, что оба они могли бы встретиться в одном лагере противников авангарда. Реализм Стасова и романтические тенденции Бенуа, его «поэтический реализм» имеют родственные черты. Если бы не некоторая спутанность сосуществования многих художественных направлений на рубеже веков, не стремление молодых эпатировать публику, – возможно, и сам Стасов, так ревностно оборонявший своё направление, смог бы взглянуть на Бенуа по-иному.

Сопоставление историй изобразительного искусства XIX века В.В. Стасова и А.Н. Бенуа выявляет неантагонистический характер занимаемых ими эстетических позиций, допускающих

возможности сближения. Их оценки взаимоотношений между традиционным и нарождающимся искусством сопряжены с поисками новой меры свободы творчества на переломном этапе развития русского искусства. Общим итогом рассмотрения двух альтернативных взглядов на историю изобразительного искусства XIX века могут послужить стасовские строки о том, что в искусстве «душевные потребности... рано или поздно, ...находят себе выход и благополучное применение. История им покоряется и через них получает новое направление» [6, с. 640].

Примечания

¹ В русском переводе трёхтомный труд Мутера вышел в 1899 году.

² С этой книгой в дальнейшем будет соотноситься эстетическая позиция А.Н. Бенуа.

³ Рассматривая историю, написанную Бенуа, представляется необходимым в некоторых случаях делать поправку на его взгляды более позднего периода; в них порой проявляется большая объективность и зрелость суждений.

⁴ Следует отметить неидентичность позиций Дягилева и Бенуа. Явно романтическая окраска позиции последнего в отношении к содержанию — это не позиция Дягилева. Но, во всяком случае, она расходилось и с пониманием содержания Стасовым.

⁵ На недооценку Бенуа принципа народности у Стасова указывает современный исследователь Р.С. Кауфман в статье «Александр Бенуа — художественный критик» // Советское искусствознание. — 1982. — Вып. 1.

Библиографический список

1. Бенуа А. Возникновение «Мир искусства» / Репринтное издание 1928. — Л., Искусство, 1998.
2. Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке / Сост., вступ. ст. и коммент. В.М. Володарского. — М.: Республика, 1995.
3. Бенуа А.Н. Мои воспоминания: В 5 книгах. — М.: Наука, 1993. — Книги 4, 5.
4. Владимир Васильевич Стасов. 1824—1906. К 125-летию со дня рождения. — М.; Л.: Искусство, 1949.
5. Петров-Стромский В. Тысяча лет русского искусства: история, эстетика, культурология. — М.: Терра, 1999.
6. Стасов В.В. Избранные соч.: В 3 т. — М.: Искусство, 1952. — Т. 3.
7. Стасов В.В. Письма к деятелям русской культуры. В 2 т. — М.: Наука, 1967. — Т. 2.
8. Стернин Г.Ю. Русская художественная культура второй половины XIX — начала XX века. — М.: Советский художник, 1984.
9. Эткинд М.Г. А.Н. Бенуа и русская художественная культура. — Л.: Художник РСФСР, 1988.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Веселов В.Р. РУССКИЙ БРОД: [поэзия, публицистика, научные работы]. — Кострома: [б. и.], 2007. — 462 с. — Библиогр.: с. 458–459. — ISBN 5-7646-01029.

В новую книгу В. Веселова, члена Союза писателей России, доктора исторических наук, вошли литературно-художественные, научно-публицистические произведения. Часть из них была опубликована ранее, другие печатаются впервые, ряд работ дается в новой редакции. Поэт, ученый продолжает тему России, ее исторической судьбы, ответственности интеллигенции и всего общества за сохранение и развитие национальной культуры и государственности. Наряду с раздумьями автора о болевых проблемах времени в книге немало солнечных страниц, согретых светлой улыбкой и любовью. С особой теплотой рассказывается о Костромском крае, его богатом культурно-историческом наследии, славных патриотических традициях. Книга адресована широкому кругу читателей, всем, кто интересуется русской историей и культурой.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

М.А. Алексеева

ВЛИЯНИЕ ИНЖЕНЕРНОЙ ГРАФИКИ НА РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Специфика художественно-графического факультета определяет особый подход к исследованию творческого развития студентов в процессе обучения инженерной графике. Изучение и применение законов реалистической живописи и рисунка составляет главное содержание учебного курса в профессиональной подготовке на художественно-графическом факультете Костромского государственного университета.

С 1998 года факультет осуществляет подготовку по специальности «Изобразительное искусство». Предметный блок стандарта включает в себя предметы, связанные, в основном, с художественно-изобразительной, декоративно-прикладной деятельностью. Все предметы этого блока в той или иной мере способствуют обогащению творческого потенциала, развивая специальные способности, связанные с изобразительно-художественным творчеством.

Какую же роль играют дисциплины инженерной графики в развитии творческих способностей, и есть ли необходимость их изучения на «творческих факультетах»? Наши наблюдения и исследования показывают прямую связь дисциплин инженерной графики и таких дисциплин как рисунок, композиция, дизайн – студенты, успешно усвоившие курс инженерной графики успешнее обучаются этим дисциплинам.

В свое время, Эрнест Г. Шахтель указывал на тот факт, что опыт цветового восприятия, который развивается на занятиях живописью, имеет сходство с эмоциональным опытом или ощущением эффекта. По его мнению, эмоция не является результатом активно организованного мышления. Она просто предполагает момент открытости, которым может и не обладать, например человек с подавленным настроением. Как и цвет, эмоция вызывает в нас только определенное отношение. Напротив форма требует более активной реакции и связана с интеллектуальным контролем. Логическое и абстрактное мышление

развивается у студентов в ходе изучения технических графических дисциплин.

Программа курса, знакомящая студентов с инженерной графикой, содержит материал по основам начертательной геометрии и черчения. Перед курсом основ черчения, как частью образовательного процесса по специальности «Изобразительное искусство», стоят основные задачи: обучение студентов установленным методам изображения пространственных форм на плоскости, основным понятиям, правилам и условностям, применяемым при выполнении чертежей, изучение соответствующей терминологии; начертательная геометрия обосновывает способы построения изображений пространственных форм на плоскости.

Знания и навыки, которые получают студенты по дисциплине основ черчения и начертательной геометрии существуют в сознании студентов не изолировано друг от друга. Усвоенные знания и развитые качества помогают формированию новых умений по другим предметам. Например, в работе над рисунком студенты учатся зрительно сравнивать изображаемый предмет и рисунок, отсюда вытекает представление о масштабе из непосредственного глазомерного сравнения видимых величин. При этом действия масштабного преобразования обогащаются и уточняются, опосредствуются системой знаний о пространственных и количественных отношениях. Знания, о единицах измерения уточняются и развиваются совместно с навыками оперирования количественными представлениями, развивается глазомер, при этом операция чувственного сравнения величин не снимается. Приобретенные умения не сводятся к простой сумме навыков. Они служат приобретению готовности сознательно решать ту или иную задачу, предполагают творческую ориентировку в новых условиях.

Огромное значение в сфере творчества придается результатам воздействия технических графических дисциплин на усиленное развитие про-

пространственных представлений, позволяющих представить мысленно форму предметов, взаимное расположение геометрических форм в пространстве определить их размеры, исследовать геометрические свойства, присущие изображаемому предмету, и т.д. Одной из важнейших способностей личности, обеспечивающей успех в творческой деятельности, отмечает Я.А. Понамарев, является способность действовать «в уме». Организация действий во внутреннем плане, то есть, умение предвидеть конечный результат творческого поиска, возможность человека действовать «в уме», тесно связана с проблемой развития пространственных представлений.

Психолого-педагогические и методические наблюдения за выполнением чертежей студентами при изучении таких предметов, как начертательная геометрия, перспектива, основы машиностроительного черчения, анализ их графических работ обнаруживают ряд затруднений, связанных с особенностями пространственных представлений.

Пространственные представления есть вторичный образ восприятия. В психологии принято разделять представления на два основных вида: образы памяти и воображения. Пространственные представления памяти отражают предмет примерно в том виде, в каком он был дан для восприятия, тогда как воображение обеспечивает создание образов и предметов, которых человек не видел но, информацию о которых в форме словесного описания, схемы и т.д. получил. Образ творческого воображения это принципиально новый образ (например, образ новой конструкции машин, архитектурных сооружений, художественных произведений и т.д.). Трансформированный образ предмета при изображении его сверху, слева, и т.д. то есть выполнение чертежа, не есть новый образ (образ воображения), и памятью мы называем предмет в конкретно-чувственной форме, а не линейно-конструктивной. Чертеж – это обобщенный образ, результат деятельности мышления, следовательно, мышление также является строительным материалом пространственных представлений. Мышление, как и воображение, позволяет предвидеть конечный продукт деятельности. Но с помощью мышления опережение происходит при помощи организованной системы понятий, а с помощью воображения – на основе организованной системы образов. Успешному развитию пространственных

представлений, сознательному, глубокому и прочному усвоению учебного материала способствуют различные виды графических задач и упражнений, как средство, развивающее психолого-познавательные характеристики (наблюдательность, внимание, память, воображение, мышление) которые являются психологической основой творческого процесса.

Важнейшим элементом учебного процесса по курсу основ черчения является выполнение графических работ, которое способствует выработке у студентов необходимых навыков выполнения чертежей. На этих занятиях у студентов развиваются способности к определенной стилизации, схематизации чувственного образа в графический знак, умение свободно оперировать им по представлению.

Одним из объединяющих требований к изучению дисциплин основ черчения, начертательной геометрии, перспективы и дизайна является умение строить чертеж. Главная задача в построении чертежа состоит в определении преобразований видимой формы предмета, его элементов или частей при переносе изображения на плоскость. Успешность решения этой задачи зависит от наблюдательности. Наблюдательность в свою очередь является важнейшей характеристикой внимания. В процессе наблюдения внимательно рассматривая предмет, явление или событие мы получаем наиболее точный образ памяти. Отсюда следует то, что при обучении принципам построения чертежа систематическая работа по выбору рационального расположения изображений, сравнению реального предмета с его чертежом, различных элементов детали, способов проектирования и т.д., очень важна для развития детализованных и подвижных представлений играющих ведущую роль в развитии творческих способностей. Переосмысление элементов формы предмета определяется исключительно логикой необходимых геометрических построений, на основе оперирования образом по представлению.

Процесс чтения уже готового чертежа предполагает решение ряда задач, требующих развитого воображения. Чтобы возникло целостное представление о форме предмета изображенного на чертеже, необходимо произвести анализ каждого изображения, соотнести изображения одних и тех же элементов и мысленно объединить разные изображения. То есть, произвести синтез, который требует активной мыслительной деятельности.

Выявляя ценность инженерной графики в развитии творческих способностей студентов, нельзя не обратить внимание на разнообразие видов учебной деятельности. Это и контроль размеров чертежа, самоконтроль и взаимоконтроль эскизов, определение рационального подхода к переработке данных при выполнении чертежа, самостоятельная работа со справочным материалом и т.д. Все они способствуют активизации работы, развитию самостоятельности в познавательной деятельности, умению критически мыслить, развивать умения сравнивать, сопоставлять, анализировать, обосновывать свою точку зрения, развивать способности к рациональному выполнению работы. Совершается процесс взаимного обогащения, когда отдельные приемы творческой деятельности, приобретенные на занятиях по инженерной графике, на занятиях по дисциплинам рисунок, композиция, дизайн и т.д. становятся более законченными. Наличие данных навыков обеспечивает подготовку студентов к более широкому применению своих возможностей во многих сферах деятельности.

Возможности дальнейшего совершенствования творческого развития способностей студентов художественно-графического факультета в процессе освоения технических графических дисциплин заложены, на наш взгляд, в содержательном подходе к построению учебного процесса по этим дисциплинам. Анализируя програм-

мы по данным дисциплинам, убеждаешься в том, что они в основном нацелены на изучение и закрепление учебного материала, без учета выхода его в самостоятельное, творческое использование, где могло бы быть применено конструирование, рационализация, создание новых по форме и содержанию конструктивных образов. В число структурных компонентов образования обязательно должны входить умения работы с компьютером, которые, несомненно, должны быть отнесены сегодня к общекультурным. Навыки, которые раньше причисляли к специфике технических специальностей, становятся необходимыми в обиходе каждого специалиста.

Развитие творческих способностей при освоении технических графических дисциплин требует поиска путей обогащения учебного процесса разнообразными сочетаниями различных видов деятельности, дидактически обоснованными сочетаниями традиционных и новых типов заданий, стремлением к широкому использованию межпредметных связей при которых не подвергается сомнению наличие одновременного применения в них знаний из различных наук и многого другого. При всем этом мы не должны забывать что, как отмечал А.Д. Ботвинников «начертательная геометрия как наука и черчение как учебный предмет имеют и свою особую, присущую только им логику и систему познания, и свои приложения к реальной действительности».

Т.И. Базарова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТАМИ-ФИЛОЛОГАМИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ С ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТЬЮ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»

Специфика обучения студентов филологических факультетов педвузов дополнительной специальности «Иностранный язык» заключается в том, чтобы при ограниченном количестве занятий обучающиеся могли бы в максимально полном объеме получить необходимые знания.

В профессиональной подготовке по иностранному языку студентам неизбежно приходится сталкиваться с аутентичным научным материалом. Знание особенностей немецких научных текстов может способствовать лучшему понима-

нию предъявляемой информации за более короткое время.

Исследовательская деятельность студентов, по мнению одних учёных, может быть рассмотрена под призмой трёх факторов:

1. Процесс интерпретации научных текстов требует достаточно высокого уровня языковой подготовки и определяется степенью сложности материала.

2. Специфика этой деятельности основывается на ранее полученных лингвистических знаниях по родному языку.

3. Работа с иноязычными научными текстами базируется на знании типологических особенностей подобного рода письменных произведений [11, s. 26].

Однако другие исследователи полагают, что достаточно высокий уровень владения повседневным иностранным языком едва ли может означать, что обучающийся сможет успешно работать с научными текстами. Это утверждение исходит из в 1979 году предложенной Cummins градации иноязычных знаний студентов на BICS (basic international communicative skills) и CALP (cognitive\academic language proficiency). Такой дифференцированный подход означает, что для работы с иноязычными научными текстами требуется не только высокий уровень владения в данном случае немецким языком для общения в повседневной жизни, но и специальная подготовка, своего рода адаптация к особенностям профессионально ориентированной научной литературы [5; 9].

В обучении студентов-филологов интерпретации немецких научных текстов можно выделить несколько позитивных моментов, которые могут существенным образом повлиять на успешность данной деятельности: во-первых, студенты-филологи хорошо подготовлены к данной работе на занятиях по русскоязычным и литературоведческим дисциплинам; во-вторых, они имеют достаточные лингвистические и языковедческие знания в этой области; в-третьих, позитивную роль может сыграть знание типологических особенностей двух языков. Можно предположить, что интерпретация русскоязычных научных текстов по дисциплинам основной специальности может препятствовать и возникновению некоего психологического барьера при обращении к немецким научным текстам.

Существует мнение, что при чтении и интерпретации немецкой научной профессионально ориентированной литературы студентам-филологам будет недостаточно тех знаний из смежных филологических дисциплин, которыми они овладели в процессе обучения, так как немецкие специальные тексты имеют ряд специфических особенностей, игнорирование которых может затруднить успешность данной работы [12, s. 26; 8, s. 126; 14, s. 178; 13].

К таким особенностям часто относят структурное построение немецкого научного текста. Она, как правило, имеет две ведущие стратегии

членения материала: когда изображается сначала главная проблема, а затем вся «заднеплановая» (терм. К. Prokoptschuk) информация, и, когда для последовательного анализа проблемы обозначение главной мысли переносится в центральную часть текста. Напротив, для русскоязычных научных текстов, по мнению некоторых ученых, более характерно представлять сначала большой объём «заднеплановой» информации, а затем презентовать основную тему [8, s. 126; 12, s. 26].

Кроме того, в отличие от русскоязычных научных текстов, которым характерно присутствие многих отступлений и разъяснений по темам, смежным с предлагаемой, что подчас воспринимается немецкими реципиентами как что-то несвязное и непонятное, немецким научным текстам характерна тесная связь главной темы со всеми отступлениями и пояснениями [8, s. 126].

Есть и другие особенности данного вида текстов, на которые, возможно, следует обращать внимание студентов при интерпретационной работе с немецкой научной литературой.

Общеизвестно, что научный текст отличается от других видов текстов специфической лексикой. Чаще всего он становится узнаваем из-за обилия терминов: слов или сочетаний слов, которые служат для выражения понятий и обозначения предметов, обладающих чёткими семантическими границами и поэтому однозначные в пределах соответствующей классификационной системы [3, с. 179].

Главное назначение термина в научном тексте – обеспечивать взаимопонимание среди специалистов в рамках соответствующих разделов знаний и родственных дисциплин [4, s. 9–14].

В научной речи термины составляют 20–30%. Кроме них выделяется прослойка, находящаяся на грани между терминами и межстилевым лексическим фондом, условно именуемая «полутерминами» (терм. Е.С. Троянской). Они с разной степенью терминологизации функционируют в целом ряде наук и в стилях речи. Полутермины являются промежуточным звеном между внесиловым лексическим фондом и терминами. В лингвистических исследованиях такие слова иногда называются «терминоидами» (терм. N.S. Sarafutdinova), «периферийными» (терм. В. Эберт), «полунаучными» (терм. Л. Дрозд), «общенаучными» (терм. В.В. Левицкого). Обычно их делят на 2 группы: а) те, которые употребляются в других стилях речи в нетерминологическом значении и встре-

чаются во всех науках в обиходном или терминологическом значении, например: Bewegung, Druck, Masse, Leben, Spannung, Feld, Natur, Gleichgewicht, Widerstand и др.; и б) те, которые употребляются в других стилях речи в нетерминологическом значении, например: Gas, Sauerstoff, Wasserstoff, Luft, Wasser, Körper, Licht, Meer, Mensch, Tier, Pflanze и др.

Термины и полутермины в научной речи не относятся к маркированным средствам. Присутствие большого количества терминов в тексте не является показателем научного стиля при наличии хотя бы нескольких слов разговорной лексики [4, с. 9–14].

Следующей лексической особенностью научных речевых произведений является функционирование ещё одного слоя, «книжного», «который может употребляться только в официальных стилях речи и не употребляется в разговорной речи» [3, с. 179].

«Книжная» лексика с невысокой частотностью встречается в научных текстах и бывает представлена, как правило, в виде интернационализмов или исконно-немецких слов, обозначающих понятия общенаучного обихода латинского происхождения или заимствованных через разные языки (Polemik, Argument, Aspekt, Analogie, Fragment, Alternative, Hypothese, Kriterium, Objekt, Kommentar, Phänomen, basieren, dokumentieren, dominieren, kommentieren, markieren, imponieren, formulieren, interpolieren, irregular, kausal, trivial, local и др.).

Научные тексты обладают также и стилистическими особенностями. Их исследованию уделяли внимание В.В. Акуленко, В.В. Виноградов, Р.А. Будагова, Т.Т. Винокур, И.Р. Гальперин, М.Н. Кожина, В.Г. Костомаров, А.А. Леонтьев, М.В. Панов, Э.Г. Ризель, Д.Э. Розенталь, Ю.С. Сорокин, Ю.С. Степанов, М.Н. Сенкевич и другие.

В лингвистической литературе упоминается три разновидности научного стиля: научно-технический (или собственно-научный – терм. О.Д. Митрофановой), научно-популярный, научно-деловой.

Каждый из подстилей имеет свои характеристики: научно-технический отличается строгой академичностью в изложении, точностью предъявляемой информации, логической последовательностью, убедительностью доказательств, семантической ясностью и однозначностью, незначительным количеством экспрессивных и оце-

ночных элементов. Указанными чертами, как правило, обладают научные статьи, монографии, доклады, диссертации и т.п.

Научно-деловой подстиль отличается жесткими требованиями, как-то: убедительность, аргументированность изложения, обязательное присутствие стереотипности и стандартизации языковых средств, обилие штампов, устойчивых оборотов, унификация синтаксических конструкций. Эти требования обоснованы назначением речевых произведений научно-делового характера: не только передавать информацию, но и защищать её в правовом и юридическом отношениях.

В противоположность этому подстилю научно-популярным текстам присуще соотношение общего и индивидуального, рационального и эмоционального, нейтрального и экспрессивно-оценочного. В основе научно-популярного подстиля лежат своеобразно преподнесённые данные из естественных и технических наук, понятные неспециалистам [7].

При стилистической интерпретации научных текстов со студентами-филологами, изучающими немецкий язык в качестве дополнительной специальности, представляется важным обращать их внимание на некоторые национально-культурные и дидактические особенности организации таких речевых произведений.

Одной из особенностей немецких научных текстов, по утверждению М. Clyne, является различие на внутрителивом уровне, связанное с межкультурной проблематикой. В частности, немецкие научные тексты отличаются, например, от английских своей «дигрессивностью» (терм. М. Clyne), т.е. наличием более сложной информации. «Дигрессии» немецких научных текстов, по словам К. Prokopczyk, дают автору возможность вводить свои теоретические перспективы, включать исторические обзоры, придавая тексту идеологическую направленность для продолжения диалога с представителями других школ [6, р. 211–247; 12, с. 26].

Другая особенность связана с наличием в немецких научных текстах большего числа метафор, сравнений, научных эвфемизмов. Таким речевым произведениям присуща меньшая официальность, но большая деловитость, детерминация основных композиционных частей, традиционная презентация основной идеи в начале произведения, чёткость в содержании, аргументации, заглавии [7].

Стилистической особенностью немецких научных текстов можно считать и специфические функции заголовка в них. В научных текстах аллюзия может называть проблему, одновременно ограничивая её, например: Th. Schippan. «Einführung in die Semasiologie».

Конкретизация темы происходит за счёт создания двучленного заголовочного комплекса, причём первый определяет широкую тему изучения, а второй – основной аспект её анализа: Mündlicher Wissenschaftsdiskurs. Ergebnisse der Textanalyse.

Уточняющая, поясняющая и ограничительная функции аллюзии реализуется в немецких научных текстах через создание в структуре заголовка распространённого именного словосочетания, состоящего из 4–8 компонентов и, как правило, содержащих существительные обобщённо-абстрактной семантики [1, с. 44].

Функционированию стилистических норм в немецких научных текстах способствуют также и морфологические характеристики слов. В лингвистических исследованиях нередко упоминается высокая частотность употребления существительных с суффиксами *-er*, *-ung*, *-heit*, *-keit*, *-bar*; прилагательных с суффиксами *-los*, *-frei*, *-sicher* [14, с. 178].

Образование множественного числа у существительных часто происходит не по стандартным нормам, а по принятым в профессиональной сфере [13].

Рассмотренные нами некоторые особенности немецкого научного текста могут служить материалом для исследовательской деятельности студентов-филологов на теоретических и практических занятиях по немецкому языку. Полученные знания помогут в дальнейшем существенно сократить время интерпретационной работы над аутентичным научно-направленным материалом на немецком языке, способствовать лучшему пониманию профессионально значимой информации и удовлетворить лингвистический интерес к этому виду речевого произведения будущих специалистов-филологов.

Библиографический список

1. Гончарова Е.А., Шишкина И.П. Интерпретация текста. Учебное пособие по немецкому языку. – М.: Высшая школа, 2005. – С. 44.
2. Троянская Е.С. Общая характеристика немецкой научной речи // Лингвостилистические особенности научного текста. – М.: Наука, 1981. – С. 180.
3. Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования / Под ред. О.С. Ахмановой, М.М. Глушко. – М.: Из-во МГУ, 1974. – С. 179.
4. Baumann Klaus-Dieter. Normen in der Fskkommunikation // Fremdsprachen und Hochschule. – 2000. – №59. – S. 9–34.
5. Benholz Charitini Claudia. Fachtexte im Deutschunterricht // Deutschunterricht. – 2001. – Heft 5: Oktober. – Westermann.
6. Clyne Michael. Cultural differences in the organisation of academic texts // Journal of Pragmatics. – 1987. – №11. – P. 211–247.
7. Debes Cornelia. Mündlicher Wissenschaftsdiskurs Russisch – Deutsch. Ein sprechwissenschaftlicher Vergleich // Deutsch als Fremdsprache. – 2007. – Heft 1.
8. Dressler Wolfgang. Semiotische Parameter einer textlingwistischer Naturlichkeitstheorie. – Wien, 1989. – S. 126.
9. Haehnel Monika. Schreiben lernen als Erwachsene // Deutschunterricht. – 2001. – Heft 5: Oktober. – Westermann.
10. Keiser Dorothee. Wege zum wissenschaftlichen Schreiben. Eine kontrastive Untersuchung zu studentischen Texten aus Venezuela und Deutschland. – Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2002. – S. 304.
11. Lisieska-Czop Margaret. Verstehensmechanismen und Lesestrategien von fremdsprachlichen Fachtexten. Peter Lang Verlag. – Frankfurt am Main, 2003. – 170 S.
12. Prokopczuk. Wissenschaftliche Nationalstile und Grounding // Deutsch als Fremdsprache. – 2007. – Heft 1. – S. 26.
13. Roelcke Thorsten. Syntetischer und analytischer Sprachbau im den Deutschen Fachsprachen der Gegenwart // Germanisches Jahrbuch der GUS “Das Wort”. – 2002.
14. Sarafuldinova N.S. Spezifika von Textsorten und ihre Beruecksichtigung im fachorientierten studienbegleitenden Deutschunterricht // Germanisches Jahrbuch der GUS “Das Wort”. – 2006. – S. 178.

И.В. Балашова

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ – ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА СТУДЕНТОВ

Повсеместное распространение компьютерной техники и связанных с ней информационных и телекоммуникационных технологий порождает новые направления информатизации деятельности человека практически в любой сфере общественной жизни. Очевидно, что образование не является исключением. Выпускнику вуза оказываются необходимыми умения быстро воспринимать и применять новую информацию, имеющую, к тому же, свойство быстро устаревать и терять свою актуальность.

Новая парадигма образования – «образование через всю жизнь», – приходящая на смену традиционной «образование на всю жизнь», обусловлена требованиями современного общества, которое заинтересовано в том, чтобы его граждане постоянно повышали свою квалификацию за счет профессионального самообразования, были коммуникабельными и контактными в различных социальных группах, а также самостоятельно критически мыслили, четко осознавая, где и каким образом приобретаемые ими знания могут быть получены в окружающей их действительности, принимали независимые решения и брали на себя ответственность за них. Следовательно, развитие интереса к познанию можно рассматривать как одну из важнейших задач образовательной политики высших учебных заведений. Для вуза наиболее оптимальной следует считать задачу не получение студентом специальности, а формирование в нем потребности в увеличении круга знаний.

За последние 20–30 лет компьютеры, соответствующие технологии и средства прочно вошли во все виды учебных заведений. В частности, средства информатизации применяются как в собственно подготовке студентов, так и при решении различных вопросов, связанных с организацией обучения. Наша задача – изучение проблем применения электронных технологий в обучении и создания условий для эффективного их использования непосредственно в учебном процессе и развития с их помощью познавательного интереса и активности студентов в приобретении знаний, умений, навыков.

Для именования средств, работающих на основе компьютерной и телекоммуникационной техники и применяемых непосредственно в обучении студентов, нами употреблен термин «электронные средства обучения». В общем виде электронные средства обучения можно представить в виде интеграции части средств обучения, создаваемых на электронных носителях информации и совокупности самих технических устройств, без которых данные средства не могут быть использованы в учебном процессе.

Рассмотрим некоторые аспекты данной проблемы. Живое общение студента и преподавателя «лицом к лицу», несомненно, прошло несколько этапов преобразований. Например, традиционная лекция имеет множество разновидностей: лекция с элементами деловой игры, лекция с проблемными вопросами, лекция-тренинг и др. Семинарские занятия, проводимые в виде деловых или ролевых игр, семинары-тренинги – далеко не полный перечень новшеств, которые, безусловно, способствуют повышению интереса студентов к изучаемому предмету. Однако эффективность таких аудиторных занятий усиливается применением аудиовизуальных, коммуникационных технологий (презентационных материалов, электронных учебных пособий, видеосюжетов и т.д.) [1].

Урок с применением современных электронных средств – это качественно новый тип урока, на котором преподаватель согласовывает методику изучения нового материала с методикой применения компьютерных технологий, соблюдая преемственность по отношению к традиционным педагогическим технологиям.

Не секрет, что современные студенты предпочитают использовать информационные технологии, пренебрегая печатными изданиями. Электронный вариант представления образовательной информации является удобной альтернативой традиционным бумажным учебным материалам: учебникам, пособиям, журналам и т.д.

Электронное учебное пособие представляет собой программное средство, позволяющее представить для изучения теоретический материал, организовать самостоятельную творческую ра-

боту, апробирование, тренинг и помогающее преподавателю оценить уровень знаний студентов, а также содержащее необходимую справочную информацию.

Основными преимуществами электронной формы представления учебной информации для самостоятельной работы студентов является компактность, большие выразительные возможности в представлении учебного материала (видео, звук, динамические изображения – анимация, виртуальная реальность), интерактивность, низкая стоимость. Электронное пособие обеспечивает проведение занятий различного типа, а также самостоятельное освоение студентами учебного курса. Пособие не навязывает жесткой структуры и методики изучения учебного материала.

В тех учебных дисциплинах, где образовательная информация содержит большое количество текстового материала, использование электронных носителей информации позволяет лучше структурировать учебное содержание с целью предоставления студентам альтернативных путей его изучения. Студент может выбрать путь и темп изучения материала в зависимости от имеющегося уровня знаний, сложившихся приемов работы и психологических особенностей личности. Кроме того, имеется возможность осуществления быстрого и эффективного поиска нужных сведений в огромных массивах информации.

Электронный учебник удобен для преподавателя, потому что он позволяет выносить на лекции и практические занятия материал по собственному усмотрению, возможно, меньший по объему, но наиболее существенный по содержанию, оставляя для самостоятельной работы с электронным учебником то, что оказалось вне рамок аудиторных занятий, т.е. способствует индивидуализации самостоятельной работы студентов вне аудитории. При этом электронные учебники выступают как новые интерактивные средства обучения, обладающие целым рядом дидактических достоинств, направленных на активизацию познавательной деятельности студентов. Происходит усиление мотивационных сторон учебного процесса и интенсификация обучения в целом.

Пользуясь электронным учебным комплексом, студенты могут самостоятельно организовывать усвоение материала, устанавливать свой рейтинг, экономить время для творческой работы. Деятельность преподавателя при этом не сводится к информационно-контролирующей функции.

Преподаватель становится партнером в исследовательском поиске студента, программистом, консультантом, координатором и организатором процесса приобретения знаний студентами [2].

Опыт автора показывает, что применение лицензионных электронных учебных пособий по экономическим и юридическим наукам не всегда возможно и эффективно (из-за быстрого устаревания информации), целесообразнее привлекать к процессу их создания и редактирования студентов. Это способствует раскрытию их творческого потенциала, усилению интереса к предмету, активизации познавательной деятельности.

Практический опыт преподавания в высших учебных заведениях убеждает нас в том, что, независимо от формы обучения (очная, заочная, экстернат), студенты проявляют наибольшую заинтересованность, когда задания для самостоятельной работы связаны с практикой их будущей специальности и носят индивидуальный характер. Электронные учебные средства позволяют осуществлять дифференцированный подход при управлении самостоятельной деятельностью студентов. С этой целью индивидуальные задания необходимо составлять с учетом личностных возможностей студентов. Для студентов с высоким уровнем обучаемости следует предлагать задания повышенной сложности, творческого характера. Студентам со средним уровнем обучаемости следует предлагать задания базового уровня в соответствии с требованиями стандарта и задания повышенного уровня с приложением образцов решения аналогичных задач, а для студентов с низким уровнем обучаемости преподаватель должен разработать инструкции, алгоритмы для решения заданий базового уровня, либо давать необходимые консультации по ходу выполнения.

Для изучения нового материала, повторения ранее пройденного или обобщения и систематизации знаний перспективно использовать сопровождение тем и разделов программы мультимедийными компьютерными презентациями, каждый слайд которых представляет собой либо фрагмент теоретического материала темы, наглядно и красочно оформленный, либо подробное решение задачи, фотографии, музыкальные фрагменты, дикторский текст, видеоматериалы, компьютерную анимацию. Все это позволяет сделать преподавание содержательнее, интереснее, эмоциональнее, нагляднее и повысить мотивацию студентов к изучению дисциплины.

Таким образом, использование электронных средств обучения способствует усилению мотивации учения, индивидуализации процесса обучения, предоставлению студентам возможности самостоятельного выбора режима учебной деятельности. Электронные средства обучения обеспечивают условия для профессионального саморазвития, самореализации студентов и являются средствами для осуществления индивидуально-ориентированного обучения. Они становятся незаменимым элементом процесса обучения в том случае, когда используются в тесной связи с остальными компонентами этого процесса. Их подбор зависит не только от материальной осна-

щенности учебного заведения, но и от целей занятия, применяемых методов и форм обучения, возраста и познавательных способностей студентов, а также от характерных особенностей отдельных учебных предметов.

Библиографический список

1. Лызлов А.В. Организация уроков с использованием презентаций // Вопросы интернет-образования. – 2006. – №26.
2. Коджаспирова Г.М., Петров К.В. Технические средства обучения и методика их использования: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2002. – 256 с.

Л.М. Бочкова

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КГУ ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА

В высшем профессиональном физкультурном образовании, как и в целом в системе российского образования, происходят сложные процессы. Профессиональная подготовка специалиста по физической культуре и спорту сегодня должна быть основана на современных инновационных технологиях, которые способствуют повышению качества образования специалиста.

В широком смысле качество высшего профессионального физкультурного образования необходимо понимать как сбалансированное соответствие высшего образования (как результата, как процесса, как образовательной системы) многообразным потребностям, целям, требованиям, нормам (стандартам), условиям.

Модернизация физкультурного образования обусловлена необходимостью преодоления проблемной ситуации, в которой ярко проявляются два противоречия:

– между качеством подготовки специалистов и требованиями социальной практики по реализации уже созданных ценностей физической культуры и спорта и необходимостью создания новых образцов физкультурно-спортивной деятельности;

– между информационно-продуктивным (пассивным) характером обучения, который доминирует в физкультурных вузах, и подготовкой будущего педагога по физической культуре, способ-

ного к творческому осмыслению профессиональной деятельности, имеющего навыки освоения и развития инновационных процессов, как в физическом воспитании, так и в спорте [3, с. 47].

Основная идея модернизации процесса профессиональной подготовки специалистов по физической культуре и спорту состоит в том, чтобы *как минимум* создать условия, позволяющие студентам в учебно-воспитательном процессе вуза развивать креативное мышление, творчески осмысливать и осваивать инновационные технологии физического воспитания, и *как максимум* – создать жизнеспособную, развивающуюся педагогическую систему, основанную на инновационных технологиях научно-педагогического образования, которая позволит достигнуть современного качества подготовки специалиста нового типа, обладающего знаниями и навыками педагога-ученого [4, с. 30–31].

Для того чтобы сохранить (или возродить) популярность факультетов физической культуры, необходимо задуматься о расширении профиля специалистов, предоставлении им перспектив будущей деятельности. Современные социально-экономические условия, тенденции развития сферы физической культуры и спорта, особенности профессиональной деятельности представителей данной профессиональной области обеспечивают достаточно благоприятные условия для повы-

шения конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту по данному показателю. У выпускников физкультурно-спортивных вузов область применения сил и возможностей сегодня значительно расширилась.

В соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по специальности: «050720.65 (033100) Физическая культура», квалификация «Педагог по физической культуре» предполагает для выпускников возможность работы как в образовательных учреждениях (учителем физической культуры, тренером-преподавателем), так и в иных физкультурно-спортивных организациях (организационно-управленческие должности в спортивных клубах, профессиональных спортивных командах, Федерациях, Комитетах и т.д.).

Для того чтобы, построить оптимальную стратегию профессионального роста будущего специалиста необходимо начинать работу с момента прихода абитуриента в вуз. Руководством и преподавателями факультета физической культуры КГУ им. Н.А. Некрасова найден оптимальный вариант профориентационной работы со старшеклассниками из всех районов области, когда они проходят в десятидневные сборы на базе загородного туристического центра, оснащенного 25-метровым бассейном и спортзалом. После окончания сборов по результатам анкетирования более 70% участников сборов приняли решение поступать на факультет физической культуры.

Программами по «физической культуре» предусмотрено довольно большой по объему вариативный компонент, что позволяет педагогам самостоятельно проектировать содержание и процессуальную сторону физического воспитания, учитывая индивидуальные особенности учащихся, ресурсное обеспечение образовательного учреждения, традиции развития физической культуры в регионе. Но отсутствие у педагогов-практиков, долгие годы работающих по строгим инструкциям и планам, опыта самостоятельного построения вариативного человекоцентрированного физического воспитания приводит к серьезным трудностям и нередко к искажению идеи гуманизации всего процесса. Появляющиеся все чаще интересные методики здоровьесбережения просто некому внедрить в жизнь, ибо они заложены в учебные программы педагогических специальностей.

В России здоровому образу жизни связанному с физической активностью, посвящают себя

только 6–8% населения. Как ни в одной другой стране сильны предрассудки, связанные с тем, что занимающиеся спортом люди являются либо умственно неполноценными, или бездельниками. Поэтому, если подходить к работе со студентами факультета физической культуры традиционно, то окажется, что они работают только для этих самых 6–8% населения, а более 90% работу или игнорируют или принимают в штыки. Работать с таким коэффициентом полезного действия нерационально. Поэтому концептуально задача – овладевать общечеловеческими ценностями, популярными в сфере детей и молодежи, чтобы разговаривать с представителями подрастающего поколения на одном языке.

Перед факультетом физической культуры КГУ им. Н.А. Некрасова, была поставлена цель заменить ушедших из школ пионервожатых и воспитывать детей не на базе идеологии, а на базе здорового образа жизни, ибо воспитание проходит не во время учебных занятий, а в неформальной обстановке. Педагог по физической культуре имеет для этого самые большие резервы – это секционные занятия, соревнования, турпоходы, спортивные праздники и т.д. Но для этого сначала необходимо подготовить самого педагога. В Костромской области около 80% школ – малочисленные, коллектив работников ограничен, поэтому наш выпускник должен обладать и навыками организатора, ибо рациональное проведение свободного времени – показатель культуры человека и общества в целом.

Для этого на факультете в учебный план были введены следующие курсы в рамках дисциплин специализаций и дисциплин по выбору:

- организация праздников в дошкольных учреждениях;
- организация физкультурно-массовой работы в загородных лагерях;
- туристско-экскурсионная работа;
- практикум по организации деятельности руководителей плавания и руководителей спортивной работы в детских загородных лагерях.

Вид профессиональной деятельности выпускника специальности «Физическая культура» также носит оздоровительный и реабилитационно-лечебный характер. Сложность формирования содержательного компонента заключается в том, что решение специфических задач адаптивной физкультуры требует по существу приобретения новых знаний на основе комплекса достижений

из области физической культуры, медицины, психологии и коррекционной педагогики (С.П. Евсеев, 2002). Все эти дисциплины предусмотрены государственным образовательным стандартом по специальности 050720.65 (033100) «Физическая культура», но для того, чтобы объединить теоретико-методическую часть этих дисциплин и апробировать их на практике был разработан факультатив: Теория и методика преподавания адаптивной физ. культуры.

Модель специалиста и технология его подготовки должна учитывать региональные особенности, что должно найти свое отражение во всех видах и формах работы наиболее востребованных специализаций. Поэтому практика студентов проводится в специальных лечебно-профилактических учреждениях, санаториях, в спец. интернатах для детей с ограниченными возможностями.

Массовая практика физического воспитания, как и прежде, ориентированна на достижение нормативного уровня физических кондиций студентов, в ущерб формированию духовно-ценностного сознания и творческого стиля мышления молодых людей, предполагающих целостное видение мира и самоопределение в нем.

Главным критерием здесь может являться не только функциональная подготовка, но и эмоциональной окраски занятий по физической культуре посредством спортивных игр, подвижных игр, выполнение различных физических упражнений под музыкальное сопровождение. Умение провести спортивный праздник немаловажная задача для выпускника факультета физической культуры.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы. На факультете осуществляется концепция гармоничного сочетания физкультурно-спортивной и научно-методической деятельности в системе физкультурно-педагогического образования по следующим направлениям:

- научно-методическое и теоретическое обеспечение физкультурно-оздоровительной деятельности, спортивно-массовой работы;

- внедряется в практику разрабатываемая на ФФК здоровьесберегающая технология в образовании.

Руководствуясь стремлением общества выйти на качественно новый уровень духовного, творческого развития специалиста, руководство факультета стремится создать такие условия, где студенту были бы предоставлены возможности развивать и раскрывать личностный творческий

потенциал. Для этого на факультете поддерживается и развивается среда, стимулирующая творческую деятельность через:

- стимулирование творчества студентов ФФК как условия повышения эффективности подготовки выпускника по специальности «Физическая культура»;

- создание условий для творческих групп студентов, преподавателей и выпускников факультета;

- оказание помощи студентам в изучении, исследовании различных технологий и форм проведения физкультурно-массовых и оздоровительных мероприятий, новых видов спорта;

- участие в вузовских, городских, всероссийских и международных соревнованиях, физкультурно-массовых мероприятиях.

Таким образом, критерий качества образования – «развитие творческой готовности выпускников к продуктивному решению предстоящих задач», обеспечивается научно-исследовательской деятельностью преподавателей и студентов современной высшей школы, как в стенах самой высшей школы, так и в собственной профессиональной деятельности [2, с. 73].

Библиографический список

1. Железняк Ю.Д. Подготовка специалистов по физической культуре и спорту в системе педагогического образования // Теория и практика физической культуры. – 2002. – №5. – С. 47–53.
2. Кузьмина Н.В., Варфоломеева Л.К. Акмеологическая теория качества образования: Теории и технологии качества образования в XXI веке: акмеологические и психолого-педагогические аспекты. Материалы международного симпозиума, Кострома, 18–19 марта, 2004 г. / Отв. ред. Н.В. Кузьмина, Н.П. Фетискин. – М.; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. – Т. 2. – 198 с.
3. Лубышева Л.И., Магин В.А. Концепция модернизации процесса профессиональной подготовки специалистов по физической культуре и спорту (авторский проект) // Теория и практика физической культуры. – 2003. – №12. – С. 47–53.
4. Магин В.А. Стратегия системы высшего физкультурного профессионального образования: Проблемы физического воспитания, спортивной тренировки и профессиональной подготовки специалистов по физической культуре и спорту. Сборник научных трудов // Материалы международной научно-практической конференции. – Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2003. – 202 с.

АДАПТИВНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА ФАКУЛЬТЕТЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КГУ ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА

Система подготовки специалиста по физической культуре, его модель часто страдает «клише» спортсмена, физкультурника, несущего не общемировоззренческую направленность, а прикладную, репродуктивно-механическую. На современном этапе развития высшего физкультурного образования возникла необходимость в подготовке специалистов по физической культуре и спорту новой формации, и все предпосылки этого имеются.

Особое место в процессе педагогической подготовки учителя занимает изучение педагогических дисциплин, основанное на оптимизации внутри- и межпредметных связей. Ведущими методологическими подходами при отборе содержания, форм и методов изучения педагогических дисциплин являются личностно-ориентированные, личностно-значимые (спекурсы, специализация, специальность), одновременно удовлетворяющие социальный заказ на специалистов определенного профиля.

В последнее время вузы России, учитывая потребности общества, открывают новые специальности и специализации. Открытие новой специальности не самоцель, а часть программы стратегии преобразования, направленной на усиление влияния физической культуры и спорта на различные сферы образования, на решение задач по формированию здорового образа жизни населения.

Совсем недавно в России инвалиды относились к числу людей, выключенных из нормальной жизни общества. Их проблемы не было принято обсуждать публично. Практика градостроительства не предусматривала в общественных местах специальных приспособлений, облегчающих для инвалидов передвижения. Многие сферы общественной деятельности закрыты для инвалидов.

Долгие годы у нас бытовало мнение, что понятие «инвалид», «физическая активность», а тем более «спорт» несовместимы, и средства физической культуры рекомендовались только отдельным инвалидам как кратковременное мероприятие, дополняющее физиотерапевтические и медикаментозное назначение. Физическая культура и спорт не рассматривались как эффективное

средство реабилитации инвалидов, поддержания их физических возможностей и укрепление здоровья. Одной из причин этого было отсутствие профессиональных организаторов, инструкторов и тренеров со специальной подготовкой.

С 2002 года факультет физической культуры начал сотрудничество с Костромским областным спортивно-оздоровительным клубом инвалидов «Надежда», возглавляемым П.К. Зайфиди. Первая практика в подразделениях клуба показала, что не все студенты понимали важность и значимость своей работы. Мешало также отсутствие методических разработок, специальной литературы (эта проблема разрабатывается в России менее 10 лет). Но искренняя поддержка работников интернатов различного профиля, говорящих о том, что они уже в возрасте и желающих иметь своих преемников на рабочем месте, открытость и отзывчивость детей, видящих постоянно ограниченный круг людей, сделали свое дело. Из тех студентов, которые были приглашены на практику повторно, сложился костяк актива, глубоко понимающий специфику работы и чувствующий удовлетворение ее результатами. Сейчас стабильно работают в структурах СОК «Надежда» 6 выпускников факультета. Особенно хотелось бы выделить В. Горячева, работающего в интернате слепых и слабовидящих детей. Надо затаив дыхание следить за тем, как его воспитанники играют в... футбол, ориентируясь только по звуку мяча, в котором размещен колокольчик, ползая по залу на коленях в специальных защитных щитках.

В 2005 году координацию работы факультета физической культуры и СОК «Надежда» было поручено возглавить Н.Ю. Матвеевой, кандидату экономических наук, доценту кафедры теории основ физического воспитания. Особенно приятно, что, находясь на курсах повышения квалификации в Санкт-Петербурге, она нашла возможность провести встречу с основателем адаптивной физической культуры в России, доктором педагогических наук, профессором С.П. Евсеевым.

«Ура! Семь медалей за Кострому!» Эти кадры видела вся Россия в программе «Время» на 1 канале ОРТ. Это прокричал в камеру ученик школы № 3 города Костромы Сергей Масленни-

ков, завоевавший на Параолимпийских играх в Пекине в 2007 году 6 золотых и 1 серебряную медаль по спортивной гимнастике. А всего наша делегация завоевала 35 медалей в 7 видах спорта. Выпускница ФФК И. Аршинова представляла на этих играх тренерский состав региональной организации.

Правильность наших действий подтверждает новый закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» вступающий в силу 30 марта 2008 года, где в статье 31.6 говорится: «Федеральный орган исполнительной власти в области Физической культуры и спорта, орган исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления совместно с общественными объединениями инвалидов способствуют интеграции инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в систему физической культуры, физического воспитания и спорта посредством физкультурно-спортивных организаций».

Благодаря эффективной работе СОК «Надежда» нашему региону в числе четырех в России выделили грант 4 млн. евро для работы по реабилитации инвалидов средствами физической культуры и спорта. Комитет по социальной защите Костромской области, безусловно, заинтересован в притоке квалифицированных кадров, ибо в ближайших планах открытие спортивной школы олимпийского резерва. Остается добавить, что в нашем регионе по официальным данным количество инвалидов составляет 7,5%. В России в настоящее время семь миллионов человек официально зарегистрированы как инвалиды первой, второй и третьей группы. А если учесть больных, находящихся на диспансерном учете, временно нетрудоспособных в результате травм и заболеваний, детей-инвалидов и лиц, не оформивших инвалидность, тогда их общее количество будет насчитывать до 20 миллионов человек.

Т.Л. Стёпина

ДОМАШНЕЕ КОНТРОЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ УСИЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗОВ

Изучение любой темы курса математики должно способствовать не только выработке профессионально важных умений и навыков, но и формированию профессионально значимых черт и качеств личности таких, как целеустремлённость, активность и самостоятельность мышления, умения анализировать обстановку, вырабатывать оптимальный вариант действия и видеть последствия принимаемых решений. Для этого изучение любой темы должно быть профессионально ориентированным не зависимо от того, сколько часов отводится на её изучение.

Существенно усилить мотивацию и профессиональную направленность изучения тем на рассмотрение, которых отводят мало или относительно мало часов может выдача домашнего контрольного задания по теме, если выполняются следующие условия:

— домашнее контрольное задание формируется из профессионально ориентированных задач, решение которых предполагает знание всего изученного материала темы и способствует развитию и закреплению навыков математического моделирования экономико-управленческих ситу-

аций, навыков принятия взвешенных обоснованных решений и формированию профессионально значимых черт и качеств личности;

— домашнее контрольное задание по теме выдаётся непосредственно перед началом изучения темы, поскольку это стимулирует познавательную деятельность обучаемых и создаёт видение перспектив изучения темы;

— решение каждой отдельной задачи для выработки гибкости и вариативности мышления, необходимых специалистам экономического профиля, если это допускает изучаемый учебный материал, оценивается как с позиции правильности полученного результата, так и с позиции оптимальности выбранного способа решения и рациональности выполняемых в ходе решения действий, при этом, критерии оценки связанные со спецификой содержания и формой постановки задачи могут приводиться для каждой задачи отдельно.

Для облегчения проверки домашнего контрольного задания профессионально ориентированные задачи можно ставить в виде «шаблона», подбирая данные для необходимого количества вариантов.

Так по теме «Элементы теории игр» в домашнее контрольное задание мы предлагаем включить четыре профессионально ориентированные задачи, сформулированные в виде «шаблона». Приведём эти задачи, не упоминая о конкретных данных, и покажем, почему они были включены в домашнее контрольное задание.

Задача 1. Две отрасли могут осуществлять капиталовложения в четыре объекта, при этом i -ая стратегия отрасли состоит в финансировании i -го объекта ($i=1, 2, 3, 4$). В этой ситуации величина прибыли для первой отрасли считается величиной убытка для второй отрасли, следовательно, мы можем рассмотреть ситуацию, как матричную игру с нулевой суммой. Учитывая особенности вкладов и местные условия, прибыли первой отрасли выражаются матрицей

$$A = \begin{pmatrix} a_{11} & a_{12} & a_{13} & a_{14} \\ a_{21} & a_{22} & a_{23} & a_{24} \\ a_{31} & a_{32} & a_{33} & a_{34} \\ a_{41} & a_{42} & a_{43} & a_{44} \end{pmatrix}.$$

Найдите оптимальные доли капиталовложений отраслей по объектам, решив задачу:

- сведением к задаче линейного программирования;
- методом итераций.

Задача 2. Предприятие выпускает два вида скоропортящихся продуктов P_1 и P_2 . Перед руководством стоит задача: Определить ежедневный объём производства каждого вида продукции с целью получения наибольшей прибыли. Для этого были проведены исследования, которые показали следующее:

- себестоимость единицы продукции P_1 равна m_1 д.е., а отпускная цена m_2 д.е.;
- себестоимость единицы продукции P_2 равна n_1 д.е., а отпускная цена n_2 д.е.

Если продукция не реализуется в день выпуска, то её качества значительно снижаются, и она продаётся полностью на следующий день по цене в четыре раза меньше отпускной.

Реализация продукции зависит от состояния погоды – в хорошую погоду реализуется d_1 единиц продукции P_1 и d_2 единиц продукции P_2 ; в плохую погоду реализуется k_1 единиц продукции P_1 и k_2 единиц продукции P_2 . На реализацию всей продукции произведённой за день расходуется b д.е.

Задача 3. Магазин «Молоко» продает в розницу молочные продукты. Директор магазина должен определить, сколько бидонов сметаны

следует закупить у производителя для торговли в течение недели. Вероятности того, что спрос на сметану в течение недели будет p_1 , p_2 , p_3 или p_4 бидонов равны соответственно p_1 , p_2 , p_3 и p_4 . Покупка одного бидона сметаны обходится магазину в k д.е., а продается сметана по цене m д.е. за бидон. Если сметана не продается в течение недели, она портится и магазин несет убытки. Сколько бидонов сметаны желательно приобретать для продажи? Какова ожидаемая стоимостная ценность этого решения?

Задача 4. Фирма, производящая вычислительную технику, провела анализ рынка нового высокопроизводительного персонального компьютера. Если будет выпущена крупная партия компьютеров, то при благоприятном рынке прибыль составит b_1 тыс. д.е., а при неблагоприятных условиях фирма понесет убытки в b_2 тыс. д.е. Небольшая партия техники в случае благоприятного рынка принесет фирме k_1 тыс. д.е. прибыли и k_2 тыс. д.е. убытков – при неблагоприятных внешних условиях. Возможность благоприятного и неблагоприятного исходов фирма оценивает одинаково. Исследование рынка, проводимое экспертом, обходится фирме в f тыс. д.е. Эксперт считает, что с вероятностью d рынок окажется благоприятным. В то же время при положительном заключении благоприятные условия ожидаются лишь с вероятностью m . При отрицательном заключении с вероятностью n рынок также может оказаться благоприятным. Используйте дерево решений, для того чтобы помочь фирме выбрать правильную технико-экономическую стратегию. Ответьте на следующие вопросы:

- Следует ли заказывать эксперту дополнительное обследование рынка?
- Какую максимальную сумму фирма может выплатить эксперту за проделанную работу?
- Какова ожидаемая денежная оценка наилучшего решения?

Задача 1 позволяет усилить мотивацию изучения матричных игр с нулевой суммой и методов их решения, так как уже в условии задачи говорится о матричных играх с нулевой суммой. Решение задачи двумя способами позволяет развивать у обучаемых навыки самоконтроля и критичность мышления, а вопрос указанной задачи позволяет не забыть интерпретировать полученные результаты.

Задачи 2 и 3 призваны не только закрепить учебный материал по теме «Игры с природой»,

но и позволяют развивать умения анализировать обстановку и выделять основные взаимосвязи между компонентами условия, а также навыки перевода положений данных в условия и их взаимосвязей на математический язык. Помимо этого задача 2 описываемая моделью «игры с природой» в условиях полной неопределённости способствует развитию критичности мышления.

Задача 4 развивает умение видеть главное и второстепенное в проблеме и позволяет формировать такие качества ориентированные на экономическую деятельность как объективность и последовательность.

Таким образом, при решении задач указанного домашнего контрольного задания развиваются навыки математического моделирования реальных ситуаций, закрепляется учебный материал, развиваются умения обдумывать каж-

дый свой шаг и видеть последствия принимаемых решений (их пользу и вред), формируются объективность, последовательность, самостоятельность и критичность мышления. Всё перечисленное и является условием качественной подготовки специалистов экономической сферы деятельности.

Библиографический список

1. Дубров А.М., Лагоша Б.А., Хрусталёв Е.Ю., Барановская Т.П. Моделирование рискованных ситуаций в экономике и бизнесе. – М.: Финансы и кредит, 2001. – 223 с.
2. Крушевский А.В. Теория игр: Учебное пособие. – Киев: Вища школа, 1977. – 215 с.
3. Монахов А.В. Математические методы анализа экономики. Краткий курс. Учебное пособие. – СПб.; М.; Харьков; Минск, 2002. – 176 с.

Л.Г. Чекмарёва

ОБ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ВУЗОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Прошло более пятнадцати лет, как российская издательская промышленность вступила в рыночную экономику. Это был этап становления книгоиздательской системы в условиях трансформации общества.

В настоящее время книгоиздательский комплекс характеризуется рядом специфических особенностей, которые определяют его функционирование: короткий издательский цикл, включающий взаимоотношения «производитель-потребитель»; концентрация универсальных издательств в крупных городах. В сложившихся условиях важную роль приобретает *вузовская издательская деятельность*, позволяющая обеспечить потребителей, и в первую очередь студентов, необходимой профессиональной литературой.

Ситуация в книгоиздательской вузовской деятельности, характеризуется неразвитостью маркетинговых исследований, высокой себестоимостью книжной продукции, что определяет необходимость совершенствования книгоиздательской деятельности, в первую очередь, развития маркетинговой среды.

Данные проблемы актуализируют поиск инструментов, форм и методов повышения эффективности стратегического управления книгоизда-

тельской деятельностью вуза и обосновывают необходимость использования в сбытовой деятельности вуза концепции маркетинг-микс, позволяющей занять вузовскому издательству определенную рыночную нишу в регионе.

Конкурентные преимущества вузовского издательства обосновываются тем, что вузовское книгоиздание находится близко к потребителям – студентам и преподавателям, позволяет учитывать их непосредственные (профессиональные) интересы и наиболее быстро реализовывать издания.

Применение маркетинговых инструментов в книгоиздании представляет собой модель взаимодействия интересов и отношений субъектов книгоиздательской деятельности: производителей и потребителей. Развитие методических основ управления сбытом вузовского издательства предполагает исследование профессиональных сегментов книгоиздательского рынка; составление стратегических прогнозов изменения состояния книгоиздательского рынка, позволяющие занять определенную рыночную нишу в регионе.

Разработка концепции маркетинг-микс включает формирование продуктовой, ценовой, сбытовой и коммуникационной политик, позволяю-

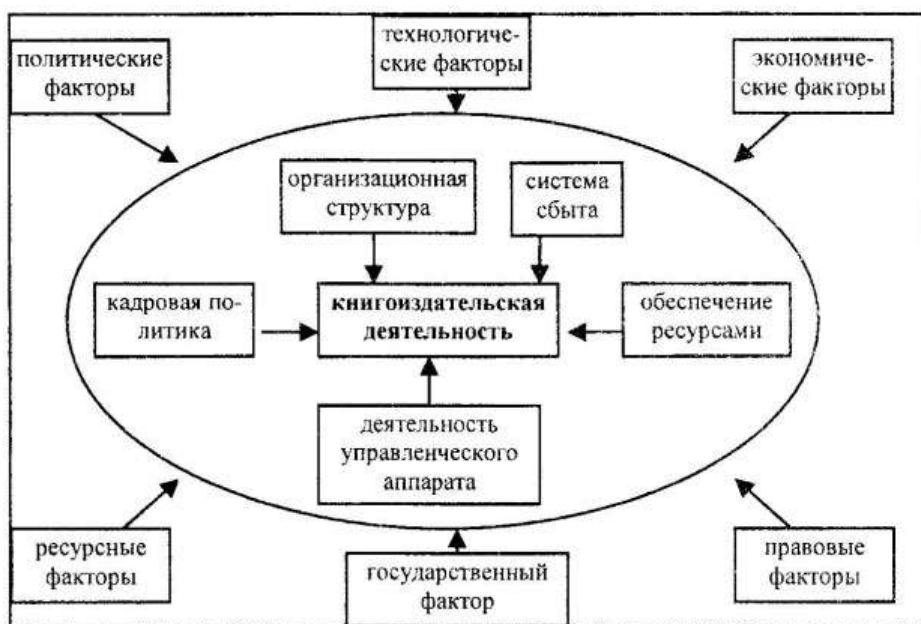

Рис. 1. Система управления книгоиздательским комплексом

щей вузовскому издательству воздействовать на целевой региональный рынок.

Книгоиздательский комплекс представляет собой вид производственной деятельности, обладающий особенностями, которые проявляются в том, что производителем книжной продукции является автор того или иного произведения, а книгоиздание представляет собой специфическое средство труда, применяющее особые, присущие лишь этой области деятельности методы и способы.

С точки зрения управления, книгоиздательский комплекс можно рассматривать как систему, состоящую из взаимосвязанных частей и имеющую как внутреннюю, так и внешнюю среду (рис. 1).

Во многих странах существуют специфические условия функционирования вузовского издательского комплекса: льготы по налогам, особые почтовые и транспортные тарифы, государственные издательские программы, определение приоритетов, обеспечивающих решение наиболее острых социальных проблем.

Сохранение научного и интеллектуального потенциала России требует разработки единой модели вузовского книгоиздания и книгораспространения. Совмещение социокультурной направленности с экономической эффективностью вузовского книгоиздания и книгораспространения вполне естественно, так как следует учитывать огром-

ные расстояния России не только между центром и регионами, но и между самими регионами.

Кризисные тенденции в вузовском книгоиздании требуют выработки специального социально ориентированного режима, который, в сочетании с федеральными программами, может обеспечить выпуск социально значимой для студентов и преподавателей литературы и ее доведение до заинтересованных категорий читателей по доступным ценам.

Книгоиздание — это совокупность процессов, направленных на приспособление авторского текста к нуждам читателя, а также само производство книги. Книгоиздание развивается и совершенствуется, опираясь на анализ и обобщение опыта, учитывая условия конкретной социальной, экономической и политической обстановки, научно-технические достижения и материальные возможности.

К факторам социально-экономической среды, которые определяют особенности издательского процесса в вузе следует отнести значительное снижение покупательской способности и жизненного уровня преподавателей и студентов и резкое увеличение стоимости книг, повлекшее за собой сокращение доли вузовского бюджета, выделяемого на издательскую деятельность.

Проблемы, возникшие в сфере книгоиздания и книготорговли, предопределили необходимость разработки научно-практического подхода к орга-

Таблица 1

Издательская деятельность КГУ им. Н.А. Некрасова

Вид продукции	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
1. Монографии	34	52	44	39	42	38
2. Учебники, учебные пособия, учебно-методические пособия и рекомендации	21	19	14	21	16	29
3. Учебные программы, практикумы и программы курсов	116	240	583	166	194	294
4. Авторефераты	54	33	85	50	22	49
5. Материалы конференций	21	18	28	24	19	38
6. Периодические издания	16	16	26	57	28	28

низации книгоиздательской деятельности в вузе на комплексной методологической основе. Опишем её суть.

В современном книгоиздании редакционно-издательский процесс делится на четыре этапа:

– подготовительный – от составления тематического плана, горизонтальной сети отношений, бизнес-плана до предоставления авторского оригинала в издательство (РИО);

– редакционный – от получения редактором издательства (РИО) авторского оригинала и до сдачи редакционно-издательского оригинала (редакционного оригинал-макета) в производство;

– производственный – от сдачи редакционно-издательского оригинала в производство и до выхода издания (книги) в свет;

– заключительный – распространение, дистрибуция, продажа и пропаганда книжной продукции.

Однако, с позиций комплексного подхода, большое значение имеет сбытовая деятельность, которую целесообразно выделить в отдельный этап.

Это объясняется тем, что вузовское книгоиздание: во-первых, находится близко к потребителям – студентам и преподавателям; во-вторых, позволяет учитывать их непосредственные интересы; в-третьих, позволяет наиболее быстро реализовывать издания.

Ни в одном регионе, даже самом благополучном с точки зрения книгоиздания, не выпускается весь спектр литературы, необходимой для экономики, образования, культуры, науки – то есть, социально значимой с позиции региона.

В КГУ им. Н.А. Некрасова издательская деятельность характеризуется следующими особенностями (см. табл. 1).

Основные показатели издательской деятельности КГУ им. Н.А. Некрасова отражены в таблице 2.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о возможности совершенствования издательской деятельности в КГУ, что обосновывает необходимость поиска стратегии управления издательской деятельностью в современных условиях хозяйствования.

Особо отметим, что перенесение традиционных методов управления и маркетинга в вузовское книгоиздание ограничено рядом факторов:

– как правило, вузовское издательство (РИО) является структурным подразделением высшего учебного заведения, т.е. не является юридическим лицом;

– в ассортименте вузовского издательства присутствует значительная доля «бесплатных» материалов, обеспечивающих учебный процесс;

– реализация собственной продукции сужается рамками локального рынка (до 80% и, как правило, в стенах вуза);

– малочисленность коллектива вузовского издательства (РИО) ограничивает возможности расширения ассортимента выпускаемой литературы и увеличения тиражей;

– вузовское издательство вынуждено отдавать предпочтение авторам своего вуза и книгам по определенной тематике.

Обратимся к вузовскому издательскому комплексу, так как он является основополагающим в

Таблица 2

Объем издательской продукции Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Количество наименований печатной продукции, шт.	262	378	780	357	321	476
Общий объем продукции, уч.-изд. лист	2714	4011	5362	8113	7069	5099

Таблица 3

Сравнение невузовских и вузовских издательств по ряду признаков

	Вид издательства	
	Невузовское	Вузовское
Численность работников, чел.	От 30–50 до 300 и более	От 2 до 7
Структура	Иерархическая	Простая
Выполнение функций	Разделение и специализация	Совмещение функций и ролей
Цикл издательского процесса	Относительно удлиненный	Относительно короткий
Преобладающий тип потребителей	Разнообразный	Студенты, аспиранты, преподаватели, слушатели
Степень свободы в выборе тематик и названий изданий	Большая	Меньшая

региональном книгоиздании. В таблице 3 представлены основные параметры, по которым проведено сопоставление невузовских и вузовских издательств.

Именно эти параметры определяют специфику сбытовой деятельности книгоиздания в вузе.

Как показывают данные таблицы, вузовские издательства представляют собой небольшие коллективы или группы. Их структура достаточно проста, в каждой должности возможны совмещения различных профессий. Цикл издательского процесса (в целом) относительно небольшой. Среди покупателей учебной литературы вузовских издательств (потребителей продукции) преобладают студенты, аспиранты, слушатели и преподаватели. Их потребности и определяют, собственно, тематику книг и, в конечном счете, свободу ее выбора, по сравнению с невузовскими издательствами.

На рисунке 2. приведено схематичное представление основных инструментов маркетинга. Эффективность их применения зависит от количества разновидностей, формы и своевременности использования в практике издательства, а также от того, и какой последовательности или в каком сочетании их применяют для решения основных задач.

Особое значение в редакционно-издательской деятельности вуза имеют договоры авторского заказа. Достаточно часто возникают ситуации, когда, например, научным руководителем, ставится задача собрать материал, провести определенную работу и на основании всех полученных результатов написать научную статью. В большинстве случаев эта работа выполняется в рамках исполнения трудового договора, т.е. является прямой обязанностью сотрудника (или в рамках учебного плана студента/аспиранта). Но возмож-

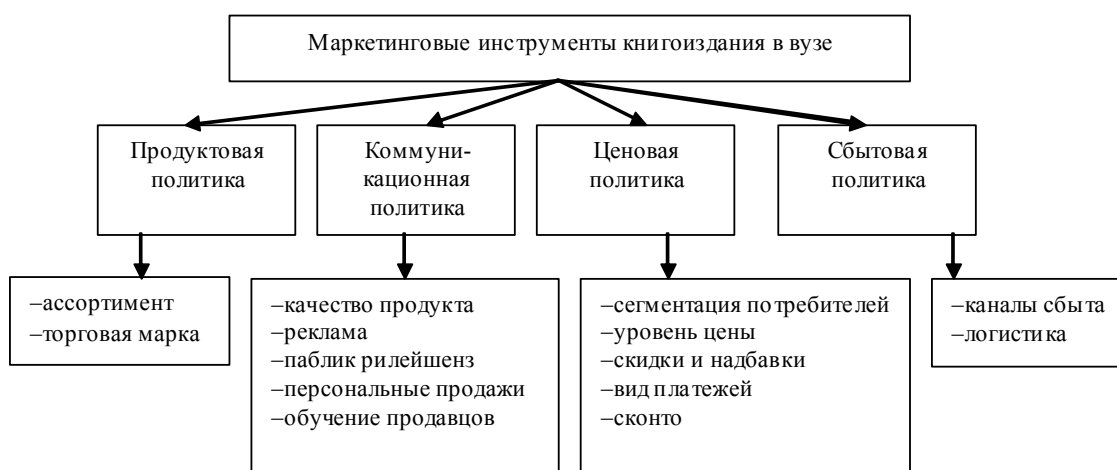

Рис. 2. Инструменты книгоиздательского маркетинга
(схема разработана на основе исследований Л.Ф. Никулина и А.Ю. Егорова)

на и иная ситуация, когда создание такого материала не входит в круг обязанностей работника (например, материал планируется подготовить не по профильной специализации или же сам эксперимент выходит за границы плана работы сотрудника/студента). Или же материал изначально заказан каким-то специализированным научным журналом, и его подготовка идет в соответствии с заранее согласованным заданием редакции. Во всех этих случаях основанием для регулирования взаимодействия сторон (автора-исполнителя и заказчика) будет являться договор авторского заказа (действующая до 1 января 2008 г. нормативная база использует термин «авторский договор заказа»).

Действующий на сегодняшний день Закон РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» (с изм. и доп. от 19 июля 1995 г., 20 июля 2004 г.) закрепляет обязанность автора создать произведение и передать его заказчику. В самом тексте статьи нет указания на передачу прав на созданное произведение. Обязанность передачи исключительных прав на созданное по заказу произведение упоминается в комментариях к закону. Новая 4 часть ГК РФ установила более корректное и четкое определение взаимодействия сторон при создании заказного произведения, а именно:

1) автор обязан создать обусловленное договором произведение;

2) договором может быть предусмотрена передача исключительных прав или предоставление права использования в установленных пределах.

Вторым нововведением является закрепление срока исполнения договора как его существенного условия. Действующая практика делает акцент на то, что заказное произведение должно быть предельно четко охарактеризовано в договоре. Помимо этого с 1 января 2008 г. договор, который не предусматривает и не позволяет определить срок его исполнения, будет считаться незаключенным. При этом если в силу уважительных причин автор не сможет завершить в срок исполнение договора, ему для завершения создания произведения будет предоставляться дополнительный, так называемый льготный срок продолжительностью в одну четвертую часть срока, изначально установленного договором.

Что касается пределов ответственности автора за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора авторского заказа, то общий размер выплат, как и в текущий момент, ограничен

суммой реального ущерба, причиненного заказчику. То есть автор обязан будет возратить внесенный аванс и уплатить неустойку, если она предусмотрена договором.

В остальном существенных изменений по сравнению со старой редакцией нормативной базы в плане регулирования процесса создания произведения на заказ нет. В каждом конкретном случае в зависимости от договоренностей сторон в договоре закрепляются критерии создаваемого произведения, порядок его сдачи-приемки, размер и условия выплаты вознаграждения, пределы и способы использования произведения каждой из сторон, ответственность сторон и пр.

Хотелось бы обратить внимание на ряд моментов, которые, на первый взгляд, не являются значимыми, но при формальном подходе к ним в договоре они могут спровоцировать споры сторон.

Первое: границы участия заказчика в формировании состава рабочей группы (соавторов) по созданию заказного научного произведения, вмешательство в производственный процесс, последующее самостоятельное внесение изменений в полученный результат или сопровождение пояснениями и комментариями.

Достаточно часто работники РИО не обладают необходимым уровнем знаний в той научной области, в которой осуществляется разработка, да это и не всегда требуется. Поэтому степень их вмешательства непосредственно в производственный и творческий процесс должна быть согласована с исполнителем и ограничена функциями контроля за исполнением. А возможные доработки и последующие комментарии не должны наносить вред созданному произведению как в буквальном смысле, так и репутации авторов-исполнителей. С другой стороны, «творческий» процесс должен идти с учетом установленных временных рамок, в строгом соответствии с согласованной постановкой задачи. Поэтому в договоре есть смысл закрепить процедуру взаимодействия сторон по:

а) проверке и степени контроля за ходом исполнения заказа (например, в какое время она будет проводиться или на каких этапах, каков состав проверяющих, обладают ли они соответствующими профессиональными знаниями, по каким параметрам проводится проверка, как фиксируются необходимые доработки и пр.);

б) возможность привлечения автора для последующей оценки даваемых комментариев и ответов на вопросы третьих лиц;

Второе: обязанность автора осуществлять доработки, вносить изменения или модифицировать созданное научное произведение в течение N лет с момента завершения срока действия договора.

Безусловно, на автора накладывается обязанность вносить необходимые изменения и корректировки в случае допущения несогласованных отклонений от первоначальной постановки задачи. Также в договоре может быть зафиксирована обязанность по поддержке произведения в ограниченный период его эксплуатации после сдачи заказчику. Но при этом в договоре должны быть также установлены конкретные объемы осуществляемых доработок и временные рамки. В противном случае автор может быть поставлен в кабальные условия по бессрочному и безвозмездному поддержанию работоспособности (актуальности) произведения или безвозмездному созданию нового произведения в ходе постоянных его модификаций и совершенствования.

Третье: ответственность автора за научное содержание создаваемого произведения, достоверность сведений, используемых при создании произведения и/или упоминаемых в них, избежание плагиата и пр.

Такие фразы встречаются достаточно часто в договорах. Они, безусловно, необходимы заказчику для гарантии качества конечного результата. Но, закладывая их в договор, необходимо продумать и зафиксировать также и механизм проверки исполнения этих обязательств. Ведь, чтобы получить денежную компенсацию за «некачественное научное содержание» или «недостоверные результаты», заказчику, необходимо доказать наличие данного факта. А сделать это может или эксперт в данной области, или же если в договоре четко прописана процедура проверки и критерии оценки. Что касается плагиата, то помимо закрепления в договоре ответственности автора за возможное нарушение прав третьих лиц в отношении создаваемого и/или используемого при создании объекта интеллектуальной собственности (ОИС), то в договор необходимо также включить обязанность автора указать все источники используемых материалов, реестр используемых ОИС с указанием оснований и пределов их использования.

Отметим, что на практике создание автором определенного произведения может быть реализовано как в рамках рассмотренного выше договора авторского заказа, так и в рамках договора

подряда или трудового договора (с элементами авторского договора). Каждый из этих вариантов имеет свои особенности. Но в любом случае, если конечный результат является ОИС, то любой из вышеперечисленных договоров должен отразить конкретный объем прав, передаваемых заказчику. В пределах трудового договора работника вуза может быть оговорено право сторон на ноу-хау и защита их интересов – как экономических так и секретов производства.

Научно-техническая информация в ряде случаев не подлежит разглашению или доступ к ней носит ограниченный характер. Так, информацией, составляющей коммерческую тайну, признается научно-техническая информация, которая имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, к которой нет свободного доступа на законном основании и в отношении которой обладателем такой информации введен режим коммерческой тайны. К разряду ноу-хау как одной из разновидностей коммерческой тайны относятся сведения любого характера, в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере. Исключительное право на ноу-хау принадлежит его владельцу и действует до тех пор, пока сохраняется режим конфиденциальности в отношении сведений, составляющих ноу-хау.

Исключительное право на секрет производства, созданный работником в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя (служебный секрет производства), принадлежит работодателю. При этом работник, которому стал известен секрет производства, обязан сохранять конфиденциальность полученных сведений до прекращения действия исключительного права на секрет производства.

4 часть ГК предусматривает ответственность лица за нарушение исключительного права на ноу-хау. Так лицо, которое неправомерно получило сведения, составляющие ноу-хау, и разгласило или использовало эти сведения, а также лицо, обязанное сохранять конфиденциальность секрета производства, обязано возместить убытки, причиненные нарушением исключительного права на секрет производства, если иная ответственность не предусмотрена законом или договором с этим лицом. Исключение составляют случаи, когда лицо, которое использовало секрет производства, не знало и не должно было знать о том,

что его использование незаконно, или если доступ к секрету производства был получен случайно или по ошибке.

Вообще к вопросу доступа работника к коммерческой тайне (включая ноу-хау) работодателя и его контрагентов необходимо относиться весьма серьезно. Данный вопрос должен найти свое отражение в трудовом договоре и/или соглашении о конфиденциальности, заключаемом с работником. Детальное регулирование режима доступа, применяемых технических средства и методов защиты, пределов и размеров ответственности работника поможет избежать не только судебных споров, но и обеспечит сохранность и экономическую ценность охраняемой информации, что является первостепенным. При составлении трудового договора необходимо учитывать следующие нормы действующего законодательства.

Так статья 11 Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (с изменениями от 2 февраля, 18 декабря 2006 г.) обязывает работодателя оформлять доступ работника к коммерческой информации, знакомить его с установленным режимом ее охраны и применяемым мерам ответственности за его нарушение, под расписку. При этом за работником закрепляется право обжаловать в суде незаконное установление режима коммерческой тайны в отношении информации, к которой он получил доступ. Статья 14 названного закона налагает на работника, умышленно или по неосторожности разгласившего конфиденциальную информацию, дисциплинарную ответственность, если в его действиях нет состава преступления. Согласно ГК РФ работники, разгласившие служебную или коммерческую тайну вопреки трудовому договору, обязаны возместить причиненные убытки. Статья 81 Трудового кодекса РФ допускает расторжение с работником трудового договора в одностороннем порядке по инициативе работодателя в случае разглашения им охраняемой законом тайны (государственной, коммерческой, служебной и иной), ставшей известной работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей. П. 4 ст. 10 ФЗ «О коммерческой тайне» позволяет правообладателю применять «средства и методы технической защиты конфиденциальности информации, другие, не противоречащие законодательству РФ меры», но какие именно средства допускаются, законодатель не устанавливает четко. Также названная статья обязывает обладателя ком-

мерческой информации наносить на материальные носители (документы), содержащие информацию, составляющую коммерческую тайну, гриф «Коммерческая тайна» с указанием обладателя этой информации. При этом вопросы «маркировки» машиночитаемой информации не урегулированы. Статья 243 Трудового кодекса допускает наложение на работника материальной ответственности в полном размере в случае разглашения сведений, составляющих охраняемую законом тайну (государственную, служебную, коммерческую или иную).

Все указанные выше нормы не являются полным списком требований, которые надо учесть при урегулировании вопроса взаимодействия сторон при обращении с конфиденциальной информацией. В каждом конкретном случае необходимо учитывать специфику охраноспособной информации и деятельности, в результате которой эта информация появляется, а также соответствие экономической стоимости охраняемой информации затратам на обеспечение ее охраны. Данное обстоятельство вызвано тем, что большая часть научной деятельности до недавнего времени велась в основном в рамках исполнения государственных заказов. При этом основное внимание уделялось только вопросу правовой защиты интересов государства в отношении использования результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения. Права на результаты таких работ закреплялись за государством, разработки в других направлениях не имели четкой правовой проработки и априори оставались также в собственности государства.

В последние годы начата работа по выстраиванию системы правового регулирования распределения прав между Российской Федерацией и хозяйствующими субъектами на объекты интеллектуальной собственности, созданные за счет бюджетных средств.

ГК РФ отдает приоритет в распределении прав на результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (далее – НИОКР), в том числе способных к правовой охране, договору. В соответствии со ст. 772 ГК РФ, если договором не предусмотрено иное, то заказчик имеет право использовать результаты работ, а исполнитель вправе использовать полученные им результаты работ только для собственных нужд.

4 часть ГК РФ, вступающая в силу с 1 января 2008 г., сместила акценты в закреплении прав на результаты научной деятельности, способные к правовой охране, в сторону исполнителя.

Так в соответствии со ст. 1298 ГК РФ исключительные права на произведения науки, созданные по государственному контракту, принадлежат исполнителю, если государственным контрактом не предусмотрено, что это право принадлежит РФ либо совместно исполнителю и РФ.

Если в соответствии с государственным контрактом исключительное право закрепляется за РФ, то исполнитель обязан путем заключения соответствующих договоров со своими работниками и третьими лицами приобрести все права или обеспечить их приобретение для их передачи, соответственно, РФ. Непосредственный работник, права на результат труда которого пере-

ходят к РФ, имеет право на получение соответствующего вознаграждения.

Если исключительное право принадлежит исполнителю, то он обязан по требованию государственного заказчика предоставить указанному им лицу безвозмездную простую (неисключительную) лицензию на использование соответствующего произведения науки для государственных нужд.

В случае закрепления исключительных прав совместно за исполнителем и РФ государственный заказчик вправе предоставить третьему лицу безвозмездную простую (неисключительную) лицензию на использование такого произведения науки для государственных или нужд, уведомив об этом исполнителя.

Итак, издательская вузовская деятельность является элементом создания и использования продуктов (произведений) науки и становится всё более и более институционализируемой.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Галанцева М.Л. ОПТИКА: методические рекомендации для организации самостоятельной работы студентов. – Кострома: КГУ, 2007. – 92 с. - Библиогр.: с. 71 (20 назв.). – ISBN 978-5-7591-0870-2.

Даны подробные рекомендации для самостоятельной подготовки студентов к семинарским и лабораторным занятиям по оптике в рамках курса общей физики. Приведены вопросы для самоконтроля, тренировочные и тестовые задания, а также список литературы с указанием глав, параграфов и номеров задач для изучения каждой темы. Предназначено для студентов физико-математических факультетов университетов и педагогических высших учебных заведений.

Брагина З.В. УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ: Учебное пособие: допущено УМО / З.В. Брагина, В.П. Дудяшова, З.Т. Каверина. – М.: КНОРУС, 2008. – 128 с. – Библиогр.: с. 124–125 (20 назв.). – ISBN 978-5-85971-904-4.

Содержание учебного пособия соответствует требованиям курса «Управление персоналом» Государственного образовательного стандарта по специальности «Менеджмент организации». В дисциплине «Управление персоналом» центральное место занимают проблемы эффективной организации труда управленческого персонала. В тексте стандарта дисциплины «Управление персоналом» они представлены следующими дидактическими единицами: анализ кадрового потенциала; оценка персонала; работа с кадровым резервом; планирование деловой карьеры; подбор персонала и профориентация; подготовка, переподготовка и повышение квалификации персонала; участие персонала в управлении. Даны вопросы для самоконтроля и контрольные задания. Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, а также может быть использовано специалистами служб по персоналу организаций и промышленных предприятий.

ЧТО. ГДЕ. КОГДА.

А.М. Белов, И.М. Пушкарёва

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ В КОСТРОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

20–21 сентября 2007 г. в Костромском государственном университете состоялась международная научная конференция «Проблемы методологии, историографии, источниковедения истории предпринимателей и рабочих России в XX в.» В четвертый раз за последние восемь лет историки России, стран СНГ, Прибалтики обсуждают проблемы одного из звеньев общественно-политического процесса – отношения власти, предпринимателей и рабочих России. В конференции приняли участие ученые Москвы, Санкт-Петербурга, Риги (Латвия), Барнаула, Владимира, Н.-Новгорода, Иванова, Костромы, Пензы, Ярославля и др. городов. Заслушано 17 докладов и 20 сообщений, связанных с материалами сборника статей, изданного к началу конференции¹.

Пленарное заседание открыл ректор Костромского государственного университета проф. Н.М. Рассадин. Председатель оргкомитета конференции д-р истор. наук А.М. Белов отметил, что проблема, вынесенная в ее заголовок, является одной из определяющих развитие исторической науки в XXI в. Обратившись к проблемам методологии, историографии и источниковедения возможно понять, что можно принять из прошлого российской науки и от какого наследства следует отказаться. При этом стоит обратить особое внимание на источниковедение, способное провести проверку прошлой литературы на объективное изложение событий.

Обсуждены были темы и проблемы истории России второй половины XIX – начала XX в., а также – советского периода, в основном 1920–1930-е гг. В центре обсуждения первой группы оказалось завершение издания нового массового источника «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 гг. Хроника». Доклад д-ра истор. наук И.М. Пушкарёвой (Москва, ИРИ РАН) был посвящен информационным ресурсам этого источника. На конференции впервые представлены наиболее полные итоги стачечного движения в России с 1895 по 1904 гг. в целом и по губерниям со значительно превосходящими сведениями

в «Хронике...» по сравнению с фабричной инспекцией. Это позволяет говорить об огромной социальной энергии, накопленной в пролетариате накануне 1905 г. Благодаря «Хронике...», каждая статья которой проделала путь от исторического факта к источниковедческому на основе критики и обработки по определенной программе первичных источников, могут быть в новом свете представлены главные субъекты российской истории начала XX в. – рабочие, предприниматели, государство. «Хроника...» дает возможность провести рассмотрение рабочего движения и «глобальных» макро-объемах, и приблизиться к повседневности прошлого, «оживляя» социальные процессы, сопрягая показатели движения – высветить существенные его компоненты, деятельность в нем партийных и рабочих организаций.

Анализируя природу трудовых конфликтов на материалах «Хроники...», д-р истор. наук Л.И. Бородин (Москва, Истфак МГУ им. Ломоносова) поднял проблему предсказуемости стачечного движения с применением математических методов. Путем микро-анализа событий он сформировал модель внутренней динамики стачек, основанную на представлениях о рабочей среде как системе регулируемой определенными «коллективными переменными». Они позволяют определить скрытые элементы процесса, с включением методов социологии, психологии и других наук, выявить причинно-следственных связи в развитии рабочего и массового движения. Продолжив тему в связи с применением математических методов для обработки количественных показателей материалов «Хроники...», верификации гипотез, связанных с историей трудовых конфликтов, канд. истор. наук И.В. Шильникова (Москва, РГГУ) и М.А. Дорефенюк (Москва, Истфак МГУ им. Ломоносова) осветили принцип создания Базы данных трудовых конфликтов, собранных в источнике. Механизму «раскручивания» конфликтов на Ярославской большой мануфактуре между фабричной администрацией,

с одной стороны, и рабочими, с другой, И.В. Шильникова посвятила собственный доклад. Она показала возможности расширения круга источников для исследования рабочей истории, например, за счет фабричных объявлений и других распоряжений администраций предприятий.

Тема возникновения трудовых конфликтов в промышленности и реакции на них правящих верхов прозвучала при обращениях исследователей к истории фабричной инспекции в России: канд. истор. наук А.Ю. Володина (Москва, Ист-фак МГУ им. Ломоносова), канд. истор. наук Т.В. Беловой (Кострома, Гос. технол. ин-т), канд. истор. наук С.Р. Глазунова (Владимир, Гос. пед. ун-т). Была выдвинута проблема использования материалов фабричной инспекции как источника для изучения и трудовых конфликтов, и механизма реализации трудового законодательства. Отмечались причины ограниченных возможностей этого органа управления процессами, связанными с взаимоотношением между трудом и капиталом. Д-р истор. наук В.М. Марасанова (Ярославль, Гос. ун-т) рассказала о значении для решения этих проблемных вопросов слабо изученных обширных и трудоемких фондов местных губернских учреждений. Канд. истор. наук С.М. Санькова (Орел, Гос. технол. ун-т) обратилась к оценке забастовок правым публицистом А.С. Суворинным. Для него, как и для многих представителей в обществе из этого среднего класса, забастовки были «досадным проявлением нестабильности». О зарождении идеи «зубатовских» рабочих организаций, идущей в конце XIX в. к эск-председателю Комитета министров Н.Х. Бунге, рассказал д-р истор. наук В.Л. Степанов (Москва, ИРИ РАН), затронув проблему слабо изученную в историографии.

Внимание участников конференции привлек доклад д-р истор. наук, проф. Я.П. Берзиньша (Рига, Институт истории Латвии) о причинах необходимости дополнения и пересмотра источниковой базы исследований. Внимание историков Латвии сосредоточено на разработке и научной оценке источниковой базы истории начала XX в. и экономическом положении промышленных рабочих Латвии в 1900–1914 гг. Пересматриваются архивные фонды, в том числе материалы фабричных инспекций Лифляндской губ. значительно пострадавшие в связи с войной в 1914 г. и эвакуацией промышленности Латвии во время войны 1941–1945 гг. Благодаря «родственным» ис-

точникам удалось реконструировать отдельные показатели прошлой жизни рабочих в начале XX в., уточнить данные о их численности и реальной заработной плате, продолжительности рабочего дня и количестве рабочих дней в годовом цикле и др., особое внимание уделяется сейчас национальному составу рабочих.

В докладе д-ра истор. наук Н.А. Ивановой (Москва, ИРИ РАН) была поднята проблема формирования классов предпринимателей и рабочих в условиях сословного общества Российской империи. В советской историографии сословный строй второй половины XIX в. и особенно начала XX в. специально не исследовался, а процессы классообразования на капиталистической основе преувеличивались. Существенной спецификой России этого времени было наложение сословных и классовых структур, характерное для общества переходного типа – от аграрного к индустриальному. Эти процессы просматриваются в численном соотношении классов и особенностях внутриклассовых групп и слоев, незавершенности процессов формирования классов до 1917 г., преобладания в социальной структуре маргинальных слоев населения. Представив анализ историографических проблем истории предпринимателей и рабочих на рубеже XIX–XX вв. в современном сибиреведении д-р истор. наук В.А. Скубневский (Барнаул, Алтайский ГУ) также отметил возросшее внимание к сословиям при уменьшении его к процессам классообразования. Сейчас заметным становится и влияние антропологического взгляда на историю, когда в центре внимания оказывается человек, а не «закономерности» и «процессы», но был бы ошибочным полный отказ от формационного подхода и достижений историографии советского времени. Сословия не случайно оказывались под пристальным вниманием со стороны государства, отметила канд. истор. наук Саблина (Ярославль, Гос. ун-т). На примере ярославских торговцев-откупщиков первой половины XIX в. очевидно, что за их доходами пристально следило Министерство финансов. Обсуждение темы было дополнено сообщением об эволюции мещанского сословия в уездных городах Костромской губ. во второй половине XIX в. аспирантом С.А. Шепиловым (Кострома, Гос. ун-т).

На конференции дискутировалась проблема о различных мотивах поведения человека в массовых выступлениях в периоды повышенного

социального напряжения, формирования его симпатий или антипатий к политическим партиям. Это было показано на примере избирательных кампаний в Государственную думу в докладе д-ра истор. наук А.М. Белова (Кострома, Гос. ун-т), обратившего внимание на широкий спектр мнений и настроений рабочих ЦПР в начале 1906 г., что не учитывалось в советской историографии. В подтверждении этому в сообщении аспиранта К.С. Рубанкова (Кострома, Гос. ун-т) было показано как и почему монархические организации не смогли использовать массового прихода под их знамена костромских рабочих. Источниковедческий материал для осмысления проблем культурного уровня рабочего представили сообщения кандидаты культурологи Д.С. Иванцова и канд. истор. наук Е.А. Чугунова (департамент культуры и туризм администрации Костромской области). Указав, что социальная антропология является, в том числе «инструментом» познания способов организации пространства, канд. истор. наук Е.А. Беседина (С.-Петербург, Политехнический ун-т) подчеркнула зависимость успеха деятельности политических сил от их результатов отовоевания определенных территорий для пропаганды и агитации – от помещений кружков до улиц с шествиями и демонстрациями, после чего политические силы приобретали легитимность, становясь особенно в годы революции частью городской повседневной жизни.

В центре внимания конференции оказалась политическая активность представителей социальных групп и классов в различные периоды истории с начала XX в. до 1917 г. В докладе канд. истор. наук А.Н. Баранова (Кострома, Гос. ун-т) исходившего из проблем многопартийности в России, была выдвинута политическая модернизация в программных установках российских либералов. Участие в споре ученых в отношении того, как принимался вопрос о сокращении рабочего дня до 8 часов среди кадетов и либералов из числа предпринимателей принял канд. истор. наук Ф.А. Селезнев (Нижегородский гос. ун-т) Он возразил тем, кто считал, что кадеты всегда препятствовали воплощению в жизнь его решению, в том числе в 1917 г. Аспирант Р.Ю. Мальцев (Кострома, Гос. ун-т) дополнил проблему о политических тенденциях в ходе революции в среде предпринимателей, направленных на создание своей партии в период выборов в Государственные думы.

В связи с революцией 1905–1907 гг. политическая активность в обществе была рассмотрена в докладе д-ра истор. наук Ю.Ю. Иерусалимского (Ярославль, Гос. ун-т), подчеркнувшего большую роль меньшевиков в рождении в России профсоюзов и профсоюзной прессы, что ранее представлялось в литературе как подмена меньшевиками революционной борьбы. Доклад д-ра истор. наук В.Л. Миловидова (Кострома, Гос. ун-т) сопоставил различную степень активности политических партий в России в связи с появлением Манифеста 17 октября 1905 г. В докладе д-ра истор. наук А.В. Репникова (Москва, РГАСПИ) в новом ракурсе показано отношение русских консерваторов к модернизации российского общества. Доводы докладчика заключались в том, что прогресс не был отвергаем консерваторами, они лишь требовали других методов его осуществления, считали, что никакие технические достижения и рост материального благосостояния не могут оправдать нравственных потерь общества.

Превращение людей из свидетелей в политически активных участников конфликтов определено не столько общественно-политическими убеждениями, сколько получением зачастую быстро меняющейся информации, отметил канд. истор. наук А.В. Новиков (Кострома, Гос. ун-т) Это в годы революции учились использовать противостоящие стороны, распространяя иногда искаженную, фальсифицированную информацию. У губернаторов обычно вообще не было четко выраженной позиции в отношении забастовок и они ориентировались на информацию должностных лиц.

Вторая группа докладов открывалась выступлением д-р истор. наук Н.Р. Коровина (Иваново, Гос. ун-т), который остановился на вопросах российской историографии рабочего класса в 1930-е гг. и бездумном отвержении того, что было сделано советскими историками. Существуют тысячи оригинальных работ, освещавших достижения экономики СССР. Нельзя отбросить направления, которые сформировали В.З. Дробижев, Н.А. Иванович, Ю.А. Мошков и другие видные историки. К анализу трудов следует подходить только с источниковедческим мерками, не отказываясь от того что составляет фундамент отечественной науки. Против очернения прошлого с помощью «наемной армии публицистов и литераторов» выступил д-р истор. наук В.Р. Веселов (Кострома, Гос. ун-т) в докладе о проблемах типологии рос-

сийской государственности. Живительные силы российской государственности, по его мнению, связаны с провинцией, как в прошлом, так и в будущем.

Новые данные о забастовках рабочих в Среднем Поволжье в 1920-е гг. привел канд. истор. наук И.Н. Камардин (Кузнецк, Филиал Пензенского гос. тех. ун-та). Их причиной было тяжелое экономическое положение рабочих, при том, что официально забастовки объявлялись «происками меньшевиков и эсеров». Тему власть и общество в ракурсе рабочей политики в годы Советской власти продолжил доклады канд. истор. наук Н.В. Миловиной (Кострома, Гос. ун-т), указавшей на материалах ГПУ-ОГПУ, что причины забастовок на предприятиях Верхнего Поволжья таились в плохом продовольственном снабжении, неурожае 1921 г. Предпринятые же властями меры были больше репрессивного характера. О причинах тяжелого положения рабочих в Ивановской промышленной области в 1920–1930-е гг. где переплетались факторы – социально-экономические, политические и миграционные, а также репрессивные меры в связи с глухим недовольством налоговой политики, говорилось канд. истор. наук В.С. Околотиным (Иваново, Гос. ун-т) и аспиранткой М.В. Околотиной (Иваново, Филиал Международного ин-та управления). Реконструируя будничную жизнь фабрики, д-р истор. наук С.Б. Ульянова (С.-Петербург, Политехн. ун-т) ответила на ряд вопросов: выполняли ли собрания на предприятиях роль канала обратной связи между начальством и рабочими, было ли участие в них рабочих реальной возможностью повлиять на ситуацию на фабрике и др., приведя примеры несоответствия между политической фразеологией и жизнью рабочих в 1920-е гг. На примере записной книжки рабочего ковровской фабрики канд. истор. наук О.А. Монахова показала, как этот источник дополняет социально-психологический портрет молодого рабочего провинциального промышленного города, иллюстрирует восприятие им революции 1917 г. К автобиографиям и воспоминаниям рабочих-коммунистов Сибири в 1920-е гг. привлек внимание В.Н. Фаронов (Барнаул, Алтайский гос. ун-т), указав на их черты: трудолюбие, бережливость, трезвость и др. Ответить на вопрос, почему рабочее движение на рубеже 1880–1890-х гг. оказалось малозначимым политически фактором попытался дать канд. истор. наук А.А. Фоменков (Нижний Новгород, Гос. ун-т).

Ряд сообщений лишь опосредованно могли быть отнесены к теме конференции. Тем не менее ее участники с интересом выслушали выступления о разработки новых тем. На новых источниках была представлена история профессионального образования в Угличском уезде Ярославской освещена канд. истор. наук С.Ю. Иерусалимской (Ярославль, Гос. ун-т); история предприятий черной металлургии в Нижегородско-Владимирском регионе канд. истор. наук Н.В. Мохноновой (Выкса, Филиал Нижегородского политехнического ун-та), о исследовании Русской православной церкви XIX–XX вв. – канд. истор. наук А.А. Соловьева (Костромской техн. ун-т). Участники конференции познакомились также с работами аспирантов Костромского гос. ун-та – Н.И. Захаровой, А.А. Рыбкина, Г.Н. Четверухина; Ярославского гос. ун-та – Е.Н. Залевской, учебных заведений Нижегородской обл. – А.Г. Киселева, С.В. Завьяловой.

В ходе конференции говорилось, что историческая наука не свободна от методологических рефлексий. Она, как и обществоведение, почти два десятилетия ощущает методологический вакуум, одним из проявлений которого стала недооценка источниковедческого факта как важного элемента научного исследования, но он единственный может в любых условиях выдержать проверку «на прочность» независимо от того, кому он «служит» и кем используется. В современной историографии рабочего движения заметно преобладание фактографического подхода, Повествовательно-иллюстративные приемы в истории не противопоставлены, но они не могут служить фундаментом для концепции, дать объективную оценку фактам и событиям, выйти на теоретический анализ и обобщения. Отмечалась стимулирующая роль научных конференций, благодаря которым увеличивается число молодых историков-исследователей. Выдвигались предложения продолжить работу над Хроникой рабочего движения после 1917 г.

Примечание

¹ Проблемы методологии, историографии, источниковедения истории предпринимателей и рабочих России в XX веке: Материалы IV Международной научной конференции. Кострома, 20–21 сентября 2007 года. – Кострома, 2007. – Ч. I. – 256 с.; Ч. II. – 216 с.

А.И. Захаров, Т.В. Луданова

IX ОТКРЫТЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ МУЗЫКАЛЬНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ ВУЗОВ РОССИИ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)

По решению Министерства образования и науки Российской Федерации с 15 по 18 апреля 2008 г. на базе музыкально-педагогического факультета КГУ им. Н.А. Некрасова прошел IX Открытый фестиваль преподавателей и студентов музыкальных факультетов вузов России (с международным участием).

В фестивале приняли участие 230 человек из 36 вузов России и ближнего зарубежья, география которых представлена следующими городами: Архангельск, Белгород, Великий Новгород, Волгоград, Вологда, Воронеж, Глазов, Екатеринбург, Елец, Иркутск, Казань, Кострома, Курск, Минск, Москва, Мурманск, Омск, Пенза, Пермь, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Ставрополь, Старооскольск, Сыктывкар, Тамбов, Тула, Тюмень, Уфа, Ханты-Мансийск, Чебоксары, Череповец, Чита, Ярославль. Впервые в фестивале приняли участие студенты факультета искусств МГУ им. М.В. Ломоносова, среди которых гражданка Японии.

15 апреля в концертном зале музыкально-педагогического факультета состоялась торжественная церемония открытия фестиваля, на которой выступили Н.М. Рассадин – ректор КГУ им. Н.А. Некрасова, В.П. Ижицкий – зам. председателя Костромской Областной Думы, О.Н. Овчинников – секретарь Костромского Епархиального Управления, Заслуженный деятель искусств РФ, А.И. Захаров – декан музыкально-педагогического факультета КГУ им. Н.А. Некрасова, Б.А. Печерский – председатель жюри исполнительских конкурсов. В церемонии открытия фестиваля приняли участие смешанный хор музыкально-педагогического факультета КГУ им. Н.А. Некрасова (рук. проф. В.А. Шурыгин), фольклорный ансамбль «Венец» (рук. А.А. Дружинин), вокальный ансамбль «АРТ» МОУ «Гимназия №15» г. Костромы (рук. Н. Кузнецова).

15 апреля в рамках фестиваля начала свою работу Международная научно-практическая конференция «Художественное образование личности в контексте освоения музыкального и изобразительного искусства: научный и творческий потенциал», в которой приняли участие преподаватели и студенты.

В музее художественно-графического факультета открылась выставка творческих работ студентов-художников КГУ им. Н.А. Некрасова. 16 апреля состоялась презентация книги канд. пед. наук, доцента КГУ им. Н.А. Некрасова О.В. Лебедевой «Преподавание искусства в школе: из опыта работы учителя музыки и МХК». Вечером, в концертном зале Областной филармонии состоялся концерт мастеров искусств с участием членов жюри, ведущих исполнителей и коллективов г. Костромы и городов-участников фестиваля.

16 и 17 апреля в различных концертных залах Костромы проходили конкурсные прослушивания преподавателей и студентов по восьми номинациям: «Фортепиано», «Фортепианный ансамбль», «Учитель-ученик», «Академический вокал», «Эстрадный вокал», «Народное пение», «Народные инструменты», свободная номинация (ансамбли).

16 апреля, впервые в истории фестиваля, был отслужен Благодарственный Молебен перед Всероссийской святыней, Чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери в Богоявленско-Анастасином Соборе г. Костромы. В этот же день состоялась Хоровая ассамблея, 17 апреля – концерт-презентация сборника В.М. Смирнова «Песни и романсы на стихи поэтов России» с участием Е. Носкова, Е. Голубевой, А. Часовниковой, сольный концерт В.С. Федотова – Заслуженного артиста России, народного артиста Татарстана, профессора ТГГПУ (г. Казань). Вечером были подведены итоги исполнительских конкурсов фестиваля.

18 апреля состоялись мастер-классы членов жюри фестиваля, презентации: книги профессора Б.А. Печерского, сборника научно-методических статей «Рубеж – 2», творческой работы А. Шнитке «Пушкин-сюита» (Т.Г. Старченко, Ю.И. Крючков). По итогам фестиваля был проведен Круглый стол. Вечером в концертном зале Областной филармонии состоялась торжественная церемония закрытия фестиваля и концерт лауреатов.

В работе жюри фестиваля приняли участие авторитетные педагоги-музыканты из ведущих вузов России:

Номинация «Академический вокал»: Б.Д. Критский – председатель жюри номинации, Заслуженный работник культуры РФ, доктор педагогических наук, профессор, МПГУ; М.Г. Амелина – профессор Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки; С.И. Бержинская – доцент Нижегородской гос. консерватории им. М.И. Глинки; А.М. Яровой – Заслуженный артист РФ, профессор КГУ им. Н.А. Некрасова; Н.Ю. Погорелова – Заслуженный работник культуры РФ, доцент КГУ им. Н.А. Некрасова.

Номинация «Народное пение» и «Эстрадный вокал»: А.И. Захаров – председатель жюри номинации, Заслуженный работник культуры РФ, декан музыкально-педагогического факультета, профессор КГУ им. Н.А. Некрасова; А.А. Дружинин – доцент КГУ им. Н.А. Некрасова; Е.В. Санжаревская – директор Государственной филармонии Костромской области.

Номинации «Фортепиано», «Фортепианный ансамбль», «Учитель и ученик»: Б.А. Печерский – председатель жюри фестиваля и номинации, Заслуженный деятель искусств РФ, профессор МГОПУ, композитор, лауреат международных конкурсов; В.С. Колесников – Лауреат Международного конкурса, профессор Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки; Т.Г. Старченко – Дипломант Международного конкурса, Художественный руководитель и солист Белорусской государственной филармонии; Ю.И. Крючков – Заслуженный работник культуры РФ, профессор КГУ им. Н.А. Некрасова.

Номинация «Народные инструменты», «Свободная номинация»: В.С. Федотов – председатель жюри номинации, Заслуженный артист РФ, народный артист республики Татарстан, профессор ТГПУ; В.И. Сорожкин – Заслуженный деятель искусств РФ, дирижер Костромского государственного оркестра народных инструментов; В.И. Павлов – Заслуженный работник высшей школы, доцент КГУ им. Н.А. Некрасова; В.А. Родин – профессор МПГУ, Э.Г. Клейн – доцент КГУ им. Н.А. Некрасова, дирижер Духового оркестра Военной академии РХБ защиты им. маршала Тимошенко.

Лауреатами фестиваля в номинациях стали:

«Фортепиано»: преподаватели – О.Р. Мошкарлова (Пермь, 1 степень), И.М. Апалинская (Минск, 2 степень), А.В. Ушич (Ханты-Мансийск, 3 степень); студенты – О.А. Данишина (Санкт-Петербург, 1 степень), А.С. Тумбаева (Санкт-Пе-

тербург, 2 степень), О.А. Никонова (Вологда, 3 степень).

«Фортепианный ансамбль»: преподаватели – Л.Д. Кокшарова и Н.В. Печерская (Пермь, 2 степень), В.А. Винярская и С.В. Савина (Минск, 3 степень); студенты – Е.В. Слободчикова и К.В. Шадт (Санкт-Петербург, 1 степень), А. Подгорнова и Е. Волкова (Кострома, 2 степень), Е.Л. Хамицкая и Е.В. Якубович (Минск, 3 степень).

«Учитель – ученик»: М.Л. Жулябина, Е.В. Жулябина, Т.М. Павловская (Кострома, 1 степень), Н.В. Печерская и Ж.А. Рыкалова (Пермь, 2 степень), Т.Н. Лихачева и А.С. Авраменко (Кострома, 3 степень).

«Народные инструменты»: преподаватели – А.Г. Возяков (Чебоксары, 1 степень); студенты – И.А. Горбулич (Москва, 1 степень), Н.И. Мусин (Казань, 2 степень), Д.В. Брацлавский (Елец, 3 степень).

Свободная номинация: преподаватели – Я.В. Морева и Е.П. Лукьянова (Екатеринбург, 2 степень); студенты – М.И. Коломыцев (Москва, 1 степень), ансамбль «Kraft» – Д.В. Людаев и К.В. Людаев (Елец, 1 степень), дуэт А.И. Ушакова и Н.А. Аулова (Екатеринбург, 2 степень), ансамбль «Leggiero» – И.А. Горбулич и С.И. Кудимова (Москва, 2 степень), И.А. Перов (Кострома, 3 степень), А.А. Осипов (Екатеринбург, 3 степень).

«Академический вокал»: преподаватели – И.В. Горлова (Кострома, 1 степень), В.Д. Андриевская (Белгород, 2 степень), М.В. Алексеева (3 степень); студенты – А.А. Фокина (Москва, 1 степень, спец. диплом), О.А. Скрипниченко (Санкт-Петербург, 1 степень), А.Ю. Кошелев (Вологда, 2 степень), И.В. Новикова-Айронс (Москва, 2 степень), И.В. Иванова (Тюмень, 3 степень), А.С. Савенков (Казань, 3 степень), А. Цымлякова (Кострома, 3 степень).

«Народное пение»: студенты – А.Е. Шатрова (Кострома, 1 степень), Ц.Б. Цыренова (Чита, 2 степень).

«Эстрадное пение»: студенты – вокальная группа «Экспромт» (Кострома, 1 степень), М.И. Берговская (Кострома, 2 степень), А.В. Загороднев (Кострома, 3 степень).

Ректорам вузов и преподавателям, подготовившим студентов к исполнительским конкурсам, были направлены Благодарственные письма от оргкомитета фестиваля. Участники фестиваля получили дипломы и грамоты.

Фестиваль проходил при спонсорской и информационной поддержке ряда организаций:

ОАО «Костромской ювелирный завод» (В.В. Соколин), Костромское рекламное агентство ART LIFE (Н.Г. Бабенко), ООО Филиал «РГС-Центр» Управления по Костромской области (Д.Б. Лебедев, Н.В. Гудина), газета «Костромские Ведомос-

ти» (И.А. Варламов, Е. Смирнова), ООО телекомпания «КИТ-инфо» (В.В. Бухвиц), ГТРК «Кострома» (Л.Л. Котилова, А.Т. Шароватова), Областное радио (С.М. Простов).

И.Ю. Третьякова

**КОНФЕРЕНЦИЯ «ФРАЗЕОЛОГИЗМ И СЛОВО
В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ
(ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)»,
ПОСВЯЩЁННАЯ ЮБИЛЕЮ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА АЛИНЫ МИХАЙЛОВНЫ МЕЛЕРОВИЧ**

20–22 марта 2008 года на филологическом факультете Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова была проведена Международная научно-практическая конференция «Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты)», посвящённая юбилею доктора филологических наук, профессора Алины Михайловны Мелерович. Соучредителями конференции выступили также Фразеологическая комиссия Международного комитета славистов; Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН; Администрация Костромской области; Российско-германский центр культурно-образовательных связей и программ КГУ имени Н.А. Некрасова. В конференции приняли участие более ста пятидесяти учёных из России, Украины, Польши, Сербии, Черногории, Чехии, Германии, Испании; активно участвовали представители ведущих лингвистических школ России из Астрахани, Белгорода, Великого Новгорода, Владимира, Волгограда, Воронежа, Екатеринбурга, Ельца, Иванова, Казани, Кургана, Магнитогорска, Москвы, Нижнего Новгорода, Орёла, Пензы, Перми, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Смоленска, Тулы, Челябинска, Ярославля.

Цель проведения конференции была обусловлена актуальностью исследований в области фразеологии и лексики как важнейших языковых маркеров национально-культурного сознания; обобщением опыта практического использования научных результатов в сфере лингвистики, культурологи и филологического образования на международном, общенациональном и региональном уровнях; определением перспектив дальнейшего исследования систем языковых маркеров на-

ционально-культурного сознания, научно-профессионального сотрудничества в области межкультурного взаимодействия.

С приветственным словом на пленарном заседании выступил ректор Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова профессор Н.М. Рассадин. В своём выступлении он отметил, что русский язык является одним из главных культурных достояний нашей страны; в нём запечатлена национальная картина мира, в его истории отражается история нашей культуры; налицо и всё возрастающий интерес к русскому языку со стороны различных государственных и общеобразовательных институтов, в условиях глобализации – и со стороны ведущих мировых держав. Ряд докладов был посвящён актуальным проблемам в области фразеологии; в докладе доктора филологических наук профессора В.М. Мокиенко освещалась значимость научных трудов в современной лингвистике замечательного учёного-фразеолога юбиляра Алины Михайловны Мелерович.

Секционная работа научного собрания проходила по следующим направлениям: национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации; семантическая структура слово и фразеологизма в синхронии и диахронии; внутренняя форма фразеологизма и слова как маркер национально-культурного сознания; фразеологизм и слово в художественной речи; проблемы жаргонологии; диалектная лексика и фразеология; лексикография и фразеография; семантические и прагматические аспекты изучения единиц языковой номинации.

На секции «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой

номинации» обсуждались вопросы культурно-этимологической интерпретации фразеологизмов (Л.Н. Ваулина, г. Кострома; Е.М. Маркова, г. Москва; А.В. Поляков, г. Орёл и др.), фразеологизмы как маркеры национально-культурного сознания (Т.А. Таганова, г. Иваново; Т.В. Тернопол, г. Ярославль и др.).

Доклады секции «Семантическая структура слово и фразеологизма в синхронии и диахронии» были посвящены освещению вопросов семантики слов и фразеологизмов, функционирующих в текстах (речи) различных исторических эпох, стилей и жанров (В.Л. Васильев, г. Великий Новгород; Р.М. Козлова, г. Москва; М.В. Пименова, г. Владимир; Е.И. Селиверстова, г. Санкт-Петербург и др.).

Большой интерес вызвали доклады секции «Фразеологизм и слово в художественной речи», в которых были представлены исследования языковых единиц, функционирующих в художественных произведениях известных русских и зарубежных писателей: И. Бунина, Н. Златовратского, Б. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Некрасова, А. Брукнер и др.

В секции «Диалектная лексика и фразеология» активно обсуждались проблемы региональной лексики и фразеологии, были освещены вопро-

сы описания лексики русских говоров в идеографическом словаре (О.И. Жмурко, г. Иваново), специфики лексических единиц в орловских говорах (Ж.А. Зубова, г. Орёл), особенностей названий типов поселений в Костромской области (Е.В. Цветкова, г. Кострома), диалектной лексики в русских народных частушках (И.В. Лебедева, г. Кострома) и др.

Особенно актуально прозвучали выступления участников секции «Лексикография и фразеология»: в докладах отмечались успехи и сложности в работе при создании различных лингвистических словарей: авторских новообразований, библеизмов, отдельных писателей, двуязычных фразеологических словарей, словарей пословиц и поговорок и др.

Проведение конференции позволило осветить проблемы и перспективы развития фразеологии и лексикологии в когнитивном, лингвокультурологическом аспектах, представленные в научных докладах результаты исследований подтвердили значимость фразеологизма и слова как важнейших языковых единиц национально-культурного дискурса.

По результатам конференции московским издательством «ЭЛПИС» (руководитель проекта, координатор издания А.А. Шумейко) был выпущен сборник научных материалов конференции.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

СЕМЬЯ ДЛЯ РЕБЕНКА (профилактика семейного неблагополучия: опыт, проблемы, перспективы): материалы межрегиональной научно-практической конференции, Кострома, 1–2 марта 2007 года / Ред. совет: В.И. Виноградов, А.А. Анохин, А.И. Иванова, Н.М. Рассадин, К.Л. Талашов; сост. А.Г. Кирпичник, С.А. Фоминых; научный ред. А.Г. Кирпичник. – Кострома: Эксперт-ЕГЭ, 2007. – 132 с. – ISBN 5-98960-010-0.

В сборнике представлены доклады, выступления и материалы межрегиональной научно-практической конференции «Семья для ребенка (профилактика семейного неблагополучия: опыт, проблемы, перспективы)», проведенной по инициативе администрации Костромской области с участием федеральных органов государственной власти, исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации Центрального Федерального округа. Обсуждаются проблемы и практический опыт формирования региональной системы профилактики семейного неблагополучия и развития семейно-замещающих форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Для работников органов государственного и муниципального управления, специалистов служб и организаций, участвующих в решении проблем профилактики семейного неблагополучия и устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, научных работников.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКАЕВ Олег Павлович, д-р хим. наук, проф., зав. каф. химии КГУ им. Н.А. Некрасова.

АКАЕВА Татьяна Карпова, канд. хим. наук, доц. каф. химии КГУ им. Н.А. Некрасова.

АЛЕКСЕЕВА Марина Андреевна, канд. пед. наук, проф., декан художественно-графического факультета КГУ им. Н.А. Некрасова.

АНОХИНА Светлана Петровна, д-р филол. наук, проф., зав. каф. русских и иностранных языков Тольяттинского гос. ун-та сервиса.

АРСЕНЬЕВ Иван Константинович, соискатель каф. эстетики Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова.

АРТЕМЕНКО Вера Григорьевна, канд. хим. наук, доц. каф. химии КГУ им. Н.А. Некрасова.

БАЗАРОВА Татьяна Ивановна, соискатель каф. методики преподавания немецкого языка Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. М.Н. Добролюбова.

БАЛАШОВА Ирина Владимировна, соискатель каф. педагогики Вологодского гос. пед. ун-та.

БАРАНОВА Юлия Александровна, аспирант Вологодского гос. пед. ун-та.

БАСОВА Наталья Викторовна, аспирант каф. русской литературы Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

БЕЛОВ Андрей Михайлович, д-р истор. наук, проф. каф. истории России КГУ им. Н.А. Некрасова.

БЛЕЙХ Надежда Оскаровна, канд. пед. наук, доц. каф. психологии Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова.

БОЧКОВА Лилия Мансуровна, канд. пед. наук, доц. каф. теоретических основ физического воспитания КГУ им. Н.А. Некрасова.

БРЕЖНЕВА Светлана Николаевна, д-р истор. наук, доцент, зав. каф. отечественной истории и права Тольяттинского гос. ун-та сервиса.

БУШУЕВА М.А., Ивановская гос. текстильная академия.

ВОРОНИНА Елена Николаевна, ст. преподаватель каф. мировой экономики Череповецкого гос. ун-та.

ГНАТЮК Екатерина Викторовна, аспирант каф. иностранных языков №1 Амурского гос. ун-та (г. Благовещенск).

ГОРДИЕНКО Татьяна Николаевна, ст. преподаватель каф. иностранных языков Мичуринского гос. аграрного ун-та.

ГУДАЧЕНКО Наталья Викторовна, аспирант каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

ДОБЕРШТЕЙН Виктория Юрьевна, аспирант каф. теории и истории культур КГУ им. Н.А. Некрасова.

ДУБОВИКОВ Александр Маратович, д-р истор. наук, доц., проф. каф. отечественной истории и права Тольяттинского гос. ун-та сервиса.

ЗАХАРОВ Андрей Иванович, Заслуженный работник культуры РФ, декан музыкально-педагогического факультета, профессор КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЗВОНАРЁВА Ольга Викторовна, аспирант каф. управления образованием Южного Федерального университета.

ЗОЛИНОВА Елена Вадимовна, ст. преподаватель каф. английского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

ИВАНОВА Ксения Валерьевна, аспирант каф. логики Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова.

ИВАНОВА Наталья Михайловна, соискатель каф. русского языка Тверского гос. ун-та.

КАЛИНИНА Светлана Олеговна, аспирант каф. государственно-конфессиональных отношений Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва).

КАСТОРСКАЯ Татьяна Михайловна, ст. преподаватель каф. ТиМП ИЗО КГУ им. Н.А. Некрасова, искусствовед, член СХ России.

КИРИЛЛОВА Ирина Викторовна, аспирант каф. педагогики Челябинского гос. пед. ун-та.

КОВАЛЁВА Елена Вячеславовна, соискатель каф. русской литературы XX–XXI вв. Тверского гос. ун-та.

КОЗЫРЕВ Сергей Борисович, канд. физ.-мат. наук, доцент, зав. каф. математического анализа КГУ им. Н.А. Некрасова.

КОЛЕСНИКОВА Ирина Александровна, аспирант каф. теории и истории педагогики КГУ им. Н.А. Некрасова.

КОЛОДКИНА Ольга Олеговна, соискатель каф. психологии Волго-Вятской академии государственной службы.

КОЛТЫШЕВА Елена Юрьевна, аспирант каф. английского языка Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

КОНКИНА Татьяна Юрьевна, аспирант каф. педагогики Карельского гос. пед. ун-та.

КОПНИНА Ольга Олеговна, аспирант каф. социологии и социальной работы Северо-Кавказского гос. технич. ун-та.

КОРОЛЁВА Елена Александровна, аспирант каф. теории и истории культур КГУ им. Н.А. Некрасова.

КУСТОВА Любовь Сергеевна, аспирант каф. русского языка, ассистент каф. английского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

КУЦЕВИЧ Юлия Александровна, аспирант каф. английского языка Смоленского гос. ун-та.

ЛУДАНОВА Татьяна Владимировна, канд. пед. наук, доц. каф. истории и теории музыки КГУ им. Н.А. Некрасова.

МАСЮК Н.Н., д-р экон. наук, проф. Ивановская гос. текстильная академия.

МЕЖИБО Татьяна Геннадиевна, соискатель каф. теоретической и прикладной коммуникативистики юридического факультета РГЭУ «РИНХ».

МЕЛЕХОВА Виктория Евгеньевна, к.п.н., доц. каф. социального менеджмента Санкт-Петербургского гос. ун-та сервиса и экономики.

МИЛОВАНОВ Михаил Александрович, канд. пед. наук, профессор КГУ им. Н.А. Некрасова.

МИНГАЗОВА Резиля Абузаровна, ст. преподаватель каф. татарской литературы Елабужского гос. пед. ун-та, соискатель Казанского гос. ун-та.

МИСАН Лариса Николаевна, аспирант каф. социальной и семейной педагогики РГСУ (г. Москва).

МОНОГАРОВА Ирина Ивановна, к.п.н., доц. каф. социального менеджмента Санкт-Петербургского гос. ун-та сервиса и экономики.

МОСЕЦОВА Карина Юрьевна, соискатель каф. русской литературы XX–XXI вв. Тверского гос. ун-та.

МУРТАЗИН Игорь Анатольевич, ст. преподаватель каф. автоматики и микропроцессорной техники Коми гос. пед. ин-та.

НИКИТИНА Татьяна Львовна, соискатель сектора древнерусского искусства Государственного ин-та искусствознания.

НИКУЛИНА Тамара Егоровна, канд. филол. наук, доц. каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

ОЗЕРОВА Таисия Ивановна, канд. хим. наук, доц. каф. химии КГУ им. Н.А. Некрасова.

ОМЕЛЬЯНЕНКО Мария Валерьевна, соискатель каф. зарубежного искусства Санкт-Петербургского гос. академического ин-та живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина.

ПАВЛОВА Юлия Борисовна, соискатель каф. зарубежного искусства Санкт-Петербургского гос. академического ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина.

ПОЛЕТАЕВА Юлия Геннадьевна, соискатель каф. философии и культурологии Уральской академии государственной службы (г. Екатеринбург).

ПРОВОРОВ А.В., Ивановская гос. текстильная академия.

ПУШКАРЕВА Ирина Михайловна, д-р истор. наук, проф. ИРИ РАН.

САМОУКОВА Людмила Михайловна, аспирант каф. педагогики Смоленского гос. ун-та.

САМУСЕВА Галина Викторовна, аспирант каф. педагогики Воронежского гос. пед. ун-та.

СИРОТИНА Марина Валерьевна, канд. биол. наук, доц., докторант каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

СМИРНОВ Алексей Владимирович, канд. филол. наук, доц. межфакультетской кафедры иностранных языков Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина.

СОКОЛОВА Татьяна Леонидовна, аспирант каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

СОЛОВЬЕВА Александра Ивановна, студентка 5 курса факультета естествознания КГУ им. Н.А. Некрасова.

СТЕПИНА Татьяна Леонидовна, преподаватель каф. математики Академии ФСО России (г. Орёл).

СУЛТАНОВА Людмила Юрьевна, соискатель каф. турецкого языка Дагестанского гос. пед. ун-та.

ТИБОТКИНА Наталья Александровна, аспирант каф. русской литературы XX–XXI вв. Тверского гос. ун-та.

ТИХОМИРОВА Елена Леонидовна, аспирант каф. теории и истории культур КГУ им. Н.А. Некрасова.

ТРЕТЬЯКОВА Ирина Юрьевна, канд. филол. наук, доц. каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

ФАТЕЕВА Ирина Михайловна, доц. каф. архитектуры и изобразительных дисциплин Костромской сельскохозяйственной академии.

ФЕВРАЛЕВА Лилия Анатольевна, аспирант каф. философии и религиоведения Владимирского гос. ун-та.

ХАБАРОВА Мария Сергеевна, аспирант каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

ХАЙМУРЗИНА А.З., аспирант каф. стилистики английского языка Московского лингвистического ун-та.

ЧЕКМАРЁВ Василий Владимирович, д-р экон. наук, проф., зав. каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова

ЧЕКМАРЁВ Григорий Васильевич, аспирант.

ЧЕКМАРЁВА Людмила Григорьевна, начальник РИО УНИД КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЯКОВЛЕВА Анна Валентиновна, Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского.

ЯКУШЕВА Ольга Романовна, аспирант Института художественного образования РАО.

ЯМЧУК Анна Викторовна, канд. сельскохозяйств. наук, доц. каф. химии КГУ им. Н.А. Некрасова.

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ

Журнал «Вестник КГУ» публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Размер статей не должен превышать 10 страниц текста, включая библиографию и подписи под рисунками. Количество рисунков не должно превышать 6, в кратких сообщениях – 2.

Статьи, заказываемые редколлегией для обзора работ в одной из научных областей, могут иметь объем до 1 п.л.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в 1 экземпляре с дискетой (формат MS Word 7.0, рисунки в формате (*.bmp), (*.tif), (*.jpg), (*.psd), (*.psx)). Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующие требования: кегль 14 через 1,5 интервала; поля 25 мм со всех сторон.

Материал должен быть тщательно отредактирован.

2. Построение статьи:

2.1. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима).

2.2. Преамбула, объясняющая цель работы, актуальность проблемы.

2.3. Выводы.

2.4. Литературные ссылки.

3. Все страницы рукописи должны иметь сплошную нумерацию.

В тексте статьи необходимо дать ссылки на все рисунки и таблицы, которые, в свою очередь, должны быть озаглавлены.

Единицы измерения даются в соответствии с международной системой единиц (СИ).

Библиографический список помещается в конце статьи, авторы указываются в алфавитном порядке.

Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками.

Порядок оформления ссылок:

– Статья в журнале: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. От–до.

– Статья в сборнике трудов: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Город, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.)

– Монография или книга: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (или число страниц в книге __ с.).

– Авторские свидетельства и патенты: А. с. номер. Название.

– Автореферат: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __ с.

4. Сведения об авторе (фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, должность); адрес электронной почты; адрес обычной почты с индексом; контактные телефоны.

5. К материалам аспирантов должна прилагаться рекомендация научного руководителя.

6. Работы, опубликованные в других изданиях, не принимаются.

Статьи следует направлять по адресу:

156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14, Костромской государственный университет, корпус «В», кабинет 1.
vestnik@ksu.edu.ru

Не принятые к публикации статьи возвращаются.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 19.05.2008
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 28,0 л.
Тираж 1000 экз.
Изд. № 293.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 31-65-61**, факс: **(4942) 31-65-61**,
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная